

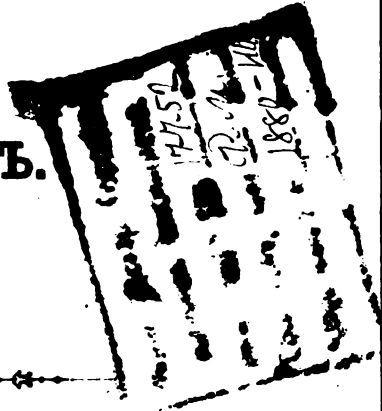
Литературный журнал

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.

1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Изящная словесность.	
I. Мессалина. Драма въ 5-ти дѣйств. <i>Пьетро Косса</i>	1
II. Великій расколъ. Истор. повѣсть <i>Д. Л. Мордовцева</i> . XXXV—XLIII. Окончаніе	67
III. Въ устьяхъ и въ морѣ. Сѣверо-каспійскіе очерки. III. Зимовичи. <i>Н. К. Бобылева</i>	131
IV. Между вѣчностью и минутой. Романъ <i>М. К. Тоголя</i> . Часть III, главы VII—XIV	151
Русская жизнь.	
V. Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣ- сеннаго творчества. <i>Н. И. Костомарова</i> . Продолженіе.	1
VI. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка <i>В. И. Семевского</i> IV—VI.	34
VII. Русская земельная община. <i>Ф. Щербини</i> . VI	85
VIII. Библиографія	1
Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскіихъ уче- ныхъ и литераторовъ, подъ редакцію <i>В. Θ. Корша</i> . Выпускъ I. Спб. 1880 г.	
Административная юстиція въ западной Европѣ. Вы- пускъ I. Административная юстиція во Франціи. Николая Куплевскаго. Харьковъ. 1879 г. <i>В. Даневскаго</i> .	
O. Эйхельманъ. Военное занятіе непріятельской страны. Москва. 1880 г. <i>В. Даневскаго</i> .	
Великіе греческіе писатели. Очеркъ классической литера- туры грековъ въ біографіяхъ Г. В. Штолля. Переводъ съ нѣмецкаго П. О. Морозова. Изданіе О. Н. Бакста. Спб. 1880 г.	
Renseignements sur les archives de Russie. Edition de la Com- mission d'impression des Lettres patentes et traités, attachée aux Archives principales de Moscou, du Ministère des Affaires Etrangères. M. 1880. <i>К. Лад—ій</i> .	

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

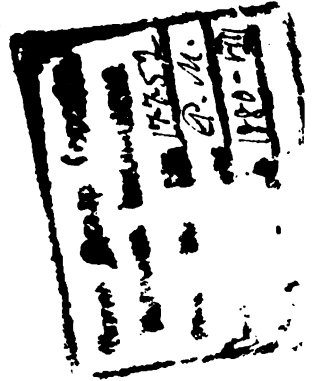
НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1880.

Редакция и контора Русской Мысли: Малая
Дмитровка, д. Роlederъ.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW _____

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

Типо-Литогр. И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

~~UNIV. OF CALIFORNIA~~
~~WITHDRAWN~~

AP50
R875
v. 1: 8
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изящная словесность.

I.	Мессалина. Драма въ 5-ти дѣйств. <i>Пьетро Косса</i>	1
II.	Великій расколъ. Истор. повѣсть <i>Д. Л. Мордовцева</i> . XXXV—XLIII. Окончаніе	67
III.	Въ устьяхъ и въ морѣ. Сѣверо-каспійскіе очерки. III. Зимовичи. <i>Н. К. Бобылева</i>	131
IV.	Между вѣчностью и минутой. Романъ <i>М. К. Гогеля</i> . Часть III, главы VII—XIV	151

Русская жизнь.

V.	Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества. <i>Н. И. Костомарова</i> . Продолженіе. . .	1
VI.	Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка <i>В. И. Семевского</i> IV—VI. . .	34
VII.	Русская земельная община. <i>Ф. Щербина</i> . VI	85

VIII. Библіографія 1

- Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскіихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакцію *В. Θ. Корша*. Выпускъ I. Спб. 1880 г.
- Административная юстиція въ западной Европѣ. Выпускъ I. Административная юстиція во Франціи. *Николая Буллеваскаго*. Харьковъ. 1879 г. *В. Даневскаго*.
- О. Эйхельманъ. Военное занятіе непріятельской страны. Москва. 1880 г. *В. Даневскаго*.
- Великіе греческіе писатели. Очеркъ классической литературы грековъ въ біографіяхъ *Г. В. Штолля*. Переводъ съ нѣмецкаго *П. О. Морозова*. Изданіе *О. И. Бакста*. Спб. 1880 г.
- Renseignements sur les archives de Russie. Edition de la Commission d'impression des Lettres patentes et traités, attachée aux Archives principales de Moscou du Ministère des Affaires Etrangères. M. 1880. *К. Лад—ій*.

Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и
сельской промышленности. Выпускъ II. Спб. 1880.
К. Лад—ій.

IX. Внутреннее обозрѣніе	20—34
X. Земство.	
Земское обозрѣніе.	35
XI. Экономическій бытъ крестьянъ Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. <i>И. Красноперова.</i>	69
XII. Политическое обозрѣніе	100
XIII. Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада Европы	125
XIV. Объявленія.	1
XV. Приложение.	
Паскуале Паоли. Романъ <i>Ф. Гвєраци.</i>	71—102

Въ конторѣ Редаціи, въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Родедєрь, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Оедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвиг (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

М Е С С А Л И Н А.

Драма въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ

(съ прологомъ).

Сочин. Пьетро Косса.

„Не сомнѣваюсь, что все это покажется
„баснословнымъ.... но я ничего не выдумалъ
„ради эффекта, а передаю то, что слышали
„и записали наши предки.“ Тац. Анн.кн. XI, 27.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТИВЕРІЙ КЛАВДІЙ ДРУЗЬ, цезарь.

ВАЛЕРІЯ МЕССАЛИНА, жена его.

ЮЛІЯ АГРИППИНА.

ДОМИЦІЙ, 12-лѣтній мальчикъ, сынъ ея.

ВАЛЕРІЙ АЗИАТИКЪ.

БИТО, гладіаторъ, его отпущенникъ.

ПАЛЛАСЪ,

НАРЦИСЪ,

КАЛИКСТЪ,

ЕВОДЪ,

КАЙ СИЛІЙ, всадникъ.

СИЛЬВА,

КАЛЬПУРНИА,

КЛЕОПАТРА,

ГЕЛЛИА,

} отпущенники Клавдія.

} куртизанки.

Примѣчаніе переводчика. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю благодарность зватку Итальянскаго языка и литературы І. П. Дерь-Манукъ, сдѣлавшему для меня подстрочный прозаическій переводъ драмы Косса.

Бассий Херка, }
 Корнелий Сабинъ, } трибуны преторьянцевъ.

Авгуръ.

• Виргилианъ, сенаторъ.

Сулпиций Руфъ, }
 Тиций Прокулъ, } всадники.
 Вещий Валентъ, }

Авлъ Вителлий, консулъ.

Ночной триумвиръ.

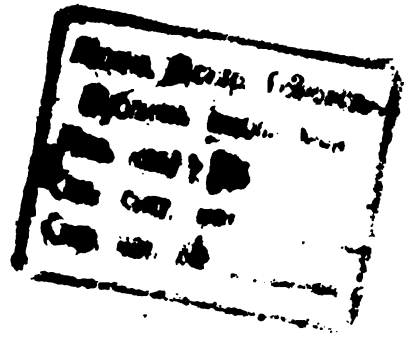
Вибидия, весталка.

Рабыня.

Преторьянцы, германцы, тѣлохранители Калигулы, сторожа, сенаторы изъ Галліи, матроны, всадники, юноши, дѣвушки, граждане.

Дѣйствіе происходитъ въ Римѣ, въ 48-мъ году Христіанской эры.

П Р О Л О Г Ъ .

Брѣтый портня въ дворцѣ Калигулы; въ глубинѣ гѣстница, ведущая на площадку въ нижнемъ этажѣ. Калигула проходитъ черезъ сцену и сходитъ внизъ, поддерживаемый тѣлохранителями. Вечерь.

•

Сцена 1-я.

Валерій Азіатикъ, Бито, Преторьянцы.

ВАЛЕРІЙ.

Хвала тебѣ, великій императоръ!
Пусть юношей и дѣвъ сирійскихъ пляска
Веселая тебѣ на сонъ градующій
Навѣсть въ душу сладкія мечты....

(Минута молчанія).

Ушелъ!... О, наконецъ!... Наѣвшись вдоволь
Едва теперь онъ двигаетъ ногами,
И кровожадный взоръ его
Блуждаетъ подозрительно.... Пора!...
Пусть сходитъ внизъ!... Тамъ ждетъ его судьба
И храбрецовъ безстрашные кинжалы.
Всѣ-ль тверды вы въ своемъ рѣшеньи?

Бито.

Дали

Мы клятву умереть или побѣдить.

1 Преторьянецъ.

И мы напрасно клятвы не даемъ;
Мы римляне.

ВАЛЕРІЙ.

Такъ будемъ же достойны
Названья этого; Великій Римъ
Бездѣйствуетъ. Весь міръ предъ нимъ во прахѣ;

А онъ, забывъ святое назначенье,
 Какъ подлый рабъ, униженно дрожить,
 Передъ однимъ склоняясь человѣкомъ.
 Вы, воины, что долго продавали
 Мечи свои тирановъ произволу,
 Опомнитесь! Вы граждане свободы!
 Вы слышите ль? Ужъ жребій брошенъ нашъ!
 Вы слышите: смятенье, стукъ оружья
 И влики грозные, и стонъ?

Голосъ за сценой.

Умри!

Другой голосъ.

Кончай его!

Голоса.

Да здравствуетъ свобода!

ВАЛЕРІЙ.

Свершилося.... Воскресни-жь, древній Римъ!
 И ты, духъ Брута, что паришь надъ нами
 Въ великій часъ, возрадуйся, ликуй!
 Твой мечъ еще разъ кровью обогрился
 Нечистою породы юліанской....
 Позоръ Филиппи отомщенъ.

(Снизу по лѣстницѣ вбѣгаютъ заговорщики).

Ну что?...

Сцена II-я.

Тѣже, Кассій Хереа, Корнелій Сабинъ, еще преторьянцы.

ХЕРЕА.

Готово! Тамъ — подъ лѣстницей — лежитъ
 Поганый трупъ.

БИТО.

Онъ былъ еще поганѣй.

Когда былъ живъ.

САВИНЬ.

На немъ ударовъ тридцать.

Бито.

Лишь первый онъ почувствовалъ, конечно!

ХЕРЕА.

И первый я сразилъ его ножемъ.

САВИНЬ.

Цезонія, жена его, и дочь
Тамъ рядомъ съ нимъ.

ВАЛЕРІЙ.

Какъ это вы успѣли?

ХЕРЕА.

Во время суматохи ихъ несли
Разряженныхъ на зрѣлище почное
Въ носилкахъ пышныхъ....

Бито.

Ну, а гнусный дядя?

САВИНЬ.

Клянуся Геркулесомъ! убѣжалъ.

Бито.

Вотъ это жаль.

САВИНЬ.

О, потерпи! вѣдь онъ
Далѣко не уйдетъ, и съ нимъ мы скоро
Покончимъ счеты.

ХЕРЕА.

Бто-жъ изъ насъ не знаетъ
Его лица—сатира гнусной рожи?

ВАЛЕРІЙ.

Оставь его! Не до рѣчей намъ праздныхъ,
Не до него! Передъ судомъ народа

Должны предстать донесчики, любимцы:
 Владыка палъ—и власти ихъ конецъ.
 Календъ февральскихъ память занесеть
 Въ свою скрижаль исторія, какъ память
 Идъ мартовскихъ когда-то. Но за дѣло!
 Нашъ подвигъ не оконченъ. Ты, Сабинъ,
 Спѣши скорѣе въ лагерь къ преторьянамъ
 И воинвъ, что хитрый трусь Тиверій
 На пагубу свободы собралъ, жъ намъ
 Ты привлеки. Мольбою, жаркой рѣчью,
 Что сердце вложить пылкое въ уста,
 Воспламени ихъ. Чтобъ спасти отчизну
 Употреби, коль нужно, хоть обманъ:
 Тирановъ другъ,—онъ святъ въ рукахъ свободы.
 Ты, Кассій, заговорщиковъ разставь
 Вокругъ дворца, чтобъ ни войдти, ни выйдти
 Не могъ никто, и слухъ распространи,
 Что, винными парами отуманенъ,
 Калигула заснулъ, а потому
 Присутствіемъ своимъ не осчастливитъ
 Толпу на зрѣлищѣ. А вы—подъ кровомъ ночи—
 Пока скорѣй убитыхъ трупы спрячьте
 Въ какомъ-нибудь саду на Палатинѣ!...

(Нѣкоторые изъ заговорщиковъ уходятъ).

Бито.

Имъ мутный Тибръ достойная могила!

Сабинъ.

Ты, гладиаторъ, правъ: должны отдать
 Мы грязи—грязь.

Валерій.

Убитаго съ сѣмьею
 Достойное мы узримъ погребенье,
 Не ночью, не какъ дѣло тайной злобы,
 Но съ торжествомъ, какъ кару отъ народа,
 Предъ Римомъ всѣмъ. Лишь солнца первый лучъ
 Освѣтитъ Римъ, сенатъ нашъ соберется,
 Чтобъ отомстить за поправный законъ.

Хереа.

Но гдѣ-жъ онъ соберется?

Валерій.

Ужь друзей

Я пригласилъ; соеѣдній храмъ избрали
Они для засѣданья.

Хереа.

Это мѣсто

Противно мнѣ; диктаторъ Юлій далъ
Ему названье.

Сабинъ.

Знаменьемъ зловѣщимъ

То было бы, конечно.

Заговорщики.

Въ Капитолій!

Хереа.

Да, въ Капитолій, на скалу святую,
Утесъ несокрушимый, на которомъ
Храмъ доблести латинской созданъ.

Заговорщики.

Да здравствуетъ на вѣки Капитолій!

Бито.

И пусть огонь съ лица земли сотретъ
Храмъ Юлія!

Валерій.

Да будутъ съ вашей рѣчью

Согласны ваши дѣйствія, и вновь
Нашъ древній Римъ, товарищи, воскреснетъ.
Ты, Бито, подойди ко мнѣ; въ тебѣ
Хочу я видѣть знаменье успѣха.
Въ ничтожествѣ рабомъ ты родился
И для потѣхи черни на аренѣ
На игрищахъ кровавыхъ отличался;

Но часъ насталъ,—и подвигъ ждеть бойца
 Достойнѣйшій и лучшій, чѣмъ доселѣ.
 Тебѣ арена новая — отчизна,
 Боторую дарю я, а враги —
 Враги роднаго Рима. Въ рабскомъ сердцѣ
 Твоемъ правдивѣе любовь къ свободѣ,
 Чѣмъ въ гражданахъ, которые свободны
 Лишь для того, чтобъ вѣчно низко льстить
 Безумному тщеславію тирановъ
 Такъ подними-жъ чело свое! Отныиѣ
 Свободепъ ты. Къ своей груди, влянусь,
 Друзья, я прижимаю гражданина!...

Бито.

(Падая на колѣни передъ Валеріемъ).

Когда-нибудь съумѣю ль я воздать
 Тебѣ достойной платою?

Сабинъ.

Хвала

Тебѣ, Валерій Азіатигъ!

Валерій.

Каждый

Себя и Римъ покроетъ вѣчной славой,
 Упорствуя въ великомъ предпріятіи.
 Часы бѣгутъ; спѣшите же!

Хереа.

(Взглянувъ на гѣстницу).

О горе!

Сабинъ.

Что тамъ еще?...

Хереа.

На площади внизу
 Съ угрозами сбѣгаются германцы;
 Ужъ много ихъ....

Валерій.

О, боги! опоздали!...

Бито.

Наемники продажные!

Хереа.

Ты слышишь

Надъ мертвецомъ ихъ непонятный вопль.

Бито.

Что-жь! Бросимся на нихъ. Пойду я первый....

Сабинъ.

Нѣтъ! Много ихъ,—въ проходѣ узкомъ трудно
Сразиться намъ.

Валерій.

Бороться будемъ мы
На воздухѣ открытомъ,—здѣсь не мѣсто.
Уйдемъ отсель! Еъ намъ консулы на помощь
Богорты городскія приведуть.

(Всѣ уходятъ).

Сцена III.

Германцы, тѣлохранители, новые преторьянцы. Нѣкоторые несутъ тѣло Калигулы; въ рукахъ другихъ обнаженные кинжалы и факелы.

1 Германецъ.

Здѣсь прахъ его печальный положите.

(Кладутъ тѣло Калигулы посреди сцены).

Преторьянецъ.

О, зрѣлище ужасное! о, горе!

Увы! Какъ кровь изъ ранъ его струится!

Германецъ.

Убить, убить нашъ добрый Императоръ!

Онъ щедро такъ платилъ намъ. О, Юпитеръ!

Злодѣями презрѣнными сраженъ

Твой на землѣ достойный представитель,

И молніи твои *ихъ* не разять!

Преторьянецъ.

Убийцамъ—смерть!

Тѣлохранитель.

Главы его священной

Касаюсь я,—и отомстить клянусь.

Германецъ.

Намъ обыскать углы дворца всё надо,
Всё ходы потаенные—и всёхъ,
Бого ни встрѣтимъ, убивать. Здѣсь всё
Сообщники. Потомъ со всёхъ сторонъ
Мы подождемъ дворецъ, чтобъ былъ достойный
Калигулы костеръ.

Германцы и преторьянцы.

Смерть! смерть имъ всёмъ!

Сцена IV.

Тѣже. Другіе германцы и преторьянцы. Клавдій.

Клавдій.

Что я вамъ сдѣлалъ? Сжался надо мной,
Солдаты! пусти меня!

2 Преторьянецъ.

Ступай, ступай!

Клавдій.

Да нѣтъ! оставь....

2 Преторьянецъ.

Я силою заставлю

Тебя идти за мною.

Германецъ.

Это кто?

2 Преторьянецъ.

Убийца Цезаря, клянуся....

Клавдій (вскипывая).

Лжешь!

Въ свидѣтели боговъ я призываю,
Что я невиненъ.

2 Преторьянецъ.

Вотъ: судите сами.

Узнавъ несчастіе, мы къ вамъ сюда
Шли въ—торопяхъ съ товарищами, вдругъ
Изъ-за угла какой-то человѣкъ
Проходитъ, озираясь, мимо насъ—
И убѣжалъ. Я бросился за нимъ.
Страхъ крылья далъ ему и,—задыхаясь,
По лѣстницамъ дворца онъ добѣжалъ
До чердака послѣдняго и скрылся
Подъ кучею изорванныхъ полотенъ
Шатровыхъ тамъ. Но къ счастью не успѣлъ
Онъ спрятать ногъ. Я вытащилъ его
И приволокъ сюда.

Германецъ (съ угрозой Клавдію)

Отцеубійца!

Клавдій.

Отцеубійца?—я?

Германецъ.

Да, ты! Не былъ ли
Нашъ Кай отцемъ отечества?

Клавдій.

Безспорно.

Преторьянецъ.

И ты убилъ его?

Всѣ.

Отцеубійца!

Клавдій.

Судьба моя! какой несчастный часъ
Ты мнѣ готовила! Морозъ и дрожь
Бѣгутъ по жиламъ, и въ глазахъ темнѣеть.
Увы! увы!

Германецъ.

Не притворяйся! видишь?
Вотъ дѣло рукъ твоихъ.

(Тащитъ его къ тѣлу Калигулы).

Клавдій.

Я невиновень;
Повѣрьте мнѣ.

Преторьянецъ.

Ты и взглянуть не смѣешь
На жертву преступленья?

Всѣ.

Трусъ!

Клавдій.

Пустите,

Оставьте же меня! Я самъ умру
Скорѣе, чѣмъ взгляну на мертвеца
Ужаснаго.

Германецъ.

Ты долженъ указать
Сообщниковъ. Не ты ль ихъ предводитель?

Преторьянецъ.

Намъ имена скорѣе назови!
Сенаторовъ! трибуновъ!

Клавдій.

Умоляю

Великими богами, перестаньте
Терзать меня. Колѣна передъ вами
Склоняю я.... я плачу.... Вамъ назвать
Сообщниковъ? Какихъ же? Я вѣдь Клавдій
Сынъ Друза знаменитаго, я.... дядя
Несчастнаго Калигулы.

Германецъ.

Изъ рода

Ты Юліевъ? А кто тебѣ повѣритъ?

Преторьянецъ.

Зачѣмъ же ты бѣжалъ?

Тѣлохранитель.

Постойте, ближе

Я на него взгляну. Да! въ самомъ дѣлѣ

Онъ—Клавдій. Я узналъ его лице,

Хотя оно искажено отъ страха.

На зрѣлищахъ его видалъ я часто

На мѣстѣ Кая. Точно—это Клавдій.

Порукой—я.

Клавдій (Обнимая его).

Благодарю тебя.

Преторьянецъ.

Какъ? Братъ Германика?

Германецъ.

Онъ—Клавдій? Ну,

Такъ дѣло измѣняется. Искали

Убийцу мы,—и вотъ—по волѣ рока,

Является намъ новый императоръ.

Всѣ.

Да здравствуетъ же Клавдій!

Клавдій:

Нѣтъ! влянусь

Юпитеромъ великимъ, не могу

Быть Цезаремъ.

Всѣ.

Не можешь?

Клавдій.

Я ужъ старъ,

На головѣ бѣлѣетъ рѣдкій волосъ....

Что нужно мнѣ? Ученныя занятя,

Жена красивая и пѣжная; порой,

Видъ битвы гладиаторовъ, да поваръ,

Чтобъ ужины ученые готовить.

Вотъ всѣ мои желанья. Сила, первый

Изъ Римлянъ всѣхъ достигшій вышей власти,
 Наскучилъ скоро ею и постигъ
 Всю сладость умереть въ своей постели.
 Съ высотъ такихъ—среди блеска и пожаровъ
 Очамъ видны зияющія бездны....

Германецъ.

Чего боишься ты? Твоей особѣ
 Мы будемъ вѣрной стражею.

Блаvdій (бросая трусливый взглядъ на
 группу Калптулы).

Увы!

Вотъ грустное свидѣтельство успѣха
 Охраны вашей.

Германецъ.

Это только случай.

Напрасно ты упорствуешь.—Отъ насъ
 Ты не уйдешь безъ Цезарской повязки.
 Приступимъ къ договорамъ!

Блаvdій.

Къ договорамъ?!

Преторьянецъ (отталкивая германца).

Германскіе рубаки! Ужъ не минешь ли
 Ты съ преторьянцами равняться, право
 Исконное похитить наше?—Я
 Отъ имени товарищей моихъ
 Я—предпишу условія.

Блаvdій.

Какъ? Что-же?

Я долженъ противъ воли...

Преторьянецъ.

Эхъ, помилуй!

Имперія—товаръ, который стоитъ
 Какихъ-нибудь расходовъ.

Преторьянцы и германцы.

Къ договорамъ!

Преторьянецъ.

Несносную ты свергнешь дисциплину;
Согласенъ ты?

Клавдій.

Согласенъ.

Преторьянецъ.

Завтра нашъ
Ты каждому раздашь пятнадцать тысячъ
Сестерціевъ, центуріонамъ вдвое,
Начальникамъ отрядовъ втрое.

Клавдій.

Что вы?

Въ умѣ ли вы?

Преторьянецъ.

Къ несчастью, ты не скупъ ли?

Клавдій.

Я—скупъ? Мой дѣдъ, божественный нашъ Августъ
Меня считалъ, ты знаешь, слабоумнымъ,
И потому мнѣ завѣщалъ наслѣдство
Вѣдь только третьей степени. Такъ гдѣ же
Возьму я столько золота?

Преторьянецъ.

Какъ гдѣ?

А въ сундукахъ патриціевъ, убитыхъ
Балигулу, подъ кровлей этихъ Брутовъ,
Что обрекли погибели твой родъ?
Согласенъ ты?

Клавдій.

Согласенъ.

Преторьянецъ.

Ну и ладно.

Изъ устъ моихъ торжественно Квириты
Провозглашаютъ Цезаремъ тебя.

Всѣ.

Да здравствуетъ нашъ Клавдій императоръ!

Клавдій.

Ухъ! Голова кругомъ идетъ. Гдѣ я?
Что дѣлаю? Что говорю?—Ну, дальше?

Преторьянецъ.

Теперь предстать ты долженъ преторьянцамъ,
И рѣчь держать..

Клавдій.

Какъ? ночью? Лучше завтра.
На улицахъ вѣдь будетъ шумъ какой!
Ужъ граждане чай спать теперь покойно...

Преторьянецъ.

Разбудимъ ихъ!

Германецъ.

Давайте-ка носилки!

Тѣлохранитель.

Калигулы носилки здѣсь..

Клавдій. (съ крикомъ ужаса).

Клянусь,

Я въ нихъ не сяду; пусть хоть сами боги...

Преторьянецъ.

Вѣдь за тобой мертвецъ не побѣжитъ,
Не бойся же. Товарищи, его
Мы на щиты поднимаемъ.

Клавдій.

Это что?

Германецъ.

Побѣда!

Преторьянецъ и часть солдатъ.

Слава! Въ лагерь къ преторьянцамъ!

Другая часть.

Да здравствуетъ великій императоръ!

(Поднимаютъ Клавдія на щиты и уходятъ съ шумными криками).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Богатая зала во дворцѣ. Дверь въ глубинѣ сцены, двѣ боковыя двери.

Сцена I-я.

Палласъ, Юлія Агриппина.

Агриппина.

Мой милый сынъ! Какъ радостно народомъ
Онъ встрѣченъ былъ на праздникѣ. Толпа
Какъ будто въ немъ Германика узнала.
Домицій! вѣрю я, настанетъ день
И будешь ты властителемъ вселенной!...

Палласъ.

Храни въ груди завѣтныя мечты,
Но пусть уста безмолвствуютъ упорно...
Не забывай, что уши есть у стѣнъ,
Что въ самомъ снѣ тревожить Мессалину
Духъ подозрѣнья...

Агриппина.

Знаю я... она
Меня жестоко ненавидитъ.

Палласъ.

Пусть же
Быть осторожной ненависть ея
Тебя научитъ. Потерпи немного.
Близка ей гибель: новая любовь
Бъ красавцу Силію ужъ омрачила
Въ ней безпокойный умъ.

Агриппина.

А Блавдій что-жъ?

Палласъ.

Онъ погруженъ въ свои водопроводы,
Остійскимъ портомъ бредитъ, осушить

Фуцинское онъ озеро мечтаетъ.
А главное—исторію свою
Онъ пишетъ въ назиданіе потомству.

АГРИППИНА. (улыбаясь).

Одну свою—иль также Мессалины?

ПАЛЛАСЪ.

Послушай: пусть веселое лицо
Пока души движенія скрываетъ.
Ужъ недалекъ твоей побѣды день,
И что досель въ душѣ пѣмой тайлось,
То дядѣ милому,—когда супругъ
Онъ будетъ твой,—ты скажешь...

АГРИППИНА.

Бѣдный дяди!

И мать его, я помню, говорила:
Начатое, но прихотью природы
Недовершенное созданье.

ПАЛЛАСЪ.

Что-жь!

Великій умъ для власти надъ людьми
Лишь вымыселъ философовъ. Нашъ Клавдій
Живое доказательство тому.
Неправда-ли?

АГРИППИНА.

Потише: Мессалина!

Сцена II.

Тѣ же и Мессалина.

ПАЛЛАСЪ.

Великая! въ день памяти Квирина,
Въ день торжества, когда вступаетъ Римъ
Въ девятый вѣкъ могущества и славы,—
Мои уста несутъ тебѣ привѣтъ
И теплыя желанья...

МЕССАЛИНА.

Презираю

Я рѣчь льстеца. Уйди!

АГРИППИНА.

И мнѣ велишь

Ты удалиться?...

МЕССАЛИНА.

Нѣтъ, останься.... нужно
Съ тобой мнѣ говорить.

ПАЛЛАСЪ.

Что-жъ сдѣлалъ я?!...

(Къ Палласу).

МЕССАЛИНА.

Присутствіе твое ужъ оскорбляетъ
Меня. Уйди, отпущеникъ! Чтобъ мнѣ
Не повторять!...

ПАЛЛАСЪ.

(Уходя въ сторону).

О боги, помогите!

(Уходить).

Сцена III.

Мессалина, Агриппина,

АГРИППИНА.

Я слушаю.

МЕССАЛИНА

Ты гордо говоришь;
А вокругъ себя желаю я покорность
Вездѣ встрѣчать на лицахъ и въ рѣчахъ.

АГРИППИНА.

Ты можешь ждать такого раболѣпства
Отъ слугъ своихъ, но требовать, чтобъ я,
Рожденная Германикомъ....

Мессалина.

Я знаю:

Въ одномъ отцовскомъ имени защиту
Находишь ты себѣ. Но славы лучъ
Изъ мрака имъ на землю ниспосланный,
Твоей души лишь ярче освѣщаетъ
Коварныя и дерзкія стремленья....
Будь проклять день, какъ тронуть сожалѣньемъ
Тебя,—невинность бѣдную!—призвалъ
Изъ ссылки Клавдій, гдѣ по волѣ брата
Ты заживо была погребена!...

Агриппина.

Да, понимаю я. Неправда-ль лучше
Вѣдь было бы несчастную забыть
Тамъ въ заточеніи? Но въ чемъ виновна
Я предъ тобой? Не въ томъ ли, что въ дому
Моихъ отцовъ, забытая всѣмъ свѣтомъ,
Я здѣсь живу и Клавдія за милость
Его благодарю?...

Мессалина.

Противъ него
Ты заговоръ устроить замышляешь.

Агриппина.

Какъ?! можешь ты винить меня?...

Мессалина.

Во всемъ.
Ты знаешь, я всеильна. Захочу, —
И объявлю тебя виновной въ оскорбленіи
Величества....

Агриппина

Тебѣ ль искать уликъ!

Мессалина.

Ты мало ли преступна?

А Г Р И П П И Н А .

Я преступна
Безспорно. Не великая ль вина
Быть невиновной? Аппія Силана —
Всѣ помнить — мужа матери твоей,
Несчастливаго безвинно ты сгубила....
Въ немъ не было и тѣни преступленья,
Но ты его искала — и оно
Тебѣ во снѣ представилось конечно.

М Е С С А Л И Н А .

Довольно!... днесъ, какъ яркій лучъ востока
Твоя вина открылась предо мной....
Я истину узрѣла свѣтлымъ окомъ.
И мечъ виситъ, колеблясь, надъ тобой!...
На праздниѣ любимый твой Домицій
Былъ выставленъ тобою на показъ
Милліонамъ глазъ и возгласамъ продажнымъ,
Межъ тѣмъ какъ мой Британикъ встрѣченъ былъ
Безъ вликовъ шумныхъ, въ гробовомъ молчаньи,
Какъ будто сынъ простаго гражданина.
И я... я... мать!... Я все перенесла,
Я, Цезаря жена!... И ты жива?!...
Клянусь богами ада, ты заплатишь
Мнѣ дорого за гнусную обиду.
На вѣкъ будь проклятъ этотъ славный день,
День годовщины Рима?...

А Г Р И П П И Н А .

Создаетъ
Лишь призраки твое воображенье
Вокругъ тебя. Взгляни разсудка окомъ
И всѣ, какъ дымъ, разсѣются они.
Гдѣ видишь заговоръ, скажи? Быть можетъ,
Домицій мой, къ которому любовь
Всего народа зависть поселила
Въ твоей груди, невольнo оскорбилъ
Тебя ужъ тѣмъ, что внѣшностью пріятной
И скромной онъ, — потомокъ славной крови, —

Въ ихъ памяти героя воскресилъ,
 Отмстившаго за поражение Вара,
 Воздвигшаго на рейнскихъ берегахъ
 Оружія поруганнаго славу.
 Иль хочешь ты заставить замолчать
 Исторію? — Побѣдъ воспоминанья,
 Грядущихъ дней завѣтныя надежды —
 Вотъ что восторгъ народный выражалъ.

Мессалина.

Народъ?! Лохмотники, барановъ стадо,
 Пустая чернь!... Ей думать о грядущемъ?
 Что для нея Германіи?!... Да вѣдь каждый
 Изъ этихъ крикуновъ готовъ продать
 Два Рима, всю ихъ славу — за сестерцій!
 Нѣтъ! не мечтай обманывать меня!
 Теперь тебя узнала я на дѣлѣ;
 Подъ маскою смиренія таишь
 Въ душѣ своей ты злодѣяній сѣмя,
 Ты, милостей у Цезаря ища,
 Похитить власть у сына не стремишься ль? —
 Безстыднѣй тѣмъ уловки красоты,
 Прикрытыя незлобія личиною....
 Я не хочу тебѣ подобной быть.
 Безъ хитрости я дѣйствую. Открыто
 Иду туда, куда меня влечетъ
 Порывъ страстей иль воля подвижная,
 Клейми меня презрѣньемъ, насмѣхайся, —
 Мнѣ все равно! — Но берегись обидѣть
 Святое чувство матери! Оно
 И падшую величьемъ озаряетъ....
 Да!... Мой Британикъ, бѣдный, подбѣжалъ
 Ко мнѣ въ слезахъ, меня, рыдая, обнялъ;
 Его лицо горѣло отъ стыда....
 Напрасно я заботливо старалась
 Его моими ласками утѣшить....
 Увы! Онъ плакалъ.... плакалъ.... а, межъ тѣмъ,
 Ты мерзкаго ребенка прижимала
 Къ своей груди и, радостно цѣлуя,
 Надежды злыя въ духъ его вселяла....

Но берегись! иль горе! Не уйдешь
Ты отъ меня.... Пусть даже твой отецъ,
Германцамъ страшный, встанетъ предо мною
Тебѣ въ защиту.... аспидъ ядовитый! —
Я задавлю тебя и растопчу ногами!...

Агриппина.

Себѣ въ защиту призываю я
Боговъ уставы; Цезаря велѣнье,
Моихъ отцовъ законныя права....

Мессалина.

Я — Цезарь здѣсь, — и я одна! Такъ знай же,
На Клавдія напрасно не надѣйся.
Теперь прощай! Моя угроза будетъ,
Какъ тѣнь, тебя преслѣдовать вездѣ.

(Агриппина уходитъ).

Сцена IV.

Мессалина (одна).

Она на все способна.... Но за ней я
Слѣдить должна.... (Молчаніе) Что сдѣлалось со мной?
Напрасно я стараюсь усыплять
Себя заботами.... Жестокое страданіе
Мнѣ не даетъ забыться.... Что-жъ ты, зло,
Что ты грызешь мнѣ сердце, точишь жилы
И не даешь покоя?... да!... борьба
Меня измучила и силы измѣняютъ.
О Силій, Силій! Въ день тотъ роковой,
Когда тебя узнала я впервые,
Твой ликъ мнѣ ликомъ бога показался....
Тебя я полюбила.... Я жила
Тобой.... А ты? ужасное сомнѣнье,
Какъ червь, мнѣ вкралось въ сердце; съ каждымъ днемъ
Ты все мрачнѣе.... Взоръ твой избѣгаетъ
Моихъ очей влюбленныхъ.... Можетъ быть,
Иная страсть, иные подѣлуи,
Иныя чары.... Страшное видѣнье!...

Нѣтъ! Чтобъ другой тебя я отдала?!..
 Скорѣй умрешь!... Я въ сладкомъ упоеньи
 Твой образъ милый богомъ нарекла....
 Но все-жъ ты богъ таковой, что взгляды единый
 Моихъ очей грозить тебѣ, кончиной!...

(Она оборачивается и видит Силія).

Ты, Силій, здѣсь?!..

Сцена V.

Мессалина, Силій.

Силій.

Привѣтъ тебѣ, Августа!

МЕССАЛИНА.

Дай мнѣ другое имя! знаешь ты,
 Какъ я люблю....

Силій.

А все-жъ передъ тобой
 Я чувствую невольное смущенье.

МЕССАЛИНА. (Испуганно).

Что ты сказалъ? Дай заглянуть мнѣ разъ
 Въ твои глаза до глубины души....
 О! Отвѣчай! Зачѣмъ дрожишь, блѣднѣя?
 Боишься ты?

Силій.

Всего и ничего.

Невольный страхъ овладѣваетъ мною
 Всегда, когда — всхожу на этотъ холмъ,
 И славный день великаго Квирина
 Былъ для меня печальнымъ. Эту ночь
 Сны страшные покоя мнѣ не дали;
 Сова на кровлѣ дома моего
 Зловѣщій крикъ печально издавала....

МЕССАЛИНА.

Ребячество!

Силій.

Нѣтъ, знаменье боговъ!

Мессалина.

Ты кѣмъ-нибудь обиженъ?

Силій.

О! Покуда

Всѣ во дворцѣ мнѣ почести воздаютъ
Отъ подлыхъ слугъ до гордаго вельможи.
Но эта честь не радуеть меня;
Сегодня льстятъ, а завтра обвиняютъ;
Друзья теперь,—а завтра палачи.

Мессалина.

(Лаская рукою лице Силія).

Брасавецъ ты, но трусь.

Силій.

Ужели трусомъ

Назвать благоразумнаго? Не трусь,
Повѣрь мнѣ, я. А если-бъ Клавдій вздумалъ
Проснуться вдругъ?!

Мессалина. (улыбаясь).

Онъ будетъ вѣчно спать.

Силій.

Чрезмѣрная надежда не приводитъ
Бъ добру.

Мессалина.

Боятся вѣчно хуже. Знай!

Противно мнѣ хитрить и притворяться.
Все, чтобы я ни дѣлала когда,
Пусть видитъ свѣтъ. Я женскія уловки
И хитрости матронамъ оставляю,
Примѣрнымъ женамъ, нѣжнымъ Пенелонамъ,
Лукреціямъ, лишь годнымъ для комедій,
Боторыя мужей своихъ тайкомъ
Не хуже насъ обманывать умѣютъ!...

Что значу я—не будь я тѣмъ, что есть?
Гдѣ власть моя,—не будь я Мессалиной?

Силій.

Но эта власть спасетъ ли и меня?

Мессалина.

Что за слова?

Силій.

Я помню, изъ Сената
Отецъ мой изгнанный, безопасно пилъ
За ужиномъ веселымъ; онъ простился
Со мною пѣжно, въ банѣ заперся
И тамъ по волѣ Цезаря открылъ
Себѣ онъ жилы собственной рукою.
Такъ и теперь стоическая мода
Предпшетъ смерть съ улыбкой на устахъ....
Не попросилъ меня бы скоро Клавдій
Испробовать....

Мессалина. (Страстно).

Что хочешь ты сказать?
Твои слова мнѣ хладомъ въ душу вѣютъ,
Боюсь тебя разспрашивать. Къ чему
Грустить заранѣе и мрачнымъ страхомъ
Грядущихъ дней блаженство отравлять.
Взгляни мнѣ въ очи! Иль я постарѣла?
Иль то лице, которое тебя
Въ былые дни безумно увлекало,
Плѣнять не можетъ болѣе?—Уста
Дарить не могутъ жаркимъ поцѣлуемъ?...
Зачѣмъ меня печалишь?... Наша жизнь
Не есть ли сонъ, какъ призракъ скоротечный?!
Такъ насладимся-жъ жизнью беззавѣтно,
Пока сердца намъ грѣетъ солнца лучъ!
Жизнь для любви—блаженство! Остальное—
Ничто.

Силій. (холодно)

Напротивъ,—остальное все.

МЕССАЛИНА.

Какъ! Я ослышалась!? Нѣтъ, повтори
Свои слова еще....

СИЛІЙ.

Увы! Ты въ гнѣвѣ
Напрасно.

МЕССАЛИНА.

Нѣтъ! теперь не увернешься.
Дай мнѣ отвѣтъ!

СИЛІЙ. (Помолчавъ)

Паденью недоступна,
Ты съ высоты зриаешь на толпу
И все твоей покорно мощной волѣ,
Куда бы свой ни бросила ты взоръ.
То ты.... а я—въ толпѣ скрываюсь скромно;
Народный гласъ,—стремящійся напрасно
Тебя достигъ,—бушуетъ вокругъ меня.
Его я слышу, и когда, порою,
Являюсь я иль въ циркѣ иль въ театрѣ,
Меня встрѣчаетъ шопотъ любопытный;
Всѣ съ мѣстъ встають, толпятся и меня
Одинъ другому пальцемъ указуютъ.
И я горжусь минутнымъ этимъ блескомъ:
Какъ будто лучъ отъ свѣта твоего
Мою главу сіяньемъ озаряетъ.
Но слухъ о мнѣ—вотъ что меня тревожить—
Ужъ преторьянцевъ лагерь достигъ;
Ихъ взволновать не трудно.... Ужъ толгуютъ
Они въ смятеньи: Цезаря величье
Оскорблено де нами!.. Да хранить
Отъ нихъ насъ боги! бунтъ они поднимутъ:
Тогда—о страхъ!—за цезаря порфирой,—
Его жена, владычица,—найдешь
Спасенье ты,—а я?

МЕССАЛИНА.

(Страстно).

Тебя укрою
Я, Силій мой, отъ тысячи ножей!

Силій.

Что женщины влюбленной общанье,
Что моряка объѣтъ—одно и то же.

Мессалина.

Неблагодарный! Я-ль тебѣ любви
Своей громадность мало доказала?
Какихъ заботъ, подарковъ я жалѣла?
Сокровища, что Друзы и Нероны
Приобрѣли цѣной жестокихъ битвъ,
У Капитоля взяты трофеи
Въ глазахъ всѣхъ Римлянъ украшаютъ домъ
Роскошный твой... Не щедро-ль рукою
Усыпала цвѣтами я твой путь?
Въ любви своей, опасность забывая,
Я власти жажду—но лишь для тебя.
Здѣсь во дворцѣ на холмѣ Палатинскомъ,
Жилищѣ музъ и храмѣ удовольствій,
Откуда мѣръ пріемлетъ свой законъ,
Здѣсь, Силій, я тоскую одиноко
Когда съ тобой не раздѣляю жизнь.
А ты?.. а ты?.. всецѣло погруженный
Въ трусливые, холодные расчеты,
Чтобъ заплатить за ласки, за любовь,
Что сдѣлалъ ты?

Силій.

Прогналъ свою жену.

Мессалина.

Велика важность!.. и еще жалѣешь....
Я для тебя весь Римъ бы прогнала!
Иль мало этого?

Силій.

Я идолъ хрупкій,
Изъ глины сдѣланный, и твой капризь
Его разбить, когда захочеть, можетъ.

Мессалина.

Съ тобой да будутъ боги! Темной рѣчью
Не мучь меня... Тебя я не пойму....
Скажи яснѣй....

СИЛІЙ.

Ясиѣе выражаться
Я не могу. Напрасно не стремись
Съ судьбой неумолимою бороться:
Свиданье это будетъ пусть для насъ
Свиданіемъ послѣднимъ....

МЕССАЛИНА.

(Съ ужаснымъ крикомъ).

Этотъ часъ
Послѣдній твой!

СИЛІЙ.

Опомнись! Тише! Что ты?
Ты съумашедшая? Мы во дворцѣ....

МЕССАЛИНА.

(Бѣжать къ двери).

О мести! мести!

СИЛІЙ.

Тише! призываешь
Противъ меня ты цезарскихъ солдатъ?...

МЕССАЛИНА.

Трусъ и подлець! Другую, — признавайся,
Не любишь ты?

СИЛІЙ.

Клянусь богами, нѣтъ.

МЕССАЛИНА.

Твои привычки знаю я.... Испорченъ
И низокъ ты до глубины души....
Не для тебя величіе порока.
Прочь отъ меня, плебей, ночной бродяга!
Ступай въ предмѣстье! въ оргіяхъ ночныхъ
Ты думалъ ты одинъ, — но за тобою
Слѣдила зорко я....

СИЛІЙ.

Да, ты права.
Я заслужилъ твое презрѣнье, знаю.

На высотѣ, куда твоей любовью
 Я поднять былъ, страхъ омрачилъ мнѣ умъ.
 Возьми назадъ подарки и награды,
 Оставь меня въ покоѣ! и вдали
 Отъ шума жизни, въ глубь лѣсовъ пустынныхъ
 Пойду я жить философомъ....

Мессалина.

(Принимая жалобный тонъ).

Въ покоѣ!...

А мой покой?! Ты возвратишь-ли мнѣ
 Блескъ праздниковъ, утѣхи сладострастья,
 Всю прелесть жизни?.. Иль одной мнѣ горе?!..
 Какъ женщина простая, предъ тобой
 Въ отчаяннѣ я плачу... Сжался, сжался!...
 Вѣдь ты сказалъ неправду?.. Отвѣчай!
 Одно лишь слово,—и я все прощаю!

Силій.

Мнѣ жаль тебя, но все-жъ....

Мессалина.

Твое рѣшенье?...

Силій.

Я измѣнить не въ силахъ.

Мессалина.

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

Хорошо!

Пусть будетъ такъ!.. Я болѣе не стану
 Тебя просить... Какъ молнія, мой гнѣвъ
 Тебя сразитъ и ты падешь во прахъ!

Силій.

Прощай, Августа!

(Уходя про себя).

Римъ въ моихъ рукахъ!

Сцена VI-я.

(Мессалина. Затѣмъ Палласъ и Клавдій).

М Е С С А Л И Н А .

Осмѣяна! Отвергнута! Онъ видѣлъ
 Меня почти у ногъ своихъ... и что-жь?
 Онъ не хотѣлъ поднять меня... Я плачу?!..
 Пусть ненависть горитъ въ душѣ моей!
 Исохните-жь непрошенныя слезы!
 Забри въ груди поруганная страсть!
 И встану я, какъ рокъ неумолима,
 Чтобъ кровью смыть безславный мой позоръ.
 Кто тамъ идетъ? Ты-ль это, рабъ презрѣнный?
 Бого ты ищешь?

П А Л Л А С Ъ .

Смѣю возвѣстить
 Божественнаго Клавдія.

М Е С С А Л И Н А .

Теперь?
 Въ такую пору?

К л а в д і й .

(Входитъ и приближается къ женѣ).

Здравствуй, Мессалина!
 Но что съ тобой? Ты, Августомъ клянусь,
 Какъ полотно блѣдна... въ твоихъ глазахъ
 Горитъ огонь... Палласъ! что съ ней случилось?

М Е С С А Л И Н А .

Ты никогда не знаешь ничего.
 Ты только что отужиналъ, конечно,
 И мозгъ еще въ туманѣ у тебя
 Отъ сладкихъ винъ Эллады... Что случилось?
 И ты отецъ? ты цезарь?.. и ты можешь
 Объ этомъ спрашивать, когда при всѣхъ,
 Въ великій день для римскаго народа,
 Презрѣнная плебейка оскорбила
 Британика? Иль онъ тебѣ не сынъ,
 Что преторьянцы вѣрные твои

Предателей на мѣстѣ не избилъ?...
 Вотъ до чего увѣренность слѣпая
 Тебя доводитъ. Берегися: въ каждомъ
 Своемъ любимцѣ подломъ изъ рабовъ,
 Въ невинныхъ прелестяхъ твоихъ племянницъ
 Коварный даръ Локусты ты найдешь.
 Ты понялъ-ли? Проснись же,—если можешь!
 (Бросаетъ взглядъ презрѣнья на Клавдія и уходитъ).

Сцена VII.

Клавдія, Палласъ.

Клавдія.

(Остается пораженнымъ).

Какая рѣчь! Ты слышалъ ли, Палласъ?
 Еще звучать въ ухахъ ея угрозы:
 Предатели, Британикъ, ядъ Локусты
 И тысяча другихъ ужасныхъ словъ.

Палласъ.

Въ ней матери любовь оскорблена....
 И есть за что: на зрѣлищахъ троянскихъ
 Явились Домицій и Британикъ
 И первому народъ рукоплескалъ....

Клавдія.

Какъ! первому?!

Палласъ.

Почтить въ немъ память дѣда
 Хотѣла чернь.... Присутствіе твоѣ
 Все измѣнило-бъ; шумная толпа
 Съ восторгомъ равнымъ встрѣтила-бъ обоихъ.
 Но ты, про циркъ забывъ, на полъ-пути
 Съ носилокъ соскочилъ и чуть не бѣгомъ
 Направился въ домъ Саліевъ—жрецовъ,
 Что съ храмомъ Марса-Мстителя граничить.
 Ты такъ спѣшилъ туда, что за тобой
 Едва поспѣть я могъ. Роскошный ужинъ
 Тамъ поданъ былъ. При видѣ вкусныхъ яствъ
 Возлегъ и ты,—гость милый, хоть нежданный,—
 На ложе между нихъ.

Блаvdій.

И ты со мной.

Охъ, эти Салии! ихъ кухни запахъ
 Меня плѣнилъ.

Палласъ.

И правда, что за вкусъ,
 Что за искусство тонкое! Прекрасно
 Обѣдаютъ жрецы.

Блаvdій.

А было-бъ лучше
 Имъ уступить мнѣ повара, повѣрь.—
 Ну, а теперь займемся государствомъ.

Палласъ.

Не любишь ты бездѣйствовать. Съ утра
 Ты подписалъ до двадцати эдиктовъ.
 Какихъ эдиктовъ! Да! въ одномъ изъ нихъ
 Ты учишь, какъ устраивать мѣхи
 Для цѣнныхъ винъ, въ другомъ, что нѣкій корень
 Даетъ бальзамъ цѣлительный для ранъ
 Отъ укушенья змѣй....

Блаvdій.

Что-жь дѣлать! Надо
 Въдь иногда подумать о народѣ.
 Что новаго въ провинціяхъ?

Палласъ.

Ликійцы

Все не кончаютъ распри.

Блаvdій.

Пусть Сенать
 Разсудитъ ихъ.

Палласъ.

А жители Родоса,
 Въ винѣ своей раскаявшись, напротивъ
 У ногъ твоихъ.... свободы прежней просятъ.

Блаvdій.

Пускай Сенатъ займется ими.

Палласъ.

Съ Рейна

Хорошія извѣстія: орелъ
Послѣдній нашъ, у варваровъ въ рукахъ
Оставшійся измѣнника трофеемъ,
Намъ возвращень. Отважный Корбулонъ,
Начальникъ войскъ, умѣлъ приобрѣсти
Любовь солдатъ....

Блаvdій.

Онъ болѣе не нуженъ

На Рейнъ мнѣ, пусть возвратится въ Римъ.
На этотъ годъ германцевъ оставляю
Въ покоѣ я. А въ Римъ что?

Палласъ.

Опять

Безчинствуютъ, какъ прежде, Іудеи:
Ночной порой собираясь въ подземельяхъ,
Свершаютъ тамъ преступныя дѣла
И весь народъ къ возстанью возбуждаютъ.

Блаvdій.

Такъ въ ссылку ихъ!

Палласъ.

Вчера двухъ иностранцевъ
Схватили.... и, повѣришь ли, они
Себя за гражданъ римскихъ выдавали.

Блаvdій.

Имъ головы срубить на Эсквилинѣ!
Какъ! шутка ли?! да римскій гражданинъ
Вѣдь болѣе чѣмъ царь! Кто это имя
Себѣ присвоить смѣетъ,—все равно,
Что Цезаря величье оскорбляетъ.
Теперь скажи: исторіи моей
Читалъ ты первый томъ?

Палласъ.

Да, упивался.

Клавдій.

Что-жь ты находишь?

Палласъ.

Ты затмиль собой
Божественнаго Юлія.

Клавдій (польщенный).

Задумалъ

Другое сочиненье я.

Палласъ.

О боги

Безсмертныя! другое!

Клавдій.

Да, трактатъ
Глубокій и блистательный; защиту....

Палласъ.

Какого-же счастливица?

Клавдій.

Цицерона.

Палласъ.

Противъ Антонія?

Клавдій.

Нѣтъ, противъ глупыхъ
Азинья Галла бредней. Помню я:
Самъ дѣдъ мой Августъ говорилъ, что Туллій
Былъ мужъ великій и любилъ отчизну,
Какъ истый римлянинъ.

Палласъ.

Благоговѣю

Я предъ тобой. Отъ царственныхъ трудовъ
Ты духомъ отдыхаешь въ упражненьяхъ
Риторики невинной.

КЛАВДІЙ.

Нелегко

Правленья бремя. Кстати: Мессалину
Мнѣ право жаль.... Ушла она не въ духѣ,
Вѣдь женщина красивая она,
Неправда-ли? Хочу съ ней повидаться....
Пойди скажи, что къ ней я собираюсь.
Да ну, скорѣй!

ПАЛЛАСЪ.

Прикажешь мнѣ идти?

КЛАВДІЙ.

Ну да, конечно. Иль я ей не мужъ?!

(Палласъ уходитъ).

Сцена VIII.

КЛАВДІЙ. Входитъ Нарцисъ.

КЛАВДІЙ.

Спѣши, Нарцисъ; мнѣ нѣкогда.

НАРЦИСЪ.

Армянскій

Царь, Митридатъ ждетъ милости твоей,
Чтобы предстать предъ цезарскія очи
И почести воздать тебѣ.

КЛАВДІЙ.

Пусть ждетъ.

НАРЦИСЪ.

Онъ ждетъ съ семи часовъ.

КЛАВДІЙ.

Какой упрямецъ!

НАРЦИСЪ.

На игры отправляясь, ты забылъ
О немъ, конечно. Онъ скучалъ.... и я
Повелъ его въ читальню.

Блаvdій.

Какъ въ читальню?

Что-жъ онъ тамъ дѣлалъ?

Нарцисъ.

Книгу взялъ себѣ:

Гомера Илиаду.

Блаvdій.

Это мило.

Царь, знающій погречески, безспорно
Невѣжды лучше. Подойди сюда.
Мнѣ говорили, будто безъ зазрѣнья
Имѣешь ты привычку изъ казны
Брасть государственной.

Нарцисъ.

Я!? злые языки!

Увы! То клевета! Приготовленья
Къ осушкѣ озера Фуцинскаго меня
И самого въ конецъ ужъ раззорили....

Блаvdій.

А скоро ли я озеро увижу
Осушеннымъ?

Нарцисъ.

Въ два мѣсяца работа
Окончится и славой неземной
Твое покроетъ имя.

Блаvdій.

Въ этотъ день
Торжественный морское празднество
Распорядись устроить. Въ заключенье
Бой гладиаторовъ! Да чтобъ они
Дѣйствительно другъ друга убивали!
Съ недавнихъ поръ они, я замѣчаю,
Какъ будто неохотно умирають....

Нарцисъ.

Твое желанье, цезарь, мнѣ законъ.
А царь армянскій?

Клавдій.

Подождетъ еще.

(Нарцисъ уходитъ).

Сцена IX-я.

Клавдій. Входятъ Палласъ.

Клавдій.

Ну что-жь?

Палласъ.

(Стараясь не улыбаться).

Ну что-жь....

Клавдій.

Ты видѣлъ Мессалину?

Палласъ.

Спросилъ ея кормилицу.

Клавдій.

Тебѣ

Отвѣтили:...

Палласъ.

Что вышла изъ дворца

Твоя супруга....

Клавдій.

Какъ?!

Палласъ.

Ночь такъ прекрасна,

Луна такъ ярко свѣтитъ; можетъ быть....

Клавдій.

(Стоитъ съ минуту, задумавшись; потомъ, какъ будто вспомянувъ, обращается къ Палласу).

А думалъ ты когда-нибудь о звукахъ

И письменахъ роднаго языка?...

Палласъ.

Но я....

Клавдій.

(Ударяетъ его по лбу).

Ты не далекъ. Жрецы Египта
Впервые мысль на камнѣ начертали....
Отъ финикійцевъ къ грекамъ перешло
Искусство это и въ анналахъ древнихъ
Есть указанье, что Бекропсъ Аѳинскій
Иль житель Оивъ какой-то изобрѣлъ
Шестнадцать первыхъ знаковъ, что при Троѣ
Къ нимъ три еще прибавилъ Паламедъ,
Затѣмъ другіе.... Письменамъ этрусскимъ
Насъ научилъ когда-то Демарать,
Мудрецъ Коринескій.... а Эвандръ Аркадскій
Училъ туземнымъ буквамъ.... Я увѣренъ,
Что алфавитъ латинскій былъ древнѣе,
Чѣмъ греческій....

Палласъ.

(Смотритъ съ удивленіемъ на Клавдія).

Тебя я, признаюсь,
Не понимаю, цезарь.

Клавдій.

Ну, поймешь
Когда-нибудь.... Пока въ опочивальню
Веди меня.... Я спать хочу.... а завтра
Эдиктомъ новымъ я прибавлю....

Палласъ.

Что-же

Прибавишь ты?

Клавдій.

Три буквы къ алфавиту.

(Зѣваетъ и уходитъ, опираясь на руку Палласа).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ нижнемъ этажѣ одного изъ домовъ предмѣстья. Двѣ боковыя двери. Большая дверь въ глубинѣ сцены открыта настежь. На улицѣ лунный свѣтъ.

Сцена 1-я.

Сильва, Геллія, Кальпурнія, Клеопатра. Силій.

КАЛЬПУРНІЯ.

(Поднимая бокалъ, пьетъ).

За милости твои я, Силій, пью!

КЛЕОПАТРА.

За красоту твою!

Геллія.

Позволь украсу

Власы твои цвѣтами.

(Снимаетъ съ себя вѣнокъ изъ розъ и надѣваетъ на голову Силія).

Силій.

(Обнимая то ту, то другую).

Наслажденье

Мнѣ съ вами жизнь.... Еще разъ въ круговую

Мы пустимъ кубокъ. Пью за здравье ваше,

За ночь веселую, за сладкіе часы

Безпечной юности!

КЛЕОПАТРА.

Я за забвенье

Несносной скуки пью!

Геллія.

Я за любовь

Минутную!

КАЛЬПУРНІЯ.

Да здравствуетъ Венера!

СИЛІЙ.

(Сильвѣ, которая сидитъ, задумавшись, въ сторонѣ).

Что-жъ ты одна, задумчивая Сильва,
Свой голосъ съ нашей пѣснью не сливаешь?

СИЛЬВА.

Печаль и скорбь — вотъ пѣснь моя.

СИЛІЙ. (Еѣ).

Ты бредишь,
Дитя мое! Что за слова? Гони
Заботы прочь! Увы, коль не играетъ
Улыбка на устахъ у дѣвы, всякій
Ея бѣжитъ.

СИЛЬВА. (Грустно).

О! Счастлива была бы
Я въ одиночествѣ.

КАЛЬПУРНІЯ.

(Силію, указывая на Сильву).

Да ну еѣ! Оставь,
Пускай себѣ мечтаетъ.

ГЕЛЛІЯ.

Вѣдь недавно
Она скучать задумала.

БЛЕОПАТРА.

Скажи
Намъ что-нибудь изъ римскихъ новостей.
Ты такъ учень, ты знаешь все по книгамъ....

СИЛІЙ.

Что-жъ вамъ сказать? Спокойно міръ заснулъ.
Ничтожныхъ схватокъ нѣсколько за Рейномъ,
Въ Британніи не въ силахъ пробудить
Его отъ сна.... Историки объявятъ,
Что то не сонъ и громкое названье
«Величье мира римскаго» дадутъ.
Здѣсь, въ городѣ, въ домахъ патриціанскихъ
Все тотъ же мужъ слѣпой и добродушный

И та-жь, какъ встарь, обманщица жена.
 Все также сынъ закладываетъ наследство
 Ростовщику спѣшить въ тотъ самый день,
 Когда скупой отецъ его, невѣжда,
 Сгораеть на кострѣ.—А во дворцѣ
 Отпущенникъ сильнѣе и богаче,
 Чѣмъ императоръ самъ; въ Сенатѣ-жь столько
 Примѣрной доблести, что изъ отцевъ
 Почтенныхъ сихъ, готовъ поклѣсться, всякій,
 Лишь будь угодно цезарю, что онъ
 Въ полночной тьмѣ увидитъ солнце. Чернь,
 Попрежнему, все проситъ игръ и хлѣба
 И, лишь порой, изъ дальнихъ странъ приходитъ
 Усталый царь какой-либо и проситъ,
 Передъ квиритами лежа во прахѣ,
 Ему его корону возвратить.
 Безпамятный! Я было и забылъ
 Про новость лучшую.... Нашли въ Египтѣ....

Всѣ.

Что?

Силій.

Фѣникса.

Всѣ. (Удивленно).

Какъ Фѣникса?

Силій.

Казался

Поэтовъ онъ несбыточной мечтой.
 Теперь же мѣръ увидѣлъ это чудо:
 Родится вновь онъ вѣчно отъ тепла
 И по смерти живетъ онъ обновленный
 Опять....

Геллія.

И мы увидимъ это диво?

Силій.

Конечно. Римъ ему воздвигнетъ храмъ.

СИЛЬВА.

(Вдохнувъ).

Онъ возрождается, а мы,—когда угаснетъ
Свѣтъ солнечный для насъ—мы возродимся-ль?

КЛЕОПАТРА.

Ты, Сильва, грусть на насъ наводишь пѣсню
Своею погребальной.

КАЛЬПУРНИА.

(Подбѣгая къ Сильвѣ).

Да! подумай,
Что юность коротка, какъ сонъ. Спѣши
Ей насладиться. Тамъ за нашей жизнью
Ждетъ вѣчный мракъ.

ГЕЛЛИА.

А скоро ли начнется
Рядъ новыхъ игръ?

СИЛІЙ.

Да, вамъ не долго ждать:
Ужъ къ Августу для праздниковъ готовы
Медвѣдей триста, столько же звѣрей
Изъ Африки.... Но мало это: Клавдій
Самъ хочетъ съ торжествомъ открыть театръ
Помпеевскій роскошный, ужъ давно
Пожаромъ уничтоженный, который
Онъ щедростью своей возобновилъ
До основанья....

КЛЕОПАТРА.

Видѣть пантомимы—
Вотъ страсть моя!

ГЕЛЛИА.

Я бѣшенныхъ звѣрей
Люблю смотрѣть!

КАЛЬПУРНИА.

А я предпочитаю
Бой гладіаторовъ.

Сильва.

Душа бѣжить,
 Какъ отъ чумы, отъ этихъ зрѣлищъ гнусныхъ.

Кальпурнія.

Да гдѣ душа въ тебѣ? Матронамъ знатымъ,
 Весталкамъ я завидую лишь въ томъ,
 Что ихъ мѣста къ аренѣ ближе въ циркѣ.
 Какой контрастъ побѣдъ и поражений,
 Предсмертныхъ мукъ и мужества! Тогда
 Сильнѣе сердце бьется....

Силій.

Жаль, что ты
 Не римлянка, Кальпурнія бѣдняжка;
 Ты быть достойна ея....

Сцена II-я.

Тѣже. Палласъ входитъ закутанный въ плащъ.

Палласъ.

Мой привѣтъ,

Брасавицы.

Геллія.

Гость дорогой, да будетъ
 Съ тобой Венера!

Силій (въ сторону)

Странная фигура!

БЛЕОПАТРА.

(Палласу).

Что сдѣлалъ ты? зачѣмъ плащемъ закуталъ
 Себѣ лицо и шею?

Палласъ.

Простудиться
 Боюсь я.... вѣдь все мое богатство
 Въ одномъ лишь горлѣ.

СИЛІЙ.

(Разсматривая его).

Вѣрно чтець.

ПАЛЛАСЪ.

(Силію).

Да, чтець.

И отъ трудовъ дневныхъ среди красавиць
Ищу я отдыха.... Ну, выпалъ мнѣ
Сегодня день!... Средь яствъ и воздыханій
Обѣда похороннаго прочель
Я цѣлую элегію: штукъ двѣсти
Гексаметровъ, пентаметровъ. Звался
Покойникъ Крассомъ; скупостью своею
Онъ дѣда превзошелъ и оставлялъ
Своихъ рабовъ у храма Эскулапа
Отъ голода въ мученьяхъ умирать.
Мои-жъ уста, по прихоти поэта,
Его щедротъ обиліе хвалили....

СИЛЬВА.

Ты могъ найти сочувствіе?!

ПАЛЛАСЪ.

Конечно.

Толпа кліентовъ, скрытыхъ въ глубинѣ,
Неистово и бурно рукоплещеть,
Какъ только смолкнуть гости. Вслѣдъ за тѣмъ
Пошелъ я въ домъ Валеріи, изъ рода
Патриціевъ знатнѣйшихъ.... На дверяхъ,
На лѣстницахъ гирлянды изъ фіалокъ
И розъ висѣли.... Средь роскошной залы
Съ улыбкой благородной принимала
Подарки и привѣтствія матрона
Отъ множества друзей.... Я, отродясь,
Не видывалъ противной столь старухи:
Вставные зубы, волосы чужіе
И тщетно скрыть старалось искусство
Слѣды морщинъ.... Само собою, я
Въ похвальной одѣ, полной лжи и лести,
Ея лица всѣ прелести воспѣлъ.

Геллія.

На свадьбу шла она?

Палласъ.

Нѣтъ, годовщину
Рожденья своего справляла.

Кальпурнія.

(Внезапно обнимая и лаская Палласа).

Кстати

Мое рожденіе сегодня. Дай
Мнѣ что-нибудь.

Клеопатра.

И мнѣ!

Геллія.

И мнѣ!

Палласъ.

Довольно!

Что за напасть! Отстаньте же, красотки!
Отвѣчу вамъ, что нѣкогда имѣлъ
Подругу я; къ несчастію, плутовка
Замѣтила, что къ ней я привязался,
И, чтобъ добыть подарки отъ меня,
Разъ десять въ годъ затѣяла родиться.

Кальпурнія.

Ну что-жъ, отлично.

Клеопатра.

У! какой ты скряга!

Палласъ.

Я скряга! Нѣтъ!—Принесъ съ собою я...

Геллія.

Что? Перстень?

Клеопатра.

Ожерелье?

Кальпурнія.

Нѣтъ? Такъ что же?

Палласъ.

(Внимаетъ мѣшокъ съ пряниками).

Вотъ эти пряники.

Клеопатра.

Какъ сладки!

Кальпурнія.

Какъ вкусны!

Геллія.

Какъ хороши!

(Въ минуту съѣдаютъ пряники).

Палласъ.

Да, придаютъ дыханью
Пріятный ароматъ. Я ихъ купилъ
У Космоса наслѣдниковъ, того,
Что въ славѣ былъ при Августѣ великомъ.

Силій.

Ты говоришь красно.

Палласъ.

Такъ апплодирую
Моимъ словамъ.

Силій.

Но маской шутовскою
Меня не проведешь. Твое лицо
Открою я....

Палласъ.

Напрасное старанье,
Любимецъ женъ, красавецъ молодой!

Силій.

Ужъ ты меня не хочешь ли обидѣть?

Палласъ.

Завидую тебѣ.

Геллія.

О боги! Ссора

У нихъ....

КЛЕОПАТРА.

Изъ-за чего-жь?

ПАЛЛАСЪ.

О нѣтъ! Напрасна
Тревога ваша. Старые друзья,
Здѣсь случаемъ сведенные, въ весельи
И пьянствѣ ночь мы съ вами проведемъ.
А!—мысль прекрасная—я предлагаю
Игру тебѣ. Изъ насъ пусть побѣдитель
За все заплатитъ!

КАЛЬПУРНИА.

Выдумка прекрасна!

ГЕЛЛІА.

Я за тебя стою.

КЛЕОПАТРА.

(Бѣжить обнять Силіа).

Я—за тебя.

СИЛІЙ.

(Палласу).

Не раздражай меня!

ПАЛЛАСЪ

(Силію).

Мнѣ камень очень
Тотъ рѣдкій нравится, что на рукѣ
Твоей блеститъ. Что стоить онъ?

СИЛІЙ.

Сто тысячъ

Сестерціевъ.

ПАЛЛАСЪ.

Ха! Богомъ казначеемъ,
Котораго обкрадываютъ всѣ,
Сатурномъ я клянусь! Ты въ счетъ занесъ.
Ужь за одно и ту, что подарила
Его тебѣ. Однако-жь принимаю
Нашъ уговоръ.

СИЛІЙ .

Я тоже .

ПАЛЛАСЪ .

Такъ какую-жъ

Игру ты хочешь?

СИЛІЙ .

Въ вѣры .

ПАЛЛАСЪ .

Берегись :

Со мною ты не поступи, какъ грекъ!

СИЛІЙ .

Я римлянинъ и родился свободнымъ .

ПАЛЛАСЪ

(Геллія) .

Свѣти, красotka!

ГЕЛЛІЯ .

Выиграй, смотри!

(Уходить въ дверь направо) .

Сцена III-я .

СИЛЬВА (одна) .

Вотъ я одна.... О, какъ я измѣнилась!...

Зачѣмъ—не знаю—хочется мнѣ плакать....

Да, тамъ въ тиши, гдѣ пѣсни и молитвы

Сливаются такъ грустно и чудесно,

Тамъ миръ души нашла я.... Часъ насталъ!—

И я уйду изъ дома незамѣтно

Туда.... на вѣки....

(Бѣжитъ къ среднему выходу, но вдругъ останавливается испуганная) .

Кто тамъ?

Сцена IV-я.

Сильва, Бито.

Бито.

(Появляется на порогъ).

Это я.

Сильва.

Ты, Бито?

Бито.

Я.... Иль ты не рада мнѣ?

Сильва.

Тебѣ всегда я рада.

Бито.

А я думалъ....

Сильва.

О нѣтъ, повѣрь!—Сражался нынче въ циркѣ?

Бито.

Да, битъ другихъ въ игрѣ, чтобъ самому
Не быть убитымъ—низкое занятъе;
Мнѣ тягостно оно.

Сильва.

Такъ брось же мечъ,
Запятнанный тебѣ подобныхъ кровью,
И добрымъ будь!

Бито.

Мнѣ тоже говорилъ
Изъ римлянъ величайшій,—Азіатикъ,
Богда онъ далъ въ минуту торжества
Свободу мнѣ;—но я не устоялъ
Въ борьбѣ съ привычкою грубою.... А ты,
Ты, Сильва, что грустна? Твои подруги
Безъ думы, безъ заботы веселятся,
Вокругъ тебя веселый шумъ.... одна
Ты въ сторонѣ, тоскуешь молчалива....
О чемъ ты думаешь?—Ну, подойди
Ко мнѣ поближе!... Какъ разрисовали

Головку рисовальщицы тебѣ!
 Твоя коса, блестя, персидскимъ нардомъ
 Благоухаетъ.... Маленькія уши
 Едва, увы! каменье въ могутъ бремя
 Тяжелыхъ этихъ снести.... Бѣдняжка Сильва!...

Сильва.

Меня жалѣешь ты? пусть благодарность
 Мою тебѣ расскажутъ эти слезы.

Бито.

Чудная дѣвушка!

Сильва.

О гладиаторь!

Ты добръ; мнѣ сердце шепчетъ, что могу
 Тебѣ открыться....

Бито.

Если стою я....

Сильва.

Съ недавнихъ поръ въ душѣ моей возникло
 Намѣренье великое: отсюда
 Я убѣгу и болѣе никогда
 Не возвращусь сюда я....

Бито.

Но куда-жъ ты

Пойдешь одна, безъ крова, безъ защиты?

Сильва.

Уйду туда, куда меня зоветъ
 Небесный гласъ.

Бито.

Обдумай.

Сильва.

Я рѣшилась.

Не уговаривай!

Бито.

Но розги и тюръма
 Рабынѣ бѣглой служить наказаньемъ!

СИЛЬВА.

Не страшны мнѣ мученья. Слушай, Бито!

БИТО.

Ну, говори!

СИЛЬВА:

... Былъ праздникъ Сатурналий,
 День торжества, что Владій учредилъ;
 Вездѣ пиры, на улицахъ движенье
 И смѣхъ и крики радостной толпы,
 Вездѣ веселье.... Отъ своихъ подругъ
 Украдкой я отстала и одна,
 По улицамъ мнѣ чуждымъ заблудившись,
 За городъ чрезъ Капенскія ворота
 Далеко вышла.

Солнце заходило....

Ночной покой спускался на поля;
 Косая тѣнь ложилась на могилы,
 И сумракомъ одѣлася земля....
 Я долго шла въ раздумьи одиноко....
 Вдругъ пѣнья звукъ—какъ будто изъ далека
 Меня достигъ.... Рождаясь подъ землею,
 Торжественно онъ неся къ небесамъ;
 И тайною ведомая рукою,
 Спустилась я въ волшебный этотъ храмъ....
 Средь голыхъ скалъ забытаго ущелья,
 Тамъ—въ глубинѣ сыраго подземелья
 Лампады, теплясь, слабо освѣщали
 Передъ крестомъ склонившійся народъ....
 Я пала ницъ въ восторгъ и печали
 И будто съ плечъ свалился тяжкій гнетъ....
 И всталъ тогда,—весь въ бѣломъ одѣяньи,
 Какой-то мужъ; въ восторженныхъ рѣчахъ
 Онъ сталъ учить, что горе и страданье,—
 Удѣлъ земли, примутъ воздаянье
 Въ обители Отца на небесахъ,
 Что гордые смирятся, что мы братья,
 Что *новое* ученье—любовь,
 Весь миръ въ свомъ зовущая объятья...

Когда онъ смолкъ, склонивъ колѣна, вновь
Запѣли гимнъ, и въ чистыхъ голосахъ
Дѣтей и женъ лились надежды звуки
На жизнь въ краю, гдѣ скорби нѣтъ и муки,
На вѣчную отчизну въ небесахъ...

(Слышенъ шумъ и крики изъ сосѣдней комнаты.)

Б и т о.

А этотъ пьяный хоръ, что общается
Тебѣ онъ, Сильва? Слышишь?

С и л ь в а.

Я пропала,
Меня поймають.

Б и т о.

Будь же осторожна,
Дитя мое, себя не выдай...

С и л ь в а.

Здѣсь
Меня зовутъ рабыней,—тамъ—сестрой.

Б и т о.

Ну, такъ ступай!

С и л ь в а.

Мы, можетъ быть, съ тобою
На вѣкъ простимся... Вспомнишь обо мнѣ
Ты иногда?

Б и т о. (Цѣлуетъ её въ лобъ).

Тебя я не забуду...

С и л ь в а.

Прощай! прощай!...

Б и т о.

Да охранять тебя
Ночные стражи...

С и л ь в а.

Вѣра—мнѣ защита!

(Она уходитъ).

Сцена V-я.

Бито (одинъ).

Б и т о

(Стоитъ нѣкоторое время въ молчаніи).

О, женщина!... Въ душѣ твоей смятенной
 Рисуется движенье мировое...
 Придетъ пора... и дряхлый сонмъ боговъ
 Инымъ богамъ свою уступить власть...
 На благо-ли?... Пускай рѣшитъ потомство.
 Мы-жъ день отъ дня все къ худшему идемъ...
 А былъ вѣдь мигъ, мигъ славы и надежды!
 На вѣкъ въ моей онъ памяти живетъ.
 Бай былъ убитъ, и консулы съ Сенатомъ
 Готовились съ вершины Капитоля
 Ужъ древнюю свободу возвѣстить...
 И что-жъ?—глупецъ, рукой судьбы найденный
 Въ гнѣздѣ своемъ, куда онъ скрылся въ страхѣ,
 Разрушилъ въ мигъ великія надежды,
 Разбилъ мечты—и живъ еще доселѣ...
 Душа и кровь породы Юліанской,
 Онъ чернъ плѣнилъ, какъ не могла плѣнить
 Ее за Римъ героевъ падшихъ память...
 И чернъ права: подстрѣленный орелъ
 Не стоитъ прахъ точащаго червя...
 А я—межъ тѣмъ—изъ цирка да въ таверну,
 Потомъ сюда въ вертепъ воровъ и женщинъ...
 Что-жъ дѣлать болѣе? Къ чему-жъ стараюсь
 Въ своихъ глазахъ себя я оправдать?
 Лишь ты одинъ, великій Азіатикъ,
 Ты служишь мнѣ укоромъ роковымъ...

(Останавливается у средняго выхода).

Какая ночь роскошная! Въ любви
 Коварная, прелестная луна;
 Какъ въ этотъ мигъ, когда-то улыбалась
 Калигулѣ ты вѣрно... Гадкій ликъ!
 Задержишь тучами!... Я ненавижу
 Подругу деспота... Тамъ на дорогѣ,
 Подъ портикомъ раскинувшись, храпѣлъ

Какой-то пьяница, загородивъ
 Проходимъ путь. Казалось, въ неподвижномъ
 Томъ трупѣ я узналъ изображенье
 Роднаго города... А! Наконецъ,
 Является отъ скуки развлеченье...
 Вотъ женщина какая-то идетъ.

Сцена VI-я.

Бито, Мессалина.

М Е С С А Л И Н А

(входитъ поспѣшно, оглядываясь кругомъ, и старается закрыть мантией свое лице).

Онъ потерялъ мой слѣдъ... О! я устала...
 Нѣтъ больше мочи...

Б и т о .

Предложить тебѣ
 Могу свою я руку для защиты.
 Тебя преслѣдуютъ?

М Е С С А Л И Н А

(съ крикомъ старается удалиться отъ Бито).

Ай! ты подслушалъ
 Мои слова... Что надобно тебѣ?

Б и т о . (Идетъ вслѣдъ за ней).

Меня бѣжишь ты?

М Е С С А Л И Н А .

Стой! Я не просила
 Ничьей защиты...

Б и т о .

Ты боишься?

М Е С С А Л И Н А .

Нѣтъ,
 Нисколько... я... я заблудилась... выйду
 Одна отсюда...

Б и т о . (Загораживая дорогу).

Этого тебѣ

Я не позволю...

Мессалина.

По какому праву?

Б и т о.

Даетъ мнѣ право поздній часъ ночной
И прихоть вольная...

Мессалина.

Ужель насилье
Употребишь ты?

Б и т о.

Нѣтъ, я лишь желаю
Взглянуть въ лице тебѣ. Ты хороша?

Мессалина.

Оставь меня!

Б и т о.

Я грубый гладиаторъ;
Но женщины, повѣрь мнѣ, не обижу,
Хотя-бъ она дерзнула заблудиться
По грязнымъ улицамъ предмѣстья. Что-жъ
Ты такъ дрожишь?

Мессалина.

О, нѣтъ, не прикасайся.

Б и т о.

Кто можетъ знать, какая дѣва плачетъ
Въ Германіи о русыхъ волосахъ,
Что для тебя ночнымъ уборомъ служить,
Что-бъ обмануть любовника иль мужа?
Но погоди, ты, видно, черезъ-чуръ
Поспѣшно одѣвалась; локонъ черный
Тебѣ на шею выбился нескромно...

Мессалина.

Твое мнѣ слово каждое—мученье...
Дай мнѣ дорогу! Сжался! Что тебѣ
Я сдѣлала?

Бито.

Блянусь святыней неба!

Твой голосъ...

Мессалина.

Что?!

Бито.

Смотри въ глаза мнѣ прямо!

Мессалина.

Нѣтъ!

Бито.

Я хочу... я требую... Напрасно...

Ты не уйдешь!

Мессалина.

Ай, ай!

Бито.

Въ умѣ ли я?!

Что это сонъ иль чудо? Мессалина,

Ты ль это?

Мессалина.

Я! Но тише говори.

Бито.

Твоимъ словамъ съ трудомъ могу я вѣрить....

Ты? въ этою часъ? одна, въ глухомъ предмѣстьи?

Въ моей крови опять горить огонь

Забытой страсти.... Случай всемогущій!

Еще на мигъ тебя предмѣстье сводить

Съ презрѣннымъ гладиаторомъ,—тебя,

Божественнаго Клавдія супруга!

Мессалина.

Мое пусть имя твой языкъ безстыдный

Сожжетъ тебѣ въ гортани! Положеньемъ

Своимъ во зло не пользуйся!... кто ты?

Тебя не знаю....

Бито.

Новыхъ увлеченій

Безумный рядъ прошедшее твое
Скрылъ отъ тебя забвенья пеленою.
Меня не знаешь ты? Тебѣ напомню
Я мѣсто, день и часъ....

Мессалина.

О нѣтъ! Не надо....

Оставь меня....

Бито.

Ты выслушать должна

Меня теперь.

Мессалина.

О горе!

Бито.

Помнишь ты

Цирцейскій праздникъ? Въ ложѣ надъ толпою
Сидѣла ты подъ царскимъ балдахиномъ.
Съ тобою рядомъ Цезарь полусонный....
Вокругъ толпа неистово шумѣла,
За статуи цѣпляясь и колонны....
Ликъ Августа покрыли пеленой,
Чтобъ не пугать пролитой крови видомъ....
Холодный мраморъ могъ пролить бы слезы.
Былъ поданъ знакъ—и съ двухъ сторонъ арены
Бойцы двумя отрядами сошлись....
Толпа шумѣвшая вдругъ онѣмѣла
И замерла въ волненіи живомъ....
Лишь стукъ мечей, да жаркое дыханье,
Порой хвала удачному удару,
Порой свистокъ повержанному въ прахъ....
Но вотъ покрылась трупами арена,
Ручьями кровь струилася по ней....
Изъ всѣхъ бойцовъ одинъ лишь оставался:
Меня сразить, безумецъ, думалъ онъ!
Схватились мы въ бою на смерть жестокомъ.
Я одолялъ; противникъ гордый палъ;

Но падшій онъ, казалось, объ искусствѣ
 Скорѣ чѣмъ о жизни сожалѣлъ....
 Вся какъ одинъ, толпа затрепетала
 И дрогнула привычная рука:
 Мнѣ стало жаль.... и, милости ища,
 Я посмотрѣлъ на цезарскую ложу,
 Но Цезарь спалъ.... Я на тебя взглянулъ,
 И ты, змѣя, блистая красотою,
 Съ свирѣпой похотливостью въ глазахъ,
 Безжалостно ты палець опустила....
 Вслѣдъ за тобой сенаторы, весталки
 И весь народъ.... Какъ левъ, стрѣлой пронзенный,
 Я застоналъ.... Я чувствовалъ желѣзо,
 Которое въ противника вонзалъ....
 Онъ захрипѣлъ и испустилъ дыханье....
 Весь циркъ тогда восторженно поднялся
 И увѣнчалъ побѣду и позоръ....

Мессалина.

Довольно!

Бито.

А! узнала ты меня?

Въ ту ночь я былъ въ таинственный покой
 Дворца введенъ....

Мессалина.

Молчи, я умоляю!

Бито.

Я опьянѣлъ среди благоуханій
 И нѣги сладострастной.... Какъ въ бреду,
 Ты предо мной явилась, Мессалина!

Мессалина.

Остановись, не убивай меня!

Бито.

Потомъ съ зарей настало пробужденье
 И изъ дворца я выброшенъ тобой,
 Какъ старый мечъ бросаетъ гладиаторъ....

МЕССАЛИНА.

О, горе мнѣ!

Бито.

Но кровію сочтется

Еще въ груди израненное сердце....

Съ тѣхъ поръ души покоя я не знаю....

Тебя съ тѣхъ поръ безумно я искалъ,
Судьбу свою въ тотъ день благославляя,

Когда тебя увидѣть удавалось

Мнѣ издали въ театрахъ или во храмѣ,

На улицахъ, гдѣ роскошью блистая,

Ты гордо шла въ величїи царицы,

Забывъ о томъ, кто жадно изъ толпы

Съ нѣмой тоской ловилъ тебя глазами....

Теперь,—когда ужъ тысячи страданій,

Когда отчаянье и гнѣвъ и слезы

Прожгли мою истерзанную грудь,

Теперь.... теперь ты здѣсь передо мною,

Дрожащая отъ страха и стыда!...

И думаешь бѣжать!? Нѣтъ! Та же ярость,

Съ какой тебя тогда я полюбилъ,

Во мнѣ опять вскипѣла.... Ты моя!...

МЕССАЛИНА.

О, пощади меня, не поддавайся

Порыву низкому!... Что хочешь ты?... Опомнись

И выслушай меня съ разсудкомъ трезвымъ!

Желаешь ты сокровищъ? Я могу

Тебѣ ихъ столько дать, что самый жадный

Скупецъ не смѣлъ бы столько пожелать....

Провинцію? Приказывай! ни въ чемъ я

Тебѣ не откажу.... Мое лишь слово

И будешь ты царемъ....

Бито.

Не нужно.... Сдѣлай

Меня рабомъ, лишь полюби!

МЕССАЛИНА.

Упрямецъ!

Меня погубишь ты!... Я не царица

Ужь болѣе.... Твои я обнимаю,
Какъ женщина несчастная, колѣна....
Прости меня!

Бито.

Нѣтъ, никогда! Мольбой

Лишь дикую ты ревность возбуждаешь
Въ моей груди.... И подлинно достойно
Предмѣстіе такой интриги гнусной....
Сознайся же, что къ Силію любовь
Тебя вела, къ безумному красавцу,
Адонису новѣйшему, стыду
Всѣхъ честныхъ, благородныхъ и любимцу
Тебѣ подобныхъ женщинъ лишь, Августа!...
А онъ тебя не любить.

Мессалина.

Лжешь ты!

Бито.

Нѣтъ,

Не любить онъ.... Недавно мнѣ казалось,
Что здѣсь его я звучный слышалъ голосъ....

Мессалина.

Какъ?! голосъ Силія?!

Бито.

Межь кубковъ полныхъ

И дѣвъ продажныхъ онъ проводитъ ночь
Въ безчинной оргіи.... Какое дѣло
Ему до горя твоего, безумной
Твоей любви!? Оцѣнить онъ опасность,
Которой подвергалась для него
Ты въ эту ночь?... Что, слышишь?

Мессалина.

Подлый, подлый!

Иду туда!...

Бито.

Рука моя могуча!

Нѣтъ, не пойдешь къ нему ты!...

МЕССАЛИНА.

Ай!

Бито.

За мной!

Ни слова болѣе!...

МЕССАЛИНА.

Пусти меня!...

Я умоляла. Знай! я угрожаю
Тебѣ теперь. Быть можеть, ты меня
Погубишь, но — клянусь богами ада!
Тебѣ не сдобровать!...

Бито.

Всегда спокойно

Я смерть готовъ былъ встрѣтить, улыбаясь....
Идемъ!

МЕССАЛИНА.

Пусти!

Бито.

Идемъ! А тамъ возьми

Ты жизнь мою—и я умру со счастьемъ!

МЕССАЛИНА.

Такъ я-жъ тебя съумѣю поразить
Въ томъ, что тебѣ дороже жизни!...

Бито.

Злая!

А въ чемъ? скажи!

МЕССАЛИНА.

Въ Валеріи твоемъ.

Бито.

Проклятіе тебѣ! проклятіе!! (бросается на нее).

МЕССАЛИНА.

Помогите!

Бито.

Молчи!... иль задушу!

М Е С С А Л И Н А .

Спасите!... убивают!...

Сцена VII-я.

Тѣже. Силій, Палласъ, Гелія, Кальпурнія, Клеопатра.

Силій.

Что тутъ за шумъ? Какъ?! ты?!

М Е С С А Л И Н А .

(Бросаясь къ Силію).

Спаси меня!

Бито.

(Обнажаетъ мечъ и подбѣгаетъ къ Силію).

Бумиръ развратныхъ женщинъ!

Силій.

Берегись ты,

Герой изъ цирка!

Бито.

Смѣешь издѣваться

Ты надо мной! Такъ пусть Венеры плачутъ!

Брасу твою испорчу!

Силій.

Хвастовство

Прилично Сатурналу!

Палласъ.

(Становясь между ними).

Разойдитесь!

Долой оружье!

Бито.

(Палласу)

Прочь съ моей дороги!

Мессалина.

О, ночь несчастная!

Палласъ.

Оставьте ссору!

Кальпурнія.

Гляди, въ рукахъ мечи!

Геллія.

Дерутся на смерть.

Клеопатра.

Бѣжимъ!

Кальпурнія.

(Кричать, выбѣгая на улицу)

Сюда! сюда ночные стражи!

Геллія.

Сюда скорѣй!

Палласъ.

(Силію и Бито).

Бросайте же оружіе!

Вотъ триумвиръ!

Сцена VIII-я.

Тѣже. Ночной триумвиръ и стража.

Триумвиръ.

(Входя постепенно)

Кто поднимаетъ шумъ?

Бито.

А, это ты? Ты во время поспѣлъ
 Съ Олимпа къ намъ. Юпитеръ покровитель
 Для Рима цѣлаго, а ты—предмѣстья....
 Пусть все уснетъ, не правда-ль? за другихъ
 Ты бодрствуешь безъ усталости.... Ты страхъ
 Воришекъ и любовниковъ, охрана

Богатыхъ и мужей. Но знай, я мѣсто
 Тебѣ назвать могу, гдѣ бь надо строже
 Надзоръ устроить. Спрячь своихъ солдатъ
 Вкругъ Палатина, гдѣ живетъ вашъ Клавдій,
 Кому весь міръ сжигаетъ оніамъ
 И дань несетъ,—вашъ Клавдій, этотъ призракъ,
 Завернутый въ державную порфиру!...
 Ты удивленъ? Смотри-жь сюда! Ты видишь
 Ту женщину? Она теперь лице
 Дрожащею рукою закрываетъ....
 Ее ты знаешь? Это Мессалина,
 Властителя надменная супруга....

Всѣ.

О боги! Мессалина!

Бито.

Да, она,
 Тайкомъ дворець въ глухую ночь покинувъ,
 Преслѣдуетъ, какъ подлая плебейка,
 Любовника развратнаго, позорить
 Великій Римъ, священную главу
 Его клеймя печатію разврата, —
 Нашъ гордый Римъ, который возвели
 На высоту всемірнаго владыки
 Въка жестокихъ битвъ и добродѣтель
 Покорныхъ женъ и нѣжныхъ матерей....
 Да, триумвиръ! послушай мой совѣтъ!
 На Палатинъ свою веди ты стражу,
 Тамъ окружай дома! Они, повѣрь,
 Такой вертепъ злодѣевъ, что твое
 Предмѣстіе въ сравненіи съ ними храмъ,
 Приютъ матронъ почтенныхъ....

Триумвиръ.

Объявляю

Тебя виновнымъ въ дерзкомъ оскорбленіи
 Величества....

Силій.

Измѣнникъ!

Бито.

Если жизнь
Бому наскучила, пускай подходит,
Пускай со мной помѣриться посмѣетъ!

(Уходитъ, защищаясь мечемъ).

Триумвиръ.

Поймать его!

(Нѣкоторые изъ стражи кидаются за нимъ).

Мессалина.

Убить его!... А сердце
Въ груди такъ сильно рвется и напрасно
Я словъ ищу.... Предатели!...

(Триумвиру, указывая на Силія).

Его

Ты отведешь подъ стражей во дворецъ!

Палласъ.

(Съ улыбкой представляясь Мессалинѣ)

Меня, Августа, тоже?

Мессалина.

(Ему)

Ты смѣешься,
Презрѣнный рабъ?—Склоняйся и дрожи!
Сильна ли я—узнаешь скоро ты!

, Алексѣй Ансановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ.

Историческое повѣствованіе.

XXXV.

Зоротынский доложилъ царю о безуспѣшности «розыска» въ Морозовой и ея сестрой. Онъ доложилъ это съ такими по-сающими подробностями, что Алексѣй Михайловичъ невольно блѣднѣлъ.

— Палачей въ трепеть привела своимъ неистовствомъ и стрѣльцовъ къ своему буйствію наклонила, пояснилъ Одоевскій.

— Волосы ходили у меня, великій государь, по головѣ аки живы, доложилъ и Волынский: — дьякъ Алмазь, великій государь, занеможе отъ виду тоея муки.

Царь оглянулся кругомъ: дьяка Алмаза Иванова дѣйстви-тельно не было среди приближенныхъ.

— Что же дѣлать съ ними? обратился царь къ сонму князей и бояръ: — и церковь, и земная власть безсильны надъ ними.

Всѣ потупились — страшно было отвѣчать на такой вопросъ....

— Огонь осилить, послышался чей-то мрачный голосъ.

Всѣ поглядѣли на говорившаго: это былъ «краснощокій» Па-вель, митрополитъ крутицкій. Алексѣй Михайловичъ долго молча глядѣлъ на него.

— Огонь? какъ бы не понимая этого слова, спросилъ онъ.

— Огонь небесный, великій государь.

— А въ нашихъ ли рукахъ огонь-ать небесный? качая головой, снова спросилъ царь.

— Въ твоихъ, великій государь: сказано бо — сердце царево въ руцѣ Божіи....

— А Богъ милостивъ.

— Милостивъ къ вѣрнымъ, а на Содомъ и Гомору онъ со-
слалъ съ небесе огонь и жупель.

Бояре безмолвно переглядывались. Долгорукій, князь Димитрій, отецъ вдовы Брюховецкой, раздумчиво качалъ головой. Онъ вспомнилъ Морозову на свадьбѣ своей дочери, когда ее выдавали за Брюховецкаго. Морозова была посаженной матерью и утѣшала плакавшую Оленушку.... Сердце сжалось у Долгорукова при этомъ воспоминаніи: «объимъ не задалось счастье.... *та тамъ, эта—здѣсь*»....

— Прикажи, великій государь, срубъ поставить на Болотѣ, продолжалъ жестокой митрополитъ—«Оладейникъ»:—затеpli свѣчу предъ Господомъ—свѣча та будетъ Морозова....

Многіе невольно вздрогнули отъ этого предложенія....

— Изъ живова тѣла свѣчу Господу—ахъ! отозвался кто-то.

— И свѣча та спасетъ православный народъ, настаивалъ Павелъ.

Долгорукій не вытерпѣлъ: Морозова и его бѣдная, погибшая дочь живыми стояли передъ нимъ.... одна горѣла, другая—такъ таяла....

— Али тебѣ, митрополитъ, мало свѣчново сбору, что ты вздумалъ насъ свѣчами подѣлать?! съ дрожью въ голосѣ заговорилъ онъ:—спасай словомъ, а не огнемъ.... Христосъ не жегъ огнемъ невѣрующихъ, а молился за нихъ—не вѣдаютъ-бо что творять»....

Царь ласково посмотрѣлъ на Долгорукова:—ему самому тяжелы были эти пытки да казни.

Но такъ на этотъ разъ ничѣмъ и не порѣшили....

Какъ бы то ни было, на другой день, за Москвой рѣкой, на Болотѣ, какъ разъ противъ теремныхъ оконъ, съ раняго утра ставили какое-то странное зданіе. Это былъ четырехъугольный срубъ изъ сухихъ сосновыхъ бревенъ, съ одною дверкою, но безъ оконъ. Въ срубѣ складены были костромъ дрова, а полъ устланъ былъ соломой и уставленъ снопами, которые доходили до самыхъ верхнихъ вѣнцовъ сруба.

Любопытствующіе толпились около этой странной горенки.

— Мотри-мотри, братцы,—мышь бѣжить изъ сруба! кричалъ паренъ съ лоткомъ на головѣ.

— То-то, подлая, знаетъ, что въ горенкѣ-ту тепло будетъ, ослабился другой малый.

— А вонъ и другая—ахъ ты курова дочь!—нну!

Бъ горенкѣ подошли двѣ монашки. Въ старшей, съ низко опущеннымъ на глаза влобучкомъ, можно было, хотя съ трудомъ, признать мать Меланію, отыскать которую не могли никакими средствами. Другая была молоденькая, и блѣдное, изящно округленное лицо ея обнаруживало, что не простаго роду эта монашка. Это и была боярыня, сестра Анисья, которой писалъ когда-то Аввакумъ изъ своей тюремной кельи у Никола на Угрѣшѣ, чтобъ она забыла свое боярство, и «сама мѣсила бы хлѣбы да варила шти для нищихъ».

Меланія грустно покачала головой, глядя на странную горенку....

— Уготована - уготована.... постель брачная, тихо бормотала она.

— Да, и снопами уложена, какъ подобаетъ на свадьбѣ, добавила Анисья.

— Такъ-такъ, Анисьюшка, эти хоромы краше царскихъ....

Онѣ заглянули и внутрь горенки....

— Да-да.... чинно, зѣло чинно устроено....

Молодая монашка дотронулась рукою до сноповъ, до бревень.... Руки ея дрожали....

— Охъ, Федосьюшка! помолись за насъ!

Меланія перекрестила всѣ четыре угла страшной горенки. Все это она дѣлала тихо, плавно; безстрастное лицо ея выражало спокойствіе, и только рысьи глазки свѣтились ярче обыкновеннаго изъ-подъ своихъ навѣсовъ. За то лицо ея молодой спутницы отражало на себѣ всѣ волновавшія ея душу движенія.

— Пойти утѣшить Федосьюшку, сказала наконецъ Меланія.

— Чѣмъ, матушка?

— Да вотъ горенкой новой.

— О-охъ! помилуй Господи!

— Да письмомъ Аввакумовымъ.

— Точно, точно, матушка.... утѣшь ее, горемычную, порадуй.... Вонъ она, мученица, что ту ночь вытерпѣла на пыткѣ, Онисимко стрѣлецъ сказывалъ....

Молодая монашка нагнулась, выдернула изъ одного снопа небольшой пучокъ соломы и поцѣловала его. Затѣмъ они поклонились ужасной горенкѣ и пошли въ городъ. Молодая монашка шла съ пучкомъ соломы, словно бы она возвращалась съ вербой отъ вербной заутрени.... Она сама думала объ этомъ....

— И точно верба.... И подь Христа ваи метали предь распя-
тїемь....

— Только неого намъ будеть «плащаницею чистою обвить»,
многознаменательно сказала Меланія.

Ночью Меланіи удалось пробраться въ темницу къ Морозо-
вой. Какъ она проникла въ это никому недоступное мѣсто—это
была тайна ея неотразимаго вліянія на всю, поголовно подчи-
ненную ей, при томъ тайнымъ подчиненіемъ, Москву. Меланію всё
знали, начиная отъ князей и бояръ и кончая послѣдними стрѣль-
цами, тюремщиками и палачами. Ей всё повиновались, она про-
никала всюду, передь ней разступалась стража, отмыкались
замки; но когда царь требовалъ сыскать эту опасную женщину,
грозилъ опалой за неотысканіе ея—Меланія точно сквозь землю
проваливалась....

Стража Морозовой пропустила къ ней мать Меланію.

Морозова стояла у тюремнаго окошечка и, держась руками
за желѣзную рѣшетку, смотрѣла на блѣдные, слабо мерцающія
звѣзды. Ей казалось, что кто-то смотритъ къ ней въ темничное
оконце, смотритъ съ того далекаго, невѣдомаго неба.... Ей пред-
ставлялось оно населеннымъ живыми, свѣтлыми, родными ей су-
ществами: и Ванюшка, сынокъ ея, и тотъ княжичъ, что polegъ
давно на литовскихъ кровавыхъ поляхъ, и добрый мужъ ея,
Глѣбушко, и тотъ сильный, страшный, но смирившійся Степа-
нушко Разинъ.... Гдѣ подѣли его голову, его кости? куда ворояъ
занесъ ихъ?...

Дверь тихо визгнула и отвариалась....

— Оедосьюшка! дочка моя! слышался знакомый голосъ.

— Матушка! мати моя! радость моя!

Морозова бросилась на землю и восторженно цѣловала руки
своей учительницы. Меланія благословляла ее. Слышны были
только не то радостныя, не то горькія всхлипыванья....

За окномъ завылъ протяжный окликъ часоваго....

— Словно ангель, дверемъ затвореннымъ пришла, захлебыва-
лась и радостью, и слезами Морозова.

— Не плачь, дочь моя, а радуйся, внушительно сказала Ме-
ланія.—Ужь домъ тебѣ готовъ, весьма добръ, ниинно устроень
и соломою цѣлыми снопами установленъ—сама ходила на Болото
посмотрѣть.... Радуйся! уже отходишь ты въ блаженство ко
Христу, а насъ сирыхъ оставляешь....

Что чувствовала при этихъ словахъ своей наставницы Морозова—это знаютъ только тѣ немногіе, которые рѣшились идти на вольную смерть за идею.... Они чувствуютъ то, что чувствовалъ Христосъ въ саду Геосиманскомъ, когда молился о чашѣ: страшна эта чаша, хоть избранники своею волею тянутся испить содержимое въ ней, — въ этомъ сосудѣ смерти, хоть и сладко утѣшеніе тамъ, глубоко гдѣ-то, въ пламенѣющей восторгомъ душѣ....

Морозова снова упала на колѣни и подняла руки къ небу, которое слабо мерцало звѣздами сквозь тюремную рѣшетку:—она тихо молилась....

— А я тебѣ еще радость принесла, сказала Меланія, когда она поднялась съ земли.

Морозова, казалось, не понимала что ей говорили: первая «радость» была слишкомъ велика, чтобъ тотчасъ же хватило силъ принять и «вторую»....

— Аввакумово посланіе къ тебѣ принесла я, пояснила старица:—слово тебѣ великое, похвальное....

И она вынула изъ-подъ рясы сложенную въ дудочку бумагу.

— Отъ Аввакума! Господи, благодарю тебя! сподобилъ меня! какимъ-то подавленнымъ голосомъ воскликнула узница:—передъ смертью хоть.... благословить меня....

Меланія подала ей свертокъ. У Морозовой дрожали руки, и она не могла развернуть посланія....

— Страничекъ въ посохѣ принесть изъ Пустозерья, пояснила старица:—просверлили подонокъ и вложили туда посланіе, страха ради никоніанска:—а то никоніане отняли бы....

Морозова развернула свитокъ, пригнулась къ нему, поцѣловала; но читать еще было темно, хотя лѣтняя ночь уже посылала въ тюремное оконце блѣднорозовую зорю.

— Потерпи мало, миленькая,—ужь свѣтаетъ, успокоивала ее старица:—свѣтлый ликъ Господа скоро глянетъ къ тебѣ въ оконце.

Морозова стала разсиранивать ее о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ, кого еще взяли, кто цѣль остался, кого замучили. Старица разсказывала, какъ плакалъ и цѣловалъ братъ Акинфеушки кровавое покрывало, которое она прислала ему изъ застѣнка, прямо съ пытки, съ стрѣльцомъ, какъ онъ призывалъ потомъ къ себѣ стрѣльцкихъ сотниковъ, дарилъ ихъ, угощалъ...

— А все ухлѣбливалъ ихъ для того, чтобы не свирѣпы были къ вамъ, дѣти мои, поясняла старица.

Потомъ рассказала, какъ онѣ съ Анисьюшкой ходили на могилку къ ея сынку, Ванюшкѣ, помолились, панихидку отпѣли...

— И таково хорошо тамъ у него, прибавляла старица: — цвѣтики лазоревы и аленьки, и синеньки посажены на могилкѣ — таково хорошо цвѣтуть.

Всѣ эти вѣсти для заключенной казались принесенными изъ другаго, далекаго міра, въ который для нея уже не было возврата.

— А братца твоего Федора царь послалъ съ грамотами въ черкаскую землю, къ гетману Петру Дорошонку, сообщила старица: — а тотъ Дорошонокъ держать въ полону нашу бывшую княжну Долгорукову....

— Олѣнушку — какъ же бѣдная! — еще я у ей посаженной матерью была, горько покачала головой узница.

Заря уже ярко глядѣла въ оконце, и хотя съ трудомъ, но читать Аввакумово посланіе можно было. Морозова перекрестилась, снова поцѣловала его, приблизила свертокъ къ оконцу и стала читать.

«Аввакумъ протопопъ, рабъ Божій, живой въ могилѣ темнѣй, кричить вамъ, чада мои: миръ вамъ! — начала она. — Увы! измолче гортань мой, исчезозете очи мои, свѣтъ мой государыни Федосья Прокопьевна! откликнись въ могилу мою: еще ли ты дышишь, или удавили, или сожгли тебя, яко хлѣбъ сладокъ? Не вѣмъ и не слышу.] Не вѣдаю живò, не вѣдаю сконча ли чадо мое церковное, драгое? О чадо мое милое! провѣщай мнѣ, старцу грѣшну, единъ глаголѣ: жива ли ты?»

Морозова невольно опустила бумагу на колѣни и утерла катившіяся изъ глазъ слезы, которыя, падая на листъ, мѣшали читать....

— Жива еще — дышу благодатию Божіею, тихо, сквозь слезы, говорила она.

Вытеревъ глаза, она опять поднесла къ свѣту бумагу.

«Увы Феодосія! Увы Евдокія!» начала она снова, и остановилась.

— А что Дуня? спросила она.

— Вечоръ я заглянула и къ ней, отвѣчала старица: — земно кланяется тебѣ.

— А что руки у нее — какъ?

— Опадать стала опухоль въ плечахъ—легшаеть.

— А духомъ какъ?

— Бодра.... истинный воинъ Христовъ....

«Увы Θεодосія! Увы Евдокія!—продолжала читать Морозова—два супруга нераспряженная, двѣ ластовицы сладко глаголивья, двѣ маслины и два свѣщника предъ Богомъ на земли стояще! Воистину подобни есте Еноху и Или, женскую немощь отложивше и мужескую мудрость восприявше, діавола побѣдиша и мучителей посрамиша, вопіюще и глаголюще: «Приидите, тѣлеса наши мечи ссѣцйте и огнемъ сожгите, мы бо, радуяся, идемъ къ жениху своему Христу». О, свѣтила великія, солнце и луна русскія земли, Θεодосія и Евдокія»....

— Ахъ, матушка,—мнѣ стыдно читать, потушилась узница:—я не стою этого....

— Онъ, свѣтъ нашъ, знаетъ, чего ты стоишь, успокоила ее старица:—чти далѣ.

«О двѣ зари, освѣщающія весь міръ на поднебеснѣй! Воистину красота есте церкви и сіяніе присносущныя славы Господни, по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома Господня, возбраняете волкомъ входъ во святыя. Вы два пастыря—пасете овчье стадо Христово на пажитѣхъ духовныхъ, ограждающе всѣхъ молитвами отъ волковъ губящихъ; вы руководство заблудшимъ въ райскія двери и вшедшимъ древа животнаго насажденіе. Вы похвала мученикомъ и радость праведнымъ и святителемъ веселіе. Вы ангеломъ собесѣдницы и всѣмъ святымъ сопричастницы и преподобнымъ украшеніе. Вы и моеи дряхлости жезлъ и подпора, и крѣпость, и утверженіе, и—что много говорю!—всѣмъ вся бысте ко исправленію и утверженію во Христа Іисуса»....

Она припала лицомъ къ ладонямъ и тихо плакала радостными слезами.... «Не заслужила я, охъ не заслужила»....

— Полно-ка! чти—скоро день, понуждала ее старица:—онъ знаетъ, что говорить.

«Какъ васъ нареку? Вертоградъ едемскій именую и Ноевъ славный ковчегъ, спасшій міръ отъ потопленія. Древле говаривалъ и нынѣ тоже говорю: кіотъ священія, скрижали завѣта, жезлъ Аароновъ прозябшій, два херувима одушевленная. Не вѣдаю какъ назвать. Языкъ мой коротокъ, не досяжетъ вашей доброты и красоты. Умъ мой не обьметъ подвига вашего и стра-

данія. Подумаю, да лише руками возмахну! Какъ такъ государыни изволили съ такія высокія степени сступить и въ безчестіе вринутися! Воистину подобны Сыну Божію, отъ небесъ сступилъ, въ нищету нашу облечеса и волею пострадалъ. Тому жъ и здѣ прилично. О васъ мнѣ разсудить не дивно: яко 20 лѣтъ и единое лѣто мучать мя»....

— Двадцать лѣтъ! неволью воскликнула молодая узница, поднявъ глаза къ потолку тюрьмы.

— Двадцать лѣтъ и съ годомъ, тихо поправила ее Меланія.

— А я то—что я противу него!—Мнѣ и году нѣтъ какъ я въ заключеніи....

— Добро и то: нонѣшнюю ночь вспомяни....

— Что, матушка, нонѣшнюю?

— Вчерашнюю, дочь моя,—какъ на вискѣ-тѣ висѣла:—тамъ мигъ единъ годомъ кажется.

Старика была права: Морозова вспомнила прошлую ночь—ночь въ застѣнкѣ.... Да, тамъ минута острой боли казалась годомъ.... Она неволью вздрогнула....

«На себо званъ есмь, да отрясу бремя духовное, продолжала она читать: — азъ человекъ нищей, непородной и неразумной, отъ человекъ беззаступной, одѣянна и злата и сребра не имѣю, священническа рода, протопопъ чиномъ, скорбей и печалей преисполненъ предъ Господомъ Богомъ. Но чудно и пречудно о вашей честности помыслити; родъ вашъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ сему царю былъ дядька, и пѣстунъ, и кормилецъ, болѣлъ объ немъ и скорбѣлъ паче души своей день и ночь, покоя не имуще. Онъ сопротивъ того, царь-отъ, племянника его роднаго, Ивана Глѣбыха, опалю и гнѣвомъ смерти напрасной предалъ твоего сына и моего свѣта....»

Дрогнули у несчастной матери руки при чтеніи этихъ словъ; но она отогнала отъ себя образъ сына, и продолжала читать.

«Увы, чадо драгое! Увы, мой свѣте, утроба наша возлюбленная, твой сынь плотской, а мой духовной! Яко трава посѣчена бысть, яко лоза виноградная съ плодомъ къ землѣ преклонилася и отыде въ вѣчная блаженства со ангели ликовать и со лики праведныхъ предстоитъ святѣй троицѣ. Уже къ тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебѣ уже некого четками стегать и не на кого поглядѣть, какъ на лошадей поѣдетъ, и по головкѣ некого поглядить....»

Она не могла дальше читать.... «Некого по головкѣ поглядить».... Эта курчавая голова такъ и стоитъ передъ нею.... стоитъ—вотъ тутъ—въ душѣ стоитъ—а поглядить некого!

— О мой сыночекъ! о мой кринь сельный!...

Она обхватила голову руками и закачалась на мѣстѣ какъ бы отъ нестерпимой боли.

— Не плачь, Федосьюшка-свѣтъ,—скоро сама съ нимъ увидишься, бросила ей жестокое утѣшеніе мать Меланія.—Онъ, свѣтикъ, скоро встрѣтитъ тебя....

— Охъ! дитятко мое!

— А ты полно, родная,—чти.... Онъ утѣшитъ тебя.... чти, голубка!

Морозова оторвала руки отъ лица, подняла голову къ небу и застонала, крѣпко стиснувъ руки.

— Читай же, чти, золотая.

«Помнишь ли, какъ бывало миленькой мой государь—читала несчастная захлебываясь—въ послѣднее увидался я съ нимъ, егда причастилъ его? Да пускай! Богу надобно такъ, и ты не больно о немъ кручинься. Хорошо, право, Христось изволилъ. Явно разумѣемъ, яко царствію небесному достоинъ. Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно: съ Федоромъ тамъ себѣ у Христа ликувствуютъ. Сподобилъ ихъ Богъ, и мы еще не вѣмы, какъ до берега доберемся. Поминаешь ли Федора и не сердитуешь ли на него? Поминай Бога-для, не сердитуй!...»

— За что жъ мнѣ сердитовать на него?—Божій былъ человекъ, горестно покачала она головой:—помню, какъ онъ разъ со мной въ каретѣ къ Ртищевымъ ѣхалъ, миленькой.... Да что про то вспоминать!

Становилось совсѣмъ свѣтло. Востокъ розовѣлъ и на монастырскомъ дворѣ и въ зелени для мелкой птицы уже насталъ день радостей и заботъ—говорливый птичій день. Мать Меланія встала—на лицо ея легла особая тѣнь....

Морозова все поняла чуткимъ сердцемъ и, казалось, приникла, опустила всѣмъ тѣломъ: сердце и лицо Меланіи сразу сказали ей, что съ нею хотятъ—«прощаться»—«прощаться въ послѣдній разъ—на вѣки—прощаться, чтобъ ужъ не свидѣться болѣе до страшной трубы архангела....»

— Матушка! ты покидаешь меня! прошептала она словно бы чужими, дрожащими губами.

— Не я покидаю тебя, а ты насъ—отходишь въ блаженство, рѣзанула ее по сердцу безошаднымъ утѣшеніемъ:—ты, свѣчка наша восковая, гаснешь....

— О-о! мать моя! матушка!

Меланія незамѣтно вынула изъ-подъ своей черной рясы что-то блестящее.... Звякнули ножницы....

— Матушка! что это?

— Ножницы, сладкое чадо мое.

— Зачѣмъ они тебѣ?

— А затѣмъ, дочушка моя, что ты отходишь отъ насъ въ жизнь вѣчную, покидаешь насъ сирыхъ.... А насъ много, что будутъ вспоминать тебя да плакать по тебѣ: мы съ Анисьюшкой, Анна Амосовна да Степанида Гибная—рабыни твои и сестры по Богѣ, рабъ твой Иванушка, что золото и серебро твое, всѣ сокровища твои скрылъ отъ царя и никонианъ и за что нынѣ взять и мученію преданъ....

— И такъ и Иванушку, стараго раба дому моего, взяли? спросила, о чемъ-то думая, узница.

— Взяли, милая.

— А богатства мои—золото и серебро и камни многоцѣнные?

— Сокрыты отъ всѣхъ.... Иванушка и подъ пыткой не выдалъ тебя.

— Кому же открылъ онъ?

— Мнѣ милая.... Одна я, старая грѣшница, все знаю.... Такъ вотъ намъ на память объ тебѣ хоть по прядочкѣ волосочковъ твоихъ шелковыхъ оставь, миленькая, чтобъ было чѣмъ вспоминать тебя....

— Хоть всю косу мою возьмите! страстно воскликнула молодая боярыня.

— Зачѣмъ всю косу?—Съ косою ты должна предстать жениху твоему—Христу Богу....

— Матушка! святая моя!

— Съ косою—съ косою, дитятко.... Эко коса у тебя!

И старая «наставница», распустивъ роскошную косу своей «послушницы», выбрала одну прядь и отрѣзала ее ножницами.

— Эко коса невиданная! бормотала она, наverting прядь на свой сухой палець.—Такъ-ту.... А то вся бы сгорѣла—ни волосочка бы не осталось.

Морозова упала на колѣни, какъ бы на молитву.

— Благослови меня, матушка! поддержи меня!

— Не монѣ подкрѣпа моя нужна тебѣ, милая, а послѣ.... тамъ....

Старая наставница не договорила. Морозова глядѣла на нее заплаканными глазами и, казалось, не понимала, что ей говорили.

— Ну прощай, дочушка моя любимая, перекрестила ее старуха.—А ты вотъ что слушай: когда возьмутъ тебя никониане на казнь и поставятъ на срубъ и подожгутъ подъ тобой солому и дрова—тогда перекрестись истово и покажи народу руку съ двумя перстами:—тутъ и меня увидишь.... Я то же подыму руку.... по рукѣ меня и узнаешь.... Сквозь огонь и дымъ увидишь меня.... тогда я подкрѣплю тебя....

Гдѣ-то за монастырской стѣной послышалась пѣсня:

Какъ журушка по бережку похаживаетъ,
Шелкову травинушку пощипываетъ!...

XXXVI.

Страданія за идею нравственно заразительны.

Чтобы понять этотъ повидимому странный парадоксъ, слѣдуетъ обратиться къ исторіи человѣчества. Историческая жизнь человѣчества представляетъ, если можно такъ выразиться, послѣдовательный рядъ нравственныхъ эпидемій, смѣняющихъ одна другую и часто осложняемыхъ другими, болѣе или менѣе сильными, болѣе или менѣе повальными и продолжительными эпидеміями духа обществъ. Исторія отмѣчаетъ намъ нѣсколько крупныхъ проявленій нравственныхъ эпидемій въ родѣ эпидеміи «крестовыхъ походовъ», когда эта специальная зараза охватила даже дѣтей. Были эпидеміи монашескихъ и фанатическихъ самоистязаній. Въ началѣ XVI-го вѣка, послѣ открытія Америки, эпидемія открытія новыхъ земель. Эпидемія самоубійствъ весьма часто чередуются въ исторіи человѣчества съ другими эпидеміями.

Къ такимъ же нравственнымъ эпидеміямъ принадлежатъ эпидеміи страданій за идею. Пострадалъ одинъ, и за нимъ, какъ за Христомъ и апостолами, идутъ десятки, за десятками сотни, за сотнями тысячи.

Такъ было и въ эпоху, къ которой относится наше повѣствованіе. Страданіями думали утрашить другихъ—и, напротивъ, заражали незараженныхъ, увлекали искать страданій. За Аввакумомъ шла Морозова, за Морозовой Урусова, Акинфешка, Ива-

нушка, Анна Амосовна, Степанида Гнѣвная. За этими послѣдними—цѣлые легіоны.

Эпидеміи страданій за вѣру порождаются преслѣдованіями. Когда въ царскомъ дворцѣ, на женской половинѣ, въ теремахъ, узнали о страданіяхъ Морозовой съ сестрою, такъ Алексію Михайловичу отбою не стало отъ своихъ сестеръ и дочерей: всѣ жалѣли о страдальцахъ, плакали, приставали къ царю, не давая ему проходу и чуть не учинили женскій, теремной бунтъ. Первая взбунтовалась пятнадцатилѣтняя царевна Софьюшка — бросила учиться, закинула куда-то и «ариметикію», и «премудрости цвѣты» и всякія «верты», и географію съ ея «перинками» и «антиками» — и задумала идти въ монастырь, постригаться.... Одно только ее смущало—какъ же съ лебедями быть, которые безъ нея соскучатся?... Однимъ словомъ, царевна Софьюшка рвала и метала, и какъ ее отецъ ни умасливалъ, что возьметъ съ собою на «Навуходоносорово дѣйство», — она дулась теперь и твердила о монастырѣ.

Но больше всѣхъ досадила царю его старшая сестра, царевна Ирина Михайловна.

— Зачѣмъ, братецъ, не въ лѣноту творишь, упрекала она царя,—зачѣмъ вдову бѣдную помыкаешь?

— Какую вдову, сестрица? съ неохотою отвѣчалъ царь.

— А Морозову. Достойно было бы познать службу Борисову и брата его Глѣба.

Напоминаніе о Борисѣ Морозовѣ, о дядкѣ и пѣстунѣ «тишайшаго», особенно было огорчительно и досадливо.

— Добро, сестрица! коли тягчишь о ней, тотчасъ готово ей у меня мѣсто, съ сердцемъ отвѣчалъ онъ.

Но какъ бы то ни было, Морозову не рѣшились жечь въ срубъ, что уже срубили на Болотѣ....

Видя, что вся Москва, и дворъ, и боярство, и чернь тайно и явно переходятъ на сторону заключенной боярыни, царь приказалъ увезти ее изъ Москвы и заключить въ Новодѣвичій монастырь. Но это только подлило масла въ огонь. Вся Москва поднялась на ноги, особенно женскій полъ: «вельможныя жены» и «вельможныя дщери» съѣзжались въ монастырь смотрѣть на «мученицу» и «учиться у нея, како страдати». Открылись такимъ образомъ, такъ-сказать, «курсы науки страданій» — и все валило въ Новодѣвичій «учиться страдати и умирать». Москву постигла буквально эпидемія страданій.

И всё́мъ этимъ движеніемъ заправляла невидимая рука неуловимой матери Меланіи и ея черныхъ юныхъ послушницъ въ родѣ Анисьюшки, Агафьюшки, Евдокеюшки и иныхъ, пронигавшихъ веюду, во всё́ семьи и увлекавшихъ за собою и старость, и молодость, стрѣльцовъ и тюремщиковъ... Стали искать страданій сами палачи...

Алексѣй Михайловичъ просто терялся, не зная что предпринять. Даже купанье въ пруду стольниковъ теперь не тѣшило его. Онъ ходилъ самъ не свой, не вѣря никому, боясь своихъ совѣтниковъ и наушниковъ.

Тогда, не говоря никому ни слова, онъ принимаетъ новое рѣшеніе—покориться народной волѣ.... Но онъ не зналъ, что это было уже поздно:—народное чувство было обижено въ лицѣ тѣхъ, кого онъ, народъ, любилъ и кому вѣрилъ.

Алексѣй Михайловичъ приказалъ позвать къ себѣ не боярина и не духовнаго сановника, а человѣка изъ народа—стрѣleckаго голову, Юрія Лутохина.

— Знаешь, Юрье, боярыню Морозову? ласково спросилъ царь.

— Какъ-ста, ваше царское пресвѣтлое величество, не знать боярыни Θεодосьи Прокопьевны! отвѣчалъ Юрій, шибко тряхнувъ волосами.

— А какъ ты, Юрье, объ ней думаешь? косвенно допытывался царь.

— Не можемъ-ста знать, ваше царское пресвѣтлое величество, былъ отвѣтъ и новая встряска волосъ.

— Я спрашиваю: правое ся—су дѣло, или неправое? настаивалъ царь.

— Не наше-ста это дѣло, ваше царское пресвѣтлое величество, наладилъ стрѣлецъ.

— Какъ не наше-су?

— Не нашево-ста ума, ваше царское пресвѣтлое величество.

Царемъ овладѣвало нетерпѣніе.... «Эко чурбанъ!... хоть колъ на головѣ теши—не скажетъ»....

— Да ты-то, что объ ней мыслишь? уже раздраженно спросилъ царь.

«Чурбанъ», которому думать не полагалось, и тутъ нашелся.

— Какъ поволить твое царское пресвѣтлое величество, такъ я и мышлю, отвѣчалъ онъ.

Алексѣй Михайловичъ видѣлъ, что тутъ ничего не добьешься; но онъ достаточно зналъ свой народъ, чтобы не видѣть, что

стрѣлецкій голова не на его сторонѣ.... Ясно — это гласъ народа....

И Алексѣй Михайловичъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Вотъ что, Юрье, сказалъ онъ, подумавши:—ступай ты къ Морозовой въ Новодѣвичій и скажи ей моимъ государевымъ словомъ: «Мати праведная, Ѳедосья Прокопьевна! хочу ты азъ въ первую честь возвести. Дай мнѣ таковое приличіе людей ради, что аки не даромъ тебя взялъ: не крестися тремя персты, но тоцію руку показавъ, наднеси на три перста. Мати праведная, вторая Екатерина мученица! послушай: азъ пришлѣ по тебѣ капитану мою царскую и со аргамаками своими, и придутъ многіе бояра и понесутъ ты на головахъ своихъ. Послушай, мати праведная! Азъ, самъ царь, кланяюсь главою моею: сотвори тако!»

Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно поклонился. Юрій Лутохинъ стоялъ видимо пораженный: въ глазахъ и на лицѣ его играли умиленіе и радость.

— Уразумѣлъ? спросилъ царь.

— Все уразумѣлъ, ваше царское пресвѣтлое величество! съ силою отвѣчалъ стрѣлецъ.

— И все запомнишь?

— Все, все до капли, ваше царское пресвѣтлое величество!... Мати праведная, Ѳедосья Прокопьевна! хочу ты азъ....

— Добро-добро.... Ступай....

Поклонившись и неистово потряхнувъ волосами, стрѣлецъ вышелъ, ногъ подъ собою не чуя.

Юная царевна Софьюшка, нечаянно подслушавшая этотъ разговоръ отца съ стрѣлецкимъ головою, положила гнѣвъ на милость, и когда Алексѣй Михайловичъ, послѣ всѣхъ своихъ дѣлъ, распустивъ бояръ, усталый, но довольный собою, зашелъ по обыкновенію въ теремокъ царевны, Софьюшка встрѣтила его совсѣмъ милостиво, попрежнему бросилась на шею отцу и даже ошастливила его приглашеніемъ идти съ нею на прудъ рыбу удить.

— Что ты, глазуня моя! удивился царь:—вотъ выдумала! царь рыбу удить будетъ.... вотъ!

— А какъ же, государь батюшка, апостолы удили? озадачила она отца.

Царь не могъ не удивиться находчивости своей любимицы. Онъ улыбнулся.

— И то правда, дочка:—апостолы рыбаки были.

— И Христось съ ними рыбу ловилъ.

— Ахъ ты умница моя!... Точно — велѣлъ онъ мрежи метать....

Алексѣй Михайловичъ совсѣмъ разчувствовался. Онъ гладилъ шелковистые волосы своей «глазуньи» и удивлялся, когда она успѣла вырасти.... Онъ при этомъ почему-то вспомнилъ своего младшаго сыночка, царевича Петра, котораго ему на дняхъ родила молодая царица.... «Ужъ и крикунъ же уродился Петрушенька царевичъ! думалъ онъ: — въ кого бы только буинъ такой задался?... И что изъ него выйдетъ?»...

— Такъ пойдешь рыбу удить, батюшка? ласкалась царевна.

— Инъ такъ и быть—пойду—побалую съ тобой!

Царевна тотчасъ же бросилась на переходы, захватила тамъ удочки, ящичекъ съ сырою землею и червями, взяла отца за руку и особымъ, «царевнинымъ» ходомъ потащила его къ пруду. Царь, при своей тучности, едва поспѣвалъ за ней. Съ такимъ же трудомъ тащила въ слѣдъ за ними, переливаясь уткой, старая, круглая мамушка, глазъ неспускавшая съ своей необыкновенно подвижной питомицы.

— Охъ ужъ и что это за огонь-царевна! ворчала старушка:— государя батюшку замаяла.

— Ничего-ничего, мамушка, успокоивалъ ее благодушный царь.

— Ой весело! охъ хорошо! восхищалась балованная дѣвочка:—батюшка рыбу удить будетъ.

Увидѣвъ свою любимицу, лебеди подняли необыкновенный гвалтъ, махали крыльями, слѣша къ берегу. Выйдя изъ воды, они тотчасъ же напали на царевну и, вытягивая свои длинные шеи, безцеремонно запускали свои головы ей въ карманы и за пазуху....

— Ай щекотно! смѣялась она, защищаясь отъ птицы:— отстаньте!

Но избалованная птица не отставала: въ карманахъ и за пазухой у царевны уже запасена была разная провизія, и лебеди доставали ее и жадно ѣли. Алексѣй Михайловичъ смѣялся, любуясь этою сценою.

Лебеди накормлены и успокоились, а царевна повела своего отца дальше вдоль пруда, подъ тѣнь огромной ивы, гдѣ былъ

устроенъ особый плотокъ съ сидѣньемъ для потѣхи царевны— для ужения рыбы.

Алексѣй Михайловичъ съ видимымъ удовольствіемъ опустился на покойную со спингой скамью. Прудъ былъ тихъ и ясенъ, и только между водяными лопухами и лиліями-маковками выигрывала на солнцѣ рыба. Царь давно не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ этотъ день. Онъ любилъ природу, и ему пріятно было забыться здѣсь послѣ трудовъ и заботъ. Любя природу, онъ прежде, когда былъ моложе и менѣе тученъ, страстно любилъ соколиную охоту, когда все дѣлалось по соколиному уставу—«красовато, премудровато, молодцовато», когда весь обрядъ охоты совершался, словно литургія, «подправительно, подъявительно, къ красотѣ соколей и къ вѣдѣнію человѣческому».... А теперь онъ отучнѣлъ, а природу любилъ по-старому—и природа, казалось, сама улыбалась теперь ему своею прежнею, молодою улыбкою.... Тогда онъ и самъ былъ молодъ, больше любилъ—и Никона «собиннаго» друга любилъ, и Аввакума.... Тогда еще не было этихъ смуть, этого раздвоенія русскаго сердца изъ-за креста.... Не было и казней.... Все измѣнилось, все измѣнило царю и человѣку—одна природа не измѣнила ему.... Попрежнему ласково смотритъ солнце, попрежнему любовно шепчетъ надъ нимъ своими зелеными листьями ивушка кудрявая.... Пчелы жужжать, дятель долбитъ гдѣ-то; иволга, словно кусокъ золота, порхаетъ въ зелени вѣтвей....

— Насаживай, мамушка, червей, командуетъ царевна:— я ихъ боюсь.... А ты, батя, самъ насаживать будешь? обращается она къ отцу, суня ему въ руку удочку:—ты не боишься червей?

Царь задумчиво улыбается, не отвѣчая: его мысли въ разбродѣ, растаяли какъ-то.

— Боишься червей? допытывается Софья.

— Боюсь, милая.

— И я боюсь.

Черви насажены, удочки загинуты, поплавки торчатъ. Тихо кругомъ, задумчиво какъ-то все—и прудъ, и небо, и зелень, и удильщики. И мамла задумчиво вяжетъ чулокъ.

— У тебя клюетъ, шепчетъ царевна.

Но у самой у нея такъ сильно что-то клюнуло, что она даже вздрогнула. Поплавокъ юркнулъ въ воду и потомъ пошелъ бокомъ. Царевна вытащила торопливо. На удочкѣ извивалась крупная, въ четверть длины рыба.

— Окунь! окунь! радовалась Софья Алексѣевна, хватая бьющуюся на плоту рыбу.— Вынимай, мамушка, удочку, да насаживай новаго червя.

И у Алексѣя Михайловича поплавокъ потащило, но тихо, плавно.

— Тащи, батя, тащи! волновалась Софья.

Царь вытащилъ свою удочку. На лесѣ болтался черный ракъ, защебившій въ свои клещевидные зубы червя съ удочкой и не желая разстаться съ добычей.

— Ай ракъ! ахъ скверный! печаловалась царевна.

— Первый блинъ комомъ, улыбнулся царь.

— Ничего, батя милый, успокоивала его дочь:— и ты поймашь окуня, а то и леща, либо сазана... я разъ сазана поймала, да не вытащила — ушелъ съ удочкой... Я плакала — я тогда была еще маленькая, глупая.

— Ну, и я бы заплакалъ, благодушно шутилъ царь.

Рака отцѣпили отъ удочки — все это дѣлала старая мамка.

— А я боюсь раковъ — они щиплются, поясняла совсѣмъ счастливая Софьюшка.

«Не одни раки щиплются», думалъ царь, вспоминая о Морозовой.

А царевна почему-то вспомнила въ этотъ моментъ о своей прежней пріятельницѣ, княжнѣ Долгоруковой, нынѣ Брюховецкой, съ которой онѣ когда-то здѣсь часто уживали рыбу.

— А разъ Оленушка Долгорукова поймала линя вотъ какова, показывала она отцу величину этого пойманнаго когда-то линя.

— Ого какой! добродушно удивлялся царь.

— А что-жъ ты ее, батя, не возьмешь у Дорошонкова?

— Кого, милая?

— Оленушку Долгорукову... Она, бѣдная, въ полону....

— Я уже послалъ по нее къ Петру Дорошонку съ грамотой Федора Соковнина.

И при имени Соковнина и ему, и царевнѣ разомъ вспомнилась сестра этого Соковнина — Морозова, что сидѣла въ заключеньи.

Въ это время изъ-за ивы показалась шедшая по дорожкѣ, укутанная фатою, старшая сестра царя, царевна Ирина Михайловна. Такая же тучная, краснощекая и добротѣлая, какъ братъ, съ такими же добрыми глазами, она совсѣмъ напоминала брата. Увидавъ, какъ Алексѣй Михайловичъ закидываетъ удочку, она

улыбнулась и покачала головой.... «Ишь — старое и малое тѣшатся»....

Замѣтивъ старую царевну, царь спросилъ: «Что, сестрица?— Петрушенька царевичъ все буянить у мамки?»

— Нѣту, братецъ,— угомонился.... А ты иди — тебя ждетъ Юрье Лутохинъ по нужному дѣлу, отвѣчала сестра.

Царевна Софья взглянула на отца и глаза ея блеснули радостью. Царь всталъ и направился ко дворцу вмѣстѣ съ сестрою.

Черезъ полчаса уже видѣли царя хмурымъ и задумчивымъ: принесенныя Лутохинымъ отъ Морозовой вѣсти испортили все его расположеніе духа.... Морозова «неистово противилась»....

XXXVII.

Прошло нѣсколько недѣль.

Жаркимъ лѣтнимъ утромъ, отъ Москвы по калужской дорогѣ къ Боровску шагомъ двигалась телѣга, запряженная въ одну лошадь и сопровождаемая по обѣимъ сторонамъ стрѣльцами. Это слѣдовалъ изъ Москвы арестантскій этапъ. Въ телѣгѣ, казалось, никого не было; но это казалось такъ только издали: въ телѣгѣ лежало что-то живое, прикрытое рогожкою.

День былъ тихій. Бѣлая пыль, взбиваемая копытами лошади и колесами, клубилась надъ телѣгою и позади ея, усыпая рогожу бѣлымъ слоємъ.

Стрѣльцы шли лѣниво, босикомъ, уложивъ сапоги и ранцы въ телѣгу. Ворота рубахъ разстегнуты, потому — жарко, упека, ни облачка на небѣ — такъ и мѣрить. Скучно. Одинъ, наиболѣе другихъ повидимому скучающій, вотъ уже съ полчаса какъ тянетъ монотонную и скучную, какъ это голое поле, пѣсню:

На-до-ѣ-ли по-чи, на-до-ску-чи-ли, да на-до-ску-чи-ли,

Со ми-лымъ, со ми-лымъ друж-комъ, раз-лу-чи-ли, со
милымъ дружномъ разлучи....

Вдали видѣется сельская церковь, но до села еще немалое пространство — еще поле, а тамъ пригородокъ, а тамъ еще поле. На томъ полѣ что-то метлежится — не то стадо, не то табунъ коней.... Нѣтъ, не стадо и не табунъ: что-то въ воздухѣ мотается, словно бы ширинки на шестахъ.... Кой тамъ прахъ!

Эхъ и наскучили,

Со милымъ дружномъ разлучили!...

Чѣмъ ближе подвигались туда стрѣльцы съ телѣгою, тѣмъ яснѣе видно было, что тамъ народъ—много народу. А то не шинки на шестахъ, а церковныя хоругви.

— О дождѣ, знать, молебствіе, рѣшилъ пѣвучій стрѣлецъ:—ухъ и надоску—учили!...

— А ты выплюнь пѣсню-ту—али не видишь! строго замѣтилъ пѣвуну старый стрѣлецъ.

— Что ее плевать!—не скромная....

— То-то, не скромна, а тебѣ бы все съ родительницей!

— Зачѣмъ родителей поминать?—Не чай на мнѣ крестъ.

Пододвигаясь еще ближе, стрѣльцы замѣтили, что вся дорога и часть поля по обѣ стороны дороги заняты сплошною массою народа—мужиками, бабами, дѣвнами, ребятишками. Надъ ними возвышались хоругви и образа на шестахъ.

Телѣга остановилась. Стрѣльцы подошли къ толпѣ. Народъ кучился вокругъ хоругвей и образовъ, и тамъ же, въ серединѣ; виднѣлся старенькій попъ въ бѣдномъ облаченіи съ книгою въ рукахъ и такой же завалачій въ старенькомъ крашенинномъ подрясничкѣ и съ косичкою въ крысиный хвостъ пономарь съ кадиломъ. Попъ стоялъ на шибко пожелтѣвшей отъ засухи полосѣ ржи и, нагнувшись съ нѣкоторыми изъ мужиковъ къ нивѣ, что-то разсматривалъ....

— А ты, бачка, не тропь ево, предостерегалъ попа съдой мужичокъ:—онъ те скрючить!....

— Мене не скрючить: я ево во чѣмъ, указывалъ попикъ на свой засаленный и мѣстами прожженный угольями изъ кадила епитрахиль.

— Ево, братецъ ты мой, не скрючить: на ѣмъ, на бачкѣ-те, свята одѣжа, говорилъ другой мужикъ.

Стрѣльцы втерлись въ кругъ, оставивъ у телѣги только одного товарища.

— Что у васъ тутай-ка, братцы,—али обѣ дождѣ? спрашивали стрѣльцы.

— Бако обѣ дождѣ!—Вонъ видишь ево, дьявола? отвѣчалъ бойкій парень-боровлянинъ.

— А что, милый?

— Вонъ—заломъ заломилъ аспидъ.

— Ой ли! ахъ!... эно дѣло!

— Да, братъ,—не въ дождѣ сила.... дождя намъ Боженья дастъ.... а вотъ бнѣ анаемской.

— А кто жь онъ будетъ, милый человекъ? любопытствоваль стрѣлецъ.

— Знамо—изъ никоніянъ, што щепотью крестуются.... Вотъ у насъ отъ тово хлѣбушка и не родить—третій годъ голодуха—пухнемъ безъ жратвы, и скотинка падаетъ—помирать пришло.... А все никонцы....

Оказалось, что это было общественное молебствіе—заклинаіе нечистой силы въ «заломѣ», найденое бабами на одной полосѣ ржи. Отъ этого страшнаго «залома» и неурожай, и голодуха, и моръ на скоть. А отъ кого самый «заломъ»—знамо отъ кого: отъ недобраго человека, что по новому молится, тремя перстами «воображаетъ», какъ толковалъ старый пономарь своимъ боровлянамъ. А отъ «залома» — одно спасенье: молебенъ крѣпилькой со «всепѣтою», да чтобы самъ батюшка «сквозь патрахиль заломъ-отъ вырвалъ съ корнемъ».... Тогда и все крѣпко будетъ....

— А ты, батька, молебенець-отъ покрѣпче загни, упрашивали мужики.

— Со всепѣтою, слышь, родной.

— Да чтобы и мечь, и гладь, и трусь:—зверни, кормилецъ, и гладь, потому—съ голоду умираемъ.

— Да, да, кормилецъ: уже не пожалѣй—подрешѣй молитву закати....

— А ужъ мы всё окарачь молиться будемъ....

— Дѣ поту—что и говорить!

— И еще тебѣ, родной, гривну міромъ накиннемъ....

— Ладно, ладно, православные, успокоиваль ихъ попискъ:—свое дѣло знаю—не занимать-ста этого добра.

— Да ладонцомъ, батька, не скупись: нури въ нашу голову, чтобы тошно ямѣ стало—больше дыми....

Началось молебствіе. Народъ дѣйствительно молился «окарачь»—все такъ подкотомъ валялось по дорогѣ и по межамъ, крестясь и колотясь головами о пыльную дорогу, объ колючую траву.... Это была дѣтская, невинная, но жаркая молитва—голодный, болѣзненный стонъ.

Когда началось пѣніе, рогожа на этапной телѣгѣ приподнялась и оттуда выглянуло блѣдное, но все еще прекрасное женское лицо. Оно смотрѣло съ недоумѣніемъ и широко крестилось, обративъ глаза на старья, неподвижно висѣвшія въ нильномъ воздухѣ хоругвы и закоптѣлыя иконы.

— Миленькой, а миленькой! тихо обратилось блѣдное лицо къ молившемуся тутъ же стрѣльцу.

— Что, матушка Федосья Прокопьевна? отзвался онъ.

— Помоги мнѣ, миленькой, встать и помолиться,

— Сичасъ-сичасъ, матушка.

Стрѣлецъ бережно приподнялъ арестантку за руки. Зазвенѣли ножные кандалы.

— Спасибо, миленькой братецъ.

Колодница, при помощи стрѣльца, выльзла изъ телѣги и стала на колѣни. Глядя на хоругви и на голубое небо, она горячо молилась и плакала. Къ ней подошли дѣти, что не могли протолкнуться въ середину сврой массы, и съ боязнью глядѣли то на ея блѣдное, нѣжное лицо, то на заржавѣлые кандалы.

— Молитесь и вы, дѣточки, обратилась къ нимъ колодница:— ваши молитвы скорѣе дойдутъ до Бога...

Дѣти, косясь на нее, крестились и кланялись. Изъ толпы доносились скрипучіе, надтреснутые голоса старенькаго попика и такаго же старенькаго пономарика.... «Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, и сущихъ въ мори далече!»....

«О-о-о!» стонала толпа, колотя себя двумя пальцами по запотѣвшимъ лбамъ и подтянутымъ голодомъ животамъ и колотясь этими лбами о-земь....

Наконецъ молебствіе кончилось. Попикъ, передавъ дьячку кадило и книгу съ крестомъ, нагнулся къ пучку ржи, на вершинѣ которой виднѣлось нѣсколько помятыхъ и какъ бы завязанныхъ узломъ колосевъ. Мужики серьезно и сдержанно, а бабы со страхомъ и крестясь смотрѣли, что будетъ дѣлать попь.... Вотъ-вотъ онъ дотронется до «залома».... Вотъ-вотъ онъ ударитъ его о-земь, скрючить, разшибетъ....

Но старый попина зналъ свое дѣло—не впервой-су!—Онъ завернулъ руку епитрахелью и схватилъ «заломъ»....

О-о-охъ! вскрикнули въ ужасъ бабы и попятились.

— Не вой, бабы,—брысь! накинудись на нихъ мужики.

Но хитрый попина—«ужъ и попина же, братцы! у-у дуи ево!»—разомъ какъ рванетъ пучекъ ржи, такъ съ корнемъ и вырвалъ.... Всѣ такъ и ахнули!—«А-ахъ! нуу!—ужъ и ловежъ же старый песь.... тьфу—окромя ево священства!»...

Между тѣмъ, тутъ же другіе мужики выкопали яму въ аршинъ глубиной.

— Копай глыбче, братцы, глыбче!

— Чтоба не тово—не выцапался аспидь....

— Будеть, братцы,—не выцапается, успокоивалъ ихъ попь.

— Ну будя, такъ будя....

Попина, пошептавъ и трижды сплюнувъ на западъ—«въ самую морду нечистому—пояснялъ дьячокъ—потому: бѣсь никогда же на востоцѣ не стоитъ—не смѣеть, и все на западъ солнца»—швырнулъ «заломъ» въ яму.

— Да зольцой, батька, зольцой изъ кадила присыпь *яво*—кряпче будетъ, просили мужики.

Попина взялъ кадило, потрусилъ надъ ямой золой....

— Въ зенки *ему*, анаемѣ, пояснялъ пономарище-старецъ.

— Да уголекъ, родной; съ огонькомъ виный въ яму-ту, упранивали мужики:—огнемъ *ямѣ* святымъ въ бургалы-те.

Попина и уголекъ изъ кадила винулъ въ яму: таковъ попь, каковъ приходъ....

Засыпали яму землей, затоптали ногами, поплевали всѣ на насыпь и на западъ. А тутъ и колъ осиновый готовъ.

— Вколачивай, братцы, колъ-оть—въ спину *ямѣ*, аспиду нигонцу, щепотнику.

Вколотили и колъ въ землю.

Въ этотъ моментъ отъ Боровска слышался ямской колокольчикъ. Всѣ оглянулись. По дорогѣ скакала тройка, сопровождаемая парю всадниковъ. Пыль стлалась клубами по полю.

— Гонецъ царской, братцы, слышалось въ толпѣ.

Всѣ знали, какъ ѣздить царскіе гонцы.... «Кому бы быть?—отхедова гонить?—не съ Брыму ли, отъ самова ханишки, а може изъ Черкасъ?»

Тройка приблизилась. Толпа разступилась передъ конными. Но дальше проѣзду не было: на самой дорогѣ стояла этапная телѣга, а около нея въ черной одеждѣ—женщина.... Виднѣлось только блѣдное лицо....

Въ телѣгѣ ямской съ переплетомъ и верхомъ, что скакала отъ Боровска, сидѣлъ русый, запыленный и загорѣлый среднихъ лѣтъ мужчина въ боярскомъ одѣяніи.

Блѣдная колодница, увидавъ его, невольно всплеснула руками.

— Оедюшка! братецъ!

— Оедосьюшка! сестрица! родненькая!

Гонецъ выскочилъ изъ телѣги и стремительно бросился къ колодницѣ.... «Голубушка! мученица!»—«Братецъ! соколикъ!»— «Буда тебя, родная?»—«Въ Боровскъ—въ земляную тюрьму»....

Это былъ братъ Морозовой, Федоръ Соковнинъ, возвращавшійся изъ Малороссіи, отъ Дорошенко. Онъ обхватилъ сестру и страстно сталъ цѣловать ее.... «Сестрица моя! ягодка!»

— Охъ братецъ! охъ—не цѣлуй меня.... мнѣ нельзя, силалась защититься бѣдная женщина.

— Федосьюшка! свѣтикъ!

— Я не Федосьюшка.... братецъ!—охъ!—я сестрица Федора....

— Господи! что жъ это такое!

Онъ зарыдалъ и, припавъ головой къ плечу несчастной сестры мученицы, плакалъ голосомъ....

Глядя на него, и бабы плакали....

XXXVIII.

Чѣмъ дальше, тѣмъ въ большее ослѣпленіе впадали московскія власти и, видя безсиліе своихъ жестокихъ мѣръ, теряясь во мракъ своего собственнаго безумія, приходили въ ярость. Онѣ чувствовали, что нравственная власть ускользала изъ ихъ рукъ, почва уходила изъ-подъ ногъ, однѣ жестокія ошибки вели къ другимъ, еще болѣе жестокимъ и непоправимымъ—и, какъ люди съ похмѣлья, которые прибѣгаютъ къ той же отравѣ, чтобъ опохмѣлиться, забываются въ одурѣніи, онѣ бросились въ омутъ того же опьяненія—въ омутъ безумной жестокости и преслѣдованія. Началась буквальная травля двуперстниковъ—«псовая облава на христіанъ», какъ выражались сами двуперстники.

«Времена Діоклетіана настали!» кричали на площадяхъ и по базарамъ удѣлѣвшіе ученики и ученицы Аввакума и Меланіи.

«Нероновы свѣщники изъ христіанской плоти возжигаютъ на Болотѣ освѣщенія ради тьмы кремлевскія!» возглашалось на Красной площади при видѣ срубовъ на Болотѣ и у Лобнаго мѣста, гдѣ должны были жечь и жгли непокорныхъ.

А непокорные, какъ бабочки ночью, «аки метыли на лампаду», шли на этотъ огонь.

Въ Боровскъ, кромѣ Морозовой, свезли и заключили въ земляную тюрьму Урусову, Акифѣюшку и инокиню Юстину. Вѣр-

ный рабъ Морозовой Иванушка уже чакъ тамъ въ другой мрачной ямѣ.

Мать Меланія съ своей боярышней Анисьюшкой не замедлила явиться и въ Боровскъ. Стрѣльцы, караулившіе земляную тюрьму, были тотчасъ же обращены матерью Меланіею въ «своихъ», и когда изъ Москвы явились «волцы» съ розыскомъ, чтобъ найти, наконецъ, этого «бѣса полуденнаго», эту «вѣдьму Малашку», часовые вытерпѣли пытку, а не выдали «матушку», которая спрятана была подъ поломъ самой караулки.

Придь волосъ изъ прекрасной косы Морозовой стала для «вѣрующихъ» святыней, и золотистые волоски ея раздавались достойнымъ на вѣчное «вѣчное поминовеніе», носились на груди съ крестами, зашивались въ ладонки словно святые реликвиі.

Стрѣлецъ Онисимко, цѣловавшій закованныя въ желѣзо ноги Морозовой, сталъ коноводомъ всего своего стрѣлцаго полка, съ которымъ впоследствии этотъ самый Онисимко, уже въ цареніе Софьи Алексѣевны, чуть все московское государство не поставилъ вверхъ дномъ.

А Аввакумъ изъ своей пустозерской земляной тюрьмы то и дѣло разсылалъ свои зажигательныя письма, въ родѣ «всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ», или «старичѣ Меланіи съ сестрами и съ подначальною Анисеею», или «на крестоборную ересь».

Хотя земляная тюрьма въ Боровскѣ отличалась всѣми ужасами подобнаго рода мѣстъ заключенія того безжалостнаго вѣка, хотя она была сыра и темна, какъ могила, и кишѣла всякими гадами, однако узницы въ Боровскѣ чувствовали свое положеніе съ менѣе жгучею и разъѣдающею остротою, чѣмъ въ Москвѣ: въ Москвѣ онѣ находились въ одиночномъ заключеніи и чувствовали себя живо погребенными; здѣсь, въ Боровскѣ, въ одномъ помѣщеніи ихъ находилось четыре узницы: Морозова, Урусова, Акинфеюшка и Юстина. Онѣ могли говорить и молиться вмѣстѣ, а если одна изъ нихъ заболѣвала, то другія ходили за ней. Онѣ проводили дни и ночи въ молитвахъ, въ пѣніи гимновъ, въ воспоминаніяхъ и разсказахъ о своей прежней жизни. Но что особенно громадная удобства представляло въ боровской тюрьмѣ, такъ это то, что когда трое изъ узницъ ложились спать, то четвертая не спала и отгоняла отъ нихъ крысъ и мышей, постоянно бѣгавшихъ по темницѣ. Но, и кромѣ того, была еще хорошая сторона подземной жизни въ Боровскѣ: это то, что Акин-

феюшка была оживляющею силою этой маленькой подземной общины. По призванію странница, много побродившая по святымъ мѣстамъ, хоть сама еще была молода, Акинфеюшка цѣлые дни бывало рассказываеъ о томъ, какъ она ходила на поклоненіе угодникамъ въ Кіевъ, въ Соловки, въ Казань, въ Новгородъ, что видѣла тамъ, что испытала. Въ этихъ рассказахъ выказывалась вся ея поэтическая, мечтательная душа. Часто вспоминала она, какъ, четыре или пять лѣтъ тому назадъ, возвращаясь изъ Кіева, она вмѣстѣ съ другими странницами зашла въ Гадячъ—въ гости къ Оленушкѣ, бывшей княжнѣ Долгоруковой, а въ то время гетманшѣ Брюховецкой, и какъ въ ту пору черкасы привезли тѣло убитаго мужа Оленушки вмѣстѣ съ другими мертвыми тѣлами. Рассказывая о Малороссіи, она часто повторяла, что это «рай земной». Рассказы ея замѣняли для узницъ общество людей, и свѣтъ, и солнце, которое не заглядывало въ ихъ темную, глубокую темницу.

Съ другой стороны, мнѳинія Юстина много рассказывала о разныхъ монастыряхъ, въ которыхъ она жила съ молодыхъ лѣтъ, мѣняя одинъ монастырь на другой, чтобъ лично на себѣ испытать, въ какомъ изъ нихъ старицы жили наиболѣе суровою жизнью. Это была личность энергическая, характеръ заваленный въ лишеніяхъ. Она сама истязала свое тѣло, и оно становилось еще выносливѣе: она спала, подкладывая подъ себя булыжники.

Но сообществомъ Юстины не долго пришлось пользоваться нашимъ узникамъ. Она раньше другихъ покончила свое земное существованіе, и покончила насильственною, мученическою смертію, спасая другихъ, сидѣвшихъ съ нею въ заключеніи, отъ гнѣва властей.

Дѣло было такимъ образомъ. Мать Меланія, которую узницы называли «равноапостольною», принесла Морозовой и Урусовой еще одно письмо отъ неутомимаго Аввакума изъ Пустозерска. Въ письмѣ было обращеніе и къ Акинфеюшкѣ. Посланіе это произвело на узницъ впечатлѣніе чуднаго весенняго дня съ тепломъ и зеленью, пѣніемъ птицъ и шопотомъ листьевъ,—весенняго дня, внесеннаго божественною силою въ ихъ мрачное подземелье.

«Азь, протопопъ и юзникъ о Господѣ—взывалъ между прочимъ пустозерскій фанатикъ—молю вы, друговъ моихъ сердечныхъ, стойте и не унывайте о житіи прежде бывшемъ. Вѣмъ, другъ милый, Феодосья Прокопьевна: жена ты была боярская, Глѣба

Ивановича Морозова вдова честная, въ верху чина царева близъ царицы. Дома твоего тебѣ служашихъ человекъ съ триста; у тебя же было крестьянъ 8,000, имѣніе въ дому твоёмъ на 200,000 или на полтретья было. У тебя же всему сему былъ наслѣдникъ, сынъ, Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ. Друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество много. Ъздила къ нимъ на колесницѣ, еже есть въ коретѣ драгой и устроенной мусією и серебромъ и аргамаки многи 6 и 12 съ гремичими чѣпymi. За тобою же слугъ, рабовъ и рабынь грядущихъ 100 или 200, а иногда человекъ и 300, оберегая честь твою и здорovie»....

Морозова остановилась на этомъ мѣстѣ письма. Въ отверстіе, продѣланное въ тюрьмѣ для свѣта и около котораго она читала Аввакумово посланіе, что-то заглянуло.

Морозова невольнo всплеснула руками.

— Литвинушка! песикъ миленькой! какъ ты сюда попалъ! воскликнула она радостно.

Въ оное просунулась собачья морда и тихо, жалобно и радостно визжала.

— Литвинъ! Литвинушка! обрадовалась и Урусова: — съ Москвы прибегъ бѣдняжкой.

Собака лизала протянутыя къ ней руки. Всѣ были ей рады, какъ дорогой гостѣ.

— И какъ она дорогу нашла сюда? дивилась Акинфеюшка: — какъ узнала, что вы тутъ?

Снаружи слышался окрикъ на собаку. Собака завизжала: ее отогнали отъ оконца.

— Вотъ звѣри-те добрѣ людей, замѣтила Юстина.

— Не говори, матушка, тихо возразила ей Морозова: — и люди добры, и ежели и творять злое, то творять волю Чославшаго—вотъ хоть бы и съ нами.

Она поднесла письмо къ свѣту и снова стала читать.

«Предъ ними же лѣнота лица твоего сіяла, яко древле во Израили святыя вдовы Юдифы, побѣдившія Навходносорова князя Олоферна. И знаменита была въ Москвѣ предъ человекъи, яко древняя Девора во Израили, Есфирь, жена Артансеркса. Молящу ти ся на молитвѣ Господу Богу, слезы отъ очей твоихъ яко бисеріе драгое схождаху. Изъ глубины сердца твоего воздыханія утробу твою терзаху, яко облацы воздухъ возмущаху. Глаголы же устъ твоихъ яко наменіе драгое удивительны предъ Богомъ и человекъи бваху. Персты же рукъ твоихъ тонкостны и дѣй-

ственные великій и меньшій и средній въ образъ трехъ ипостасей; указательный же и великосердній въ образъ двухъ естествъ божества и человѣчества Христова сложа, на чело возношаше, и на пупъ снося, на обѣ рамя полагаше и себя пометая на колѣну предъ образомъ Христовымъ, прося отпуста грѣховъ своихъ и всего міра. Очіе же твои молніеносны держастися отъ суеты міра, токмо на нищихъ и убогихъ призирають»....

Морозова чувствовала, что при этихъ словахъ щеки ея заливаются красна. Она вспомнила, какъ ея молодые глаза — эти «очіе молніеносны» — не на однихъ нищихъ и убогихъ смотрѣли.... Какъ часто бывало, когда она уже овдовѣла, глаза ея часто слѣдили изъ кареты, изъ-за задернутой тафты, на красивыя лица добрыхъ молодцевъ, какъ сердце ея ныло безъ отвѣтнаго взгляда, котораго она, какъ «честная вдова», въ то же время и боялась, и стыдилась.... Хоть она все потомъ сказала Аввакуму, какъ узнала его и стала его духовной дочерью; но развѣ можно разсказать все, все, что переживаетъ молодое женское сердце! Она и не сумѣла бы этого разсказать—этого словами не передашь.... А сказывала только Аввакуму на духу, что «во всемъ грѣшна», что и «око ея соблазняло ее».... но какъ, когда, гдѣ, на кого глядѣло ея око съ тайною страстью, что при этомъ на сердцѣ было, что думалось—этого женщина даже себѣ не говоритъ, не то что попу на духу.... «Ахъ это око!»...

— Что же ты, сестрица, остановилась? вывели ее изъ задумчивости.

— Сейчас-сейчасъ, Дунюшка!

«Нозѣ же твои дивно ступаніе имѣють: до полуночи съ Анною Амосовною, домочадицею своею, тайно бродила по темницамъ и по богадѣльнямъ, милостыню отъ дома своегонося, деньги и ризы и потребная комуждо нищему довольно, овому а иному десять, а инда пятьдесятъ рублей и мѣшокъ сотной. Напоследокъ же сына своего, Ивана, принесе Богу....»

При этомъ Морозова перекрестилась и вздохнула. Перекрестились и всѣ остальные.

«....принесе Богу православія ради, еже есть: скончался скоро отрокъ отъ великія печали, егда отступники съ тобою разлучили. Ты же имъ мало отъ подвига уклонися, ни усумишься, но и паче простирашеся къ обличенію враговъ креста Христова и разорителей догматовъ святыя церкви. Они же тя, яко звѣрие

дивн, терзаху на пыткѣ: рудѣ твои и плоть рваху, и сестру твою, княгиню Урусову, Евдокію Прокопьевну....»

Урусова радостно перекрестилась.

«....также мучили на пыткѣ. И Акинфеюшку Данилову....»

— Батюшка! свѣтиль мой! и меня не забудь! Господи!

Акинфеюшка вскочила съ соломы, на которой сидѣла у ногъ Морозовой, и, упавъ на колѣни, стала молиться и власть поклоны.

«И Акинфеюшку Данилову съ вами же пытали и кнутомъ били. Приглашаху еретики, у пытки стоя: «Отверзитесь знаменія Христова и пять персть, отъ святыхъ преданныхъ, въ рукѣ не слагайте; но примите изволь государевъ три перста и запечатайте себя антихристомъ, богомъ нашимъ, мы же къ вамъ милостиви будемъ». Вы же, троица святая, Θεодосія, и Евдокія, и Акинфія, умерти изволиша Христа ради и не послушаша духа противнаго. Въ муки ввержени быше безъ чести, обнаженнымъ тѣлесемъ и раны пріяша. Тоже чѣпными оковани быша и во юзлицахъ мучени много времени быша. Таже всѣхъ васъ и съ иными, страждущими Христа ради, обще живыхъ въ землю вкопали, и ини отцы и братія наша огню предани быша. Молю вы о Господѣ, дѣтки мои духовныя, святин и истинни раби Христовы: Богъ есть съ нами, и никто же на ны! Кто можетъ насъ разлучити отъ любви Христовы? И самъ діаволь не учинитъ ничево стоящимъ и держащимся за Христа крѣпцѣ. Что воздамъ вамъ, земнии ангели, небеснии челоуѣцы? О святая Θεодосія и блаженная Евдокія и страсотерпица Акинфія, мученицы и исповѣдницы Христовы, дѣлательіе винограда Христова! Вертоградъ едемскій васъ именую и Ноевъ славный ковчегъ, стоящъ на горахъ Араратскихъ, свѣтлин и доблин мученицы, столпи непоколебимии! О каменіе драгое—акинфъ, и измарагдъ, и асписъ! О трисіятельное солнце и немерцающія звѣзды! Кто не удивится и кто не прославитъ терпѣніе и мужество ваше противу козней враговъ и разорителей церковныхъ? Не стѣни разоряють, но законы. Не токмо осуждены будутъ въ вѣкъ грядущій жиуды, иже Господи убиша, плоть его терзавше, на крестѣ пригвоздивше, оцтомъ и желчію напоиша и копіемъ въ ребра прободше, апостоловъ побивше и Богу не угодивше, яко же никоніане жертву духовную опровергоша и духа святаго глаголахъ не истинна быти, но просто животворяща, и вся церковная, Духомъ Святымъ преданная, отместуть и злѣ развращають, на плотское

мудрованіе сводятъ. Кольми суть паче жидовъ осудятся, понеже невидимаго Бога борють. Тамо видимую плоть терзаху, здѣ же невидимый Духъ Святой воюють, ихъ же грѣхи и мученическая кровь загладити не можетъ. Такъ Златоустый пишетъ на посланіе апостольское въ бесѣдахъ, правоученіи обличая схизматники, еже есть раздирающія церковъ, яко же, нынѣ видимъ, творятъ никоніане: вся Богомъ преданная и святыми отменусть, да говорятъ сами, діаволомъ научени: «Какъ бы нибудь, лише бы не по старому». Охъ собаки! что вамъ старина та помѣшала? Развѣ то тяжко, что блядичь не велятъ старыя святыя книги? Бляди, собака!...»

Вдругъ тихо, осторожно скрипнулъ тюремный засовъ.

— Охъ Господи! кто это?

— Не урочный часъ.... розыскъ.... прятъ письмо, сестрица....

Въ дверяхъ показалось знакомое Морозовой лицо московскаго подъячаго изъ розыскаго приказа—красное, утреватое лицо «людоѣда» Кузмищева, какъ его величала вся Москва.

— Что вы читали? спросилъ онъ, взглядываясь со свѣту въ темноту.

Всѣ молчали. Слышно было тихое шуршанье бумаги: это Морозова комкала у себя за спиною Аввакумово посланіе.

— По указу его царскаго пресвѣтлаго величества скажите—что читали? повторилъ свой вопросъ «людоѣдъ», приближаясь къ Морозовой.

— Молитву читали, смѣло отвѣчала за всѣхъ Юстина.

— Не молитву—воровское письмо! грозно сказалъ подъячій.

— Мы не воры! также рѣзко отвѣчала Юстина.

Но ненаучившаяся притворяться Морозова выдала себя: порошокъ бумаги и смущеніе обличили ее.... Подъячій схватилъ ее за плечи, потомъ за локти....

— Владычица! что жъ это!... ахъ!

Письмо уже было въ рукахъ «людоѣда»....

— А! молитва-ета....

Но въ одинъ мигъ Юстина наскочила на него, вырвала изъ рукъ его письмо и, скомкавъ комомъ, засунула себѣ въ ротъ. Подъячій кинулся на нее: завязалась борьба.... Сильная, привыкшая ко всему монахиня, защищая свой ротъ, который силится разодрать «людоѣдъ», чтобы достать дорогое для него полотно, такъ хватила своего противника, что тотъ навзничь повалился на солому....

Предательское письмо было проглочено мужественною инокинею..

Через нѣсколько дней, рано утромъ, узницы были разбужены стукомъ топоровъ. Слышно было, что около ихъ тюрьмы что-то строили. Какой-то веселый плотникъ пѣлъ фальцетомъ:

Построю я келью со дверью,—
Стану я Богу молитца,
Штобъ меня дѣвки любили,
Крашоныя яйца носили,
Тили-тили-тили-тили-тили,
Грушбвымъ квасомъ поили....

— Что ты, дьяволъ, разорался! али не знаешь, каку хоромину-то ладимъ, останавливалъ пѣвуна другой голосъ.

— Знаю—амбаруха аховая, ѣшь ее мухи!

Вили-вили-вили-вили-вили—

Толчбнымъ лукомъ кормили....

— То-то, слякоть эдака! а онъ ржетъ, жеребецъ!

— Ржу—потому: за хоромину эту бояринъ денегъ далъ.... есть на что жеребяткамъ хлѣбушка купить, а то вонъ съ голоду поухли....

Э-эхъ!—толчбнымъ лукомъ кормили....

Морозова выглянула въ оконце—и перекрестилась: она узнала, что это за хоромину строили.... Дѣлали два сосновыхъ сруба въ разстояннн не болѣе сажени одинъ отъ другого, словно бы это готовили обшивку для колодцевъ. Тутъ же навалены были десятки сноповъ ржаной соломы.

— Что, сестрица? тревожно спросила Урусова, по лицу сестры понявъ, что тамъ строится что-то необыкновенное.

— Горенки намъ строятъ, съ горькою усмѣшкою отвѣчала Морозова.

Къ плотникамъ подошелъ подъячій Бузмищевъ.

— Живѣй, живѣй, ребята! понукалъ онъ: чтобы къ полдню было готово.

— Добро-ста, отвѣчалъ пѣвунъ, почесывая въ затылкѣ:— стараемся для вашей милости.

Узницы попеременно выглянули въ оконце. Взглядъ Юстины встрѣтился со взглядомъ подъячаго. Послѣдннй отвернулся.

— Видѣли, сестрицы, что намъ припасаютъ? тихо спросила Морозова.

— Видѣли, матушка, отвѣчала Юстина.

— И слышали, что подъячій сказалъ?

— Слышали — къ полудню: полдничать хочеть «людоѣдъ» мясцомъ нашимъ.

— Такъ надо бы вамъ, сестрицы милыя, подумать о душѣ, продолжала Морозова.

— Всю жисть, матушка, думали о ней, снова отвѣчала за другихъ Юстина.

— А все же подобаеть по закону исправу учинить на отходъ души.

— Знамо—помолимся Господу.

— Помолимся по церковному преданію: канунъ отпоемъ по душамъ нашимъ, а тамъ простимся.

— Да, сказала, какъ бы про себя, Акинфеюшка:—въ путь-дороженьку снарядиться надо.... А долга дорога та, далеко иттить будетъ, далѣ, чѣмъ до Кеива....

Морозова стала пѣть отходную. За нею повторяли и остальные узницы. Чистый, серебристый голосъ Урусовой часто срывался и дрожалъ, какъ слабо натянутая струна, но за то голосъ сестры ея, ровный, твердый, за душу хватающій, постоянно, казалось, крѣпчалъ грудными, глубокими нотами: Юстина пѣла твердо, спокойно, какъ будто бы она не себя отпѣвала, не съ собой прощалась на порогѣ таинственнаго будущаго, а читала по чужомъ, совершенно ей незнакомомъ мертвецѣ.

Въ это время, гремя желѣзнымъ запоромъ, отворилась тюремная дверь и Кузмищевъ въ сопровожденіи двухъ стрѣльцовъ вошелъ въ подземелье.

— По указу его царскаго пресвѣтлаго величества симъ извѣстую: черница Юстина нынѣ огню предана быть имѣеть.... Готовься къ смерти! возгласилъ подъячій.

— Я готова, спокойно отвѣчала осужденная.

— А мы?! разомъ вскричали другія узницы—и мы приготовили себя на муки.

— Объ васъ указу иѣтъ, отвѣчалъ Кузмищевъ.

Морозова опустилась передъ осужденной на колѣни. За нею послѣдовали Урусова и Акинфеюшка. Онѣ цѣловали ея грубыя, худыя, жилистыя руки и плакали.

— Матушка! отходишь ко Христу?... Молись за насъ: умоли Христа и насъ взять къ себѣ, въ блаженство горнее....

Къ полудню срубы дѣйствительно были готовы и обложены соломенными снопами. Узницы одного только не могли понять: почему срублено было два сруба, тогда какъ «людоѣдъ» объявилъ, что будутъ жечь только старицу Юстину. Юстина, между тѣмъ, мужественно готовилась къ смерти. Она на словахъ передавала своимъ сестрамъ по заключенію послѣднюю волю, если только ихъ не постигнетъ та же участь. Она просила земно поклониться матери Меланіи и такой же земной поклонъ послать «преподобному» отцу Аввакуму. Просила поминать ее на молитвахъ.

Когда стали отпирать дверь тюрьмы, Юстина затеплила восковую свѣчу и простилась съ подругами, которыя цѣловали ея руки и плакали.

Вошелъ Бузмищевъ съ двумя палачами. У каждаго изъ нихъ урѣзано было по лѣвому уху и вырваны ноздри по самые хрящи.

— Милости просимъ, матушка Юстина, въ баньку—косточки попарить, злорадно сказалъ подъячій, низко кланаясь.

— Спасибо тебѣ, человѣче, за твое великое добро ко мнѣ, серьезно отвѣчала осужденная.

— Не на чемъ-ста: не стоить благодарности, зло усмѣхнулся подъячій.

— Стоить, человѣче: — ты отпиралъ мнѣ рай свѣтлый.

— Ну, это еще вилами на водѣ писано, авосьгами присыпано....

Осужденная твердо вышла изъ подземелья, держа въ рукѣ горящую свѣчу.

— Пожалуйте и вы, государыни, лукаво обратился подъячій къ Морозовой, Урусовой и Акинфеюшкѣ.

— Слава тебѣ, Госноди! радостно воскликнула первая изъ нихъ: — и насъ Господь призываетъ.

— Не радуйся, боярыня.... погоди радоваться, остановилъ ее подъячій.

И онъ вышелъ изъ тюрьмы. За нимъ вышли Морозова, Урусова и Акинфеюшка. Толпы народа волновались вокругъ срубовъ, и оставался свободнымъ только проходъ къ нимъ изъ подземелья, по которому шла Юстина со свѣчой.

Первое, что представилось глазамъ Морозовой при взглядѣ на срубы, это—знакомая фигура на одномъ изъ нихъ, стоящая на верху костра, между снопами. Морозова узнала, кто стоялъ на кострѣ: то былъ ея вѣрный слуга—Иванушка. Онъ съ дѣт-

ства любилъ свою госпожу и когда она выходила замужъ за Морозова, то Соковнинъ, отецъ Федосьи, далъ въ приданое дочери, между прочимъ, и Иванушку. Это былъ не человѣкъ, а собака по вѣрности и преданности своей госпожѣ и ея пользамъ.

— Матушка! Федосья Прокопьевна! восторженно крикнулъ Иванушка и поклонился, припавъ головой къ снопамъ: — благослови меня, святая мученица!

— Иванушка! миленькій! тебя за что?.. затрепетала молодая боярыня.

— За Христа-свѣта, да за тебя....

— Полно-ка, смердь! крикнулъ на него подъячій: — а ты скажи, гдѣ схоронилъ сокровища твоей госпожи, и за то я сыму тебя съ костра, если скажешь.

— Не скажу! твердо отвѣчалъ Иванушка.

— Сказывай, кому отдалъ сокровища? повторилъ подъячій.

— Самому Христу въ руки! былъ отвѣтъ.

— Въ послѣднее отвѣщай: кому?

— Христу да Богородушкѣ матушкѣ на масло.

Между тѣмъ, Юстина, всходя на другой костеръ, сама подожгла нѣсколько нижнихъ сноповъ—и костеръ мгновенно объяло пламенемъ. Въ толпѣ слышались крики ужаса, дѣтскій плачь....

— Ахъ ты окаянная! ударился объ полы руками подъячій: — и указъ не дала вычестъ.... ахти мнѣ!

И онъ, торопливо выхвативъ изъ-за пазухи бумагу, сталъ выбрикивать, постоянно путаясь и заикаясь, какія-то безсвязныя фразы....

— указалъ его царское пресвѣтлое величество.... освященный соборъ.... за таковыя ихъ злыя вины.... мучительныя казни.... ино милосердую духомъ о своихъ подданныхъ, по неизреченной своей милости, указалъ огнемъ сжечи....

А пламя, между тѣмъ, охватило весь костеръ. Что-то страшное было и поражающее во всей фигурѣ Юстины, которая влянялась на всѣ четыре стороны....

— Простите, православные! за Христа умираю!

На ней вспыхнула одежда.... Она сама казалась горящимъ снопомъ.

— Простите, сестрицы! Прощай, матушка Федосья....

Она не договорила — задохлась въ дыму и пламени....

Другой костеръ также вспыхнулъ....

— Кому отдалъ золото — сказывай! кричалъ подъячій.

— Христу.... Богородицѣ.... Простите, православные!

— Богъ простить! Богъ простить! гудѣла и крестилась толпа.

— Матыньки! ахъ! глядите — глядите! вонъ душеньки ихъ лѣтають! — матыньки! вопилъ бабій голосъ.

— Это голуби, братцы, — мотри — голуби!

— Не голуби — душеньки — ахъ!

Черезъ полчаса послѣ этого Морозова, глядя изъ тюремнаго оконца на кучи пепла, оставшіяся отъ костровъ, замѣтила какую-то странницу, которая рылась въ золѣ и что-то влала въ висѣвшую у нея на поясѣ берестянку....

Въ странницѣ Морозова узнала мать Меланію, которую, по строжайшему указу царя, напрасно искали по Москвѣ и по Боровску....

XXXIX.

Три года томились въ боровской земляной тюрьмѣ несчастныя жертвы религіознаго невѣжества, или вѣрнѣе — жертвы безумія вѣка, одного изъ тѣхъ эпидемическихъ безумій, которыми послѣдовательно страдаетъ человѣчество и будетъ еще долго страдать въ той или другой формѣ въ силу величайшаго изъ историческихъ золъ — зла невѣдѣнія, ибо «кто знаетъ — прощаетъ»....

Послѣ сожженія Юстины и Иванушки, изъ Москвы пришло повелѣніе — вырыть новую, болѣе глубокую и недоступную ни для людей, ни для божьяго свѣта земляную тюрьму и перевести въ нее оставшихся трехъ узницъ. Все, что еще уцѣлѣло у нихъ — «малыя книжицы», «игоны на малыхъ доскахъ», даже одежду и бѣлье — все отобрали. Старую земляную тюрьму разрушили и сравняли съ землей.

Новая тюрьма была ужасна. Ни откуда не проникалъ въ нее ни воздухъ, ни лучъ свѣта, ни звукъ — глубокая, темная, безмолвная могила! Въ первыя же сутки, какъ перевели туда узницъ, онѣ потеряли возможность узнавать время — различать — день ли надъ ними, тамъ, надъ могилой, или ночь, солнце ли свѣтитъ надъ землею, или глядитъ на нее темное небо своими безчисленными звѣздами. Сначала онѣ силились разграничить день отъ ночи, чтобъ хоть знать, когда молиться имъ и когда спать; но это было невозможно: для нихъ настала безконечная ночь. Можно

было бы узнавать о томъ, когда надъ ними стоитъ невидимый для нихъ день, еслибъ имъ каждадневно приносили пищу; можно было бы спрашивать объ этомъ тюремнаго сторожа, но онъ приносилъ имъ запасъ ржаныхъ сухарей и воды на нѣсколько дней и потомъ исчезалъ. Только по прошествіи многаго времени—не дней—онѣ этого не различали—только, повторяемъ, по прошествіи долгаго времени онѣ замѣтили, что иногда имъ къ сухарямъ прибавляли по яблоку или по огурцу, и когда онѣ спрашивали сторожа, что это значить, онъ отвѣчалъ: «нонѣ праздникъ у насъ на землѣ—второй Спасъ», либо «Базанска», или: «нонѣ у насъ тамъ воскресенье»....

Что причиняло имъ невыразимыя мученія, это то, что онѣ не могли видѣть лица другъ друга: хотѣлось знать выраженіе милаго лица, посмотрѣть—не похудѣло ли оно, не поблѣднѣло ли—и ничего, ничего не видать!... И тогда, какъ бы для облегченія мученій неизвѣстности, онѣ руками осязали другъ у друга лица....

— Худѣешь ты, родная моя, чую я.... слышу—охъ!

— Нѣту, миленькая.... ты, я чую, сохнешь — съ личика спала.... жаръ у тебя.... губы пересохли....

— Нѣту, не бойся, родная.... это такъ....

Онѣ старались чѣмъ-нибудь нарушить могильную тишину, а то страшно, до безумія страшно—хоть бы звѣкъ!... И онѣ или говорили между собой, или молились громко.... Но тутъ новое горе: у нихъ отобраны были и четки и лѣстовки—а какъ безъ нихъ уставы исполнять, дѣлать положенное число метаній, поклоновъ и славословій! И несчастныя должны были пооборвать подошвы сорочекъ, чтобъ на этихъ трипцахъ завязать по десяти-двадцати узелковъ и по нимъ считать поклоны.

— Хотъ бы крысы были! какъ-то тоскливо, со стономъ проговорила разъ Акинфеюшка, прислушиваясь къ могильной тишинѣ, когда сестры забылись сномъ.

— Что ты, миленькая? отозвалась Морозова, открывая глаза во врагъ.

— Тихо таково—мертво—хоть бы крысы бѣгали, какъ въ той тюрьмѣ, а тутъ и зрысь нѣтъ!

Морозова вздохнула.... «А скоро, другъ мой, еще тише будетъ»

— Такъ ужъ скорѣй бы!

Съ первыхъ же дней пребыванія въ новой тюрьмѣ Урусова стала недомогать. Нѣжный, хрупкій организмъ ея не выдерживалъ мученій духа и тѣла....

— Дюрдя, сынокъ мой! видишь—мнѣ глава выжгло—охъ! бредила она иногда:—я ничего не вижу, тебя не вижу—забыла твои глазки.... Я знала, что небо голубое, лѣсъ зеленъ, и теперь все стало чернымъ....

Иногда ей казалось, что она заблудилась въ своей тюрьмѣ. Она ходила вокругъ земляныхъ стѣнъ, ощупывала ихъ руками и плакала.

— Сестрица, миленькая, куда я иду? — Гдѣ востокъ, гдѣ западъ—я не знаю, я все забыла—охъ горюшко мое! ослѣбла я, забыла все....

Сестра отыскивала ее въ темнотѣ, брала за руку, ощупью же доводила до запертой тюремной двери, и только этимъ нѣсколько успокоивала больную.

— Вотъ, Дунюшка, вотъ дверь—ощупай сама.... Дверь-оть, помнишь, выходить на полночь — такъ вотъ тутъ будетъ востокъ, а тамъ западъ, гдѣ солнушко садится.

— А гдѣ оно теперь, солнушко—садится или встаетъ?

— Охъ, миленькая! сама не вѣдь.... кажись, теперь ночь....

Скоро она такъ ослабѣла, что съ трудомъ поднималась съ соломы. Она просила, чтобъ ее положили головой къ востоку....

— Такъ мнѣ легче.... я буду думать, какъ солнушко встаетъ, какъ птички поютъ, какъ въ лѣсу ласточки шепчутся.

Иногда она начинала тосковать о томъ, что не слышитъ больше церковнаго звону....

— Охъ, хоть бы разъ еще услышать, какъ колокола звонятъ.... Господи!... А я не услышу.... и по мнѣ, по моей душѣ звонить не будутъ....

Она до того обезсилѣла, что не могла руки поднять, не въ силахъ была креститься....

— Охъ, сестрица.... возьми мою руку.... правую.... перекрести меня....

И Морозова становилась передъ нею на колѣни, брала ея руки, складывала ей истово исхудалые пальцы, и дѣлала крестное знаменіе....

— А метаній я ужъ не дѣлаю.... поклоновъ творить не могу, тосковала больная.

— Я за тебя, миленькая, творю метанія, бью поклоны по сту и по тысячѣ, успокоивала ее Акинфеюшка.

Скоро ее начали посѣщать видѣнія, грезы.... Она все говорила съ собой....

— Вотъ свѣтло стало — я опять вижу.... А, это отъ пожару.... Ахъ какой пожаръ!... Кто это горить?—Иванушка горить и кланяется.... Хорошо Иванушкѣ — свѣтло.... И вотъ тамъ свѣтло—Оленушку съ черкашениномъ вѣнчаютъ, съ Брюховецковымъ.... Вонъ и Федосьюшка тамъ, а гдѣ жъ я?—себя я не вижу.... Чу! и звонъ слышу—вся Москва звонить — объ чемъ это звонять?—А! вижу—Никонъ идетъ въ Успенскій соборъ—да какой онъ сердитой... на кого онъ сердитуется?—А! на Аввакума.... Какъ играетъ Аввакумушко-свѣтъ съ Ванюшкой — велитъ ему перстиги сложить, а онъ, глупенькой, ручками сороку сказываетъ: сорока-сорока — на порогъ скакала.... А гдѣ жъ Ванюшка? — съ Дюрдьемъ играетъ въ лошадки?... Ахъ Оленушка, Оленушка! бѣдная она—въ черкасской сторонѣ—и мужа у нея убили черкаскіе люди.... А какъ черкаскіе люди знаменіе творять?—тремя персты—нѣтъ, нѣтъ, они не никонцы, не еретики.... Вонъ и царевну Софьюшку черкашенинъ учитъ всякимъ хитростямъ.... какой черный, точно муринъ.... Чудно мнѣ это: долго не видала, какъ солнушко всходитъ, а нонѣ вижу, и глядѣть на него больно.... А кого это пытали въ ямской избѣ, въ застѣнѣ?—Федосьюшку да Акинфеюшку?—да—и меня вѣшали на виску и въ хомутъ пытали, а мнѣ не было больно.... А когда жъ я ушла изъ земляной тюрьмы, изъ Боровска?—А! это тогда — вспомнила — какъ горѣли срубы, а на срубахъ стояли и кланялись намъ Иванушка да мать Юстина.... Это мы улѣтъли съ голубками вмѣстѣ....

Встали въ ея помутившемся разсудкѣ видѣнія прошлаго—безсвязные клочки воспоминаній изъ пережитаго и выстраданнаго.... Слушая ея беспорядочный бредъ, Морозова глухо рыдала, молясь Богу о томъ, чтобы онъ возвратилъ разсудокъ ея несчастной сестрѣ, чтобъ хоть умерла она въ памяти....

И несчастная дѣйствительно приходила иногда въ себя, но не на радость: она снова тоскливо спрашивала, гдѣ востокъ, не къ западу ли она лежитъ головой, и что теперь на дворѣ—день ли, ночь ли, лѣто или зима уже? Иногда она страстно звала своего мужа, дѣтей, особенно любимца своего Юрья — Дюрдю. И тогда сестра принадлежала къ ней и старалась утѣшить

страдалицу, навести ея мысль на спасительный подвигъ, въ которомъ ихъ искушаетъ благой и кроткій Спаситель, самъ взывавшій на крестъ: «Или, или, лимá самахоані!...» Въ то же время, лаская ее, Морозова старалась осязаніемъ лица и тѣла бѣдной сестры убѣдиться, въ какой мѣрѣ она худѣетъ, тая, какъ свѣчка, и пылая огнемъ....

Морозова чувствовала, что и ее покидаютъ силы. Съ трудомъ она творила положенное число метаній, забывала число сдѣланныхъ поклоновъ, забывала молитвы.... Хоть бы на одинъ короткій часъ посѣтила ихъ мать Меланія—силы бы ихъ воротились опять, думалось ей часто. Но уже и всемогущая Меланія не могла проникнуть къ нимъ, хоть она и бродила тайно по Боровску и около тюрьмы, успѣла поддуть и привести въ свое согласіе всѣхъ стрѣльцовъ и караульщиковъ; одного только она не могла достигнуть—побѣдить подъячаго Кузмищева.

Передъ самой смертью къ Урусовой какъ будто воротился разсудокъ и она сама сознала, что умираетъ, что минуты ея сочтены.

— Видѣла я сонъ, сестрицы мои миленькія, говорила она передъ смертью:—дивенъ тотъ сонъ.... Вижу я это—распаялось у меня на рукѣ золотое кольцо и покатилося по полу.... А было это въ Успенскомъ соборѣ.... Покатилося оно къ святымъ вратамъ, а я за нимъ иду.... И, какъ живое, вскатилося оно на ступени, гдѣ дьяконъ евангеліе читаетъ, а я за нимъ.... Оно дальше—я за нимъ.... Оно въ царски врата—и я окаянная за нимъ—забыла, что женскому полу возбранено входеніе во святая святыхъ.... Больцо къ алтарю — и я грѣшная за нимъ.... И что жъ бы вы думали, сестрицы мои! — въ алтарѣ стоитъ Аввакушка-свѣтъ въ ризахъ блистанія — и благословилъ меня крестомъ.... На этомъ я и проснулась....

— Хорошій это сонъ, Дунюшка, сказала Морозова: — твоя праведная душенька пойдетъ прямо къ престолу Господа.

— А ноли отецъ Аввакумъ уже преставился? какъ бы про себя спросила Акинфеюшка.

— Богу-то вѣдомо: може и отстрадалъ свое, и нои въ ризахъ блистанія ликовствуетъ со Христомъ и съ блаженнымъ Фодюшкой и съ моимъ сыномъ Ванюшкой.

Скоро Урусова опять впала въ безпамятство. Тогда Морозова и Акинфеюшка стали читать по ней отходную, какъ онѣ читали предъ соженіемъ старицы Юстины.

Несчастливая скончалась тихо, подъ похоронныя причитанья сестры, и ни Морозова, ни Акинфеюшка не слышали, какъ и въ какой моментъ испустила послѣдній вздохъ та, надъ которой онѣ читали и пѣли отходной, скорбный канонъ.

Когда Морозова припала къ сестрѣ, чтобы проститься, та была уже безжизненна и холодна. Морозова сначала не поняла, что съ сестрой, почему она похолодѣла; но когда припала къ ней, прислушалась къ дыханію, къ біенію сердца—ее охватилъ ужасъ: ни дыханія, ни біенія сердца уже не было....

Глухо застонала несчастная, осиротѣвшая сестра, прижавшись головой къ холодному трупу. Она особенно тосковала о томъ, что не видитъ лица умершей, не знаетъ, насколько смерть измѣнила его.

— О Господи Боже! хотъ бы глянуть на нее, хотъ бы разочекъ посмотрѣть на мертвый ликъ ея, на ея глазынки, что отглядѣли уже, на уста мертвыя — не заговорить уже имъ больше.... Матушка моя сестрица! почто ранѣ меня ушла ко Христу-свѣту, на кого меня въ сиротствѣ, въ темницѣ темной покинула? — Али мы не во дружествѣ съ тобой жили, али не вмѣстѣ за Христа-свѣта муки терпѣли!

Потомъ она вспомнила, что воду и сухари сторожъ приносилъ недавно, а потому долго никто не будетъ знать о томъ, что у нихъ въ темницѣ мертвецъ лежитъ. Она бросилась къ двери, которую привыкла находить въ темнотѣ, начала стучать въ нее, сколько хватало силы, кричала, звала на помощь; но голосъ ея замиралъ въ мертвомъ подземельѣ. Но потомъ она даже какъ бы обрадовалась этому: несчастная думала, чѣмъ дальше не будутъ входить въ тюрьму, чѣмъ дольше не будутъ знать о смерти ея сестры, тѣмъ дольше дорогое тѣло ея будетъ оставаться съ ними — его не возьмутъ, не унесутъ отъ нихъ, не схоронятъ вдали отъ темницы.

Но проходилъ день за день—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось имъ.... Начинаясь чувствовать присутствіе разлагающагося трупа.... И съ Морозовой отъ времени и до времени стало дѣлаться дурно, она падала на солону въ изнеможеніи и думала, что умираетъ.... И ей стали представляться видѣнія изъ ея прежней жизни, чудныя картины прошлаго: она слушала кукованье кукушки въ батюшкиномъ саду, спрашивала—сколько ей жить, бѣгала по зеленому лугу за бабочками.... И опять этотъ тѣнистый прудъ съ лебедями, и высвисты иволги въ зеленой

листвѣ, и звуки охотничьяго рога за рощей, и встрѣча съ княжичемъ, что палъ на литовскихъ поляхъ въ бою съ Литвою.... А тамъ переѣздъ изъ вотчины въ Москву, сватовство Морозова, жизнь при дворѣ, работы въ царицыныхъ мастерскихъ палатахъ, знакомство съ Аввакумомъ.... Въ яркихъ, чудныхъ краскахъ вставало передъ ней это прошлое—счастье, богатство, честь и слава — и отъ всего этого она отвернулась, все промѣняла на иную славу, на славу безсмертія....

Но не легко дается смертнымъ безсмертіе, не легкою цѣною покупаютъ люди вѣчную славу....

Урусова уже купила ее, Морозова—скоро, скоро купить....

Но вотъ слышатся визгъ запора у наружныхъ дверей тюрьмы. Ввизгнули на ржавыхъ петляхъ и внутреннія двери. Вошелъ сторожъ съ обычною пищею и водою. На этотъ разъ онъ принесъ заключеннымъ еще по яблочку: на землѣ, значить, былъ праздникъ Возвиженье честнаго креста Господня.

— Миленькой! сказала Морозова принесшему пищу:—повѣдай властямъ, что сестра моя, княгиня Евдокія, скончалася....

— Какъ скончалася? удивился сторожъ.

— Да, скончалася—умре.... похоронить ее надоть....

— Такъ отпѣть, значить бы? попа позвать?

— Нѣту, миленькой, намъ никоніанскаго попа не надоть.

— Ну, инъ какъ знаете.

Черезъ часъ послѣ этого въ тюрьму вновь отворилась дверь и въ нее вошелъ Кузмищевъ, освѣщая путь восковою свѣчкою. За нимъ шли знакомые уже намъ два ката съ рваными ноздрями. Они были съ заступами и лопатами, а на плечѣ у одного изъ нихъ лежала еще и рогожа.

Только теперь въ первый разъ по заключеніи въ это подземелье, Морозова и Акинфеюшка, прожившія въ немъ, казалось, несметное число дней и ночей или вѣрнѣе—одну безконечную, страшную и томительную ночь въ могилѣ,—только теперь онѣ увидали эту свою могилу при слабомъ мерцаніи восковой свѣчи. Это былъ по истинѣ могильный склепъ съ черными сверху и желтыми, глиняными земляными внизу стѣнами, выглаженными заступомъ и лопатою.

Кузмищевъ прямо направился къ тому мѣсту, гдѣ на соломѣ лежала покойница и, нагнувшись, освѣтилъ ее мертвое, искаженное страданіями, уже черно-синее лицо. Онъ невольно отшатнулся назадъ, вполне убѣдившись, что «княгиня Овдотья

Урусова помре».... Страшный ротъ и глаза ея были открыты и, казалось, грозно глядѣли въ мрачный потолокъ своей темницы, закрывшій отъ этихъ мертвыхъ очей голубое небо.... Руки были сложены на груди.... Никто бы, даже родная сестра не узнали бы въ этомъ обезображенномъ смертью лицѣ нѣкогда полное жизни, свѣжести и красоты лица княгини Урусовой....

И Морозова въ первый разъ теперь увидѣла это незнакомое ей лицо.... Она вскрикнула и упала на землю. Мужественная Акинфеюшка стала утѣшать ее....

Кузмищевъ, между тѣмъ, приказалъ тутъ же, въ западномъ углу темницы, копать могилу. Работа пошла быстро.

Морозова, придя въ себя, стала, сколько умѣла, отпѣвать сестру. Ей помогала Акинфеюшка.

Глухо раздавались по подземелью, смѣшиваясь съ ударами заступа и рыданіями, потрясающія душу возгласенія: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурю».... «идѣ же нѣсть болѣзни, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная».... «Со святыми упокой».... «и сотвори ей вѣчную память»....

Яма готова. Около умершей разстилаютъ рогожу. Морозова и Акинфеюшка кладутъ трупъ на рогожу и въ послѣдній разъ закрываютъ лицо мертвой.

У Кузмищева дрогнула свѣча въ рукѣ, когда палачи свалили въ яму трупъ и стали валить въ яму землю.... Завалили и ногами утоптали.... Кузмищевъ торопился уходить, точно его гнало что отсюда....

Снова исчезъ свѣтъ изъ подземелья, снова завизжали запоры у дверей—и все затѣмъ смолко....

XL.

Княгиня Урусова умерла 11-го сентября 1675 года. Зарыли же ее 14-го числа, въ день Воздвиженья честнаго животворящаго креста Христова. Три яблочка, принесенныя въ этотъ день сторожемъ узницамъ, остались несъѣденными.

Въ виду предстоящаго переѣзда на зиму изъ коломенскаго дворца въ кремлевскій, Алексѣй Михайловичъ въ послѣдній разъ тѣшился купаньемъ стольниковъ въ холодной водѣ коломенскаго пруда, когда Кузмищевъ явился къ нему съ извѣстіемъ о смерти Урусовой.

Ужъ всё провинившіеся стольники были выкупаны, когда къ царскому выходному крыльцу подошелъ этотъ вѣстникъ смерти. Онъ усердно дѣлалъ земные поклоны, словно бы это было передъ иконой, какъ вдругъ маленькій царевичъ, Петрушенька-свѣтикъ, будущій царь Петръ Алексѣевичъ, бывшій тогда уже по четвертому году, соскочивъ съ колѣнъ отца, сидя на которыхъ онъ забавлялся золотымъ наперстнымъ крестомъ своего родителя,—стремительно бросился къ Бузмищеву, схватилъ его за рукавъ и сталъ тащить къ пруду.

— Иди—иди! тебя топить будутъ, лепеталъ маленькій царевичъ.

Подъячій, оторопѣлый, смущенный и присутствіемъ царя съ вельможами, и этими странными словами царевича, стоялъ, какъ истуканъ, не зная, какъ ступить, что подумать, куда вернуться; а Алексѣй Михайловичъ, видя его смущеніе и усилія его баловня, «вора Петрушеньки», затащить подъячаго въ прудъ, добродушно смѣялся.

— Ай да царевичъ, ай да Петрушенька! знаетъ свое дѣло, весело говорилъ онъ.

Царевичъ, между тѣмъ, видя, что неповоротливый подъячій не двигается, бросился къ отцу и повисъ у него на рукѣ.

— Батя-батя! вели утопить его! вели! лепеталъ царственный ребенокъ.

Алексѣй Михайловичъ закатился самымъ искреннимъ смѣхомъ. За нимъ почтительно хихикали и бояре, любуясь сорванцомъ царевичемъ.

— Ахъ ты, воръ Петрушенька! смѣялся тишайшій:—да онъ, чу, не стольникъ—что его купать!

— Нѣтъ, батя, утопи его! настаивалъ ребенокъ.

Дѣло въ томъ, что маленькій царевичъ смѣшивалъ слова «купать» и «топить». Въ его дѣтской, умненькой головкѣ засѣла мысль, что эти два понятія и дѣйствіе — «купать» и «топить» — однозначущи, тождественны; что «топить» значить только «дольше купать». И это понятіе сложилось въ его своеобразной головкѣ тоже своеобразнымъ, самымъ оригинальнымъ путемъ. Живя лѣтомъ съ родителемъ въ Коломенскомъ, онъ каждое утро видѣлъ, какъ «батя» купаетъ стольниковъ. Маленькому царевичу это придворное занятіе казалось самымъ веселымъ изъ всего, что онъ видѣлъ вокругъ себя во дворцѣ. Онъ

такъ пристрастился къ этимъ купаньямъ, что постоянно присутствовалъ при нихъ и несказанно радовался и хохоталъ, хлопая рученками, когда какой-нибудь бородатый стольникъ отчаянно барахтался въ водѣ, путаясь въ полахъ широкаго и долгополага кафтана, и подчасъ захлебывался водой. Мало того, крошка царевичъ, едва замѣчалъ вновь приходившаго стольника, запоздавашаго къ смотру, какъ уже самъ подбѣгалъ къ нему, хваталъ за рукавъ и тащилъ къ пруду, говоря: «иди — тебя топить будутъ». И бояръ, и царя это несказанно тѣшило. Нравилось это и самимъ купаемымъ столикамъ—что вотъ-де ихъ самъ царевичъ-крошка купаетъ.

Но почему для маленькаго царевича «купать» и «топить» стали синонимами, на это была особая причина, хотя вытекавшая изъ того же источника—изъ купанья стольниковъ. Маленькій царевичъ, подражая батюшкѣ-царю, завелъ своихъ собственныхъ «стольниковъ», чтобы купать въ своемъ любимомъ пруду раньше батюшкиныхъ стольниковъ. Для царевича столиками служили щенята и котята, которыхъ онъ и купалъ въ пруду. Дворская челядь, изъ угожденія царю и молодой царицѣ, которые души не чаяли въ своемъ умненькомъ не по лѣтамъ, остромъ, живомъ, какъ живое серебро, чадушкѣ, въ «ворѣ Петрушенькѣ»,—каждое утро стаскивали во дворецъ, къ царскому пруду, щенятъ и котятъ со всего Коломенскаго, и маленькій царевичъ, окруженный своею свитою, цѣлою оравою нянюшекъ и мамушекъ, «изволилъ тѣшиться по-батюшковому»: выходилъ къ пруду и самъ своими рученками бросалъ съ плота въ воду своихъ четвероногихъ стольниковъ. Который выкарабкивался изъ воды, того царевичъ тотчасъ же «жаловалъ»—кормилъ молочкомъ и бѣлыми московскими сайками и калачами, а который выбивался изъ силъ и тонулъ, того послѣ челядь вытаскивала изъ воды и забрасывала. На этомъ-то купаньѣ щенятъ и котятъ будущій преобразователь московскаго государства и усвоилъ себѣ оригинальное представленіе, что «купать» и «топить»—одно и то же. Эти же дѣтскія забавы такъ пристрастили его къ пруду, что онъ почти весь день не отходилъ отъ него, то купая своихъ стольниковъ, то дразня лебедей, то гонясь за лягушками. И мамушки, и нянюшки весь день бывало трепетали, боясь, какъ бы этотъ рѣзвый, никого неслушавшій и ничего небоявшійся царственный младенецъ не скувырнулся въ воду и не захлебнулся. Эти же забавы заставили царевича съ дѣтства привязаться къ водѣ

вообще съ такою страстью, что, впоследствии, онъ уже всю жизнь предпочиталъ воду землѣ, морю—сушѣ, заморщину—всему родному, русскому....

Когда, наконецъ, Кузмищевъ былъ спрошенъ, съ какими вѣстями онъ прибылъ изъ Боровска, и доложилъ о смерти и погребеніи, на четвертый уже день, княгини Евдокии Урусовой и что боярыня Морозова попрежнему остается «жестоковойною»,—царь сталъ и смутенъ, и гнѣвенъ, такъ-что, когда маленькій царевичъ продолжалъ нудить и приставать къ нему, чтобъ «утопить» подъячаго,—царь съ досады далъ ему маленькаго шлепка, велѣвъ идти къ нянькамъ и мамкамъ. Избалованный ребенокъ заоралъ, какъ простой смертный, благимъ матомъ и бросился наверхъ къ матери и теткамъ жаловаться на отца. Мать, конечно, приняла сторону ребенка, нагрозила его сладостями, обѣщала утопить настоящего стольника, а потомъ, при встрѣчѣ съ царемъ, сдѣлала ему, какъ теперь говорятъ, сцену, то-есть попросту упрекала его, что онъ «не отецъ, а извергъ», не любитъ-де свое «собственное рожденіе»... Царь, по своему благодушію, оправдывался, говорилъ, что онъ смущенъ былъ извѣстіемъ о смерти княгини Овдотьи и о «жестоковости» сестры ея, да и «ребенка-де не зашибъ вовсе, а такъ малость самую шлепѣчка далъ»....

— Добро бы за дѣло ребенка обидѣлъ, а то на!—изъ-за этихъ святошь-раскольниковъ, ворчала царица, по уходѣ царя.

Ребенокъ запомнилъ эту сцену на всю жизнь: въ памяти его сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ отецъ разъ въ жизни далъ ему шлепка—и все это изъ-за какихъ-то «раскольниковъ». Не милы затѣмъ остались ему раскольницы и раскольники, когда онъ и царемъ сталъ и брилъ российское царство начисто....

Съ другой стороны, и царевна Ирина Михайловна и царевна Софьюшка сдѣлали сцену—первая брату, а послѣдняя отцу, но уже не за Петрушеньку царевича, а за этихъ самыхъ гонимыхъ раскольниковъ. Софьюшка, зная, что отцу очень нравится, когда она причесана такъ, какъ причесывалась ея мачиха, будучи еще въ дѣвушкахъ, заплетая косы «на заморской ладъ», и какъ послѣ того стали причесывать и Софьюшку царевну въ угоду отцу,—взяла да на этотъ разъ и велѣла причесать себя «по-старому», «по московски». Царь увидалъ эту перемѣну, зайдя по обыкновенію въ теремокъ дочери, и замѣтилъ при этомъ, что она дуется.

— Ты что, Софѣй, такой невеселый? ласково спросилъ царь, догадываясь, что дочка заряжена—капризничать собралась.—А? что, Софѣй?

— Я думаю о тетѣ Федосьюшкѣ да о покойной тетѣ Дунѣ, отрѣзала царю, надувъ губки.

Царь поморщился. Его и самого что-то грызло за сердце: «заварили вашу съ этими новшествами—кому-то расхлебывать будеть?»...

— А ты что такъ причесана? спросилъ онъ помолчавъ.

— Такъ... по старому... Я и все буду дѣлать по старому безъ этихъ новшествъ, снова отрѣзала, сдѣлавъ удареніе на словѣ «по старому»....

А когда пришелъ на урокъ Симеонъ Полоцкій, то заряженная Софьюшка ему просто нагубила, сказавъ, что она «урна изъ арифметики не вытвердила—все читала псалтырь»....

Какъ бы то ни было, но смерть Урусовой произвела большое впечатлѣніе и на дворъ, и на всю Москву. Царь смущенъ былъ болѣе другихъ. Въ него невольно заползло сомнѣніе. Вправдѣ ли онъ былъ дѣлать все то, что привело царство къ такому всеобщему шатанью? Хорошо-ли онъ сдѣлалъ, что допустилъ всѣ эти новшества? А вѣдь эти новшества не ограничились новыми книгами и троеперстнымъ сложеніемъ. Услужливые люди не разъ уже доводили до его свѣдѣнія о томъ, что въ народѣ молва идетъ—«не хорошо-де въ народѣ толкуютъ» и насчетъ того, что молодая царица Наталья Кирилловна, попирая преданія старины и древняго благочестія, ѣздитъ въ открытой каретѣ и показываетъ свое свѣтлое лицо народу, «чего на московскомъ государствѣ не бывало, какъ и свѣтъ стоять». Оуждали и то, что царь допускалъ «комидійныя дѣйства» и тѣшился ими, для чего построилъ и «комидійныя хоромы». Мало того, набралъ нѣмцевъ и хохловъ и научалъ ихъ «комидійному дѣлу»—играть на варганахъ и сопеляхъ, мало того—скакать и плясать и хребтами выхлѣть: а ужъ это совсѣмъ бѣсовское дѣло....

Смущенный царь позвалъ къ себѣ Симеона Полоцкаго и сталъ его спрашивать, хорошо-ли онъ все это дѣлаетъ. Хитрый хохоль сказалъ, что все, что дѣлаетъ онъ, царское пресвѣтлое величество,—все это хорошо; что у иноземныхъ государей все это давно сдѣлано.

— Почему жъ многіе меня за сіе оуждаютъ и не повинуются мнѣ? спросилъ царь.

— По невѣдѣнію, великій государь, — по темнотѣ разума своего, уклончиво отвѣчалъ украинець:—и еще паче потому... хитрый украинець остановился.

— Говори, Симеонъ, досказывай—не бойся.

— Потому, великій государь, что ты силою велишь дѣлать то, что самъ находишь хорошимъ. А человѣческое сердце такъ сотворено, что когда Господь сказалъ первому человѣку — «не вкуси отъ плода сего древа»,—онъ отъ него-то и вкусилъ паче. Запрещенный плодъ всегда сладокъ. А пускай сами они полюбить твое хорошее—и они съ радостію примутъ его. А прикажешь—не послушаются, умрутъ, а не послушаются, зане Богъ далъ человѣку свободную волю. Увѣрь его—и онъ послушаетъ тебя, а ни огня, ни меча не послушаетъ. И чѣмъ ты болѣе будешь гнать ихъ, мучить и казнить, тѣмъ скорѣе они будутъ нарождаться, яко тѣ мифологійные драгоны зубы. А престань ихъ гнать—и они сами придутъ къ тебѣ. Дабы пояснить твоему царскому пресвѣтлому величеству сіе примѣромъ, я укажу тебѣ на мою милую родину, на Украину-неньку, какъ у насъ оную именуютъ. Доколѣ польское королевство не подвергало гоненію нашу христіанскую вѣру, дотолѣ украинскіе люди были вѣрнѣйшими слугами польскаго королевства. Егда же они пустили гоненіе на вѣру, какъ Малороссія свергла съ себя польское владычество и подклонила подъ твою державную и милостивую руку. А повели ты украинскому народу креститься двоеперстіемъ либо воспрети говорить малороссійскою рѣчью, чтобы говорили московскою—и се Всемогущій Богъ свидѣтель, что Малая Россія отложится отъ московскаго государства, — и будутъ послѣднія горше первыхъ....

Царь глубоко задумался надъ этими, какъ ему казалось, пророческими словами и они долго не выходили у него изъ головы. Но когда онъ сталъ совѣтываться съ своими боярами и митрополитами, то благія слова Симеона Полоцкаго тотчасъ же вылетѣли изъ памяти. Попы и бояре затвердили ему: «строптиваго накажи» — и безвольный царь опять пошелъ по пути наказаній»....

Въ Боровскъ былъ отправленъ Іоакимъ, архимандритъ чудовскій, уже извѣстный намъ «увѣщатель» строптивыхъ. Онъ долженъ былъ воспользоваться постигшимъ Морозову несчастіемъ—смертью сестры. Она поражена, убита горемъ; она, наконецъ, истомлена и тѣломъ, и духомъ. На нее могутъ теперь

подѣйствовать увѣщанія, проникнуть въ ея истомившуюся душу, какъ благодатный дождь въ разрыхленную засухами землю: осиротѣлая овца услышитъ и послушается гласа пастыря своего....

Такъ думали въ Москвѣ. Горда и непреклонна была боярыня въ своей боярской обстановкѣ, когда вся Москва на нее взидала и дивилась ей: было изъ чего набраться «жестоковѣности». Теперь не то: было когда и отчего одуматься и смириться.

Пріѣхавъ въ Боровскъ, Іоакимъ отправился въ тюрьму въ сопровожденіи Кузмищева. Когда дверь открылась и подъячій вошелъ со свѣчой, Морозова поднялась было съ соломы, на которой лежала: — смерть сестры сломила и ее; она сама теперь стала недомогать, часто лежала, съ трудомъ творила положенное число метаній и, поклонившись въ землю, иногда не въ состояніи была сама подняться на ноги, и тогда поднимала ее Агнѣфьюшка. Поднявшись при входѣ Кузмищева, она увидѣла, что за нимъ идетъ Іоакимъ съ крестомъ въ рукѣ. Она тотчасъ же снова опустилась на солому, бросивъ на архимандрита понятный ему взглядъ: «что-де передъ тобой и передъ твоимъ крестомъ я стоять не буду».

Это нѣсколько смутило Іоакима.

— Дочь моя... началъ онъ было.

— Ты мнѣ не отецъ и я тебѣ не дочь, рѣзко перебила его Морозова: — али тѣмъ только отецъ, что въ застѣнкѣ на дыбу меня подымалъ?

— Не я подымалъ, подымала тебя твоя грубность великому государю, возразилъ Іоакимъ.

— Такъ ты и нонѣ отъ него?

— Отъ него.

— Знаю.... Не онъ послалъ тебя ко мнѣ, а вы, отъѣвъ у него зрѣніе и разумъ, прислали ко мнѣ посломъ его безуміе и слѣпоту.

— А ты попрежнему грубо отвѣщаешь послу государеву.

— Я послѣдую угодникамъ: они грубнѣе того отвѣщевали посламъ Діоклетіана.... И ты отъ Діоклетіана.

Кузмищевъ глянулъ на Іоакима, какъ бы говоря: «одинъ съ ней разговоръ—на кострѣ». Архимандритъ однако надѣялся подѣйствовать на непреклонную ласкою и обѣщаніями. Онъ такъ и началъ говорить.

— Послушай, боярыня: великій государь, помня честь и заслугу дядьки своего Бориса Морозова и мужа твоего службу,

хочеть возвести тебя на такову степень чести, каковой у тебя и въ умѣ не бывало.

— Не велика его честь, коли я промѣняла ее на сей вертепъ, указала упрямица на мрачныя стѣны подземелья.

— Твоя была воля, боярыня.

— Не моя, а Господова.

— Господь и меня послалъ нонѣ къ тебѣ: покорися царю—воздай кесарева кесареви....

— О сатана! страстно воскликнула Морозова, всплеснувъ руками:—припомяни тѣ же словеса евангелія, ими же ты яко собака на Христа лаешь. Помнишь ли ты, чернецъ, когда Христось постился въ пустынь и приступи къ нему діаволь и ять его въ Иерусалимъ и постави его на крылѣ церковномъ и рече ему: «аще Сынъ еси Божій, верзися отсюду долу: писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранить Тя, и на рукахъ возмутъ Тя, да не когда преткнеши о камень ногу Твою....» Слышишь, чернецъ?—Діаволь заговорилъ отъ писанія! Діаволь сказалъ Христу: «писано бо есть».... О фарисей! и ты говоришь отъ писанія о кесарѣ!

— Я говорю о великомъ государѣ, заторопился смущенный архимандритъ:—онъ общаеть тебѣ великую милость и честь велию, если ты....

Морозова перебила его, вскочивъ въ нетерпѣннн съ соломы и опять опускаясь на землю.

— О чернецъ! сказала она съ горькою усмѣшкой:—зачѣмъ ты идешь въ слѣдъ діавола? Припомяни тоже божественное слово: «И возведъ его діаволь на гору високу, показа ему вся царствія вселенныя въ чертѣ времяннѣ, и рече ему діаволь: «Тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ, яко мнѣ предана есть и ему же аще хочу, дамъ ю: Ты убо аще преклонишися предо мною, будутъ Тебѣ вся....»

Кузмищевъ удивленно качалъ головой: «ну, баба!» думалось ему: «любова попа за поясъ заткнетъ». Іоакимъ краснѣлъ со стыда и досады.

— Такъ поди къ царю, продолжала Морозова уже совсѣмъ спокойно: раскрой передъ его омраченными очами евангеліе отъ Луки, главу четвертую, и прочти ему отъ стиха перваго даже до стиха четырнадцатаго.

— Аминь! громко сказала все время молчавшая Акинфеюшка.

— Скажи царю, продолжала Морозова: — у меня здѣсь въ темницѣ есть такое великое сокровище, каково царю не купить за всѣ его богатства.

И она указала на маленькій земляной холмикъ, высившійся въ одномъ углу подземелья: то была могила ея сестры.

— Я хочу лечь рядомъ съ нею, заключила она свои слова.

— Такъ это твои послѣднія слова? съ досадою спросилъ архимандритъ.

— Нѣтъ, не послѣднія. Еще скажи царю: пускай онъ готовится отвѣчать предъ Господомъ на страшномъ судѣ, когда обыдетъ его сонмъ казенныхъ имъ невинно и каждый возопіетъ: «отдай мнѣ языкъ мой, что ты у меня урѣзалъ», другой — «собери кости мои и пепель отъ костей моихъ и власы отъ головы моей — собери на мѣстѣ костра, гдѣ ты сжегъ меня и пепель мой вѣтрамъ и дождямъ отдадь....» Пусть готовитъ отвѣты всѣмъ удушеннымъ, обезглавленнымъ, утопленнымъ по его повелѣнію. Пускай и мнѣ готовитъ свой отвѣтъ за моего сына и за сестру мою.... А теперь иди и также готовься самъ къ отвѣту на судъ Бога вселенскаго.

Силы оставили ее и она безъ чувствъ упала на солому....

— Ну, баба! бормоталъ Кузмищевъ, выходя съ архимандритомъ изъ подземелья:—сущій Стеньга Разинъ.

XLІ.

«Сущій Стеньга Разинъ», однако, всего только однимъ мѣсяцемъ и тремя недѣлями пережилъ свою сестру.

Со смерти Урусовой Морозова таяла съ каждымъ днемъ. Она уже почти не вставала и на молитву: за нее молилась Акинфеюшка. Слухъ больной такъ обострился, что она, лежа на соломѣ, большею частью съ закрытыми глазами, потому что все равно ничего не видно было въ кромѣщной тмѣ подземелья,—своимъ чуткимъ слухомъ прислушивалась, какъ молилась ея «свѣчка предъ Господомъ», какъ она называла теперь Акинфеюшку, и считала ея поклоны.

— Сто да полтора ста—полтретья ста, раздавался иногда ея слабый голосъ:—передохни малость, моя свѣчка восковая.

Но Акинфеюшка не хотѣла передохнуть, и опять слышался слабый шелестъ соломы, на которую падали колѣни молящейся. А Морозова лежала съ закрытыми глазами, слушала этотъ ше-

лесть соломы, тяжелое дыханіе и иногда слабый хрусть уставшихъ членовъ и шевелила губами.

— Четыреста-девяносто-девять — пятьсотъ!... будетъ, свѣчечка!

Акинфеюшка переставала молиться и садилась около больной. Руки и той и другой взаимно тянулись къ лицамъ и взаимно осязали ихъ: — руки замѣнили имъ глаза во мракѣ.

— Устала ты, свѣчечка, — притомилась: вонъ лобъ и виски мокры.

— Пичево, сестрица: я молиться горазда — здоровѣ.... А вонъ ты-то, вижу, таешь....

— Такъ-ту, свѣчечка, легче будетъ къ Богу летѣть, — дымкомъ кадилнымъ....

— О-охъ! а я-то — съ кѣмъ буду?

— Не тужи, свѣчечка: я къ тебѣ стану пташкой прилѣтывать....

Въ это время мысли больной почти исключительно витали въ прошедшемъ и она какъ бы думала вслухъ.

— А небо-то, небушко голубое поголомъ надъ тобою раскинулось, и конца-краю ему нѣту и не бывало.... А я лежу, младая дѣвынька, въ травѣ, руки подъ голову заложила, лежу и думаю, глядячи на небо. А по небу лентою тянутся гуси — на теплыя воды летять, высоко-высоко надъ землею, и я слышу говоръ ихъ межъ собою.... И сама, кажись, я лечу съ ними на теплыя воды, въ невѣдомыя земли, къ морямъ синимъ, и подо мною грады и веси, рѣки и озера — «вся царствія вселенныя въ чертѣ времяняѣ.»... А надо мною пчелки летаютъ-жужжать, козявочки махоньки.... И слышно мяѣ, какъ въ отъѣзжемъ полѣ собаки лають — это батюшка охотою тѣшитса.... И какъ же любилъ меня батюшка! — я была ево дрючоное дитѣ, холеное — вѣтру, кажись, не давалъ онъ на меня дохнуть.... А какъ и ево любила! — да и не диво: я матушки не zapomню.... Да, свѣчечка, — то было мое райское житіе, когда мы съ батюшкой въ вотчинахъ ево жили.... Тамъ мой и рай кончился.... Тамъ и княжича я спознала, жениха свою, что въ Литвѣ сложилъ свою кудрявую головушку....

Акинфеюшка безмолвно слушала ее, держа за руку и съ грустью передумывая также и свое прошлое, свою бродячую жизнь. Съ особенной яркостью выступали передъ нею ея страпствія по Малороссіи, по этой черкасской сторонкѣ, которая теперь изъ ея мрачной темницы представлялась ей какою-то волшебною, сказочною стра-

ною, и, казалось, отъ самыхъ воспоминаній о ней вѣяло тепломъ и свѣтомъ.... «Ужъ и что это за сторонка!—излюбленный Господомъ вертоградъ цвѣтной.... Не диво, что въ одномъ Кенвѣ, въ печерахъ, болѣ угодниковъ, чѣмъ во всемъ московскомъ государствѣ», думалось ей.

— А помнишь, свѣчка, какъ мы съ тобой спознались?

— Какъ не помнить!—Аввакумушко свель....

— Аввакумушко—точно.... Что-то онъ?

— Да.... Богу то вѣдомо....

— А помнишь ту ночь, какъ мы къ Степану Разину ходили?

— Подъ ево окошко тюремное—да.

— И голосъ помнишь ево?

— Помню.... «Не шуми ты, мати, зеленая дубровушка....»

— А на Лобномъ-ту мѣстѣ, на плахѣ?

— Да—страшно подумать.

— А я думаю, свѣчка.... я много объ немъ думала....

У него я научилась терпѣть.... Только не привелъ мнѣ Богъ дождаться того, чево я искала....

— А чево, сестрица?

— Ево смерти—на глазахъ у всей Москвы.

— Что ты, милая! зачѣмъ?

— А то такъ-ту лучше сгнить, какъ мы тутъ гнѣмъ?—никому не въ поученіе.... А то, глядя на насъ, и другіе бы учились умирать.

Но скоро и эти грустныя бесѣды и воспоминанья прошлаго все рѣже и рѣже становились. Морозова по цѣлымъ днямъ лежала безмолвно, и только когда Агнѣюшка начинала горько плакать на молитвѣ, она силилась утѣшать ее.

— Не плачь.... думай лучше о томъ, какъ тамъ всѣ встрѣтятся....

— Меня не беретъ Богъ.

— Проси.... толцы двери гроба—отверзутся....

Чувствуя, наконецъ, что приходятъ ей послѣдніе дни, Морозова воспользовалась однажды появленіемъ въ тюрьмѣ сторожа съ водою и сухарями, чтобы обратиться къ нему съ послѣднею просьбою.

— Миленькой, братецъ, слабо сказала она:—вѣруешь ты въ Христа?

— Какъ же, матушка, не вѣрить-ту? удивленно спросилъ простодушный стражъ.

— А въ церкви бывалъ?

— На мнѣ, чаю, крестъ—какъ не бывать!

— А слышалъ, какъ на страстяхъ читаютъ про то, какъ Христа распяли и какъ Онъ-свѣтикъ скончался.

— Знаю—слыхали.

— А помнишь, тамъ читаютъ, что когда Ево, Батюшку, сняли со креста, то Иосифъ Аримаѳейскій взялъ тѣло Христово и плащаницею чистою обвивъ....

— Таково, кажись, не слыхивали.

— Ну вотъ что, миленькой:—я скоро помру—я ужъ не жилица.... Такъ именемъ Христа молю тебя—исполни мою послѣднюю просьбу.... Не хочу я идти ко Христу въ грязной срачицѣ.... Такъ будь милосердъ—возьми мою сорочку, голубчикъ,—вымой ее въ рѣкѣ.... Я за тебя Богу буду молиться.

Сторожъ исполнилъ послѣднюю просьбу умирающей.

Наканунѣ смерти, прислушиваясь къ давно знакомымъ ей звукамъ—къ шуршанью соломы отъ поклоновъ Акинфеюшки, она вдругъ остановила ее.

— Постой, свѣчечка моя предъ Господомъ.... будетъ ужъ.... гасни, потухни, лампада моя.... Давай пѣть отходную по душѣ моей....

Акинфеюшка перестала молиться. Умирающая начала было читать отходную, но память и языкъ отказывались служить ей: она часто останавливалась и слушала, какъ читала Акинфеюшка. Потомъ опять начинала и опять обрывалась.

— Вотъ я и отхожу.... Упроси, милая, стражей вырыть и мнѣ ямку тамъ....

Акинфеюшка, плача, цѣловала ее холодѣющія руки.

— Да положи такъ... знаешь... чтобъ моя рогожа... близко.... съ ее бы рогожкой вмѣстѣ....

Въ послѣдніе часы умирающая бредила тѣмъ, что она называла «райскимъ житіемъ»—своею раннею молодостью, далекими вотчинами своего отца, и только на мгновенія приходила въ себя.

— Небо.... все небо кругомъ.... зелень.... лебеди кричать.... меня ждуть.... Да, сестрица, не забудь.... какъ отходить стану... сложи персты мои.... такъ сложи.... истова.... Иволга свистить.... а вонъ кукушка закуковала.... куку-куку.... сколько мнѣ лѣтъ жить.... много, много лѣтъ.... наживусь.... счету нѣтъ ее кукованью.... счету не будетъ годамъ моимъ.... все кукуеть—все кукуеть... »

Въ ночь съ 1-го на 2-е ноября 1675 года и сама она отку-
говала.

Акинфюшка исполнила ея завѣтъ: въ ея рукѣ заоченьѣла
правая рука умершей съ сложенными истою двумя перстами....

XLII.

Такъ одинъ за другимъ сходили со сцены первые дѣятели
великой исторической драмы, идущей на исторической, чисто-
народной русской сценѣ вотъ уже третье столѣтіе. Много пере-
бывало актеровъ на этой обширной, почти неизмѣримой сценѣ.
Съ правой стороны изъ-за великихъ историческихъ кулисъ вы-
ходили актеры съ чисто-русскимъ типомъ, съ великими, шекспи-
ровскими характерами, въ родѣ Аввакума, Морозовой и ихъ по-
слѣдователей. Съ лѣвой же стороны, изъ-за этихъ же истори-
ческихъ кулисъ выступали другаго сорта актеры, иногда съ та-
кимъ же русскимъ типомъ, какъ князь-кесарь Федоръ Юрьичъ
Ромодановскій, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, Степанъ Ивановичъ Шеш-
ковскій, иногда же и нѣмцы.... Лѣвые постоянно сгоняли со
сцены правыхъ, вгоняли ихъ въ темницы, въ могилы; но они,
какъ тѣнь Банко, выходили изъ могилъ и являлись на сценѣ съ
тѣми же двумя истою сложенными перстами....

Они выходятъ на сцену доселѣ, и ихъ гонять, гонять, и все
не могутъ согнать со свѣту, потому что ихъ дѣло—правое дѣло,
дѣло совѣсти, и если бы на страницахъ исторіи могла высту-
пать краска стыда, то страницы, на которыхъ написаны имена
актеровъ лѣвой стороны, казались бы совсѣмъ кровавыми....

Возвратимся къ самому первому актеру правой стороны, къ
Аввакуму.

Четырнадцать лѣтъ томился онъ въ земляной тюрьмѣ въ Пу-
стозерскѣ. Онъ пережилъ почти всѣхъ своихъ учениковъ и уче-
ницъ—и Федю юродиваго, котораго удавили въ Мезени, и Мо-
розову съ Урусовой, истаявшихъ въ Боровскомъ подземельѣ, и
многихъ другихъ, имена которыхъ не сохранила исторія. Онъ,
сидя въ своемъ подземельѣ, все молился да разговаривалъ—то
съ вороною, каркавшею у него на крестѣ землянки, то съ во-
робьемъ, прилетавшимъ на его оконце клевать крошки, насы-
паемая туда узникомъ, то съ мышенкомъ, что погрызывалъ его
сухарики, то, наконецъ, съ паукомъ, спускавшимся съ потолка
на звонъ его цѣпей, — говорилъ затѣмъ, чтобъ не разучиться

говорить и Бога славить, — говорилъ, молился и писалъ, безъ конца писалъ, разсылая свои посланія по всей русской землѣ съ помощью увѣровавшихъ въ него тюремщиковъ.

Вотъ и теперь, 1-го апрѣля 1681 года, онъ пишетъ согнувшись въ три погибели, а на оконцѣ чирикаетъ воробей, мышенокъ шуршитъ соломой, утаскивая къ себѣ сухарикъ, Аввакумомъ же для него припасенный; ворона попрежнему каркаетъ на крестъ....

— Во вѣки вѣновъ — аминь! съ силою вздохнулъ старикъ, положилъ перо за ухо и разогнулъ спину: — кончилъ!.... А ты каркай не каркай, подлая, — не будешь ѣсть мово мяса....

Онъ сталъ перелистывать лежавшую у него на колѣняхъ тетрадь.

— Ну-ко, что я нонѣ въ концѣ надарапаю? — прочту.

И онъ сталъ читать вслухъ: «Егда я еще былъ пономъ, съ первыхъ временъ какъ подвигу касаться сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице: изнемогла у меня жена гораздо и прѣехалъ къ ней отецъ духовный; азъ же изъ двора пошелъ по книгу въ церковь ноцію глубокою, по чему исповѣдаться. И егда на паперть пришелъ, столъникъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ столъникъ на мѣстѣ своемъ. И я, не утрашась, помоляся предъ образомъ, осѣнилъ рукою столъникъ и, пришедъ, поставилъ его, и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ въ гробѣ стоялъ, и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылась доска и саванъ шевелиться сталъ, утрашая меня. Азъ же, Богу помоляся, осѣнилъ рукою мертвеца, и бысть попрежнему все, ино ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, утрашая меня. Азъ же, помоляся и поцѣловавъ престоль, рукою ризы благословилъ и пощупалъ приступа: а онѣ по-старому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково-то ухищреніе бѣсовское къ намъ! да полно того говорить!....»

Онъ помолчалъ немного, прислушался къ отдаленному стуку топоровъ.

— Чтой-то они тамъ строятъ? — Вотъ съ самово утра топоры говорятъ.... Ужъ не срубъ ли мнѣ работаютъ?.... Дай-то, Господи!.... Хочу славы сей....

Онъ задумался. Сѣдая голова его тихо качалась. Нечесанныя космы свѣсались на лицо. Онъ взялъ одну прядь.

— Ишь—бѣлы что снѣгъ—паче снѣга убѣлились.... бѣлы.... серебро, чистое серебро.... Ужъ я и забылъ, каковы они съ мѡлоду были.... черны, кажись, ни то русы.

Онъ махнулъ рукой и опять нагнулся къ тетради.

«Ну, старецъ, моего виканья вѣдь много ты слышалъ. Отъ имени Господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому Христову, какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-тѣ тебя яли и какъ бѣсъ-отъ дрова-тѣ сожегъ и какъ келья-то обгорѣла, а въ ней цѣло все, и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я осержусь! Любилъ слушать у меня: чего соромишься, скажи хотя немножко. Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Іерусалимѣ предъ всѣми, еликъ сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними, въ дѣянїяхъ зачатокъ тридцать пятой и сорокъ вторая, и величашеся имя Господа Ісуса, мнози же отъ вѣровавшихъ прихождаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя, да и много того найдется въ апостолахъ и въ дѣянїяхъ. Сказывай, не бойся, лишь совѣсть крѣпку держи, не себѣ славы ищи, говоря, но Христу и Богородицѣ. Пускай рабъ Христовъ веселится, чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ да помянетъ предъ Богомъ насъ, а мы о чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить, наши они люди, и будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣковъ, аминь.» *)

— А все стучать топоры.... Ну, инъ съ Богомъ: стучите, стучите, топорики.... Можетъ мнѣ печечку-ту воздвизаете—коровай въ той печкѣ изъ меня Христу печіи будутъ.

Онъ перекрестился, свернулъ тетрадь, взвѣсилъ ее на рукѣ.

— А тяжеленька-таки, многожько настрочилъ.... Только свѣтамъ моимъ, Ѳедосьюшкѣ да Овдотьюшкѣ, не читать ужъ мово виканья—отчитали свое.... тѣлеси ихъ святыя въ Боровскѣ, въ землѣ темничнѣй, почиваютъ, а сами онѣ, свѣты, нонѣ лижъ Христовъ читаютъ — ликовствуютъ.... О, свѣты, свѣтики мои! голубицы бѣлыя! какъ я, старой песъ, любилъ ихъ, бѣленькихъ и тѣльцемъ и духомъ!

Вдругъ что-то влетѣло въ оконце и упало къ ногамъ его....

— Ноли воробышекъ?—Нѣтъ.... Что бы это такое было?

*) Изъ „Житія протопопа Аввакума, имъ самимъ писаннаго“.

Онъ сталъ искать въ соломѣ. Руки его ощупали камень, обернутый бумажкой.

— Писаніе.... отъ кого?.... Благослови, Господи!

Онъ перекрестился и развернулъ бумажку. Руки его дрожали. На бумажкѣ было что-то нацарапано.

«Смиренная и убогая старица Меланія....»

— Меланія! Владыко всемилостиве! какъ она сюда попала!

«Смиренная и убогая старица Меланія преподобному Аввакуму, пророку и посланнику Бога живаго, столпу непоколебимому православія, солнцу правды, амаманту вѣры правыя, о Христѣ радоватися. Приспѣ бо часъ твой. Уготована убо огненная колесница, на ней же нынѣ вознесешися ко Господу. Аминь.»

Что выражало лицо его — неизреченное ли блаженство или невыразимый ужасъ, когда онъ упалъ этимъ лицомъ на соломѣ и не своимъ голосомъ выкрикнулъ:— «да будетъ воля Твоя!»—это извѣстно только тѣмъ, которые умирали за идею....

Черезъ часъ, изъ открытой двери подземелья, въ которомъ четырнадцать лѣтъ высидѣлъ Аввакумъ, ни разу не видавъ ни неба, ни земли, вышелъ стрѣлецъ съ алебардой, а за нимъ Аввакумъ, сопровождаемый другимъ стрѣльцомъ. Узникъ, которому казалось лѣтъ подъ восемьдесятъ, ступивъ на землю, поднялъ голову и нѣсколько минутъ стоялъ такъ, глядя на небо, на бѣловатая облачка, кучившіяся къ полудню, на свою землянку, на темную зелень далекаго бора, какъ бы стараясь что припомнить и убѣдиться, такъ ли все еще сине и глубоко небо, какимъ оно было четырнадцать лѣтъ назадъ, такъ ли свѣтитъ въ этой голубой выси солнце, такъ ли, какъ прежде, плаваютъ по небу облачка, зеленѣетъ лѣсъ, порхаютъ въ воздухѣ ласточки, стрижи....

Убѣдившись, что міръ божій остался все такимъ же прекраснымъ, какимъ былъ и четырнадцать лѣтъ назадъ и въ дни его юности, онъ какъ-то ни то горько, ни то радостно тряхнулъ головой и, смахнувъ со щекъ выкатившіяся изъ глазъ слезы, широко, размашисто перекрестился. Онъ хотѣлъ было двинуться за переднимъ стрѣльцомъ дальше, къ выходу изъ ограда, которою обнесена была его тюрьма, какъ услышалъ позади себя звяканье цѣпей. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, какъ изъ трехъ другихъ такихъ же, какъ его, землянокъ выходили тоже узники съ стрѣльцами, и въ этихъ узникахъ онъ отчасти узналъ, отчасти

догадывался, что узналъ—такъ неузнаваемо измѣнились они въ четырнадцать лѣтъ!—друга своего, попа Лазаря, дьякона Благовѣщенскаго собора, Ѳедора, и духовника своего, инока Епифанія, того самаго, которому онъ сейчасъ только писалъ въ «житіи» своемъ, какъ «Богородица бѣса въ рукахъ мяла и ему, Епифанію, отдала» и прочее.

Аввакумъ радостно всплеснулъ руками.

— Други мои свѣты!... Вмѣстѣ ко Господу идемъ!

— Аввакумушко! протопопъ божій!

— Епифанушко миленькій! Ѳеддрушко братецъ!

— Живы еще! всѣ живы! — и помремъ вмѣстѣ!... Лазарушко! и ты съ нами!

Они обнимались и плакали, звеня цѣпями. Стрѣльцы, глядя на нихъ, супились и отворачивались, чтобы скрыть слезы.

Звякнула щекотка оградной калитки, калитка распахнулась и въ ней показалось красное, прыщеватое лицо «людоѣда».

— Эй! лизаться пустосвяты вздумали! закричалъ Кузмищевъ: — еще нацѣлуется съ дымомъ да съ полымемъ.... Веди ихъ, стрѣльцы!

Узниковъ развели и повели гуськомъ къ калиткѣ. Впереди всѣхъ шелъ Аввакумъ. За тюремной оградой глазамъ арестантовъ представился большой срубъ, наполненный щепами и уставленный снопами сухаго сѣна, перемежаннаго съ берестой да паклей. Около сруба толпился народъ.

Кузмищевъ, взявъ у стоявшаго около сруба съ зажженными свѣчами монаха четыре восковыхъ свѣчечки, раздалъ ихъ осужденнымъ.

— За мною, други мои, вѣнцы царски ловить! воскликнулъ Аввакумъ, поднимая вверхъ свѣчу и твердо всходя на костеръ.

Товарищи послѣдовали за нимъ и стали на костръ рядомъ, взявшись за руки.

Кузмищевъ досталъ изъ-за пазухи бумагу, медленно развернулъ ее, откашлялся. Но въ этотъ моментъ Аввакумъ, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, быстро нагнулся и, подобно старицѣ Юстинѣ въ Боровскѣ, въ разныхъ мѣстахъ самъ своею свѣчою подпалилъ сѣно и бересту. Пламя мгновенно охватило костеръ.... Въ толпѣ послышались крики ужаса.... Всѣ посымали шапки и крестились....

Подъячій окончательно растерялся....

— Охти мнѣ!... Ахъ изверги!...

Изъ пламени высунулась вся опаленная чья-то рука съ двумя истою сложенными пальцами....

— Православные! вотъ такъ креститесь! раздался изъ пламени сильный, рѣзкій голосъ Аввакума:—коли такимъ крестомъ будете молиться — во вѣкъ не погибнете, а покинете этотъ крестъ — и городъ вашъ песокъ занесетъ и свѣту конецъ настанеть!

— Аминь! аминь! аминь! прозвучалъ въ толпѣ голосъ, столь знакомый всей Москвѣ.

Изъ толпы выдѣлился черный низенькій глобучекъ, а изъ-подъ глобучка свѣтились зеленоватымъ свѣтомъ рысьи глазки матери Меланіи.

— Охти мнѣ!—ахъ злодѣи, воры, аспиды! метался подъячій съ бумагой въ рукахъ.

Костеръ, между тѣмъ, трещалъ и пылалъ, какъ одна гигантская свѣча, отъ которой огненный язычище съ малыми языками высоко взвивался къ небу, обрываясь тамъ, развѣваясь и расплываясь въ воздухъ сѣрою дымкою.

Бругомъ, казалось, все засумрачилось, потемнѣло, словно бы на землю разомъ опустились сумерки. Онѣмѣвшій отъ страха народъ не смѣлъ шевельнуться. Сумракъ стучался все болѣе и болѣе. Костра уже не было—оставалась и перегорала огромная куча огненного угля....

Вдругъ какъ изъ ведра полилъ дождь....

— Батюшки! православные! небо плачетъ! нѣбушко заплакало отъ эково злодѣянія!—о-о-охъ! раздался въ толпѣ отчаянный вопль женщины.

Бузмищевъ встрепенулся, словно его кнутомъ полоснуло.

— Эй! лови ее, лови! держи воруху! держи злодѣйку!

Но Меланіи — это она выкрикнула — и слѣдъ простылъ....
«Въ воду, братцы, канула — сгнула, провалилась....»

Народъ сунулся къ залитому огнемъ костру — собирать на память «святыя косточки», чтобъ разнести ихъ потомъ по всему московскому государству... Аввакумъ былъ правъ, говоря о сожигаемыхъ: «изъ каждой золинки ихъ, изъ пепла, аки изъ золы фениксы, изростутъ миліоны вѣрующихъ....» Такъ и вышло....

XLIII.

Въ то время, когда въ Пустозерскѣ дымъ и чадъ отъ сожигаемаго Аввакума сѣрыми облачками возносился къ пасмурному небу, въ Кирилловомъ монастырѣ, на Бѣломъ озерѣ, врагъ и погубитель всей жизни перваго расколоучителя, Никонъ, умиралъ медленною, мучительною смертью всеѣми забытаго старика и заточника.

Когда черезъ четыре мѣсяца послѣ смерти Морозовой, въ концѣ января 1676 года, умеръ типайшій и благочестивѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи и преемникъ его, царь Федоръ Алексѣевичъ, послалъ къ Никону съ дарами и съ вѣстью Лопухина — просить у старика прощенія и разрѣшенія покойному царю на бумагѣ, то Никонъ, по обыкновенію, заупрямился.

— Богъ его проститъ, отвѣчалъ онъ: — ино въ страшное пришествіе Христова мы будемъ съ нимъ судиться: я не дамъ ему прощенія на письмѣ!

Пользуясь этимъ, на Никона къ царю полезли доносчики: вывели на божій свѣтъ и застрѣленнаго имъ баклана, и высѣченнаго изъ-за «добро-ста» поварка Ларку, и раздѣтую для леченья бабу Киликѣйку....

Никона перевели въ болѣе тяжкое заточеніе — въ Кирилловъ монастырь, старцы котораго и прежде постоянно сердили сварливаго старика, то привози ему въ пищу грибовъ съ мухоморами, то «напуская къ нему въ келью чертей», то говоря, что онъ у нихъ въ монастырѣ «всеѣхъ коровъ переѣлъ»....

Въ Кирилловѣ Никонъ таялъ съ каждымъ днемъ. Онъ уже съ трудомъ передвигалъ отъ старости свои большыя и усталыя ноги, посхимился, готовился къ смерти....

Объ этомъ донесли куда слѣдуетъ: умираеть-де старецъ Никонъ — какъ и гдѣ похоронить его?

И тогда изъ Москвы пришла милость: порадовать-де заточника свободой хоть передъ смертью....

Порадовали.... Повезли въ Воскресенскій монастырь.... Ему страстно, мереть смертью теперь, захотѣлось взглянуть, цѣло ли понынѣ тамъ, на переходахъ его келии, то ласточкино гнѣздо, которое онъ пощадилъ когда-то — не разметалъ клюшкой....

Больнаго Никона изъ Кириллова монастыря привезли на берегъ Шексны, посадили въ стругъ и, по его желанію, поплыли

внизъ къ Ярославлю, а оттуда къ Нижнему, къ тому далекому селу, гдѣ родился онъ и бѣгалъ маленькими босыми ногами, счастливый, невинный.... Хотѣлось ему передъ смертью взглянуть на родное село, потомъ на ласточкино гнѣздо въ своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ, а тамъ и на Москву, послушать въ послѣдній разъ могучаго звону всѣхъ сорока сороковъ, вспомнить свое патриаршество, свое царство, какъ они дѣлили его съ покойнымъ «собиннымъ» другомъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ....

Это было въ августъ 1681 года. Дорогой, во время плаванія, погода стояла сухая, тихая, теплая, ясная, словно весенняя. Зелень еще не начинала желтѣть, паутина еще не тянулась серебряными нитями въ воздухъ и только ранняя перелетная птица, гуси и лебеди, звонко перекликаясь глубоко въ небѣ, напоминали, что они летятъ на теплыя воды, на полдень, туда же, куда, казалось, медленно плылъ и стругъ Никона....

Цѣлые дни сидѣлъ онъ и больше лежалъ на своей дорожной постели, кутая холодящія ноги и глядя на воду, на медленно убѣгающіе берега рѣки, на рощи, синѣющія вправо и влево, на красноватые береговые обрывы и красивые изломы горъ, на селенія, то тамъ, то здѣсь какъ бы выбѣгавшія на берегъ посматрѣть на плывущій откуда-то стругъ, а на немъ—на сумрачное съ усталыми глазами лицо стараго, невѣдомаго монаха....

Гребцы иногда затынутъ пѣсню—либо «не бѣлы-то снѣжки», либо—«внизъ по матушкѣ по Волгѣ»—да вспомнить, кого везуть, и замолчать....

Чѣмъ дальше двигался нѣкогда «державный» заточникъ, тѣмъ быстрѣе впереди его бѣжала вѣсть, что везутъ Никона—имя, тридцать лѣтъ гремѣвшее на Руси, благословляемое и проклинаемое, имя, когда-то возглашавшееся вмѣстѣ съ царскимъ, а потомъ опозоренное, поносимое, отверженное. Народъ толпами собирался на берегу въ мѣстахъ, гдѣ приставалъ стругъ съ нѣкогда грознымъ, теперь тихимъ и задумчивымъ патриархомъ. Одни тянулись къ нему за благословеніемъ, несли дары и кормъ, другіе—чтобъ увидѣть апокалипсическаго звѣря, что пустилъ по Руси «пестрообразную никоніанскую ересь». Тамъ, гдѣ стругъ не приставалъ къ берегу, народъ встрѣчалъ его на лодкахъ, на серединѣ рѣки, и долго слѣдовалъ за его стругомъ, съ любопытствомъ и боязнью всматриваясь въ блѣдное лицо, утомленно и печально глядѣвшее изъ-подъ высокаго чернаго клобука и

окаймленное бѣлыми, серебристыми космами волосъ и бороды. Матери поднимали дѣтей, чтобъ хоть издали показать имъ Никона.

17-го августа стругъ съ «великимъ заточникомъ» отъ Толгскаго монастыря, что противъ Ярославля, плылъ къ другому, нагорному берегу, и входилъ въ рѣку Которость. Цѣлая флотилія лодокъ слѣдовала за стругомъ. На берегу Которости толпились массы народа, духовенство, свѣтскія власти, гостинные и посадскіе люди изъ Ярославова града.

Къ стругу пристала большая лодка съ московскимъ духовенствомъ и въ стругъ смиренно, съ поникшею головою вошелъ архимандритъ Сергій, тотъ самый, котораго мы видѣли когда-то въ Соловкахъ на «черномъ» соборѣ и который потомъ издѣвался надъ Никономъ, когда его, свергнутого съ патриаршества, везли въ ссылку. Сергій, подойдя теперь къ ложу Никона, припалъ головою къ днищу сруба....

— Прости, блаженне! не вмѣни въ вину грубство мое великое! какъ-то застоналъ онъ, не подымая головы. — Прости, блаженне!

— Встань.... кто ты? слабо спросилъ «великій старецъ».

— Я Сергій—Сергущко архимаритишко.... песь смердящій....

— Встань, Сергій.... Кто ты?—я не помню....

— Я тотъ окаянный, что ругался надъ тобою послѣ собора....

Прости—помилуй....

— Помню.... Встань....

— Я ругался по неволѣ.... Брехалъ на святителя, творя угодное собору....

— Прощаю и разрѣшаю, слабо махнулъ рукою Никонъ.

Народъ не вытерпѣлъ и бросился въ воду, крестясь и поднимая руки....

— Батюшка! святитель! угодникъ Божій!

— Мы тебя на себѣ повеземъ! благослови насъ!

Слабая, добрая улыбка пробѣжала по лицу «великаго старца»....

— Се Почайна, а се людіе мои, Господи! радостно бормоталъ онъ.

Народъ, котораго увлеченія не знаютъ границъ, обезумѣлъ отъ умиленія и восторга. Стругъ, какъ щепку, вынесли здоровыя руки восторженнаго народа на берегъ и все бросилось въ стругъ цѣловать руки, ноги, одежду, ложе освобожденнаго узника-святителя.... У изголовья его стоялъ Сергій и плакалъ....

Свзвозь толпу протискалась старая-престарая монашка и тоже плакала, шепча: «Микитушка-свѣтигъ».... Но Никонъ уже не узналъ своей жены....

Солнце клонилось къ западу, золотя лучами шелковистое серебро волосъ и бороды Никона. Заблаговѣстили къ вечернямъ....

При звонѣ колоколовъ лицо Никона преобразилось: ему казалось, что подъ этотъ священный голось церковей онъ вступать въ Москву, со славою; благословляемый народомъ.... Что-то прежнее, величавое блеснуло въ его глазахъ, въ чертахъ лица.... Онъ бодро глянулъ кругомъ, на небо, на солнце, сталъ оправлять себѣ волосы, бороду, одежду, какъ бы готовясь въ путь....

Стоявшіе у его изголовья, архимандриты Сергіи и Никита кирilloвскій поняли, что «великій странникъ собрался въ далекій, невѣдомый путь»—и стали читать отходную....

И Никонъ все понялъ: сложивъ на груди руки, вытянулся—вытянулся — и глубоко, продолжительно вздохнулъ, чтобъ уже больше не повторять этого вздоха....

Такъ кончилъ и другой боецъ изъ воиновъ той великой битвы, которая вотъ уже третье столѣтіе ведется между двумя половинами русской земли, ведется единственно вслѣдствіе того, что обѣ половины не вѣдаютъ, что творять....

Что же случилось съ другими лицами, которыхъ мы забыли на-время, занятые главными историческими дѣлателями «Великаго раскола»?

Петрушенька-царевичъ, которому пошелъ уже десятый годокъ, по смерти батюшки пересталъ топить щенятъ и котятъ, и вмѣстѣ съ сверстниками «робятками» изволилъ тѣшиться потѣшными ружьями, барабанами, пушками, и изъ зависти къ сестрицѣ Софьюшкѣ перегоняетъ уже ее во всѣхъ «ургахъ ариеметиги» и иныхъ хитростей.

Царевна Софьюшка стала уже совсѣмъ взрослой дѣвицей и зорко присматривалась къ тому, какъ ея большой братецъ, царь Федюшка, «государствуетъ», чтобъ и самой послѣ него «пogосударствовать», не забывая въ то же время зорко присматриваться и къ красивому, статному княжичу, Васенькѣ Голицыну.

Сямеонъ Полоцкій, «расплодивъ въ Москвѣ продувныхъ хохловъ, что таракановъ», лежалъ уже въ сырой землѣ на клад-

бищѣ Законоспасекаго монастыря, велѣвъ посадить на своей могилѣ вербу, чтобъ она напоминала ему и въ могилѣ его далекую, дорогую Украину. Царевна Софья часто посѣщаетъ его могилу, тѣмъ болѣе, что тамъ она въ первый разъ поцѣловалась съ своимъ книжичемъ Васенькой....

Мамушка ея продолжаетъ вязать чулокъ и спускать петли и сб-слѣпу уже не видитъ и не слышитъ, какъ Софьюшка царевна бѣгаетъ иногда, въ селѣ Коломенскомъ, въ садъ, къ пруду, на свиданье съ своимъ Васенькой.

Мать Меланія попрежнему неуловима и втихомолку готовить ту страшную драму, которая разразилась «стрѣльцкимъ бунтомъ» и бритьемъ всей Россіи.

Ондрейко Поджабринъ, стрѣлецъ, нѣтъ-нѣтъ да и вспомнить тѣ «буркалы», которыя онъ видѣлъ когда-то въ кельѣ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, а потомъ на плахѣ на Лобномъ мѣстѣ.

Ласточкино гнѣздо, пощаженое Никономъ, чернѣется по-прежнему на переходахъ патріаршихъ келій. Въ немъ выводится уже семнадцатое поколѣніе потомковъ той ласточки, которую кормилъ мухами Никонъ. Куда бы онѣ не улетали на зиму, а весной опять возвращались къ старому гнѣзду, какъ бы вспоминая Никона.

А что случилось съ нашими украинцами и украинками?

Петрушка Дорошонокъ, нынѣ воевода Петръ Дорофеичъ, тоскуетъ въ «московской неволѣ», въ селѣ Ярополчѣ, Волоколамскаго уѣзда, и вспоминаетъ о милой Украинѣ и о своей хорошенькой, но вѣтренной женкѣ, оставшейся въ Чигиринѣ.

А женка, совсѣмъ нестарѣющая, продолжаетъ слушать «веснянки» и «скакать черезъ плотъ съ молодшими», начиная съ Мазепы и кончая юнымъ бунчуковымъ товарищемъ Остапикомъ.

Мазепа, обманувъ Брюховецкую, утопивъ потомъ своего благодѣтеля, Дорошенка, и начавъ уже копать яму другому благодѣтелю, гетману Самойловичу, шибко идетъ въ гору и шибко продолжаетъ «скакать въ гречку» со всякою смазливенькою женщиною, будь то украинка, полька и даже московка.

Маленькій Гриць Брюховецкій, играя въ «Шума», простудился и отдалъ Богу свою младенческую душу, твердя въ своей мертвой постелькѣ: «ахъ мамо, яка бо ты московка....»

«Мама московочка» не пережила своего Гриця: такъ она и не видала своей родной сторонки, Москвы бѣлокаменной, а, умирая, благословила Украину, гдѣ ее всѣ любили.

Петрусь продолжаетъ усердно мазать чоботы дегтемъ и жехаться съ своею Авдохю. Когда онъ узналъ, что москали дегтемъ не мажутъ сапогъ и «все переказались» изъ-за того, какъ креститься—двумя или тремя пальцами, онъ только рукой махнулъ: «бѣтъ дурнѣй москали!....»

Д. Мордовцевъ.

КОНЕЦЪ.

ВЪ УСТЬЯХЪ И ВЪ МОРЬ *).

(СЪВЕРО-КАСПІЙСКІЕ ОЧЕРКИ).

III.

З и м о в и ч и.

Знавали ли вы зимнія ночи въ морѣ, теряли ли границы между сномъ и дѣйствительностью, фантазмагоріей и правдой, землей и небомъ? Что это въ неоглядной хмуро-бѣлой пустынѣ—облака въ небѣ, или ледяные бугры въ морѣ? А эта монотонная гамма колокольчика, то врывающаяся въ ваше ощущеніе, то уходящая изъ него мало-по-малу, точно расплывающаяся въ туманѣ, потопившемъ васъ, гдѣ она,—во снѣ или на яву? Не дѣлаетъ ли она еще болѣе мертвеннымъ то безмолвіе, что поглощаетъ и уноситъ васъ въ иной міръ, въ міръ яркихъ красокъ, опредѣленныхъ формъ и живыхъ впечатлѣній, и не сонъ ли эти впечатлѣнія?... Теплый, свѣтлый, живой сонъ, среди холодной, туманной, застывшей величавой дѣйствительности—какъ тутъ не перемѣшать того и другаго? Засыпая, переходя въ жизнь, просыпаясь—въ недвижимое, безмолвное, застывшее, спящее царство волшебной сказки. Самое время—идетъ ли оно? Минуты или часы, дни или годы—Богъ вѣсть.... шѣрка дѣйствительности утрачена. То замираетъ, то оживаетъ и врывается въ васъ та же гамма колокольчика, но откуда, давно ли, во снѣ или на яву?... Небо или море, облака или льды—теряешься. На минуту развѣ храпъ и чиханье лошадей, да плоскій мѣрный звякъ подковъ по льду напоминаетъ вамъ о пути, но быстро все опять тонетъ

*) Первой и второй изъ этихъ очерковъ помѣщены въ апрѣльской и іюльской книгахъ „Русской Мысли“.

въ безмолвномъ бѣломъ хаосѣ и вновь уносить васъ въ иной міръ яркихъ красокъ и живыхъ ощущеній, путаешь и стираешь границы межъ сномъ и дѣйствительностью, ложью и правдой, жизнью и сказкой. Міръ сна такъ ощутительно ярокъ, а дѣйствительность такъ волшебна, дика и странна, что все путается и въ воображеніи, и въ сознаніи. Вдругъ, напримѣръ, видите вы— блѣдно красная луна низко стоитъ надъ горизонтомъ и озаряетъ массы какихъ-то волшебныхъ зданій: часовни и башни, разрушенные стѣны и замки, валы и бастіоны. Кто скажетъ, что это не сонъ, блуждающій въ волшебномъ царствѣ сказки. Кому придетъ въ голову, что это руины льдовъ, боровшихся съ моремъ?

Миновала Казанская, заговѣнье близко—пора и ко дворамъ. «Половили; Слава те Господи,—не зимовать здѣсь! Вишь холодъ какой!... Съ норда-то, сказывали, ледогъ въ черняхъ становился.» И вотъ, мало-по-малу, выдираются ловецкіе порядки, моются, сушатся и убираются снасть и сѣти, разбираются полати и освобожденные суда, одно за другимъ, поднимаютъ якоря и паруса, направляясь въ устьямъ Волги—не одну сотню верстъ еще въ пути пробудешь,—ну, съ Богомъ! «Съ каждымъ днемъ пустѣетъ, замолкаетъ, холодѣетъ одинокое, хмурое, безпріютное море. Холодѣя, тяжелѣютъ волны; холодѣя, тяжелѣетъ вѣтеръ; холодѣя, тяжелѣютъ вѣки засыпающаго моря; густые, тяжелые туманы все непрогляднѣе и гуще окутываютъ ихъ. Холодно, пасмурно, уныло,—одни только тюлени радуются и сладострастнымъ воемъ и стономъ наполняютъ безмолвіе. Масса мелкой рыбы идетъ въ это время къ берегамъ и въ устья—пиръ горою, но того и гляди встанетъ, не нынче-завтра, *закуетъ*. «Глянь-ка, вода-то!» Въ самомъ дѣлѣ, нижніе, тяжелѣйшіе пласты воды начинаютъ кристаллизоваться, обращаются въ мягкую снѣгообразную ледяную массу, легчаютъ и всплываютъ медленно на поверхность воды, остужая ее. Вода *готова*, дохнетъ холодомъ и ее *закуетъ*.

Однако, что это?... Лодка? Еще лодка теперъ, здѣсь? Значить, не всѣ покинули родимое море? Да, начтешь нѣсколько десятковъ посудъ, которыя, вмѣсто далекихъ устьевъ Волги, по мѣрѣ наступленія холодныхъ дней, начинаютъ жаться все ближе и ближе къ берегамъ, то есть, въ черни. Съ каждымъ вѣтромъ, дующимъ къ берегу, и съ водой, пригоняемой имъ, онѣ забираются все ближе и ближе къ камышамъ или вводятся въ глухіе морскіе

прораны и култуки, садятся на дно отмѣлыхъ береговъ и, обороняясь отъ первыхъ безпокойныхъ морскихъ льдовъ, остаются тамъ на цѣлую зиму. Вотъ владѣльцы этихъ-то посудъ и зовутся *зимовичами*.

Зимовка въ морѣ едва ли могла казаться такимъ простымъ и безопаснымъ дѣломъ, чтобы кто-нибудь произвольно могъ рѣшиться на нее въ первый разъ. Надо полагать, что испытать такую зимовку заставила необходимость, неожиданно счастливые результаты которой поманили на это дѣло и другихъ. Можно допустить со всею вѣроятностію, что, совершенно противу воли своего владѣльца, какая-нибудь несчастная посуда, увлекшаяся ловомъ или удержанная ветхостію, неисправностію, противными штормами, была внезапно захвачена морозомъ и льдомъ и зазимовала въ морѣ со всѣми лодками и рыболовными орудіями. Естественно, что, потерявъ надежду на выходъ къ устьямъ Волги, она инстинктивно жалась въ черни, чтобы не замерзнуть въ открытомъ морѣ и сохранить сообщеніе съ берегомъ. Зимую хозяинъ или лоцманъ могъ оставить ее, отдавъ подъ сохраненіе мѣстнымъ прибрежнымъ киргизамъ, но весною, ловъ которой считается изобильнѣйшимъ, ее не было расчета оставить покинутой до навигаціи и владѣлецъ по неволѣ долженъ былъ вернуться на нее еще по зимѣ, чтобы приготовиться и не упустить ранняго вешняго лова. Вешній ловъ, чѣмъ онъ ранѣе начатъ, тѣмъ изобильнѣе и, весьма естественно, что, забравшись въ море еще по зимѣ, первый невольный зимовичъ могъ наловиться еще до прихода своихъ товарищей, что могло заставить испытать зимовку уже и другихъ. Конечно, нельзя ручаться, что это было именно такъ, но что дѣло могло происходить аналогичнымъ путемъ, служить нѣкоторымъ указаніемъ то, что оно такъ практикуется и до сего дня, хотя, въ силу практики и приобрѣтенной опытности, считается уже самымъ простымъ и безопаснымъ дѣломъ.

Большія или меньшія хлопоты, сопряженныя съ зимовкою въ морѣ, зависятъ оттого, на сколько мирно и твердо окажется замерзаніе моря. Если оно произойдетъ въ тихую, безвѣтреную погоду и при значительномъ холодѣ, то зимовкамъ выпадаетъ немного дѣла. Спѣшатъ убрать все въ посуду, забить или запечатать люки трюма, сдать все подъ караулъ мѣстнымъ киргизамъ, приносятъ все необходимое для зимняго переѣзда и иногда, даже не выждавъ надлежащаго укрѣпленія льда, трогаются въ путь обыкновенно сначала до Гурьева городка. Но такое счаст-

ливое замерзаніе бываетъ довольно рѣдко, обыкновенно же ледъ или становится въ вѣтреную погоду, или сопровождается ею. Что такое сила воды—извѣстно каждому, а такъ какъ льдомъ покрывается только незначительная относительно поверхность ея у сѣверныхъ прибрежій моря, все остальное пространство котораго открыто и подвержено вліянію жестокихъ осеннихъ вѣтровъ и силъ теченій, то понятно, что въ состояніи сдѣлать съ этою ледяной коркой такая сила. Отсюда всѣ явленія, представляемыя замершимъ моремъ. Наступающею массою воды ледъ поднимается, трескается, сжимается и вода, напирая одни массы его на другія, поламываетъ бугры. Отступающая же вода раздвигаетъ огромныя площади льда, образуя разводины, трещины, *джарыки* по киргизски, тянущіяся нерѣдко на многія версты и на тѣ же многія версты отрываетъ даже ледъ отъ береговъ и уноситъ въ открытое далекое море. Потому естественно, если ледъ становится при вѣтрѣ, то закипаетъ борьба между имъ и водою, въ теченіи которой зимовымъ судамъ надо держаться и защищаться.

Вообще, послѣднее холодное время зимовичи продолжаютъ ловить, но стараются употреблять въ ловъ по большей части старую, негодную почти, источеную, съѣденную соленой водою енасть, чтобы не жалко было и потерять ее. «Прахъ ее возьми—захватить бѣлугу, другую и домой!» Однако, чѣмъ холоднѣе дѣлается, тѣмъ ревнивѣе наблюдаютъ ловцы за направлениемъ вѣтра и состояніемъ воды. Всѣмъ, знакомымъ съ Каспійскимъ моремъ, извѣстно, что вѣтеръ мѣняетъ свое направленіе по солнцу, то есть съ востока на западъ переходить по южнымъ румбамъ компаса, а съ запада на востокъ по сѣвернымъ. Случая же, когда вѣтеръ откидывается по противоположному пути, то есть, противу солнца, вообще рѣдки, потому и всѣ расчеты ловцовъ на ту или другую погоду зависятъ отъ этого условія. Руководствуются при этомъ общеизвѣстными несложными данными. Сѣверный вѣтеръ, разумѣется, считается предвѣстникомъ холода, восточный—сухости, южный—тепла и западной—сырости. Отсюда, судя, впрочемъ, по времени года, вытекаютъ всѣ комбинаціи, на которыхъ основывается ожиданіе той или другой погоды и, надо правду сказать, моряки рѣдко обманываются въ своихъ предположеніяхъ. Разумѣется, кромѣ вышеозначенныхъ, существуетъ еще множество условій, зависящихъ отъ даннаго состоянія атмосферы, особенно количества паровъ въ ней, отъ большей или

меньшей устойчивости предшествовавшихъ вѣтровъ, а осенью отъ температуры воды и воздуха. Каждый, мертвый для глаза профана, фактъ, едва замѣтное измѣненіе въ явленіяхъ природы, каждый изъ ряда выходящій оттѣнокъ ея говоритъ человеку, чуть не родившемуся въ морѣ, только ему понятнымъ языкомъ, который онъ усвоиваетъ чуть не съ языкомъ матери и инстинктивно слушаетъ цѣлую жизнь. Природа одинаково понятна ему и въ ея нѣгѣ и ласкѣ, и въ пасмурной и хмурой тоскѣ, и въ гнѣвѣ и ярости. Пора привыкнуть ему читать въ ея лицѣ.

Ледъ образуется обыкновенно съ нордовыхъ вѣтровъ, которые угоняють воду отъ береговъ, но вѣтеръ идетъ далѣе и гонитъ обратно массы воды и льда, подступая къ зимовымъ посудамъ. Тутъ надо быть готовымъ и день и ночь; или молодой ледъ (молодикъ), твердый, какъ хрусталь, и острый (рѣзунъ), мигомъ прорѣжетъ и продавитъ деревянную обшивъ судна. Особенно неприятенъ такой визитъ ночью. Тутъ, при первомъ толчкѣ льдинъ, все живое высыпаетъ на палубу, хватается грядки, реи, мачты, верехи—все тяжелое дерево, которое припасено уже на посудѣ, и, пробивая ледъ, упираетъ его во дно подъ угломъ къ поверхности воды и плоскости наступающаго льда. Образуется извѣстнаго вида контрфорсъ, нѣчто вродѣ быка. Молодой ледъ силою воды ползетъ на этотъ контрфорсъ, ломается, крошится и падаетъ въ воду, давя самъ себя до тѣхъ поръ, пока не ляжетъ на дно. Проходитъ часъ, два, три времени и со стороны моря, о борть съ судномъ, вырастаетъ ледяной бугоръ, иногда цѣлая крѣпостная стѣна. Тогда судно безопасно, оно защищено отъ моря и, въ случаѣ дальнѣйшаго движенія, ледъ будетъ только увеличивать и утолщать эту стѣну. Если, впрочемъ, здѣсь сказано все это въ нѣсколькихъ словахъ, то вѣроятно никто не подумаетъ, что это всегда такъ просто и скоро дѣлается. Случаи бываютъ разные. Иногда вода, подходящая со льдомъ, поднимаетъ и тащитъ судно, пока вновь не ткнетъ его на мель и, не смотря на усилія людей, которые стерегутъ этотъ моментъ, не продавитъ обшивъ судна. Однако и это еще не Богъ вѣсть что. Пробойна наскоро задымывается, не смотря на ледяную воду, врывающуюся въ нее. Такъ какъ ледъ лежитъ на поверхности воды, то пробойна получается обыкновенно наравнѣ съ ватерлиніей и водѣ не даютъ въ большихъ массахъ пробраться въ судно—его кренять. Кусокъ стараго паруса, сложенный въ нѣ-

сколько разъ, вжимается въ пробойну или кусокъ кошмы (плотнаго войлока) накладывается на нее и пораненное мѣсто изнутри прибивается доскою—вотъ и все. Разумѣется, въ такихъ случаяхъ нечего зѣвать, — все дѣлается возможно спокойно и скоро.

Изъ сказаннаго видно, что въ тихое, спокойное замерзаніе дѣло зимовичей кончается скоро, мирно и просто, а въ бурное требуетъ отъ нихъ извѣстныхъ усилій и, главное, лишннихъ дней въ морѣ, что для нихъ, кажется, хуже всего. Страннѣе всего, что эти пожившіе, испытанные люди, нерѣдко вовсе безсемейные, торопятся домой, точно школьники, отпущенные на праздники. Нерѣдко, если не постоянно они уѣзжаютъ еще по нетвердому льду и едва-едва добираются до Гурьева городка, съ величайшими усиліями переправляя свои возы, мюкня и проваливаясь, особенно близъ устьевъ Урала, и ставя сани на телеги, какъ скоро добьются до берега, потому что степь въ это время рѣдко покрыта снѣгомъ, а устьями Урала совершенно нѣтъ проѣзда по плохому состоянію льда. Но, не смотря на всѣ эти мученія, они торопятся ежегодно, точно въ оправданіе поговорки «хоть плыть, да быть». Только нѣкоторая часть зимовичей оставляютъ на зиму въ морѣ товарищей, лоцмановъ и рабочихъ для зимняго лова, такъ какъ этотъ прибрежный ловъ рѣдко добычливъ. Большинство уѣзжаетъ домой.

Можно сказать, что этотъ зимній прибрежный ловъ вдали отъ бойкихъ жилыхъ мѣстъ, въ глуши, и практикуется-то отнюдь не ради своей добычливости, а во избѣжаніе хлопотъ съ рабочими, здѣсь пустыннымъ моремъ огражденными ото всякихъ соблазновъ городской и сельской жизни. Послѣдствіемъ такого рода удаленія является несомнѣнный выигрышь во времени, которое для рабочихъ не проходитъ даромъ. Зимой этотъ ловъ производится, такъ сказать, между дѣломъ, главнымъ же образомъ подготавливаются всѣ рыболовные орудія къ вешнему лову: прививается и точится уда, встегивается поводець, дубится обряда, вяжутся, сажаются и дубятся сѣти, готовится чипчигъ, сторожь и балбера *). Вообще время не пропадаетъ даромъ, и къ веснѣ, безъ особыхъ хлопотъ, обазывается все готовымъ, а главнѣе всего готовы самыя рабочіе — вотъ гдѣ выгоды отдаленнаго зимняго лова, а не въ уловленной рыбѣ. Такого рода ловъ, впрочемъ,

*) Объясненія смотри въ концѣ.

кромя того порождаетъ осѣдлость, какъ напримѣръ на Жилой Босѣ, гдѣ въ три-четыре года образовался цѣлый русскій поселокъ и нѣкоторые, недавно еще кочующіе киргизы стали заводиться осѣдлостью и даже влать себѣ дома изъ кирпича-сырца, къ чему не могли ихъ принудить, конечно, никакія административныя мѣры. Изъ этого видно, какое важное культурное значеніе имѣеть каждая экономическая точка соприсношенія между господствующимъ, то есть культивирующимъ населеніемъ и инородцами, пока она свободна и избавлена отъ неумѣлаго вмѣшательства администраціи. Нигдѣ нельзя яснѣе видѣть и наблюдать, какъ враждебна жизни канцелярія, какъ въ сношеніяхъ нашихъ съ полудикими кочевниками, которыхъ мы, не понимая, стараемся втиснуть въ такія иногда формы, которыя въ состояніи только убить всякую жизнь и движеніе впередъ въ племенахъ, которыхъ мы не взяли на себя труда изучить.

Большинство зимовичей производитъ ловъ и лѣтомъ вблизи мѣстъ своихъ зимовокъ въ морѣ, а производящіе ловъ зимою, всѣ имѣютъ жилия помѣщенія на сосѣднихъ берегахъ, такъ что, и, кромя дѣла рыболовства, сношенія съ мѣстными приморскими киргизами у зимовичей постоянныя. Любопытны отношенія этихъ непосредственныхъ русскихъ силъ, нашихъ безсознательныхъ пионеровъ, носителей своеобразной народной культуры къ окрестному населенію. Но они могутъ быть предметомъ особаго очерка и потому здѣсь не мѣсто распространяться о нихъ.

Какъ только море закуетъ и уберутся орудія и разная *хурда-мурда*, необходимая при немъ, зимовичи соединяются партіями по три, по четыре человекъ для совместнаго проѣзда до Астрахани; у кого есть—пригоняютъ лошадей, ходившихъ до того времени въ киргизскихъ табунахъ; у кого нѣтъ—покунаютъ общими силами у киргизъ, а нѣкоторые везутся за договоренную плату товарищами. Запасшись продовольствіемъ для себя и лошадей, забравъ все необходимое въ пути, въ одно раннее утро пять-шесть подводъ такихъ путешественниковъ потянутся вдоль черней на западъ, по пути къ Астрахани, заѣзжая непремѣнно на нѣсколько дней, правду сказать, не совсѣмъ трезвыхъ, въ казачій Гурьевъ. Оттуда уже шесть-семь дней, а иногда вслѣдствіе безпутицы и болѣе, ѣдутъ до Астрахани.

Ровной, степенной рысцой или мѣрнымъ спорымъ шагомъ прокладываютъ они первый слѣдъ въ морѣ по блѣдно-зеленой мостовой молодого льда. Сани то катятся словно на гуляньѣ,

то ползуть, давая передохнуть нагрѣвшимся лошадямъ, отъ которыхъ валитъ паръ, обдающій запахомъ пота. Люди идутъ оболо, облегчая сани. Пусто, ровно и раздольно въ безмолвномъ, неоглядномъ, недвижномъ морѣ, — только тамъ и сямъ видны причудливыя формы ледяныхъ бугровъ. Гулъ подковъ по льду, скрипъ мерзлага снѣга, бѣдный звукъ колокольчика, точно удивляющій безмолвный просторъ моря. Проходитъ нѣсколько минутъ, люди опять садятся и лошади опять пускаются рысью. Препятствія и приключенія рѣдки, да откуда и быть имъ въ этой ледяной пустынѣ? Кругомъ и смотрѣть-то не на что. Каждая залоптавшая, захваченная зимою утка, каждый орелъ, по часамъ сидящій недвижно на льдинкѣ или бугрѣ, привлекаетъ вниманіе.

— Тише вы, не напирай! раздается съ остановившейся передней подводы.

— Что тамъ?

— Разводина, нереломъ. Стой, вы, — куда лезете?

Впереди виденъ невысокій, но безконечный валъ мелко наломаннаго льда, уходящій изъ глазъ. Видно, какъ жало ледъ, давшій многоверстную трещину, усыпанную обломками, и потомъ отступавшей водой развело его на аршинъ, на полтора.

Люди вскакиваютъ съ саней и расходятся въ ту и другую сторону по разводинѣ, высматривая мѣста удобнаго для переправы. Нѣкоторые намечиваютъ — глубоко ли. Оказывается, немного поглубже полтора аршина; по разводинѣ конца не видать и ширина не позволяетъ прескочить ее.

— Тутъ уже, кричить кто-то издали. Бдутъ туда, но переѣздъ все-таки невозможенъ.

— Чего даромъ зѣваешь, рази переѣдешь тутъ?

— Нѣтъ уже то.

— Вотъ и поди!... Ишь въ черни-то тоже разводина цошла и гдѣ ей конецъ — песь знаетъ.

— Чего тутъ — руби чу!

— Чего?

— Чу руби, говорю, — льдину. Эй вы!... кричитъ тотъ же голосъ далеко ушедшимъ вдоль перелома, — ступай сюда! Какого тамъ лѣшаго искать!

Всѣ сходятся къ лошадямъ, которыя, почуявъ воду, хрюкать и ближнія тянутся пить, удерживаемыя запряжкой.

— Вася, развяжи поведь-отъ.... подъ дугой; чертенокъ! Черезседьльничъ-то отпусти.

Лошадь тянется къ водѣ, но не можетъ достать ее, нетерпѣливо трясетъ головой и кричить.

— Ахъ ты, окайнный! а супонь-то.... супонь-то у тебя что? накидывается на подростка, хлопотавшаго у лошади, высокой дубленый полушубокъ съ откинутымъ на спину башлыкомъ.

— Да что ты? Постой поить-то. Вотъ переведемъ, напомнимъ—будетъ время. Проканителишься тутъ—настынуть еще.

— Эхъ-ма! Бхать бы даве чернями, нѣтъ тамъ этихъ чортовыхъ джарыковъ, ворчатъ въ толпѣ, это Сѣрухинъ все: въ море, да въ море—вотъ тебѣ.

— Умны больно разсуждать-то—чернями! Чай снѣгъ тамъ видѣли, что къ камышу-то намело. Здѣсь, по льду-то, гони знай—вишь, ровно стекло. Опять, лому много, а здѣсь приволье—катись!

— Нечего разтабаровать-то, коли ребята—переведемъ; бери пешни-то.

Живо хватаются за пешни и выкалываютъ отъ мыска льдину по размѣру разводины.

— Ну, давай.

Льдину втискиваютъ въ узкое мѣсто трещины—и пловучій мость готовъ.

— Не распречь ли? Лошадей переведемъ, а сани народомъ.

— Вотъ еще! Бери, ребята!

Первая лошадь артачится, упирается и косится на темно-зеленую полосу воды, но ее тянуть за поводъ, приударяють, ловцы напираютъ сани сзади и онѣ, съ-маху взятыя лошадью, перелетаютъ на другую сторону. Льдина нѣсколько садится и изъ-подъ нея выступаетъ вода. Остальныя лошади за первой мирно переходятъ по льдинѣ и ихъ поятъ. Осторожно подходятъ онѣ къ скользяму окрайку льда, широко раздвигаютъ переднія ноги и чисто плотно цѣдятъ межъ зубами холодную зеленоватую морскую воду. Ъдутъ рысью, чтобы нагрѣть прозябшихъ животинъ. Узкіе переломы переходятъ, безъ всякихъ ухищреній, лошади при пособіи людей, или перескакиваютъ ихъ, или, изъ опасенія повредить или сломать ногу лошади, она выныривается и переводится въ поводу, а сани перевозятся народомъ.

Такъ, то шагомъ, то рысью подымается впередъ небольшая вереница саней, пока солнце не заберется къ зениту и лошади не начнутъ утомляться.

— Эй вы, передовые, къ чернямъ держите—кормить время!

— Чего къ чернямъ, а тутъ? спрашиваетъ, вѣроятно, новичекъ.

— Тутъ? Камышь-отъ гдѣ у тебя?

— На што?

— Аль ѣсть не хочешь, самъ-то? Чаю не будешь пить што ли? Чѣмъ же ты чайникъ-то согрѣешь, дурень?

Кругомъ смѣются.

— Глянь-ко въ компась-то.

— Чего компась, поворачивай вправо—вишь солнце-то—ослѣпъ што ли?

— Солнце! а въ какомъ курсу оно, солнце-то? вламывается въ амбицію требовавшей компаса. Черней-то не видно,—разомъ назадъ поѣдешь.

— Да што ты, откелева? Солнце-то влѣвъ за плечомъ держи. Думаешь и невѣсть куда уѣхали,—вплоть черни-те, лѣшій. Въ зюйдѣ тапере солнце будетъ.

Переднія сани сворачиваютъ вправо, по нордъ-весту. Черезъ полчаса открывается чуть видимая туманная лента камышей. Съ каждымъ шагомъ впередъ она дѣлается все яснѣй.

— Вотъ тебѣ и камышь, голова! Малость къ нордъ-нордъ-весту держи. Видишь, вихоръ повыше—на него ступай.

Переднія сани направляются на болѣе густой вихоръ камыша, который выступаетъ все явственнѣе и явственнѣе. Чѣмъ ближе къ чернямъ, тѣмъ, дѣйствительно, дѣлается снѣжнѣе и дорога безпокойнѣе отъ налома мелкаго льда. Это и понятно. Если вѣтеръ съ моря, то онъ свободно гонитъ по гладкому льду не только выпадающій снѣгъ, но и вымерзающій на льду налетъ инея, который встрѣчаетъ препятствіе и ложится только подъ стѣною камышей, въ черняхъ. Вѣтеръ же съ берега, изъ черней беретъ съ высшей точки и ни коимъ образомъ уже не можетъ выдуть обратно въ море снѣгъ изъ-подъ непроницаемой чащи камыша.

Потому въ снѣжныя зимы ѣхать моремъ близъ берега дѣлается совершенно невозможнымъ. Онъ собирается тамъ глубокими рыхлыми массами, въ которыхъ лошади тонуть по грудь. Имѣя въ виду, что снѣгъ, сдуваемый съ моря въ черни, такъ сказать, концентрируется, а выдуваемый изъ черней въ море разносится, легко понять почему дорога въ морѣ чище, легче и удобнѣе черневой. Безпрестанная прибыль и убыль воды (колебаніе уровня) способствуетъ тоже немало накопленію

снѣговъ въ черняхъ. На мелкихъ мѣстахъ (а во всѣ сѣверо-восточные берега моря—отмѣлы) вода, естественно, промерзаетъ насквозь, то есть ледъ смерзается со дномъ и притомъ такъ крѣпко, что подходящая съ моря вода не въ силахъ уже отодрать одного отъ другаго, а должна отломить свободный, надводный ледъ отъ примерзшаго. Такимъ образомъ—получается переломъ, часто идущій вдоль черней на десятки верстъ; изъ него, конечно, выступаетъ вода на промерзшій ледъ и образуетъ такъ называемую *наледь*, къ которой легко и прочно примерзаетъ наносимый съ моря снѣгъ, который уже не потревожитъ никакой вѣтеръ. Между тѣмъ, безнокойное, даже тихо отступающее море, отодвигаетъ съ собою и площадь взломаннаго свободного льда, образуя разводину, которую Уральцы и Киргизы зовутъ *джарыкомъ*. Мѣстная терминологія, какъ замѣтитъ вѣроятно и читатель, много позаимствовала отъ древнѣйшихъ обитателей прибрежій—киргизъ, особенно у уральскихъ козаковъ, которые, сами того не замѣчая, обкиргизились въ значительной степени.

Наконецъ!, стѣна камыша вплоть. Подъѣзжаютъ шагомъ; люди соскакиваютъ и кидаются отыскивать мѣсто кормежки поудобнѣе. Если тихо, станъ располагается на опушкѣ, если же вѣтрено, то забираются внутрь камыша, гдѣ тотчасъ же очищаютъ себѣ мѣсто—небольшую площадку, на которой камышъ выбивается мотыгами, топорами и сапогами и сваливается въ кучу на подстилку и топливо. Такого рода площадку называютъ обыкновенно *дворомъ*, который, по густотѣ окружающихъ камышей, непроницаемъ ни для какого вѣтра. Лошадей распрягаютъ; связанные оглобли саней простираются къ небу, точно руки молящаго, и къ нимъ коротко привязываютъ лошадей, чтобы не хватили потныхъ рыхлаго снѣга.

Подостланный камышъ покрывается коврами и кошмами, передъ которыми немедленно вспыхиваетъ костеръ. По сторонамъ такого костра въ ледъ вбиваются двѣ пещи, къ которымъ въ видѣ перекладыны привязывается шесть или багоръ, увѣшиваемый вскорѣ котлами для варки и мѣдными чайниками. Варятъ рыбную или мясную похлебку, причемъ обыкновенно появляется на сцену и боченокъ съ водкою. Пока простынуть, отдохнуть и поѣдать лошади, ловцы успѣваютъ не только закусить и выпить чаю, но, пожалуй, и вздремнуть на скорую руку.

Часа черезъ два такой кормежки все поднимается и отправляется далѣе. Та же дорога, тѣ же случаи, то же однообразие

и это въ теченіе шести, семи дней при благополучномъ пути и неопредѣленнаго времени при безпутицѣ. По ночамъ зимовичи обыкновенно ночуютъ, хотя стараются стать на ночлегъ возможно позже и подняться пораньше.

Немного времени проходить съ полуденной кормежки и уже начинается смеркаться. Мало-по-малу блекнуть, тускнѣють и ступшевываются границы моря и неба и настаетъ мутный сумракъ глубокихъ сумерекъ, вводящій въ заблужденіе и мысль, и зрѣніе. Клонить ко сну; странные образы встаютъ и проходятъ въ воображеніи; странныя очертанія и фантастическіе размѣры принимаютъ предметы. Начинаетъ одолевать усталость. Разговоры мало-по-малу стихаютъ, замираютъ полусонныя слова и воцаряется безмолвіе, нарушаемое только мѣрнымъ стукомъ подковъ да монотонною, бѣдною гаммой колокольчика, глухнущаго въ необозримою, хмуромъ пространствѣ. А путники ѣдутъ, ѣдутъ, ѣдутъ—и, кажется, вѣща нѣтъ такой ѣздѣ.

Сумрачное небо начинаетъ темнѣть синевою и по ней мигаютъ все болѣе и болѣе многочисленныя звѣзды. Еще минута и изъ-за низкаго горизонта выглядываетъ красная огромная луна, всплывая почти замѣтно для глазъ,—моментально ровная, безпредѣльная ледяная пустыня подергивается розоватымъ оттѣнкомъ. Не надо быть художникомъ, чтобы понять это. Луна встаетъ все выше и выше, начиная отдавать серебромъ. Сонъ борется съ желаніемъ видѣть. До реальности яркія грезы врываются въ волшебную дѣйствительность, спутывая и сонъ, и ее. Вы не понимаете, пробуждаетесь ли вы въ какихъ-то странныхъ руинахъ или сновидѣніе заводитъ васъ въ нихъ. Что это за бѣлые исполины въ синевѣ горизонта,—облака или льды? Чѣмъ-то оссіановскимъ дышетъ на васъ эта природа, но не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ — сонѣнье и всхрапыванье отвѣчаютъ зато.

— Эй, вы, тамъ!... чего заснули—посылай! раздается сзади.

Передняя подвода прибавляетъ шагъ, за ней и другія. Условленный ночлегъ близокъ и черезъ нѣсколько времени путники сворачиваютъ въ камышъ. Повторяется та же исторія, что и прежде. Яркій костеръ вспыхиваетъ, освѣщая высокіе вихры камыша, и красноватый столбъ дыма лѣниво ползетъ въ глубокое ночное небо. Плотно закусившіе и согрѣтые люди засыпаютъ одинъ за другимъ; костеръ чуть тлѣетъ, добирая послѣднія камышинки;

очи глубокаго неба смотреть на васъ; слышно дыханіе спящихъ и глухой хрустъ лошадей, пережевывающихъ овесъ и сѣно.

Чуть забрезжитъ призракъ свѣта, все поднимается, костеръ весело разгорается опять, согрѣвая остывшихъ, — горячій чай и тепло огня гонитъ по спинѣ лѣнь сна и послѣднюю дрожь свѣжаго зимняго утра. Впереди опять дорога безъ слѣду.

— Ну, съ Богомъ!

Такъ идетъ время. Миновали Бозачьи Воды, Пороховинскую, Забурунье, — ночевать на Джамбаѣ *) приведется. Однако съ каждымъ днемъ пути, по мѣрѣ приближенія къ устьямъ Волги, ледъ становится ненадежнѣе и путь хлопотливѣе, особенно начиная съ Джамбая, такъ что зимовичи нерѣдко бываютъ вынуждены или выбираться съ моря на крайшъ, если тамъ есть снѣгъ, или ждать мороза и пути въ попутныхъ селахъ, или продолжать его со всевозможною трудностію по ненадежному льду. Въ послѣднемъ случаѣ непрерывная работа, «маятѣ»! Лошади, а иногда и воза, проваливаются, особенно противу прорановъ, впадающихъ въ море. Прѣсная текущая вода стынеть плохо и долго мѣшаетъ укрѣпиться льду. Провалившуюся лошадь прежде всего надо распречь, потомъ на шею ея накидывается такъ называемая *удавка*, которая буквально давитъ шею лошади до того, что лошадь надувается и всплываетъ на боку точно пузырь. Такую утопленицу подводятъ къ окраинѣ твердаго льда, такъ что голова ея лежитъ на этомъ льду. Тогда взявъ лошадь за хвостъ, легко вытянуть ее на твердый ледъ даже одному человѣку, другой держитъ лошадь за поводъ или за удавку. Вся операція дѣлается быстро и легко. Лошадь вскакиваетъ на ноги и сильно отряхивается, обдавая окружающихъ брызгами, торопливо запрягается, дрожащая отъ холода и, ради согрѣванія, пускается рысью. Иногда же, по малолюдству, такая провалившаяся лошадь вытягивается изъ майны на вѣроть. Для этого во льду бьется пешней углубленіе, въ которое вставляется вертикально какая-нибудь захваченная съ собою дѣсина: тонкая грядка, оглобля, бударочная или фоковая мачта, отрубокъ полуверехи или что-нибудь подобное и на нее вытатывается арбаномъ или возжами захлещнутое удавкою животное. Одного человѣка съ мальчикомъ достаточно для этого. Сани, если проваливаются и онѣ, прежде всего разгружаютъ и затѣмъ легко выдвигаютъ на твердое мѣсто.

*) Объясненіе въ концѣ.

Для всѣхъ побѣдившихъ зимою по протокамъ и въ морѣ, это такое обыкновенное дѣло, что о немъ и не думаютъ. Такимъ образомъ, кой-какъ да кое-какъ, зимовичи добираются до устьевъ Волги, но здѣсь, начиная съ Синяго Морца, *) ледъ дѣлается еще ненадежнѣе, а провалы опаснѣе, такъ какъ, вмѣсто отнѣлаго моря, приходится ѣхать протоками, нерѣдко имѣя подъ собою десяти-саженную глубину. Интересно видѣть, какъ въ узкихъ опасныхъ ерикахъ, если приходится ихъ переѣзжать по нетвердому льду, онъ садится и какъ бы волнуется подъ тяжестью подвигающихся впередъ саней, а изъ отверстій и трещинъ его выступаютъ или бьютъ фонтаномъ струи воды, но вы ѣдете ровной рысью и оставляете за собою зыбкую почву.

Селеніе Джамбай очень своеобразное мѣстечко, расположенное на островахъ - буграхъ, носящее также имя Никольскаго. Кромѣ главнаго большаго бугра, который увѣнчанъ церковью и значительною частью селенія, кругомъ раскинуто многое множество островковъ, на которыхъ тоже торчатъ по два, по три домика или по ватагъ. Лѣтнее сообщеніе производится, разумѣется, на лодкахъ и пущенный на поправу скотъ безпрестанно переплываетъ съ острова на островъ. Здѣсь начинаются тѣ сотни протоковъ и море камышей, которые мы видѣли съ высоты птичьего полета. Барская воля и близость моря заселило это мѣсто — и развѣ не амфибія здѣсь человѣкъ, позвольте узнать?

Мѣсто это въ дореформенное время принадлежало Юсунову и когда-то, задолго до уничтоженія крѣпостнаго права, служило, кажется, мѣстомъ ссылки для крестьянъ внутреннихъ земледѣльческихъ имѣній. Сюда, на новый, непривычный трудъ рыболовства, барская воля и корысть гнали земледѣльческія силы. Особенно много малороссовъ было выселено такимъ образомъ. Такъ какъ не только берега, но и морскія воды, до четырехъ-саженной глубины, находились прежде во владѣніи помѣщиковъ, то рыболовство, разумѣется, требовало рукъ, которыя въ видѣ наказанія высылались сюда изъ внутреннихъ губерній.

Ватага Пороховинская, принадлежащая и до сихъ поръ Юсунову, носить свое названіе отъ пороховаго бугра, на которомъ, говорятъ, нѣкогда хранилъ свои пороховые запасы Степанъ Тимоеевичъ Разинъ. Забурунье-урочище — самое глубокое мѣсто по сѣверо-восточному берегу моря. Ихъ три — Большое, Среднее

*) Заливъ, куда впадаютъ послѣдніе, восточные рукава Волги.

и Малое. На Среднемъ тоже существуетъ ватага Юсупова. Вообще все побережье моря отъ Джамбая (Никольскаго) до Грани козачьихъ уральскихъ водъ принадлежало Юсупову, а также и исключительное право лова около этого побережья до четырехъ-саженной глубины—монополія безобразная и бессмысленная, которой пользовались до 1867 г. всѣ владѣльцы морскихъ побережій.

Не съ большимъ два мѣсяца, проводимые зимовичами со своими семьями, проходятъ быстро и съ каждымъ днемъ назойливое время начинаетъ напоминать все настойчивѣе о необходимости возвращенія на мѣсто зимовокъ. Начинаются сборы и соглашения; приобретается необходимое для себя и семьи. Не на день ѣдутъ, — надо съ чѣмъ-нибудь и семью оставить; ради этого берутся задатки подъ рыбу и икру. Хотя поряда ловцевъ, главнымъ образомъ, происходитъ около лѣтней Казанской, но къ веснѣ, непремѣнно, вновь является потребность въ деньгахъ, которая удовлетворяется хозяевами, смотря по осеннему лову, состоятельности и благонадежности ловца. Пока тянутся сборы и покупки — время не ждетъ и теплое солнце все болѣе и болѣе страшаетъ порчею пути. Но какъ бы ни казался труденъ и невозможенъ онъ—ѣхать надо. Хоть плыть, да быть.

Впрочемъ, ловцы-зимовичи все-таки стараются достигнуть мѣста зимовокъ своевременно, зная какое мученіе придется испытать имъ, если они позамѣшкаются. И вотъ, въ одно свѣжее раннее утро, свѣршившее морозцемъ начавшую было раскисать дорогу, трогается по направленію къ морю тотъ же рядъ саней, но уже не тою дорогою. По пути къ Астрахани онѣ ѣхали вдоль протоковъ, избѣгая ѣзды берегомъ, а теперь стараются пересѣчь эти протоки поперекъ, то есть только переѣзжаютъ ихъ. По своевременности выѣзда полная ростепель рѣдко захватываетъ зимовичей въ пути, но на Жилой Косѣ, напримѣръ, есть хозяева, производящіе ловъ неводами и поряжающіе ловцевъ; этихъ хозяевъ часто задерживаютъ въ Астрахани дѣла, товарищество, развлечения и, въ особенности, масляница, и вотъ путешествія этихъ-то лицъ бывають по истинѣ ужасны. Имъ иногда приходится подвигаться впередъ и на саняхъ, и на колесахъ, и пѣшкомъ, и верхомъ, и по поясъ въ водѣ. Разумѣется, все это имѣетъ мѣсто въ дружные, ранніе теплые дни, когда внезапно, въ нѣсколько дней, сырой, теплый, съѣдающій ледъ вѣтеръ и почти лѣтнее, горячее солнце производятъ такой метаморфозъ въ природѣ, что вдругъ изъ прочной свѣжей, морозной зимы

взвѣсъ переносить въ теплую, рыхлую, пропитанную испариною земли, мокрую весну. Такіе дни—бѣда для путешественниковъ.

Еще съ ранняго утра густой, влажный туманъ насыщаетъ воздухъ, застилая землю и едва пропускаетъ красноватый свѣтъ горячо восходящаго солнца. Вода проталинъ, замерзнувшая и ночью, захватываетъ все большее пространство; быстро сѣдаемый снѣгъ отсыкаетъ ея, разѣдая летящій подъ нимъ ледъ и нагрѣвая самую воду протоковъ. Поверхность льда дрызнетъ, обращаясь въ какой-то пропитанный влагою снѣгъ, ледъ тяжелеетъ, готовый собственной тяжестью съѣсть на дно. Вставшее и испарившее туманъ солнце нагрѣваетъ воду, землю и воздухъ, пожираетъ и сверлитъ ледъ и быстро рушитъ ненужныя теперь сооруженія зимы. Человѣку, неиспытавшему такихъ переѣздовъ, трудно даже вообразить себѣ всѣ неудобства, препятствія, опасности, испытанія, которымъ подвергается каждый, рѣшившійся на нихъ.

Извѣстны достовѣрно, на примѣръ, такіе случаи, когда, послѣ всевозможныхъ бѣдствій въ морѣ, путники не имѣли все-таки возможности добиться до береговъ и вынуждены были брести по грудь въ холодной водѣ почти полуверстное разстояніе; кромѣ того, эти измокшіе до мозга костей люди должны бывать по сухому пути сдѣлать еще около двухъ верстъ, чтобы добиться жилья. Однажды, къ вечеру, кое-какъ добравшись до Жилой, почти по брюхо лошадямъ, вязня въ размягшемъ лѣду и держа по неволѣ морсетѣе, потому что ледъ въ морѣ былъ все-таки тверже нежели у береговъ, путники, проснувшись на слѣдующее утро, увидѣли море, спокойно колыхавшее свои волны, чистымъ отъ всякаго призрака льда, точно оно и не замерзало. Ночью ледъ унесло и, случись это нѣсколько часовъ ранѣе, путникамъ пришлось бы сдѣлать прогулку на рыхломъ лѣдѣ въ открытое, еще болѣе теплое, море. Надо полагать, что они должны были бы испытывать нѣкотораго рода удовольствіе, чувствуя твердый берегъ подъ своими ногами. Читатель едва ли повѣритъ, что на это обстоятельство не было обращено никакого вниманія и что на слѣдующій же годъ оно могло повториться.

Что же, можетъ быть спросить читатель, заставляеть людей испытывать такого рода удовольствія? Разумѣется, каждая нажива? Нимало, — если въ этомъ и замѣшался какой-нибудь экономическій расчетъ, то въ немъ все дѣло кончается не болѣе, какъ сотнями, даже иногда десятками рублей, хотя, правда, рубли

эти, пожалуй, самые критическіе, самые необходимые въ году, отъ которыхъ зависитъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, самая возможность лова. А воть, небось, какъ-нибудь—безшабашная русская дерзость играетъ въ этихъ прогулкахъ не послѣднюю роль, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ русскаго человѣка. Стадность его проявляется здѣсь несомнѣнно въ очень значительной степени. Ему довольно услышать, что «ѣдутъ» или «идутъ», чтобы кинуться во всякую опасность, какъ бы рискована и бесплодна она ни была. На міру онъ готовъ сложить голову и въ бессмысленномъ кулачномъ бою и въ морѣ, въ степномъ походѣ и въ волнахъ Дуная. «Идутъ» — и что такое для него неприступныя укрѣпленія Карса или Плевненскій редутъ, опоясанный неугасимымъ огнемъ выстрѣловъ? Является ли эта стадность продуктомъ общины или наша община есть ея продуктъ, но она неоспорима въ русскомъ народѣ и составляетъ едва ли не плодотворнѣйшую его особенность. Вся русская исторія полна такихъ народныхъ движеній, гдѣ «на людяхъ смерть красна».

Незначительностью интересовъ и мнимостью выгодъ ранняго выхода въ морѣ только и объясняется малочисленность зимовичей. Никого не тянетъ.

Большинство эмбенскихъ ловцовъ, да и сами зимовичи, въ числѣ ихъ, давно убѣдились, что незимующіе въ морѣ ловцы нисколько не теряютъ оттого, что выходятъ въ ловъ уже по водѣ, потому что они мало того, что поспѣваютъ къ лову своевременно, но иногда начинаютъ его даже ранѣе самихъ зимовичей. Объясняется это очень просто. Весною, ловцы изъ Астрахани, Браснаго Яра и вообще изъ устьевъ Волги выходятъ въ море съ первою вскрышею водою, а между тѣмъ извѣстно, что ледъ въ подвижныхъ, текущихъ, прѣсныхъ водахъ таетъ, рушится и проходитъ несравненно скорѣе, нежели въ морѣ, гдѣ онъ спокойно лежитъ на соленой, холодной, стоячей, мало подвижной водѣ, туго тещающей отъ вліянія водъ отдаленныхъ протоковъ. И чѣмъ дальше такіе прѣсноводные протоки, тѣмъ тверже ледъ моря. Такимъ образомъ, ловцы, выходя въ море съ первою водою, какъ скоро минуютъ область волжской дельты, встрѣчаютъ обыкновенно еще стоячіе льды и стараются обойти ихъ, смотря по вѣтрамъ, съ той или другой стороны, стремясь къ мѣсту своего лова. Если вѣтры дуютъ отъ черней въ море и мало-по-малу, отжимаютъ ледъ отъ береговъ, дѣлая въ немъ болѣе или менѣе широкія прогали, то есть разводины, то ловцы

идутъ чернями, обходя льды по норду, если же вѣтры дуютъ съ моря на берегъ и жмутъ ледъ въ черни, то ледъ обходятъ съ моря, по зюйду. Въ послѣднемъ-то, вотъ, случаѣ, а такіе не рѣдки, зимовичи и прогадываютъ, потому что бывають заперты льдами въ черняхъ, тогда какъ вышедшіе по водѣ, свободные рыбопромышленники, успѣють уже наловиться. Въ этомъ случаѣ вся выгода ранняго выѣзда въ море пропадаетъ.

Кромѣ того, значительное неудобство для зимовичей составляетъ самое положеніе ихъ судовъ, далеко заведенныхъ въ отмѣлыя черни. Чтобы вывести ихъ оттуда, надо ждать очень большихъ *морязъ*, нерѣдко очень долгое время. А между тѣмъ все время этого ожиданія не только суда, но и самый ловъ зимовичей связанъ, какъ бѣ прикованъ къ одному мѣсту, такому мелкому, что часто къ судну, на которомъ производится посоль рыбы и изготовленіе снасти въ ловъ, съ трудомъ могутъ подойти даже тѣ переборочныя лодки, подчалки, на которыхъ производятся всѣ работы въ морѣ, касающіяся собственно лова. Въ выгонные вѣтра подойти къ такому зимовому суду нѣтъ никакой возможности. Такое важное неудобство должно останавливать отъ зимовокъ въ морѣ и только тамъ, гдѣ, какъ напри- мѣръ на Жилой Косѣ, суда зимуютъ въ заливѣ, зимовое дѣло растетъ, тогда какъ на Грани и на Ракушѣ не только не увеличивается, но и уменьшается.

Однако должно же существовать и для тѣхъ немногихъ зимовичей Грани и Ракуши какое-нибудь обстоятельство, заставляющее ихъ переносить невыгоды, сопряженныя съ ихъ зимовками, при отмѣлыхъ берегахъ моря? Прежде всего привычка, а потомъ такое обстоятельство, повидимому, заключается въ относительно легкомъ и удобномъ добываніи рабочихъ рукъ, что, въ особенности для малодостаточныхъ ловцовъ, представляетъ собою очень существенный вопросъ преимущественно весною, когда послѣ зимняго отдыха, пустаго времени, какъ говорятъ ловцы, всѣ ресурсы истощаются и имъ дѣлается дорогъ буквально каждый наличный рубль. Хотя большинству такихъ ловцовъ, состоящихъ обыкновенно въ порядѣ, къ веснѣ хозяева и выдаютъ деньги, но, по большей части, это такія пустыя суммы, на которыя небогатымъ ловцамъ трудно извернуться, особенно семейнымъ. Имѣя въ виду, что ловцу, уѣзжающему въ море на долгое время, необходимо обезпечить свои личныя нужды, необходимы расходы на проѣздъ и на содержаніе покидаемой семьи,

легко понять, что немногихъ денегъ, получаемыхъ имъ едва хватаетъ на удовлетвореніе этихъ настоятельныхъ потребностей. Между тѣмъ, впереди представляется настоятельный вопросъ о наймѣ двухъ и, въ крайнемъ случаѣ, хотя одного рабочаго. Въ Астрахани это рѣшительно недоступно для небогатаго ловца, потому что для найма рабочаго въ море необходимо дача значительныхъ задатковъ, иногда чуть не равняющихся всему договоренному жалованью, такъ что ко времени расчета жалованье оказывается часто не только забраннымъ, но и перебраннымъ. Однимъ словомъ, для найма русскаго рабочаго въ Астрахани необходима выдача задатка отъ двадцати пяти до пятидесяти рублей, тогда какъ небогатыйловецъ въ весеннее время и самъ не имѣетъ такихъ денегъ. А между тѣмъ дача такихъ значительныхъ, относительно, задатковъ оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что рабочій, нанимающійся въ море, вдаль отъ всякаго жилища мѣста, естественно долженъ быть вполне снабженъ всѣмъ необходимымъ, начиная съ табака и кончая одеждою, не говоря уже о рабочемъ женатомъ или семейномъ, которому, хотя на первое время, необходимо обезпечить семью, — какъ тутъ обойдешься меньшимъ задаткомъ? Зимовичи, повидимому, маясь въ морѣ, имѣютъ только ту выгоду, что могутъ пользоваться мѣстными киргизскими рабочими руками и, что важнѣе всего, съ незначительными задатками или даже и вовсе безъ задатковъ. Между тѣмъ, мѣстные, приморскіе киргизы байгуши (бѣдные), которые до сношеній съ русскими рыбопромышленниками имѣли обыкновеніе откочевывать въ степи, къ сѣверу, годъ отъ года, одинъ за другимъ оставляютъ эти кочевки и мало-по-малу превращаются въ моряковъ-рабочихъ и даже сами пытаются заняться рыболовствомъ. Рыба начинаетъ занимать мѣсто въ удовольствіи мѣстныхъ кочевниковъ, а постоянные заработки у русскихъ не только развиваютъ ихъ умственно и физически, но и приучаютъ къ осѣдлости, расширяя самую область ихъ потребностей, уже враждебныхъ кочевому быту.

ОБЪЯСНЕНИЯ.

Самоловная крючковая снасть занимает важнейшее мѣсто между рыболовными орудіями морскаго лова. Она состоитъ изъ трехъ частей: *хребтины*, *поводца* и *уды*. *Хребтина*—веревка до девяти сажень длиною, толщиною цтолще мизинца, которая укрѣпляется на плаву параллельно, но нѣсколько ниже поверхности воды. *Хребтиною* она называется, потому что составляетъ верхъ, *хребетъ* снасти. Въ нее встечиваются, то есть продѣваются между прядями, и захлестываются пятьдесятъ *поводцовъ*—веревкоѣ двухъ-футовой длины и въ полмизинца толщины, такъ что онѣ висятъ въ водѣ отвѣсно, то есть перпендикулярно къ ея поверхности. Къ нижнему концу каждаго изъ *поводцовъ* *прививается*, (привязывается) стальная 2-хъ-вершковая *уда*, которая *забагриваетъ*, захватываетъ мимо идущую крупную рыбу механически, не имѣя на себѣ никакой наживы. Такая девяти-саженная веревка съ пятидесятью *поводцами* и *удами* носить название *длинника*—самой компактной единицы самоловной крючковой снасти. Два такіе *длинника* называются *счаломъ*, три—*перетлюю*, самой употребительной единицею при опредѣленіи количества самоловной крючковой снасти. Значитъ въ *перетлю* полтора *поводцовъ* и *удъ*. Рядъ такихъ перетягъ *выбитыхъ въ одинъ лужъ*, то есть выложенныхъ по водѣ въ одну непрерывную линію, носить наименованіе *порядка*. Снасти полагаются до полтора *счаловъ* на каждую лодку, которыхъ въ морѣ тысячи. Изъ этого можно имѣть хоть приблизительное понятіе, какая страшная масса рыболовныхъ орудій можетъ быть *выбита* только въ одной сѣверной окраинѣ моря. Рыба идетъ точно съвозъ строй.

Для поддержанія *порядка* на плову, къ *хребтинѣ* его чалются (привязываются) *балбера*—легкая кора дерева или пучки *чакана*, легкаго высохшаго болотнаго растенія, котораго безконечные строи колеблются вдоль всѣхъ сѣверныхъ береговъ моря. Для того же, чтобы удержать эту пловучую снасть на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, она укрѣпляется, такъ сказать, *прибивается*, ко дну моря *чипчиномъ*—березовымъ заостреннымъ коломъ 2-хъ футовъ длины, вбитымъ во дно моря. Къ чипчику привязана мочальная веревка, называемая *сторожемъ*, потому что можно сказать *сторожить* снасть, съ *хребтиною* которой соединена.

Жилая Коса лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу моря, къ сѣверу, при самыхъ устьяхъ Эмбы, которыхъ три.

Грань. Это нарицательное имя обратилось почти въ собственное; оно означаетъ, впрочемъ, восточную границу Уральскихъ козачьихъ водъ съ вольными Эмбенскими.

Ракуша—урочище въ сѣверо-восточномъ углу моря, на самомъ прибрежьи его, лежитъ между Гранью и Жилою Косой.

Н. Борылевъ.

МЕЖДУ ВѢЧНОСТЬЮ И МИНУТОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ III.

Глава УІІІ.

Вѣра Павловна ожила. Теперь она уже была не чужая людямъ, не лишняя на землѣ, не одна среди многихъ. Въ лицѣ Коваленко у нея былъ искренній, преданный другъ общаго живаго дѣла. И съ каждымъ новымъ часомъ все ближе и ближе къ кружку улыбающихся, беззаботныхъ, и любящихъ, и нѣжныхъ малютокъ-сиротокъ. И чѣмъ скорѣе обставить она отведенное Коваленко въ его собственномъ домѣ просторное помѣщеніе, тѣмъ ближе къ нимъ. И вотъ съ восьми часовъ утра уже на ногахъ, а отъ 9-ти до 3-хъ и на Неглинной, и въ Охотномъ, на Толкучкѣ, и въ Городѣ, и на Никольской, и въ частныхъ квартирахъ, вездѣ высматриваетъ, вездѣ торгуется, чтобы не истратить и лишней копѣйки, потому что каждая копѣйка—ихъ копѣйка, ихъ довольство, ихъ улыбка! И повсюду, и во всемъ, все онѣ, столь близкія, столь дорогія сердцу сироты!... Въ 3 возвращается обѣдать. Обѣдаетъ ли одна или съ Коваленко, все ей весело, потому что больше не точеть, не грызеть ее мысль, что она ничто и что ей не стоитъ и жить, потому что она никогда не можетъ быть чѣмъ-нибудь и не нужна никому!... Нѣтъ!... Она теперь даже себя оберегала, о себѣ заботилась, потому что глубоко прочувствовала, живо сознала, что ея жизнь—ихъ жизнь и что одному Коваленко безъ нея никакъ не провести славной мысли. Вечеромъ Коваленко.... Совѣщаются, спорятъ, смѣются, высчитываютъ, приглядываютъ и такъ, и этакъ.

А тамъ пора и расходиться, пора и спать.... Вѣдь завтра опять надо встать въ восемь, опять исходить столько версть, опять побывать въ столькихъ мѣстахъ, что даже и забудешь, если съ вечера не записать все это и подробно и точно.—«Ахъ и почему прежде, когда такъ дешево было время, какъ на смѣхъ точно вѣчность тянулось оно, а теперь, когда такъ дорога каждая минута, цѣлые дни мелькаютъ какъ часы!» не разъ, улыбаясь, жаловалась она Коваленко. Да даже и во снѣ не оставляли ее въ покоѣ эти отрадные заботы. И день изо дня все чаще и чаще снилась ей радостная, веселая, голубоглазая Щебринская сиротка.

Прошло недѣли двѣ. Стоялъ сильно морозный, солнечный день.... То хлопая руку объ руку коченѣющими, даже и въ теплыхъ рукавицахъ, пальцами, то хватаясь за носы, то отогрѣвая уши, задорно перегонялись *ваньки*, на своихъ легкихъ, незатѣйливыхъ санкахъ. Даже Вѣра Павловна не рѣшилась идти пѣшкомъ изъ Города, даже она раззорилась на гривенникъ. Ровно въ два подвезъ ее *ванька* къ подъѣзду гостинницы «Миланъ».

Бодрая, веселая, быстро поднялась она на площадку дырчатымъ, холщевымъ половикомъ покрытой лѣстницы.

— Ахъ, Наташа, милая, радостно говорила она, почти столкнувшись съ княгиней.

— Здравствуйте! крѣпко ее цѣлуя, весело отозвалась княгиня.

— Давно ли вы въ Москвѣ?

— Такъ.... Недѣлю съ чѣмъ-нибудь.

— Во-первыхъ, снимайте шубку, сама растегивая ей крючекъ у ворота, торопила Вѣра Павловна. Во-вторыхъ, дайте мнѣ всмотрѣться въ васъ.... Вѣдь сколько времени не видѣлись!... И какъ не стыдно!... Хотя бы 'увѣдомили, я бы уже давно побывала у васъ.

— Я сама давно была бы у васъ, Вѣра Павловна.... Но если бъ вы знали сколько хлопотъ.... Ужасъ!... И это надобно, и то необходимо! отбрасывая свой длинный, безконечно длинный шлейфъ черного бархатнаго платья, оправдывалась княгиня.

— Ну садитесь же! Хотите чаю?

— О, нѣтъ!... Вѣдь я на минутку.... Вотъ на такую, сближая на короткомъ разстояніи палецъ съ пальцемъ, пояснила она.

— Вотъ это мило.... Не видѣться нѣсколько мѣсяцевъ и пріѣхать на минутку, точно съ официальнымъ визитомъ.

— Ну не сердитесь, Вѣра Павловна! и, протянувъ къ ней обѣ руки, княгиня потунилась.

— Все такая же, все прежняя, все однѣ только шалости на умѣ, любясь ею, тихо проговорила Вѣра Павловна.

— Нѣтъ больше, тысячу разъ больше, чѣмъ прежде, быстро поднимая голову, возразила княгиня. Миѣ такъ хорошо, такъ весело теперь.... Свободна совершенно!... Что хочу, то и дѣлаю, куда хочу, туда и ѣду.... Онъ у меня такой славный, покорный, совсѣмъ покорный.

— Ахъ простите!... Я за вами совсѣмъ забыла князя. Что онъ здоровъ, здѣсь, въ Москвѣ?

— И здѣсь, и здоровъ.... Точь въ точь такой же увалень, какъ и былъ!... Ужасно меня бѣситъ!... И ничего не могу подѣлать,—точно въ немъ течетъ вода вмѣсто крови.

— И тѣмъ лучше!.. Представьте себѣ, чтобы это вышло, если бъ и онъ сдѣлался такою же горячкою, какъ вы.

— Ничего бы дурнаго не вышло, напротивъ, все было бы прекрасно! горячо возразила княгиня. А теперь, ну и что это!... Онъ даже держать себя не умѣетъ съ достоинствомъ, право!... Никому и въ голову не придетъ, кто его не знаетъ, что онъ князь, да притомъ губернаторъ.

— А уже?

— Уже! и княгиня улыбнулась. Да это все я!... Если бъ не я, онъ бы еще десять лѣтъ просидѣлъ у моря, дожидая погоды!... Ну, вотъ это развѣ не досадно!... Ну какой же онъ мужчина?... А какъ въ Петербургѣ меня бѣсилъ, вы не можете себѣ и представить, перебивая слово словомъ, спѣшила она. Какой-нибудь камеръ-юнкеръ, не говоря уже камергеръ, какой-нибудь директоръ самаго несчастнаго изъ всѣхъ департаментовъ, изъ породы Доброправовыхъ, Воскресенскихъ, Добролюбовыхъ, Благовѣщенскихъ, несравненно больше о себѣ думаетъ и выше себя держитъ, чѣмъ онъ! Ну, развѣ это не обидно! и княгиня горячилась все болѣе и болѣе. Это сразу бросилось миѣ въ глаза! Я долго присматривалась, долго не рѣшалась, но, наконецъ, въ одинъ прекрасный день не только высказала ему все, но даже и указала, какъ долженъ онъ себя держать!

— Ну и что же.... послушалъ?

— Послушалъ, но не вложилъ. Онъ созналъ, что я права, но все-таки дѣйствуетъ не такъ, какъ я бы желала.

— Это было еще въ Москвѣ?

— Да, въ Москвѣ, вскорѣ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы.... Вообразите!... Придетъ къ нему вечеромъ и правитель канцеляріи или даже какой-нибудь изъ столоначальниковъ.... И онъ, тогда какъ другіе, напримѣръ въ Петербургѣ, не пропускаютъ этихъ господъ и черезъ порогъ гостиной, самъ подвигаетъ имъ кресла, предлагаетъ сигару, чаю и т. д. Ну развѣ въ этомъ есть хоть доля такта!... Да еще какъ-то развѣ затѣялъ ихъ всѣхъ огуломъ позвать вечеромъ.... Изволите ли видѣть, нельзя.... Прежде у него бывали!... Ну, нѣтъ-съ, это ужъ слишкомъ!... Вечеромъ принимаю я, а не онъ, и блестящаго собранія не состоялось! и нервно усмѣхнувшись, княгиня выпрямилась.

— Но, почему жъ вы такъ противъ этого?... Развѣ всѣ эти чиновники, не такіе же люди, какъ и вашъ мужъ, какъ и вы? вспыхнувъ, возразила Вѣра Павловна.

— Да и вамъ, дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ мой взглядъ; потому что вы, Вѣра Павловна, не знаете этого міра!... Вѣдь бабушкинъ дворецкій Семенъ такой же человекъ, какъ и всѣ люди, однако вы сами вѣдь не усадите жъ его рядомъ съ собою и ужъ конечно не вступите съ нимъ въ дружескую бесѣду?!

— Но только не потому, что онъ дворецкій, вовсе не потому, что онъ тяжелымъ, честнымъ трудомъ снискиваетъ себѣ и семьѣ своей пропитаніе, а единственно потому, что онъ человекъ необразованный, стало быть, его собесѣдничество не можетъ мнѣ представить ни малѣйшаго интереса.... А развѣ чиновники, служащіе подъ начальствомъ вашего мужа, не настолько же образованные люди, насколько и вы, и онъ самъ?

Княгиня нервно разсмѣялась....

— Что вы это говорите, Вѣра Павловна. Вы вѣрно никогда не видывали никого изъ этого особаго, совсѣмъ особаго чиновничьяго отродья.... Да это какіе-то истуканы!... И притомъ, что всего досаднѣе, попробуйте-ка принять его хоть нѣсколько внимательно, онъ сейчасъ вообразитъ себя равней вамъ; сейчасъ и сядетъ, и начнетъ говорить съ вами съ тою же неприужденностью, съ какою вы сами обращались къ нему! Нѣтъ, это возмутительно, просто возмутительно! все болѣе и болѣе горячилась она.—Я понимаю художника, литератора, артиста, но никогда не пойму этихъ сомекъ-мошекъ изъ канцелярскихъ чи-

новниковъ!... По моему, это тѣ же Семены, тѣ же подлинналы, тѣ же лизоблюды, съ тою лишь разницею, что Семень не придетъ, не сядетъ рядомъ съ вами и не вообразить, что онъ точь въ точь такой же человекъ, какъ и вы, а столоначальникъ какой-нибудь самый жалкій, предложите-ка ему, не только сядетъ, но даже и свои потертые локти подложить вамъ подъ самую руку!... Фи! и княгиня, содрогнувшись, презрительно усмѣхнулась. Что мнѣ за дѣло, что у нихъ есть какіе-то дипломы, что они люди дѣла и нужны дѣлу, когда въ обществѣ они—ничто, нули, совершенные нули, когда ими, какъ нулями, никто не интересуется, и ровно столько же обращаютъ на нихъ вниманія, сколько я на полотеровъ!... со всею запальчивостью высказалась она.

— Однако... тихо проговорила Вѣра Павловна.

— Что однако? быстро взмахнувъ рѣсницами, перебила княгиня.

— Я не желала бы быть женою одного изъ подчиненныхъ вашего мужа!

— Да почему же вы полагаете, что мой взглядъ—особый взглядъ? Вовсе нѣтъ!... Такъ смотреть всѣ, рѣшительно всѣ люди, равной съ нами постановки.... Постановка—великая вещь.... Неужели вы серьезно полагаете, что вы бы на моемъ мѣстѣ поступили бы иначе, чѣмъ я поступаю. Это вамъ только кажется, кажется потому, что вы теперь не можете составить себѣ даже и представленія объ этомъ положеніи, но если бы вы знали его, освоились въ немъ, вы бы были та же, какъ я!

— О, никогда, никогда! горячо возразила Вѣра Павловна. Будь я владѣтельной княгиней, будь десяти губерній губернаторшей, никогда бы и въ голову не пришло мнѣ презирать и отталкивать отъ себя человека лишь изъ-за того, что онъ дурно произноситъ по-французски и не имѣетъ манеръ!... Вотъ именно то, что возмутительно! Если вы такъ смотрите, то вы способны крѣпко-на-крѣпко пожать руку высокопоставленному подлецу и на ряду съ этимъ отвернуться съ презрительной усмѣшкой отъ вежмъ сердцемъ къ вамъ расположеннаго и честнѣйшаго человека, лишь потому, что на немъ потертъ фракъ и на рукахъ у него нѣтъ перчатокъ.... Фи! и она, быстро вставъ, отошла отъ княгини.

— Нѣтъ!... Я его приму, я ему помогу даже, если онъ нуждается, но никогда не посажу его рядомъ съ собою, никогда не

подниму его до себя,—холодно, отставляя слово от слова, отвѣтила княгиня.

— И вы ли это, Наташа?!

Княгиня смолчала. Ей видимо досадно было теперь, что такъ откровенно высказалась передъ Вѣрою Павловною, которая, какъ женщина совершенно иной постановки, совсѣмъ иныхъ воззрѣній, никогда не пойметъ и даже не можетъ понять, понять ее!... Вѣра Павловна, въ свою очередь, не смотря на все желаніе, не могла подавить въ себѣ вызваннаго въ ней княгинею непріязненнаго, холоднаго чувства....

Теперь имъ было одинаково тяжело въ присутствіи другъ друга, и чѣмъ отчетливѣе сознавали онѣ это, тѣмъ труднѣе было имъ рѣшиться прервать неловкое молчаніе....

— Ахъ, а главное-то я и забыла! вѣдь я пріѣхала просить васъ, Вѣра Павловна, быть у насъ въ будущій вторникъ.... Мы празднуемъ назначеніе князя.

— Нѣтъ, ужъ простите, княгиня. Буда мнѣ въ такое блестящее собраніе, сухо отвѣтила она.

— Все не блестящее, а такъ себѣ маленькій, танцевальный вечеръ.... Да и притомъ вы не можете, вы должны, понимаете, должны быть, Вѣра Павловна, если не хотите оскорбить и князя, и вашу Наташу! и, поникнувъ, княгиня слегка вспыхнула.

— Перестаньте, перестаньте! нервно возразила Вѣра Павловна. Вы, во-первыхъ, вовсе не Наташа, а княгиня Долина, да еще губернаторша, а во вторыхъ, право, для васъ совершенно безразлично-буду я или не буду. Вѣдь это все только такъ.... изъ приличія,—отходя къ окну, едва слышно добавила она.

— Вѣра Павловна! тихо касаясь ея плеча, сказала княгиня, — какъ вамъ не стыдно капризничать.

— Вы знаете, что я никогда не капризничаю.... Это я предоставляю дѣтямъ и, подобно вамъ, избалованнымъ натурамъ!... Нужда и горе—слишкомъ сильныя средства противъ такой болѣзни, чтобъ я могла продолжать ею страдать, если бъ даже и имѣла къ ней склонность.

— Ну, такъ сердитесь!... Вѣдь нельзя же рождаться изъ за взглядовъ.... Вы можете держаться однихъ, а я совершенно другихъ, и все жъ мы можемъ оставаться искренними друзьями.... и притомъ.... играя кружевами, тихо добавила она.

— Что притомъ? не поднимая глазъ, спросила Вѣра Павловна.

— И притомъ... я вовсе не такая дурная, какъ кажусь вамъ теперь, и она зардѣлась еще ярче.

— Это кто жь вамъ сказывалъ? и Вѣра Павловна улыбнулась.

— Мои стремленія, мои цѣли.

— Бъ превосходству и угнетенію во имя его. Вѣра Павловна нервно разсмѣялась.

— Вовсе нѣтъ! горячо возразила княгиня. Господство совѣтъ не цѣль во мнѣ, оно только средство.

— А цѣль?

— Цѣль? медленно повторила княгиня. Моя цѣль самое широкое вспомошествованіе нуждающемуся человѣчеству, и я увѣрена, что если бь умѣла ознакомить васъ съ нею вполнѣ, вы бы не только измѣнили свой взглядъ, но даже и благословили бы меня въ моемъ святомъ дѣлѣ.

Вѣра Павловна, молча, покачала головою.

— Вы не вѣрите? и княгиня отступила, измѣнилась въ лицѣ.

— Кто искренно сочувствуетъ человѣку, тотъ не силится подняться надъ нимъ, тотъ его не презираетъ, не отталкиваетъ отъ себя, какъ какую-нибудь гадину, а напротивъ улыбается ему, зоветъ его къ себѣ, радушно дѣлитъ съ нимъ послѣдній свой кусокъ,—прямо смотря ей въ глаза, горячо высказалась Вѣра Павловна.

— Да и я не презираю, не отталкиваю отъ себя нуждающагося человѣка, лишь только потому, что онъ бѣденъ, а я богата, что онъ ничто.

— Ничто! нервно разсмѣявшись, горячо перебила Вѣра Павловна. Да, вы правы!... Бѣднякъ, по вашему, дѣйствительно—ничто!... И вотъ вамъ ненавистна самая мысль, что онъ такой же человѣкъ, какъ и вы!... И вы?... Я право затрудняюсь опредѣлить, на что бы вы были способны, если бь такой несчастный задумалъ поровняться съ вами.... Да вы бы раздавили его, уничтожили, безъ малѣйшаго сожалѣнія, безъ малѣйшаго содраганія.... Фи, Наташа!... Вы никогда не сочувствовали и никогда не будете сочувствовать нуждѣ!... Это уже теперь ясно, какъ день!... А если и сдѣлаете что доброе, то вовсе не ради добра и человѣка, а ради себя самой, ради эффекта!... Нѣтъ, благодарю

вась за такую добродѣтель!... Ею воспользуется только дѣйствительная гадина, а человекъ мало-мальски порядочный не приметъ помощи отъ презирающей его руки.

Княгиня выпрямилась.... У нея поблѣднѣли губы.

— Да! Вамъ это неприятно!... я знаю, что неприятно, какъ всякая открытая, не совсѣмъ-то благообразная правда!... Но кто жъ вамъ скажетъ ее, эту правду, если не я? Не моя ли совѣсть несетъ отвѣтственность за вась, ни каждое ли ваше дѣйствие отражается во мнѣ то радостью, то скорбью, какъ мое собственное, не вамъ ли я отдала пять лучшихъ лѣтъ моей жизни все въ той же надеждѣ, что если не могу сама, то хотя въ вась создамъ ближнему и сильную, и добрую руку.... И что же?... Чѣмъ все это кончилось? Что изъ всего изъ этого вышло?!.. княгиня, полновластная губернаторша, львица.... Ха, ха, ха! нервно залилась Вѣра Павловна.

Княгиня медленно подняла голову.... въ упоръ, изъ - подъ сдвинутыхъ тонкихъ бровей, взглянула на Вѣру Павловну.... Точно судорогою передернулись нервные губы, дрогнулъ самый подбородокъ.

— Вы.... забылись, Вѣра Павловна!... Я дѣвочкою могла еще подчиняться и дѣйствительно подчинялась вашимъ указаніямъ, какъ гувернантки.... Но теперь, увѣрю вась, что княгиня Долина вовсе не нуждается въ совѣтахъ г-жи Нелидовой, дрожащимъ голосомъ сказала она и, накинувъ шубку на плечи, быстро вышла изъ номера.

Вѣра Павловна мгновенно поднялась съ дивана, сдѣлала шагъ къ двери, какъ будто хотѣла наступить, остановиться.... Но что-то сильно ударило ей въ темя, все закружилось, спуталось, смѣшалось....

Глава УІІІ.

На Поварской, передъ высокими, дубовыми, рѣзными дверями большого, розоватаго, двух-этажнаго каменнаго дома остановилась карета.

— Князь дома? спросила княгиня, чуть-чуть опершись локтемъ на руку отворившаго ей дверцу кареты швейцара.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Давно вернулся?

— Уже съ полчаса будетъ.

Княгиня быстро поднялась по мягкимъ коврамъ отъ верха до низа обставленной цѣтami лѣстницы.... У двери бельэтажа ее встрѣтилъ высокій, статный брюнетъ лакей во фракѣ и снѣжной бѣлизны жилетѣ....

— Ничего не было?

— Князь Одоленскій.

— Одинъ? и княгиня приостановилась.

— Одинъ, и осторожно, какъ бы боясь дать почувствовать свое примосновеніе княгинѣ, снялъ съ нея лакей шубку.

Минувавъ приемную, бѣлый залъ и малиновую гостинную, княгиня безъ шума, плотно заврыла за собою одностворчатую, рѣзную, чернаго дерева дверь голубаго бѣдуара. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, приостановилась, быстро сняла шляпку, швырнула ее на туалетный столикъ и, нетерпѣливымъ движеніемъ отбросивъ шлейфъ, подошла къ окну. — «Форменная княгиня!... Полновластная губернаторша.... Львица!... Ха, ха, ха!» глухимъ, отдаленнымъ эхомъ звучалъ въ ней голосъ Вѣры Павловны.... Княгиня сжала губы. — «Да!... И княгиня, и губернаторша, и львица!... И вотъ это-то именно васъ колить, Вѣра Павловна, это-то вамъ и не нравится!... Потому что вы никогда не были и никогда не можете быть ни княгиней, ни губернаторшей, ни львицей! Какъ никогда мѣщанинъ, каковой бы онъ тамъ дипломъ не получилъ, не будетъ бариномъ, не будетъ княземъ!... Госпожа Мясоѣдова, госпожа Сидорова, госпожа Переделкина, госпожа Шульцъ, старая бонна княжны Одоленской, Нелюбова, моя прежняя портниха?... Все господа!... Да теперь всякая кухарка, всякая дворничиха—госпожа... Вотъ и эта тоже кабая-нибудь госпожа! сказала княгиня, смотря на осторожно переползавшую черезъ улицу въ огромномъ темнозеленомъ vaporѣ старуху.... «Это все ровня, все свои!» — Княгиня даже разсмѣялась: такъ забавляла ее мысль, что и эта въ зеленомъ vaporѣ ей ровня. — «Да и развѣ ее можно осуждать, развѣ можно на нее сердиться?!.. Когда же она понимала и могла ли понять жизнь во всей полнотѣ этихъ градаций и различій!... Да и наконецъ.... это нѣчто такое, что не дается ни образованіемъ, ни даже постановкою.... Сознаніе своей силы и своего превосходства, тактъ, сдержанность, энергія, вѣдь это даръ, точно такой же даръ, какъ и всякая склонность къ великому!» увлеклась княгиня, и лице ея загорѣлось яркимъ румянцемъ.

«Не вамъ ли отдала я пять лучшихъ лѣтъ моей жизни, надѣясь развить въ васъ любовь къ ближнимъ и стремленіе помогать имъ не только матеріально, но и нравственно, стремленіе поднимать униженныхъ и презираемыхъ всѣми, а не тщеславиться предъ ними ни преимуществами внѣшняго положенія, ни даже нравственнымъ превосходствомъ?» слышались княгини́ слова Вѣры Павловны.

«И какъ была она мнѣ рада!... У нея даже дрожали руки, когда отстегивала петлю у ворота!» и что-то вольнуло княгиню. И одно за другимъ, все съ большей и большей яркостью поднимались въ ней воспоминанія прошлаго.... Ожили свѣтлыя, задумшевыя, тихія бесѣды въ бессонныя ночи, ожила кроткая, какъ бы ласкающая ее улыбка Вѣры Павловны.—«Увѣрю васъ, что княгиня Долина вовсе не нуждается въ совѣтахъ госпожи Нелидовой!» вспомнила княгиня и точно самое себя ужалила она этими словами.—«Я его приму, я ему помогу даже, если онъ нуждается, но никогда не подниму до себя!»—«А вѣдь я помогала ей!... Она можетъ подумать, что такъ говоря, я подразумевала именно ее!...» закрывъ лицо руками, какъ бы стыдась самой себя, ужаснулась княгиня.—И чѣмъ глубже вдумывалась, тѣмъ сильнѣе раздражалась она противъ себя самой, тѣмъ лихорадочнѣе, порывистѣе хотѣлось ей, какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало помириться съ Вѣрою Павловною, новымъ вниманіемъ, новою ласкою заставить ее разъ навсегда забыть эту грубую, неумѣстную выходку. «Написать развѣ?! мелькнуло ей.... А вдругъ не прійдетъ!... Не ѣхать же потомъ самой съ повинной!»—Бѣто-то ступнулъ въ дверь.

— Ахъ какъ это скучно, что даже и дома нельзя быть у себя!

— Войдите же!... Кто тамъ?... Это ты, Александръ?... Давно вернулся?

— Да уже болѣе часа.... Но я не зналъ, что ты дома, Ната.... Никто не доложилъ по обыкновенію.... Такіе остолопы!... Былъ у генераль-губернатора, какъ бы въ скобкахъ добавилъ онъ.

— Ну и что же? садись подлѣ, оживилась княгиня.

— А что?

— Какъ, а что?... Когда же мы ѣдимъ въ Некъ?

— Въ Некъ.... Ну, еще не такъ скоро, какъ намъ думалось.

— Какъ такъ, не такъ скоро?! и княгиня вспыхнула.

— Ну да.... Не такъ скоро.... Не ближе, какъ недѣль черезъ пять, шесть, совершенно спокойно удостовѣрилъ князь.

— Шесть недѣль еще!

— Ну да, шесть.... И что жъ въ этомъ такого, особенно страшнаго?

— Да это цѣлая вѣчность, Александръ.

— Какая жъ вѣчность, Ната!... Шесть недѣль и есть шесть недѣль.

— Нѣтъ, это цѣлая вѣчность, цѣлая пытка, раздражительно возразила княгиня.

— Знаешь ли, Ната.... медленно потирая рука объ руку, тихо обратился князь.

— Нѣтъ, не знаю.

— Меня твое настроеніе начинаетъ серьезно тревожить.... Даже.... даже огорчаетъ.... смотря въ сторону, съ трудомъ осилилъ онъ.—И.... и я давно хотѣлъ серьезно поговорить съ тобою.

— Это о чемъ?

— Мы какъ будто перемѣнились ролями.... То ты всегда была веселая, оживленная и непрерывно упрекала меня за хмурость.... Помнишь, какъ и на лодкѣ, какъ и въ тотъ день, какъ я сдѣлалъ тебѣ предложеніе.... А теперь мнѣ въ свою очередь приходится спросить,—да какая жъ муха, наконецъ, кусаетъ тебя?... Отчего я такъ счастливъ, отчего такъ легко на сердцѣ, такъ весело мнѣ, а ты, напротивъ, все ничѣмъ не довольна, все какъ будто чѣмъ-то встревожена, раздражена.... Трудно и два часа подрядъ удержать на твоёмъ лицѣ твою прежнюю беззаботную улыбку, и князь вздохнулъ.—Мнѣ эти шесть мѣсяцевъ мелькнули, какъ одна счастливая минута, а тебѣ шесть недѣль представляются пыткой вѣчности.... чуть слышно, глухо, совсѣмъ въ себя, добавилъ онъ.

Княгиня молчала.... Она только еще ниже опустила голову.

— Ната!... Да будь же, наконецъ, искренна, мой милый другъ.... Вѣдь нѣтъ на свѣтѣ жертвы, на которую бы я не рѣшился, лишь бы только видѣть тебя опять прежнею, веселою, игривою, оживленною, какъ, помнишь, бывала ты на балахъ, въ собраньи.... Вѣдь сердце радовалось за тебя, а теперь....

— Ты ошибаешься, Александръ, кладя свою маленькую, холодную руку на руку князя, съ примѣтною дрожью въ голосъ, тихо отозвалась княгиня.... Я все такая же, какъ была и въ дѣвушкахъ, только тогда ты видалъ меня лишь въ обществѣ,

лишь на балахъ, гдѣ если и не хочешь, то кажешься оживленною, а теперь....

— Ну, а третьяго дня на балу у Одоленскихъ?... Ты думаешь, я не замѣтилъ, какъ ни съ того, ни съ сего поблѣднѣла ты въ мазуркѣ, и съ той минуты, отъ начала до конца, какъ не ждалъ, какъ не слѣдилъ, не дождался ужъ я больше твоей улыбки.

— Ахъ, да! спохватилась княгиня. Ну, у меня тогда просто заболѣла голова.

— Зачѣмъ ты говоришь неправду, Наташа! и, еще глубже поникнувъ, князь вздохнулъ. Оставимъ это разъ навсегда!... Какая бь ни была правда, она все лучше лжи.... И притомъ.... ты въ силахъ обмануть мою мысль, но ты никогда не обманешь моего сердца.

— И какое ты такое имѣешь право, Александръ, утверждать, да еще мнѣ въ глаза, что я лгу, когда говорю тебѣ правду? уклонилась княгиня и, быстро вставъ, отошла отъ князя.

— Вотъ сегодня такъ я дѣйствительно того....

— Что того?

— Сглушила, и губы княгини въ тотъ же мигъ сложились въ такую гримаску, какъ будто она только-что проглотила что-либо кисло-вяжущее....

— Ну, чѣмъ же ты сглушила? и князь улыбнулся на нее своею открытою, вызывающею, доброю улыбкою.

— Угадай!

Князь задумался.

— Да думай—не думай, все равно до такой глупости не додумаешься, — нетерпѣливо перебила она—я поссорилась съ Вѣрою Павловною.

— Какъ такъ?

— А такъ.... Она мнѣ вздумала по старой привычкѣ давать совѣты и указанія, а я.... и княгиня замаялась.

— Ну, а ты?

— А я ихватила, что княгиня Долина вовсе не нуждается въ совѣтахъ г-жи Нелидовой.

— Ахъ, Наташа!

— Ну, да ты-то не сердись на меня, Александръ.... Я и сама чувствую, что поступила дурно.... Теперь понялъ?

— Понять-то понялъ, но все-таки какъ не взглянуть на это, все нехорошо, крайне нехорошо!.... Мнѣ въ мою жизнь никогда не доводилось встрѣчать такой любви, горячей, нѣжной, какую она

всегда выказывала тебѣ, Наташа.... Я убѣжденъ, что ты ей дороже всего на свѣтѣ.... Что до меня, я бы, кажется, не могъ ни ѣсть, ни спать спокойно, если бы когда-нибудь позволилъ себѣ оскорбить не только такъ глубоко мнѣ преданнаго, но и хотя бы только расположеннаго ко мнѣ человѣка!... Нѣтъ, сознай, Наташа, и поправь твою ошибку.... Ты и такъ за послѣднее время слишкомъ мало внимательна была къ ней,—и онъ волновался все глубже и глубже.

— Ну и поняла, и сознала... и, опустивъ рѣсницы, она приблизилась къ мужу. Все лицо ея свѣтилось въ высшей степени оживленнымъ выраженіемъ не то досады на себя, не то насмѣшки надъ всѣмъ этимъ.

Князь тихо размѣялся и, приподнявъ ея руку, поцѣловалъ ее.

— Ну и поправлю, точно играя губами, чуть слышно проговорила княгиня.

— А именно?

— А именно, напишу къ Васѣ, чтобы онъ сегодня же вечеромъ привезъ ее.

— А если она не пріѣдетъ?

— То тогда сама поѣду къ ней, и губы княгини сложились въ столь любимую княземъ своеобразную, на самоѣ себя досаждующую улыбку.

— Прелестъ!... вспыхнувъ, прошепталъ князь и, быстро протянувъ къ себѣ княгиню за обѣ руки, горячо поцѣловалъ ее въ ея будто пересмѣивающіяся губы....

Глава JX.

— И гдѣ это вы, матушка, цѣлые дни пропадаете? говорилъ Боваленко вечеромъ того же дня въ номерѣ Вѣры Павловны. Былъ разъ до обѣда, второй послѣ обѣда, вотъ теперь пришелъ въ третій, и хорошо еще, что благороднѣйшая изъ Матрентъ сжалилась, впустила.

— А вы думаете, мало хлопотъ, мало заботъ, Петръ Игнатьевичъ, по нашему дѣлу? и, протянувъ ему свою зазябшую руку, она улыбнулась.

— Да помилуйте, матушка, дѣло дѣломъ, а спокойное.... Вѣдь нельзя жъ, въ самомъ дѣлѣ, цѣлые дни мыгаться

изъ-за нихъ съ утра и до ночи.... Вѣдь этакъ исхудаете пуще прежняго!... Посмотрите-ка на себя.... Отъ васъ скоро останутся кости да кожа.... Такъ, матушка, нельзя.... Все въ мѣру!... Вѣдь не на сегодня же вы только нужны-то намъ, а на всю жизнь! залажа руки въ карманы и покачивая головою на Вѣру Павловну, горячился генераль.

— Да теперь я не по ихъ, а по своему дѣлу ходила, осторожно вынимая изъ муфты небольшой свертокъ, точно оправдывалась она.

— Это по какому жъ?

— Записалась въ двухъ конторахъ, снимая шляпку и шубку, объяснила Вѣра Павловна.

— На что записались?

— На частные уроки французскаго и русскаго языковъ.

— Для какой надобности? и Коваленко даже вытянулся отъ удивленія.

— Вотъ это мило, какъ для какой? поправляя волоса и садясь подлѣ него на диванъ, улыбнулась Вѣра Павловна. Вѣдь дѣло дѣломъ, а аппетитъ аппетитомъ.

— Какъ же это такъ? А наше-то дѣло развѣ въ трубу?

— Храни Богъ! Вовсе нѣтъ..... Я уроки буду давать въ послѣобѣденные часы, а весь день буду принадлежать пріюту.

— Да чего жъ это ужъ вамъ, матушка, такъ очень въ обѣ руки понадобилось?

— Какъ такъ въ обѣ руки? въ свою очередь не поняла Вѣра Павловна.

— Да, конечно, въ обѣ руки! Вѣдь этакъ того гляди захлебнетесь.... И выйдетъ ни Богу свѣча, ни чорту кочерга! Да и притомъ.... и Коваленко, не договоривъ, заморгалъ.

— Что притомъ?

— Развѣ средства пріюта вамъ представляются недостаточными для вознагражденія служащихъ ему?

— Я даже не могу понять, о какомъ вознагражденіи вы можете говорить въ такомъ дѣлѣ, Петръ Игнатьевичъ! вспыхнувъ, сказала Вѣра Павловна.

— Да вы, матушка, совсѣмъ чудачка!... Вѣдь, чтобъ дѣлать, чтобъ трудиться, работать, надо прежде всего кушать, такъ какъ же вы могли допустить мысль, что я соглашусь на ваше содѣйствіе этому дѣлу безъ соотвѣтствующаго труду вашему вознагражденія?

— Фи! Петръ Игнатьевичъ, какъ могло взбрести вамъ на умъ, что я позволю себѣ воспользоваться хотя единымъ сиротскимъ грошемъ!... И я никогда не могла допустить самой мысли, что вы рѣшитесь когда-нибудь оскорбить меня такимъ предложеніемъ. Я смотрю на это дѣло, какъ на святое дѣло!... Я, такъ сказать, уже чувствую себя въ немъ рука объ руку съ вами; я радуюсь впередъ ихъ радостью; я дышу надеждою на ихъ возможное счастье; словомъ, въ нихъ вы опять связали меня съ землею, вы дали мнѣ цѣль полнаго смысла существованія, но вы не имѣете права оскорблять меня, вы должны быть далеки отъ самой мысли отравить мнѣ вами же самими созданную цѣль!... Иначе я не союзница, а батрачка!... Нѣтъ, Петръ Игнатьевичъ, я полноправна вамъ въ этомъ святомъ дѣлѣ! Вы вносите въ него ваши средства, я — свои знанія, свой трудъ! Только, и только при такихъ условіяхъ мы можемъ остаться вѣрными, преданными нашей общей цѣли друзьями, только при нихъ я могу прямо и честно смотрѣть и вамъ, и окружающимъ въ глаза. Гдѣ жъ мое безкорыстіе, гдѣ жъ мое участіе, гдѣ моя преданность дѣлу, если буду сама кормиться съ сиротскаго стола! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я рада всѣмъ сердцемъ быть другомъ вашимъ въ честномъ дѣлѣ, но не согласна быть въ немъ вашей батрачкой!... И я увѣрена, что этотъ разговоръ конченъ навсегда, что никогда болѣе вы не позволите себѣ такъ оскорблять меня.

— Но помилуйте, матушка!... и Коваленко тревожно задвигался.

— Безъ но и нѣтъ, Петръ Игнатьевичъ... Вы вѣдь не первый день меня знаете, такъ вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что мое *нѣтъ* самое устойчивое изъ всѣхъ возможныхъ *но* и *нѣтъ*, — и Вѣра Павловна тихо улыбнулась.

— Удивительно! сощуриваясь и быстро поднимаясь, окончательно вышелъ изъ себя Коваленко, — удивительно!... Точно вы все еще малый ребенокъ, матушка... И разсуждаете-то, и поступаете вотъ какъ самое неразумное дитя!... Утромъ уроки, послѣ обѣда уроки, вечеромъ опять въ заботахъ по приюту!... Да помилуйте, матушка, вѣдь вы человѣкъ, а не гончая какая-нибудь... Частные уроки! и потрясая головою, какъ бы оплакивая непрактичность Вѣры Павловны, онъ остановился передъ нею. — Досадно слушать!... Что они вамъ могутъ дать эти ваши приватные уроки?... Ну, 50 копѣекъ въ день!... Самое счастливое!... А развѣ на 15 рублей въ мѣсяцъ можно существо-

вать, матушка?... Да послѣдній извощикъ въ Москвѣ проживеть больше.... Вѣдь кушать-то всякій день надо. Такъ не изъ пальчиковъ же вашихъ питаться будете.

— Ну и что же изъ этого?! Чтѣ бѣ не получила, а все-жь-таки свое, заработанное.... А свой кусокъ, да еще трудовой, всегда сладкій кусокъ!... Урѣзывать себя, отказывать себѣ, терпѣть лишения для меня не привыкать стать. По поводу этого никогда не печалилась и не буду печалиться, скрестивъ руки на груди и, уходя отъ Коваленко въ самую глубь дивана, медленно отозвалась Вѣра Павловна.

Петръ Игнатьевичъ пріостановился и, тихо покачиваясь изъ стороны въ сторону, внимательно посмотрѣлъ на нее. Покорностью своему жребію, грустью звучали въ немъ ея слова. Вѣра Павловна невольно потупилась. Она какъ будто сознала, что Коваленко сострадалъ къ ней въ эту минуту.

— И все-то вы вздоръ толкуете, матушка!... чистѣйшій вздоръ! приближаясь къ ней, опять замигалъ онъ. Вѣдь вы не Матрена, матушка.... Вѣдь вамъ мало выпить да скушать.... Вѣдь Матрены и живутъ собственно изъ-за того, чтобы пить и кушать, а вы пьете и кушаете, чтобы жить.... Вамъ, какъ хлѣбъ, даже нужнѣе хлѣба нравственная пища.... И развѣ не нужны и дѣльное литературное произведеніе, и музыка, и иногда театръ и прочее, и прочее, это все, чѣмъ единственно вы могли бы оживиться?—Вѣдь вы молоды, матушка, а молодость имѣетъ свои священные права на самое широкое развитіе собственныхъ ей силъ и стремлений. Но вы не понимаете этого теперь!... Молодость громко говоритъ въ васъ, и ея мелодичный голосъ, вѣрите, думаете и надѣетесь, что если не сегодня, такъ завтра, а не завтра, такъ послѣ-завтра вамъ все-жь таки улыбнется судьба, и тогда вы однимъ разомъ возьмете все, чего лишились до сихъ поръ. Но этотъ счастливый моментъ, если и наступитъ, то можетъ быть уже тогда, когда кровь заохолодѣетъ въ сердцѣ вашемъ!... перестанетъ такъ гордо дышать, такъ свободно вздыматься, трудами непосильными, годами заботъ и лишениій истощенная грудь.... старость ужъ за дверью, старость у порога!... Она иссушитъ въ васъ мозгъ, умертвитъ желанія, въ плечахъ сожметъ, въ фигурѣ сгорбитъ, на лицѣ заляжетъ въ крупныхъ бороздахъ-морщинахъ.... Тогда-то поймете вы, что молодость священный даръ, тогда узнаете, что вы сами въ себѣ убили ее, и не одна слеза изъ потускнѣлыхъ вашихъ глазъ сбѣжитъ

на морщинистую руку.—И онъ замолкъ, сѣлъ подлѣ Вѣры Павловны, вздохнулъ.... Ее ли стало жаль ему, этому человѣку безъ сердца, человѣку, дѣйствующему и даже чувствующему только отъ разума и по разуму, или жъ содрогнулся онъ надъ своею такъ быстро промелькнувшею молодостью? Вѣдь вотъ-вотъ, какъ будто только вчера, произведенъ онъ былъ въ корнеты....

— Да, и вы правы, Петръ Игнатьевичъ,—чуть слышно отозвалась Вѣра Павловна,—вы правы въ моемъ прошломъ, но не въ ближайшемъ будущемъ.... Я не нуждаюсь теперь ни въ театрѣ, ни въ музыкѣ, ни въ другихъ удовольствіяхъ молодости, когда, благодаря вамъ, передо мною открывается широкое, живое, свѣтлое поприще дѣятельности на счастье, на радость, на довольство дорогихъ сестеръ сиротокъ.... И если бъ вы знали.... И, вдругъ поднявъ голову, Вѣра Павловна такъ свѣтло взглянула на Коваленко, точно улыбнулась ему.—Если бъ могли себѣ представить, какъ улыбается мнѣ эта новая жизнь, жизнь, полная заботъ и интереса! Утро и послѣ обѣда часы труда, и, какъ награда, отдохновеніе вечеромъ въ кружкѣ своей семьи, за самоваромъ, въ тихой бесѣдѣ съ вами о ихъ будущемъ вообще, о счастіи каждой изъ нихъ.... Не правда ли? Вѣдь въ эти часы онъ всегда будутъ съ нами? вся свѣтась, точно все еще не довѣряя своему счастью, спросила она.

— Ну, ужъ это, матушка, ваше дѣло!... Вы ихъ попечительница.... Какъ хотите, такъ и поведете, а я только исполнительъ вашихъ требованій.

— Ну и это ли не жизнь, это ли не жизнь свѣтлаго довольства, тихой радости?

— Нѣтъ, матушка, ужъ вы, что хотите говорите мнѣ о своей практичности, а я все-жъ таки останусь при своемъ, все-жъ таки при мнѣніи, что вы не отъ міра сего!... Помилуйте!... Да съ чѣмъ это сообразно?!.. Есть ли въ этомъ хоть доля не только разума, но даже и простѣйшаго здраваго смысла?! опять разгорячился Коваленко. Я очень и очень даже радъ, что мои гости у меня съ аппетитомъ кушаютъ, но я никакъ не могу понять, какъ самъ-то буду сытъ, если остановлюсь на томъ, что буду смотрѣть имъ въ ротъ!... Нѣтъ, ужъ это пардонъ, мадамъ.... Я готовъ хотя даже и кормить ихъ собственными руками, но, клянусь вамъ честью офицера, не забуду забросить кусокъ, другой и въ свой ротъ! Ибо, если

только стану облизываться, то сожрачусь, непременно сожрачусь и ни далѣе какъ въ три дня.... О!

Вѣра Павловна громко разсмѣялась.

— И чего вы, матушка? сощурился на нее Коваленко.

— Ахъ, Боже мой, вотъ вопросъ!... Будто ужъ мнѣ не можетъ быть весело.... Я ужасно люблю васъ слушать, Петръ Игнатьевичъ!... Вашъ языкъ, какой-то особый языкъ, ваши приемы опять-таки ваши, и притомъ строго, исключительно ваши.... Я не встрѣчала еще въ жизни человѣка, которому бы такъ легко удавалось разсѣять мою грусть, подавить во мнѣ тоску, какъ вамъ.... Право!... Я совершенно забываюсь, когда слушаю васъ. Вотъ взять сегодня: я вернулась домой въ такомъ настроеніи, что мнѣ не только говорить, но даже и встрѣтиться съ кѣмъ бы то ни было было бы въ высшей степени тяжело.... А вотъ вы со мною, и я опять оживилась, какъ будто даже забыла новое горе свое,—чуть слышно въ послѣднихъ словахъ высказалась Вѣра Павловна.

— А какая жъ еще новая муха укусила васъ, матушка?

— Премилая, — и она улыбнулась. Черная, вся черная, совсѣмъ бархатная, съ длинными предлинными крыльями.

— Ужъ не княгиня-ли?

— Какъ разъ,—слегка вспыхнувъ, удостовѣрила Вѣра Павловна.

— Вотъ какъ!... Едва оперились, ужъ и кусаться изволятъ.

— Да еще какъ!... пребольно,—и она вздохнула. Я совершенно разошлась съ нею.

— Какъ такъ?

— Положимъ.... Быть можетъ, я и сама не совсѣмъ права, быть можетъ, погорячилась, но, во всякомъ случаѣ, это еще не давало ей права такъ язвительно отнестись ко мнѣ, такъ однимъ ударомъ порвать отношенія, столько лѣтъ составлявшія душу моей одинокой жизни.

— Да въ чемъ же дѣло-то, матушка?

— Если бъ вы видѣли ее сегодня утромъ у меня, Петръ Игнатьевичъ, вы бы только тогда поняли въ чемъ дѣло, вы бы возмутились ею, быть можетъ, даже раньше, чѣмъ я, обрадованная свиданіемъ, успѣла понять, почувствовать это отравительное, отталкивающее презрѣнье ко всему, что ниже ея, по положенію, по средствамъ, ко всему, что не носитъ титула, что не губернаторствуетъ, что не владѣетъ языками и не имѣетъ блестя-

щихъ манеръ... Я возмущилась, больше того—я ужаснулась, не выдержала и, по своему обыкновенію, высказала ей всю горькую правду.... Она поблѣднѣла, какъ полотно, и тутъ же объявила мнѣ, что княгиня Долина вовсе не нуждается въ совѣтахъ г-жи Нелидовой.... И это Наташа!... Боже мой!... Я знала всегда ее за вспыльчивую дѣвушку, за дѣвушку, пожалуй, своенравную, избалованную, но если бѣ мнѣ мать моя сказала, что изъ нея выйдетъ то, что вышло теперь, то и ей бы, матери моей, не повѣрила бы я!... Нѣтъ, это нѣчто ужасное, нѣчто такое, отъ чего путаются въ головѣ моей мысли, и при одномъ воспоминаніи, точно въ лихорадкѣ, дрожу я вся!

— И нечему тутъ ни дрожать, ни ужасаться, матушка!... Рѣшительно нечему,—и Коваленко закачалъ головою, замигалъ. Я все это видѣлъ и давно понялъ, что изъ нея неизбѣжно выйдетъ самая вѣрная копія съ блестящаго оригинала ея матушки.... Вѣдь я ее помню, покойницу-то Марью Игнатьевну.... Нанижетъ, бывало, на себя и сзадѣ, и спереду всевозможныхъ фри, распушить хвостъ, растреплетъ волоса, и.... самъ чертъ ей не братъ! А все оттого, что вмѣсто мозга въ головѣ какой-то порохъ.

— Ну, если бы у Наташи въ головѣ былъ порохъ,—вспыхнувъ, перебила Вѣра Павловна,—то еще это не было бы такъ обидно, Петръ Игнатьевич!... Но вѣдь она умна, неоспоримо умна и.... и притомъ у нея доброе сердце.

— Это вамъ, матушка, все только кажется.... какъ чловѣку въ лихорадкѣ чудится, что и все его окружающіе дрогнуть отъ холода.... Вы сами по природѣ добры, вотъ вамъ уже и представилось, что она уже добрая.... Умъ въ ней есть.... Но что же мнѣ за толкъ отъ моего богатства, если я расточаю его на побрякушки?... И это уже не умъ, а умишко.

— Нѣтъ, Петръ Игнатьевичъ, вы не правы, вы слишкомъ строги къ Наташѣ!... Вы судите ее по внѣшности, по случайнымъ приемамъ, а я знаю ее чуть ли не отъ младенчества, и много, много разъ возбуждала она во мнѣ и восторгъ, и изумленіе!... И Вѣра Павловна тихо вздохнула. И я все еще не теряю надежды, я все продолжаю вѣрить въ нее, вѣрить, что придетъ пора, когда она сознаетъ себя, глубоко раскается въ своихъ настоящихъ наклонностяхъ, и однимъ разомъ, однимъ счастливымъ мигомъ борьбы, борьбы, можетъ быть, и тяжелой, и отчаянной, поднимется до той высоты, на которой она призвана

стоять по природѣ!... О, это было бы слишкомъ обидно, если бы такія даже натуры вносили въ общество только одно зло!... Что жъ ждать тогда отъ посредственностей, отъ этой массы людей-самоѣдовъ, изо дня въ день уничтожающихъ другъ друга изъ-за цѣлей своихъ животныхъ побужденій или же грошеваго самолюбія. Нѣтъ!... Пусть она оскорбила меня, пусть я не нужна ей больше, но я не покину ее, я не допущу ее пасть до этого страшнаго ничто, до этой будто бы силы, готовой все презирать, со всѣмъ бороться ради своего призрачнаго превосходства!... Ахъ, Боже мой, и зачѣмъ, зачѣмъ внушила я ей, что жизнь, это—борьба?!.. Никогда, никогда не прощу себѣ этого! волнуясь, горячо, нервно высказалась Вѣра Павловна.

— И прекрасно!... Чего-жъ лучше, чего разумнѣе, матушка?... Наташенька въ воду, и вы въ воду, Васенька по колѣно въ трясины, и вы за нимъ! Эхъ, Вѣра Павловна!... Вчужъ и досадно, и горько смотрѣть на васъ.... И когда это перестанете вы ребячиться?! Вѣдь, Наталья Алексѣевна практичнѣе васъ, право практичнѣе!... Она вѣрнѣе, тысяча братъ вѣрнѣе васъ смотреть на жизнь.... Вы, говорить, Нелидова, а я Долина, у васъ свое, а у меня свое!... И со-вер-шен-но разумно!... Вѣдь вы хоть въ лоскъ ляжете, а все-жъ такъ и она, и Вася будутъ и думать, и чувствовать, и жить такъ, какъ сами найдутъ пріятнымъ и удобнымъ, а вовсе не такъ, какъ вамъ это представляется лучшимъ, такъ чего же волнуетесь, чего выбиваетесь изъ силъ?! Оставьте ихъ жить такъ, какъ имъ правится, а сами живите такъ, какъ вамъ по сердцу!

— Полноте, Петръ Игнатьевичъ! горячо возразила Вѣра Павловна. Не даромъ говорится пословица: чужую бѣду руками разведу, а къ своей и ума не приложу. Вотъ вамъ въ вашей жизни было дорого дѣло ваше, такъ неужели васъ не огорчало, не тревожило, когда оно шло вовсе не такъ, какъ должно было идти? Тоже и со мною!... Вѣдь не старухи вели Наташу, а я, такъ и упрекъ на моей совѣсти!... И развѣ теперь легко сознать, что всѣ усилія мои были напрасны, что даже изъ того, къ чему я вела ее ради добраго и честнаго, и правдиваго, вышло только одно злое.

— Ну и вы причемъ тутъ?! Рѣшительно не причемъ.—Коваленко усиленно замигалъ.—Вы сдѣлали все, что по долгу и разуму обязаны были сдѣлать, а развѣ виноваты въ томъ, что капризь не могли обратить въ волю, что самолюбіе не могли

поднять до самосознанія?... Ни чуть!... Это вина не ваша, вовсе не ваша, а природы и первоначальнаго направленія.... Вы говорите, я!—приостанавливаясь, выпрямился онъ.—Да, я любилъ свое дѣло и велъ его до тѣхъ поръ, пока мнѣ не мѣшали, а какъ скоро увидалъ, что все пошло не такъ, какъ должно идти, ну и оставилъ.... И нашелъ себѣ другое, и вѣдь не чахъ, не издыхалъ, какъ вы.... Посмотрите на себя, что вы были лѣтомъ въ Щебринкѣ и что вы стали теперь.... Да еще за эти нѣсколько дней поправились, хоть румянецъ заигралъ опять, а то вѣдь страшно было смотрѣть на васъ.... Будьте же благо-разумны, оставьте ихъ жить такъ, какъ они хотятъ, вздохните свободно, да и легко, и весело пойдѣте со мною въ наше хорошее, честное будущее, а то поссорюсь, право поссорюсь.

Вѣра Павловна смѣшалась, вспыхнула. Живымъ, глубокимъ сочувствіемъ дрогнули въ ней эти послѣднія его слова.... Коваленко мелькомъ взглянулъ на нее, всталъ, закурилъ папироску, нѣсколько разъ прошелъ по комнатѣ и, еще усиленнѣе, еще чаще мигая, сѣлъ опять подлѣ.

— И какъ бы вы думали, матушка; надъ чѣмъ я сегодня, ожидая здѣсь васъ, сталъ въ совершенный тупикъ?

— Надъ чѣмъ? тихо спросила она.

— Надъ собственною персоною.

— Надъ собственною персоною?!

— Право!... Кое-что вспомнилъ, кое-что сообразилъ, и въ итогъ итоговъ вышло, что все въ моей жизни шло и идетъ шиворотъ на выворотъ!

— То-есть?

— Обыкновенно человѣкъ такъ! и, поднявъ указательный палецъ высоко надъ головою, Коваленко сощурился.—Начинаетъ съ того, что формируется, продолжаетъ тѣмъ, что проявляетъ свою личность, работаетъ, создаетъ и, кончая, завѣщаетъ, чтобы не умерло его дѣло вмѣстѣ съ нимъ самимъ.... Я же началъ прямо съ середины, продолжалъ началомъ, а, въ концѣ концовъ, опять пошелъ по серединѣ.... О!

— Какъ такъ? громко разсмѣявшись, перебила Вѣра Павловна.

— Да вотъ такъ же. Еще молоко на губахъ не обсохло, а я ужъ проявился.... Руки по швамъ, грудь впередъ, голова назадъ и, какъ сразу скомандовалъ: на лѣво кругомъ, маршъ! такъ

и стоялъ на томъ ровно 23 года. Сорока двухъ лѣтъ вышелъ въ отставку, осмотрѣлся, тряхнулъ головою, сунулся туда-сюда.... Вижу плохо!... Сталъ читать, иными словами—формироваться.... Читалъ, какъ служилъ, съ толкомъ, неустанно.... Теперь ужъ пора бы и завѣщевать,—чуть-чуть вздохнувъ, добавилъ онъ,—а я бы хотѣлъ и жить полною грудью, и снова работать, бороться, преодолевать, словомъ, опять почувствовать себя тѣмъ же живымъ, тѣмъ же бодрымъ членомъ общества, какимъ былъ еще какой-нибудь десятокъ лѣтъ назадъ!.. Но, увы, два раза не жилъ еще ни одинъ изъ смертныхъ, и никакъ теперь, въ 40 слишкомъ лѣтъ, не могу я быть тѣмъ, чѣмъ былъ въ пору полныхъ силъ и энергій.... Вотъ почему обливается у меня сердце кровью, когда сталкиваюсь лицомъ къ лицу съ праздношатающею юностью, вотъ почему всяческое увлеченіе признаю разлагающимъ жизнь началомъ, и никогда еще такъ громко, никогда такъ настойчиво, какъ теперь, не требовалъ отъ меня мой разумъ борьбы съ этимъ господствующимъ, съ этимъ лихорадочнымъ стремленіемъ новаго человѣка—наслажденію минуты жертвовать всѣмъ, какъ святымъ, честнымъ, правдивымъ!.... И когда освѣщаетъ меня эта душевная мысль, когда все шире и глубже проникаю въ нее разумомъ, снова точно молодѣю, снова кровь горитъ въ головѣ, кипятъ мысли!... Но то, что кажется, еще не то, что есть. Сегодня я здоровъ, бодръ, оживленъ, а не нынче, такъ завтра, хватитъ немочь, и пропало мое дѣло, пропала моя свѣтлая и живая, и глубокая, душевная мысль!... Сгину я, сгинетъ и дѣло! и Коваленко замолкъ, вздохнувъ.

— Вотъ вы молоды, матушка, вы полны силъ и энергій, ваша бодрость не оставитъ васъ еще добрыхъ два десятка лѣтъ, и вы, я убѣжденъ, вы полюбите мое новое дѣло, мою новую задачу, какъ люблю я теперь всѣми силами души моей и.... я покончу, вы поведете, а тамъ, за вами, подростутъ пріемыши-дѣти, и тогда уже они за насъ поведутъ наше святое, честное дѣло.... Въдь такъ, матушка? и, протянувъ ей руку, Коваленко какъ-то особенно нервно замигалъ на нее.

Не проронивъ ни слова, тихо пожала Вѣра Павловна сухую, жилистую руку Коваленко своею трепетною, какъ огонь, горячею рукою.... Ей вдругъ стало и грустно, и жутко, какъ будто она въ послѣдній разъ видѣла этого добраго, всегда дѣлу своему, и только дѣлу, преданнаго человѣка, какъ будто въ послѣдній разъ слышала его энергическое слово, въ послѣдній разъ

смотрѣла въ его живые, сѣтливые глаза.... Она хотѣла возражать ему и не могла, точно не было ни мыслей, ни голоса.

— И знаете ли, матушка, какая глупая мысль затемнилась мнѣ въ голову, и вотъ уже нѣсколько сутокъ ни днемъ, ни ночью не даетъ мнѣ покоя.... точно кошмаръ преслѣдуетъ меня?

— Какая? съ отгвѣнкомъ робости, точно эта мысль была непремѣнно мыслию предчувствія смерти, чуть слышно спросила теперь Вѣра Павловна.

— Видали ли вы когда-нибудь въ полѣ одиноко произрастающій дубъ?

— Видала.... Ну и что же?

— Какъ и что же? оживился Коваленко. Мелькаютъ годы за годами, проходятъ десятки лѣтъ.... Все видитъ онъ солнце, все попрежнему сегодня, какъ и вчера, принимаетъ десятки, сотни, тысячи прохожихъ подъ свою густолиственную тѣнь.... И знаютъ его и, завидѣвъ еще издали, радуются ему.... Но вотъ пронижетъ, сожжетъ его шальная молнія или надтреснетъ, подломится столѣтній корень и не станетъ больше дуба и ничего, рѣшительно ничего отъ него.... Только чистая поляна окрестъ!... Какъ будто никогда и не было! Вотъ это я! вздохнувъ, совсѣмъ тихо добавилъ онъ.

Все холоднѣй и холоднѣй становилось Вѣрѣ Павловнѣ. Точно кровь стыла въ ней. Никогда еще, ни разу за эти годы не видала она Коваленко въ такомъ настроеніи.

— И полноте, Петръ Игнатьевичъ! Что за странныя мысли сегодня у васъ.... Вѣдь вамъ не сто лѣтъ!... Еще много жизни впереди.... Какъ знать, чего не знаешь!... Сегодня одинокъ, а завтра и нѣтъ! Да и наконецъ.... кто жъ вамъ мѣшаетъ жениться, если такъ ужъ тяжела становится одинокая жизнь,—и она оживилась, даже обрадовалась своей мысли.

— Ги.... жениться?! Да кто за меня теперь пойдетъ-то, матушка, кто отдастъ молодую жизнь за нѣсколько лѣтъ оставшейся мнѣ бодрой силы?

— Да всякая развитая, разумная дѣвушка, горячо возразила она.

— И придетъ же вамъ, матушка, въ голову, что я бы могъ жениться на этой всякой,—съ укориною, покачивая головою на Вѣру Павловну, возразилъ Коваленко.—Когда и самая-то мысль о женитьбѣ была далека отъ меня, какъ небо отъ земли, до

сближенія съ вами. Когда у насъ одно общее, живое дѣло.... когда вы и я.... все болѣе и болѣе сбивался онъ. И если бъ вы, матушка.... и теперь онъ усиленно замигалъ на нее.

Точно пронизанная острою болью, вспыхнула, выпрямилась и въ тотъ же мигъ поблѣднѣла Вѣра Павловна.

— Если бъ вы рѣшились.... Я бы....

— Этого никогда не можетъ быть, Петръ Игнатьевичъ! съ трудомъ переводя духъ, чуть слышно отвѣтила Вѣра Павловна.

— Чего, матушка, не можетъ быть? Коваленко даже не по- нялъ: такъ сильно закружилась у него голова.

— Чтобъ я рѣшилась выйти замужъ.

— То-есть.... то-есть за меня? съ трудомъ осилилъ онъ, и его живые глаза какъ-то особенно лихорадочно засуетились.

— Нѣтъ, вообще.... Никогда и ни за кого!

— Да что жъ, матушка, развѣ вы обътъ безбрачія дали?

— Это было бы нелѣпо!... подавляя вздохъ, прошептала Вѣра Павловна. — Причина.... вся моя прошлая жизнь.... Но, Петръ Игнатьевичъ, быстро поднявъ голову, блѣдная, какъ смерть, взглянула она на него. — Ради добрыхъ отношеній нашихъ, не будемъ больше говорить объ этомъ и.... и попрежнему останемся друзьями честнаго дѣла нашего.

— Нѣтъ, такъ и нѣтъ!... Нѣтъ, такъ и аминь!... О чемъ же тутъ растолковывать, матушка.... Что тутъ такого особо важнаго, —отрывочно, точно обрывая мысли, проговорилъ Коваленко и, быстро поднявшись, не взглянувъ даже на Вѣру Павловну, подошелъ къ огню.

— Старость ужъ за дверью, старость у порога!... И когда же, когда наконецъ перестанете ребячиться, матушка, когда перестанете ловить воздухъ руками? Вздохните свободно, да и легко, и весело пойдите со мною въ наше хорошее, честное будущее.... Тихимъ, отраднымъ, свѣтлымъ чувствомъ отзывались въ сердца Вѣры Павловны эти живыя слова Коваленко.

— О никогда, никогда.... Ни за что въ мирѣ! и, быстро вставъ, она вздохнула, выпрямилась.... Кто-то отчетливо стукнулъ въ дверь.... Вѣра Павловна прислушалась. Стукъ повторился.

— Кто тамъ? нерѣшительно подходя къ двери, окликнула она.

— Это я, Вѣра Павловна.

— Вася!

— Ну, слава Богу, что вы дома, Вѣра Павловна,—протягивая ей руку, проговорилъ онъ.

— А что?... Развѣ что случилось?

— Наташѣ дурно!... Князь послалъ меня за вами.

— Дурно?!..

— Да!... Князь убѣдительноше просить васъ пріѣхать.

— Да что же она?... лежитъ?

— Нѣтъ, не лежитъ.... Но только такая блѣдная.... Я ужасно боялся, что не застаю васъ.... Вѣдь вы ее знаете.... Она бы не повѣрила, подумала бы, что вы не хотите къ ней пріѣхать, и ей стало бы еще хуже.

— Ахъ, Боже мой!... И что жъ бы это могло съ нею такъ скоро случиться? надѣвая шляпу, какъ будто къ самой себѣ обратилась она. Вѣдь она еще утромъ была у меня.... и весела и здорова.... Вася, а?

— Право не знаю, Вѣра Павловна.... Да вы напрасно такъ беспокоитесь.... По крайней мѣрѣ, я не замѣтилъ ничего особеннаго.

— Какъ ничего особеннаго!... Ужъ если князь такъ экстренно прислалъ за мною, значить, что-нибудь да есть. И неужели на нее такъ сильно повліяли мои слова! додумалась она, и даже вспыхнула: такъ встревожила, такъ глубоко, такъ живо кольнула ее эта мысль.

-- А за докторомъ не посылали, Вася?

— Нѣтъ.

— Да вы, можетъ быть, не знаете?

— Нѣтъ; вѣрно знаю, что нѣтъ, Вѣра Павловна, я же объдалъ у нихъ.

— Такъ расскажите, какъ это случилось.... Впрочемъ, теперь уже некогда, лучше дорогой.... Помогите-жъ мнѣ шубку надѣть, голубчикъ.

— Да вы не беспокойтесь такъ ужъ очень, Вѣра Павловна.... Право же, ничего особеннаго, убѣждалъ Вася. Ему жаль было смотрѣть на Вѣру Павловну: такъ тревожилась она.

— Ну, ѣдьте же! и погасивъ свѣчу, Вѣра Павловна почти вытолкала его за дверь.

Глава XJ.

Все круче и круче подбирая удила, задорно фыркая, точно сердясь на гучера, что не даетъ ему воли, несъ черезъ Собачью Площадку рослый, статный, темнокараковый конь черного дерева легкія санки.... Скрипѣли подрѣза, весело щелкали о мерзлый снѣгъ подковы; то западая за полость отдѣльными комьями, то бросая прямо въ лице цѣлыми горстями своихъ пылинокъ, крутился надъ санями серебристый, снѣжный вихрь.... «Гей!... Берегись!... Берегись!...» зорко всматриваясь въ даль, то влево, то вправо, отрывочно, густымъ басомъ, точно проглатывая начальныя буквы, остерегалъ гучерь....

— Холя, холя!... О, Васька, Васька! высунувшись изъ саней, увлекался Вася.

— Ахъ, Боже мой, да вы выпадете, Вася! схватывая его за рукавъ пальто, сдерживала Вѣра Павловна.

— Нѣтъ, ничего, Вѣра Павловна, право ничего.... Вы не беспокойтесь, я ужъ привыкъ.

— Прощу васъ, Вася, сядьте, какъ слѣдуетъ. Мнѣ страшно за васъ: такъ и кажется, что вылетите, при первомъ толчкѣ.

— И неужели вамъ самой не весело, Вѣра Павловна? защищаясь рукою отъ цѣлаго столба снѣжной пыли, удивился онъ.

— Меня такъ беспокоитъ Наташа!

— Вѣра Павловна!

— Что?

— Вы не будете сердиться на меня, если я вамъ открою правду.

— Нѣтъ, не буду. Какую правду?

— Вотъ вы теперь говорите нѣтъ, а потомъ разсердитесь, Вѣра Павловна.

— Да говорю же, что не разсержусь.... Вы все такой же смѣшной, Вася, какъ были и въ Щебринкѣ.

— Вѣдь я... и онъ остановился.

— Ну, что же?—вѣдь вы...?

— Вѣдь я.... все это сочинилъ.

— Что это?

— Да про Наташу-то.... что ей дурно.

— Ну какъ же вамъ не грѣхъ, какъ не стыдно было, Вася, нонапрасну такъ растревожить меня?... Вѣдь я просто ногъ не чувствовала подъ собою отъ испуга.

— Вотъ видите, Вѣра Павловна: вы сказали, что не будете сердиться, а сами ужъ сердитесь.

— Да я вовсе не сержусь, а все-таки скажу, что стыдно такъ сочинять, Вася,—тихо укорила она.

— Но когда это было необходимо, чуть слышно защитился Вася.

— Во-первыхъ, ложь всегда останется ложью, Вася, а потому и не можетъ ни подъ какимъ видомъ имѣть мѣста въ честномъ человѣкѣ. А во-вторыхъ, почему же это могло быть необходимо?

— Наташа сказала вамъ сегодня что-то неприятное, Вѣра Павловна. Я не знаю что, но это ужасно ее мучило. Ей все казалось, что вы навсегда разсердились на нее. Князь даже сказывалъ, что она плакала, возвратившись домой. Миѣ стало тяжело, невыносимо тяжело, Вѣра Павловна.... и такъ жаль Наташу, вѣдь она такая славная, добрая, веселая.... Вотъ мы и придумали средство, чтобы затянуть васъ сегодня же вечеромъ.

— Такъ это вы общими силами? и она усмѣхнулась.

— Да, общими силами.

— Вы, пожалуй, и то сочиняете, что, возвратившись домой, она плакала?

— О нѣтъ, Вѣра Павловна, это правда!... Ужъ, что правда, то правда.... Вотъ и пріѣхали! и быстро сбросивъ полость, онъ соскочилъ на бѣгу.

Швейцаръ широко распахнулъ передъ ними высокую, массивную, дубовую дверь и въ тотъ же мигъ въ передней князя раздался громкій звонокъ.

Вѣра Павловна даже пріостановилась: такъ изумила ее эта полуосвѣщенная, широкая, краснымъ ковромъ покрытая, отъ низа до верха цвѣтами обставленная лѣстница.

— Какая роскошь, вслухъ сообразила она, медленно поднимаясь по бархатнымъ коврамъ.

— Это еще что, Вѣра Павловна.... А вотъ вы посмотрите, какъ хорошо въ комнатахъ.... прелесть!

— Вѣра Павловна, Вѣра Павловна! отступая съ порога неосвѣщенной гостиной, тихо воскликнулъ онъ.

— Что съ вами?

— Да развѣ вы не видите, Вѣра Павловна? Смотрите прямо!

Въ глубинѣ будуара, какъ разъ противъ двери, съ ногъ до головы охваченная слабо мерцающимъ, матово-голубымъ свѣтомъ стояла княгиня.... Въ фигурѣ ея выразалось что-то необычайное: не то страхъ, не то раскаяніе. Высоко на груди ссрещены по локоть обнаженныя, точно изъ мрамора выточенныя руки.... Вся въ бѣломъ съ разметавшимися по плечамъ и опилѣ волосами. Скорбною мольбою дышала изъ-подъ сдвинутыхъ тонкихъ бровей куда-то въ даль устремленный ею взглядъ...

Вѣра Павловна любовалась ею.

Самъ не могъ понять Вася, отчего такъ громко, съ такою тревогою билось въ немъ сердце.... Вѣдь онъ же зналъ, что все это шутка!

Княгиня содрогнулась, граціознымъ движеніемъ головы откинула за плечи разметавшіяся пряди и, опустивъ руки, склонивъ голову, съ выраженіемъ глубокаго горя и досады на самое себя, быстро пошла къ раскрытой въ гостинную двери.

— Боже, Боже мой, какая она прелестная! вслухъ восторгулся Вася.

— Виноватая, совсѣмъ виноватая, совсѣмъ прежняя, чудная Наташа,—подходя къ ней, говорила Вѣра Павловна.

Наташа полуоткрыла свои нервныя губы, откинула голову и, обнявъ шею Вѣры Павловны обнаженными по локоть руками, горячо поцѣловалась съ нею.

— Не сердитесь, Вѣра Павловна! Ну развѣ стоитъ?! Я такая право глупая! и, все еще не поднимая глазъ, она отступила.

— Да развѣ я сердилась хоть на минуту на васъ, Наташа? и опять обняла, опять поцѣловала ее Вѣра Павловна.

Не отводя глазъ отъ княгини, превратившись весь въ тихое, восторженное изумленіе ею, точно ошеломленный, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, стоялъ, забытый въ тѣ минуты ими обѣими, Вася....

— Ахъ, какъ я рада, какъ рада, что вы пріѣхали, Вѣра Павловна!... Все это, все, что было общаго, дорогаго намъ, все поднялось во мнѣ, и мучило, и угнетало, точно однимъ мигомъ умертвила я всю мою прежнюю дѣвичью жизнь.

— Ну, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.... Не будемъ больше говорить объ этомъ, Наташа,—и Вѣра Павловна улыбнулась на нее своею кроткою, вызывающею улыбкою.

— А этотъ-то нагородилъ мнѣ такую околесицу: и дурно-то вамъ, и князь прислалъ его за мною, и чуть ли вы даже не умираете.

— Умникъ, Вася.... Сказала, что поцѣлую, и поцѣлую крѣпко, крѣпко.... Теперь хочешь или послѣ чаю? какъ бы подсмѣиваясь надъ нимъ, отнеслась къ нему княгиня.

— Ты только и знаешь, что трунить надо мною, Наташа! и, вспыхнувъ по самымъ ушамъ, онъ потушился.

— Скажите, какой серьезный человекъ! сдвинувъ брови, насмѣшливымъ тономъ, проговорила княгиня.

Вася, быстро повернувшись, отошелъ къ столу въ противоположный конецъ будуара. Княгиня, подмигнувъ Вѣрѣ Павловнѣ, безъ малѣйшаго шороха подошла къ нему.

— Вася! чуть слышно ошленила она.

— Ну, что? и онъ все еще скрывалъ отъ нея глаза.

— Вася.... Ну, полно дуться.

— Да я и не дуюсь.

— Ну, такъ посмотри!... Что ты прячешься?... Ну же, Вася!... Вѣдь ты меня знаешь.... Терпѣть не могу упрямецъ.... Разсердужусь, такъ и пиши пропало.... Ну! и едва касаясь его подбородка своею ласкающею, пѣжною рукою, княгиня всѣмъ станомъ склонилась къ нему, запрокинула ему голову, вызываясь засмотрѣла въ глаза.... Вотъ-вотъ съ мига на мигъ готовая поцѣловать, играла она теперь надъ нимъ своими тонкими, тихо вздрагивающими губами....

— Полноте шалить, Наташа, вспыхнувъ, вмѣшалась Вѣра Павловна,—и, быстро опустивъ руку, княгиня отошла. Она какъ будто и забыла, что хотѣла поцѣловать его....

— Съ нимъ такъ всегда слѣдуетъ обращаться. Я еще слишкомъ добра къ нему. Представьте себѣ, какую онъ сегодня послѣ обѣда устроилъ штуку.... Нужно вамъ сказать, что онъ часто исповѣдуется теперь мнѣ въ своихъ тайнахъ.—Вотъ я слушала, слушала, да и задремала, а онъ, не будь дуракъ, воспользовался этимъ, да такъ крѣпко поцѣловалъ меня, ну, въ самыя губы, что я даже проснулась.... Какъ это вамъ понравится?... За то и наказала, чтобъ впередъ не забывался.

— А мнѣ большая потеря!... Да сдѣлай милость.... Ни тепло, ни холодно, сорвалъ блѣдный Вася.

— Будто?! насмѣшливо перебила княгиня.

— Самоваръ поданъ, ваше сіятельство, доложилъ лакей.

— Сегодня ужь извините, голубчикъ, обратилась княгиня къ Вѣрѣ Павловнѣ, мы будемъ пить чай нѣсколько ранѣе, потому что князь спѣшитъ опять въ который-то изъ безчисленнаго множества своихъ несносныхъ комитетовъ.... Впрочемъ я, собственно говоря, вѣдь ничего не имѣла бы противъ комитетовъ, если бь въ нихъ допускались женщины. Это даже было бы пресвесело.... И скажите пожалуйста!.. Ну развѣ не обидно?! уже вспыхнувъ, разгорячилась она.—Я бы желала знать, чѣмъ это мы понимаемъ меньше этихъ простофиль мужичинъ?

— Простофиль! съ горячностью повторилъ Вася. Вотъ именно умный человекъ Петръ Игнатьевичъ ужь за то, что называетъ васъ сороками-воронами.... Цѣлый день только и знаете, что трещите-болтаете.

— Вася! смѣясь, поблагодарила Вѣра Павловна.

— Ну терпѣние есть-ли, Вѣра Павловна, а?! и княгиня отчетливо хрустнула палецъ о палецъ. Вѣдь еще надъ землею едва видѣнь, а ужь воображаетъ себя чѣмъ-то.

Вася вспыхнулъ.

— Ну, что вы на него такъ нападаете сегодня, Наташа. И, наконецъ, мнѣ это невыгодно. Вѣдь онъ выше меня.

— Будто?.. Ну-ка, стань съ Вѣрою Павловною.

— Ахъ отстань, Наташа! продолжая перелистывать только-что открытый альбомъ, замѣтно дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Pardon, Вѣра Павловна. Я на одну короткую минутку оставлю васъ.... Нужно къ князю.

Вмѣстѣ съ уходомъ княгини Вѣру Павловну покинуло и ея, повидимому, легкое, веселое настроеніе духа. Въ тотъ же мигъ исчезла улыбка, губы сжались, между бровей опять залегли столь ненавистныя Коваленко складки, не то тоскливаго раздумья, не то чуткой, нервной тревоги. — Боже мой!... Что жъ это за загадочный характеръ, что это за женщина?... То здравая мысль, то бессмысленный порывъ, то честное чувство, то опять капризь. И неужели этотъ несчастный Вася ея новая забава?.. Неужели и ему суждено погибнуть жертвою ея невинныхъ шалостей, какъ погибъ уже баронъ? О, нѣтъ, нѣтъ!... Я должна все узнать, должна спасти его во что бы то ни стало!—и она, взволнованная, остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Васи. И какъ, дѣйствительно, измѣнился онъ за это время.... Лице какъ-то вытянулось, похудѣло.... Какое-то неестественное утом-

леніе въ общемъ выраженіи.... Нѣтъ и слѣда его обычнаго румянца.... Такъ сине подѣ глазами!... И съ каждымъ новымъ мигомъ точно все глубже врѣзались въ нее живыя, рельефныя, безконечною грустью дышавшія черты Васи.

— Вася, что съ вами дѣлается? Отчего вы скучный такой?

— Я ничего, Вѣра Павловна, еще глубже понижая надъ альбомомъ, чуть слышно отозвался онъ.

— Да какъ же ничего?! На васъ лица нѣтъ!... И вообще вы такъ измѣнились за это время, что не осталось даже и тѣни прежняго Васи.... Нѣтъ!... Ради вашей же пользы, Вася, умоляю васъ, будьте искренны со мною.

— Да право же, ничего особеннаго, Вѣра Павловна.... Такъ! тихо добавилъ онъ, такъ тихо, что Вѣра Павловна скорѣе почувствовала, чѣмъ поняла это «такъ».

— Вотъ видите, Вася!... Вы что-то скрываете отъ меня, вы не хотите сказать мнѣ правду.

— А если не могу! грустно улыбнувшись, отчетливо проговорилъ онъ.

— Говорите, Вася, говорите все откровенно, смѣло, все, рѣшительно все, что лежитъ у васъ на сердцѣ.

— Нѣтъ!... Не могу.... Не могу и никогда, никогда не рѣшусь сказать вамъ это, и быстро закрывъ альбомъ, вздохнувъ, онъ поднялся, выпрямился.... Въ залѣ отчетливо застучали костыли Долина.

Г л а в а X J J .

О чемъ-то говорили, о чемъ-то спорили, чему-то смѣялись.... Чего, о чемъ, надѣ чѣмъ?!.. Да ему-то какое дѣло? Никакого, рѣшительно никакого.... Безразлично, совершенно безразлично. Всѣ шли и онъ шелъ, всѣ останавливались и онъ останавливался.... И какъ тамъ, въ будуарѣ, такъ и въ гостинной, и въ залѣ, одинаково не могъ Вася себѣ объяснить, отчего ему такъ было весело, когда ѣхалъ онъ съ Вѣрою Павловною къ Долинымъ, на что надѣялся, что улыбалось ему въ этомъ домѣ, что съ такою непреодолимою силою тянуло въ немъ его къ себѣ.... Вѣдь не Наташа же, въ самомъ дѣлѣ!... Развѣ сегодня она не такая же, какъ и вчера, и завтра опять не будетъ такою же, какъ сегодня, какъ всегда, рѣшительно какъ всегда!... То

ласкова, то насмѣшлива; то какъ будто интересуется имъ, чего-то даже добивается отъ него, добивается горячо, капризно, то даетъ ему почувствовать, сознать, что она взрослая, старшая, да еще княгиня, а онъ мальчикъ, ребенокъ, Вася, и что между ними нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.... Да!... И онъ давно почувствовалъ, давно созналъ это, еще въ Щебринкѣ, созналъ и отшатнулся, такъ зачѣмъ же опять такъ мучить его, зачѣмъ такъ часто зоветъ къ себѣ то обѣдать, то ѣхать съ ними въ театръ, то такъ просто вечеромъ поболтать съ нею?!

— Ну, да что спорить по пустому, Александръ!—Хочешь держать пари?... Да серьезное, а не на фунтъ тягушекъ, какъ ты имѣешь дешовое обыкновеніе, и я тебѣ тогда не на словахъ, а на фактахъ докажу, что я уже ни какъ не менѣе способна вести общее дѣло, чѣмъ ты и другіе!... горячо говорила княгиня, останавливаясь въ дверяхъ обширной, яркоосвѣщенной тремя висячими, большими лампами, чернаго орѣха столовой. Точно облитой серебрянымъ сіяньемъ, гордо красовался самоваръ среди множества блестящихъ бездѣлушекъ чайнаго прибора. Какъ-то особенно рѣзко выдѣлялась межъ черныхъ стѣнъ и шкафовъ огромнаго стола бѣлоснѣжная скатерть.

— Полно горячиться, Ната! улыбаясь, сдерживалъ ее князь. Вотъ когда докажешь, то и докажешь!... А теперь, пожалуйста, поскорѣ чаю, а то кончится тѣмъ, что я прѣйду въ комитетъ къ разъѣзду.... Уже и такъ манкировалъ два раза.

— Въ самомъ дѣлѣ, Наташа, я никогда еще не замѣчала въ васъ такой богатой способности изъ ничего дѣлать столь многое.

— Вѣдь вамъ хорошо разсуждать, Вѣра Павловна, а каково мнѣ! отодвигая стулъ, вся капризная жалоба, отозвалась княгиня. Вотъ онъ всегда такъ, какъ до серьезнаго, какъ до пари,—понимаете, крупнаго,—такъ сейчасъ прикроется то генераль-губернаторомъ, то комитетомъ, то головою болью.

Князь громко, весело разсмѣялся.

Вася вздрогнулъ и такую неприятною зыбь прошелъ по немъ этотъ внезапный, густой, широкій смѣхъ...

— Вѣдь сколько разъ просила тебя, Александръ, не смѣяться на весь домъ.... А вотъ опять такъ грохнулъ, что даже испугалъ бѣднаго Васю, а я чуть чайникъ не выронила,—не то упрекая князя, не то смѣясь надъ Васею, сказала княгиня. Бо-

лѣзвенно отозвался въ Васѣ ея смѣхъ. Вѣра Павловна вспыхнула и съ укоризной посмотрѣла на нее.

Князь внимательно взглянулъ на Васю. Онъ какъ будто только теперь замѣтилъ его, блѣднаго, грустнаго, точно подавленнаго какою-то непреодолимою силою. Между густыхъ бровей его рѣзко означилась изгибистая складка.

— И не стыдно ли тебѣ, Ната? едва слышно упрекнулъ онъ.

— Какъ это скучно, Александръ! дрогнувъ рукою надъ крапомъ, съ капризно-досадливою гримаскою сказала княгиня.

Съ блюда князя упала ложка, и такъ неприятно звякнула о серебряный подносъ....

— А! вскрикнула княгиня, быстро отдернувъ руку отъ крана.

Князь мгновенно обратился въ ея сторону, Вася вспыхнулъ.

— Что съ вами, Наташа? встрепенулась Вѣра Павловна.

— Терпѣть не могу разливать чай!... Налъешь три стакана и двадцать разъ обожжешься!... Нѣтъ, ужъ ты какъ хочешь, Александръ, а я сама разливать не стану.

— Ну, чего жъ горячиться?... Не нравится, не хочешь, такъ и не будешь.... Вотъ и все.

— Да дайте я разолью, Наташа.

— Нѣтъ, шегсі, Вѣра Павловна, что разъ начала, то люблю ужъ и кончить.... Вася, да бери жъ твой стаканъ, нетерпѣливо обратилась она къ нему.

— Виновать, Наташа, я не замѣтилъ, что ты ужъ налила! и онъ торопливо подошелъ къ ней.

— На! подавая стаканъ, какъ-то особенно протянула княгиня и такъ досадливо взглянула изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, такъ капризно улыбнулась на него чуть-чуть дрогнувшими губами, что не только не выдержалъ, усмѣхнулся ей въ отвѣтъ князь, но даже оживился, улыбнулся и Вася.... Вѣдь онъ такъ любилъ въ ней эту не то досадливую усмѣшку, не то капризную на самое себя жалобу.

— Ну и можно ль на нее сердиться, Вѣра Павловна? Вѣдь вотъ сдѣлаешь видъ, надуешься, и тутъ же разсмѣешься.... Такая милая шалунья! и, быстро приподнявъ ея лѣвую руку, князь прижалъ ее къ губамъ. Вася потупился. Княгиня быстро взглянула на него.

— Ну, полно, довольно, Александръ.... Ужъ радъ, что попалась! осторожно освобождая руку, отыгралась она.

— А сколько пытокъ-то я перенесъ, Вѣра Павловна, прежде чѣмъ удалось мнѣ обуздать эту надменную орлицу.

— Ахъ, да! живо перебила княгиня.—Вѣдь ты совсѣмъ забылъ, Александръ, что я орлица!... За послѣднее время ужъ и не зовешь меня такъ! Вотъ именно вы правы, Вѣра Павловна, что мужчина воръ.

— Какъ воръ?! изумленно перебилъ князь.

— Да такъ, отъ той самой поры, что приходитъ въ сознательное соприкосновеніе съ женщиной.... Вотъ хоть тебя взять— ты тоже воръ!... До тѣхъ поръ, пока я была тебѣ чужой, пока ты сгоралъ желаньемъ своровать меня во что бы то ни стало, какъ только ни называлъ, какихъ свойствъ и чаръ мнѣ ни приписывалъ, а теперь все забылъ, даже забылъ, что я орлица. Въ голосъ ея звучала капризная жалоба, но теперь уже не на себя, а на князя.

Князь громко разсмѣялся.

— Опять, Александръ! сдвинувъ на него брови, строго напомнила она.

— Да.... Таки досталось на вашу долю, князь, я и Вася всегда были вашими сторонниками,—тихо отозвалась Вѣра Павловна.

— Помните, Наташа, нашу ночную бесѣду?

— О, еще бы!... Это когда вы съ нимъ въ четыре руки меня пудрили, и княгиня тихо разсмѣялась.

— Да это когда же было?... Ты не рассказывала мнѣ, Ната?

— Какъ не рассказывала?!.. Ты забылъ?... Да помнишь тотъ вечеръ, когда твой собственный кухмистеръ отравилъ тебя солью! Общій дружный смѣхъ покрылъ голосъ княгини.

— Это въ тотъ вечеръ, когда ты такъ долго пропадала съ барономъ? вспомнилъ князь.

Разговоръ порвался. Княгиня вспыхнула, потупилась. Вася вздрогнулъ. Князь, какъ бы понявъ свой промахъ, съ какою-то особенною торопливостью принялся за стаканъ. Вѣра Павловна съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривала первое попавшееся ей подъ руку тонкаго фарфора блюдце.

— Да, вдругъ громко, съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ, будто въ чемъ-то исключительно важномъ самъ съ собою согла-
сился Вася.

— Вѣдь не допустить же, въ самомъ дѣлѣ, что человѣкомъ управляетъ слѣпой случай!... А если сила, сила разумная, сила

правдивая, то за что же погубила она барона, за что такъ рано, полного надежды и энергии, низвела въ могилу? думалъ онъ и его взглядъ какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ заискрился надъ княгиней.

Княгиня уклонилась отъ этого взгляда, но она чувствовала его, этотъ странный взглядъ. Онъ холодилъ въ ней кровь, онъ нестерпимую болью щемилъ въ сердцѣ. «Не молитъ васъ, не унижаться передъ вами, пришелъ я сюда.... Нѣтъ!... Я пришелъ за честнымъ, яснымъ, опредѣленнымъ отвѣтомъ», вспомнила она слова барона и, какъ живой, казалось ей, стоитъ онъ передъ нею, блѣдный, какъ смерть, Нѣтъ!... Это не Вася смотрѣлъ на нее.... Это онъ, баронъ.... Это его стальной, холодный взглядъ такъ сжималъ въ ней сердце, такъ душилъ ее за самое горло.

— Ната, что съ тобою?... Ты блѣдна, какъ полотно! тихо сжимая ее холодную, какъ ледъ, руку, тревожно обратился князь. Вася смѣшался.

— Не надо ль одеклона вамъ, Наташа? предложила Вѣра Павловна.

— О нѣтъ, нѣтъ! спазматически вздохнувъ, съ трудомъ проговорила княгиня. — Это такъ, это ничего, — и еще разъ вздохнувъ, она обвела столовую слабыми, мутными глазами.

— Ваше сіятельство! громко у порога проговорилъ лакей.

— Что тебѣ? вздрогнувъ, отозвался князь.

— Г. губернаторъ прислалъ за вами. Приказалъ доложить, что сегодня ожидаютъ въ комитетѣ г. генераль-губернатора.

— Ахъ, Боже мой, что же мнѣ дѣлать?!

— Ужъ не дать ли знать, что боленъ?

— Что ты, Александръ!

— Но если тебѣ такъ дурно, Ната?

— Мнѣ.... вовсе не такъ дурно.... Со мною Вѣра Павловна.... Вася.... Поѣзжай, Александръ, — и она напряженно улыбнулась ему.

Тихо.... Такъ тихо было въ будуарѣ, что и малѣйшій шорохъ даже смутилъ бы насъ, если бъ были мы въ немъ въ тѣ минуты.... Козетка «aux pieds de ma belle», расположенная въ его центрѣ, точно тонула въ блѣдно-голубомъ сіяніи слабо мерцавшихъ надъ нею свѣтовыхъ потоковъ.... Опершись обнаженнымъ локтемъ объ отлогую, низкую спинку козетки, не то робко вду-

мывалась въ себя, не то грустила княгиня. Охвативъ ей спину и плечи своею черною, какъ смоль, волною, до самаго ковра, точно нѣжилась ея роскошная коса... Слабо, чуть-чуть примѣтно колебля складки бѣлаго пенюара, ровно, медленно дышала, утомленная живыми и глубокими впечатлѣніями грудь.... Широкими тѣнями дожились рѣсницы на матово-блѣдномъ лицѣ слегка запрокинутой головы. Вася теперь, еще болѣе встревоженный, чѣмъ тогда, въ первыя минуты своего безсознательнаго страха, будто замеръ на скамьѣ у изголовья: съ такимъ напряженнымъ, лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за малѣйшею переменною въ ея лицѣ.... Какъ часы, тянулись минуты.... Все тою же, равнодушною ко всему окружающему, далекою отъ него, какъ и отъ Вѣры Павловны, грустью, дышала она.... И съ каждою новою минутою, все глубже, все живѣе овладѣвало имъ холодное, жуткое чувство неопредѣленнаго страха: передъ чѣмъ-то, что вотъ-вотъ, съ мига на мигъ, опять съ новою силою готово было разразиться надъ нею. Онъ теперь забылъ овою обиду. Онъ былъ весь одна мысль,—мысль о своей виновности въ этомъ настроеніи княгини, и такъ много бы далъ, такъ многимъ бы пожертвовалъ, лишь бы согнать съ ея лица тяжелую, гнетущую мысль, лишь бы оживилась она своею безопасно игривою улыбкою.

— Ахъ! вздохнувъ, глухо проговорила княгиня.

Вѣра Павловна тревожно слѣдила за нею.

— И зачѣмъ, зачѣмъ это я тогда же не забыла, не простила ему?!... Зачѣмъ допустила пріѣхать въ Щебринку?... Зачѣмъ?!... Нѣтъ!... Я все шла и шла, все играла, все смѣялась, и до настоящей минуты не могу понять, что такъ кружило голову, такъ увлекало, такъ пріятно было мнѣ во всемъ этомъ?... И неужели?!... и княгиня встала, выпрямилась.—Но, нѣтъ!... Кому жъ изъ насъ могла придти въ голову страшная мысль?... Кто бы могъ подумать, что этотъ гордый, холодный, избалованный счастіемъ человѣкъ рѣшится.... И какъ это дико, какъ малодушно, какъ не похоже на него!... О, нѣтъ, нѣтъ!... Зачѣмъ объ этомъ думать? первно стиснувъ руки, лихорадочно перебила она самое себя.

— Перестанешь ли ты мучить себя, Наташа?... Ну и пусть, пусть онъ умеръ за тебя.... Умеръ любя, умеръ съ отрадой!... Такая смерть не смерть, а наслажденіе!... И я.... если бъ только жизнью моею могъ дать тебѣ счастье, я бъ умеръ тихо, умеръ сладостно, покорно, тебя одну любя, тебя одну благословляя!

сосредоточивъ на княгинѣ свой взглядъ, взволнованно высказался блѣдный Вася.

— Какъ онъ славный мальчикъ, Вѣра Павловна! смущенно прошептала княгиня и, всыхнувъ, поцѣловала его.

Глава XIII.

Петръ Игнатьевичъ никогда не зналъ семьи. Отецъ его, Игнатій Захаровичъ Коваленко, одинъ изъ крупныхъ помѣщиковъ Черниговской губерніи, умеръ, когда ему, Петру Игнатьевичу, было всего четыре года. Мать.... да и была ли у него когда-нибудь мать?... Онъ смутно помнилъ какую-то высокую, худощавую, всегда цвѣтисто и пышно одѣтую брюнетку.... У нея былъ предлинный носъ и тонкія, до неприятнаго тонкія губы.... Она говорила какъ-то сжато, холодно, отставляя слово отъ слова, и никогда не бывала у него болѣе десяти минутъ. Когда ему говорили, что пріѣхала и ожидаетъ въ пріемной мать — ее почему-то всѣ въ корпусѣ называли его матерью, эту холодную, важную, такъ чопорно говорившую даму, — у него бывало всегда такъ отчетливо содрогнется, ёкнетъ сердце, какъ будто чего-то испугается оно. Какъ-то разъ, на Петровъ день она привезла ему большую коробку конфетъ и даже спросила, — доволенъ ли онъ и хорошо ли ихъ кормить.... Это показалось ему страннымъ.... Вѣдь онъ и не подозревалъ, что есть еще и другіе корпуса, и что въ нихъ лучше кормить, чѣмъ въ этомъ, въ которомъ онъ какъ будто бы родился, живетъ и вѣчно будетъ жить. Она уѣхала. Онъ всѣ свои конфеты роздалъ товарищамъ, и ему стало такъ весело.... Но больше она уже не пріѣзжала и онъ ее, эту чопорную, пошлаую даму, ни разу съ той поры не видалъ.... Да вскорѣ и совсѣмъ забылъ объ ней, объ этой дамѣ.... Только она не была ему матерью и онъ рѣшительно не могъ понять, почему ее такъ звали. Вѣдь онъ же зналъ, что мать это нѣчто совсѣмъ иное. Вотъ у другихъ его товарищей дѣйствительно были матери. Онъ ихъ всегда обнимали, цѣловали, всматривались въ нихъ, такъ подолгу спрашивали, ласкали, брали къ себѣ, всякій разъ что-нибудь привозили съ собою, даже о чемъ-то иногда плакали вмѣстѣ. Однажды онъ рѣшился высказать свои сомнѣнія дежурному дядькѣ. Дядька почему-то разсмѣялся и сталъ ему доказывать, что эта высокая, черная дама ему

мать. Онъ не повѣрилъ дядькѣ, и тутъ же, не долго раздумывая, рѣшилъ, что у него нѣтъ, да даже и никогда не было матери. «Однако же, одумался онъ, когда уже сталъ на возрастѣ,—вѣдь не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, родиться отъ одного отца?... Стало, была и мать», дошелъ онъ, но только опять таки никакъ не хотѣлъ согласиться съ дядей, роднымъ братомъ отца, Иваномъ Захаровичемъ, что та дама, что привозила конфеты, была ему матерью. Онъ еще узналъ, что вышла она замужъ и съ новымъ мужемъ уѣхала куда-то, очень далеко, такъ далеко, что даже письма не ходить!... А потому ничего и не пишетъ ни ему, ни объ немъ.... Дядю онъ помнилъ. Это былъ высокій, широкоплечій, здоровый мужчина. У него усы стояли дыбомъ и говорилъ онъ басомъ. Какъ-то разъ дядя преобольно отодралъ его за оба уха за то, что онъ разбилъ у него двѣ маленькія вѣсь въ цвѣтахъ и вавихъ-то фигурахъ чашки, что стояли у него въ гостинной на горкѣ, и даже съ этихъ поръ пересталъ его брать къ себѣ.... Да и былъ-то онъ у него не болѣе двухъ, трехъ разъ. Когда его произвели въ корнеты, этотъ самый дядя объявилъ ему, что у него, Петра, отъ отца есть значительное имѣніе въ Черниговской губерніи и что онъ есть законный опекунъ, какъ надъ нимъ, такъ и надъ этимъ имѣніемъ.... Онъ поступилъ въ Блястицкій гусарскій полкъ. Корпусная жизнь заодно съ младенчествомъ отошла, обособилась, замкнулась въ міръ воспоминаній, міръ, то рельефный, какъ живой образъ, образъ говорливый, шумный, и веселый, и безпечный, и стройный, и красивый, образъ сотоварищей кадетовъ, то блѣдный, тусклый, какъ тѣни сна, какъ угрюмый дядя съ его дыбомъ торчащими усами, какъ худошавая, холодная, и чопорная, и молчаливая брюнетка-дама.... И надъ всѣмъ этимъ съ особеннымъ освѣщеніемъ поднялась, очертилась, безсмертная въ немъ, стройная, молодцоватая фигура сѣдаго, какъ лунь, отставнаго унтеръ-офицера-дядьки, Авдѣенко.... Зачастую, то въ крѣпкомъ, спокойномъ снѣ, то въ минуты раздумья обо всемъ и ни о чемъ, оживлялся онъ передъ нимъ.... И тихо пошевеливая своими густыми, широкими, весь ротъ покрывавшими усами, точно пронизывая его мелькающимъ изъ-подъ нависшихъ бровей взглядомъ быстрыхъ, светло-сѣрыхъ глазъ, опять ворчалъ, опять настаивалъ, опять повторялъ, что онъ, Петръ Боваленко, ему только номеръ, точь въ точь такой же номеръ, какъ и всѣ остальные номера, а если и отличаетъ его иногда, то лишь за исполнительность, лишь за

аккуратность.... И Коваленко все глубже и глубже сознавалъ, что онъ номеръ, что онъ единица, совершенно равная всѣмъ остальнымъ товарищамъ-единицамъ, и что исполнтельность вовсе не заслуга, а только долгъ. И это убѣжденіе до того вкоренилось въ Петра Игнатьевича, что онъ оскорбился бы за самого себя, если бы позволилъ себѣ чѣмъ-нибудь выдѣлиться изъ толпы товарищей офицеровъ. Онъ любилъ просторъ, любилъ большія и свѣтлыя комнаты, любилъ и могъ жить по своимъ средствамъ несравненно шире ихъ, но никогда не позволялъ себѣ ни только роскоши, но даже и бросающагося въ глаза избытка. «Положимъ я бы и могъ,—разсуждалъ онъ не рѣдко,—но это обратило бы на меня общее вниманіе, это заставило бы обо мнѣ говорить.» И при одной этой мысли ему становилось такъ неловко, что онъ съ какою-то лихорадочною поспѣшностью скрывался отъ преслѣдовавшихъ его въ тѣ минуты желаній. «Да и развѣ, по разуму, не все равно: буду ли я жить въ одной комнатѣ, или въ нѣсколькихъ, когда въ ней чисто, свѣтло и уютно; буду ли сытъ отъ четырехъ блюдъ, или отъ двухъ?!.. И при томъ я для службы, а не служба для меня.... Стало, я долженъ жить такъ, какъ всѣ живутъ, ибо, если выдѣлюсь, раздражу, а раздраживъ, нарушу столь необходимую для успѣха дѣла простоту отношеній, совершенно равныхъ другъ другу офицеровъ-товарищей.... Хотя, быть можетъ, это и странно, но по разуму это такъ, непремѣнно такъ, ибо человѣкъ ревнивѣйшее изъ животныхъ въ мірѣ». Но теперь Петръ Игнатьевичъ былъ человѣкъ совершенно свободный, несвязанный никакимъ долгомъ, никакими служебными соотношеніями, и онъ впервые далъ себѣ волю, впервые окружилъ себя обстановкою, такъ сильно привлекавшею его отъ самыхъ первыхъ дней взрослой жизни. Онъ одинъ занималъ весь бель-этажъ своего бѣлаго каменнаго дома, что такъ привѣтливо высматривалъ въ Трубный переулокъ большими семью окнами.... Петръ Игнатьевичъ, какъ мы уже знаемъ его, былъ человѣкъ бодрый, веселый, сдержанный, умѣренный и скромный. Онъ никогда не терпѣлъ нужды, точно также какъ никогда не допустилъ бы ни роскоши, ни излишества. Два дубовыхъ стула, столикъ, небольшое зеркало въ рамкѣ подъ дубъ составляли обстановку довольно просторной, сѣраго-кирпича обоями олеенной передней. Чистъ и свѣтелъ, до блеска всегда старательно натертый большаго бѣлаго зала простой крашенный полъ. Два ломберныхъ, краснаго дерева, съ рѣзбою по краямъ, стола въ

простѣнкахъ, и вправо, и влѣво отъ нихъ на точномъ, будто намѣренномъ, разстояніи, краснаго же дерева небольшіе стулья.... Двѣ лампы другъ противъ друга на стѣнахъ.... Четыре свѣчи въ массивныхъ, бронзовыхъ подсвѣчникахъ.... И все это точно только-что взято изъ магазиновъ.... Отъ порога передней чрезъ залъ въ гостинную вбѣгала узкая, сотканная изъ темнозеленыхъ и черныхъ полосъ, шерстяная, ковровая дорожка.... Тутъ, у втораго отъ стола, передъ диваномъ, большаго, краснаго дерева, работы Шмидта, кресла, она дѣлала свой поворотъ, и совершенно исчезала за закрытыми дверями кабинета Петра Игнатьевича. Диванъ краснаго же дерева съ рѣзными, переплетенными подъ нимъ ножками, круглый столъ, два кресла, нѣсколько мягкихъ стульевъ темно-шоколаднаго отлива шерстяной обивки, все въ томъ же точномъ порядкѣ, будто на дежурствѣ, будто передъ праздникомъ, наполняли большую, блѣдно-шоколаднаго фона гостинную. Надъ диваномъ, въ массивной, бронзированной рамкѣ средняго формата портретъ нынѣ царствующаго Государя. Противъ, на шерстяной по черному фону вѣхъ цвѣтовъ скатертъ, покрывавшей столъ, лампа; свѣчи; рѣзной работы серебряный стаканъ съ папиросами, спичечница въ формѣ пушки; да большая, палевая съ темно-красными въ глубинѣ изгибами пепельница. Шерстяной, чернаго фона съ собакою и охотникомъ коверъ подъ столомъ.... Цвѣты у оконъ, цвѣты по угламъ....

Порядокъ.... Стройный, отчетливый порядокъ всегда составлялъ господствующую стихію въ жизни Петра Игнатьевича. На все своей часъ, своя минута. Онъ вставалъ въ 8. Къ 9 выпивалъ стаканъ кофе и, медленно потягивая изъ длиннаго чубука клубистый дымъ табаку Бостанджогло, приводилъ въ ясность все, что сказалъ и дѣлалъ, что ощутилъ и надумалъ за истекшій день. Это было дѣломъ первой важности, ибо ложное начало всегда даетъ ложныя послѣдствія!...

«И по разуму всякій человекъ, если онъ, паче чаянія, проврался въ понедѣльникъ, долженъ возстановить себя во вторникъ, чтобы совсѣмъ не изовратиться и не сдѣлаться потомъ и смѣшнымъ, и жалкимъ въ своихъ же собственныхъ глазахъ!»

Ровно въ 9 онъ растворялъ двери кабинета настѣжъ и выходилъ въ гостинную, гдѣ, закуривъ тоненькую папиросу Лаферма и съ истиннымъ наслажденіемъ втягивая въ себя поздырями своего маленькаго, вздернутаго и прищелкнутаго, на подобіе круглой точки, носа струю за струею свѣжаго 15-ти гра-

дусной температуры воздуха, прогуливался отъ порога кабинета до порога гостиной, ровно столько времени, сколько нужно было, чтобъ выкурить папиросу. Затѣмъ возвращался въ кабинетъ, снова плотно закрывалъ двери, какъ будто опасался, что кто-нибудь подсмотреть за нимъ изъ этихъ комнатъ, или потеряются его мысли въ ихъ просторѣ... садился за письменный столъ, безъ малѣйшаго шума отворялъ центральный ящикъ и, съ особенною осторожностью вынувъ изъ него тетрадку въ формѣ четвертушки листа, въ совершенномъ затишьи сосредоточивался надъ послѣдними ея страницами... Въ это время онъ то щурился, то усиленно мигалъ, то приподнималъ высоко надъ головою указательный палецъ и громко восклицалъ: «О!» Потомъ осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ перо, дабы съ первыхъ же строкъ не посадить столь ненавистнаго ему клякса, медленно опускалъ его въ чернильницу... Перо начинало двигаться, и съ каждою новою строкою все болѣе и болѣе оживлялся Петръ Игнатьевичъ. Окончивъ, иногда въ 10, а иногда даже и въ 11, онъ отпраивался пройти по Тверокому бульвару. Возвратившись, читалъ, и притомъ непременно по выбору, непременно то, что наиболѣе могло отвѣчать волновавшимъ его разумъ въ это утро запросамъ. Въ два обѣдалъ; послѣ обѣда слегка дремалъ; отъ строки до строки прочитывалъ газету; потомъ вечеромъ шелъ или въ театръ, или въ концертъ или же къ добрымъ, неодурманеннымъ никакимъ особымъ чапаніемъ, знакомымъ.

Г л а в а X J Y .

— Ку-ку!... Ку-ку!... Ку-ку! межъ оконъ, въ гостиной, за цвѣтами ровно девять разъ прокуковала Боваленковская кукушка, и вмѣстѣ съ послѣднимъ ку-ку, широко распахнулись двери кабинета. Петръ Игнатьевичъ, потирая рука объ руку, бодро вышелъ въ гостинную, взялъ спичку, рѣзко черкнулъ ею о бортъ пушки-снѣчечницы и, закуривъ папиросу, легкими, едва слышными шагами направился въ залъ. Сверхъ генеральскихъ рейтузъ на немъ былъ надѣтъ въ формѣ гусарской венгерки темносѣраго, легкаго драпа съ широкими малиноваго шелка отворотами полухалатъ, внимательно застегнутый на всѣ пуговицы. Черный, атласный съ языкомъ галстухъ плотно стягивалъ его сухую, короткую, жилистую шею. Гладко, точно подобранные другъ къ

другу старательною рукою, лежали на головѣ его черные, густые, съ легкой просѣдью волоса; въ чуть примѣтныя кольца гнулись маленькіе, черные усы. Но, не смотря на всю, столь обыденную въ Петрѣ Игнатьевичѣ заботливость и о своемъ костюмѣ и о своей виѣшности, въ немъ, по первому же взгляду, нельзя было не замѣтить въ это утро какой-то особенной, лихорадочной суетливости, съ которою онъ то вдругъ и круто, безъ всякой видимой причины, измѣнялъ принятому направленію; то, какъ бы досадуя, на что-то морщась, смотрѣлъ чрезъ окно на лѣниво перепархивавшіе крупные снѣжные хлопья, то, какъ бы раздраженный самъ собою, своимъ настроеніемъ, своими навязчивыми, докучливыми думами, отчетливо, рѣзко звякалъ шпорою о шпору.

— Сидоренко! громко позвалъ онъ, останавливаясь по срединѣ кабинета.... Дверь скрипнула, и въ тотъ же мигъ у порога отчетливо обрисовалась средняго роста, широкоплечая, еще бодрая, но уже очень и очень пожилая, смуглая, строгаго профиля, съ черными, живыми, точно перебѣгающими глазами, съ орлинымъ носомъ, съ густою шапкою, будто сбитыхъ, слезжавшихся, нерасчесанныхъ волосъ, и стоявшими упругою щетиною усами, фигура человѣка, одѣтаго въ потертый, черный сюртукъ и темносиній съ металлическими пуговицами жилетъ. Онъ стоялъ, слегка откинувъ голову, грудью впередъ, руки пошвамъ....

— Сидоренко!

— Чего извольте, ваше превосходительство? не сводя глазъ съ лица Петра Игнатьевича, еще напряженнѣе вытянулся тотъ.

— Андреевъ еще не вернулся?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

— Гм!... Странно, сквозь зубы сообразилъ Коваленко.

— Точно такъ, ваше превосходительство! со всѣмъ усердіемъ мигнулъ на него Сидоренко.

— А когда онъ поѣхалъ? сощурился на Сидоренко Петрѣ Игнатьевичъ.

— Вчера! Съ восходомъ солнца, ваше превосходительство!

Петрѣ Игнатьевичъ задумался. Онъ, видимо, что-то соображалъ. Сидоренко, казалось, боялся дышать: съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за малѣйшею переминою въ его лицѣ....

— Набей трубку! самого себя прервалъ Петрѣ Игнатьевичъ и, звякнувъ шпорою о шпору, быстро подошелъ къ письменному столу.

— Слушаю-сь! уже за порогомъ пробасилъ Сидоренко.

Петръ Игнатьевичъ плотно закрылъ двери въ гостинную и, медленно опустившись на стулъ съ высокою спинкою передъ письменнымъ столомъ, задумался опять. Его лице непрерывно измѣняло свое выраженіе. Оно то собиралось въ одну общую складку изъ безчисленнаго множества морщинистыхъ складокъ, то опять разглаживалось и живые глаза его, будто чего-то ища, суетливо, точно въ лихорадкѣ, перебѣгая съ предмета на предметъ большаго, зеленымъ сукномъ обитаго письменнаго стола, то минутно останавливались надъ кабинетнымъ портретомъ дамы-брюнетки съ строгимъ, холоднымъ профилемъ, то усиленно мигая, искрились надъ другимъ, того же формата, портретомъ блондинки съ мягкими, неправильными чертами лица, и симпатичною, добродушно-насмѣшливою улыбкою.... Надъ столомъ въ бронзированной рамкѣ, масляными красками портретъ Императора Николая.... По правой стѣнѣ стройнымъ рядомъ, соприкасаясь другъ къ другу, тянулись неполированнаго орѣха шкафы.... Въ нихъ—Гегель, Кантъ, Бокль, Вундтъ, Дарвинъ, Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Некрасовъ, Тургеневъ, Достоевскій занимали самыя видныя мѣста въ массѣ сплоченными рядами наполнявшихъ книгъ другихъ, менѣе чтимыхъ Коваленко, философовъ и литераторовъ, и всевозможныхъ періодическихъ изданій. У противоположной стѣны передъ столомъ, покрытымъ рисунками, газетами и журналами, диванъ и два спокойныхъ, мягкихъ кресла.... Сидоренко подалъ трубку и, поднявшись на носки сапогъ, неслышно вышелъ изъ кабинета.

Петръ Игнатьевичъ сощурился, крикнулъ, провелъ рукою по глазамъ и, торопливо отомкнувъ средній ящикъ стола, бережно досталъ изъ него тетрадку. На верхней ея страницѣ мелкими, точно бисеръ нанизанными другъ на друга буквами твердаго, красиваго почерка, между широкихъ полей, рельефно выступала надпись: *«Что я, Петръ Коваленко, за мысль въ сферѣ совершенно равныхъ мнѣ по образу и подобію мыслей?»*

Онъ медленно открылъ слѣдующую страницу и, какъ бы самъ стараясь глубже проникнуть въ смыслъ сдѣланной имъ же самимъ на ней надписи, внятно, громко прочелъ:

«Человѣкъ разумный никогда не долженъ разбрасываться въ своихъ желаньяхъ, ни сомнѣваться въ себѣ и, тѣмъ паче, въ своемъ призваніи, а идти твердо, идти смѣло, неуклонно по развѣ созданной тропѣ назначенія!... Пусть его индивидуальная мысль

теряется, какъ капля въ морѣ, какъ атомъ во вселенной, и все-таки онъ единица несомнѣнно самостоятельная, ибо, если бы не было атома, не было бы и вселенной!»

— О! пустивъ стрѣдою въ воздухъ указательный палецъ и вслѣдъ затѣмъ отчетливо стукнувъ кулакомъ по столу, оживился, выпрямился, какъ будто разомъ, однимъ мигомъ, поднялся теперь Петръ Игнатьевичъ надъ чѣмъ-то, что и досаждало, и раздражало, и волновало его въ тѣ минуты.

— И, въ самомъ дѣлѣ, что тутъ особенно важнаго въ томъ, что я не сподобился поправиться какой-нибудь Марьѣ Федоровнѣ или не угодилъ Петру Андреевичу?!.. Вѣдь я жъ отъ этого не сталъ ниже того, что есть, чѣмъ былъ и буду!» вслухъ сообразилъ онъ. «Попробуй, Петръ Игнатьевичъ!.. Дай-ка только волю этой глупой особѣ, такъ она такъ забываетъ, что заглушить даже и доводы разума.... Но въ томъ и задача человѣка, чтобъ силою воли, разсудкомъ покорять въ себѣ движенія незначущія движенія, дѣйствительно имѣющимъ и смыслъ, и цѣль, и значеніе!—Но развѣ ты, Петръ Коваленко, совершенно тотъ же сегодня, что былъ вчера или нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ тому назадъ?... Нѣтъ!... Да этого не можетъ допустить и разумъ!... Я,—животное впечатлительное, стало и животное зависимое.... Во мнѣ, какъ и во всякомъ другомъ, могутъ нарождаться и дѣйствительно нарождаются желанія и запросы, но это нисколько не измѣняетъ индивидуальнаго моего строя, ничуть не ослабляетъ врожденной мнѣ мысли.... Она все та же!... Смѣлая, устойчивая, открытая, преданная своему дѣлу, какъ бы это дѣло ни было мало. И во мнѣ были порывы, и есть, и будутъ.... Были, будутъ и сомнѣнія! Но, я борюсь съ ними, я покоряю, а мысль съ каждою побѣдою оживаетъ, крѣпнеть! Въ этой-то борьбѣ и заключается высочайшая тайна природы и весь интересъ человѣческихъ соотношеній!...» опять вслухъ заключилъ Коваленко и, быстро перелиставъ нѣсколько страницъ, сощурился надъ одною изъ ближайшихъ къ началу тетради, съ надписью курсивомъ съ боку листа: «Какъ сказана она во мнѣ при особыхъ условіяхъ, лѣта 186* года.»

Щебринка, 20 іюня.

«Четвертый день, какъ я приѣхалъ въ Щебринку. Первое лѣто въ жизни провожу въ деревнѣ. Книгъ съ собою не бралъ, чтобы не отвлекаться. Газету получаю и прочитываю. Раздра-

жаюсь!.. По правдѣ, когда это, наконецъ, человѣкъ на столько очухается, что перестанетъ форму предпочитать мысли, чувственные движенія, да еще своекорыстныя, грубоживотныя—задачами мировыхъ идей?!.. Погода стоитъ теплая, свѣтлая, ровная... Все благопріятствуетъ доброму расположенію... Всегда сохраню наилучшее воспоминаніе.... Но, ни что: ни вечерняя прохлада гордой дубравы, ни лазоревая ширь ярко блестящаго миллиардами звѣздъ неба, ни тихій, пріятный ароматъ душистаго сѣна съ поляны, ни что не можетъ отвлечь меня отъ господствующей во мнѣ мысли! Такъ всегда!.. Никогда не забывался и никогда не забудусь, какъ бы ни было мнѣ пріятно чувственно... Природа природой, люди людьми, а Петръ Коваленко — Петромъ Коваленко!.. Такъ по разуму!.. Стало, такъ должно быть и даже не можетъ быть иначе!.. Опять наблюдаю человѣка... Въ его борьбѣ, сомнѣніяхъ и устойчивыхъ понятіяхъ... Опять пытаюсь постигнуть природу въ ея тайныхъ запросахъ, въ ея неумолимыхъ требованіяхъ къ человѣку... Впрочемъ... не мыслью, какъ прежде, не холоднымъ, сухимъ анализомъ положеній и противоположеній того или другаго авторитета науки, а живымъ, непосредственнымъ чувствомъ. Никогда не изгладятся изъ памяти моей сегодняшнія впечатлѣнія. Утромъ была сильная гроза; рвала, метала буря; точно ручьями орошала землю обильный, крупный дождь... Вечерняя прохлада, дыша особеннымъ ароматомъ, кружила голову, наполняла грудь мою давно забытымъ ощущеньемъ какого-то сладостнаго трепета. Мнѣ невыразимо захотѣлось быть наединѣ съ самимъ собою. Терпѣть не могу чувствовать другихъ соглядатаями моего настроенія. Извинившись утомленіемъ, я, никѣмъ не замѣченный, боковыми аллеями сада пробрался до берега Москвы-рѣки. Тихо несла она свои серебряныя воды... Вдали журчала ручеекъ. Въ болотахъ по берегамъ хоромъ квакали лягушки... На деревнѣ глухо лаяла домашняя собака... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, будто въ нервномъ трепетѣ, дрожала одинокій кустикъ... Впереди, за мостомъ серебрилась дубрава... Я все шелъ и шелъ, не отдавая себѣ даже отчета, что такую непреодолимую силу волекло меня все дальше и дальше... Убѣгая въ темную дубраву, все въ гору и въ гору свѣтовою змѣйкою извивалась подъ ногами моими узкая, проселочная дорожка... Не помню и теперь, какъ добрелъ я до дубравы... Могучими тѣнями, то на крестъ другъ съ другомъ, то въ разсыпную стелились по залитой луннымъ свѣтомъ

лужайгѣ дубы-великаны... Я съгъ на первый попавшійся мнѣ пенъ и... вздохнулъ... Вздохнулъ во всю ширь, во всю грудь... Мнѣ казалось въ тѣ минуты, что опять я двадцати лѣтъ: такъ гордо, и легко, и свободно вздымалась моя грудь... Я какъ будто чувствовалъ себя живою частицею этого единого, прекраснаго цѣлаго, я сообщался съ нимъ, я жилъ съ нимъ одною жизнью... Я бы посмѣялся надъ человѣкомъ, который хотя бы слабымъ намекомъ далъ мнѣ почувствовать, что я уже не тотъ, что былъ, и что придетъ пора, когда замрутъ во мнѣ эти отрадные ощущенія!.. Вѣдь это все, все, что окружало меня, развѣ не дѣйствительная, не вполне осязаемая форма безсмертнаго, нетлѣннаго, божественнаго начала?.. И развѣ я самъ не чувствовалъ его въ себѣ этого начала, не составлялъ съ нимъ единого, нераздѣльнаго цѣлаго?.. Да!.. И тысячу разъ да!.. Составлялъ, составляю и, вѣрую, вѣчно буду составлять!.. Я—атомъ!.. Только атомъ, но атомъ живой, активный, самостоятельный... Я могу измѣнить свою форму, какъ человѣкъ изъ дня въ день мѣняетъ свой нарядъ, какъ сама природа по четыремъ смѣнамъ свой видъ, но во мнѣ безсмертно движеніе отовсюду дышащей на меня, во всемъ воплощенной, божественной мысли! Я забылся... Я весь былъ въ тѣ минуты сладостное чувство безотчетной грусти... Я какъ бы сообщался съ природой и, сообщаясь, предощущалъ въ ней нетлѣнныя наслажденія иной лучшей жизни человѣка»

Петръ Игнатьевичъ тихо, безъ малѣйшаго шелеста, открылъ слѣдовавшія страницы....

24 июня.

Мнѣ полюбилась дубрава.... Не одинъ уже часъ провелъ я въ ней. Но никому даже и въ голову не приходитъ, что я когда либо былъ тамъ. Это моя маленькая странность!.. Мнѣ рѣшительно все равно, что подумаютъ обо мнѣ, Петръ Коваленко, по этому поводу Щебринскіе люди, но мнѣ было бы крайне тяжело, если бы кто либо изъ нихъ, объяснивъ мое поведеніе по своему, оскорбилъ бы мысль мою, ея отрадное во мнѣ движеніе, неумѣстною шуткою. Долженъ быть очень глупъ человѣкъ, оскорбляющійся острою или усмѣшкою, направленными на его внѣшность, на физическую его стихію, но онъ совсѣмъ истуканъ, человѣкъ, вовсе неимѣющій нравственнаго образа, если не содрогнется, не воспрянетъ и не защититъ себя въ томъ случаѣ,

когда кто либо рѣшится легкомысленно отнестись къ его нравственной стихіи, ко всему, чему онъ всю жизнь поклонялся, какъ разумному, честному и правдивому!... Словомъ, во всю мою жизнь и ни единого разу не предъявилъ я ни одному индюку ничего краснаго, ибо мнѣ вовсе не забавенъ его глупый азартъ!...

Тамъ.... въ дубравѣ.... сколько разъ уже пронеслась передо мною въ живыхъ образахъ моя прошлая жизнь!... Я не зналъ отца, не зналъ ласки матери!... И Богъ съ нею!... Никогда не признавалъ и никогда не признаю ее матерью!... Быть можетъ, впрочемъ, она сдѣлала лучше.... Суровая школа дала мнѣ крѣпкую волю, совершенно равнодушное ко мнѣ отношеніе окружающихъ разъ навсегда застраховало меня отъ страданій разочарованія.... Меня никто не любилъ, кромѣ.... блаженна память!... Зачѣмъ, однако, жизнь такъ много дала ей несчастій, такъ несвоевременно положила предѣлъ ея существованію?.. Она достойна была лучшей доли!... И теперь не могу равнодушно вспомнить ея мужа!... Онъ, кажется, еще отъ колыбели забылъ, что рожденъ человѣкомъ!... А развѣ мало такихъ людей?!.. И все-таки нѣтъ мѣста ропоту!... Природа непостижима въ своихъ дѣлахъ.... И онъ все-таки мысль!... Онъ смѣялся надъ всѣмъ, что свято, честно и правдиво, но гибелью своею развѣ не достаточно подтвердилъ ненарушимость Божественныхъ законовъ на землѣ? И она понимала это, она не роптала!... Никогда еще въ жизни не оживлялась она передо мною такъ отчетливо, какъ тамъ... въ дубравѣ!... Въ сладостно-грустномъ чувствѣ тоски непонятной я какъ бы ощущалъ ее возлѣ себя, опять тихо бесѣдовалъ съ нею, опять видѣлъ предъ собою.... И любящая, и сдержанная, и энергическая, и уступчивая, все съ тою же добродушно насмѣшливою улыбкою на губахъ.... Какъ и въ тѣ.... свѣтлые, лучшіе дни одинокой жизни моей!... Блаженна память!... До конца дней своихъ осталась она вѣрна удѣлу своему!... Среди всѣхъ несчастій, подъ градомъ попрековъ и насмѣшекъ, безъ малѣйшаго ропота, безъ осужденія провела она за собою на свою честную, прямую, открытую дорогу и дочь, и сына своего!... Несокрушимою энергіею въ борьбѣ съ нуждою и оскорбленіями, насмѣливо добродушнымъ отношеніемъ къ окружавшимъ ее бессмысленнымъ порывамъ, сказала въ ней ея чудная мысль!...» «Блаженна память!...» едва слышно прошепталъ Петръ Игнатьевичъ.... Вздохнулъ, откинулся и, скрестивъ руки на груди,

усиленно замигалъ на портретъ блондинки.... Содрогнулись рѣсницы, болѣзненно, точно схваченная внезапною судорогою, стиснулись челюсти, увлажнились морщинистыя щеки, на усахъ.... сверкнули слезы....

— Стыдно! самого себя упрекнулъ и въ тотъ же мигъ закрылъ лице рукою....

— Бу-ку, ку-ку, ку-ку.—За закрытыми дверями, слабо, глухо, ровно десять разъ прокуковала кукушка.... Петръ Игнатьевичъ крикнулъ, отвелъ руку, смутно, осмотрѣлся. У кресла на полу лежалъ опрокинутый чубукъ....

— Сидоренко! осторожно поднимая съ пола чубукъ, крикнулъ онъ, и опять тихо скрипнула дверь, опять у порога очертилась смуглая фигура.

— Возьми! не оборачиваясь, приказалъ Петръ Игнатьевичъ, и снова перевернулъ листъ по порядку....

25 июня.

— А вѣдь и по правдѣ они убѣждены, что вся моя жизнь проходить въ томъ, что я ѣмъ, пью, сплю, ловлю рыбу и читаю газету.... Чудной народъ!... Что жъ?!.. Я съ своей стороны нахожу, что такая постановка не бесполезна.... Я даже былъ бы весьма радъ, если бы и впредь они смотрѣли на меня съ тѣмъ небрежнымъ, снисходительнымъ полувниманіемъ, съ какимъ по разъ заведенному порядку существа высшія смотрятъ на существо низшее!... Человѣкъ — плутъ!... Едва только подмѣтитъ, что за нимъ слѣдятъ, сейчасъ же спрячется, съжмется, и только и думаетъ уже о томъ, какъ бы ему поднадуть насчетъ себя и своего!...

А, между тѣмъ, они начинаютъ интересоваться мною!... Каждый изъ нихъ особенная, характерная и даже довольно ярко освѣщенная мысль!... Въ особенности Вѣра Павловна!... Въ ея глазахъ то же выраженіе, что въ улыбкѣ покойной Зинаиды, а голосъ до того схожъ, что я даже ухожу иногда: до такой степени живо напоминаетъ онъ мнѣ ее!... Точно бархатный!... Такъ и густъ, и мягокъ, и сдержанъ!... Я узналъ, что всякое утро такъ радуется ея на деревнѣ... Бѣдняговъ и сиротъ надѣляетъ она всѣмъ, что можетъ отъ себя оторвать!... Поддержи ее Богъ въ ея честномъ дѣлѣ!... Мнѣ нерѣдко хотѣлось бы заговорить съ нею, но что-то сдерживаетъ меня.... И отрадно мнѣ это желаніе,

и почему-то страшно осуществить его!... Она понимает меня именно такъ, какъ хотѣлъ бы, чтобъ всѣ меня понимали... человекомъ, никогда и ничего нелюбившимъ, человекомъ совершенно равнодушнымъ ко всему и ко всѣмъ.... Ея мысль—въ поклоненіи природѣ и въ любви къ человеку! Мысль живая, глубоко-прочувствованная, бодрая, смѣлая!... Она можетъ возвыситься въ ней до наслажденій самобытныхъ, наслажденій, независимыхъ ни отъ лица, ни отъ признательности! Повидимому, она всѣмъ сердцемъ привязалась къ свирѣпой дѣвѣ и блѣдному юношѣ. Но.... это только повидимому!... А если такъ думать, то обманываетъ самое себя.... Она полюбила вовсе не ихъ, *а мысль свою въ нихъ!*... Такъ есть, такъ по разуму.... Такая натура можетъ истинно любить только людей, глубоко, сознательно сочувствующихъ душевнымъ ея стремленіямъ!... Если жъ увлечется совершенно чувственно—погибнетъ! А можетъ.... Ея полныя, алмазныя губы дышутъ страстью и.... такъ развита ея грудь....

26 іюня.

Мнѣ сегодня вечеромъ ужасно надоѣла Марья Кондратьевна.... Удивительно глупая баба! Сколько разъ въ жизни, въ кого, когда и при какихъ условіяхъ я былъ влюбленъ?.... Я и такъ, и сякъ, и на всѣ лады.... Нѣтъ!... Хотѣ расписъ, былъ влюбленъ, да и все тутъ, былъ и долженъ рассказать.... А?... Какова персона! Спасибо, Вѣра Павловна выручила!... Принесла ей свѣжую новость, что какой-то семинаристъ вознамѣрился жениться на поповской дочкѣ.... Ну и замолчала, и уши на макушку!... А то вѣдь чуть не за горло!... Вотъ тоже субъектъ!... Всю свою жизнь пила, ѣла, любила, солила, варила, опять пила, ѣла,—да, совсѣмъ забылъ,—спала, и снова любила.... И все еще по сию пору не можетъ забыть, что вывела девять пѣтуховъ и ровно столько же курятъ!... О, заслуга!... Цѣлый птичій дворъ!... «Браманутра, говорю, вы, матушка.... Такъ-таки съ ногъ до головы браманутра!...» И что всего занимательнѣе.... Обидѣлась!... А вѣдь и она мысль!... Хотя бы та, что какъ раскудахтается, такъ подниметъ желчь во всякомъ, мало-мальски развитомъ человекѣ. А вѣдь желчь продуктъ полезный!... Она способствуетъ варенію не только пищи, но и мысли!» «Нехай ее дышать!» усмѣхнулся Петръ Игнатьевичъ, перевертывая страницу.

27 июня.

Надъ Щебриною собираются тучи. Уже чувствуется крайне напряженное общее состояніе. Все волнуется; все чего-то ожидаетъ. Очевидно, лукавая дѣва дурачить.... Но кого?... Князя или барона?... И что за цѣль, и что она за мысль?... Бо всему этому, что-то совершенно мнѣ непонятное развивается между Вѣрою Павловною и Загорскимъ. Положеніе ея въ домѣ становится щекотливымъ.... Неужели чувственное увлеченіе?... Да есть ли послѣ этого въ мірѣ хоть одинъ умный человѣкъ, неспособный на величайшія глупости?! И почему это такъ затрогиваетъ меня?... Какъ будто между мною и ею есть что-нибудь общее?!... Вздоръ, чистѣйшій вздоръ! Это было бы прямо противъ разума! А все-таки странно.... Утромъ съ нимъ, послѣ обѣда съ нимъ, вечеромъ.... опять съ нимъ!... Ужъ не переговорить ли?... О чемъ, ради чего?... Какой дала она мнѣ поводъ?... Что я въ ея жизни?... Ничто, рѣшительно ничто!... И развѣ она виновата, что такъ живо напоминаетъ мнѣ Зинаиду? Развѣ обязана изъ-за этого выслушивать мои совѣты и указанія?!.. Ничуть!...

И обидно, и досадно мнѣ было видѣть князя! Сидитъ, какъ къ смерти приговоренный!... И изъ-за чего же?... Изъ-за того, что лукавая дѣва помазала по губамъ не его, а барона.... Я привыкъ въ немъ уважать человѣка, поставляющаго мысль неизмѣримо выше формы, привыкъ видѣть въ немъ будущаго вліятельнаго дѣятеля, способнаго къ сознательному, твердому исполненію своего къ отечеству долга!... И этотъ-то человѣкъ дохнетъ оттого, что 18-лѣтняя дѣвочка налепила ему носъ!... Да хотя бы десять!... Лиха бѣда!... Если бъ баронъ?!.. Дѣло другое!... Въ немъ это естественно!... Не все ли равно, часомъ раньше или часомъ позже сломать ему шею?... Да это его прямое назначеніе, наконецъ!... Такіе люди лишь и существуютъ для того, чтобы своею гибелью, своими порывами и увлеченіями охранить другихъ отъ той же доли?... А Долинъ? Не всегда ли, не съ того ли дня, какъ сошелся я съ нимъ, признавалъ я его представителемъ мысли честной, прямой, и смѣлой, и открытой.... сознающимъ свое значеніе только въ общемъ и ради общаго!... И что же?!... Если такіе даже люди способны забыть все и вся изъ-за ускользающей изъ ихъ рукъ юбки, что можемъ ожидать, на что еще надѣяться?!... Точно!... И больно, и досадно!... И

когда жъ наконецъ ты, русскій человѣкъ, сознаешь себя, когда поднимешь до гордой высоты гражданина, безкорыстно, неуклонно преданнаго интересамъ своего отечества?!... Я не выдержалъ!... Я сказалъ ему, что онъ ничто, что онъ хуже, чѣмъ ничто!... Язва, общественная язва! — Въ этотъ вечеръ Вѣра Павловна впервые высказалась и широко, и смѣло!... Ея слушая, я испытывалъ истинное наслажденіе.... Она защищала женщину, оправдывала порывъ.... Странное вліяніе производилъ на меня ея голосъ.... Онъ то поднимался, густѣлъ, то вдругъ стихалъ, почти до шопота, и, пробѣгая непонятнымъ трепетомъ, содрогался во мнѣ, какъ далекое эхо подавленнаго въ груди ея скорбнаго чувства.»

И Петръ Игнатьевичъ уже нервно, лихорадочно перевернулъ страницу.... «Я, уходя, невольно пожалъ ей руку.»

28 іюня.

«Очень рѣдко вижу сны.... Эту ночь видѣлъ.... и прешрашннй!... Мнѣ снилась Зинаида.... Вся въ бѣломъ, вся въ цвѣтахъ.... Оживлена, игрива, какъ была она въ дни юности, въ дни надеждъ и беззавѣтнаго счастья.... Она улыбалась, и все звала, все искала кого-то, пока не вошла Вѣра Павловна.... вся въ черномъ.... Густымъ румянцемъ рдѣло лицо, такимъ чуднымъ свѣтомъ искрились на меня ея глаза.... Зинаида поцѣловала ее, отдала ей свой роскошный букетъ и.... въ тотъ же мигъ исчезла.... Все смѣшалось.... Я проснулся и долго не могъ сознать себя.... Все еще представлялись онѣ мнѣ, какъ живыя, точно на яву, и все то же чувство и грусти, и отрады волновало мою грудь.... Но что жъ такое сонъ, по разуду?.. Вздоръ, чистѣйшій вздоръ!... Его разгадывать, ему придавать какое бы то ни было значеніе, — бабье дѣло!... И меня ~~выравнать~~ вовсе не сонъ, а впечатлѣніе, съ которымъ я встрѣтился въ этотъ день съ Вѣрою Павловною.... Я даже смутился: ~~и такой~~ степени пріятно мнѣ было пожать ея руку, такимъ ~~хорошимъ~~ теплымъ чувствомъ проникъ меня ея внимательный ~~взглядъ~~ Я въ тѣ минуты какъ будто созналъ въ ней ~~сущность~~ и ~~какое~~ кое и родное мнѣ.

Странно, очень странно.

Спустя нѣсколько времени, это грубое ~~словечко~~ ~~сказала~~ дратьевна, наговорила ей кучу дерзостей... ~~и больше не~~

лось спасти ее отъ дальнѣйшихъ неприяностей... Я прочелъ ей, этой глупой брамапутрѣ, возвышеннымъ голосомъ, о новыхъ яко бы утопленникахъ и она такъ на меня насѣла, что забыла все и вся на свѣтѣ....

Вечеромъ, за чаемъ, Вѣра Павловна была поразительно блѣдна.... Она видимо страдала. Миѣ такъ хотѣлось усюкоить ее.... Но.... я воздержался.
Непонятно!... совершенно непонятно!... Или миѣ дѣйствительно 20 лѣтъ, или, по правдѣ, люди къ старости дурѣютъ.»

Пропустивъ всю остальную часть тетради, онъ остановился опять на послѣдней ея страницѣ, отъ начала до конца написанной курсивомъ.

15 августа.

Тотчасъ же послѣ свадьбы Долина возвратился въ Москву. Много новыхъ впечатлѣній пережилъ я за эти шесть съ чѣмъ-нибудь недѣль. Въ лицѣ Вѣры Павловны, по правдѣ, воскреснула Зинаида. Но она этого не знаетъ и, по разуму, не должна знать!... Глубже чѣмъ когда-нибудь сознаю я правоту моей мысли, сознаю необходимость борьбы съ порывами и сомнѣніями человѣка, ради общественнаго блага и личнаго его счастія.... Не всѣмъ же быть Долинами, не всѣмъ видѣть самую возможность счастія въ любви къ женщинѣ, какого бы направленія она ни была или даже и вовсе безъ направленія!... Не все ли это равно, что купить на рубль алтынъ или благомъ вѣчности пожертвовать наслажденію минуты?... Да и былъ ли счастливъ въ жизни хоть одинъ смертный, мечтавшій создать все свое въ любви къ нему женщины?!.. За послѣдніе дни, я все чаще и чаще говорилъ съ Вѣрой Павловною.... Я не ошибся въ ней!... Ея мысль дѣйствительно въ поклоненіи природѣ и въ любви къ человѣку.... И развѣ эта мысль не родственна моей мысли? Развѣ въ нихъ не одно тоже, и близкое, и одинаково дорогое намъ обоимъ стремленіе борьбы съ заблужденіями человѣка?... Да!... И я уважаю ее за это, сочувствую ей.... Кто знаетъ?... Быть можетъ, общими усиліями намъ несравненно легче удалось бы достигнуть нашей цѣли, чѣмъ въ рознь.... Что-то особенное говоритъ миѣ въ ней!... Какъ будто, и въ самомъ дѣлѣ, я помолдѣлъ лѣтъ на 15....

Такъ легко на сердцѣ, такъ хотѣлось бы идти съ нею рука объ руку все впередъ и впередъ.»

Петръ Игнатъевичъ медленно закрылъ тетрадь, досталъ другую, разогнулъ ее на чистомъ мѣстѣ, обмакнулъ перо, задумался....

6 февраля.

Тихо началъ онъ....

«Смутно!... Какъ будто все вымерло за мною и ничего впереди.... Только гдѣ-то тамъ, точно въ туманѣ, вдали, опять Зинаида передаетъ свой букетъ Вѣрѣ Павловнѣ.... И почему этотъ сонъ такъ глубоко врѣзался въ мою память?... И опять.... опять тѣмъ же сладостно-грустнымъ чувствомъ волнуется грудь.... Что-то стонеть, что-то щемить, надрывается въ ней.... Какъ это и странно, и глупо.... Въ самомъ дѣлѣ.... Развѣ я ощущалъ когда-нибудь что-нибудь подобное?!... И по сю пору не могу отдать себѣ вполнѣ яснаго отчета, что такъ улыбалось мнѣ въ ней?... Что-то дорогое, близкое, настолько же близкое, насколько и давно, и будто недавно была близка мнѣ Зинаида!... Мнѣ отрадно было мыслить ее матерью дѣтей моихъ, матерью, кровью связанныхъ со мною, воспріемниковъ мысли — жизни моей!... Увы!... Я остался одинъ, какъ и былъ!... Въ колыбели лежалъ я одинокимъ.... Видно, и въ могилу никто не проводить меня.... Фу!... Что за дичь лезетъ мнѣ сегодня въ голову.... И я, и не я!... Да что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, за дѣло до того, что будетъ съ моимъ фракомъ, когда я сброшу его и въ тотъ же мигъ забуду о немъ?! — Не выйдетъ замужъ никогда и ни за кого!... Непонятно!... Совершенно непонятно!... Зачѣмъ же тогда сама навела меня на эту мысль.... Странно!... И даже неразумно!... Да!... Я — дубъ!... Одинокій, сирый!... Не нынче-завтра, меня низложитъ буря, и съ пронзительнымъ, душу надрывающимъ свистомъ, не то смѣясь надо мною, не то оплакивая меня, разнесетъ по полянѣ бранные останки мои!»

Петръ Игнатъевичъ бросилъ перо, вдохнулъ, сощурился, какъ будто весь ушелъ въ себя....

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку! особенно рѣзко одиннадцать разъ прокуковала кукушка.... Онъ содрогнулся, выпрямился.... Сверкнули, точно заискрились надъ тетрадью живые глаза, и опять, но уже бѣгло, отчетливо, твердо побѣжало по бумагѣ послушное перо....

«И пусть!... Пусть моль источитъ одежду мою, пусть черви сожрутъ прахъ мой, но никогда.... никакая земная стихія не

умертвить во мнѣ вѣры моей! И пока живъ, пока здѣсь, на землѣ, не ослабнетъ энергія моя, не опустятся руки мои, не померкнетъ свѣтъ жизни-мысли моей!... Вѣрую!... И попрежнему бодро, смѣло, не замѣчая ни времени, ни тяги дѣть надъ собою, пойду я въ невѣдомую даль!»

— Ваше превосходительство! точно прогудѣлъ Сидоренко.

— О, Боже!... И есть ли сила выше вѣры, есть ли отрада выше отрады въ сознаниі правоты своей?... Какъ бы счастливъ былъ я теперь подѣлиться съ нею настроеніемъ моимъ!

— Ваше превосходительство.

— Что? живо содрогнулся Петръ Игнатьевичъ..

— Андреевъ пріѣхалъ.

М. Югель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

ИСТОРИЯ КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДНАГО ПЪСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА.

Внутреннія общественныя явленія, возникшія вслѣдствіе борьбы
съ Польшею.

Лѣвобережная гетманщина.—Народные идеалы.—Дума о Ганжѣ Дендеберѣ или Андыберѣ.—
Пиршество сѣромахъ.—Козакъ Нетага и его жена.—Запорожець на картинкѣ.—Вечѣрченко.—
Коста Гордѣенко.—Пѣсни о разореніи Сѣчи и о послѣдней судьбѣ Запорожцевъ.

Въ періодъ, слѣдовавшій за смертію Богдана Хмельницкаго, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, остававшейся подъ управленіемъ гетмановъ, утверждаемыхъ московскимъ царемъ, катились одно за другимъ важныя историческія событія, которыя, однако, не отражались въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества. Избирались гетманы и теряли свой санъ всегда съ трагическимъ концемъ. Новые политическіе дѣятели смѣняли прежнихъ, занимаемая старшинскіе и другіе уряды, устанавливались и отминаясь законоположенія и правительственныя распоряженія, а въ народныхъ пѣсняхъ обо всемъ этомъ нѣтъ почти и намека. Это оттого, что всѣми политическими дѣлами, обращающими на себя вниманіе историковъ, заправляли старшины генеральные и полковые съ своимъ гетманомъ во главѣ и съ ними значныя лица изъ козачества и отчасти изъ мѣщанства, а у нихъ были идеалы, совершенно противныя народной массѣ. Эту народную массу составляли: козацкая чернь или простые рядовики да мужики, или посполство. Старшины и значные, хотя лично между собой часто враждебные, имѣли ту общую черту, что желали образовать въ Украинѣ новое панство, привилегированный классъ, который бы повелѣвалъ остальнымъ народонаселеніемъ, хотѣли сложить въ своемъ отечествѣ, такъ сказать, вторую Польшу, а народу не могло быть ничего противнѣе этого. Народъ желалъ

козачества всеобщаго, для всѣхъ равнаго, народъ не хотѣлъ, чтобъ существовало различіе между значнымъ товариствомъ козачимъ и простыми рядовиками, между козаками и мужиками, между богачемъ и бѣднякомъ, истому украинцу хотѣлось, чтобъ каждый былъ собственникомъ той земли, которую обрабатывалъ, каждый могъ бы свободно располагать собою и своимъ занятіемъ, каждый былъ бы равенъ всякому другому. Такой идеалъ былъ намѣченъ въ 1648 году въ порывѣ возстанія противъ Польши и съ той поры оставался въ нравственномъ сознаніи народа. Но достигъ его не могъ народъ, потому что каждый изъ того же народа измѣнялъ этому идеалу, какъ только обстоятельствами выдвигался впередъ надъ остальною массою; держались того идеала только тѣ, которые не могли чѣмъ-нибудь возвыситься надъ своими собратіями, которыхъ можно было назвать послѣдками въ общественномъ механизмѣ; а всякія проявлявшіяся попытки къ достиженію и водворенію такого идеала въ Малороссіи на административномъ языкѣ назывались бунтами; ихъ преслѣдовали и уничтожали старшины и значные; ихъ не одобряла и верховная московская власть, предоставлявшая Украинѣ управляться по войсковымъ правамъ войска Запорожскаго и по старымъ законамъ, бывшимъ въ силѣ до присоединенія края къ Московской державѣ. Для малороссійскаго народа чужими были всѣ гетманы войска Запорожскаго, сталкивавшіе одинъ другаго, всѣ эти Выговскіе, Юрій Хмельницкіе, Сомки, Золотаренки, Бруховецкіе, Многогрѣшныи, Самойловичи, Мазепы, — все это были навязанные ему господа, всѣхъ ихъ народъ не любилъ, всѣми былъ не доволенъ, никого изъ нихъ не жалѣлъ, когда постигала ихъ роковая судьба; народъ желалъ иной власти, сообразной своему идеалу, не отыскалъ ее ни въ своей средѣ, ни извнѣ и отыскать ее былъ не въ силахъ. Идеалъ его, никогда не осуществленный, остался только идеаломъ и притомъ неяснымъ. Народная пѣсенность не поминаетъ дѣйствительно существовавшихъ въ исторіи гетмановъ, но она величаетъ выдуманнаго народною фантазіею гетмана, никогда не бывалаго Ганжу Андыбера. Напрасно было бы строить догадки — не открывается ли подъ этимъ вымышленнымъ именемъ какое-нибудь историческое лицо. Такой личности не было въ дѣйствительности, но народу хотѣлось, чтобы такая личность была. Это — гетманъ, ненавидящій значныхъ и богатыхъ, пекущійся о бѣдномъ простомъ народѣ. Словно сказочный восточный халифъ, этотъ легендарный гетманъ шатается среди простаго на-

рода въ образѣ бѣдняка, простака. О такомъ походе сущест-
вуетъ дума, извѣстная намъ по двумъ вариантамъ, доставлен-
нымъ Кулишомъ Метлинскому и напечатаннымъ въ Сборникѣ
пѣсень, изданномъ послѣднимъ (стр. 377—385) и по вариан-
тамъ, напечатаннымъ въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша
(Часть I, стр. 200—209, 319—321).

Въ думѣ этой является козаць бѣднякъ, простаць, такой,
что одиннадцать лѣтъ шатался гдѣ-то на путяхъ Ордынскихъ, въ
поляхъ Килійскихъ, въ стѣняхъ, гдѣ, обыкновенно, Запорожскіе
удальцы мѣрялись отвагою съ татарскими наѣздниками. Козаць
этотъ ворочается въ Украину въ самый жалкомъ видѣ: у бѣд-
няка три сермяги, на немъ епанча, сдѣланная изъ ситника, на
ногахъ сафьянные сапоги такіе худые, что сквозь нихъ виднѣ-
ются пяты и пальцы,—какъ только ступить, такъ и оставить
слѣдъ босой ноги; на головѣ бѣдняка баранья шапка дырявая,
нѣхъ на ней облѣзь, ололыша нѣтъ, прикрыта она дождемъ, а
подбита вѣтромъ на славу козацкую ¹⁾. Этотъ козаць приби-
вается въ городъ Черкассы; всѣ ему подобныя, приходя куда-ни-
будь, не спрашиваютъ гдѣ можно остановиться и пасти коня, а
спрашиваютъ: гдѣ корчма. Такъ и этотъ козаць ищетъ Настю
боровую шинкарку, кабачницу степную. Видитъ онъ — богачи
значные козаки (дуки срѣбляники) собираются идти къ этой шин-
каркѣ пить медъ и «добрую» водку. Козаць бѣднякъ забѣжалъ
впередъ въ шинокъ, сѣлъ себѣ у печи и грѣтся. Вошли трое
богачей серебрянниковъ, первый Гаврило Довгополенко Переяслав-
скій, второй Войтенко Нѣжинскій, третій Золотаренко Чернигов-
скій. Они не даютъ привѣта козаку бѣдняку, не угощаютъ его
ни склянницей меда, ни чаркою водки, да и козаць бѣднякъ погля-
дываетъ на нихъ съ-искоса ²⁾. Богачи эти называются въ думѣ

¹⁾ На козаку бѣдному Нетязѣ

Три сѣромязѣ,

Опанчина рогозовая,

Поясна хмельовая,

На козаку бѣдному Нетязѣ сапьянцѣ,

Видны пяты й пальцѣ,

Где ступить—босой ноги слѣдъ пише!

А ще на козаку бѣдному Нетязѣ шапка бирка, зверху дырка,

Хутро голе, околцѣ Богъ-мае, вона дождемъ прикрыта,

А вѣтромъ на славу козацкую подбита.

²⁾ Ище жъ бѣдного козака Нетягу не витають

Нѣ медомъ шклянкою, нѣ горѣлки чаркою,

А козаць бѣдний Нетяга на дуковъ срѣбляникѣвъ скоса поглядае

«три ляха»³⁾, потому что съ этимъ именемъ не перестало у малороссійянъ соединяться понятие о панствѣ, тѣмъ болѣе, что малороссійскіе значные товарищи корчили изъ себя поляковъ. Съѣли богачи пить и стали насмѣхаться надъ козакомъ оборвышемъ; говорятъ они шинкаркѣ: намъ подбавь еще меду и доброй водки, а этого козака сякого-такого сына вытолкай изъ хаты въ зашей: онъ гдѣ-то валялся по винокурнямъ, да по пивоварнямъ, осмолѣнный, отрѣпанный, сюда втесался, думаетъ отъ насъ поживиться, а потомъ станеть пропивать не у тебя, а въ другой корчмѣ⁴⁾. Шинкарка, угождая богачамъ, на потѣху имъ, начинаетъ выталкивать козака оборвыша. Тотъ не сопротивляется, только пятится задомъ и, дошедши до порога хаты, хватается за дверной косякъ, а голову прячетъ подъ полку съ посудой, устроенную надъ дверью. Богачи потѣшаются такимъ зрѣлищемъ униженія надъ бѣднякомъ⁵⁾.

Но одинъ изъ нихъ, Гаврило Довгополенко, болѣе сострадательный, даетъ шинкаркѣ денежку и поручаетъ ей поднести бѣдняку мартовскаго пива; пусть подрѣпитъ свой животъ козацкій. Ты—говоритъ онъ шинкаркѣ:—къ этимъ оборвышамъ хоть и зла, а все-таки внимательна! Не пошла Настя сама въ

³⁾ Три ляхи дуки сръбляники.

⁴⁾ Отъ воли или-подивали,
Съ козака Нетаги насмѣхались,
На шинкарку покликали:
Гей шинкарко Горовая
Настя молодая!
Добре ты дбай,
Намъ солодвого меду, оковиту горѣлку ще подсыпай,
Сѣго козака, пресучого сына, у потылицю зъ хаты выпихай!
Бо где-сь вѣгъ по винницяхъ по броварняхъ валявся,
Опазився, ошарпався, обдрався,
До насъ прійшовъ добувати,
А въ иншу корчму буде нести пропивати!

⁵⁾ Тогдѣ шинкарка Горовая,
Настя кабашница степовая,
Козака Нетагу за чубъ брала,
Въ потылицю зъ хаты выбивала,
То козакъ Нетага добре дбае,
Козацькимъ пятамъ слинае,
Поти пьався,
Поки до порога дбрався,
Козацькими пятами у порогъ зачинае,
А козацькими руками за одвѣровъ хапае,
Підъ мисникомъ голову козацьку молодецьку ховае.

погребѣ, а послала дѣвку свою работницу и приказала, взявши ендову, миновать въ погребѣ восемь стоящихъ съ пивомъ бочекъ и наточить изъ девятой дряннаго пива. «Все равно»—говорила она, потѣшая богачей—«придется же свиньямъ выливать это пиво; такъ мы его будемъ раздавать этимъ оборвышамъ.» Но дѣвка работница, вмѣсто того, чтобъ наточить, по приказанію хозяйки, изъ девятой бочки дряннаго пива, наточила изъ десятой крѣпкаго меда, который носилъ названіе «пьяное чело». Пришедши въ хату, работница отворачиваетъ носъ, показывая тѣмъ, будто несетъ такой напитокъ, который издаетъ дурной запахъ ⁶⁾).

Когда подали козаку ендову съ питьемъ, тотъ сталъ себѣ у печи и принялся за хорошее питье. Первый разъ поднесъ онъ его себѣ къ губамъ—только отвѣдалъ, второй—отпилъ, а въ третій разъ, какъ взялъ ендову за ушко, такъ всю и осушилъ. Тогда сталъ его разбирать хмѣль и какъ ударить онъ ендовою о помость, такъ и запрыгали у богачей со стола чарги и бу-

- *) А третій Гаврило Довгополенко бувъ обашный:
 Изъ кармана людську денежку выймавъ,
 Настѣ кабашній до рукъ отдававъ,
 А ще стиха словами промовлявъ:
 «Гей»—каже—«ты, шинкарко молодая Настя кабашна,
 Ты—каже,—до сихъ бѣдныхъ козаковъ хочъ злая да обашна,
 Коли бъ ты добре дбала,
 Сю денежку до рукъ пріймала,
 До поGREBA отходила,
 Хочъ порцевого пива уточила,
 Сѣму козаку бѣдному Нетязѣ на похмѣлья животъ ёго козацкій
 скрепила:»
 Тогдѣ Настя Горовая,
 Шинкарка степовая,
 Сама въ лѣхъ не ходила
 Да наймичку посыгала:
 — Гей дѣвко-наймичко, добре ты вчини,
 — Кѣнву чвертѣвку до рукъ ухопи, да въ лѣхъ убѣжи,
 — Восѣмъ бочокъ мини, зъ девятью поганого пива наточи,
 — Язъ маемъ мы ёго свиньямъ выливати,
 — То будемъ мы ёго на тавнихъ нетягъ роздавати.—
 Тогдѣ дѣвка наймичка у лѣхъ убѣгала,
 Да девять бочокъ минала,
 Да зъ десятой пьяного чола меду наточила.
 Да въ свѣтлицю вхожае,
 Свой носъ геть отъ кѣнвы отвертае,
 Будьто те пиво вонае.

тылки ⁷⁾). По Булишовскому варианту отъ такого удара треснула даже печь въ десяти мѣстахъ и стала по свѣтлицѣ летать сажа, такъ что богачи не взвидѣли свѣта Божьяго ⁸⁾). Въ вариантѣ Метлинскаго этихъ словъ нѣтъ. «Видно, этотъ козаць бѣднякъ нигдѣ не бывалъ и добрыхъ водокъ не пивалъ, когда его такъ разобрало дрянное пиво», замѣтили потомъ пирующие богачи ⁹⁾).

Тутъ, по варианту Булиша, козаць бѣднякъ вдругъ закричалъ грознымъ голосомъ: «ляхи, вы, вражьи сыны! Подвиньтесь къ порогу, дайте мѣсто козаку бѣдняку въ переднемъ углу, чтобъ мнѣ можно было тутъ усѣсться съ моими лаптями!» и богачи-серебренники исполнили его требованіе ¹⁰⁾). Въ вариантѣ, помѣщенномъ у Метлинскаго, этого мѣста нѣтъ и, кажется, въ Булишовскомъ вариантѣ оно случайно переставлено ранѣе, чѣмъ ему быть надлежало по первоначальной редакціи, потому что богачи-серебренники еще не могли ничѣмъ быть до такой степени поражены, чтобъ исполнять приказаніе бѣдняка, надъ которымъ они еще и потомъ продолжали издѣваться. Но это мѣсто

- ⁷⁾ Якъ подали козаку въ руку сю кѣнву, то вѣнь ставъ била печи,
Да и почавъ пѣдпивати пивце грече.
Взявъ разъ—покуштовавъ, у-друге—напився,
А въ третье якъ узавъ кѣнву за ухо,
То зробивъ у тѣй кѣнвѣ сухо.
Якъ ставъ козацьку хмель голову розбирати,
Ставъ козаць кѣнвкою по мосту добре погрѣмати.
Стали въ дукѣвъ-срѣбляникѣвъ изъ стола чарки й пляшки скавати.
- ⁸⁾ И стала шинкарська груба на десять штукъ по хатѣ лѣтати,
Не стали тогдѣ ляхи дуки-срѣбляники за сажею свѣту Божого видати.
- ⁹⁾ Тогдѣ тѣи ляхи срѣбляники на ёго поглядали,
Словами промовляли:
— Где-сь сей козаць Нетяга нѣгде не бувавъ,
— Добрыхъ горѣлокъ не пивавъ,
— Що ёго и погане пиво опьянило!
- ¹⁰⁾ Якъ ставъ козаць Нетяга тее зачувати,
Ставъ на ляхѣвъ грѣзно гувати;
Гей-вы, ляхове,
Вразьки сынове!
Икъ порогу посувайтесь,
Менѣ, козаку Нетязѣ, на покутѣ мѣсце попускайте,
Посувайтесь тѣсно,
Що бъ було менѣ, козаку Нетязѣ, где на покутѣ изъ лаптями сѣсти.
Тогдѣ ляхи дуки-срѣбляники добре дбали,
Дальше икъ порогу посували,
Козаку Нетязѣ бѣльше мѣсця на покутѣ попускали

совершенно встать ниже, когда уже богачи имѣли поводъ догадываться, что козаць бѣднякъ въ самомъ дѣлѣ не таковъ, какъ онъ показался.

Далѣе, и по варианту Метлинскаго ¹¹⁾, и по варианту Кулиша ¹²⁾, козаць бѣднякъ вынимаетъ изъ-подъ своей нищенской епанчи золоченый чеканъ и предлагаетъ шинкаркѣ подъ закладъ за ушатъ меду. Богачи и теперь подтруниваютъ надъ нимъ и говорятъ шинкаркѣ: «Этотъ козаць бѣднякъ не выкупить у тебя своего заклада, развѣ станеть намъ, богачамъ, гонять воловъ, а тебѣ, шинкаркѣ, топить печи» ¹³⁾.

Вотъ здѣсь-то, по нашему мнѣнію, слѣдовало быть тѣмъ словамъ козака бѣдняка, которыя мы привели выше, потому что, по обоимъ вариантамъ, послѣ того козаць-оборвышъ садится на переднее мѣсто, разстегаетъ свой кожаный чересъ и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ ¹⁴⁾.

Тутъ сразу все вокругъ него измѣнилось. Богачи-серебренники стали предлагать ему медъ и водку, а шинкарка спраши-

¹¹⁾ Оттогдѣ-то козаць бѣдный Нетьага якъ ставъ у себе большій хмель
зачувати,

Ставъ зъ пѣдъ панчины рогожовой,
Зъ пѣдъ поясыны хмельовой,
Щиро золотный обушокъ выимати,
Ставъ шинкарцѣ молодѣй за цеберъ меду застановляти.

(Метл. стр. 379).

¹²⁾ Изъ пѣдъ полы позлотистый недолимокъ вынимае,
Шинкарцѣ молодѣй за цеберъ меду застановляе.

(Кул. I. стр. 206).

¹³⁾ Тогдѣ тѣ ляхи дуки-срѣбляники на его поглядали,
Словами промовляли:

Гей шинкарко Горовая,
Настя молодая кабашнице степовая!
Нехай сей козаць бѣдный Нетьага не мається въ тебе сен застав-
щины выкупляти,
Намъ, дукамъ-срѣбляникамъ нехай не зарѣкається волы погонати,
А тобѣ, Настѣ кабашнѣй, грубъ тоняти.

(Кул. *ibid.*).

¹⁴⁾ Оттогдѣ-то козаць бѣдный-Нетьага якъ ставъ съ слова зачувати,
Такъ вѣнъ ставъ чересокъ выимати,
Ставъ шинкарцѣ молодѣй Настѣ кабашнѣй увесь стѣлъ червонцами
устилати.

(Кул. 206. Метл. 380).

вала его: не хочеть ли онъ завтракать или обѣдать, и для этого приглашала войти къ ней въ комнату¹⁵⁾.

Но козакъ, въ отвѣтъ на все это, прошелся по свѣтлицѣ, подошелъ къ оконной форточкѣ и закричалъ: Эй вы, рѣки низовыя, помощницы днѣпровскія! Теперь либо меня одѣвайте, либо къ себѣ принимайте¹⁶⁾. По другому варианту, указанному у Булиша (Зап. о Южн. Руси. I. 319), онъ ударяетъ своимъ чеканомъ по столу три раза и поетъ козацкую пѣсню: Ахъ ты, рѣка козацкая! Теперь либо меня одѣвай, либо меня къ себѣ принимай¹⁷⁾.

По этому кличу явилось трое козаковъ или джурь¹⁸⁾; одинъ надѣваетъ на него принесенныя съ собой дорогія одежды¹⁹⁾ или жупаны²⁰⁾, другой подаетъ ему сафьянные желтые сапоги²¹⁾,

¹⁵⁾ Тогда дукн-срѣбляники якъ стали въ ёго червѣнцѣ зоглядати,

Тогда стали ёго витати

Медомъ шланкою,

И горѣлки чаркою.

Тогда и шинварка молодая

Настя Горовая,

Истиха словами промовляе:

Эй козаче, каже, козаче!

Чи снѣдавъ ты сѣгоднѣ, чи обѣдавъ?

Ходи зо мною до кѣмнаты,

Сядемъ мы съ тобою, поснѣдаемъ ли пообѣдаемъ.

¹⁶⁾ Тогда-то козакъ бѣдный Нетяга по кабаку похощае,

Кватурку водчиняе,

На быстрыхъ рѣкахъ поглядае,

Кличе, добре покликае:

— Ой рѣки, каже, рѣки вы низовыи,

— Помощницѣ Днѣпровыи,

— Теперь або мене зодягайте,

— Або до себе пріймайте!

¹⁷⁾ Изъ пѣдъ полы козлотистый недолимокъ вынѣмае,

По столу три разы затинае,

Козацкю пѣсню спѣвае:

— Ой рѣка козацкая!

— Теперь мене або зодягай,

— Або до себе пріймай. (Бул. I. 319).

¹⁸⁾ Тогда где явились три джурь малыхъ невеличкихъ.

¹⁹⁾ Оттогда одинъ козакъ иде,

Шаты дороги несет.

²⁰⁾ Що первый джура иде,

Пару жупановъ ёму несет.

²¹⁾ Другой козакъ иде,

Боты сапьяновъ несет,

или:

Жовтѣ сапьянцѣ ёму несет.

третій шапку,—а по другому варианту—вмѣстѣ съ шапкою еще приносить ему широкія красныя шаровары²²⁾).

По этому послѣднему варианту они говорятъ ему: «Хвесько Дендеберь! отецъ козацкій! славный рыцарь! Полно тебѣ здѣсь шалить. Пора идти надъ Украиной управлять!»²³⁾).

Тогда богачи-серебреники стали между собой потихоньку говорить: «Такъ это, братцы, не козацькѣ бѣдняга оборвышь, а это Хвесько Ганжа Андыберь (или Дендеберя), гетьманъ запорожскій!» И потомъ, обратившись къ нему, сказали: «Придвинься же къ намъ поближе, поклонимся мы тебѣ пониже, станемъ совѣтъ держать, какъ бы хорошо и счастливо въ славной Украинѣ проживать.» И тутъ стали они ему предлагать медъ и водку²⁴⁾).

Но Ганжа Андыберь, принявши отъ нихъ питье, не пилъ его, а проливалъ себѣ на одежды и приговаривалъ: «Наряды вы мои, наряды! Пейте, гуляйте. Не меня чествуютъ, а васъ уважаютъ. Когда на мнѣ васъ не было, такъ и чести я не зналъ отъ богачей-серебрениковъ»²⁵⁾).

²²⁾ Третій джура иде,
Широкѣ що й слѣдъ замѣтають червонѣ шаровары несе,
И оксамитну шапку на голову ёму несе. (Кул. I. 319)

или:

Шлячокъ козацкій несе,
На голову ёго козацьку надѣе. (Кул. I. 207. Метл. 381).

²³⁾ Гей Хвесько Дендебере
Батьку козацкій, славный лыцаре,
Доки тобѣ тутъ пустовати?
Часъ пора йти на Вкраинѣ батьковати. (Кул. I. 320).

²⁴⁾ Тогдѣ дуки-срѣбляники стиха словами промовляли:
Эй не есть се, братцѣ, козацькѣ бѣдний Нетяга,
А есть се Хвесько Ганжа Андыберь
Гетьманъ запорожскій!
Присунься ты до насъ—важуть—ближче,
Поклонимось ми тобѣ нижче,
Будемъ радиться чи гараздъ добре на славной Украинѣ проживати.
Тогдѣ стали его витати медомъ шелянкою
И горѣлки чаркою.

²⁵⁾ То вѣнь тее отъ дукѣвъ-срѣбляникѣвъ приймавъ,
Самъ не вшивавъ,
А все на свои шаты проливавъ.
«Эй шаты мои, шаты! пейте гуляйте!
«Не мене шанують, бо васъ поважують.
«Якъ я васъ на собѣ не мавъ,
«То и чести отъ дукѣвъ-срѣбляникѣвъ не знавъ!

И сказалъ тогда своимъ козакамъ Ганжа Андыберъ, гетманъ запорожскій: «Козаки, дѣтки, друзья, молодцы! Выводите-ко этихъ богачей-серебрянниковъ изъ-за стола, кагъ воловъ, за головы, разложите ихъ подъ окнами, да валяйте ихъ въ три березовыхъ палки. Пусть они меня вспоминаютъ и до конца жизни не забываютъ»²⁶⁾. Но Гаврила Довгополенка Переяславскаго онъ посадилъ близъ себя за то, что тотъ ему за свою денежку купилъ пива²⁷⁾.

Козаки начали расправу. Они вытащили изъ-за стола богачей, вывели и передъ окнами отвалили ихъ въ три березовыя палки, а при этомъ приговаривали: «Эхъ вы дуки, дуки! Забрали вы себѣ всѣ рощи и луга, нашему брату бѣднягу нѣгдѣ остановиться, чтобъ коня погнать!»²⁸⁾.

По двумъ Кулишовскимъ вариантамъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ въ Запискахъ о Южной Руси, а другой въ Сборникѣ Метлинскаго, дума на этомъ и кончается. Но въ вариантѣ, на который г. Кулишъ указываетъ какъ на дополненіе, (Зап. о Ю. Р. I. стр. 319 — 321) богачи приносятъ гетману въ подарокъ соболя шубы²⁹⁾, а гетманъ ругаетъ шин-

²⁶⁾ Тогдѣ-то Хвесько Ганжа Андыберъ гетманъ запорожскій стиха промовляе:

— Эй козави—каже—дѣти, друзѣ, молодцѣ!

— Прошу я васъ, добре дбайте,

— Сихъ дукѣвъ-срѣбляникѣвъ за лѣвъ, наче воловъ изъ-за стола
вывождайте,

— Передъ вѣкнами покладайте,

— У три березины потагайте,

— Щобъ вони мене споминали,

— Мене до вѣку памѣтали.

²⁷⁾ Тѣлкѣ Гаврила Довгополенка Переяславскаго за те улюбивъ,
Край себе садонивъ,
Що вѣнъ ёму за свою денежку пива купивъ.

²⁸⁾ Тогдѣ жъ то козави дѣти, друзѣ молодцѣ,
Сихъ дукѣвъ-срѣбляникѣвъ за лѣвъ брали,
Изъ-за стола наче воловъ вывождали,
Передъ вѣкнами покладали,
У три березины потагали:

А ще стиха словами промовляли:

—Эй дуки—кажуть—вы дуки!

—За вама луги й дуки.

—Нѣгде вашему брату козаку-нетязѣ стати коня погнати.

²⁹⁾ А опѣсля до ёго приходжали,
Соболѣвыми шубами ёго даровали,
Словами промовляли:

карку, издѣвается, приказывая ей поставить по ушату меду и водки и обѣщая за то три года топить у ней печи ²⁰⁾, какъ говорили про него богачи, когда онъ явился въ корчму въ видѣ бѣдняка. Шинкарка исполняетъ приказаніе и извиняется, говоря, что если бы знала, кто онъ таковъ, то не выталкивала бы его въ зашей ²¹⁾. Все это, можетъ быть, поздняя прибавка.

Повторяемъ: такого гетмана, какъ Ганжа Андыберъ или Дендеберя не было въ Украинѣ, но такого гетмана желалъ себѣ черный простой народъ и такого создалъ себѣ въ своемъ воображеніи. Замѣчательно, что при этомъ въ думѣ не высказывается какой-нибудь утопій общественнаго строя. Легендарный гетманъ только отколотилъ богачей. Бѣдняки ненавидѣли богачей и эта-то ненависть въ народной думѣ выразилась побоями, нанесенными двумъ изъ такихъ богачей гетманомъ Ганжею Андыберомъ. Этимъ и кончилась расправа съ ними. Такъ было и въ дѣйствительной народной исторіи. Бывали народныя возстанія, и тогда доставалось богатымъ и знатымъ, но черезъ то не выработывалось для народа ничего опредѣленнаго, новаго. Изъ тѣхъ же бѣдняковъ и простаковъ выдвигались люди, которые дѣлались знатыми и богатыми и въ свою очередь возбуждали зависть и ненависть къ себѣ своей бѣдной братіи. Такъ катилась жизнь внутри края. Одно только выработалось въ народномъ характерѣ. Бѣдняки не теряли сознанія своего человѣческаго достоинства и не всегда работѣствовали передъ знатыми и богатыми, какъ того хотѣли послѣдніе; напротивъ, случалось, что гордились передъ ними своею бѣдностію.

Есть пѣсня, въ которой описывается, какъ въ походѣ, когда наступилъ дождь, козаки раскидываютъ шатерь, и тѣ, которые были познатнѣе и попроворнѣе, вошли въ шатерь, а убогіе «сѣромахи» не посмѣли входить туда, но, взявши водки, разсѣ-

— Гей Хвесько Дендебера! Колибъ мы тебе знали,

— Садилы бъ були тебе, не займали.

²⁰⁾ Теперь менѣ цеберъ меду, а другій горѣлки насыпай,

Велю тобѣ ихъ на скамью становити,

А я якъ не могу тобѣ заплатити,

То стану до тебе на три годы грубы топяти.

²¹⁾ Гей Хвесько Дендебера, гетманъ запорожскій, черкасскій,

Товарищу наскъій!

Якъ бы я була тебе знала,

То а бѣ тебе зъ хаты въ потылицю не выбивала.

лись себѣ подъ дождемъ ³²⁾. У нихъ, у бѣдняковъ,—свой атаманъ, а у знатныхъ—свой. Вдругъ изъ шатра, гдѣ засѣли знатные козаки, вышелъ атаманъ и сталъ подсмѣиваться надъ бѣдняками и надъ ихъ атаманомъ. Но атаманъ сѣромахъ крикнулъ: «Ахъ ты, вражій сынъ? Коли пришелъ сюда, то сиди прилично и не насмѣхайся.» Потомъ, обратившись къ своимъ онъ сказалъ: «Возьмите его за чуприну и выведите прочь» ³³⁾. По его приказанію одинъ изъ сѣромахъ схватилъ непрошеннаго гостя за чуприну, а другой надѣлялъ его кулаками... и оба приговаривали: «Не ходи туда, вражій сынъ, гдѣ пьеть голытьба» ³⁴⁾.

Характеръ этой голытьбы, «сѣромы, козаковъ-нетягъ» какъ они называются на поэтическомъ языкѣ народа, прекрасно изображенъ въ думѣ, напечатанной въ Запискахъ о Южной Руси Булипа (1. стр. 215—222) съ очень вѣрнымъ объясненіемъ издателя и кромѣ того извѣстной намъ по другому варианту, мною записанному въ Харьковской губерніи. Не одинъ козакъ повредилъ себѣ тѣмъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ—начинаеть эта дума. Тогда жена проклинала его пожеланіями разныхъ не-

³²⁾ Чорна хмара наступала ставъ дощъ накрапати,
Благослови, отамане, наметъ напнати.
Богаты моторны тѣ въ наметѣ сѣли,
А вбоги сѣромахи—тѣ и не посмѣли.
Взяли квартиру, взяли другу, и на дощѣ сѣли.

³³⁾ Ой и выйшовъ отаманъ изъ чужого курѣня,
На порозѣ ставъ,
Да зъ нашего отамана смѣяться ставъ.
Ой и крикнувъ нашъ отаманъ:
Коли прійшовъ вражій сыне, той по-чеськи сидь,
А изъ насъ сѣромахъ да не насмѣхайся!
Ой и крикнувъ нашъ отаманъ на своихъ козаковъ:
Возмѣть ёго за чуприну да выведѣте прѣчь!

³⁴⁾ Одинъ веде за чуприну, другій дула бье:
Не йди туды, вражій сыну, где голода ыь!

³⁵⁾ Не одинъ козакъ самъ собѣ шкodu шкодывъ,
Що вѣдъ молодой жѣнки въ войско ходивъ.
Его жѣнка кляла-проклинала:
Богдай тебе, козаче сѣромахо, побило въ чистомъ мѣгѣ
Три недолѣ:
Перша недоля—щобъ пѣдъ тобою добрый конь приставъ,
Друга недоля—щобъ ты козаковъ не дѣгнавъ,
Третья недоля—щобъ тебе козаки не злюбили и въ курень не
пустили!

удачь ²⁵⁾, но казакъ не послушалъ ее, пошелъ въ войско и счастье такъ повезло ему, что его сдѣлали куреннымъ атаманомъ ²⁶⁾.

Козакъ въ кругу товарищей говоритъ, что клятва женская словно вѣтеръ, дующій на сухое дерево, а женскія слезы — вода ²⁷⁾. Но жена этого козана стбитъ своего мужа: оставшись одна, она безпрестанно гуляетъ въ корчмѣ, а дома не живетъ, и домъ ея уже пропахнулъ пустыремъ. Когда же пришло время возвращаться ея мужу изъ похода, она затопила печь и стала разогрѣвать прокислый борщъ, давно уже стоявшій у нея подъ лавкою ²⁸⁾. Козакъ, приѣхавши домой, сразу привѣтствуетъ жену крикомъ и побоями, лупить ее чеваномъ по плечамъ, нагайкою по спинѣ, да еще машетъ надъ ея головою нагайкою и оставляетъ синяки на лицѣ ²⁹⁾. Козачка, видя, что мужъ ея вовсе не въ нѣжномъ расположеніи, боится угощать его прокислымъ борщемъ, начинаетъ варить другой, свѣжій, а между тѣмъ, не имѣя денегъ на покупку для него воды, достаетъ тридцать локтей полотна и спѣшитъ съ нимъ къ шинкаркѣ, покупаетъ три кварты «доброй» водки, разогрѣваетъ съ медомъ и съ перцемъ и уго-

²⁵⁾ Господь ёму давъ,
Що іодъ нимъ добрый вѣнь не приставъ,
Вѣнь козаковъ дѣнавъ,
Що ёго козаки злюбили
Ще й отаманомъ настановили.

²⁷⁾ Тогдѣ козакъ у войскю пробувае,
Свою новину козакамъ оповѣдае:
Слушайте, панове молодцѣ!
Якъ то жѣноцька клятва дурно йде,
Такъ якъ мно суже дерево вѣтеръ гуде.
Жѣноцьки слѣзы дурнѣ—якъ вода тече.

²⁸⁾ Жѣнка въ корчмѣ пила да гуляла,
Да домѣвки не знала,
Мовъ ѣи хата къ нечестѣй матери пустою заволяла.
Скоро стала козака зъ походу сподѣватись,
Стала до домѣвки прихожати,
Стала въ печи ростопляти,
Стала той борщъ кислый оскомистый чор-зна колишній зъ подъ
лавы выставляти,

Стала до печи приставляти,
Отъ-тимъ борщемъ хотѣла козака привѣтати,

²⁹⁾ Хорошенько ѣи келепомъ по плечахъ привѣтае,
Нагайкою по спинѣ махае,
Да ще й поробивъ по подъ очима синѣ!

щаетъ своего мужа ⁴⁰⁾). На другой день выходитъ козачка со двора и видитъ кружокъ женщинъ: на ней слѣды козацкаго угощенія нагайкою. Одна старушка и говоритъ ей: «Что это у тебя за значки подѣ глазами?» ⁴¹⁾—«Это,—отвѣчаетъ она,—я пошла въ хлѣвъ за лучиною, да наткнулась на жердь, оттого у меня и синева подѣ глазами.» Такъ-то она покрыла своего козака ⁴²⁾).

Хорошъ мужъ козакъ-сѣромаха, хороша и жена его, какъ можно видѣть изъ этого. Между тѣмъ козакъ-сѣромаха идетъ въ корчму, кружаетъ медъ, вино, и восхваляетъ корчму: «Ахъ ты корчма наша, корчма княгиня! Много въ тебѣ нашего козацкаго добра погибаетъ. И сама ты не очень-то щеголяешь и насъ, козаковъ-бѣдняковъ, иной разъ оставляешь безъ платья! Между десятью хатами узнаешь хату нашего брата козака: соломою не покрыта, завалиной не обсыпана, около двора ни кола, а на дровосѣчнѣ ни полѣна. Сидитъ въ ней козацкая жена, околѣла отъ холода. Она зимою ходитъ босикомъ, носитъ воду горшкомъ, большой ложкою дѣтей своихъ поить!» ⁴³⁾

⁴⁰⁾ То козачка неборачка той борщъ полѣномъ въ нечистой матерѣ обертае,

Новый борщъ добрый оскомистый приставляе,
Сама до скринѣ тягла, тридцать локтѣвъ доброго полотна добула,
До шинкарки пошла,
Три кварты оковитой горѣленъ взяла,
Съ перцемъ да съ медомъ розогрѣвае,
Тимъ козака своего частуе, витае,
Животъ козацкѣй скрѣпляе.

⁴¹⁾ Козачко, козачко,
Що се у тебе подѣ очима значко?
Либонь твой козакъ зѣ походу прибувавъ
Що таки тобѣ гостинцѣ подававъ?

⁴²⁾ Не дивуйтеся, жѣночки,
Давъ менѣ Богъ—пошла я въ хлѣвъ по лучину,
Да подбила собѣ очи на ключину.
Тимъ у мене подѣ очима синѣ!
Оттакъ, та козачка добре дбала,
Свого козака покрывала.

⁴³⁾ А козакъ сидитъ у корчмѣ да медъ-вино кругляе,
Корчму сохваляе:
Гей корчмо наша, корчмо княгине!
Чомъ то въ тобѣ козацкаго добра богато гине!
И сама еси неопатно ходишь,
И насъ, козаковъ-петягъ, подѣ случай безъ свитовъ водишь
Знати-знати козацкѣю хату
Скрѣзь десату:
Вона соломою не покрыта,

Это характеристика житья-бытья многихъ сѣромахъ бѣдняковъ: пьянство, шатаніе, отсутствіе домовитости, презрѣніе къ семейной жизни—вотъ что дѣлается причиною бѣдности. Такимъ образомъ, если народная поэзія изображаетъ въ возмутительномъ видѣ зазнавшихся богачей; ругающихся надъ бѣднякомъ, то за то не менѣе въ возмутительномъ образѣ представляетъ и бѣдняка, обвинявшаго отъ собственныхъ пороковъ. Эти пороки, естественно, порождались непрочнымъ общественнымъ порядкомъ, когда, при частыхъ татарскихъ набѣгахъ и войнахъ съ поляками, требовалось отдавать себя бранному житью и оставлять въ пренебреженіи домашнее хозяйство и, какъ этотъ козакъ въ думѣ, не слушать женскихъ увѣщаній. Впрочемъ, народъ не представляетъ себѣ такого житья-бытья образцомъ для народной жизни. Эти козакъ-сѣромахи были неизбѣжны, потому что мирное домашнее житье-бытье обставлялось такими трудностями и лишеніями, что для многихъ легче его и привлекательнѣе казалось воинственное шатаніе по степямъ и по морю. Но такіе не всегда пользовались добрымъ мнѣніемъ, напротивъ, многіе изъ нихъ заслуживали прозвище «ледащо» (дрянь) и вотъ такого-то, повидимому, изображаетъ дума, приведенная нами. Только тѣ, которые находили себѣ притонъ въ Запорожьѣ и поступали въ ряды запорожскаго низоваго войска, заслуживали у народа иного взгляда на себя. На Запорожьѣ, по народному воззрѣнію, былъ законный пріютъ тѣмъ, кому не по вкусу приходилась домашняя жизнь въ украинскихъ городахъ и селахъ. Тамъ ни сѣяли, ни пахали, не заводились семьями, исключая тѣхъ, у которыхъ были зимовники или хутора, гдѣ можно было содержать женъ и дѣтей. Запорожцы всѣ жили войною, а война, ради охраненія края отъ непримиримыхъ враговъ—татаръ и ляховъ, была неизбѣжна, и потому запорожець, какъ человекъ посвятившій себя исключительно бранному житью и для него отрекавшійся отъ того, что привлекало человека въ кругу семейной и домашней жизни, былъ всегда въ уваженіи у народа. У малорусса въ домѣ лучшимъ

Присною не осыпана,
 Коло двора нечиста ма й кола,
 На дріводнѣ дрівъ нѣ полѣна,
 Сидить въ нѣй козацька жѣнка окодѣла;
 Знати-знати козацьку жѣнку що всю зиму боса ходить.
 Горшкоомъ воду носитъ,
 Полоникомъ дѣти наповас!

украшениемъ было изображеніе запорожца съ конемъ и съ воткнутымъ въ землю копьемъ, иногда играющаго на бандурѣ. Подъ такимъ изображеніемъ красовалась стихотворная надпись, говорившая отъ лица изображеннаго запорожца: «Гляди на меня и угадывай! Чай не угадаешь! Откуда я родомъ и какъ меня зовутъ.... ни, ни.... не знаешь. У меня имя не одно, а много ихъ. Такъ зовутъ меня, какъ случится на кого наткнуться: жидъ въ бѣдѣ меня величаетъ роднымъ отцомъ, ляхъ — милостивымъ добродѣемъ, а ты какъ хочешь меня назови—на все позволяю, лишь бы не торгашемъ: за это я тебя изругаю.» ⁴⁴⁾ У Запорожцевъ, какъ и у польскихъ шляхтичей, заниматься торгашествомъ считалось дѣломъ непочтеннымъ; да и вообще у малоруссовъ существовалъ, а отчасти и до сихъ поръ существуетъ презрительный взглядъ на торгашество. Торгашъ, по малорусскому воззрѣнію, непремѣнно обманщикъ, добывающій себѣ выгоды отъ вреда для другихъ. Торгашъ старается купить у производителя какъ можно дешевле, а продать потребителю какъ можно дороже, все, что убыточно для того и другаго,—ему полезно, и потому онъ правды не скажетъ ни тому ни другому. Торгашъ не работаетъ, ничего не производитъ, однимъ обманомъ живетъ. Впрочемъ, говорить запорожець далѣе въ надписи подъ своимъ изображеніемъ, случалось и ему вести мѣнковой торгъ съ ляхами: промѣнивать свои тулупы на ихніе жупаны, и съ жидами у него такого же рода шла торговля и бывало какъ удачно пойдетъ торгъ, то не одинъ ляхъ съ жидомъ лягутъ въ барышахъ. Чортъ съ ними!... какъ пристануть такъ вѣдь приходится имъ уступать и за шкатулку съ червонцами да за конскій приборъ, вышитый золотомъ, отдать истасканный тулупъ. ⁴⁵⁾ Такъ въ комическомъ

⁴⁴⁾ Дивись да гадай, да ба: не вгадаешь:
Вѣдай родомъ и якъ зовуть.... нѣ чтиркѣ! не визнаешь!
Въ мене имя не одно, а есть ихъ до кѣта,
Такъ зовуть якъ набѣжишь на якого свата.
Жидъ зъ-бѣды за рѣдного батька почитае,
Милостивымъ добродѣемъ ляхъ называе,
А ты якъ хочь назови—на все позволяю,
Абы тѣлькѣ не крамаремъ бо за те й полаю!

⁴⁵⁾ Кожухъ мѣняти на жупанъ зъ ляхами,
То якъ ярмарокъ добрый удачи покаже,
То въ барышѣ ляхъ съ жидомъ не одинъ поляже.
Пекъ имъ! якъ наможуться, то мусишь уступити,
За шкатуку съ червонцами и за рондикъ золотомъ шитый
Кожухъ скрупиный сквинешъ имъ до кѣта,
Абы якъ сцуратися упрямого свата.

образъ торговли описываетъ этотъ запорожець свои наѣзды на ляховъ и жидовъ.

Запорожець этотъ на картинѣ изображается обыкновенно старикомъ. Онъ вспоминаетъ какая у него была когда-то великая сила, какъ у него рука не мѣла, когда приходилось бить ляховъ. ⁴⁶⁾ «Случалось—разсказываетъ онъ—на степи варить пиво; пилъ его и турокъ, и татаринъ, и ляхъ, всё пили на славу. И теперь еще послѣ такого пира валяется по степи много мертвыхъ головъ и костей съ похмѣлья.» ⁴⁷⁾ Но то—событія молодости. Теперь у запорожца «и плечи и ногти болятъ, когда случится ему день побиться». Размышляетъ этотъ запорожець о мірской суетѣ и о своей кончинѣ такъ: «Непродолжительно, вижу я, время лѣтъ жизни нашей. Скоро цвѣтеть она, скоро и увядаетъ, какъ полевая трава. Хоть мнѣ и не страшно помирать въ степи, а все-таки жаль, что некому будетъ похоронить меня: татаринъ отворотится, а ляхъ не приступитъ! Развѣ какое нибудь звѣрьё за ногу въ оврагъ меня стащить. Когда я еще старѣе стану, то пойду въ Русь,—пусть тамъ попы поминаютъ мою душу. Только не годится мнѣ умирать на лавѣ: забираетъ меня охота погулять съ ляхами. Хоть я одряхлѣлъ, а еще мои плечи чувствуютъ, что поборолся бы славно съ ляхами: не мало ихнихъ хоругвей прогналъ бы за Вислу, разлетѣлись бы они, какъ блохи отъ пожара.... надежда у меня вѣрная: ружье мое закадышное, да и сабля, моя сваха, не заржавѣла! Не разъ уже она обмывалась кровію; и теперь, кабы разозлилась, такъ не одинъ бы католикъ перевернулся, а коли пустился бы убѣгать, то застрялъ бы на копьѣ у меня; да еще, какъ я натяну лукъ да брязну тетивою, такъ пустится бѣжать и крымскій ханъ съ своею ордою» ⁴⁸⁾.

⁴⁶⁾ Гай, гай! якъ я бувъ молодъ, що въ мене була за сила?
Ляховъ нещадно бьючи рука и разу незамѣла.

⁴⁷⁾ Лучалось менѣ на степу варити пиво,
Пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво.
Богато и теперь лежить на степу съ похмѣлья
Мертвыхъ головъ и костей отъ того весѣлья.

⁴⁸⁾ Плечи и ногтѣ болятъ якъ день попобьешься—
Така то, бачу, недовга лѣтъ нашихъ година,
Скоро цвѣте, скоро вяне—якъ у ногтѣ былима,
Хочъ менѣ й не страшно на степу вибрати,
Тільки жалко, що нѣкому буде поховати.
Татаринъ цурається, а ляхъ не приступити.

Вездѣ для малорусса запорожецъ сдѣлался идеаломъ браннаго богатыря. И за то Запорожцы всегда вызывались съ любовію и охотою содѣйствовать видамъ и стремленіямъ простаго народа въ Украинѣ. Мы уже выше указали, какое важное вліяніе оказывали Запорожцы на борьбу южно-русскаго народа въ правобережной Украинѣ съ польскимъ шляхетствомъ въ періодъ гайдямачины. На лѣвой сторонѣ Днѣпра они также сочувствовали козакамъ-нетягамъ, сѣромахамъ, слѣдили за тою враждою, какая постоянно тлѣла въ Гетманщинѣ между знатными и простыми и всегда готовы были идти на помощь тѣмъ, которыхъ считали угнетенными. Во всю вторую половину XVII вѣка въ гетманскихъ донесеніяхъ, посылаемыхъ въ Москву, безпрестанно встрѣчаются опасенія, что Запорожцы замышляютъ волновать въ Гетманщинѣ простой народъ и побудить его, вмѣстѣ съ Запорожцами, истреблять старшинъ, владѣльцевъ маестностей и арендарей, продававшихъ съ откупа статьи, составлявшія монополію гетманскаго правительства. Собственно, важнаго переворота въ общественномъ строѣ Гетманщины Запорожцы не въ состояніи были произвести. Бонтигентъ, готовый стать ядромъ горючаго матеріала для возстанія, составляли въ средѣ ихъ только недавніе пришельцы въ Запорожье изъ Украины, по большей части бѣдники, оборвыши, прокутившіеся или излѣбившіеся у себя на родинѣ; Запорожцы же старые, то-есть обжившіеся въ Запорожьѣ, всегда наклонялись къ тому, чтобъ не раздражать московскаго правительства и, угождая ему, получать отъ него постоянно благостыню. Изъ послѣднихъ же чаще выбирались и долѣе удерживались на уря-

Хиба якъ звѣрюка за ноги въ байракъ сцунить.
 Давжежь пристарѣвшись на Русь пойти мушу,
 А чей таки отпоминають поны мою душу.
 Тільки жъ менѣ негоже на лавѣ вмѣрати,
 Боже мене бере охота съ ляхами гуляти.
 Хоча вже трохи зледащѣвъ, да ще чують плечи,
 Кажеться; поборовся бѣ съ ляхами къ-речи.
 Ище бѣ прогнавъ ляхѣвъ хоруговъ за Вислу не трюки,
 Розлетѣлись бы вони всѣ якъ отъ пожару блохи...
 Надѣя въ мене певна мушкетъ сѣромаха,
 Ище не заржавѣла й шабля, моя сваха.
 Хочъ уже не разъ пасокою вынлась,
 Таки вона й теперъ якъ бы розозлилась,
 То не одинъ католикъ лобомъ до-тори достане,
 Коли жъ поввапиться втѣвати, на сплеу зостране.
 Да якъ и лукъ натягну, брязну тетивою,
 То мусить утѣвати хатъ крымскій съ ордою.

дахъ старшины запорожскаго коша, державшіе въ данное время въ своихъ рукахъ все управленіе дѣлами запорожскаго низоваго войска. Притомъ Запорожье само собою никогда не въ силахъ было сладить съ властію, господствовавшею въ Украинѣ; и даже въ эпоху Хмельницкаго оно не иначе могло поднять украинскій народъ противъ поляковъ, какъ съ помощію татаръ. Но, ополчаясь противъ ляховъ-католиковъ и жидовъ-нехристей, можно было успокоить православную совѣсть южно-русскаго народа. Не такъ легко было тоже сдѣлать, начиная раздоръ съ православною Московою и возбуждая противъ нея татаръ; а обратиться Запорожцамъ было не къ кому, кромѣ какъ только къ бусурманамъ. Во время гетманства Мазеи, когда господство значнаго товариства въ Гетманщинѣ достигло высшей степени, Запорожцы, подъ вліяніемъ Петрика или Петриковскаго, замыслили повторить Хмельницину только уже не противъ Польши, а противъ Россіи, вошли подобно тому, какъ нѣкогда Богданъ Хмельницкій, въ союзъ съ крымскимъ ханомъ и вторгнулись въ предѣлы Гетманщины, провозглашая свободу и независимость Малороссійскаго края и возбуждая простой народъ къ истребленію значныхъ товарищей и арендарей. Сначала было имъ повезло: стали приставать пограничные городки, начались тамъ и сямъ народныя вспышки, но не надолго. Участіе вмѣстѣ съ бусурманами въ открытой войнѣ противъ силъ православнаго царя слишкомъ претило благочестивому чувству русскому и народная масса въ Украинѣ не пристала къ замыслу Петрика и его запорожскихъ удалцовъ. Послѣ трехлѣтнихъ бесполезныхъ усилій и нѣсколькихъ вторженій въ Гетманщину съ татарами, Петрикъ былъ въ началѣ 1696 г. убитъ охотнымъ козакомъ Палѣева полка Вечѣркою, близъ мѣстечка Кишенки. Объ этомъ рассказываетъ исторія Русовъ Ко-нисскаго, прибавляя, что и самъ Вечѣрка былъ потомъ схваченъ татарами и замученъ. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ недостовѣрная эта исторія сообщаетъ извѣстіе не вымышленное авторомъ, а заимствованное изъ народной памяти, но крайней мѣрѣ относительно судьбы самаго Вечѣрки. О смерти Вечѣрки или Вечѣрченка сохранилась пѣсня такого содержанія:

«Стояла сосна противъ солнышка; ѣдетъ впереди другихъ Вечѣрченко на ворономъ конѣ. Только-что сталъ онъ съѣзжать на траву, какъ позади его Петриковскій натянулъ тугой лукъ ⁴⁹⁾».

⁴⁹⁾ Охъ и стояла сосоночка да противъ соеочка;
А по переду Вечѣрченко на воронѣмъ коню.

Пѣсня не говоритъ объ убіеніи Петрика или Петриговскаго, а только о взятіи самаго Вечѳрченна. «Его привели въ свѣтлицу. — «Такая у васъ свѣтлица, говоритъ онъ, какъ у меня скотскій загонъ!» — Съ него снимають жупаны, одѣвають въ сермягу, снимають сапоги, отбирають червонцы ⁵⁰⁾, ведутъ на желтые пески за густой верболозь и вынимають живьемъ у него сердце. Его жена Ульяна не можетъ ни ѣсть, ни пить, заливается горькими слезами ⁵¹⁾. Пѣсня дастъ ему послѣднее слово: «Сотники полковники и великіе господа! Передайте моей женѣ Ульянѣ, что не будетъ онъ болѣе ѣздить въ новой коляскѣ.» ⁵²⁾

Отчего смерть Вечѳрки вошла въ пѣсни и пѣня объ этомъ событіи сохранилась, мы рѣшать не беремся. Могло быть, что она принадлежала къ разряду многихъ, которыя исчезли, или же, можетъ быть, гдѣ-нибудь существуютъ не открытыя собирателями. Пѣсня о Вечѳрченкѣ не изъ распространенныхъ повсемѣстно и была записана случайно гдѣ-то въ Черниговской губерніи Ае. Вас. Маркевичемъ, который былъ ревностѣйшимъ и искуснѣйшимъ этнографомъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Если Запорожцамъ не удалось возбудить въ Гетманщинѣ чернь противъ знатныхъ и произвести мятежъ противъ власти московской съ Петрикомъ, то мало нашли они склонности и въ эпоху шведской войны, когда съ своимъ кошевымъ Костею Гордѣенкомъ пристали къ замыслу Мазепы. Съ Полтавскаго побоища

Охъ и лишень же да Вечѳрченко да на тую траву изѣѣжае,
А позадь ёго да панъ Петриговскій да тугій лукъ натагае.

⁵⁰⁾ Якъ узали да Вечѳрченка да подъ пиниѣ боля,

Да якъ повели Вечѳрченка у нову свѣтлицю.

„Ой така ваша свѣтлиця якъ моя стадниця!“

Посадили Вечѳрченка на тесовѣй лавѣ.

— Ой знѣймайте съ Вечѳрченка да жупаны луданы!

Якъ посадили Вечѳрченка на тесовѣ стѳльцѣ.

— Ой знѣймайте съ Вечѳрченка чоботы й червонцѣ.—

Охъ и либонь тобѣ, Вечѳрченко, да сермяжище важко,

Що учора бувъ у жупанахъ, а теперь лишъ сермяжка.

⁵¹⁾ Якъ повели да Вечѳрченка да за жовтыи пѣски,

Охъ и не взялася его жѣнка—Ульяна нѣ пити нѣ ѣсти.

Якъ повели да Вечѳрченка да за густыи лозы.

Ой облили ёго жѣнку Ульяну дробненькии слѣзы.

Ой якъ стали да Вечѳрченку да муку завдавати,

Що зъ живого да Вечѳрченка да серденько выймаи!

⁵²⁾ Ой вы сотники, полковники и великіи паны.

Охъ и накажѣть вы, панове братцѣ, мойѣ жѣницѣ Улясѣ.

Що не буде вона ѣздити да у новѣй коляскѣ.

они, какъ извѣстно, бѣжали вмѣстѣ съ другими, а подѣ Переволочною оказали важныя услуги Барлу XII и Мазепѣ, доставивши имъ возможность переправиться въ-пору черезъ Днѣпръ и уйти отъ плѣна. О кошевомъ Гордѣнкѣ и его Запорожцахъ, по поводу полтавскаго боя, сохранилась народная пѣсня. Сообразно приѣмамъ народной символики, военное дѣло изображается аллегорически въ образѣ уборки хлѣба. Запорожцы приглашаются осмотрѣть (дозрѣвшую) пшеницу и жать ее. Запорожцы отвѣчаютъ, что хотѣ и пойдутъ ее осматривать, но жать не будутъ⁵³). Этими словами заранѣе выражается неувѣренность въ успѣхѣхъ предпріятія. Далѣе въ пѣснѣ говорится: хвалились Запорожцы, что возьмутъ Полтаву, но они Полтавы не взяли, а шведъ уже проигралъ дѣло и остался, на горе себѣ, кошевой. У него умерла старенькая мать, и никто не подаетъ ему теперь добраго совѣта⁵⁴). Въ аллегорическомъ образѣ матери здѣсь разумѣется Украина, а смерть ея — значитъ потерю надежды на самостоятельность, которую питали тогда обольщенные Мазею.

Восточный царь недовѣрчивъ къ Украинѣ — говоритъ въ заключеніе пѣсня: — онъ посылаетъ Голицына стеречь чтобъ не появилась измѣна, а самъ хочетъ вслѣдъ за нимъ идти съ московскимъ войскомъ⁵⁵). Здѣсь идетъ рѣчь о Дмитріѣ Михайловичѣ Голицынѣ, кievскомъ губернаторѣ, бывшимъ тогда представителемъ царской власти въ Малороссіи, котораго первою обязанностию было смотрѣть, чтобъ не возникло какой-нибудь шатости въ краѣ, котораго положеніе было еще довольно непрочно.

Сочувствіе всего южнорусскаго народа къ Запорожцамъ отпечатлѣлось тѣмъ, что въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества послѣднее раззореніе Сѣчи составило цѣлый циклъ пѣсенъ, очень распространенныхъ, но которыхъ очень небольшая

⁵³) Запорозьцѣ небожата! Пшеница не жата!
Ой пойдѣте, оглядѣте, пшеницю жажнѣте.
Ой хочъ пойдѣмо оглядати, не будѣмо жати!

⁵⁴) Хвалилися Запорозьцѣ Полтавы достати.
Ще Полтавы не достали, а вже Шведъ издавса.
На бѣдну ю головоньку кошовий зоставса.
Ой умерла въ кошового старенькая мати,
Ой нѣкому кошовому порадоньки дати.

⁵⁵) Восточный царь на Украинѣ не дѣймае вѣры,
Посылае Голицына щобъ не було змѣны.
Ой иди жѣ ты, Голицыну, иди жѣ ты горою,
А я побѣду съ москалями у-слѣдъ за тобою!

часть намъ извѣстна. Событіе это, какъ извѣстно, произошло въ 1775 году. Главною причиною были, конечно, государственныя виды политики объединенія русскаго міра, признававшей существованіе запорожской военной общины несвоевременнымъ, а ближайшимъ поводомъ послужили давно уже возникшіе и передъ тѣмъ, такъ сказать, обострившіеся споры поземельныя. Запорожцы издавна уже были недовольны заведеніями поселеній на земляхъ, которыя считали своею принадлежностію. Всякій шагъ въ такомъ смыслѣ, исходившій отъ московскаго правительства или малороссійскаго гетмана, встрѣчаемъ былъ ропотомъ, жалобами, угрозами, а подь-часъ и самоуправствомъ. Не смотря на это, степныя пространства на югѣ Россіи все болѣе и болѣе заселялись и въ царствованіе Екаторины II-й Запорожская Сѣчь съ ея паланками (округами, на которыя дѣлились запорожскія владѣнія) была отовсюду окружена поселеніями великороссіянъ, малороссіянъ и сербовъ, призванныхъ въ Россію предшествовавшею императрицею Елисаветою. Въ 1774 году Запорожская Сѣчь отправила къ императрицѣ депутацію съ челобитною, чтобъ всѣ земли и угоды, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, отшедшія и, какъ Запорожцы выражались, самовольно захваченныя, были возвращены въ вѣдомство Запорожскаго низоваго войска, будучи изстари его достояніемъ, какъ свидѣтельствовали документы, которые должны были представить посланные депутаты. Но такая челобитная сочтена была неумѣстною. Депутація была задержана. Главное лицо, на котораго Запорожцы особенно надѣялись, Григорій Александровичъ Потемкинъ, былъ противъ нихъ, не смотря на то, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по собственному его желанію, Потемкинъ былъ принятъ въ число товарищей Запорожскаго низоваго войска и, сообразно обычаю давать новопоступившимъ прозвища, получилъ у Запорожцевъ кличку Грицьба Нечосы. Задержавши депутацію, правительство отправило для уничтоженія Сѣчи и всего низоваго войска генераль-поручика Текели съ сильнымъ отрядомъ.

На эту отправку запорожской депутаціи указываетъ народная пѣсня: «Встань, Харько, встань, батюшка! Довольно спать намъ. Пойдемъ къ царицѣ просить милости. Встань, Харько! Встань, батюшка! Просяты тебя люди! Какъ пойдемъ въ столицу—по прежнему будетъ. Скажемъ царицѣ: смилуйся надъ нами, отдай намъ наши прежнія степи съ темными роцями!—Радъ бы

я—отвѣчаетъ тотъ, къ кому обращена рѣчь:—сдѣлать по вашему хотѣнью, да за господами нельзя приступить въ сенатъ!»⁵⁶).

Кто таковъ этотъ Харько—рѣшить трудно. Депутатами посланными тогда были: Сидоръ Бѣлый, Логинъ Мощенскій и Антонъ Головатый. Никакого Харька (Захара) тогда не посылалось. Но, можетъ быть, здѣсь обращаются къ Харьку Чепѣгѣ, одному изъ тогдашнихъ старшинъ запорожскихъ, который впоследствии игралъ важную роль и котораго имя стало очень популярнымъ. Въ пѣснѣ же, напечатанной въ сборникѣ «Малороссійскія и Червонорусскія Думы и Пѣсни» (стр. 55) и составляющей, по началу, вариантъ приведенной нами, вмѣсто Харька обращаются къ Грицю. «Встань, батюшка, встань, Гриць! Зовуть тебя люди! Какъ пойдемъ въ столицу—по старому будетъ. Попросишь царицу: не отдасть ли она земель нашихъ, не возстановитъ ли правъ нашихъ»⁵⁷). По этому варианту можно предположить, что Запорожцы здѣсь обращаются къ Григорію Потемкину, на котораго тогда возлагались большія надежды.

Далѣе, по нашему варианту, говорится, что Запорожцы воротились съ плачемъ, который уподобляется бурной рѣкѣ, размывающей крутые берега. Царица не велитъ отдавать Запорожцамъ степей, а посылаетъ москалей раззорить Сѣчу.⁵⁸)

Другая народная пѣсня такъ изображаетъ совѣтъ вельможъ о способахъ уничтоженія Запорожской вольности. «Подъ городомъ Елисаветомъ слетались орлы, а въ Москвѣ городъ въ правительственномъ мѣстѣ засѣли господа сенаторы».⁵⁹)

⁵⁶) Устань Харьку, устань батьку, годѣ вже намъ спати!

Ой ходѣмо до царицѣ милости прохати.

Устань Харьку, устань батьку! Просать тебе люде!

Ой пойдѣмъ у столицу—по прежнему буде.

Ой якъ скажемъ мы царицѣ: смилуйся надъ нами.

Отдай же намъ наши степы съ темными дугами!

Ой радъ же бѣ я, дѣти мои, волю учинити,

Такъ не можно за панами въ сенатъ уступити.

⁵⁷) Да встань, батьку, да встань, Грицю! Кличуть тебе люде!

Ой якъ пойдѣшь на столицу—по старому буде!

Ой якъ пойдѣшь на столицу, попросишь царицу:

Чи не отдасть нашихъ земель, клейноты не верне!

⁵⁸) Тече рѣчка невеличка, подмывае кручи,

Заплакали Запорозьцѣ вѣдъ царицѣ йдучи.

Ой не велитъ да царица степу отдавати,

Посылае москаликѣвъ Сѣчу розорати.

⁵⁹) Ой подъ городомъ Елисаветомъ много орловъ пльѣталось;

Въ Москвѣ городѣ въ засѣданномъ мѣстѣ панѣвъ сенаторѣвъ
сбиралось.

Подъ городомъ Елисаветомъ здѣсь разумѣется крѣпость св. Елисаветы (нынѣшній Елисаветградъ), основанная въ 1753 году на Запорожской землѣ и до чрезвычайности ненавистная для Запорожцевъ, которые видѣли въ ея основаніи большое посягательство на ихъ права владѣнія. Крѣпость эта была сборнымъ пунктомъ для русскихъ военныхъ силъ, готовыхъ усмирить Запорожье, если бы оно заволновалось. Въ этомъ-то смыслѣ здѣсь въ пѣснѣ говорится объ орлахъ, слетающихъ подъ городомъ Елисаветомъ.

«Собравшись», — продолжаетъ пѣсня: — «господа сенаторы стали измышлять способы, какъ бы отобрать у Запорожцевъ ихъ льготы. Если бы только — говорили они между собою, — намъ у нихъ да отобрать ихъ льготы, то будемъ мы и потомки наши поживать въ ихъ отчизнѣ. И избрали они способъ добрый: давать (для вида) Запорожцамъ волю, а по всей ихъ землѣ населять слободы. Какъ была съ Туркомъ война, тогда Запорожцевъ поощряли портретами (то-есть въ видѣ награды раздавали портреты императрицы), а Запорожцы — люди добрые: коварства ихъ не знали и довѣрились сенаторамъ, считая ихъ людьми правдивыми. Какъ дознались сенаторы, что Запорожцы имъ довѣряютъ, то приказали измѣривать всю землю Запорожскую и наводить на планы. А чтобъ Запорожцы никакъ не смегнули въ чемъ ихъ намѣренія, послали къ нимъ въ подарокъ новые мѣдныя котлы (литавры) и черезъ эти-то котлы всѣ запорожскіе старшины были взяты.»⁹⁹⁾

Подъ новыми мѣдными котлами разумѣются литавры, кото-

⁹⁹⁾ Ой збравшись вони въ одно мѣсце стали способъ собирати,
 Якъ бы зъ войська запорозького всѣ волности отбрати.
 Ой коли бъ же намъ, паны сенаторы, у нихъ волность отбрати,
 То будемъ мы и потомки наши въ ихъ отчизнѣ поживати.
 Ой избрали вони способъ добрый: Запорозьцамъ волю дати,
 Приказали вони по всѣй землѣ ихъ слободы заселяти.
 Когда була съ туркомъ война патретами поощряли,
 А Запорозьцѣ добрѣ люде ихъ ласкательства не знали,
 Да тѣмъ сенаторамъ якъ правдивымъ людамъ, во всѣмъ вѣрѣ доймали.
 Ой якъ дознали тыѣ сенаторы, що Запорозьцѣ имъ вѣрять,
 Ой да й приказали запорозьку землю всю кругомъ мѣрять.
 А розмѣривши запорозьку землю на планы зѣмали,
 А щобъ Запорозьцѣ того не дознали казаны имъ въ Сѣчѣ прислали.
 Ой якъ прислали на всѣ куренѣ мѣднѣ мѣдныи казаны,
 А за тѣи казаны запорозьки всѣ паны були побранѣ.
 А отсежъ тобѣ, пане кошовый, за всѣ твои вѣрныи службы,
 Ой якъ пойдешъ въ городъ столицю, наберешься нужды,

рые не задолго предъ тѣмъ Потемкинъ прислалъ въ даръ всему низовому войску, какъ знакъ благосклонности и вниманія.

Генераль-поручикъ Текели овладѣлъ Запорожскою Сѣчею безъ боя. Искусно занявши прежде всѣ окрестности своимъ войскомъ и подступивши къ самой Сѣчи, онъ чрезъ полковника Мисюрева потребовалъ къ себѣ кошевого атамана Петра Калнышевскаго, войскового писаря Семена Глобу и войскового судью Павла Головатаго, и тотчасъ приставилъ къ нимъ караулъ, потому что правительство уже держало въ подозрѣнн ихъ всѣхъ, а въ особенности кошевого атамана. Послѣ этого Текели приказалъ войску занять Сѣчу и поставить караулы къ войсковой казнѣ, пороховому погребу, къ артиллеріи, къ церкви, канцеляріи, вообще ко всѣмъ принадлежностямъ коша и къ имуществу задержанныхъ старшинъ. Въ народной пѣснѣ говорится, что какой-то козацкиче васюринскаго куреня, большой пьяница, упрасиваетъ кошевого стоять упорно у воротной башни и не допускать москалей раззорять Сѣчу. Пусть москали съ тесаками,—запорожцы стануть противъ нихъ съ одними кулаками: лишь бы честь козацкая была сбережена. Кошевой отвѣчаетъ, что онъ радъ бы такъ поступить, да не возможно уже имъ защитить Сѣчи, нѣтъ силъ у нихъ, не дозволяетъ онъ становиться у воротной башни къ отпору ⁶¹⁾. Но при этомъ кошевой въ порывѣ досады произносить восклицаніе: «Какъ это не стыдится бѣлая царица раззорять Сѣчь!» ⁶²⁾.

Изъ драгоцѣннаго разсказа глубокаго старца Коржа, Запорожца и очевидца событій (Ист. Нов. Сѣчи III. стр. 190—200) видно, что дѣйствительно такъ настроены были тѣ, которые носили собирательное названіе «сѣрома», то-есть молодые, одинокіе и бѣдные, которымъ терять было нечего. Но тѣ, у которыхъ въ запорожскихъ земляхъ были устроены зимовники или хутора, гдѣ проживали ихъ семьи,—тѣ боялись, чтобъ русское войско

⁶¹⁾ Васюринскій козарлюга все пье да гулае,

Кошового атамана батькомъ называе.

— Благослови ты нашъ батьку, намъ на баштѣ стати,

— Щобъ не впустишь москаликѡвъ да Сѣчь руйновати.

— Москаль стане съ тесаками, а мы съ кулаками;

— Нехай слава не загине помѣжь козаками!—

„Ой радъ бы я, дѣти мои, волю учинити,

„Да не зможемъ усѣ мы Сѣчи защитити.

„Не позволю, Васюринскій, вамъ на баштѣ стати!“

⁶²⁾ Якъ не стыдно Бѣгій дариць да Сѣчь руйновати!

Текели за такое сопротивление не разорило ихъ жилищъ и не истребило ихъ женъ и дѣтей. Они представляли на радѣ, что при совершенной несоразмѣрности ихъ силъ, имъ не остается болѣе ничего, какъ покориться волѣ царицы. Много способствовалъ и голосъ сѣчеваго священника, недавно пожалованнаго въ санъ архимандрита, Владимира Сокальскаго. И онъ, во имя христіанской любви и кротости, убѣждалъ во всемъ покориться царской волѣ. «Въ Исторіи Новой Сѣчи» приведена большая пѣсня, въ которой событія рассказываются точно такъ, какъ въ рассказѣ Коржа. Пѣсня эта, какъ сообщаетъ авторъ «Исторіи Новой Сѣчи», записана дворяниномъ Бобринецкаго уѣзда Скопывымъ изъ устъ лирника; но она, по своему складу, внушаетъ намъ сомнѣніе въ ея дѣйствительной принадлежности къ подлиннымъ народнымъ произведеніямъ и кажется сочиненною, на основаніи рассказа Коржа, въ близкое намъ время, послѣ того, какъ этотъ рассказъ появился въ печати. Въ извѣстныхъ намъ пѣсняхъ, признаваемыхъ нами за несомнѣнно-народныя, Запорожцы, предъ отъѣздомъ кошеваго и старшинъ къ русскому генералу, говорятъ кошевому: «Буда жъ ты, господинъ Петръ Калнышевскій отъ насъ отъѣзжаешь? На кого покидаешь напрасно славное Запорожье? Написалъ генераль Румянцевъ ордеръ къ матушкѣ про измѣну: будто ты, Петръ Калнышевскій, пристаешь въ турецкую вѣру. А матушка возражаетъ на это: велика моя держава; могу я укротить Запорожье и козацкую отвагу» ⁶³). Пѣсня изображаетъ, какъ потомъ москали, отобрали у Запорожцевъ оружіе, ⁶⁴) запасы, имущества, ⁶⁵) поставили караулы около Сѣчевой церкви и не допустили отца Владимира совершать богослуженіе ⁶⁶). Кошевой, находясь уже подъ арестомъ у московскаго генерала, съ крутой горы смотритъ на все это

- ⁶³) Ой и гдѣжъ ты, Петро Калнышевскій, вѣдъ насъ вѣтѣзжаешь?
На кого ты славне Запорожье такъ марне покидаешь?
Ой и пише ордеръ генераль Руманцовъ до матушки змѣну,
Що бутсѣмъ ты, Петро Калнышевскій, у турецьку пристаешь вѣру.
Ой а матушка выдвигаетъ: що великую а державу маю,
Можу упиняти славне Запорожье и козацькую славу.
- ⁶⁴) Ой якъ поїшовъ москаль по куреняхъ да ставъ ружья отбирати,
А московськии паны генералы поїшли церкви руйновати.
- ⁶⁵) Ходить москаль по куреняхъ запасъ отбирає,
Брали сребло брали злато восковини свѣчи....
- ⁶⁶) Кругомъ церкви сѣчовой караури стали,
Священнику отцю Владимиру служити не дали.

и произносятъ: «Не раззоряйте вы, черти короткохвостые, хотъ Божія дома!» ⁶⁷⁾ Набрали москали серебра и золота и стали размышлять: какую бы славнымъ Запорожцамъ задать кару? Взяли бъ мы ихъ да изрубили, такъ они на насъ не поднимали рукъ; обратили бы мы ихъ въ пикинеры, такъ на это указа не получили. ⁶⁸⁾ Собралось московскаго войска тысячъ сорокъ, расположились они прикрытые рощами. Какъ увидалъ это Петро Калнышевскій, такъ и залился слезами. Плачетъ онъ, какъ рѣка льется, подмывая крутые берега, плачетъ ѣдучи къ матушкѣ: «Ахъ, матушка наша, царица, сжался надъ нами. Пожгли наши степи, забрали ихъ себѣ московскіе генералы. Всѣ наши приволя, всѣ наши угоды, всѣ наши рыбныя ловли опустѣли; уже всѣ мои славныя Запорожцы до сихъ поръ въ оковахъ!» ⁶⁹⁾

О судьбѣ посланныхъ въ столицу подъ стражею запорожскихъ старшинъ ниванихъ официальныхъ свѣдѣній мы не видали. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ открыто, что Калнышевскій томился въ суровомъ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ и не ранѣе, какъ послѣ вступленія на престолъ Императора Павла получилъ освобожденіе, но, достигши тогда уже столѣтняго возраста своей жизни, воспользовался дарованною свободою только для того, чтобы постричься въ томъ же Соловецкомъ монастырѣ. Народныя пѣсни не могли ни о немъ, ни о его товарищахъ сказать болѣе ничего, какъ только то, что ихъ отвезли куда-то въ неволю. Въ одной пѣснѣ разсказывается, что еще прежде козаки Супрунь предостерегали Калнышевскаго, что ему и всему Запорожью угрожаетъ бѣда «отъ чистаго озера», а Калнышевскій

⁶⁷⁾ Ой избйшовъ же Петро Калнышевскій а на круту гору:
Ой не руйнуйте вы, чорты вуцѣ, хотъ Божого дому.

⁶⁸⁾ Ой набрали вони сръбла злата да стали думати-гадати:
Ой алужъ будемъ славнымъ запорозьцамъ ми кару давати?
Взяли бъ мы ихъ порубали, такъ вони рукъ не здѣймали,
Забрали бъ мы ихъ въ пикинеры, такъ указу мы не получали.

⁶⁹⁾ Ой зобралось ихъ сорокъ тысячъ да й покылись лугами,
Ой побачивъ Петро Калнышевскій да облився слѣзами.
Ой тече рѣчка невеличка, підмывае кручи;
Ой заплававъ да Петро Калнышевскій до матушки ѣдучи.
„Ой матушка наша, Катре царице, смилуйся надъ нами,
Що погорѣли да позавладѣли наши степи да московськи генералы.
Ой усѣ наши волности, усѣ наши роскоши всѣ наши рыболовнѣ
пустѣ стали.
Ой досѣ мои славнѣ Запорозьцѣ ажъ у оковѣ стали!

же уберется от бѣды, наступившей отъ снято моря ⁷⁰). Здѣсь—пріемъ народной символики: вмѣстилище водъ служить образомъ губительной силы. Калнышевскій не уберется отъ бѣды самой тяжкой, и въ этомъ смыслѣ названа эта бѣда исходящею отъ моря. Калнышевскому—заключаетъ пѣсня—въ Петербургѣ вѣчная неволя ⁷¹).

Въ другой пѣснѣ поется, что взятыхъ Запорожскихъ старшинъ повезли на-скоро въ Москву и засадили въ неволю, а господа сенаторы съ генералами утѣшались, такъ какъ они послѣ того завладѣли запорожскими землями ⁷²). Это исторически вѣрно: послѣ уничтоженія Сѣчи громадныя полосы земель, принадлежавшихъ Запорожскому низовому войску, достались разнымъ вельможамъ.

Объявленіе верховной воли объ уничтоженіи Запорожскаго коша выражено въ пѣсняхъ символическими образами стрѣльняія изъ ружей и пушекъ и паденія бомбы посреди Сѣчи ⁷³).

Приведенный нами выше очевидецъ событій Запорожецъ Коржъ (Ист. Нов. Сѣчи III. стр. 197 — 200) сообщаетъ, что послѣ арестованія и отправки въ столицу запорожскихъ старшинъ, запорожскіе сѣромахи отпросились у Текели на заработки «въ Тилигуль до ямы», то есть на Тилигуль тянуть неводы. Текели отпустилъ ихъ, приказавши выдать имъ письменные виды по одному на пятьдесятъ человекъ. Тогда они сѣли въ челны, стоявшіе во множествѣ у Днѣпровскихъ островковъ, расположенныхъ на рѣкѣ близъ Сѣчи, и ушли въ турецкія владѣнія. За ними по-

⁷⁰) Славно було Запорожье всіми сторонами;
А теперь намъ нѣгде прожити за вражими панамі.
Ой уже Супрунь козакъ до Калныша часто листы пише:
Ой бережися, пане Калнышевській, водъ чистого ставу,
Бо втраєшь Запорожье й козацьку славу.
Не верьтєся Калнышевській водъ синєго моря....

⁷¹) Теперь ѣму въ Петербургѣ довѣчна неволя.

⁷²) Ой повезли запорожькихъ панѣвъ у Москву городъ спѣшно;
Ой посадили ихъ у неволю; сенаторамъ стало втѣшно,
Ой тѣшились паны сенаторы и меньшіи генералы,
Що отбрали въ Запорожьцѣвъ землѣ и владѣють сами.

⁷³) Ой вдарили на столицѣ зъ новою ручницѣ;
Вы вѣдайте, славиѣ Запорожьцѣ, пистолеты и ручницѣ!
Ой вдарили на столицѣ изъ новою пушки;
Утѣжайте, славиѣ Запорожьцѣ, не те коньми—й пѣшки!
Летить бомба изъ столицѣ, середь Сѣчи впаде:
Хочъ пропало Запорожье, да не пропала слава.

слѣдовали многіе другіе и вся такъ называемая «сѣрома» (то есть бездомовные, холостые и неимушціе)—ушла за границу. Объ этомъ событіи говорятъ народныя пѣсни: стали рыболововъ собирать, стали тогда Запорожцы уходить къ туркамъ; разбѣжалось все славное Запорожье, присягу дали Турчину вѣрно служить: оно бы всѣмъ хорошо подѣ Туркомъ жить, да не хорошо только невѣрному служить⁷⁴). Въ другой пѣснѣ говорится: раззорили Запорожье, уничтожили права, надѣлали сѣромахамъ большой скорби. Собрались Запорожцы на дубахъ и поплыли къ Лиману. Оглянулись они на свою старую Сѣчь и облились слезами. Словно калиновыя вѣтви опущенныя внизъ, запечалились Запорожцы какъ дѣти по матери. Нашла на нихъ черная туча, полился дождь съ неба. Раззорили Запорожье, а его когда-нибудь нужно будетъ бѣлымъ царямъ⁷⁵). Въ третьей пѣснѣ убѣгающіе къ туркамъ Запорожцы прощаются съ Россіею, покидая въ ней свое приволье, говорятъ, что на нихъ разсердился родной отецъ и потому приходится теперь имъ служить вотчиму. Онъ, этотъ вотчимъ, добрый человекъ; будутъ они ему служить всею правдою и можетъ быть Всевышній Творецъ поможетъ имъ достать опять свою природную степь⁷⁶).

⁷⁴) Навѣхали закутцыны (?) рыболовы скупляти,
Тогдѣ стали Запорожьцѣ подѣ Турка вѣткати.
Повѣтвало славне Запорожье подѣ Турчина жити,
Заприсягли Турчиновѣ якъ вѣрно служити.
За все гараздъ, за все гараздъ подѣ Турчиномъ жити,
А за одно не гараздъ, що за невѣру служити.

⁷⁵) Зруйновали Запорожье, побрали клейноты,
Наробили сѣромахамъ великой скорботы.
Побралися сѣромахи на Лиманѣ дубами,
Оглянулись на Стару Сѣчь—вмилися слѣзами.
Ой у лузѣ калиновѣа похилилися вѣтки:
Зажурилися Запорожьцѣ якъ по матерѣ дѣтви!
Наступила чорна хмара, дробенъ дождчикъ съ неба;
Силюндровали Запорожье—колисъ буде треба!
По другому варианту послѣдній стихъ такъ:
Буде колисъ бѣлымъ царямъ Запорожьцѣвъ треба!

⁷⁶) Ой прощай, прощай, свѣтъ бѣла Росія тобѣ вольность оставляемъ,
Ой тимъ же мы тобѣ вольность оставляемъ, що у себе батька не маемъ.
Ой розсердився нашъ рідний батько, не має насъ за сына;
Отъ-теперъ же мы, милѣ братя, ходѣмъ служити до вотчина
А вотчимъ же нашъ чоловікъ добрий, а рідний батько нѣчого....

Русское правительство, видя побѣгъ большихъ массъ народонаселенія за предѣлы своего государства, старалось и угрозами и ласковыми обѣщаніями остановить ихъ. Объ этомъ говорить и народныя пѣсни,—въ одной такъ поется: «Пошли наши Запорожцы по-надъ вольными рѣками, широкими глубокими лиманами. Они въ раздумьи: не знаютъ какому царю поклониться.— Поклонимся — говорятъ они: — турку; подъ его властію хорошо живется; вотъ только то неприятно, что придется свою братью бить.—А Москаль имъ говоритъ: «идите ко мнѣ жить; я вамъ дамъ земли по Днѣстръ границею». — А, врешь, врешь, врагъ Москаль! Хочешь насъ подманить; а какъ мы пойдемъ подъ твое царство, ты станешь намъ забривать лбы.—«Что вы это, молодцы!» — говоритъ Москаль: — «Славные Запорожцы! Я въ своемъ царствѣ никого не обманывалъ. Все ваши господа старшины поступали дурно: они въ напасть ввели вашу хорошую степь, вашъ веселый край!»⁷⁷⁾ Въ четвертой пѣснѣ такое обращеніе отъ Запорожцевъ къ Москалю: «Ахъ ты Москаль, еретичій ты сынъ! Зачѣмъ чинишь такое зло, изводишь славное войско Запорожское.»—Ахъ, не жалуйтесь, славные Запорожцы, на московскихъ генераловъ. Жалуйтесь на своихъ вражбыхъ господъ. Ваши господа, еретичьи сыны; надѣлали зла, степь хорошую, край веселый московскимъ генераламъ уступили.⁷⁸⁾—

Дастъ намъ помочь Всевышній Творецъ—що терпимо много
 Ёму будемъ служить всею правдою; вѣнъ намъ буде батько рѣдний,
 А ще Творецъ поможе Вышній достать намъ степь природный.

- ⁷⁷⁾ Ой побили наши Запорожьцѣ по надъ вольными рѣками,
 Широкими да глубокими по надъ лиманами.
 Що тепера наши Запорожьцѣ въ великому жалю,
 Що не знаютъ поклонитись которому царю.
 Поклонимось тому Турковѣ, а подъ нимъ добре жити,
 Тѣлько одно те неприятно, що на свою братью бити.
 Ой прійшовъ Москаль до Запорожьцѣвъ: йдѣть до мене жити.
 Ой отдамъ землю по прежнему по Днѣстръ по границю“.
 —Ой брешешъ, брешешъ, вражій Москалю, хочешъ подманити,
 —А якъ пойдемъ подъ твое царство, станешъ лобы голити.—
 „Ой и що вы, хлопцѣ славнѣ Запорожьцѣ, ой не бойтесь нѣчого,
 „Ой щезъ я, бачитесь въ своѣму царствѣ не зрадивъ нѣкого!
 „А се все ваши паны да не добре зробили
 „Що степь вашъ добрый, край веселый да зананастали!“

- ⁷⁸⁾ Ой ты Москалю еретичій сыну! Ой що ты за зло робишь?
 Ой все вѣйсько славне Запорожьке у конецъ переводишь!
 Ой не жалкуйте, славнѣ Запорожьцѣ, да на Московськихъ генераловъ,
 Ой и жалкуйте, славнѣ Запорожьцѣ, на своихъ вражбыхъ пановъ.
 Бо ваши паны еретичи сыны, да недобре зробили,
 Степь добрый край веселый московськимъ генераламъ уступили!

Это—голосъ Запорожскихъ сѣромахъ, которые, будучи разогнаны какъ звѣри по степи ⁷⁹⁾, сами не знали кого обвинять, и по старопредковскому обычаю, взваливали вину прежде всего на своихъ старшинъ, воображая, что они добровольно сдали Запорожье, которое, какъ имъ казалось, можно было отстаивать.

Однако, предчувствіе, выраженное въ пѣснѣ, что когда-нибудь Бѣлыиъ Царяиъ окажутся нужными Запорожцы, оправдалось, и довольно скоро. Уже въ 1783 году, по проекту того же Потемкина, заявившаго себя врагомъ Запорожцевъ, когда пріѣзжала изъ Сѣчи депутація съ челобитною о возвратѣ земель,—возстановлялось низовое козацкое войско подъ именемъ Черноморскаго. Объ этомъ есть въ народныхъ пѣсняхъ такой намѣкъ: «Собирались господа генералы на сеймъ и держали совѣтъ, какъ бы собрать Запорожское войско. Сеймуйте себѣ, господа генералы, да не такъ оно будетъ. Воротите войсковыя права, такъ войско само прибудетъ.» ⁸⁰⁾

Новосоставленное войско, подъ начальствомъ бывшихъ прежде въ Запорожьѣ старшинами Сидора Бѣлаго, Харька Чепѣги, Антона Головатаго, Легкоступа и другихъ, отличилось геройскими подвигами въ послѣдовавшую вторую турецкую войну, и Потемкинъ, считавшійся гетманомъ войскъ козацкихъ, назначилъ возобновленному Черноморскому войску во владѣніе земли, находившіяся между Бугомъ и Днѣстромъ до Чернаго моря. Но смерть Потемкина не допустила осуществиться этому проекту. По поводу этого событія сложилась отъ имени Запорожцевъ такая пѣсня: «Боже нашъ, Боже милосердый! Какіе мы въ свѣтѣ несчастные! Служили мы вѣрно и на полѣ и на морѣ, а остаемся голыми и босыми. Думали было мы заслужить себѣ землю, чтобы намъ было гдѣ въ привольѣ вѣкъ свой прожить, и дали было намъ землю отъ Днѣстра до Буга, границею по Бендерскую дорогу, дали было намъ два лимана: Днѣстровскій и Днѣпровскій: тутъ бы намъ, братцы, и наживать себѣ жупаны. Дали землю, а теперь отнимаютъ, а намъ сулятъ какую-то Тамань ⁸¹⁾. Въ

⁷⁹⁾ Гдѣ збѣрались славнѣ Запорожьцѣ якъ на небѣ звѣзды,
А теперъ розбѣглися якъ по степу звѣри.

⁸⁰⁾ Ой збѣралися паны генералы и сенатъ сеймовати:
Ой якъ же намъ се войсько славне Запорожьке зобрати.
Хочъ сеймуйте, паны генералы, да не такъ воно буде:
А веритъ войсковыи клейноты то и само войсько прибуде.

⁸¹⁾ Ой Боже мой, Боже, Боже милостивий!
Яки жъ мы вродились въ свѣтѣ несчастливѣ!

«Исторіи Новой Сѣчи» эта пѣсня приписывается Антону Головатому. Не беремса рѣшать, имъ ли дѣйствительно сочинена она, или можетъ быть только ему приписывается и сложена вообще Запорожцами, — только эта пѣсня до сихъ поръ вездѣ поется въ народѣ. Дѣйствительно, тотчасъ по смерти Потемкина составлялся проектъ устроить Черноморское войско на Таманскомъ полуостровѣ и Запорожцы, ожидавшіе себѣ другого, были этимъ проектомъ недовольны. Это и выражается въ настоящей пѣснѣ. Но вскорѣ, однако, Запорожцы помирились съ планомъ правительства поселить ихъ на берегахъ Чернаго моря, имъ издавна знакомаго, хотя и не тамъ, гдѣ бы они хотѣли, а по близости къ Кавказу, гдѣ они могли быть полезны государству своими военными подвигами противъ черкесъ. Антонъ Головатый въ іюнѣ 1792 года выхлопоталъ Высочайшую грамоту, которою Черноморскому войску отводился для поселенія островъ Фанагорія съ землями между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ морями (Ист. Нов. Сѣчи III. 226). Такъ положено было основаніе войску Черноморскихъ козаковъ, нынѣ переименованному въ Кубанское. Тогда сложилась пѣсня, приписываемая Антону Головатому. Она стала народною на всемъ пространствѣ, заселенномъ южнорусскимъ племенемъ. Такъ гласить эта пѣсня:

«Довольно намъ уже скорбѣть. Пора перестать. Дождались мы отъ царицы награды за службы наши. Дала намъ и хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрную службу. Теперь, любезные братья, забудемъ всѣ наши лишенія. Въ Таманѣ будемъ жить, вѣрно служить, беречь границу, будемъ ловить рыбу, водку будемъ пить, еще станемъ и богатыми. Надобно уже и жениться и хлѣбопашествомъ заниматься, а кто придетъ изъ невѣрныхъ, того бить какъ врага. Слава Богу и царицѣ. Покой гетману! Загѣчили мы великую (жгучую) рану въ нашихъ сердцахъ. Помо-

Служили мы вѣрно на полѣ и на морѣ,
 А теперь зостаемся и босѣ и голѣ!
 Думали мы землю собѣ заслужити,
 Щобъ у вольности вѣку намъ дожити.
 Дали були землю отъ Днѣстра до Бугу
 Границею по Бендерську дорогу,—
 Днѣстровській и Днѣпровській обидва лиманы:
 Отъ-тутъ бы намъ, братцѣ, наживати жупаны.
 Дали були землю да впѣять отгнѣмають,
 А намъ тую якуюсь Тамань урочають!

лимся же Богу, поблагодаримъ царицѣ за то, что указала намъ дорогу на Кубань.» ⁸¹⁾)

Вотъ все, что намъ извѣстно о томъ, какъ въ несомнѣнно-народныхъ произведеніяхъ поэтическаго творчества у южнорусовъ отпечатлѣлись событія періода козачества. Этимъ, вѣроятно, не истощается вся народная сокровищница; быть можетъ, въ такихъ уголкахъ, куда еще мало проникала пытливость собирателей народныхъ памятниковъ, отыщутся еще такія произведенія, о какихъ мы и не догадываемся. Предоставляемъ ихъ счастью будущихъ этнографовъ.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁸¹⁾ Годъ, годъ журитися! Пора перестати.

Дождалися вѣдь царицѣ за службу заплати:

Дала хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрныи службы;

Отъ теперъ же мы, мигѣ братья, забудемъ всѣ нужды.

Въ Таманѣ жить, вѣрно служить, границу держати,

Рыбу ловить, горѣлку пить ще й станемъ богаты,

Да вже треба женитися и хлѣба робити,

А кто йтима изъ невѣрныхъ—якъ ворога бити.

По другому варианту этотъ послѣдній стихъ измѣняется такъ:

И превражого червеса по кручахъ гонити.

Слава жъ Богу и царицѣ, а покой гетману:

Изголи въ сердцахъ нашихъ горячую рану!

По другому варианту вмѣсто: горячую рану—великую рану.

Подякуемо царицѣ помолимось Богу,

Що вона намъ показала на Кубань дорогу,

Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Велико- росіи во второй половинѣ XVIII в.

IV.

Дворовые.

Отсутствіе этого класса въ Западной Европѣ. — Многочисленность дворян у насъ. — Опре-
дѣленіе обязанностей прислуги. — Труппы крѣпостныхъ музыкантовъ и актеровъ — Крѣ-
постные учителя. — Стихотворецъ изъ дворовыхъ и пр.

Мы говорили, что общинное пользованіе землею препятство-
вало образованію среди крѣпостныхъ въ Великоросіи безземель-
ныхъ крестьянъ. Былъ однако довольно многочисленный классъ
крѣпостнаго населенія, совершенно оторванный отъ земли: это
дворовые; въ XVIII вѣкѣ его вовсе не существовало во Франціи
и Германіи. Въ Германіи услуженіе въ помѣщичьемъ домѣ и
исполненіе извѣстныхъ работъ во дворѣ было временною обя-
занностію людей извѣстнаго возраста, по минованіи котораго
они освобождались отъ этой службы. «Кромѣ обыкновенной бар-
щины», исправлявшейся съ тяглыхъ дворовъ, «помѣщики поль-
зовались обязательною службою затыглыхъ работниковъ. Срокъ
этой службы начинался обыкновенно съ 13-лѣтняго возраста и
оканчивался для мужчинъ 35-лѣтнимъ, а для женщинъ 30-лѣт-
нимъ; въ продолженіи первыхъ 3 или 5 лѣтъ жалованье затыг-
лымъ обоюга пола выдавалось по пониженной оцѣнкѣ, а затѣмъ
равное съ вольнонаемною платою; продовольствіе, одежда, уходъ
за больными, — все это падало на счетъ помѣщика.» *) Часть
этихъ людей несомнѣнно исполняла полевые работы, но нѣко-
торые несли обязанности нашихъ дворовыхъ. Въ Шлезвигѣ и

*) Самаринъ II, 227—228.

Гольштиніи кромѣ двухъ классовъ крестьянъ, упомянутыхъ нами выше, — владѣльцевъ гуфы или ея части (Hufner) и бобылей (Insten) былъ еще третій классъ — прислуга (Das Gesinde). Онъ состоялъ изъ дѣтей крестьянъ первыхъ двухъ классовъ и члены его должны были работать или во дворѣ господина, или у крестьянъ, имѣющихъ землю. Ежегодно, 1-го мая, производились перемѣщенія въ этомъ третьемъ классѣ: пожившіеся работники и вышедшія замужъ дѣвушки поступали въ сословіе бобылей, а подростіе мальчики дѣлались прислугою. Послѣ того, какъ было взято господиномъ достаточное количество людей для комнатнаго услуженія и дворовыхъ работъ, остальные, по большей части по своему желанію, распредѣлялись между крестьянами перваго класса, причемъ дѣти крестьянъ этого класса оставались на службѣ у своихъ родителей. — Мальчики часто уже въ 6—7 лѣтъ должны были пасти гусей и овецъ; въ 10—12 лѣтъ (въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ даже въ 8—9 лѣтъ) они получали названіе Kleinjungen, въ 14—15 лѣтъ—Grossjungen, въ 20—22 года—Kleinknechten, года 4 или 5 спустя—Grossknechten. Дѣвушки также раздѣлялись на Kleinmägden и Grossmägden. Впрочемъ перемѣщеніе въ высшій разрядъ дѣлалось не столько по лѣтамъ, сколько по способностямъ каждаго; вмѣстѣ съ этимъ повышалась и рабочая плата. Пастуху гусей и овецъ давали только нѣсколько локтей холста, Kleinjungen получали по нѣсколькѣ талеровъ и нѣкоторое количество холста, Klein-и Grossknechten—по 12—20 талеровъ, дѣвушки—4—5 талеровъ и также холстъ. Если прислуги не доставало, то младшихъ изъ бобылей можно было опять принудить къ исполненію ея обязанностей*). Такимъ образомъ и здѣсь не было постоянныхъ дворовыхъ, какъ въ Россіи. — Въ Австріи, какъ видно изъ свѣдѣній объ иностранныхъ крестьянахъ, доставленныхъ въ нашу комиссію уложенія, былъ такой порядокъ: господинъ могъ взять у своихъ крестьянъ въ услуженіе всѣхъ дѣтей, которыя не нужны имъ для собственнаго хозяйства, или не находятся въ какомъ либо учены; господа должны обращаться съ ними одинаково, какъ и съ вольнонаемными и давать имъ достаточное пропитаніе и жалованье. По прошествіи 3 лѣтъ господинъ обязанъ отпустить всѣхъ, кто не пожелаетъ жить у него долѣе. Онъ могъ также взять къ себѣ въ услуженіе всѣхъ сиротъ, находившихся въ числѣ

*) *Hanssen*, 21—23.

его крестьянъ, и держать ихъ до 14-лѣтняго возраста безъ жалованья, давая только пищу и одежду; затѣмъ они должны были служить еще 3 года за жалованье, но, впрочемъ, если сиротѣ представится лучшее мѣсто, то господинъ долженъ его отпустить *). Въ Остзейскомъ краѣ повидимому также не было особаго постоянного класса дворовыхъ, и для исполненія обязанностей слугъ господинъ бралъ изъ крестьянскихъ дворовъ юношей и дѣвушекъ; случалось однако, что господинъ продавалъ имѣнiе, а взятыхъ въ услуженiе оставлялъ у себя и разлучалъ такимъ образомъ съ родственниками. Карлъ Фридрихъ Шульцъ, въ уложенiи, данномъ своимъ крестьянамъ въ 1764 г., опредѣлилъ, чтобы брать въ услуженiе только изъ такихъ дворовъ, гдѣ остается еще достаточное количество людей и держать слугами парней не далѣе 24, а дѣвушекъ 20-лѣтняго возраста **). Въ Польшѣ были такiе же дворовые, какъ и у насъ въ Велико-россиі.

Среди нашихъ крѣпостныхъ было очень много дворовыхъ, гораздо болѣе того, сколько дѣйствительно требовалось для домашняго услуженiя. «У русскаго дворянина въ пять или въ шесть разъ болѣе слугъ, чѣмъ у лицъ равнаго положенiя въ другихъ странахъ Европы, — говоритъ авторъ одного современнаго описанiя Россіи, — а въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ въ Петербургѣ число слугъ обоюго пола доходитъ до 150 и даже 200 человекъ: домъ Л. А. Нарышкина можетъ служить примѣромъ». — Въ однихъ воспоминанiяхъ мы находимъ такое свидѣтельство о многочисленности барской дворни въ XVIII вѣкѣ: «людей въ домахъ держали тогда преимножество, потому что, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и официантовъ, были еще дворецкіе и буфетчикъ, а то и два; камердинеръ и помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ; ключникъ, два дворника, скороходы, вучера, фореиторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, такъ и садовники. Кромѣ этого, у людей достаточныхъ, и не то что особенно богатыхъ, бывали свои музыканты и пѣсенники, ну хоть по немногу, а все таки человекъ по десяти. Это только въ городѣ, а въ деревнѣ: тамъ еще всякіе мастеровые, и у многихъ псаря и егеря, кѣторые стрѣляли дичь для стола, а тамъ скотники, скотницы», —

*) Архивъ II отд.

**) *Samson* 84, 154.

если всѣхъ сосчитать «городскихъ и деревенскихъ, мужчинъ и женщинъ, такъ едва ли въ большихъ домахъ бывало не по двѣсти человѣкъ прислуги, ежели не болѣе.... тогда такъ было принято и.... казалось.... что иначе и быть не могло». Содержать такую дворню оказывалось возможнымъ, потому что «все было свое: и хлѣбъ, и живность, и всѣ припасы, все привозилось изъ деревень, всего заготовляли по многу, стало быть, и содержаніе стоило не дорого, а жалованье людямъ платили небольшое, сапоги шили имъ свои мастера, платья—тоже, холстъ былъ некупленный».

У богатаго помѣщика Головина было болѣе 300 человѣкъ дворовыхъ; англійскій путешественникъ Кларкъ говоритъ, что у Орлова было не менѣе 500 слугъ; численность дворни К. Разумовскаго въ Батуриѣ равнялась почти 300 человѣкамъ. Въ петербургскомъ домѣ К. Разумовскаго въ составъ прислуги входили слѣдующія лица: метръ-д'отель, тафельдекеръ, кондитеръ, келлермейстеръ, кофешенкъ, мундшенкъ, старшій камердинеръ, младшій камердинеръ, ихъ помощники, два парикмахера, обойщикъ, швейцаръ, 10 лакеевъ, 2 арапа, 4 гусара, 2 егеря, 2 скорохода, 18 истопниковъ, 4 полотера, 1 смотритель трубъ, кухмистеръ—иностранецъ, 2 русскихъ кухмистера, 4 повара, борщеваръ да еще 4 человѣка при кухнѣ; каммеръ-юнгферъ 2, каммеръ-медхенъ 2, «при мадамъ» одна, вдова одна, кастелянша, кружевница, 8 прачекъ, садовникъ, при немъ 1 подмастерье, 3 ученика и 15 работниковъ, кузнецъ, помощникъ его, медоваръ и два работника, серебряникъ, 5 столяровъ, слесарь, 2 печника. Въ конторѣ—дворецкій, бухгалтеръ, 3 кописта, 2 рассыльщика, сторожъ, полицмейстеръ, приемщикъ; при конюшнѣ—берейторъ, его ученикъ, трое кучеровъ, изъ нихъ одинъ нѣмецъ, 3 форейтора, 11 конюховъ, работниковъ въ кухнѣ, кондитерской, прачешной и проч. 20 человѣкъ, наконецъ, музыкантовъ 3, пажиковъ 5, «живописныхъ учениковъ» 2, пѣвчихъ 2 и сторожъ при церкви одинъ,—всего 190 человѣкъ. Кромѣ того, въ четырехъ другихъ петербургскихъ домахъ Разумовскаго, въ Мурзинѣ и на Крестовскомъ островѣ, было разныхъ людей работниковъ и работницъ 38, наконецъ, при 4 дѣтяхъ гр. Кирилла Григорьевича состояло прислуги 31 человѣкъ, итого 259 человѣкъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ людей были, вѣроятно, не крѣпостные, какъ это можно заключить изъ значительнаго жалованья, получаемаго высшими чинами дома Разумовскаго, но большин-

ство прислуги было несомненно его дворовые. — Множество слугъ было и у графа В. Орлова въ его подмосковномъ имѣннѣ, Отрада. Тутъ, какъ и у другихъ помѣщиковъ, мальчиковъ отдавали въ обученіе различнымъ искусствамъ и ремесламъ; такимъ образомъ, у богатаго барина были свои портные, башмачники, шорники, конюхи, коновалы, садовники, фельдшера, аптекаря, часовщики, плотники, столяры, каменщики, кирпичники и проч., свои музыканты и актеры, свой архитекторъ, живописецъ, если и не заправскій астрономъ, то все-таки человекъ, приученный наблюдать звѣзды, были и доморожденные поэты, наконецъ, одинъ камердинеръ исполнялъ обязанности богослова: читая графу вслухъ, онъ вступалъ съ нимъ въ словопреніе о религіозныхъ вопросахъ. Многие дворовые люди занимали должности въ главной конторѣ и умѣли иногда при этомъ нажить порядочный капиталецъ. Были, наконецъ, и такіе, которымъ поручали давать уроки чистописанія, переписывать учебныя тетради и, вообще, оказывать содѣйствіе обученію дѣтей и внуковъ графа.

За знатными барями тянулись и дворяне средней руки; стремленіе къ роскоши все болѣе и болѣе развивалось въ обществѣ. Прежде, говорить Рычковъ, лучшіе люди жили въ своихъ деревняхъ «умѣренно и бережно»; теперь же молодые помѣщики выстраиваютъ себѣ богатые дома, роскошно убираютъ ихъ и заводятъ «немалое число официантовъ и ливрейныхъ служителей». Тогда какъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, знатные и заслуженные дворяне имѣли при себѣ по 2, по 3 человека, ихъ дѣти и наслѣдники предаются всевозможнымъ излишествамъ, «не жалѣя себя и крестьянства», отлучая множество людей отъ земледѣлія. Даже и мелкопомѣстные, что прежде сами пахали землю, теперь держать по одному, по два и по три человека слугъ и работниковъ. Конечно, часть дворовыхъ употреблялась на необходимыя сельскохозяйственныя работы, въ качествѣ садовниковъ, скотниковъ и т. п.; но несомненно, что множество народа праздно болталось въ барскихъ хоромахъ. Мы указывали, до какого огромнаго количества доходило число слугъ въ домахъ знатныхъ вельможъ; общее же число дворовыхъ у нихъ было, разумѣется, еще значительнѣе; что оно было велико и у помѣщиковъ средней руки, видно изъ слѣдующаго примѣра: Луинъ, въ имѣніяхъ котораго было 1613 д. м. п. и 1603 ж. п., имѣлъ дворовыхъ мужчинъ 143, т. е. 9%, и женщинъ 137, т. е.

8¹/₂% *). Нужно впрочемъ замѣтить, что не всегда одно тщеславіе заставляло дворянъ держать лишнее количество дворни: въ деревняхъ этого требовала иногда и безопасность. Псковскіе дворяне въ своемъ наказѣ заявляли, что они терпятъ крайнее раззореніе отъ разбойниковъ, воровъ и грабителей, и потому, для собственной защиты, принуждены держать втрое и вчетверо болѣе дворовыхъ людей, чѣмъ бы слѣдовало, хотя черезъ это они «сами раззоряются и уменьшаютъ число крестьянъ и пахарей, претерпѣвающихъ и безъ того довольное отягощеніе».

Увеличеніе числа дворовыхъ было не только тѣмъ обременительно для крестьянъ, что побуждало помѣщиковъ увеличивать размѣръ поборовъ натурою, необходимыхъ для содержанія обширной дворни, но еще болѣе потому, что крестьянскому міру приходилось, хотя, быть можетъ, и не всегда, платить за нихъ подушныя деньги и другіе поборы въ пользу государства. Болтинъ увѣряетъ, что подати за дворовыхъ платилъ или самъ помѣщикъ, или вносили за нихъ крестьяне, но только въ счетъ оброка; но вотъ напримѣръ В. Г. Орловъ въ составленномъ имъ для своихъ крестьянъ «уложеніи» говорить: «за дворовыхъ моихъ, приписанныхъ къ вотчинѣ вашей, подушныя и прочія подати государственныя платить отъ міра», и при этомъ нѣтъ и рѣчи о зачисленіи этихъ денегъ въ счетъ оброка. Еще хорошо, что Орловъ не взыскивалъ съ крестьянъ оброка за своихъ дворовыхъ, а то бывали и такіе помѣщики, которые, взявъ къ себѣ въ домъ крестьянскихъ дѣтей, продолжали требовать съ міра лежащія на нихъ повинности. Последнее впрочемъ было явленіемъ исключительнымъ, какъ видно изъ словъ Шторха, который прямо связываетъ обращеніе въ дворовые съ потерей нѣкоторой суммы оброка или доли повинностей.

Случалось, что въ челобитныхъ крестьянъ своему господину прямо высказывались жалобы на обремененіе отъ излишней дворни. Такъ староста одной вотчины А. В. Суворова, по случаю извѣстнаго неурожая 1786 г., проситъ объ томъ, чтобы крестьянъ освободили отъ выдачи (хотя и въ счетъ оброка) пайковъ дворовымъ, такъ какъ у нихъ самихъ нѣтъ ни яроваго, ни ржаннаго хлѣба. Рѣдко только помѣщики обращали вниманіе на подобныя жалобы, а тѣмъ болѣе рѣдко принимали такія энергиче-

*) Предъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права дворовые во всей Россіи составляли почти 7% всего крѣпостнаго населенія.

скія мѣры, какъ Суворовъ. Въ своемъ имѣннѣ Кючанскомъ онъ велѣлъ подать себѣ списокъ дворовыхъ и изъ 14 человекъ оставилъ въ прежнемъ положеніи только двоихъ, а остальныхъ 12 (въ числѣ которыхъ были и портной, и бабшачникъ, и пятеро музыкантовъ) велѣлъ посадить на пашню; при первоначальномъ обзаведеніи, постройкахъ, устройствѣ огорода и проч. имъ долженъ былъ помочь мѣръ; велѣно было также отвести для нихъ нѣкоторое количество пахатной земли, а у кого есть корова, тѣмъ и сѣнокосу; прилежнымъ въ работѣ велѣно было подарить отъ господина соху, борону, серпъ и косу, и такъ какъ земли немного, то дать имъ для работы и господскихъ лошадей; сказано было дать и сѣмянъ, но съ возвратомъ; вновь посаженные на пашню дворовые должны были также выучиться разводить картофель.

Обязанности прислуги въ каждомъ благоустроенномъ домѣ были строго опредѣлены; иногда помѣщики составляли для этого даже письменныя наставленія. То, что дѣлается теперь въ самыхъ богатыхъ домахъ посредствомъ изустныхъ приказаній, тогда заносилось въ особую инструкцію: господинъ представлялъ своего рода правительственную власть, которая облекала свои распоряженія въ форму непреложнаго закона. Правда, тутъ дѣло шло не о такихъ важныхъ предметахъ, какъ въ именныхъ или сенатскихъ указахъ, но тогдашнему боярину въ своемъ мірку казалось крайне важнымъ, какъ подать то или другое кушанье какой-нибудь Прошка, какъ доложить лакей о гостяхъ. И вотъ мы видимъ, что подобныя правила составляютъ самые образованные люди своего времени *). Для Екатерининской эпохи при мѣромъ могутъ послужить подобныя наставленія прислугѣ, данныя Лунинымъ (авторомъ неизданныхъ записокъ, о которыхъ мы уже упоминали) въ 1785 г. Приведемъ изъ его обширной инструкціи лишь нѣкоторые отрывки: «дневному оффиціанту приказывается, какъ скоро пріѣдетъ какая незнакомая барыня, тотчасъ узнать отъ ея человекъ, кто она такова, о имени, отчествѣ, фамиліи и чинѣ, и немедленно барынѣ о томъ доносить, ежели словесно, то тихо, такъ, чтобы гостя не слышала, а всего лучше записочкою.... Онъ безъ напamтoвaнiя долженъ чаще самъ и посылать мальчиковъ снимать со свѣчъ чисто и спрятно; на немъ взыщется, ежели свѣча не прямо въ шандалѣ поставлена,

*) Напримѣръ Татищевъ въ своихъ «Экономическихъ Запискахъ» 1742 г.

или оная шатается.... Послѣ ужина, какъ скоро гости уѣдутъ, дневальный офиціантъ и лакей должны свѣчи погашать и въ буфетъ неизменно всѣ шандалы и свѣчи порядочно отдать, гдѣ собирать до самыхъ малыхъ огарковъ, изъ коихъ потомъ самыя малые для перелитія въ свѣчи отдавать въ кладовую, а большіе огарки употреблять въ заднихъ покояхъ.... Винный погребецъ поручается Якову, который имѣетъ все въ немъ поставленное содержать въ исправности и съ тою точностію и раздѣленіемъ сортовъ винъ, какъ онъ, устроенный съ описью, ему отданъ на руки; вѣсть вѣрную записку прихода и расхода всякому вину и еженедѣльно подавать ко мнѣ по субботамъ реестръ издержаннымъ напиткамъ, и тѣ реестры я или барыня будемъ подписывать.... Его есть должность напитки къ столу приготовить, а приготавливая не портить, т. е. не согрѣвать тѣхъ, кои должны быть холодныя.... ежели бъ случилось, чтобъ приказали принести разныхъ сортовъ, то принеся ставить какіе ни есть знаки и опасаться взысканія, ежели смѣшается и подастъ не то, котораго спрашивали, каковыя ошибки уже не разъ были примѣчены.... Конюхамъ повелѣвается и взыскивается Антонъ, яко конюшій, а охотникамъ Бастерь, какъ ловчій.... на нихъ-же.... строго взыщется, ежели еще разъ будетъ усмотрѣно, что въ конюшню или на охотничьемъ дворѣ пойдутъ когда либо съ огнемъ безъ фонаря, равно и за всякое послабленіе въ присмотрѣ за поведеніемъ.... О весьма невоздержныхъ, или продерзливыхъ, *коихъ слегка и сами наказывать могутъ*, а о заслужившихъ большее наказаніе докладывать мнѣ *) и каждое утро обнимъ по своимъ должностямъ приходитъ меня рапортовать». Тутъ заботливый господинъ предусмотрѣлъ всѣ подробности домашнего порядка, начиная отъ уборки комнатъ и кончая храненіемъ огарковъ, сниманіемъ нагара съ сальныхъ свѣчей и луженіемъ посуды; во всемъ видѣнъ строгій порядокъ, строгая отчетность: вещи сдаются людямъ не только по описи, но даже требуется иногда ихъ росписка въ принятіи. Впрочемъ, помѣщая эту инструкцію въ своихъ запискахъ, Лунинъ замѣтилъ, что не вполне надѣется на точное ея исполненіе, а составилъ ее потому, что не имѣетъ времени самъ за всѣмъ присматривать.

*) По другой инструкціи 1792 г. Лунинъ дозволилъ дворовому, назначенному «домоправителемъ», по своему усмотрѣнію «слегка наказывать» мужскую прислугу, за исключеніемъ нѣсколькихъ лакеевъ.

Шесть лѣтъ спустя, Луинъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что, переѣхавъ мѣстожителство и родъ занятій *)), онъ находитъ нужнымъ «переѣхать порядокъ и въ домоправительствѣ».... «Съ Божіею помощію начну такимъ образомъ, говоритъ онъ, чтобы все домоправительство было въ глазахъ моихъ; не мѣшаясь рѣшительно въ женское упражненіе, которое оставаться должно подъ распоряженіемъ благойной моей Варвары Николаевны.» При этомъ Луинъ выражаетъ въ запискахъ самыя благія намѣренія относительно прислуги: онъ желаетъ устроить, «чтобъ всякій человѣкъ имѣлъ свое мѣсто, порядочную постель, столъ сытный, приготовленный съ опрятностію»; онъ хочетъ «добраго слугу отличать награжденіями, а порочнаго стыдить, поправлять и наказывать. Желаю», продолжаетъ Луинъ «такъ вести, чтобы они и любили меня, и боялись. Каждому надобно назначить должность.... слѣдовательно предстоить мнѣ великая трудность развращеніе привести въ порядокъ, но надѣюсь на бдительность свою и на способы мною предполагаемые; стараться стану доводить до того, чтобъ слушались не голоса моего, но самаго времени, которое назначаетъ, что кому исправлять».

Въ приведенныхъ отрывкахъ изъ инструкцій Лунина, рисуется намъ обычный порядокъ въ благоустроенномъ городскомъ домѣ зажиточнаго барина. Помѣщики, навсегда поселившіеся въ провинціальной глуши, также устанавливали свои ненарушимые порядки, иногда крайне странные и оригинальные. Великимъ чудомъ былъ, напримѣръ, богатый баринъ, В. В. Головинъ, который при Биронѣ вытерпѣлъ въ застѣнѣ ужасныя пытки, а при Елизаветѣ и Екатеринѣ II спокойно доживалъ свой вѣкъ въ деревнѣ, а иногда и въ Москвѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ правилахъ его ежедневнаго обихода, всегда соблюдаемыхъ съ величайшею точностію. Вотъ какъ приготовляли барину чай: «впередѣ обыкновенно шелъ одинъ слугитель съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячею водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями, шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ, для обмахиванія золы и пыли. Поставивши жаровню съ горячими угольями на желѣзный листъ, а на нее мѣдный чайникъ, и сотворивши молитву Иисусову, слуги тихо выходили.» Напившись чаю, баринъ отправлялся къ обѣднѣ, въ церкви стоялъ на осо-

*) Прежде онъ былъ губернаторомъ въ Полодѣ.

бенномъ мѣстѣ и оттуда по переходамъ, поддерживаемый двумя лакеями, возвращался домой. Обѣдъ продолжался часа по три. «Бушаньевъ считалось обыкновенно семь, но число блюдъ доходило иногда до 40 и болѣе. Для каждаго бушанья былъ особый поварь, и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ приносилъ свое жушанье.... Поставивши первыя блюда, всѣ 7 поваровъ снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили за другими блюдами. Тутъ являлись 12 официантовъ, одѣтые въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ наудрениыми волосами и предлинными на шеѣ бѣлыми косынками.... Обѣдъ кончался часу въ четвертомъ передъ вечеромъ.... Вскорѣ послѣ обѣда Василій Васильевичъ ложился спать до самаго утра. Приготовленія ко сну начинались приказомъ закрывать ставни; извнутри прочитывали молитву Іисусову.... «Аминь», отвѣчали нѣсколько голосовъ извиѣ, и съ этимъ словомъ съ ужаснымъ стукомъ закрывали ставни и засовывали желѣзными болтами». Двери комнатъ запирала и отпирала довѣренная горничная, а ключи относила къ барину и клала ему подъ изголовье; потомъ отдавала установленный приказъ очереднымъ сѣннымъ дѣвушкамъ. Нужно замѣтить, что въ комнатахъ у Головина было 7 кошекъ, которыхъ на ночь привязывали къ особому столу съ 7 ножками. Если случалось, что какая-нибудь изъ кошекъ отрывалась отъ стола и приходила къ барину, то кошки и дѣвки подвергались наказанію. Поэтому-то разъ навсегда установленный приказъ и пачинался напоминаніемъ о кошкахъ. «Кошекъ-то смотрите», говорила старшая горничная, «ничѣмъ не стучите, громко не говорите, по ночамъ не спите, подслушниковъ глядите, огонь потушите и помните накрѣпко!» Ночью 4 чередовые и столько же караульныхъ подымали стукъ, свистъ, гамъ и крикъ. Если что-нибудь помѣшало барину заснуть, то онъ уже не ложился и разстроивался на всю ночь. Тогда онъ или читалъ вслухъ жизнь Александра Македонскаго Квинта Курція, или произносилъ молитву, перебирая четки, или начиналъ ходить по всѣмъ комнатамъ, постукивая колотушкою и обмахивая пыль. Если пыль гдѣ-нибудь оказывалась, то тотчасъ же курили роснымъ ладономъ и окропляли то мѣсто святою водою. Эти странности естественно поджигали любопытство, и многіе подсматривали въ щели, что дѣлаетъ баринъ. Но и на этотъ случай приняты были мѣры. Сѣнныя дѣвушки начинали крикъ съ различными прибаутками и поговорками, качивали изъ верх-

няго окошка холодной водой подслушниковъ, и баринъ одобрялъ все это, приговаривая: «по дѣломъ вору и мука; ништо имъ растреклятымъ, растрепоганымъ, растреобаяннымъ, непытаннымъ, немученнымъ и ненаказаннымъ!» топоча обѣими ногами, повторяя неоднократно одно и то же. Последняя поговорка объясняется очевидно тѣмъ, что Головинъ не могъ забыть безчеловѣчныхъ пытокъ Бирона.—Во всемъ у Головина требовалось точное исполненіе установленнаго порядка, и при томъ все сопровождалось предписанными поговорками *).

Могутъ сказать, что эти чудачества настрадавшагося въ свою жизнь старика представляютъ исключительное явленіе и потому не заслуживаютъ вниманія. Но, во-первыхъ, ничто не заставляетъ считать Головина помѣшаннымъ, хотя несомнѣнно его нервы были сильно потрясены, а во-вторыхъ, тутъ важна для насъ не личность господина, а тотъ строй общества, при которомъ было возможно для барина дѣлать все, что только ему вздумается, важно то, что какіе бы порядки ни установилъ у себя помѣщикъ, все должна была безропотно выполнять его дворня: и заучивать барскія острословія, и не спать по ночамъ, и подвергаться наказанію наравнѣ съ провинившеюся кошкою. Не будь послѣдняго обстоятельства,—все въ данномъ случаѣ какъ будто бы отличалось шуточнымъ характеромъ; но это уравненіе человѣка съ животнымъ напоминаетъ намъ объ оборотной сторонѣ медали, о тѣхъ ужасныхъ формахъ изувѣрства и жестокости, въ которыя выливались иногда барское чудачество, барское самодурство. Но объ этомъ — въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажемъ еще два слова объ оригинальныхъ обязанностяхъ прислуги у другаго чудака. Гр. П. М. Савронскій, знатный вельможа и страшный богачъ, страстный любитель музыки, мнившій себя великимъ композиторомъ, додумался до такой недѣльности: «онъ приказалъ прислугѣ не иначе разговаривать съ нимъ и между собою, какъ речитативомъ. Выѣздной лакей, приготовившись по нотамъ, сочиненнымъ его господиномъ, докладываетъ пріятнымъ сопрано, что карета его сиятельства подана. Метръ-д'отель докладывалъ барину и гостямъ торжественнымъ напѣвомъ, что кушать готово. Бучеръ объяснялся съ графомъ густыми октавами протодіаконскаго басса-профундо. Во время парадныхъ обѣдовъ и баловъ графскіе слуги составляли дуэты, тріо и хоры, такъ

*) *Казанскій*. Родословная Головиныхъ. М. 1847 г.

что гостямъ казалось, будто они пьютъ и ѣдятъ въ оперной залѣ. Вдобавокъ, самъ его сіятельство отдавалъ приказанія слу-гамъ тоже въ музыкальной формѣ, а гости, желая угодить ему вели съ нимъ разговоры въ видѣ вокальныхъ импровизацій». — Или и это сумасшедшій? Въ извѣстной степени, пожалуй; любопытно только, что и самое помѣшательство принимаетъ оригинальныя формы, смотря по тому или другому строю общества, въ данномъ случаѣ основанному на рабскомъ трудѣ. Исторія крѣпостнаго права представляетъ весьма важныя данныя для созданія науки общественной патологіи.

Въ числѣ дворовыхъ, какъ мы уже знаемъ, были не только слуги, а также и различные ремесленники, которые должны были исполнять опредѣленныя работы; мы видѣли, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ часть двора работала и на фабрикахъ. За правильнымъ ходомъ работъ должны были смотрѣть управители и прикащики. Женская прислуга также постоянно трудилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ хозяйки дома; нѣкоторыя помѣщицы заставляли горничныхъ работать даже въ дорогѣ.

Обязанности дворовыхъ не всегда ограничивались службою въ помѣщицьемъ домѣ или исполненіемъ различныхъ работъ на барскомъ дворѣ. Подобно тому, какъ въ древнемъ Римѣ, господа имѣли труппы актеровъ-рабовъ, держали у себя рабовъ-ученыхъ, наконецъ, дѣлали ихъ воспитателями своихъ дѣтей *), такъ и у насъ многіе помѣщики изъ дворовыхъ составляли оркестры музыкантовъ, труппы актеровъ, нерѣдко наиболее честнымъ и способнымъ ввѣряли даже воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей; наконецъ случалось, что изъ среды барской двора выходили композиторы и писатели. Въ московскомъ домѣ Суворова жили цѣлыя партіи пѣвчихъ и музыкантовъ; ихъ содержали тутъ между прочимъ для того, чтобы они могли совершенствоваться въ музыкѣ и пѣніи и пользоваться руководствомъ извѣстныхъ въ то время голицинскихъ артистовъ; имъ не запрещалось даже имѣть нѣкоторые доходы за игру и пѣніе въ разныхъ московскихъ домахъ. Но въ случаѣ переѣзда господина въ деревню и ихъ перевозили туда же. Въ имѣніи Суворова, находившемся во владимірскомъ уѣздѣ, были особыя зданія для пѣвчихъ и музыкантовъ; уѣзжая изъ этого помѣстья, Суворовъ въ наставленіи управляющему между прочимъ предписываетъ: «Ивановъ обучаетъ

*) См. *Wallon. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. 2. ed. P. 1879.*

пѣвчихъ съ прилежаніемъ по моему наставленію. Николай — управитель музыкантовъ, у него подъ предводительствомъ музыка и проч., Ерофеевъ имѣеть обучать трагедіямъ и комедіямъ свой штатъ и проч.» — «Помни музыку нашу—вокальный и инструментальный хоры», писалъ въ другой разъ Суворовъ тому же управляющему, «и чтобы не уронить концертное. А простое пѣніе всегда было дурно, и больше кажется его испортилъ Бочкинъ, велимъ гласомъ съ кабацкаго. Когда они въ Москвѣ пѣвали съ голицинскими пѣвчими, сіе надлежало давно обновить и того единожды держаться». Въ случаѣ надобности, какъ мы видѣли, Суворовъ очень быстро мѣнялъ специальности своихъ артистовъ и безъ церемоніи сажалъ ихъ на пашню. Были и такіе господа, что посылали своего крѣпостнаго музыканта въ Италію и потомъ заставляли его до изнеможенія играть въ разныхъ барскихъ домахъ.

Нерѣдко встрѣчаемъ мы у богатыхъ людей и труппы крѣпостныхъ актеровъ. По тогдашнимъ понятіямъ, весьма нетрудно было сдѣлать лакея артистомъ. «Театральное нужно для упражненія и невиннаго веселія», писалъ Суворовъ своему управляющему. «Васька комикомъ хорошъ; но трагикомъ будетъ лучше Никитка. Только должно ему научиться выраженію, что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ рифмахъ выйдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту, — безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія, — о чемъ ты все сіе подтвердительно растолкуй. Вмѣсто Максима и Бочкина къ комическимъ ролямъ можно приучать и маленькихъ пѣвчихъ изъ крестьянъ. Сверхъ того французской грамматикѣ заставить учиться исподоволь Алексашку-парижмастера; ему и Николай покажетъ, только бы онъ умѣлъ читать.» Мы знаемъ, что домашніе театры были также у гр. П. Б. Шереметева, кн. П. М. Волконскаго, гр. З. Г. Чернышева и другихъ вельможъ, гдѣ давались оперные спектакли. Въ неизданномъ описаніи Казанской губерніи находимъ такое извѣстіе: «гвардіи прапорщикъ, Есиновъ, въ селѣ своемъ Юматовѣ, имѣеть театръ, съ принадлежащими ко оному декораціями, вольнонаемныхъ изъ иностранцевъ и изъ собственныхъ своихъ людей актеровъ и актрисъ. Представляются на театрѣ комедіи, оперы, трагедіи и прочія піесы». Вигелю, автору извѣстныхъ воспоминаній, пришлось познакомиться съ этою крѣпостною труппою. Есиновъ «насъ

употчиваѣ по своему», говоритъ Вигель: «къ ужину явилась цѣлая дюжина нарядныхъ молодыхъ женщинъ, которыя размѣстились между гостями. Приглашенія поболѣе пить сопровождались горячими лобзаніями дѣвъ съ прицѣвомъ: обнимай сосѣдь сосѣда, поцѣлуй сосѣдь сосѣда, подливай сосѣдь сосѣду». Оказалось, что всѣ эти дѣвы были крѣпостныя актрисы хозяйской труппы. На другомъ концѣ стола сидѣли актеры и музыканты Есипова, т. е. его слуги, которые мѣнялись, вставали изъ-за стола, служили гостямъ и потомъ опять садились за ужинъ. Послѣ того какъ гости переночевали на грязныхъ постеляхъ, отнятыхъ на время у актеровъ и актрисъ, ихъ потѣшили на другой день оперой «Рѣдкая вещь» (Cosa гага). «Играли и пѣли», говоритъ разсказчикъ, «какъ всѣ тогдашніе провинціальныя актеры, не хуже и не лучше». Иные изъ современниковъ находили, что помѣщичьи театры «прививали дворнѣ нѣкоторое просвѣщеніе, и если не любовь къ искусствамъ, то, по крайней мѣрѣ, ознакомленіе съ ними. Это все-таки развивало въ простолюдинахъ человѣческія чувства и понятія». Но въ томъ-то и дѣло, что человѣческое чувство, которое могло бы развиваться подъ вліяніемъ изученія сценическаго искусства, сплошь и рядомъ попиралось самымъ безжалостнымъ образомъ и актрисы должны были по волѣ барина расточать свои ласки, а не то и составлять его гаремъ. Такихъ крѣпостныхъ артистовъ, даже передъ самою реформою 19 февраля 1861 г., нѣкоторые помѣщики подвергали жестокимъ истязаніямъ за малѣйшую ошибку въ игрѣ. Тоже дѣлалось и въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Вотъ что разсказываетъ французъ, долго жившій въ это время въ Россіи про одного помѣщика, г. Б.: «его повара, его лакеи, конюхи дѣлались въ случаѣ надобности музыкантами, столярами, сапожниками и т. д., его горничныя и служанки—актрисами, золотопшвейками и проч. Онъ въ одно и то же время его наложницы, кормилицы и няньки дѣтей, рожденныхъ ими отъ барина. Я часто присутствовалъ при его театральныхъ представленіяхъ. Музыканты являлись въ оркестръ, одѣтые въ различные костюмы, соотвѣтственно ролямъ, которыя они должны были играть, и какъ только по свистку подымался занавѣсъ, они бросали свой фаготъ, литавры, скрипку, контрабасъ, чтобы смѣнить ихъ на скипетръ Мельцомены, маску Талии и лиру Орфея; а утромъ эти же люди работали стругомъ, лопатою и вѣникомъ. Особенно уморительно было видѣть, какъ г. Б., во время представленія, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ величественно прогуливался между

кулисами, подбадривая словами и жестами своихъ крѣпостныхъ актеровъ». Однажды, во время представленія *Дидоны*, господину не понравилась игра главной актрисы; онъ вбѣжалъ на сцену и отвѣсилъ тяжелую оплеуху несчастной Дидонѣ, вскричавъ: «я говорю, что поймаю тебя на этомъ. Послѣ представленія отправляйся на конюшню за наградой, которая тебя ждетъ». Дидона, поморщившись отъ боли, причиненной оплеухой, вновь вошла въ свою роль и продолжала арію, какъ ни въ чемъ не бывало. Впослѣдствіи эта крѣпостная актриса была сослана въ отдаленную деревню, быть можетъ, за то, что вслѣдствіи дурной болѣзни лишилась голоса. Когда этотъ помѣщикъ отправлялся въ другое свое имѣніе, за нимъ ѣхали не менѣе 20 кибитокъ съ его наложницами, актрисами, танцовщицами, поварами и проч. На каждой станціи раскидывали огромную палатку, гдѣ помѣщался баринъ со своими наложницами, а въ другой 20 человекъ увеселяли его пѣніемъ во время обѣда.

У тогдашнихъ вельможъ бывали не только свои собственные пѣвцы и пѣвицы, но даже и крѣпостные композиторы; такъ, на примѣръ, къ оперѣ Хераскова «Милена» музыка была написана крѣпостнымъ человекомъ кн. П. М. Волконскаго.

Превращаясь по волѣ господина въ музыкантовъ и актеровъ, дворовые столь же легко могли очутиться въ роли учителя, воспитателя или просто дядьки молодого барченка. При возведеніи въ эту должность, нѣкоторые изъ помѣщиковъ снабжали своихъ людей инструкціею, которую рекомендовали прочитывать, какъ можно чаще; приходилось при этомъ напоминать педагогу, чтобы онъ «избѣгалъ брани, клятвы, божбы, клеветы, лжи, сквернословія, особенно же гнуснаго порока пьянства, обхожденія съ непотребными женщинами», и совѣтовать ему заниматься въ свободное время чтеніемъ книгъ или рукодѣліемъ (инструкція, данная Лунинымъ). Такіе доморощенные гувернеры нерѣдко оказывались ничуть не хуже воспитателей изъ иностранцевъ, достойную характеристику которыхъ мы находимъ въ современныхъ комедіяхъ и сатирическихъ журналахъ. Такъ Лунинъ, отпустивъ приглашеннаго имъ гувернера, замѣстилъ его крѣпостнымъ человекомъ, о которомъ сдѣлалъ отмѣтку въ своихъ запискахъ, что онъ «исключая только что не умѣть по-нѣмецки, преимуществуетъ (сравнительно съ нѣмцемъ) и разумомъ, и поступками *)»

*) Вигеля, автора извѣстныхъ воспоминаній, училъ въ дѣтствѣ псалтырю и часослову крѣпостной молодой человекъ.

Случалось, что отпущенные на оброгъ крѣпостные промышленныя даже составленіемъ стиховъ. Въ 1793 г. издана была въ Петербургѣ книжка стихотвореній И. Розова, подъ названіемъ «Живой источникъ». Она была задержана на основаніи указа 1787 г., такъ какъ въ ней находились «многія выраженія, относящіяся до св. Писанія, по силѣ онаго не соотвѣтствующія». Сочинитель стиховъ показалъ въ управѣ благочинія, что его зовутъ не Розовымъ, а Иваномъ Майковымъ *), и что онъ крѣпостной дворовый человѣкъ ярославскаго помѣщика Брянчанинова; три года тому назадъ онъ былъ «отпущенъ отъ помѣщика по желанію своему для обозрѣнія російскихъ городовъ и сочиненія стихотворства (sic).» Придя въ Петербургъ, Майковъ началъ писать оды, стихи и подносилъ ихъ разнымъ господамъ; получая отъ нихъ за это деньги, онъ, такимъ образомъ, пропитывалъ себя. Произведенія эти были весьма невысокаго качества: по крайней мѣрѣ, два архіерея отозвались, что поднесенные имъ Розовымъ стихи по негодности ихъ давно ужъ уничтожены. Но иногда крѣпостнымъ давали прекрасное образованіе, чтобы потомъ имѣть возможность такъ или иначе пользоваться ихъ знаніями. Такъ, напримѣръ, Серебряковъ, дворовый человѣкъ богатаго заводчика Твердышева, на счетъ своего господина прошелъ курсъ латинской и русской словесности въ славяно-греко-латинской академіи, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ приобрѣлъ познанія въ медицинѣ. Матинскій, крѣпостной человѣкъ гр. Ягужинскаго, получилъ на счетъ помѣщика основательное научное и музыкальное образованіе сперва въ Россіи, а потомъ въ Италіи. Это былъ человѣкъ съ весьма разнообразными дарованіями: онъ сочинялъ комедіи, оперы, пѣсни и музыку къ нимъ, пользовавшіяся по большей части огромнымъ успѣхомъ, и въ то же время писалъ книги по математикѣ, переводилъ басни, сказки и т. п. Изъ его произведеній особеннымъ успѣхомъ пользовалась опера «Гостинный дворъ», напечатанная въ 1792 г., гдѣ весьма живо изображался бытъ современнаго купечества.

Не смотря на матеріальную обеспеченность, дворовымъ жилось несравненно тяжелѣе, чѣмъ крестьянамъ: находясь постоянно на глазахъ господъ, они гораздо чаще подвергались наказаніямъ,

*) Майковъ переименовалъ себя по слѣдующему поводу: „въ бытность его, въ прошломъ году, въ с. Сарскомъ, узнавъ о настоящемъ его прозваніи гвардіи офицеръ А. А. Майковъ и запретилъ ему таковою фамиліею называться, почему онъ и назвалъ себя Розовымъ.“

которыя у многихъ помѣщиковъ были по истинѣ ужасны. Отсутствіе всякой свободы, необходимость быть ежеминутно на барской службѣ или работѣ, и, наконецъ, тяжелыя истязанія, все это нерѣдко дѣлало положеніе дворовыхъ совершенно невыносимымъ, хотя въ то же время нельзя не признать, что были господа, съ большою заботливостію и гуманностію относившіеся къ своей прислугѣ. Болтинъ говоритъ, что нѣкоторые дворяне поступаютъ съ своими слугами «хуже, нежели со скотами; такихъ помѣщиковъ меньше, однако жъ должно къ стыду признаться, нарочитое число есть». Мы скажемъ ниже о жестокихъ наказаніяхъ, которымъ подвергались дворовые иногда за совершенно ничтожныя проступки, здѣсь же только упомянемъ объ извѣстномъ случаѣ, рассказанномъ въ мемуарахъ Массона. Графиня Н. В. Салтыкова, жена фельдмаршала (графа, потомъ князя Н. И. Салтыкова), бывшаго воспитателемъ великаго князя Александра Павловича, держала у себя въ спальнѣ въ кѣлткѣ крѣпостнаго парикмахера, чтобы никто не узналъ, что она носитъ парикъ. Послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ кѣлткѣ, несчастному удалось, наконецъ, бѣжать. Графиня, опасаясь, что ея тайна будетъ теперь открыта, настоятельно требовала его разысканія, и даже прямо обратилась по этому дѣлу къ императору Александру. Такъ какъ полиція успѣла донести государю о томъ, какую жизнь приходилось прежде вести несчастному парикмахеру, то императоръ запретилъ разыскивать бѣглеца, но въ то же время, изъ уваженія къ своему бывшему воспитателю, приказалъ успокоить графиню официальнымъ извѣщеніемъ, что тѣло парикмахера найдено въ Невѣ. Такимъ образомъ, оказалось нужнымъ не наказывать графиню за ея злодѣйство, а успокоить ея тревогу и опасенія относительно возможности раскрытія ея тайны. И это дѣлалось въ царствованіе кроткаго Александра Павловича, желавшаго улучшенія быта крѣпостныхъ.

V.

Переселенія крестьянъ.—Продажа ихъ безъ земли.—Торговля рекрутами.—Продажа людей на рынкахъ.—Цѣны крѣпостныхъ цѣлыми имѣніями и по одиоцкѣ.

Мы видѣли, что помѣщикъ во второй половинѣ XVIII столѣтія могъ по своему произволу совершенно лишитъ крестьянъ земли, сдѣлать ихъ батраками; понятно, что онъ имѣлъ право переселять ихъ изъ одного имѣнія въ другое. Этимъ правомъ

фактически пользовались помѣщики еще въ XVII вѣкѣ, съ единственнымъ ограниченіемъ — не переводить крестьянъ изъ помѣстій въ вотчины, но утверждено закономъ оно было только въ царствованіе Петра Великаго. Въ 1724 г. было постановлено, что если помѣщикъ пожелаетъ перевести крестьянъ въ другое имѣніе, то долженъ обратиться съ просьбою въ камерь-коллегію, которая даетъ указъ о переселеніи, а челобитчика обязываетъ подпискою, что онъ будетъ исправно платить подушныя деньги. Но помѣщики нерѣдко переводили крестьянъ безъ указа камерь-коллегіи, подвергались за это штрафамъ, и потому сенатъ въ 1762 г. «ко удовольствію ихъ» постановилъ, что желающіе перевести своихъ крестьянъ обязаны только подать о томъ объявленіе офицерамъ, опредѣленнымъ къ сбору податей. Отсюда, при Екатеринѣ II, образовался тотъ порядокъ переселенія крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, которому слѣдовали до самой отмены крѣпостнаго права; для переселенія достаточно было подать заявленіе въ земскій судъ, но вовсе не для того, чтобы просить отъ него разрѣшенія. Кромѣ того, при переводѣ крестьянъ должно было внести подати за весь текущій годъ и исполнить рекрутскую повинность; съ новаго же года повинности числились уже по той мѣстности, куда крестьяне будутъ переселены. Помѣщики въ довольно большихъ размѣрахъ производили переселенія. Такъ, на примѣръ, значительное количество крѣпостныхъ крестьянъ было переведено на Уралъ владѣльцами тамошнихъ заводовъ: одинъ Твердышевъ, говорятъ, переселилъ на свои заводы до 15,000 ревизскихъ душъ изъ разныхъ губерній. Очень дѣятельно населяли также Оренбургскій край помѣщики, пріобрѣвшіе тамъ за безцѣнокъ огромное количество земли у башкирцевъ. Наконецъ, и внутри Россіи владѣльцы нерѣдко переселяли крестьянъ въ другую вотчину. При этомъ у крестьянъ было обыкновеніе, что оставшіеся на прежнемъ мѣстѣ давали переселенцамъ «подмогу» на мірской счетъ—деньгами или вещами: покупали имъ шубы, сани и т. п. Случалось, что помѣщики переселяли своихъ крестьянъ изъ одного уѣзда въ другой, чтобы отбыть отъ повинности: такъ въ 1773 г. казанскій дворянинъ Бардовскій перевелъ крестьянъ изъ казанскаго уѣзда въ уфимскій, чтобы избавиться отъ рекрутской очереди, числившейся на его крестьянахъ по казанскому уѣзду. Переселенія должны были иногда крайне неблагопріятно отражаться на благосостояніи крестьянъ: они принуждены были бросать устроенное хозяйство,

разставаться съ родными; могло быть, впрочемъ, и иначе: если на мѣстѣ первоначальнаго поселенія было мало земли, и притомъ дурнаго качества, то переселеніе крестьянъ въ болѣе благодатныя мѣста несомнѣнно должно было въ концѣ концовъ принести имъ пользу, особенно если помѣщикъ принималъ мѣры къ тому, чтобы приготовить для нихъ жилище и все необходимое; выселеніе, въ этомъ случаѣ, части крѣпостныхъ приносило пользу и оставшимся, такъ какъ увеличивало количество земли, приходившейся на долю каждаго. Такъ, на примѣръ, въ каширскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, чувствовался недостатокъ въ землѣ, и потому многіе помѣщики отъ времени до времени перевозили своихъ крестьянъ въ воронежскую и бѣлгородскую губерніи и селили въ степныхъ уѣздахъ. Биографъ гр. В. Г. Орлова говоритъ: гр. Ив. Орловъ съ одобренія братьевъ принялся за переселеніе крестьянъ въ большихъ размѣрахъ съ нагорнаго на луговой берегъ Волги, и тѣмъ открылъ многочисленному населенію средство къ быстрому обогащенію.... Эта операція происходила не безъ большихъ издержекъ, не безъ труда, не безъ плача переселенцевъ о старомъ жилищѣ, не безъ ропота во имя челоувѣколюбія со стороны постороннихъ людей. Гр. Иванъ Григорьевичъ долженъ былъ выказать большую твердость, переселяя годъ за годомъ цѣлыя селенія, въ надеждѣ, что плодъ переселенія окажется черезъ нѣсколько лѣтъ и оправдаетъ его передъ общественнымъ мнѣніемъ». Если вѣрить гр. Орлову-Давыдову, результаты оказались вполне благопріятныя.

Гораздо болѣе страдали крѣпостные оттого, что ихъ всегда могли разлучить съ семействомъ и продать куда-нибудь на чужбину, такъ какъ помѣщики присвоили себѣ власть продавать людей не только отдѣльно отъ земли, но даже порознь членовъ одного семейства. При Екатеринѣ продавались на вывозъ цѣлыя деревни; повидимому этотъ обычай особенно развился въ концѣ ея царствованія. Болотовъ въ своихъ запискахъ подъ 1791 г. говоритъ, что одинъ богатый помѣщикъ богородицкаго уѣзда первый ввелъ въ этой мѣстности обыкновеніе продавать людей особо отъ земли, и эта мода, «къ сожалѣнію, скоро вошла и во всеобщее употребленіе».

Единственное ограниченіе права продавать крестьянъ безъ земли состояло въ томъ, что было запрещено совершать купчи на взрослыхъ крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора.

До запретительнаго указа 1766 г. продажа людей въ рекруты производилась самымъ безцеремоннымъ образомъ. Болтинъ зналъ одного помѣщика, который, въ царствованіе Елизаветы Петровны, изъ принадлежавшихъ ему крестьянъ (у него было около 400 д.) продалъ въ рекруты 100 человекъ, т. е. большинство взрослога населенія, такъ что у него остались по большей части старики и малолѣтныя, но было между ними душъ 60, 70 такихъ, которые, будучи негодны въ рекруты, могли работать и платить оброкъ. Получивъ за проданныхъ людей около 16,000 руб., онъ уплатилъ долги и въ то же время сохранилъ за собою деревню; такимъ образомъ, розничная торговля людьми оказалась выгоднѣе оптовой.—Понятно, что дворянамъ не хотѣлось потерять такой важный источникъ дохода и потому, послѣ запрещенія 1766 г. торговать людьми во время рекрутскаго набора, нѣкоторые дворяне стали хлопотать о возвращеніи имъ прежняго права. Однако правительство не тронулось этими моленіями, высказанными въ наказахъ депутатамъ въ комиссію уложенія, и запрещеніе торговать рекрутами осталось по прежнему въ силѣ; но помѣщики легко нашли способы его обходить. Они стали фиктивно отпускать своихъ людей на волю, а дворцовые, государевы и государственные крестьяне, а также и помѣщики покупали этихъ мнимыхъ вольноотпущенныхъ и представляли во время рекрутскихъ наборовъ, первые за себя, а вторые за своихъ крестьянъ. Сенатъ, замѣтивъ это, запретилъ въ 1768 г. принимать отъ крестьянъ вольныхъ людей въ замѣнъ слѣдующихъ за нихъ рекрутъ. Тѣмъ не менѣе этотъ способъ, какъ видно изъ книги Радищева, практиковался и въ 80-хъ годахъ. Казенные крестьяне такимъ образомъ покупали себѣ рекрутъ: помѣщикъ, взявъ по договору деньги, отпускалъ своихъ крѣпостныхъ на волю и они, какъ-будто по собственному желанію, приписывались въ государственные крестьяне къ той волости, которая внесла за нихъ деньги, а волость по общему приговору отдавала ихъ въ солдаты. Вѣроятно, переселеніе крестьянъ дѣлалось заблаговременно, и потому во время рекрутскихъ наборовъ они являлись уже не какъ вольноотпущенные, а какъ казенные крестьяне. Въ концѣ концовъ, правительство признало то, что совершалось въ дѣйствительности. Въ 1792 г. было велѣно не запрещать впредь отпущеннымъ на волю помѣщичьимъ людямъ приписываться къ казеннымъ селеніямъ, отъ которыхъ было позволено отдавать ихъ и въ рекруты. Какъ бы то ни было,

продажа и покупка рекрутъ продолжалась. Суворовъ ввелъ въ своихъ вотчинахъ обычай вовсе не отдавать въ солдаты своихъ крестьянъ, а всегда покупать для этого постороннихъ людей, на что часть денегъ давалась помѣщикомъ, а остальное вносилось изъ мирскихъ суммъ. Наконецъ, существованіе при Екатеринѣ II запрещенной торговли рекрутами видно и изъ того, что въ 1804 г., для уничтоженія продажи крестьянъ съ этою цѣлю, велѣно крѣпостныхъ, продаваемыхъ безъ земли, принимать въ рекруты не иначе, какъ черезъ три года по совершеніи жупчей на ихъ продажу; но и послѣ того приходилось принимать мѣры противъ торговли рекрутами.

Другое ограниченіе торговли людьми въ розницу состояло въ томъ, что въ 1771 г. императрица именнымъ указомъ запретила при конфискаціи имѣній и продажѣ ихъ съ аукціона продавать людей безъ земли съ молотка. Но продажи съ аукціона были вовсе не такъ часты; главное же зло заключалось въ правѣ помѣщиковъ продавать своихъ крестьянъ по одиночкѣ, а оно оставалось неприкосновеннымъ не только въ теченіи всего царствованія Екатерины, но долго и послѣ нея. Когда баронъ Унгернъ-Штернбергъ въ своемъ проектѣ крестьянскихъ правъ предложилъ запретить разлученіе при продажѣ крѣпостныхъ женъ отъ мужей, малолѣтнихъ дѣтей отъ родителей, то депутатъ Радванскій замѣтилъ, что и теперь «малыхъ дѣтей отъ матерей не отбираютъ до возраста; напр. мать въ другую деревню замужъ отдають, то съ ней и дѣти отпускаются... а жену отъ мужа, и мужа отъ жены продавать не можно, и крѣпости не совершать». Разлученіе мужа и жены повидимому было не въ обычаѣ, однако этотъ обычай, вѣроятно, нарушался; это можно предполагать на основаніи слѣдующаго факта. Законъ 1760 г., давшій помѣщикамъ право отсылать своихъ людей на поселеніе, требовалъ, чтобы помѣщикъ не разлучалъ при этомъ мужа и жену, хотя онъ и могъ отнять у нихъ малолѣтнихъ дѣтей. Не смотря на это положительное запрещеніе, помѣщики очень часто разлучали ссылаемыхъ съ ихъ женами, какъ это мы увидимъ ниже. Дозволеніе же, прямо данное указомъ 1760 г., разлучать дѣтей съ родителями не могло не повліять и на развитіе продажи семей въ розницу. Могли быть нерѣдко случаи разлученія дѣтей съ родителями и на основаніи закона, что дѣти рекрутъ, рожденные до взятія отца въ военную службу, должны были оставаться у помѣщика. Если малыхъ дѣтей не продавали отдѣльно отъ роди-

телей, то потому только, что кому же они могли быть нужны. Но очевидно, что если бы вздумалось помѣщику разлучить и маленькихъ дѣтей съ отцемъ или матерью, то никто не могъ ему это запретить. Къ концу царствованія Екатерины продажа людей въ розницу приняла самый позорный видъ: людей продавали буквально наравнѣ со скотами, причемъ наиболѣе сильный запросъ былъ на красивыхъ дѣвушекъ. Продаваемыхъ людей даже толпами выводили на рынокъ, какъ это видно изъ слѣдующаго разсказа Саввы Текеля, путешествовавшаго по Россіи въ 1787—88 гг. Пріѣхавъ въ Тулу, онъ увидаль на площади до 40 дѣвицъ, стоявшихъ толпою, и спросилъ проводника, что онѣ тутъ дѣлають, о чемъ шумять — «Продаются» былъ отвѣтъ — «Что? Развѣ люди продаются, какъ скотина?» спросилъ Савва. — «А подите къ нимъ сами», отвѣчали ему. На вопросъ путешественника дѣвушки наперерывъ отвѣчали: «купи насъ, господинъ, купи!» Савву поразилъ веселый видъ, съ какимъ дѣвицы говорили о собственной продажѣ. Онъ попробовалъ спросить ихъ: «а пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повелъ?» — «Намъ все равно — вамъ или другому служить», былъ отвѣтъ. На вопросы Саввы проводникъ объяснилъ ему, что крѣпостные люди въ Россіи не имѣють ничего, кромѣ души, остальное все принадлежитъ помѣщику. «Помѣщикъ можетъ продать мужа отъ жены, жену отъ мужа, дѣтей отъ родителей, избу, корову, даже и одежду ихъ можетъ продать». Дошло, наконецъ, до того, что въ 1808 г. пришлось запретить продажу людей на ярмаркахъ *). Продажа крестьянъ безъ земли продолжалась до самаго уничтоженія крѣпостнаго права, и лишь въ 1841 г. было постановлено, что приобрѣтать ихъ могли только лица, владѣющія населеннымъ имѣніемъ, къ которому покунаемые и должны быть приписаны, а въ 1833 г. запрещено было, при продажѣ и дареніи крѣпостныхъ, разлучать членовъ одного семейства. Ограниченія эти однако умѣли обходить, какъ и запрещеніе продавать людей на ярмаркахъ. Одинъ сельскій священникъ, авторъ замѣчательныхъ воспоминаній о бытѣ помѣщиковъ предъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, разсказываетъ: «лѣтъ пять тому назадъ мнѣ попался одинъ старичекъ изъ саратовской губерніи, петровскаго уѣзда, и разсказалъ мнѣ о старомъ своемъ житьѣ-бытьѣ: «бы-

*) При этомъ указано на дѣло, производившееся въ рязанской палатѣ уголовнаго суда о продажѣ помѣщикомъ на урюпинской ярмаркѣ своихъ крѣпостныхъ безъ земли и съ разлученіемъ нѣкоторыхъ семей.

вало, наша барыня отберетъ парней да дѣвокъ человѣкъ 30, мы посажаемъ ихъ на тройки, да и повеземъ на урюпинскую ярмарку продавать. Я былъ въ кучерахъ. Сдѣлаемъ тамъ на ярмаркѣ палатку, да и продаемъ ихъ. Больше всего покупали *армяне*. Коль подойдетъ кто изъ начальства, то барыня говоритъ, что она отдастъ въ наймы. Каждый годъ мы возили. Ужъ сколько вою бывало на селѣ, когда начнетъ барыня собираться въ Урюпино». Сравнивъ этотъ рассказъ съ фактомъ, вызвавшимъ указъ 1808 г., мы видимъ, что послѣ этого распоряженія не измѣнилось даже одно изъ бойкихъ мѣстъ торговли крѣпостными: и здѣсь, и тамъ рынокомъ, куда выводились на продажу рабы, была урюпинская ярмарка. Любопытно, что покупателями преимущественно являлись армяне; это заставляетъ думать, что купленныхъ вывозили за границу—въ Турцію и Персію. — Тотъ же священникъ рассказываетъ слѣдующее: «Всѣмъ извѣстно, что помѣщики-псары на одну собаку мѣняли сотню людей. Бывали случаи, что за борзую отдавали деревни крестьянъ». Одинъ продавалъ дѣвушекъ-невѣсть по 25 руб., другой въ то же время покупалъ борзыхъ щенковъ по 3,000 руб. Стало быть, щенокъ, даже не собака, цѣнился въ 120 разъ дороже человѣка, или 120 дѣвокъ равнялись одной сукѣ *). — «Бываютъ такіе негодни», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Россіи Текели, «которые стягиваютъ на карту своего крѣпостнаго и проигрываютъ его.»

При продажѣ людей цѣлыми имѣніями съ землей, въ началѣ царствованія Екатерины II, общепринятою цѣною было 30 руб. за душу; для 80-хъ годовъ можно принять среднюю величину 90 руб. **). Слѣдовательно, въ теченіи 20 лѣтъ цѣна на крѣпостныхъ одновременно съ повышеніемъ оброковъ увеличилась втрое; въ 90-хъ годахъ она мѣстами поднялась до 200 и болѣе рублей.

Переходя къ цѣнамъ крестьянъ безъ земли, мы прежде всего укажемъ на приобрѣтеніе сразу значительнаго числа душъ, а именно цѣлыхъ имѣній *на вывозъ*. Въ 1773 г. одна помѣщица продала въ мещѣвскомъ уѣздѣ, калужской губерніи 195 душъ «съ женами и съ дѣтьми, и съ братьями, и съ племянниками, съ зятьями и съ пріемыши, со внучаты и съ новорожденными послѣ

*) „Русская Старина“ 1880 г. № 3. стр. 492; № 1, стр. 68.

***) По словамъ Болтина, при продажѣ цѣлыхъ имѣній, ревизская душа цѣнится отъ 70 до 120 руб.

третьей ревизіи» на вывозъ за 1120 руб.; это составляетъ около 6 руб. за ревизскую душу. Но такая цѣна для того времени была непомерно низка. Въ 1786 году Державинъ писалъ въ одному господину: «Когда по 70 руб. крестьянъ на вывозъ отселъ (изъ тамбовской губерніи) не умѣли купить для кн. Потемкина, то теперь, какъ состоялся заемный банкъ, ни по 100 руб. не продаютъ.» Одно небольшое имѣніе въ московской губерніи (26 душъ) продавалось съ землею за 4,000 руб., т. е. по 150 руб. съ души, а продано безъ крестьянъ за 1,500 руб., слѣдовательно, крестьяне на вывозъ цѣнились по 100 руб. каждая душа.

Что касается цѣнъ людей по одиночѣ, то прежде всего слѣдуетъ указать на установленную правительствомъ стоимость рекрута. Въ 1766 г. она принималась въ 120 руб., черезъ двадцать лѣтъ равнялась 360 руб., а въ 1793 г., единственный разъ, когда правительство дозволило всѣмъ крестьянамъ замѣнить натуральную воинскую повинность денежною, стоимость рекрута оцѣнена была въ 400 руб. Но въ дѣйствительности покупающимъ рекрутъ приходилось иной разъ платить и дороже. Понятно, что взрослый работникъ, въ цвѣтъ силъ продаваемый отдѣльно, долженъ былъ цѣниться гораздо дороже, чѣмъ каждая крестьянская душа при продажѣ цѣлыми имѣніями, тѣмъ болѣе, что отдавая рекрута нужно было отдать вмѣстѣ съ нимъ и жену, и что доля оброка и работъ, на него приходившаяся, должна была упасть теперь на остальныхъ крестьянъ; такъ какъ отдаваемые въ рекруты не исключались изъ подушнаго оклада до новой ревизіи, то жителямъ той же вотчины приходилось платить подати не только за него, но и за его старика отца, и за малолѣтнихъ дѣтей. Вотъ почему годный въ рекруты продавался гораздо дороже средней цѣны за ревизскую душу.—Приведемъ нѣсколько примѣровъ дѣйствительной стоимости рекрутъ. Тотъ помѣщикъ, который, по свидѣтельству Болтина, при Елизаветѣ распродалъ около 100 душъ своихъ крестьянъ, бралъ за каждого отъ 150 до 180 руб. Крестьяне Суворова въ новгородской губерніи купили въ 1787 г. трехъ рекрутъ по 350 руб.; по словамъ Болтина, въ концѣ 80-хъ годовъ продавали рекрута по 400 руб., а иногда и дороже. Радищевъ рассказываетъ, что одинъ баринъ взялъ за трехъ рекрутъ 1,000 руб. Наконецъ, Шторхъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне должны были платить до 700 руб. за одного рекрута.—

Но можно было приобрести крестьянъ по одиночкѣ и гораздо дешевле; тотъ же Шторхъ свидѣтельствуетъ, что въ его время мужская душа продавалась по 100—120 руб. Люди, обученные какому-нибудь мастерству или искусству, цѣнились всегда дороже. Такъ Потемкинъ купилъ у фельдмаршала Разумовскаго оркестръ музыкантовъ, играющихъ на рогахъ, за 40,000 руб., по 800 руб. за каждаго.—Тоже самое было и относительно женскаго пола: простая, ничему необученная дѣвушка, цѣнилась дешевле вымуштрованной горничной. Болотовъ въ 1762 г. купилъ въ жены своему слугѣ дѣвку за 10 руб.; въ 1782 г. одна дѣвушка была продана за 30 руб. Въ 1784 г. Суворову доносили изъ Москвы, что тамъ за 50 руб. можно купить только ничего незнающую горничную, а такая, которая умѣетъ шить, мыть и крахмалить бѣлье, стоитъ не менѣе 80 руб. И дѣйстви-тельно за невѣсть дворовымъ платили иногда по 80 руб. *) Брѣвностныя артистки цѣнились неизмѣримо дороже: если вѣрить свидѣтельству одного француза, одна такая актриса была куплена (повидимому уже въ первые годы XIX в.) за 5,000 руб.

Любопытную оцѣнку самихъ себя произвели жители нѣсколькихъ деревень, вельскаго уѣзда, вологодской губерніи, по требованію мануфактуръ-коллегіи въ 1800 г., когда возникло дѣло о причисленіи этихъ крестьянъ, купленныхъ купцомъ Дырышевымъ на имя своего зятя, губернскаго секретаря Попова. При волостныхъ сотскихъ и постороннихъ понятыхъ они оцѣнили свои строенія, а также и всѣхъ жителей по одиночкѣ. Высшая цѣна для взрослого работника равнялась 40 руб., низшая—за ребенка—10 коп. Въ среднемъ нѣсколько деревень вмѣстѣ со строеніями, но безъ земли, были оцѣнены въ 2,900 руб.; это приходилось на каждую мужскую душу вмѣстѣ съ постройками по 26 руб. Если вспомнить, что еще въ 1760 г. правительство, давая помѣщику право отправлять на поселеніе вмѣстѣ съ людьми, провинившимися въ «продерзости», ихъ дѣтей, оцѣнило мальчиковъ до 5 лѣтъ въ 10 руб., отъ 5 до 15 лѣтъ по 20 руб., а дѣвочекъ вдвое менѣе, то нельзя не признать, что вологодскіе крестьяне дешево цѣнили себя.

Въ комиссіи для составленія новаго уложенія одинъ депутатъ, вышедшій изъ народа, казагъ Алейниковъ, высказалъ,

*) Для сравненія съ приведенными цѣнами упомянемъ, что еще въ 1853 г. въ землѣ Войска Донскаго продавалась съ публичнаго торгу за долги госпожи крестьянская дѣвушка (49 лѣтъ), оцѣненная въ 41 руб.

что большое «будетъ предосужденіе всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству передъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей высокославной комиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ мы сами.»

Мы видѣли, что торгъ людьми не только не прекратился послѣ созванія комиссіи, но даже еще усилился и это дѣйствительно составляло для насъ великій стыдъ передъ Европой. Мы видѣли, съ какимъ удивленіемъ узнавали о существованіи у насъ торго рабами пріѣзжавшіе даже изъ такой далеко нецивилизованной страны, какъ Венгрія. Дѣйствительно, во всей западной Европѣ не существовало уже въ это время продажи людей безъ земли; даже въ такомъ отсталомъ государствѣ, какъ Мекленбургъ, это было запрещено. Въ Шлезвигѣ и Гольштиніи случалось, что господа уступали людей безъ земли владѣльцамъ другихъ имѣній (рассказываютъ, что землевладѣльцы проигрывали людей въ карты, что одинъ господинъ обмѣнилъ даже крѣпостнаго на 2 охотничьихъ собакъ), но повидимому это были рѣдкія исключенія и наконецъ во всякомъ случаѣ это было противозаконно, если дѣлалось безъ согласія самого крѣпостнаго. Въ Даніи еще въ началѣ XVI в. было запрещено продавать и дарить крестьянъ безъ земли.

Напротивъ того, въ Остзейскомъ краѣ торговля людьми производилась въ XVIII в. совершенно безпрепятственно. Генералъ-губернаторъ, гр. Броунъ, въ своемъ извѣстномъ предложеніи лифляндскому ландтагу въ 1765 году говорить: «весьма важно положить предѣлъ неограниченной торговлѣ людьми. Если изъ имѣній, гдѣ есть нѣкоторый излишекъ въ людяхъ уступаютъ ихъ другому владѣльцу, это не только вполне дозволительно, но даже похвально и полезно для общества, такъ какъ содѣйствуетъ повсемѣстной обработкѣ земли. Но торговля людьми, при которой дѣтей разлучаютъ съ родителями, иногда даже мужей съ женами, развилась до того, что господа, стремящіеся къ раззоренію, публично продаютъ съ аукціона своихъ людей то по одиночкѣ, то цѣлыми семьями.... иногда даже за границу страны.» Ландтагъ сдѣлалъ негласное постановленіе, что продающіе людей за границу подвергаются впредь штрафу въ 200 талеровъ, хотя повидимому обусловилъ исполненіе этого постановленія тѣмъ, чтобы правительство принимало энергическія мѣры для возвращенія лифляндскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ за границу — въ

Бурляндю или Литву. Дворянство и не скрывало того, что дѣти разлучались съ родителями: оно заявило въ своемъ отвѣтъ Броуну, что господа берутъ къ себѣ въ услуженіе крестьянскихъ дѣтей и, продавая имѣніе, оставляютъ при себѣ своихъ слугъ, тогда какъ ихъ родители остаются въ имѣніи. Но тѣхъ, кто будетъ выводить своихъ людей для продажи на рынокъ, ландтагъ впродѣль опредѣлилъ наказывать пенею въ 200 талеровъ, а за разлученіе мужа и жены въ 400 талеровъ. Продажа людей по одиночкѣ, и особенно бобылей, продолжалась однако подъ рукою и послѣ того: въ 60-хъ годахъ платили за холостаго парня 30 руб., а если онъ зналъ ремесло—100 руб.; дѣвушки продавались по 10 руб.; дѣтей отдавали по 4 руб. Въ 1804 г. вновь пришлось запрещать продажу крестьянъ безъ земли.

Въ Польшѣ продажа людей безъ земли, установившаяся не ранѣе конца XVI в., существовала и въ XVIII столѣтіи; что она была и въ Малороссіи, видно изъ запрещенія ея тамъ императоромъ Павломъ въ 1798 г.

VI.

Наказанія крѣпостныхъ.

Смычка въ Сибирь.—Отдача въ рекруты.—Тѣлесныя наказанія.—Пригѣры жестокихъ истязаній.—Наказанія помѣщиковъ, замучившихъ своихъ людей.—Убійства крѣпостныхъ.

Мы уже упоминали, что въ 1760 г. помѣщикамъ было позволено ссылать своихъ крестьянъ на поселеніе въ Сибирь. Сохранилось любопытное свидѣтельство самихъ сосланныхъ о всѣхъ испытаніяхъ, которыя имъ пришлось перенести, какъ во время путешествія въ Сибирь, такъ и послѣ водворенія тамъ. Этотъ трогательный рассказъ, который намъ удалось найти среди неизданныхъ наказовъ сибирскихъ черносошныхъ крестьянъ (красноярскаго уѣзда), всего лучше обрисуетъ намъ горестное положеніе несчастныхъ переселенцевъ. Сенатскимъ указомъ 1760 г., заявляютъ жители нѣсколькихъ селеній красноярскаго уѣзда, «вѣльно набирать въ Сибирь отъ помѣщиковъ и прочаго разнаго званія людей на поселеніе, лѣтами не старѣе 45 лѣтъ, точію здоровыхъ и неувѣчныхъ» и къ хлѣбопашеству годныхъ, а, между тѣмъ, на дѣлѣ «рѣченныхъ поселщиковъ означилось немалое число престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работамъ за разными болѣзнями, которые не токмо положеннаго на насъ подушнаго

оклада платить не могутъ, но и сами себѣ пропитанія не имѣютъ». При отдачѣ на поселеніе не только «наши домашніе все пожитки, но у многихъ и законныя жены и дѣти... помѣщиками и отдатчиками безразсудно удержаны... а довольствованы тогда отъ нихъ вмѣсто награжденія, въ силу же правительствующаго сената указа, каждый зачтенный въ рекруты человекъ, безженные по 20, кои съ женами по 15 руб. деньгами, то-жъ платьемъ весьма самымъ ветхимъ». Затѣмъ отъ каждой мѣстной канцеляріи они «отправлены были по Волгѣ и Окѣ рѣкамъ до города Самары... въ коемъ за вступленіемъ тогдашняго зимняго времени по квартирамъ живучи не мало продолжались, а только тогда производимы были намъ... по 2 коп. на день деньги, которыхъ за невыдачею притомъ до самаго оттоль отправления мѣсячнаго провіанта, и на пищу», а также во время путешествія на разстояніи болѣе 4,000 верстъ «на рубахи и одну обувь, и то со всякою бережливостію, едва было достаточно». Странствованія отъ Самары по оренбургской линіи въ Сибирь продолжались *не менѣе полутора года*; при этомъ вслѣдствіе частыхъ дождей, перехода черезъ рѣки въ половодье и невозможности при остановкахъ обсушиться, такъ какъ въ редутахъ было не болѣе двухъ избъ, все платье несчастныхъ переселенцевъ погнило. Не лучше жилось имъ и послѣ водворенія въ Сибири. «Стараясь ко обзаведенію всей своей экономіи», рассказываютъ они про себя, «находились при ронгѣ (рубѣ) и возгѣ всякаго лѣса и при самомъ домостроительствѣ въ работѣ, почти послѣднюю на себѣ одежду износили, а другую по здѣшней дороговизнѣ, а паче не имѣя себѣ ни отъ какихъ промысловъ, за обращеніемъ всегда при своихъ работахъ, никаково прибутку», пріобрѣсти никакъ не могутъ. Хотя, по прибытіи на мѣсто, съ 1-го января 1762 г. и по 1-е сентября 1764 г. имъ и выдавали кормовыхъ денегъ по копѣйкѣ на день и провіантъ, но на эти деньги они, во-первыхъ, не дешево покупали скотъ, а во-вторыхъ, на первый разъ принуждены были нанимать для земледѣльческихъ работъ мѣстныхъ обывателей, такъ какъ одни изъ переселенцевъ были у своихъ помѣщиковъ лакеями и, слѣдовательно, хлѣбонашествомъ не занимались, другіе, живучи въ городахъ, «разный авантажъ имѣли мастерствомъ», и потому пахать землю «не заобыкли», къ тому же «многіе одержимы были болѣзнію трясовицею». Нанимая мѣстныхъ обывателей пахать отведенныя имъ земли, поселенцы платили имъ за каждую деся-

тину по 1 р. 50 коп.; у нихъ же покупали сохи и все нужное для хозяйства. Съ 1765 г. съ посельщиковъ стали взыскивать подушныя подати, какъ и съ другихъ государственныхъ крестьянъ, по 1 р. 73 коп. съ души; они жаловались, что придется платить за умершихъ, стариковъ и неспособныхъ къ работѣ, такъ что нужно давать въ годъ по 2 руб. съ души. Все, какъ нарочно, не ладилось у этихъ бѣдныхъ людей: «по всекрайнему несчастію у многихъ изъ насъ нижайшихъ», говорятъ они: «по власти всемогущаго Бога, перводанныя изъ казны лошади разными болѣзнями, отъ чего впредь Боже сохрани, у другихъ же и по двѣ выпадали, и затѣмъ божескимъ попущеніемъ и безлошадными остались; подобно же тому... съ самаго нашего прибытія на вышепоказанныя мѣста, на насѣваемыхъ земляхъ яровой хлѣбъ не родился, и при самыхъ всходахъ нападающій гнусь, называемая кобылка, по два года безъ остатку съѣдала, а за вторично данныхъ лошадей по рублю въ годъ деньги и притомъ урожаемый сѣмянной хлѣбъ рожь, по указному числу сполна въ казну взыскана, а яровой же нынѣшняго года взыскивается, а прочіе посельщики, какъ за продажею для отдачи за вторичныхъ лошадей, такъ уже и за прежде данныхъ въ предбудущій 768 годъ ко взысканію уже время наступаетъ; такожь и за престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работамъ, умершихъ и выбылыхъ до ревизіи пяти душъ, такожь за лошадей и данные жъ желѣзные инструменты и сѣмянной хлѣбъ въ такое, самое нужное время должны не преминуя съ насъ взыскиваться», — вслѣдствіе всего этого нужда заставляетъ большую половину людей закабаляться батраками въ работу. Положеніе посельщиковъ еще болѣе ухудшалось вслѣдствіе тяжести подводной повинности и недобросовѣстности прѣзжавшихъ властей, на что жаловались всѣ сибирскіе черносошныя крестьяне.

Такимъ образомъ, послѣ почти двухъ-лѣтняго тяжелаго странствованія несчастные переселенцы и на мѣстѣ не нашли успокоенія: ихъ преслѣдовали и лихорадка, и падежь скота, и неурожай, и тяжелыя повинности, наконецъ, отвѣтственность по круговой порукѣ за умершихъ людей; къ тому же неумѣніе приняться за соху заставляло тратить и безъ того скудныхъ денежныхъ средства на наемъ людей для обработки данной имъ пашни. При такихъ условіяхъ, колонизація Сибири ссыльными крѣпостными не могла совершаться успѣшно.

Въ заключеніе приведенной нами скорбной повѣсти посельщички, водворенные въ красноярскомъ уѣздѣ, выражали только два желанія: во-первыхъ, вслѣдствіе бѣдности, освободить ихъ отъ взысканія денегъ за лошадей и хлѣба, даннаго на сѣмена, а во-вторыхъ, прислать къ нимъ женъ и дѣтей, которыя были оставлены противъ ихъ желанія на родинѣ *).

Для сравненія съ этимъ разсказомъ мы приведемъ нѣсколько свѣдѣній о сибирскихъ посельщикахъ изъ одного современнаго путешествія. Георги говоритъ, что ихъ освобождали на 3 года отъ взноса податей и подводной повинности; кромѣ того, они получали на обзаведеніе лошадей, соху и топоръ **), 9 пудовъ ржи на посѣвъ, также овса и ячменя, и въ первый годъ солдатскій провіантъ (пашекъ), а, кромѣ того, для пріобрѣтенія всего необходимаго по 2 коп. въ день. Женщины и дѣти получали половину. На второй годъ переселенцамъ выдавали вдвое менѣе содержанія, чѣмъ въ первый, въ третій—они должны были прокармливать сами, а въ четвертый уже платили подати. Разсказъ Георги почти совершенно совпадаетъ съ повѣстованіемъ самихъ посельщиковъ; оказывается только, что лошадей, соху и прочее обзаведеніе, а также сѣмена посельщички получали не безвозвратно, какъ можно было бы заключить изъ словъ Георги, а лишь въ ссуду: стоимость первыхъ, а сѣмена натурою взыскивались по истеченіи извѣстнаго времени; это подтверждается и однимъ правительственнымъ указомъ.

Какъ видно, впрочемъ, правила о поселеніи въ Сибири присланныхъ въ зачетъ рекрутъ были повсемѣстно одинаковы. Въ 1762 г., по представленію сибирскаго губернатора Соймонова, сенатъ приказалъ присылаемыхъ въ Сибирь за разные преступленія, а также отравленныхъ съ зачетомъ въ рекруты на поселеніе (т. е. какъ собственно ссыльныхъ, такъ и посельщичковъ) селить на удобныхъ для хлѣбонашества мѣстахъ, по рѣкѣ Иртышу отъ Устькаменогорской до Омской крѣпости и притомъ давать на посѣвъ каждой семьѣ земли по 5 дес. (въ каждомъ полѣ?), покосовъ по 50 копенъ; (участокъ, на которомъ ставилось 10 копенъ сѣна, принимался въ то время равнымъ десятинѣ, слѣдовательно вѣроятно на семью давали всего земли по 20 десятинъ) и кромѣ того казеннаго хлѣба безъ

*) Въ приложенномъ реестрѣ было названо 85 дѣтей и двѣ жены помѣщичьихъ крестьянъ разныхъ губерній Великороссіи.

**) Дома они должны были выстроить себѣ сами.

возврата по 54 пуда, а также предписано было купить для нихъ и раздать имъ лошадей.

По представлению сибирскаго губернатора, императрица велѣла освободить отъ рекрутской повинности присланныхъ отъ помѣщиковъ въ зачетъ рекрутъ для того, чтобы не препятствовать развитію этихъ поселеній.

Помѣщики злоупотребляли своимъ правомъ отправлять на поселеніе и ссылали людей совершенно негодныхъ для работы. Въ 1772 г. сенатъ получилъ донесеніе сибирской губернской канцеляріи, что изъ присылаемыхъ въ зачетъ рекрутъ нѣкоторые оказались «стары и дряклы, такъ что и движенія не имѣютъ, и въ разныхъ болѣзняхъ», другіе были увѣчные и наконецъ нашлись даже сумасшедшіе. Поэтому тѣ, которые могли дойти до своихъ жилищъ, были отправлены обратно на родину, а прочіе убогіе люди «оставлены на вольномъ житѣ, на ихъ пропитаніи» (другими словами, брошены на произволъ судьбы), и въ тѣ мѣста, откуда они были присланы, сообщено, чтобы ихъ не зачитали въ рекруты. Сенатъ приказалъ вмѣсто всѣхъ принятыхъ неспособныхъ къ поселенію людей, возвратятся ли они на прежнія мѣста или нѣтъ, немедленно взыскать съ отдатчиковъ другихъ рекрутъ, а принявшія ихъ канцеляріи оштрафовать. Передъ этимъ сенатъ получилъ представленіе сибирскаго губернатора о томъ, что слѣдуетъ хотя на годъ остановить приѣмъ людей, отдаваемыхъ на поселеніе, съ зачетомъ въ рекруты, о чемъ и поднесъ докладъ государынѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, въ 1773 г. ссылка крѣпостныхъ на поселеніе была на время остановлена. Такъ какъ объ этой мѣрѣ мы узнаемъ только изъ протоколовъ государственнаго совѣта, то, быть можетъ, это распоряженіе не было обнародовано, а только сообщено губернаторамъ. Какъ великъ былъ срокъ пріостановки — неизвѣстно. Вѣроятно, онъ былъ не великъ, какъ потому, что сибирскій губернаторъ предлагалъ остановить ссылку хоть на годъ, такъ и потому, что въ 80-хъ годахъ мы вновь встрѣчаемъ уже примѣры отправленія крѣпостныхъ въ Сибирь въ зачетъ рекрутъ. Съ возобновленіемъ ссылки возобновились и прежнія злоупотребленія, т. е. отправленія въ Сибирь старыхъ и дряхлыхъ людей. Въ 1784 г., по случаю производства новой ревизіи, во многихъ губерніяхъ былъ возбужденъ вопросъ, какія подати слѣдуетъ собирать съ людей, прежде отправленныхъ помѣщиками въ Сибирь, а затѣмъ возвращенныхъ на родину. Сенатъ приказалъ тѣхъ изъ

нихъ, которые уже были зачтены прежнимъ владѣльцемъ въ рекруты, надѣлать казенною землею, причислить къ государственнымъ крестьянамъ и обложить наравнѣ съ ними податями, тѣхъ же, которые не были зачтены въ рекруты, оставить на прежнихъ жмлицахъ и данныя о зачетѣ ихъ квитанціи отобрать.

И такъ, императрица Екатерина не запретила помѣщикамъсылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь; напротивъ того, она еще болѣе расширила ихъ права въ этомъ отношеніи, такъ какъ прежде они моглисылать своихъ крестьянъ только на поселеніе, а она въ 1765 г. позволила отдавать имъ своихъ людей въ каторжную работу и даже брать ихъ назадъ по своему усмотрѣнію. При имп. Александрѣ помѣщики были сначала лишены правасылать своихъ крестьянъ безъ суда какъ на поселеніе, такъ и въ каторжную работу, но потомъ право отправлять ихъ на поселеніе было опять имъ возвращено.

Ссылка на поселеніе и въ каторжную работу—единственныя наказанія, которымъ законъ въ екатерининскую эпоху прямо разрешалъ помѣщикамъ подвергать своихъ крестьянъ. На поселеніе отправляли людей въ зачетъ рекрутъ; такъ какъ распределеніе рекрутской повинности вообще зависѣло отъ помѣщика, то другою карою, признаваемою закономъ, была сдача въ солдаты. Относительно прочихъ наказаній мы не находимъ никакихъ постановленій ни въ уложеніи, ни во всемъ законодательствѣ XVIII в.—Не было точно опредѣлено также, какіе преступленія и проступки крѣпостныхъ считались подсудными помѣщику. Несомнѣнно, что дѣла объ убійствѣ и разбоѣ не подлежали его вѣденію. По поводу одного дѣла императрица высказала убѣжденіе, что за побѣги и воровства, совершенныя крѣпостными крестьянами, они должны судиться «городскою юстиціею». *) Въ 1773 г. былъ изданъ даже особый законъ о томъ, какому наказанію должно подвергать крестьянъ разнаго вѣдомства (и въ томъ числѣ крѣпостныхъ) за кражу; но этотъ законъ, несомнѣнно, прижился лишь въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій не былъ крѣпостнымъ того же помѣщика.

Недостатокъ точныхъ постановленій въ законѣ о томъ, какииъ наказаніямъ могли помѣщики подвергать своихъ крестьянъ,

*) «Побѣги и воровства и подобное не подлежатъ домашнему слѣдствію и наказанію», сказано въ указѣ 1770 г.

побудилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ составить подробныя правила о наказаніяхъ въ ихъ вотчинахъ. Такое уложеніе о наказаніяхъ было составлено гр. П. А. Румянцевымъ. Онъ самымъ подробнымъ образомъ опредѣлилъ, какимъ карамъ должно подвергать крестьянъ за различныя проступки, и не предоставилъ въ этомъ почти никакой самодѣтельности вотчиннымъ властямъ и крестьянскому сходу; слѣдовало только опредѣлить наличность преступленія и затѣмъ примѣнить наказанія, указанныя помѣщикомъ. Другіе крупные вотчинники не давали такихъ подробныхъ инструкцій относительно наказаній. В. Г. Орловъ, въ обширномъ уложеніи, составленномъ имъ для своихъ имѣній, ограничился по этому поводу слѣдующими правилами. Онъ приказалъ наказывать розгами и батогами, а не плетью, дозволивъ для богатыхъ крестьянъ, занимающихся торговлею, замѣнять при первыхъ проступкахъ тѣлесное наказаніе денежнымъ штрафомъ. Опредѣлять эти наказанія предоставлялось мѣстному начальству и крестьянскому міру по своему усмотрѣнію. Помѣщикъ предписалъ только, что для отдачи виновныхъ въ рекруты и ссылкѣ ихъ на поселеніе требуется его согласіе, но и въ этомъ случаѣ инициатива исходила изъ вотчины.—Суворовъ, поручая одну свою вотчину надзору управляющаго, дозволилъ ему только слѣдующія наказанія: «1) словесно усовѣщевать, 2) сажать на хлѣбъ и на вою, 3) въ крайности, съчь по разсмотрѣніи вины розгами». Но управляющіе превосходили данныя имъ уполномочія: такъ одинъ изъ нихъ писалъ Суворову, что поступаетъ съ крестьянами «учтиво и всячески старается ихъ приласкать», а самъ держалъ виновныхъ скованными, такъ что крестьяне собирались его застрѣлить. Суворовъ приказалъ къ такимъ мѣрамъ никогда не обращаться. Впрочемъ онъ и самъ позволялъ себѣ одно очень жестокое наказаніе: онъ терпѣть не могъ пьяныхъ и потому, даже зимой, приказывалъ поливать водой у колодца такихъ крестьянъ, которые сильно пьянствовали. «Отъ холодной воды», говаривалъ онъ, «хмѣльное скорѣе пройдетъ и дольше этотъ человѣкъ стыдъ и муку будетъ помнить, чѣмъ если его высъчь розгами. Коли горячее любишь, то и къ холодному будь способенъ».

Инструкціи и уложенія составлялись, обыкновенно, для оброчныхъ вотчинъ; помѣщики, сами жившіе въ имѣніяхъ, состоявшихъ на барщинѣ, не хотѣли налагать на себя никакихъ ограниченій. «Наказаніе рабовъ», говоритъ одинъ французъ, долго

жившій въ Россіи, «измѣняется сообразно съ расположеніемъ духа или характера господина, или заступающаго его мѣсто. Оно гораздо чаще соразмѣряется со строгостію того, кто его предписываетъ, чѣмъ съ важностію проступка наказываемаго. Самыя обычныя исправительныя средства—палки, плети и розги. Наказанія производятся обыкновенно въ конюшнѣ, или въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, чтобы крики истязяемаго не беспокоили господь. Я видѣлъ, что палками наказывали какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку (последняя, по русской примѣтѣ, предназначуетъ большое несчастье, и потому такое преступленіе рѣдко прощается), за пьянство и за легкое непослушаніе, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный супъ. *) При наказаніи обыкновенно присутствуетъ управитель, если при этомъ не бываетъ господина. Подвергающійся наказанію въ одной рубашкѣ ложится, одинъ или чаще два человѣка помѣщаются сбоку и по очереди бьютъ, какъ по пуховику. Несчастный испускаетъ пронзительные крики, проситъ прощенія, клянется, что не провинится больше, но управитель приказываетъ: «сильнѣе, сильнѣе», и если наказывающій замедлитъ удары, ему самому грозятъ наказаніемъ....» «Какія предосторожности не принималъ я», продолжаетъ авторъ, «чтобы не быть свидѣтелемъ этихъ жестокихъ истязаній,—они такъ часты, такъ обычны въ деревняхъ, что невозможно не слышать сплошь и рядомъ криковъ несчастныхъ жертвъ безчеловѣчнаго произвола. Эти пронзительныя вопли преслѣдовали меня даже во снѣ. Сколько разъ я проклиналъ мое знаніе русскаго языка, когда слышалъ, какъ отдавали приказы о наказаніяхъ». Авторъ упоминаетъ еще объ одномъ изъ наказаній для провинившихся женщинъ: это было обрѣзаніе косы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ дурнаго и жестокаго обращенія съ крестьянами и дворовыми.

Вотъ напримѣръ, Болотовъ рассказываетъ, что помѣщикъ въ пьяномъ видѣ ни съ того, ни съ сего подвергаетъ всѣхъ дворовыхъ тѣлесному наказанію. Вотъ барыня бьетъ башмакомъ по лицу провинившихся дѣвушекъ; вотъ одна помѣщица приказываетъ высѣчь 80 женщинъ за то, что онѣ не набрали земляники, когда это было имъ приказано; вотъ, наконецъ, одинъ господинъ приказываетъ жечь углями подошвы ногъ двороваго

*) Вѣроятно еще многіе читатели помнятъ помѣщицью пословицу: «недосоль на столѣ, а пересоль на спинѣ».

за то, что тотъ утопилъ двухъ барскихъ щенковъ, которыхъ его женѣ былъ велѣно выкормить своею грудью. Даже люди довольно образованные самымъ суровымъ образомъ относились къ своимъ крѣпостнымъ. Болотовъ рассказываетъ, что его раздражилъ одинъ столяръ постояннымъ пьянствомъ и кражами какъ у дворовыхъ, такъ и у помѣщика, и потому, желая добиться отъ него показанія о послѣднемъ воровствѣ, онъ прибѣгнувъ къ такому средству: «посѣвши его немного, посадилъ я его въ цѣпь, въ намѣреніи дать ему посидѣть въ ней нѣсколько дней и потому *повторять съченіе понемногу нѣсколько разъ*, дабы оно было ему тѣмъ чувствительнѣе, а для меня менѣе опасно, ибо я никогда не любилъ драться слишкомъ много.... и если кого и съкалъ, будучи приневоленъ къ тому самою необходимостію, то съкалъ очень умѣренно, и отнюдь не тиранническимъ образомъ, какъ другіе». Однако же наказанія, которымъ онъ подвергалъ столяра, были, вѣроятно, не особенно умѣренны, потому что когда Болотовъ вздумалъ высѣчь его за одну вину, сына этого двороваго, люди очень усердные и хорошіе, едва не убили господина, «сдѣлавшись сущими извергами», рассказываетъ Болотовъ, «не только стали оказывать мнѣ грубости, но даже дошли до такого безумія, что одинъ кричалъ, что онъ схватитъ ножъ и у меня пропоретъ брюхо, а тамъ и себя по горлу; а другой и дѣйствительно, схватя ножъ, хотѣлъ будто бы зарѣзаться.... словомъ, они оказались сущими злодѣями, бунтовщиками и извергами». Болотовъ заковалъ ихъ въ цѣпи и продержалъ около недѣли на хлѣбѣ и на водѣ, пока они не покаялись; отецъ же, впоследствии вновь попавшись въ кражѣ, удавился, брясь, по словамъ самого Болотова, «чтобъ ему не было за то какого истязанія». Если такъ дѣйствовалъ человекъ, тронутый образованіемъ, то что же дѣлалось у другихъ помѣщиковъ?

Одного изъ помѣщиковъ-самодуровъ С. Т. Ансаковъ обезсмертилъ въ своей «Семейной хроникѣ» подъ именемъ Куралесова. «Для этого звѣря терзать людей сдѣлалось потребностію, наслажденіемъ». Когда онъ былъ особенно разгнѣванъ на кого-нибудь, онъ не горячился и не кричалъ, а говорилъ тихо и даже ласково: «ну, любезный другъ, дѣлать нечего; пойдемъ, надобно мнѣ съ тобою разсчитаться.—Поцарапайте его кошечками», приказывалъ онъ съ улыбкою окружающимъ. Кошки—ременныя семихвостыя плети изъ сыромятной кожи съ узлами на каждомъ концѣ, были у Куралесова любимымъ орудіемъ наказанія. — «Не люблю па-

ложь и кнутевъ», говаривалъ онъ, «что въ нихъ? какъ разъ убьешь человѣка! То-ли дѣло кошечки: и больно, и не опасно!» Во время истязанія баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пошучивалъ съ несчастною жертвою, покуда она могла еще слышать. Аксакова увѣряли достовѣрные свидѣтели этихъ истязаній, что иногда жизнь наказанныхъ спасали только тѣмъ, что завертывали ихъ истерзанное тѣло въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ. Но иногда ничто не помогало, и нѣсколько человѣкъ умерло послѣ наказанія. Всѣ власти были задарены или запуганы Куралесовымъ и онъ дѣлалъ все, что ему вздумается. Любопытно, что, какъ и многіе другіе подобныя изверги, Куралесовъ былъ очень набоженъ.

По замѣчанію Массона, помѣшницы въ Россіи были вообще кровожаднѣе мужчинъ; онъ объясняетъ это тѣмъ, что онѣ гораздо невѣжественнѣе, отличаются множествомъ предрасудковъ, почти ничего не читаютъ; между тѣмъ, онѣ постоянно окружены рабами, готовыми исполнять или предупреждать ихъ малѣйшія желанія. Вотъ что рассказываетъ онъ о кн. Козловской: она «олицетворяетъ въ себѣ понятіе о всевозможныхъ неистовствахъ и гнусностяхъ. Не разъ видали, какъ она велитъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія бить больнѣе; видали, какъ она, въ принадлегахъ бѣшеннаго изступленія, заставляетъ служанокъ привязывать къ столбу одного изъ своихъ слугъ, совершенно обнаженнаго, и натравливаетъ собакъ грызть несчастнаго; или же приказываетъ женщинамъ сѣчь его, причемъ зачастую вырываетъ у нихъ розги и сама бичуетъ истязуемаго по.... самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла.... соединяя, такимъ образомъ, чудовищное наслажденіе звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства.... Въ такомъ же вкусѣ изобрѣтались муки для подвластныхъ женщинъ; но тогда уже палачами назначались мужчины. Прежде всего несчастныя жертвы подвергались безпощадному сѣченію нагого; затѣмъ свирѣпая госпожа, нерѣдко для утоленія своей лютой, или даже личной мести, заставляла власть трепещущія груди на холодную мраморную доску стола и собственноручно, съ звѣрскимъ наслажденіемъ, сѣкла эти нѣжныя части тѣла. Я самъ видѣлъ одну изъ подобныхъ мученицъ, которую она часто терзала такимъ образомъ и вдобавокъ еще изуродовала: вложивъ пальцы въ ротъ, она разодрала ей губы до ушей.... Я видѣлъ эту зло-

получную дѣвушку, обезображенную и проводящую свои горькіе дни на конюшнѣ, гдѣ прочіе слуги изъ состраданія давали ей пріютъ и пищу. Вся вина бѣдняжки заключалась въ томъ, что она навлекла на себя ревность своей Мессалины къ одному изъ ея презрѣнныхъ любовниковъ».

Всего ужаснѣе то, что дѣянія такихъ личностей, какъ Буралесовъ, кн. Козловская и др. нерѣдко оставались совершенно безнаказанными. Однако же истязанія крѣпостныхъ, кончавшіяся смертію несчастныхъ жертвъ барскаго произвола, не всегда сходили съ рукъ мучителямъ, какъ это будетъ видно сейчасъ изъ цѣлаго ряда дѣлъ, возбужденныхъ правительственными властями.

Въ 1763 г. смоленскій шляхтичъ Высоцкій, взявъ къ себѣ въ доиѣ одного своего крестьянина и жену его, держалъ ихъ подъ карауломъ въ колодахъ, сѣвъ обоихъ по нѣскольку разъ батогами, затѣмъ еще собственноручно наказывалъ плетью, женщину жегъ раскаленнымъ желѣзомъ, а сына ихъ наказывалъ батогами. Женщина не вынесла этихъ истязаній и на четвертый день умерла. Въ губернской канцеляріи, а затѣмъ въ военномъ судѣ «при смоленской шляхтѣ» Высоцкій объяснилъ, что лѣтомъ того года у него началась болѣзнь живота и «головѣ помраченіе»; тогда бывавшіе у него гости стали говорить ему, что онъ испорченъ. Онъ началъ допрашивать своихъ людей и одинъ изъ нихъ, 17-лѣтній парень, какъ оказалось, не снесъ побой, оговорилъ своего отца и мать, что они дали ему какой-то травы, которую онъ и подсыпалъ помѣщику въ кушанье. Тогда Высоцкій началъ истязать эту несчастную семью, «чтобы они въ здоровьѣ его выпользовали». — Солигалицкая помѣщица, Марина, за непослушаніе наказывала свою 14-лѣтнюю крѣпостную дѣвочку «верховою ѣзжалою плетью» и была головою обстѣну; отъ этихъ побой дѣвочка вскорѣ умерла. — Капитанша, вдова Банцицова, подвергла свою служанку такому ужасному тѣлесному наказанію, что та повѣсилась. — Жена унтеръ-шихт-мейстера Гордѣева такъ истязала свою дворovou, что та скоро умерла. — Орловскій помѣщикъ Борзенковъ засѣкъ до смерти плетью двухъ своихъ женщинъ, послѣ чего тѣла ихъ были вытащены дворowymi дѣвушками и брошены въ яму. Борзенковъ, ради своего оправданія, попробовалъ заявить, будто эти женщины хотѣли отравить его какимъ-то зельемъ, но никто этого не подтвердилъ. — Въ 1775 г. пошехонскій помѣщикъ (ярославской губерніи) Алексѣевъ, находившійся уже въ то время подъ

слѣдствіемъ за убійство чужаго крестьянина, побилъ ружьемъ своего крестьянина за то, что онъ принесъ не весь оброкъ, послѣ чего тотъ на другой день умеръ. На повальномъ обыскѣ помѣщики, духовныя лица и крестьяне аттестовали Алексѣева, какъ человѣка «весьма невоздержаннаго и худаго состоянія».

Ярославскій помѣщикъ, отставной капитанъ Шестаковъ, жившій въ самомъ городѣ Ярославлѣ, въ апрѣлѣ 1779 г. такъ жестоко высѣкъ плетями своего человѣка, что тотъ былъ отданъ на излѣченіе въ больницу; а самъ Шестаковъ содержался за это подъ карауломъ. Въ августъ того же года Шестаковъ въ пьяномъ видѣ повалилъ на полъ своего человѣка и немилосердно топталъ его ногами, а потомъ, привязавъ на дворѣ къ столбу, сѣкъ «взмалыми кнутьями». Въ декабрѣ онъ больно высѣкъ плетями двороваго, потомъ, завовавъ по рукамъ и по ногамъ, посадилъ въ холодную баню, на другой день подвергъ его вторичному наказанію плетями и затѣмъ вновь посадилъ въ холодную баню. Въ тотъ же день онъ забрался въ комнату къ двумъ другимъ крестьянамъ, хотѣлъ колоть ихъ ножомъ и сѣкъ кнутомъ. Тѣ отправились съ жалобою по начальству и при этомъ заявили, что Шестаковъ, будучи всегда пьянъ, «людей своихъ сѣчетъ днемъ и ночью безчеловѣчно» и что онъ только-что два раза жестоко наказалъ своего двороваго. Посланною изъ городническаго правленія командою этотъ дворовый былъ доставленъ въ сильномъ жару въ городническое правленіе и оттуда, по свидѣтельству, отправленъ въ больницу. Всѣ свидѣнія, собранныя о Шестаковѣ, были не въ его пользу. Его дядя сказалъ, что онъ «обращается завсегда въ пьянствѣ, праздности и роскоши»; оказалось, что, будучи въ своей деревнѣ въ любимскомъ уѣздѣ, Шестаковъ стрѣлялъ изъ окна по драгунской командѣ, находившейся при мѣстномъ земскомъ судѣ, а также по своимъ дворовымъ и крестьянамъ. Нижній земскій судъ любимскаго уѣзда, пріѣхавъ въ деревню Шестакова, по его просьбѣ, для усмиренія крестьянъ, не вынесшихъ его самодурствъ и истязаній, нашелъ Шестакова виновнымъ «въ развратныхъ и непристойныхъ чести его проступкахъ», а при допросѣ дворовыхъ и крестьянъ найдено, что у однихъ помѣщикъ разрубилъ руки ножомъ; у другихъ даже вовсе переломилъ. Тогда судъ только подтвердилъ Шестакову, чтобы онъ порядочно велъ себя и взялъ съ него въ томъ подлинну, но онъ, разумѣется, не исправился. Наконецъ, хозяинъ дома, въ которомъ Шестаковъ жилъ въ Ярославлѣ, и

трое постороннихъ людей заявили, что онъ «людей своихъ тирански мучилъ, такъ что все оное по челоуѣволюбію стороннему слышать ужасно было».

Курскій помѣщикъ Солодиловъ въ 1781 г., придя ночью въ людскую избу, взявъ ружейное дуло и сталъ сначала самъ бить своего двороваго челоуѣка, Гончарова, укоряя его въ прежнихъ неоднократныхъ побѣгахъ и притворной болѣзни, а потомъ, по приказанію господина, стали такимъ же образомъ бить Гончарова двѣ дѣвушки. Послѣ того Солодиловъ, какъ ни въ чемъ не бывало, приказалъ Гончарову придти къ нему и его поцѣловать, а при этомъ спрашивалъ, болитъ ли у него животъ, на что тотъ жаловался уже нѣсколько дней. Гончаровъ отвѣчалъ, что пересталъ болѣть. Тогда господинъ велѣлъ ему сѣсть подлѣ себя, приказалъ поднести имъ обоимъ по чаркѣ вина и потомъ отпустилъ спать. Въ ту же ночь Гончаровъ умеръ. Когда объ этомъ доложили помѣщику, онъ сказалъ: «вѣчная ему память, Богъ съ нимъ: онъ намъ работалъ!» Потомъ велѣлъ женщинамъ вынести мертвое тѣло въ сарай и поднесъ имъ по стакану вина, приказывая поминать покойнаго.—Въ томъ же 1781 г. тверская помѣщица Горина приказала своему челоуѣку высѣчь при себѣ плетями одну женщину за кражу сала; на четвертый день послѣ того наказанная родила мертваго младенца, а черезъ 2 недѣли умерла и сама.

Въ той же губерніи и въ томъ же году умеръ дворовый челоуѣкъ отставнаго сержанта Кувшинова отъ нобой, нанесенныхъ ему помѣщикомъ.

На пасхѣ 1785 года, къ тверскому помѣщику, прапорщику Лушникову, пришелъ поздравить его съ праздникомъ крестьянинъ съ женою и невѣсткою, Натальею, которая, по словамъ господина, была тогда не трезва. Похристосовавшись, помѣщикъ пригласилъ ихъ сѣсть и всѣ вмѣстѣ выпили. Потомъ Лушниковъ сталъ высылать ихъ вонъ; крестьянинъ съ женою вышли, а Наталья осталась и помѣщикъ выпилъ съ нею еще. Тогда послѣ Лушниковъ сталъ прогонять ее, она ушла, но вкорѣ опять вернулась; господинъ заподозрилъ, «не съ подлогомъ ли какимъ она пришла». — «Съ какого умыслу ты пришла и нейдешь вонъ?» сказалъ онъ и почалъ бить ее по щекамъ, приговаривая: «никакъ ты еретица и хочешь извести меня!» Потомъ велѣлъ подать себѣ веревку, связалъ несчастной женщины руки и ноги и приказывалъ ей, если она не еретица, сказать: «да

воскреснетъ Богъ и расточатся врази его»; но та съ пьня или съ испуга ничего не могла выговорить. Когда разсвирѣпѣвшій помѣщикъ началъ бить ее полѣномъ, въ комнату вбѣжалъ мужъ несчастной женщины и просилъ прекратить истязаніе. Господинъ приказалъ ему усовѣщевать жену, чтобы она произнесла молитву, но такъ какъ та продолжала молчать, то онъ выгналъ мужа и вновь принялся за побой; а потомъ, оставивъ ее связанною въ той же комнатѣ, легъ спать. Когда въ ту же ночь собравшіеся крестьяне Лушниковъ и посторонніе мужики вошли въ комнату, женщина оказалась уже мертвою.

Помѣщики отдавали иногда своихъ крѣпостныхъ въ услуженіе другимъ лицамъ; эти послѣдніе также подвергали своихъ слугъ различнымъ наказаніямъ, доходившимъ иной разъ до настоящихъ пытокъ. Въ 1778 году, одинъ чиновникъ, Родіоновъ, выслужившійся изъ солдатскихъ дѣтей, заподозрилъ въ кражѣ денегъ взятую имъ въ услуженіе 14-лѣтнюю крѣпостную дѣвочку, повидимому вовсе невиновную въ кражѣ. Родіоновъ нѣсколько разъ наказалъ ее розгами и плетью и наконецъ, однажды, привязавъ къ сѣмейкѣ, жестоко высѣкъ, прижигалъ спину зажженными прутьями изъ сухаго вѣника и въ то же время билъ засушеною воловьею кожей. Измученная всѣми этими истязаніями, дѣвочка была брошена въ чуланъ. Однако, замѣтивъ вскорѣ, что она очень слаба, Родіоновъ отправилъ ее къ лѣкарю, но та не взялась за лѣченіе. Черезъ 2 недѣли дѣвочка умерла; при освидѣтельствованіи трупа найдены были жестокіе ожоги.

Пересматривая этотъ мартирологъ до смерти замученныхъ помѣщиками, мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ представителей господствующаго сословія. Въ нравственномъ отношеніи они гораздо ниже тѣхъ, надъ кѣмъ имъ приходится властвовать, въ умственномъ — они нисколько не выше ихъ: они также вѣрятъ въ колдуновъ, въ то, что посредствомъ какого-нибудь корешка можно «приворожить» человѣка, что «еретица» не можетъ выговорить «да воскреснетъ Богъ». Понятно, что нѣкоторые изъ нихъ держатъ себя за панибрата съ крестьянами: садятъ ихъ рядомъ съ собою, вмѣстѣ пьютъ вино *), но тутъ нѣтъ и слѣда трогательной патриархаль-

*) Слѣдуетъ впрочемъ оговориться, что за истязаніе крестьянъ, по всей вѣроятности, попадали подъ судъ только болѣе мелкіе помѣщики; богатые и сильныя люди, подобные Куралесову, умѣли запугать всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ или схоронить концы въ воду.

ности, действительно дружеских отношеній. Каждую минуту въ баринѣ могутъ проснуться звѣрскіе истинны, угощеніе виномъ можетъ замѣниться безчеловѣчнымъ истязаніемъ. Въ этой атмосферѣ, пропитанной невѣжествомъ; самодурствомъ и развратомъ, росли и дѣти; ихъ даже заставляли иногда участвовать въ истязаніяхъ несчастныхъ рабовъ. Такъ, напр., въ то время, когда солигалицкая помѣщица Марина жестоко наказывала свою 14-лѣтнюю служанку за какое-то непослушаніе, входитъ 12-лѣтній сынъ госпожи; по приказу матери, онъ долженъ былъ ударить пестомъ въ бокъ несчастную дѣвушку.— Не удивительно послѣ этого, что дѣти привыкали смотрѣть на своихъ будущихъ рабовъ, какъ на бессловесныхъ животныхъ. — Нельзя не отмѣтить еще одну интересную черту: во всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлахъ объ истязаніяхъ, окончившихся смертію *) (ихъ было 19), половина виновныхъ (9 чел.) — женщинъ. Если припомнить къ тому же кн. Козловскую и Дарью Салтыкову, то нельзя не признать справедливости словъ Массона, что русскія помѣщицы оказывались еще кровожаднѣе мужчинъ; не лишено основанія и его объясненіе. Какъ ни невѣжественны были мужчины, но все-таки большинство изъ нихъ провело часть жизни на службѣ; помѣщицы же обыкновенно весь свой вѣкъ жили среди людей, которыхъ онѣ привыкли считать своею собственностію, съ которыми онѣ имѣли возможность расправляться какъ имъ угодно.

На сколько власть помѣщиковъ наказывать своихъ крестьянъ была неограничена, видно уже изъ того, что въ тогдашнихъ законахъ было совершенно непредусмотрѣно, какому наказанію слѣдуетъ подвергать мучителей и даже тѣхъ, которые своими истязаніями, довели людей до смерти. Въ этихъ случаяхъ примѣняли нѣкоторыя малоподходящія постановленія уложенія и воинскаго устава. А между тѣмъ, чувствовалась большая необходимость въ изданіи особаго закона по этому предмету, на чтѣ и было обращено вниманіе въ наказахъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій; это во-первыхъ ставила на видъ юстицъ-коллегія; главная полиція въ наказѣ своему депутату требовала, чтобы полицейскія власти наблюдали, получаютъ ли крѣпостные служителя достаточную пищу и одежду и не подвергаются ли «увѣчнымъ наказаніямъ»; имъ слѣдуетъ позволить

*) Объ убійствахъ крѣпостныхъ безъ истязаній будетъ сказано ниже.

приносить жалобы полиціи съ тѣмъ, чтобы послѣдніе о лицахъ дворянскаго званія докладывали императрицѣ. Главная полиція требовала опредѣленныхъ правилъ по этому предмету: «дабы въ случаѣ преступленія или лишеніемъ власти наказывать слугъ, или штрафомъ и лишеніемъ права крѣпостными владѣть узаконено было». Еще ранѣе, въ 1761 г., когда отъ разныхъ правительственныхъ учреждений собирались указанія, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при составленіи новаго уложенія, двѣ воеводскія канцеляріи воронежской губерніи подняли вопросъ объ отсутствіи закона о мучителяхъ-помѣщикахъ. Канцелярія предлагала слѣдующія правила, въ которыхъ видно вліяніе постановленія воинскаго устава. Если крѣпостной умретъ послѣ наказанія, слѣдуетъ осмотрѣть его съ помощію знающихъ людей и опредѣлить, чѣмъ онъ былъ наказанъ и когда умеръ, «и ежели сыщется, что наказанъ подлинно за вины, или за какія дерзости и не тяжкимъ, яно малою палочкою и прочимъ, чѣмъ не легко смертно убить возможно, притомъ же еще и послѣ наказанія вставъ о себѣ (самъ) пошелъ... а потомъ умеръ въ тотъ же день, кольми-жъ паче будетъ живъ день, или два, или три, а потомъ умеръ, и онаго въ убивство тому помѣщику не ставить», если же окажется, что умершій битъ топоромъ, кольями, дубиною и т. п. тяжелымъ орудіемъ *и во время побой умеръ*, а тѣмъ болѣе, если убить умышленно, въ такомъ случаѣ виновный «яго убійца по узаконеннымъ правамъ судится». Само собою разумѣется, что такой законъ служилъ бы только къ оправданію виновныхъ въ истязаніяхъ, такъ какъ далеко не всегда истязуемые умирали тутъ же подъ ударами. — Какъ бы то ни было, во все царствованіе Екатерины не было издано никакого новаго узаконенія. Примѣняя неподходящія статьи уложенія и воинскаго устава, приходилось постановлять и приговоры, нерѣдко несовпадающіе съ указанными законами. Представимъ сводъ рѣшеній по всеѣмъ извѣстнымъ намъ 19 дѣламъ о помѣщикахъ, до смерти замучившихъ своихъ людей.

Исключительно къ церковному покаянію были приговорены 4 женщины и 1 мужчина, а именно: тайная совѣтница Ефремова, вдова капитана Капинцева (на 6 недѣль въ монастырь), калужская помѣщица Маслова, Горина (5 лѣтъ покаянія, въ томъ числѣ $\frac{1}{2}$ года въ монастырѣ) и отставной сержантъ Бувшиновъ (5 лѣтъ покаянія, въ томъ числѣ годъ въ монастырѣ). Двѣ женщины были приговорены на мѣсяцъ въ тюрьму и къ

церковному покаянію: генеральша Этингеръ и жена унтершхт-мейстера Гордѣева.—Солгалицкую помѣщицу Марину, которая приказала своему сыну помочь ей въ расправѣ съ крѣпостною дѣвочкой, императрица приказала посадить на 6 недѣль на хлѣбъ и на воду, затѣмъ сослать въ женскій монастырь на годъ въ работу, а послѣ того освободить съ обязательствомъ, чтобы она впредь отъ подобныхъ поступковъ воздерживалась; во время пребыванія въ монастырѣ давать ей пищу и одежду изъ доходовъ съ деревень, которыя на это время поручить въ управленіе родственникамъ, имъ же слѣдуетъ передать и сына Мариной съ подтвержденіемъ, «чтобы онъ ни до какихъ непристойностей допущенъ не былъ, а обучаемъ былъ наукамъ по его склонности, не упуская по лѣтамъ его времени». — Орловскаго помѣщика, отставнаго подпоручика Борзенкова, засѣдшаго плетью двухъ женщинъ, императрица, снисходя къ его старости (около 60 л.), приказала вмѣсто вѣчной каторжной работы, предложенной сенатомъ, лишить чиновъ и заключить пожизненно для покаянія въ монастырь, содержа первый мѣсяць на хлѣбѣ и водѣ.—Помѣщика Тарбеева, замучившаго одну женщину по подозрѣнію въ «приворотѣ» какимъ-то корешкомъ, императрица приказала, лишивъ чиновъ, заключить на $\frac{1}{2}$ года для покаянія въ монастырь, причемъ въ первый мѣсяць содержать на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ сослать въ Нерчинскъ для опредѣленія въ «простую службу». — Подпоручицу Рудину, замучившую одну крѣпостную женщину, императрица велѣла, продержавъ недѣлю на хлѣбѣ и водѣ, предать церковному покаянію на $\frac{1}{2}$ года, а потомъ, лиша дворянства, сослать въ Сибирь на поселеніе.—Базанскій помѣщикъ Нармацкій, на котораго дворовые подали челобитную императрицѣ, былъ сосланъ въ Сибирь.—Помѣщика ярославской губерніи Шестакова, совершившаго цѣлый рядъ безчеловѣчныхъ поступковъ, приказано было продержать 4 недѣли на хлѣбѣ и водѣ, потомъ предать на $\frac{1}{2}$ года церковному покаянію и наконецъ, лишивъ чиновъ и дворянства, сослать въ Сибирь на поселеніе навсегда. Смоленскаго шляхтича Высоцкаго, который не только истязалъ цѣлое семейство, но даже пыталъ женщину раскаленнымъ желѣзомъ, велѣно было лишить шляхетства, не называть болѣе прежнею фамиліею, вывести на эшафотъ и положить на плаху, а потомъ, вмѣсто смертной казни, заклеить на лбу первую буквою слова «убійца» и сослать въ каторжную работу безъ срока. Курскаго помѣщика Солодилова и тверскаго

Лушичкова императрица приказала, лиша чиновъ и дворянства, выдержать недѣлю на хлѣбъ и водѣ, предать на $\frac{1}{2}$ года церковному покаянію, а потомъ сослать въ Сибирь въ вѣчную каторжную работу. Пошехонскій дворянинъ Алексѣевъ, за истязаніе до смерти своего крѣпостнаго и убійство чужаго крестьянина, былъ лишень чиновъ и дворянства, заклеимень на лбу и затѣмъ сосланъ въ вѣчную каторгу. Наконецъ о Родіоновѣ, замутившемъ взятую имъ въ услуженіе 14-лѣтнюю дѣвочку, императрица положила такую резолюцію: «какъ сей преступникъ въ противность законовъ, воихъ не могъ онъ не вѣдать, яко человекъ у дѣлъ находившійся, дерзнулъ присвоить себѣ власть, вышнему мѣсту предоставленную, распросомъ надъ малолѣтнею дѣвкою, произведеннымъ съ крайнею суровостію и мучительствомъ, отъ которыхъ и смерть ей приключилась, то за сія злодѣянія, лиша его чиновъ, поставить налбу знакъ первою буквою слова «убійца», а потомъ сослать на вѣчную работу».—И такъ были приговорены исключительно къ церковному покаянію 5 чел. (въ томъ числѣ 4 женщины), затѣмъ, если не считать побочныхъ каръ: на мѣсяць въ тюрьму 2 женщины, на 6 недѣль на хлѣбъ и воду и на одинъ годъ въ монастырь въ работу одна женщина, къ пожизненному покаянію въ монастырь 1 мужчина, къ «простой службѣ» въ Нерчинскѣ—одинъ, на вѣчное поселеніе—3 (въ томъ числѣ 1 женщина), къ вѣчной каторжной работѣ—5.

Нужно замѣтить, что за весьма рѣдкими исключеніями императрица смягчала наказанія, предложенныя сенатомъ. До изданія дворянской грамоты, освободившей людей благородныхъ отъ тѣлеснаго наказанія, сенатъ предлагалъ въ трехъ случаяхъ, вмѣстѣ съ вѣчной каторгой, наказаніе кнутомъ и вырѣзаніе ноздрей, но императрица, если и назначала каторгу, то во всякомъ случаѣ безъ тѣлеснаго наказанія и изувѣченія.

Намъ остается сказать еще о судьбѣ одного подсудимаго, рыбинскаго помѣщика Бакунина, замутившаго крѣпостную женщину. Въ уѣздномъ судѣ онъ заявилъ, что совершилъ преступленіе «въ меланхолическомъ безпамятствѣ». Сосѣдніе дворяне, по пословицѣ «рука руку моетъ», засвидѣтельствовали, что не разъ видали Бакунина въ безпамятствѣ и сумашествіи; городническое же правленіе, подъ надзоръ котораго онъ былъ отданъ, отозвалось о немъ, какъ о человекѣ совершенно здоровомъ. Дѣло было передано въ ярославскій совѣстный судъ, который призналъ, что истязаніе было совершено въ безпамятствѣ, что тутъ

нельзя видѣть умышленнаго убійства, но такъ какъ находящее на Бакунина безумство «бываетъ съ нѣкоторою отиѣвною суровостію, сопряженною съ тиранствомъ къ челоѣчеству, а особливо къ его подвластнымъ», то слѣдуетъ помѣстить его въ домъ сумашедшихъ, а иѣбіе отдать подъ опеку. Генералъ-губернаторъ Мельгуновъ, недовольный такимъ рѣшеніемъ, потребовалъ къ себѣ всю переписку по этому дѣлу и отослалъ ее въ сенатъ съ мнѣніемъ, что Бакунинъ неправильно признанъ больнымъ. Между тѣмъ, опекуншею надъ иѣбіемъ преступника была сдѣлана его жена, а самъ онъ, за неимѣніемъ въ то время въ Ярославлѣ сумашедшаго дома, посаженъ на гауптвахту, гдѣ постоянно пьянствовалъ съ караульными солдатами. Однако черезъ полгода послѣ совершенія преступленія, члены приказа общественнаго призрѣнія, подвергнувъ Бакунина испытанію, нашли, что онъ совершенно здоровъ, и потому Мельгуновъ приказалъ содержать его подъ крѣпостной стражей до полученія сенатскаго указа. Въ слѣдующемъ (1780) году сенатъ далъ знать, что Бакунина слѣдуетъ содержать въ домѣ умалишенныхъ; если же онъ выздоровѣетъ, то прислать объ атомъ донесеніе. Бакунинъ пробылъ въ сумашедшемъ домѣ 30 лѣтъ, до 1810 г., когда, по его прошенію, императоръ Александръ приказалъ его освободить съ тѣмъ, чтобы, живя въ своей деревнѣ, онъ состоялъ «по лицу его и имуществу подъ точнымъ и неослабнымъ опекунскимъ надзоромъ».

О дѣлѣ Дарьи Салтыковой и приговорѣ надъ нею мы не говоримъ, такъ какъ въ главныхъ чертахъ они достаточно извѣстны.

Теперь уважемъ нѣсколько случаевъ убійства крѣпостныхъ людей ихъ помѣщиками. Углицкій дворянинъ, отставной подпрапорщикъ Терпигоревъ, въ 1775 г. убилъ дворовую женщину, по его словамъ, такимъ образомъ: когда онъ пріѣхалъ изъ гостей домой сильно пьяный, его жена и вся прислуга разбѣжались; осталась одна только женщина, которая будто бы дерзко обругала его, за что онъ закололъ ее шпагою. На слѣдствіи подтвердилось, что убійство было дѣйствительно совершено въ пьяномъ видѣ; императрица рѣшила сослать преступника на поселеніе въ Сибирь. А вотъ и еще убійство подъ вліяніемъ хмѣля и притомъ совершенное женщиною. Нерехотская помѣщица Бѣднякова разгнѣвалась на свою дворовую дѣвушку за то, что та сожгла господскій холстъ. Недѣлю спустя, госпожа пріѣхала

домой пьяною, вошла въ скотную избу, гдѣ спала эта дѣвушка и, взявъ «косарь», начала рубить ее по головѣ. «Какъ тишиеть, такъ и кровь брызнетъ», рассказываетъ одинъ дворовый. Когда несчастная дѣвушка выскочила черезъ окно на улицу, у ней струилась кровь изъ головы; ее поймали, черезъ окно опять посадили въ избу, а потомъ заперли въ амбаръ; такъ какъ она умерла, то на другой день госпожа, засумувъ съ помощію своего двороваго ея тѣло въ мѣшокъ, отвезла трунь на одну пустошь въ казенномъ лѣсу, гдѣ онъ и былъ найденъ. Императрица рѣшила: лишивъ Бѣднякову дворянства, сослать въ Сибирь. Наконецъ, въ Пермской губерніи было совершено такое убійство: прапорщикъ изъ дворянъ Текутьевъ въ пьяномъ видѣ сталъ бить свою жену; разсердившись на то, что дворовый человекъ его отъ этого «разговаривалъ», онъ бросился на него и зарѣзалъ. Императрица приказала, выдержавъ Текутьева на хлѣбѣ и водѣ 7 дней, предать на полгода церковному покаянію, а потомъ, лиша чиновъ и дворянства, сослать въ Сибирь навсегда.

Въ этихъ дѣлахъ видно то же нравственное убожество помѣщиковъ, пьянство какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; любопытно, что у этихъ воинственныхъ дворянъ всегда подъ рукою оружіе: пріѣхалъ ли такой господинъ изъ гостей, разговариваетъ ли съ своимъ крестьяниномъ, у него всегда оказывается съ собою кортикъ или сабля. Это происходило отчасти вслѣдствіе того, что помѣщики были по большей части отставные, или даже находящіеся на службѣ военные, а отчасти постоянное ношеніе при себѣ оружія, вѣроятно, обуславливалось опасеніемъ за свою жизнь среди озлобленныхъ самодурствомъ крѣпостныхъ людей.

Упомянемъ еще, что истязаніями помѣщикъ заставлялъ иногда своихъ крѣпостныхъ взводить на себя преступленія, въ которыхъ они вовсе не были повинны. Желая спасти какого-то преступника купца, безъ сомнѣнія за хорошее вознагражденіе, одинъ новгородскій помѣщикъ заставилъ своего крестьянина принять на себя преступленіе; которое совершилъ купецъ. Крестьянину уже прочли обвинительный актъ, когда онъ заявилъ о своей совершенной невинности, что и подтвердилось новымъ слѣдствіемъ. По настоятельной просьбѣ губернатора Сиверса, императрица приказала дать этому человѣку вольную.

Возможность полнаго произвола со стороны господина въ дѣлѣ суда и расправы, произвола, вызывавшаго репрессалии со стороны

правительства лишь въ томъ случаѣ, когда истязанія кончались смертію крѣпостнаго, составляютъ самую темную сторону въ жизни русскихъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ. Въ этомъ отношеніи крѣпостные крестьяне Западной Европы находились въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи. Во Франціи сеньеру принадлежало только право назначенія судьи, причеиъ это назначеніе было обставлено различными формальностями, такъ что лица, неудовлетворявшія известнымъ условіямъ, не могли получить судебной власти. На дѣлѣ однако землевладѣлецъ умѣлъ такимъ образомъ пользоваться своимъ правомъ, что выбиралъ въ судьи лицъ себѣ преданныхъ; подобные судьи уже потому не могли быть безпристрастными, что часто они были вмѣстѣ съ тѣмъ и управляющими или откупщиками сеньеріальныхъ правъ. Понятно, что они рѣшали въ ущербъ крестьянина дѣла между нимъ и сеньеромъ; когда сеньеръ требовалъ, напримѣръ, хлѣбъ лучшаго достоинства, чѣмъ тотъ, какой уродился, или когда, при невозможности внести арендную плату зерномъ въ неурожайные годы, сеньеръ настаивалъ на уплатѣ деньгами, оцѣнивая хлѣбъ гораздо дороже его стоимости,—а между тѣмъ такія дѣла рѣшались сеньеріальнымъ судьей. Впрочемъ, на несправедливый приговоръ можно было принести жалобу въ королевскій судъ. Хотя сеньеры, имѣвшіе право высшей юстиціи, могли судить даже преступленія, наказываемыя смертною казнію, но въ XVIII вѣкѣ множество уголовныхъ дѣлъ подлежало вѣдѣнію королевской юстиціи *).

Въ Германіи патримоніальная юрисдикція составляла постоянную принадлежность вотчинной власти, но также, какъ и во Франціи, помѣщикъ долженъ былъ не самъ судить крестьянъ, а назначать для этого особыхъ судей, вѣдѣнію которыхъ подлежали какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что смертный приговоръ могъ приводиться въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія высшей инстанціи. Въ свѣдѣніяхъ о положеніи крестьянъ въ Мекленбургѣ, доставленныхъ въ нашу комиссію для составленія новаго уложенія, сказано: «Землевладѣлецъ имѣетъ вотчинную юрисдикцію.... При преступленіяхъ крестьянъ онъ можетъ чрезъ установленный

*) *Карнезъ*, стр. 80—81; *Вадеи*. Le village sous l'ancien régime, 2 edit. P. 1879, p. 200—222.

безпристрастный судъ изслѣдовать ихъ дѣянія и наказывать за нихъ. Правомъ жизни и смерти онъ располагаетъ также только по формальному приговору этого суда, но и то въ этихъ случаяхъ слѣдственное дѣло обыкновенно отсылается въ ближайшій университетъ. Юрисдикція землевладѣльца простирается не только на его крѣпостныхъ подданныхъ, но и на всѣхъ свободныхъ людей, живущихъ въ его имѣніи.... Слѣдуетъ замѣтить такое различіе между подданными и свободными людьми: подданныхъ землевладѣлецъ можетъ за ихъ проступки наказать палочными ударами» (по своему усмотрѣнію), «а свободныхъ людей онъ можетъ подвергнуть такому наказанію только при болѣе важныхъ преступленіяхъ и то лишь по приговору безпристрастныхъ юристовъ». Въ свѣдѣніяхъ коммиссіи уложенія о гольштинскихъ крестьянахъ сказано: «Господинъ можетъ наказывать крестьянъ за лѣность, своеволие и злость даже безъ суда (*brevi manu*). Если же преступленіе таково, что нельзя ограничиться однимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, то дворянинъ учреждаетъ судъ, который постановляетъ приговоръ и приводитъ его въ исполненіе безъ конфирмаціи государя, съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ случаѣ приговора къ смертной казни дѣлопроизводство посылается въ юридическій факультетъ. Такіе уголовные процессы съ смертнымъ приговоромъ могутъ обойтись владѣльцу имѣнія въ 500 рейхсталеровъ и болѣе». Въ дѣйствительности, впрочемъ, въ Шлезвигѣ и Гольштиніи, по свидѣтельству Гансена, господинъ часто самъ исполнялъ обязанности судьи или поручалъ ихъ своему управляющему, причемъ какой-нибудь писецъ составлялъ протоколъ. Еще въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ его, были примѣры «самаго страшнаго злоупотребленія вотчинною юрисдикціею» въ уголовныхъ дѣлахъ. Особенную знаменитость приобрѣло одно дѣло 1722 г. въ имѣніи Бюрау. Владѣлецъ его Ранцау вслѣдствіе побѣга одного крестьянина подвергъ такимъ истязаніямъ многихъ своихъ крѣпостныхъ, что трое изъ нихъ тотчасъ же умерли; за это онъ былъ приговоренъ къ пятилѣтнему изгнанію и значительному денежному штрафу. Какъ уже было упомянуто, господину принадлежало право подвергать тѣлесному наказанію безъ всякихъ судебныхъ формальностей за лѣность на работѣ и т. п. проступки (впрочемъ, въ большинствѣ имѣній отъ такой расправы были повидимому избавлены фермеры, владѣвшіе цѣлой гуфой, и ихъ жены). Это право также вело къ злоупотребленіямъ: крестьянъ слишкомъ сурово

наказывали, сажали окованными на деревяннаго осла и проч. Жестокія истязанія работниковъ въ Мекленбургѣ даме въ XIX вѣкѣ вызывали иногда ихъ волненія и убійства землевладѣльцевъ. — Въ собственной Австріи землевладѣлецъ составлялъ для своихъ подданныхъ судъ первой инстанціи въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ съ дозволеніемъ аппеляціи въ правительственныя судебныя учрежденія; въ видѣ наказанія господинъ могъ отдавать крестьянъ и въ солдаты. И здѣсь точно также помѣщикъ имѣлъ право наказывать палками за опаздываніе на работу, дурное исполненіе ея. Еще Марія Терезія стремилась къ ограниченію патримоніальной юрисдикціи землевладѣльцевъ: съ 1747—56 г. она ввела уѣздные суды во всѣхъ нѣмецкихъ провинціяхъ своего государства (въ Богеміи и Моравіи они существовали и ранѣе), искусно выбирала для нихъ чиновниковъ и въ данныхъ имъ инструкціяхъ всего болѣе настаивала на томъ, чтобы они защищали крестьянъ отъ всевозможныхъ притѣсненій со стороны господъ. Въ 1769 г. Марія Терезія предписала, чтобы помѣщики могли отправлять своихъ людей въ смиренныя дома не иначе, какъ съ разрѣшенія уѣзднаго суда. Еще далѣе пошелъ императоръ Іосифъ, который въ 1784 г. повелѣлъ, чтобы мѣста судей занимали только образованные юристы; такимъ образомъ, землевладѣльцы не могли уже, какъ бывало прежде, отправлять правосудіе лично и притомъ иногда безапелляціонно; назначенный ими и получающій отъ нихъ жалованіе юстиціаръ былъ отвѣтственъ не предъ ними, а предъ аппеляціонными судами, и былъ тѣмъ въ большей зависимости отъ этихъ высшѣхъ, что они при извѣстныхъ условіяхъ могли потребовать его удаленія. Теперь, если бы господинъ захотѣлъ лично исполнить обязанности судьи, то онъ долженъ былъ бы вступить въ судебное сословіе и подчиняться существующимъ законамъ и аппеляціонному суду.

О патримоніальной юрисдикціи въ Пруссіи въ началѣ XIX вѣка Самаринъ говоритъ, что она «была облечена въ законныя формы и не походила на безотчетную домашнюю расправу. Помѣщикъ обыкновенно передавалъ свое право суда особенному повѣренному (Justitiarius), котораго онъ избиралъ по своему усмотрѣнію, но принимавшій эту должность обязанъ былъ выдержать предварительное испытаніе и получить утвержденіе отъ мѣстнаго начальства; вѣтъ помѣщикъ не могъ уже смѣнить его безъ заявленія уважительныхъ причинъ». Какъ мы уже

видѣли, отъ патримоніальной юрисдикціи слѣдуетъ отличать право домашней расправы и тѣлеснаго наказанія надъ батраками и поденщиками, выходившими на барщину вмѣсто тяглыхъ хозяевъ, наказанія безъ всякаго суда, безъ всякихъ формальностей. Этими правами пользовались не одни дворяне, а даже всѣ хозяева надъ своею вольнонаемною прислугою. Домашнія наказанія палками, тюремнымъ заключеніемъ и привязываніемъ къ столбу были формально отиѣнены въ Пруссіи закономъ только въ 1832 г.

Между тѣмъ, какъ въ Западной Европѣ были положены извѣстныя границы произволу господина при отправленіи правосудія, въ Польшѣ вотчинная юрисдикція проявлялась въ самыхъ ужасныхъ формахъ, и помѣщикъ до конца 60-хъ годовъ XVIII вѣка былъ даже воленъ въ жизни и смерти своего крестьянина. При производствѣ первоначальнаго дознанія и слѣдствія, господинъ употреблялъ пытки по своему усмотрѣнію; обвиняемыхъ били розгами, палками, сдавливали имъ пальцы подъ курками ружья, вѣшали на балкахъ за кисти рукъ или за ноги, окуривали дымомъ, клали за пазуху горячіе уголья. Равномѣрности и единообразія въ наказаніяхъ не было. За воровство и побѣгъ вообще полагалось повѣшеніе, а иногда за то же преступленіе обрѣзывали уши, половину носа и выжигали на лбу изображеніе висѣлицы или другія клейма. За прелюбодѣяніе мужчину наказывали смертію, а женщину обезображивали, отрѣзывая носъ и уши; часто случалось однако, что смертная казнь замѣнялась тѣлеснымъ наказаніемъ. За дѣтубійство полагалось колесованіе, которое также замѣнялось иногда по волѣ владѣльца другою казнью. За убійство наказывали отсѣченіемъ руки и потомъ головы; за умышленный поджогъ также подвергали смертной казни; за поджогъ по неосторожности строенія или лѣса виновныхъ вѣшали, а на селенія, къ которымъ они принадлежали, налагали тяжелые штрафы въ пользу владѣльца; подвергались штрафамъ или тѣлеснымъ наказаніямъ и жители сосѣднихъ селеній, если при этомъ они не подавали во время помощи. За ослушаніе, буйство и дерзость противъ вотчинныхъ властей наказывали палками, заставляли исполнять въ вандалахъ какія либо тяжкія работы. Смертная казнь замѣнялась иногда тюремнымъ заключеніемъ и періодическимъ тѣлеснымъ наказаніемъ черезъ каждыя три дня или черезъ три мѣсяца, смотря по винѣ. Только въ 1768 г. на сеймѣ былъ принятъ законъ, по которому

шляхта лишилась права уголовного суда надъ крестьянами и дѣла эти были переданы въ вѣдѣніе общихъ судовъ; только тогда помещицикъ пересталъ быть властелиномъ надъ жизнью и смертію своего хлѣба *).

В. И. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Т. X. L. Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku. W. 1862. Горемыкинъ. Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. 1869.

Русская земельная община.

VI.

Происхожденіе общинно-земельныхъ формъ.

Въ настоящей главѣ намъ предстоитъ разрѣшить одну изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ задачъ въ области общинно-земельныхъ отношеній. Намъ необходимо указать и опредѣлить общія черты того процесса, чрезъ который прошли существующія общинно-земельныя формы. Вопросъ основной и въ высшей степени важный. И формы общинныхъ поселеній, и прилегающія къ нимъ общинныя территории не представляютъ чего либо неизмѣннаго, разъ навсегда установившагося. Ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ онѣ не носили такого характера, а возникали и развивались въ теченіе всей исторической жизни русскаго народа, такъ что прошли цѣлые вѣка прежде, чѣмъ онѣ получили свой настоящій складъ. Однѣ изъ нихъ и теперь еще находятся въ первоначальномъ, зачаточномъ видѣ, другія, наоборотъ, достигли уже значительной степени развитія, и то, что происходило въ этомъ отношеніи раньше, нерѣдко повторяется и теперь. Такимъ образомъ, и самый вопросъ о происхожденіи общинно-земельныхъ формъ есть вопросъ вмѣстѣ и прошлаго, и настоящаго русской земельной общины. Этимъ объясняется отчасти его сложный характеръ, а отсутствіе и неразработанность вполне достаточнаго количества данныхъ для широкой постановки и разрѣшенія этого вопроса придаетъ ему нѣкотораго рода запутанность. Мы попытаемся разрѣшить интересующій насъ вопросъ, разумѣется въ такихъ рамкахъ, въ какихъ окажется это возможнымъ при существующемъ запасѣ данныхъ. Но необходимо предварительно условиться въ томъ, что должно вообще понимать подъ именемъ общинно-земельныхъ формъ.

Какъ показываетъ и самое названіе, общинно-земельныя формы обнимаютъ собою и формы собственно общинныхъ поселеній, и тѣ земельные районы, которые прилегаютъ къ этимъ послѣднимъ, какъ собственность ихъ населенія. Значитъ, въ основномъ понятіи объ общинно-земельныхъ формахъ надо различать два другія, простѣйшія, соподчиненныя ему понятія. Такое разграниченіе этихъ простѣйшихъ понятій, какъ бы оно ни показалось намъ съ перваго взгляда азбучнымъ и банальнымъ, въ сущности весьма важно, и тотъ, кто пренебрегъ бы имъ, при изслѣдованіи такого важнаго предмета, какъ земельная община, сдѣлалъ бы серьезную ошибку и внесъ бы въ дѣло изслѣдованія неизбѣжную путаницу. Если, съ одной стороны, между формами общинно-земельныхъ поселеній и формами общинно-земельныхъ территорій и существуетъ такая тѣсная связь и соотношеніе, что онѣ всегда предполагаютъ и обуславливаютъ другъ друга, то, съ другой, и первыя, и вторыя формы отличаются въ частности и такими особенностями, которыя не позволяютъ смѣшивать всѣ разнообразныя общинно-земельныя формы въ одну общую безразличную группу. На обширнѣйшемъ пространствѣ русскаго государства встрѣчаются разныя формы общинно-земельныхъ поселеній и, сообразно съ этимъ, имъ соотвѣтствуютъ и различнаго рода общинныя территоріи. Нужно, слѣдовательно, установить въ обоихъ случаяхъ извѣстныя подраздѣленія и градации, чтобы уяснить основное понятіе надлежащимъ образомъ, безъ чего оно можетъ остаться и темнымъ, и сбивчивымъ.

Существующія формы общинно-земельныхъ поселеній, не смотря на все ихъ разнообразіе, можно свести собственно къ двумъ главнымъ видамъ: 1) къ однопоселочнымъ—простымъ формамъ и 2) формамъ многопоселочнымъ—сложнымъ. Подъ первыми мы разумѣемъ тѣ изъ нихъ, которыя состоятъ изъ совершенно одиночныхъ, изолированныхъ поселеній. Именемъ вторыхъ можно назвать такія сельскія поселенія, которыя представляютъ собою общинные союзы, организовавшіеся путемъ соединенія отдѣльныхъ поселковъ въ общинныя группы. Но и между первымъ и между вторымъ видомъ этихъ формъ встрѣчаются и нѣкоторыя другія разновидности, составляющія какъ бы частныя видоизмѣненія основныхъ видовыхъ формъ. Такъ, напримѣръ, есть такія однопоселочныя формы, которыя состоятъ обыкновенно изъ двухъ или нѣсколькихъ совершенно самостоятельныхъ и независимыхъ земельныхъ общинъ. Общинно-земельныя формы являются

въ такихъ случаяхъ расчлененными частями одного болѣе или менѣе крупнаго поселенія, частями, образовавшимися вслѣдствіе раздѣленія на группы жителей, и, въ такомъ видѣ, онѣ напоминаютъ собою нѣчто искусственное, чуждое самобытной народной жизни. Это тѣ формы, которыя одинъ изъ изслѣдователей земельной общины довольно удачно назвалъ «раздѣльными» *) общинами и которыя можно назвать также долевыми, частичными, раздробленными. Нѣсколько болѣе разнообразіемъ отличаются сложныя общинно-земельныя поселенія. Между ними, во-первыхъ, встрѣчаются такія формы, отличительной чертой которыхъ служитъ то обстоятельство, что въ составъ ихъ входятъ болѣе и менѣе однообразныя и, такъ сказать, равносильныя по размѣру и населенности деревни. Во-вторыхъ, въ числѣ ихъ бывають формы, состоящія изъ неодинаковыхъ по размѣру и населенности деревень. И наконецъ, въ-третьихъ, между ними можно найти и такія смѣшанныя формы, въ которыхъ главную экономическую роль играетъ только одно крупное поселеніе, но къ нему, какъ къ метрополи, тяготѣетъ нѣсколько другихъ, иногда крайне мелкихъ выселокъ или хуторовъ. Если первыя двѣ изъ этихъ трехъ главныхъ разновидностей и не носятъ особенно рѣзкихъ отличій по отношенію другъ къ другу, за то между ними и послѣднею разновидностью явно проглядываетъ значительная разница. Первыя могутъ и, на самомъ дѣлѣ, представляють собою до извѣстной степени союзы равнозначущихъ поселеній, союзы, въ которыхъ каждая деревня играетъ болѣе или менѣе самостоятельную роль, послѣдняя напоминаетъ собою метрополию съ колоніями. Такимъ образомъ, всѣ существующія въ настоящее время общинно-земельныя формы можно распределить по крайней мѣрѣ на четыре, отличныя одна отъ другой группы: 1) на формы однопоселочныя, 2) раздѣльныя, 3) сложныя и 4) сложно-смѣшанныя.

Сообразно съ этимъ и формы общинно-земельныхъ территорій также можно распределить на нѣсколько разрядовъ, такъ что каждой общинной поселочной формѣ будетъ соответствовать въ частности и опредѣленная форма общинной территоріи. Это должно быть ясно для читателя уже само собою, на основаніи апріорныхъ соображеній. Иной видъ, безъ всякаго сомнѣнія, должна

*) В. Орловъ. «Формы крестьянскаго землевладѣнія». Т. 4, выд. 1, стр. 6.

имѣть общинная территорія въ томъ случаѣ, когда на ней находится только одно какое-нибудь поселеніе, и совсѣмъ иной въ томъ, когда она принадлежит цѣлому союзу такихъ поселеній, потому что въ разныхъ случаяхъ должно быть и разнаго рода дѣленіе общинныхъ земель на важнѣйшія сельско-хозяйственныя части и угодья. Такъ, напримѣръ, однопоселочныя общины пользуются въ большинствѣ случаевъ выгономъ, усадебными и приусадебными землями только въ видѣ однихъ общихъ участковъ. Подраздѣленія тѣхъ же частей общинно-земельной собственности могутъ носить уже совершенно иной характеръ въ общинахъ раздѣльных. Тутъ можетъ быть, напримѣръ, одинъ общій выгонъ у двухъ или нѣсколькихъ общинъ, которымъ эти общины пользуются сообща, нѣсколько отдѣльныхъ усадебныхъ и приусадебныхъ мѣстъ, которыми пользуется каждая община особнякомъ и независимо. Далѣе: сложныя общины могутъ имѣть столько выгоновъ, усадебныхъ и приусадебныхъ мѣстъ, сколько входитъ вообще поселеній въ общинный союзъ. Наконецъ, въ сложно-смѣшанныхъ общинахъ можетъ быть только одинъ общій выгонъ, прилегающій къ главному поселенію, а также одинъ общій усадебный участокъ, но такія мелкія поселенія, какъ хутора, могутъ иногда и совсѣмъ не имѣть специальныхъ участковъ для выгоновъ и усадебъ, устраивая ихъ на своихъ душевыхъ надѣлахъ. Не меньшимъ разнообразіемъ должно отличаться и дѣленіе остальныхъ угодій въ различныхъ по своему виѣшнему виду общинно-земельныхъ формахъ. Впрочемъ установить какія-нибудь опредѣленныя градаціи въ этомъ отношеніи невозможно за отсутствіемъ необходимыхъ для этого данныхъ. Несомнѣнно однако жъ одно, что разнообразное дѣленіе угодій на участки въ различныхъ общинно-земельныхъ формахъ находится въ неизбѣжной, тѣсной связи съ разнообразіемъ порядковъ распредѣленія и пользованія этихъ угодій, а это, естественно, указываетъ и на то значеніе, какое имѣютъ вообще формы общинно-земельныхъ территорій въ дѣлѣ развитія самихъ общинъ. Въ этомъ развитіи формы общинно-земельныхъ территорій всегда имѣли болѣе существенное значеніе, чѣмъ собственно общинно-земельныя поселенія. По мѣрѣ того, какъ принимали тотъ или другой видъ общинныя территоріи, видоизмѣнялись и самыя поселенія, находившіяся на нихъ. Развитіе земельной общины всегда происходило на счетъ увеличенія цѣнности и пригодности для хозяйственныхъ нуждъ общинно-земельной собственности, и самыя

внѣшній видъ и распредѣленіе общинныхъ поселеній зависѣли въ сильнѣйшей степени прежде всего отъ этого именно условія.

И такъ, слѣдовательно, ближайшій разборъ понятія объ общинно-земельныхъ формахъ приводитъ насъ къ постановкѣ вопроса о происхожденіи собственно двоякаго рода формъ — общинныхъ поселеній и общинныхъ территорій.

На сколько разнообразны и какъ распредѣлены вообще въ разныхъ мѣстахъ Россіи формы общинныхъ поселеній—это извѣстно уже намъ изъ третьей главы, въ которой мы коснулись этого предмета. Въ прежнія времена, какъ мы видѣли, эти формы отличались бѣльшимъ разнообразіемъ сравнительно съ формами нынѣшними, но разнообразіемъ несомнѣнно примитивнаго характера — и это, разумѣется, есть вѣрнѣйшій признакъ постепеннаго развитія этихъ формъ. Что же касается распредѣленія ихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи въ настоящее время, то мы установили на этотъ счетъ въ упомянутой главѣ слѣдующія два весьма важныя положенія: во-первыхъ, чѣмъ дальше извѣстныя губерніи находятся отъ центра и сѣверо-западныхъ границъ Россіи, тѣмъ меньшее число поселеній приходится въ нихъ на одно и то же пространство; во-вторыхъ, чѣмъ сѣверо-западнѣе и сѣвернѣе лежатъ отъ центра Россіи губерніи, тѣмъ мельче размѣръ ихъ поселеній, и наоборотъ, чѣмъ удаленнѣе губерніи отъ центра къ юго-востоку, югу и юго-западу, тѣмъ значительнѣе по размѣру оказываются въ нихъ поселенія. Намъ остается теперь разсмотрѣть ближайшія отношенія поселочныхъ формъ къ общиннымъ территоріямъ въ зависимости отъ тѣхъ общихъ условій, подъ влияніемъ которыхъ слагались, какъ эти отношенія, такъ и самыя формы общинныхъ поселеній и территорій, чтобы отвѣтить такимъ образомъ и вообще на вопросъ о происхожденіи общинно-земельныхъ формъ. Такъ мы и сдѣлаемъ во избѣжаніе излишняго дробленія предмета нашего изслѣдованія на части и главы.

Нѣтъ сомнѣнія, что на происхожденіе существующихъ общинно-земельныхъ формъ могли имѣть вліяніе только двоякаго рода причины: внутреннія, вытекавшія изъ принципіальныхъ воззрѣній народа на свою жизнь и отношенія, и внѣшнія, лежавшія въ естественныхъ условіяхъ страны и въ ея исторіи. Придерживаясь извѣстныхъ формъ пользованія и владѣнія землей, русскій народъ неуклонно преслѣдовалъ принципъ широкой справедливости во всемъ — и въ отношеніи интересовъ отдѣльныхъ личностей, и въ отношеніи интересовъ общественныхъ. Тѣ или

другія земельныя формы всегда были выраженіемъ народныхъ обычаевъ и традицій, хотя, разумѣется, въ формальномъ отношеніи и зависѣли отъ естественныхъ особенностей страны и историческихъ условій. Другими словами: народъ творилъ свою экономическую жизнь и отношенія, слѣдуя извѣстнымъ принципамъ, лежавшимъ въ основѣ его обычнаго права, а природа и исторія страны придавали этимъ отношеніямъ извѣстныя формы. Стало быть, на настоящій складъ общинно-земельныхъ формъ должны были имѣть вліяніе, съ одной стороны, народныя обычаи, какъ внутренніе факторы народной жизни, а съ другой; топографія, почва, климатъ, флора, фауна и исторія страны, какъ факторы вѣшніе.

Основныя воззрѣнія народа на земельную общину, какъ они констатированы нами въ своемъ мѣстѣ, можно свести къ двумъ началамъ—началу трудовому и принципу общинной солидарности. Ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ обычныхъ пріемовъ, которыхъ держался русскій народъ, культивируя и эксплуатируя необработанныя земли и угодья въ совершенно различныхъ, по характеру мѣстности, климату и почвѣ, частяхъ Россіи, привело насъ въ двухъ предшествующихъ главахъ къ тому же положенію. Слѣдуя своимъ обычаямъ, народъ всюду и всегда переходилъ отъ свободнаго пользованія земельными угодьями на общинномъ правѣ къ пользованію общинными землями при помощи періодическихъ передѣловъ ихъ между всѣми членами общины. Русскій земледѣлецъ и колонизаторъ изстари любилъ самую широкую свободу во всемъ—и въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, и въ выборѣ новыхъ земель, и въ поселеніи на нихъ, и при пользованіи ими. Но такая свобода была мыслима только при извѣстнаго рода условіяхъ. Пока интересы земледѣльческаго населенія не выходили изъ широкихъ рамокъ свободнаго пользованія пустующими землями, пока «земель Божьихъ», никѣмъ не занятыхъ, никому на правѣ обычномъ не принадлежащихъ, хватало съ избыткомъ для нарастающихъ поколѣній—древній обычай свободной заимки земель былъ единственнымъ факторомъ, регулировавшимъ тѣ земельныя отношенія, которыя касались эксплуатаціи пустующихъ земель и которыя слѣдовательно, ложились затѣмъ въ основу дальнѣйшаго развитія земельной общины. Но лишь только начали измѣняться такіа благоприятныя для древней вольной общины обстоятельства, лишь только интересы земледѣльца стали сталкиваться и конкурировать

ваться при пользованіи земельными угодьями съ такими же интересами его сосѣда и сочлена по общинѣ, земельная община должна была осложниться; прежнихъ обычаевъ, регулировавшихъ земельныя отношенія, оказывалось недостаточно и они частію измѣняли свой прежній характеръ, а частію замѣнялись новыми. Такъ именно произошла замѣна обычая свободной заимки земель обычаемъ періодическихъ передѣловъ общинно-земельныхъ угодій, а вмѣстѣ съ тѣмъ произошла и замѣна древней земельной общины съ вольнымъ пользованіемъ землями общиною современною съ періодическими дѣлежами земли. Впрочемъ, принципиальная сторона этого перехода уже въ достаточной мѣрѣ выяснена нами въ двухъ предшествовавшихъ главахъ и, касаясь ея снова, мы хотѣли только установить исходную точку зрѣнія на тѣ внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились существующія общинно-земельныя формы. И такъ, какую же роль въ такомъ случаѣ играли эти условія въ происхожденіи и развитіи общинно-земельныхъ формъ?

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій, вліявшихъ на извѣстный складъ общинно-земельныхъ формъ, служитъ прежде всего тотъ или другой характеръ мѣстности. Смотря по внѣшнимъ свойствамъ и особенностямъ мѣстности, и общинно-земельныя формы принимали въ частности тотъ или другой наружный видъ и очертанія. Болотистымъ пространствамъ сѣвера съ встрѣчавшимися на нихъ спорадически клочками удобныхъ для земледѣльской культуры земель всегда были свойственны мелкія деревенскія поселенія, разбросанныя группами въ видѣ естественныхъ общинныхъ союзовъ. На широкихъ, безводныхъ равнинахъ юга скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, возникали и развивались, наоборотъ, крупныя однопоселочныя формы съ весьма значительными районами общинныхъ земель, формы, ютившіяся преимущественно вблизи мѣстъ, изобиловавшихъ естественными водами. Между характеромъ мѣстности и общинно-земельными формами всегда существовало въ этомъ отношеніи извѣстное соотвѣтствіе, вытекавшее изъ необходимости тѣхъ приспособленій земледѣльческаго хозяйства и производительности, которыя обуславливались естественными удобствами или неудобствами мѣстности. Природа являлась тутъ господиномъ по отношенію къ человѣку, и человѣкъ находился тѣмъ въ большей зависимости отъ нея, чѣмъ меньшимъ количествомъ средствъ располагалъ въ борьбѣ съ своею противницею и чѣмъ примитивнѣе была земледѣльская куль-

тура. Вотъ, почему въ прежнія времена сельскія поселенія сѣверной Россіи были еще мельче и разбросаннѣе, чѣмъ какими они оказываются въ настоящее время. Какую бы непреодолимую силу ни представлялъ для земледѣльческаго населенія характеръ мѣстности, съ теченіемъ времени онъ все-таки до нѣкоторой степени утрачивалъ свое значеніе подъ вліяніемъ культуры, труда и усилій земледѣльца. Однимъ словомъ, вліяніе на образованіе общинно-земельныхъ формъ того естественнаго условія, которое представляетъ собою характеръ мѣстности, можетъ быть умѣряемо со стороны человѣка развитіемъ его сельско-хозяйственной техники, матеріальныхъ средствъ и вообще земледѣльской культуры. Но такъ какъ все это бываетъ возможно только съ прогрессивнымъ развитіемъ всей вообще жизни, то на первыхъ ступеняхъ колонизаціи отмѣченное выше условіе имѣетъ особенно сильное значеніе для возникновенія тѣхъ, а не другихъ общинно-земельныхъ формъ.

Характеръ мѣстности составляетъ, такъ сказать, основную причину въ развитіи общинно-земельныхъ формъ, причину, съ которой ассоціируются нѣкоторыя другія условія, усиливающія вліяніе этой причины. Такъ, климатъ и почва имѣютъ вліяніе на складъ общинно-земельныхъ формъ главнымъ образомъ въ связи съ характеромъ мѣстности. Широкія равнины южной Россіи, съ встрѣчающимися на нихъ только изрѣдка рѣчками, способствуютъ еще въ большей степени расположенію поселеній въ извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ и, за недостаткомъ такихъ мѣстъ, значительности размѣра сельскихъ формъ, благодаря жаркому и сухому климату юга. Суровый, холодный климатъ сѣвера, съ продолжительными полугодовыми или семи-и даже осьмимѣсячными зимами, обусловливаетъ, въ значительной степени, близость мелкихъ сельскихъ поселеній, какъ необходимую гарантію той взаимопомощи, безъ которыхъ здѣсь положительно невысказано удовлетвореніе самыхъ насущныхъ нуждъ и потребностей, особенно въ раннюю пору земледѣльской жизни, въ первыя времена колонизаціи. Отсюда — размѣщеніе мелкихъ деревенскихъ поселеній группами, представлявшими искони естественные союзы земледѣльческаго населенія въ борьбѣ съ природою и неблагоприятными естественными условіями. Точно также суглинисто-песчаная почва какаго-нибудь Сольвычегодскаго уѣзда меньше всего можетъ способствовать образованію крупныхъ поселеній на тѣхъ отдѣльныхъ, разбросанныхъ мѣстами клочкахъ

удобной земли, которые, какъ оазисы, покрываютъ болотистыя равнины этого уѣзда. И во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и въ предыдущемъ, естественныя условія края могутъ быть до известной степени ослабляемы известною степенью развитія самой жизни народа. Чѣмъ примитивнѣе эта жизнь, тѣмъ труднѣе оказывается для человѣка борьба съ неблагоприятными естественными условіями мѣстности, и наоборотъ: развитіе экономической жизни и, какъ слѣдствіе этого развитія, увеличеніе матеріальныхъ средствъ дѣлаютъ для человѣка болѣе легкою борьбу и съ суровымъ, холоднымъ или сухимъ, знойнымъ климатомъ, и съ непроизводительною, тощею почвою. А разъ человѣкъ бываетъ неособенно сильно связанъ въ этомъ отношеніи, въ его распоряженіи оказывается и больше шансовъ на то, чтобы придать общинно-земельнымъ формамъ тотъ, а не другой наружный видъ.

Болѣе самостоятельную и важную роль играла въ образованіи внѣшнихъ признаковъ и очертаній общинно-земельныхъ формъ флора или, частіе, собственно лѣсистость, а также отчасти и фауна. Нынѣшняя Россія, за исключеніемъ крайняго юга и юго-востока, какъ известно, была покрыта въ прежнія отдаленныя времена сплошными лѣсами, и это обиліе лѣса, естественно, тормозило на первыхъ порахъ, какъ развитіе земледѣльской производительности, такъ и вообще расширеніе постоянно обрабатываемыхъ пространствъ. Земледѣлецъ могъ вести свое хозяйство только на незначительныхъ клочкахъ болѣе или менѣе культивированныхъ земель — на лядинахъ и подсѣкахъ, разработка которыхъ стоила ему весьма значительныхъ затратъ труда и капитала сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ располагалъ онъ въ видѣ ничтожныхъ матеріальныхъ средствъ и несовершенныхъ орудій труда. Интенсивная культура, при такихъ условіяхъ, была не по силамъ и не по средствамъ земледѣльцу, а, между тѣмъ, лядины и подсѣки могли сколько-нибудь сносно производить хлѣбъ только въ короткіе промежутки времени, въ теченіе двухъ, трехъ, много-много четырехъ лѣтъ, пока не истощалась окончательно естественная производительность почвы. Тогда являлась надобность въ расчисткѣ или выжиганіи новыхъ лѣсныхъ участковъ, и вотъ отсутствіе такихъ участковъ вблизи старыхъ поселеній и заставляло зачастую земледѣльческое населеніе перемещаться съ мѣста на мѣсто. Такимъ образомъ сложилось кочевое хозяйство древней Россіи, хозяйство, державшееся исклю-

чительно на огневой или подсѣчной культурѣ. Переходили обыкновенно съ мѣста на мѣсто единичные хозяева, передвигались цѣлые поселки, села и деревни. Но такъ какъ при этихъ передвиженіяхъ не только не терялась связь между отдѣльными домохозяевами и поселками, но еще болѣе усиливалась общностью интересовъ и по отношенію къ внутренней своей жизни, и въ виду тѣхъ обязательныхъ отношеній, въ которыя становился древній земледѣлецъ къ правительству или землевладѣльцу, то возникавшіе вновь поселки или входили, какъ части, въ составъ прежней общины, или же организовывались въ видѣ самостоятельной общинной группы. Другими словами, въ обоихъ случаяхъ оказывались сложныя общинно-земельныя формы, тѣ самыя формы, которыя П. А. Соколовскій называлъ «волостными общинами» *). Точно также на извѣстное расположеніе общинныхъ поселеній и прилегавшихъ къ нимъ территорій, эксплуатированіе которыхъ давало жизненные средства населенію, имѣли въ нѣкоторой, весьма, впрочемъ, незначительной степени, вліяніе такіе промыслы, какъ лѣсныя охоты и рыболовство. Промышленники-звѣроловы принуждены были, въ силу характера своего промысла, селиться по возможности разбросанными деревушками, чтобы имѣть достаточное количество лѣса въ своемъ распоряженіи для устройства путиковъ, ловищъ и охотничьихъ притоновъ, и это обстоятельство, вѣроятно, ставило иногда въ изолированное положеніе охотничьи деревушки, вліяя такимъ образомъ или на образованіе однопоселочныхъ общинъ, «общинъ-деревень» **), или же вообще на малочисленность состава сложныхъ общинно-земельныхъ формъ. Иногда въ такихъ случаяхъ промыселъ, имѣя вліяніе и на способы эксплуатаціи промысловыхъ угодій, поддерживалъ косвенно устойчивость чрезвычайно сложныхъ общинно-земельныхъ формъ. Такъ своеобразные общинные способы рыболовства въ Уральскомъ войскѣ поддерживаютъ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ другихъ условій ту связь въ козачествѣ и единство, благодаря которой Уральское войско удержало до послѣдняго времени характеръ единой, чрезвычайно большой и чрезвычайно сложной общинно-земельной формы. Однимъ словомъ, и звѣроловныя промыслы, и рыболовство всегда вліяли на тѣ по-

*) П. А. Соколовскій. „Очеркъ истор. сельской общ. на сѣверѣ Россіи“, стр. 66.

**) Терминъ также Соколовскаго. Тамъ же, стр. 66.

рядки, какихъ придерживалось населеніе, занимаясь этими промыслами, а такіе порядки въ свою очередь отражались на всемъ складѣ общинной жизни и, слѣдовательно, на формальныхъ ея проявленіяхъ.

Этимъ собственно можно и закончить перечень естественныхъ условій, вліявшихъ издавна и вліяющихъ въ настоящее время на внѣшній складъ общинно-земельныхъ формъ. Не всѣ условія, какъ мы видѣли, играютъ въ этомъ отношеніи одинаково важную роль, но всѣ они несомнѣнно имѣютъ между собою извѣстную связь и соотношеніе, усиливающія ихъ общее дѣйствіе. Можно сказать, что въ каждомъ данномъ случаѣ на внѣшній складъ общинно-земельныхъ формъ непремѣнно дѣйствуетъ нѣсколько условій разомъ—и характеръ мѣстности, и климатъ, и почва, и др., и если въ такихъ случаяхъ можетъ отсутствовать вліяніе того или другаго условія, то, въ общемъ итогѣ, по отношенію вообще къ развитію и формировкѣ земельной общины, значеніе естественныхъ условій остается весьма крупнымъ фактомъ, ближайшее знакомство съ которымъ должно составлять неизбѣжную и довольно важную задачу въ дѣлѣ изслѣдованія русской земельной общины. Выражаясь фигурально, естественныя условія Россіи составляютъ ту канву, по которой выводилъ русскій земледѣлецъ-общинникъ свои оригинальные узоры. Роль второстепенная, уступающая по своей силѣ тѣмъ внутреннимъ факторамъ, которыми руководился народъ, созидавая свои излюбленныя историческія общинныя формы, но все-таки на столько важная, что безъ знанія ея немыслимо правильное пониманіе существенныхъ сторонъ земельной общины.

Такимъ же характеромъ отличаются и историческія условія. Вліяніе ихъ на складъ общинно-земельныхъ формъ всегда соединялось и въ извѣстномъ смыслѣ даже зависѣло отъ дѣйствія естественныхъ причинъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ единичныхъ случаяхъ могло быть и противоположнымъ вліянію этихъ послѣднихъ. Стало быть, условія эти также были только единичными факторами, усиливавшими дѣйствіе тѣхъ или другихъ изъ вышеуказанныхъ причинъ. Мы относимъ историческія условія собственно къ двумъ категоріямъ—къ условіямъ политическаго характера и къ условіямъ характера соціальнаго.

Исторія русскаго народа оставила весьма вѣскіе примѣры того, на сколько вообще важно было вліяніе политическихъ об-

стоятельствъ на виѣшній складъ общинно-земельныхъ формъ. Она уясняетъ такое значеніе этихъ обстоятельствъ и съ положительной, и съ отрицательной стороны. Присутствіе или отсутствіе извѣстнаго рода политическихъ явленій въ одномъ случаѣ стѣсняло, а въ другомъ благопріятствовало естественному развитію общинно-земельныхъ формъ. Такъ войны и вообще разнаго рода столкновенія съ враждебными народностями заставляли сгущиваться поселенія въ крупныхъ поселочныхъ формахъ, а отсутствіе этого рода причинъ способствовало естественному ходу колонизаціи и развитія экономической жизни и формъ. Случай положительнаго вліянія политическихъ обстоятельствъ въ этомъ отношеніи представляетъ южная Россія, примѣръ отсутствія или, по крайней мѣрѣ, крайне слабаго вліянія этихъ обстоятельствъ въ указанномъ направленіи можно найти въ исторіи нашего сѣвера.

Югъ Россіи, какъ извѣстно, издавна служилъ оплотомъ для остальныхъ частей ея въ борьбѣ съ враждебными народностями. Благодаря такому положенію южной Россіи, здѣсь съ самаго начала колонизаціи пріютились козацкія общины съ ихъ оригинальнымъ устройствомъ и чисто военными приспособленіями. Экономическая жизнь тутъ въ сильнѣйшей степеніи зависѣла отъ политической. Козаки селились или крупными поселками—станицами и городками, или же заводили мелкія подвижныя формы—хутора и зимовники, приспособляясь въ обоихъ случаяхъ такъ, чтобы можно было разомъ и достигать извѣстныхъ экономическихъ цѣлей, и успѣшно отражать виѣшнихъ враговъ. Запорожье, Донское войско и Уральскіе козаки практиковали въ этомъ отношеніи почти одни и тѣ же приемы. Позже къ крупнымъ сельскимъ поселеніямъ въ виду чисто охранительныхъ и военныхъ цѣлей прибѣгало само правительство. Такимъ именно образомъ населена Слободская Украина. Однимъ словомъ, югъ и юго-востокъ Россіи, какъ крайніе, пограничные предѣлы, гдѣ позже остальныхъ частей русскаго государства начала завязываться гражданская жизнь, представляютъ самые характерные примѣры вліянія политическихъ обстоятельствъ на складъ общинно-земельныхъ формъ. Особенно характернымъ вліяніе это оказывается по отношенію къ выработкѣ въ средѣ казачества тѣхъ возрѣній на землю и земельную собственность, которыя мы отмѣтили уже въ своемъ мѣстѣ. Считая свои земли коллективною принадлежностью всего войска, козаки признавали тѣмъ самымъ только

одну нераздельную общину, и сложная общинно-земельная форма, такимъ образомъ, достигла у нихъ своего крайняго развитія.

Въ иныхъ условіяхъ находилась сѣверная Россія. Если не считать слабыхъ представителей финскаго племени, русскій колонизаторъ почти не встрѣтилъ здѣсь съ самаго начала заселенія обширѣйшихъ пространствъ этого края никакихъ политическихъ противниковъ. Борьба съ Чудью не могла отразиться особенно замѣтнымъ образомъ на экономическомъ бытѣ сѣвернаго поселенца потому уже, что она была крайне слаба и неравномѣрна. Чудь въ началѣ, въ первую же пору этой борьбы, должна была уступить свои мѣста русской предприимчивой вольницѣ, отодвигаясь все далѣе и далѣе въ глубь сѣверныхъ лѣсовъ и не выказывая той энергии и упорства въ борьбѣ, которую обнаружили, напримеръ, народы татарской расы въ южной Россіи. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ преимущественно, были на первыхъ порахъ колонизаціи края основаны Строгановыми «Острожки», небольшія крѣпости, населенныя, между прочимъ, козаками, для охраны и лучшаго обезпеченія колонизаціи русскимъ народомъ. Но здѣсь не было и намека на козачество въ той его формѣ, въ какой оно сложилось на югѣ. Острожки были искусственными поселеніями, формами не сельскими и всего менѣе общинно-земельными. Онѣ составляли, во всякомъ случаѣ, крайне немногочисленныя единицы въ массѣ другихъ поселочныхъ формъ. Подавляющее же большинство этихъ послѣднихъ представляли собственно поселенія сельскія, деревенскія. Это были починки, выставки, села, сельца, погосты и деревни. И, вотъ, на складъ этихъ-то поселочныхъ формъ политическія обстоятельства не имѣли никакого положительнаго вліянія, благодаря чему онѣ до послѣдняго времени остались крайне мелкими, разбросанными поселками, составляющими иногда весьма многочисленныя общинныя группы съ чрезвычайно сложными территоріальными очертаніями. Отсутствие политическихъ неурядицъ и столкновеній такимъ образомъ давало полнѣйшій просторъ дѣйствию другихъ причинъ, обуславливающихъ складъ и развитіе общинно-земельныхъ формъ, безъ чего на формировкѣ ихъ вѣроятно отразились бы тѣ или другія приспособленія въ видѣ охраны и успѣшной борьбы съ врагами внѣшними.

Но были ли въ наличности извѣстныя политическія обстоятельства, или же они положительно отсутствовали въ жизни населенія, собственно естественныя условія, во всякомъ случаѣ,

оставались существенно важнымъ факторомъ. Политическія условія могли ослабить или усилить въ извѣстномъ направленіи дѣйствіе этого фактора, но—и только. Строго говоря, даже самый характеръ политическихъ условій обуславливался въ значительной мѣрѣ естественными особенностями мѣстности, на сколько обуславливается ими и вся вообще политическая исторія. Понятно, что тѣмъ столкновеніямъ съ враждебными народностями, какія пришлось вынести населенію южной Россіи въ теченіе своей исторической жизни, сильно способствовали безпредѣльныя равнины южнаго края, лишеннаго естественныхъ преградъ. Въ мѣстахъ гористыхъ или покрытыхъ непроходимыми болотами и лѣсами, какиѣ былъ издавна сѣверъ, да еще притомъ съ суровымъ климатомъ этого послѣдняго, менѣе всего были возможны такія столкновенія потому уже, что мѣста эти и затрудняли передвиженія разнаго рода народностей, и, какъ нашъ сѣверъ, не представляли никакой приманки для воинственныхъ и кочующихъ племенъ. Значить, тотъ или другой характеръ мѣстности въ одномъ случаѣ способствовалъ развитію безпокойной политической жизни, а въ другомъ, наоборотъ, ограждалъ мѣстное населеніе отъ всякихъ безпокойствъ этого рода, отъ столкновеній и войнъ съ чуждыми народностями.

Что касается затѣмъ вліянія на внѣшній складъ общинно-земельныхъ формъ собственно соціальныхъ условій, то вліяніе это отличается наиболѣе сложнымъ и наименѣе уловимымъ характеромъ. Соціалныя явленія представляютъ вообще много запутанныхъ и неуловимыхъ чертъ, трудно поддающихся анализу и изученію, а въ такихъ малоислѣдованныхъ областяхъ, какъ область общинно-земельныхъ отношеній, и того болѣе. Поэтому, разсмотрѣніе этихъ условій возможно только въ самыхъ общихъ чертахъ—можно указать на отдѣльныя явленія, имѣвшія извѣстное отношеніе къ развитію общинно-земельныхъ формъ, можно затѣмъ отмѣтить общее значеніе соціальныхъ причинъ въ этомъ отношеніи. Такъ, тяжесть фискальныхъ поборовъ зачастую не только стѣсняла развитіе общинно-земельныхъ формъ, но и заставляла жителей бросать деревни и селища и искать на сторонѣ новыхъ поселочныхъ мѣстъ, чему, разумѣется, способствовало обиліе пустующихъ пространствъ въ прежнія времена. Во второй половинѣ XVI столѣтія, напр., въ одной Деревской пятинѣ Новгородской области на пространствѣ 467 квадр. верстъ было всего 123 жилыхъ селенія, разсѣянныхъ среди 967 пустыхъ

деревень. Въ такомъ же положеніи находились Вотская, Шелонская, Бѣжецкая и Обонежская пятины *). Жители бѣжали изъ старыхъ деревень на новыя мѣста и отъ «государевыхъ податей и подводъ», и отъ «опричнаго правяжу», и эти причины, по словамъ Соколовскаго, дѣйствовали постоянно въ продолженіе цѣлаго столѣтія **). Понятно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, внѣшній видъ общинно-земельныхъ формъ долженъ былъ мѣняться и разнообразиться. Однимъ общинамъ приходилось исчезать совсѣмъ, другимъ значительно сокращаться, какъ въ составѣ входящихъ въ нихъ поселеній, такъ и въ величинѣ эксплуатируемыхъ ими земельныхъ районовъ,—короче, развитіе земельной общины въ такихъ случаяхъ задерживалась и регрессировало. Возьмемъ другой примѣръ: такое социальное зло, какъ крѣпостное право, дѣлало игрушкою въ рукахъ помѣщика и положеніе крестьянина, и тѣ формы пользованія землей, какихъ искони держался русскій крестьянинъ. Помѣщикъ могъ по произволу или сжигать въ одну общину деревни и поселки разныхъ общинъ, или же дробить одну и ту же общину на части, уступая эти части другимъ, какъ свою личную собственность. Въ такомъ же направленіи могло дѣйствовать и правительство, раздавая служилому люду крестьянъ одной и той же общины частями и расчленяя такимъ образомъ одну общину на нѣсколько. Съ другой стороны, поступательное движеніе народной жизни впередъ, увеличеніе матеріальныхъ средствъ и расширеніе потребностей земледѣльческаго класса могло вліять только въ положительномъ и благопріятномъ направленіи для развитія общинно-земельныхъ формъ. Поселки расширялись, пустующія земли принимали болѣе или менѣе обработанный видъ, огражденіе взаимныхъ интересовъ общинниковъ ставило въ извѣстныхъ отношеніяхъ отдѣльныя деревни при пользованіи земельными угодьями и т. д., и т. д. Въ одномъ мѣстѣ проложеніе новыхъ путей сообщенія, въ другомъ появленіе торговыхъ центровъ, въ третьемъ развитіе промышленной жизни и пр., пр., дѣйствовали развивающимъ образомъ и на общинно-земельныя формы, на ихъ внѣшній складъ, а слѣдовательно, и на внѣшній видъ. Однимъ словомъ, прогрессивный ростъ, главнымъ образомъ, экономической жизни народа ослаблялъ въ извѣстной степени неблагоприятныя

*) П. А. Соколовскій. «Очеркъ ист. сельской общ. на сѣверѣ Россіи», стр. 40.

**) Тамъ же, стр. 41.

естественныя условія, ослабляя вмѣстѣ съ тѣмъ и силу вліянія ихъ на складъ общинно-земельныхъ формъ.

Таковы-то тѣ общія условія, подъ вліяніемъ которыхъ только и могли сложиться и продолжаютъ складываться внѣшніе признаки и очертанія общинно-земельныхъ формъ. Условія крайне сложныя, многочисленныя и тѣсно переплетенныя между собою, такъ что весьма трудно провести въ этомъ отношеніи извѣстную грань не только между главнѣйшими изъ нихъ, но немислимо даже отдѣлить ихъ отъ тѣхъ внутреннихъ созидающихъ началъ, которыя мы выше назвали условіями внутренними и которыя выражаются въ народныхъ обычаяхъ. Раньше мы имѣли уже случай убѣдиться въ томъ, на сколько разнообразится на практикѣ одинъ и тотъ же обычай подъ дѣйствіемъ разнообразныхъ естественныхъ условій. Какъ мы видѣли, обычай свободной заимки носилъ иной характеръ въ сѣверной Россіи и иной въ южной, благодаря различію тѣхъ естественныхъ условій, при которыхъ онъ практиковался. Но въ подобнаго рода обстоятельствахъ и заключается именно указаніе на то, что основныя начала земельной общины развиваются и варьируются въ своихъ внѣшнихъ формальныхъ проявленіяхъ, сообразно съ измѣненіемъ условій внѣшнихъ. Каково бы тамъ ни было происхожденіе общиннаго начала, въ какой бы отдаленной древности не крылось его зарожденіе,—между нимъ и тѣми внѣшними условіями, при которыхъ оно развивалось, всегда была извѣстная связь и соотношеніе. Во взаимномъ воздѣйствіи внутренней, принципиальной и внѣшней, формальной сторонъ и надо искать поэтому указаній на тѣ процессы, благодаря которымъ сложились важнѣйшія черты земельной общины. Въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, состоялъ тотъ процессъ, при посредствѣ котораго сложились характернѣйшія изъ общинно-земельныхъ формъ? Поищемъ отвѣта на этотъ вопросъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ русской земельной общины, на сколько позволяютъ это существующія на этотъ счетъ данныя.

Не смотря на то, что до XV и XVI столѣтій о существованіи земельной общины въ источникахъ встрѣчаются, по словамъ Соколовскаго, лишь неполныя и отрывочныя данныя,—существованіе это тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Земля въ этотъ древній періодъ русской государственной жизни принадлежала повидимому цѣлымъ группамъ деревенскихъ поселеній. Существовала сложная или волостная земельная община.

Такъ «вервь» Русской Правды, игравшая преимущественно роль судебно-административнаго союза, представляла вмѣстѣ съ тѣмъ и земельную общину. На такое значеніе верви указываютъ нѣкоторыя ея черты. На это указываетъ и названіе ея, означавшее въ прежнія времена известную мѣру длины, употреблявшуюся для измѣренія земли. Самое назначеніе ея, какъ формы, державшейся на круговой поруцѣ и взаимной помощи ея членовъ, предполагало собою и охраненіе экономическихъ отношеній, а, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеній земельныхъ. И, дѣйствительно, какъ таковая, вервь особенно преслѣдовала всѣ тѣ правонарушенія, которыя касались владѣнія землей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось преслѣдовать нарушеніе правъ, связанныхъ съ поземельнымъ владѣніемъ, напр., если были попорчены или уничтожены борти, древо на межи, знаменіе на земли, «имъ же ловлено» бобы, сѣти въ мѣстахъ ловли и т. п., вообще, когда нарушены были права на предметы, выходящіе за предѣлы непосредственнаго личнаго владѣнія и охраненія,—то вора искали «по вервѣ», т. е. при участіи всей общины, и, въ случаѣ его исчезновенія, вервь платила 12 гривенъ продажи. Напротивъ, если дѣло шло о кражѣ оружія, портъ, коней, скота и челяди, т. е. предметовъ личной собственности, то община не помогала при отысканіи вора, а самъ истецъ или гнался по слѣду вмѣстѣ съ послухами и чужими, или же отыскивалъ вора посредствомъ «свода», т. е. съ личнымъ или предметомъ спора долженъ былъ идти за отвѣтчикомъ къ тому, отъ кого этотъ получилъ вещь, отъ этого къ третьему, пока не доберется до виновнаго *) (Русская Правда, Синодальный Списокъ, ст. СХХІІІ—СХХVІІ). Далѣе: «Уставъ о земскихъ дѣлахъ, относительно степени соотвѣтствія котораго съ обычнымъ правомъ той эпохи и времени передѣлки съ греческаго оригинала, впрочемъ, еще не пришли къ окончательнымъ выводамъ, содержать въ себѣ нѣсколько правилъ, имѣющихъ цѣлю опредѣлить отношенія, вытекающія изъ права общиннаго землевладѣнія **). (См. Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права, стр. 41 46, 38). Въ этихъ правилахъ, повидимому, идетъ рѣчь о земельной общинѣ съ передѣлами земель на «доли» или «жребія». Въ такой общинѣ признавалось также право свободной заимки земель

*) П. А. Соколовскій, «Экономич. бытъ землед. населен.» и пр., стр. 124—125

**) Тамъ же, стр. 126.

на мѣстахъ, не подлежащихъ дѣлежу, и если потомъ при дѣлежѣ занятый подобнымъ образомъ участокъ доставался другому, то этотъ послѣдній уплачивалъ первому заимоцу за его трудъ и заботы известное вознагражденіе. Точно также, въ случаѣ протеста общины противъ постройки мельницы на общей землѣ, владѣлецъ долженъ былъ отдать ее общинѣ, получая отъ этой послѣдней вознагражденіе за свои труды и затраты. Въ судебныхныхъ актахъ и писцовыхъ книгахъ XV и XVI столѣтій находятся указанія относительно дѣленія Россіи «на болѣе или менѣе значительные округа, называвшіеся въ Новгородской области *) погостами, въ Московской—волостями, въ Псковской—губами.» Всѣ эти округа, имѣвшіе въ XVI вѣкѣ одно и то же, преимущественно судебно-административное, значеніе, отличались тѣмъ не менѣе многими такими чертами, которыя прямо указываютъ на то, «что въ основаніи волостей и погостовъ лежало нѣкогда территориальное начало и что они первоначально представляли союзы погостовъ, селъ, деревень, вообще селеній, связанныхъ между собою общиннымъ владѣніемъ землей. Только потомъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, эти группы потеряли поземельную связь и, измѣнившись въ своемъ составѣ, протяженіи и границахъ, сдѣлались почти исключительно административными дѣленіями» **). Съ прежнимъ своимъ характеромъ сельская община удержалась въ XV и XVI вѣкахъ только въ сѣверной Россіи. Такъ Тавренская волость состояла изъ нѣсколькихъ деревень, пользовалась посредствомъ дѣлежа усадебными и пахотными землями и владѣла остальными угодьями сообща, нераздѣльно. Такимъ же характеромъ отличались и другія общины-волости того времени въ сѣверной Россіи. Что касается затѣмъ остальныхъ частей Россіи, то здѣсь въ XV и XVI столѣт. существовали уже «одни обломки» волостныхъ общинъ. «Наиболѣе распространенной формой крестьянскаго землевладѣнія была та же самая, которая существуетъ и въ настоящее время, то есть, деревенская община. Каждый отдѣльный поселокъ образовалъ отдѣльную поземельную общину, не имѣвшую никакой связи по землѣ съ сосѣдними селеніями. Поселки эти носили различныя названія, указывающія на способъ ихъ образованія, и различались также по пространству владѣемой земли, по количеству жителей и по ихъ взаимнымъ от-

*) Тамъ же, стр. 126.

**) Тамъ же, стр. 127.

ношеніямъ. Наиболѣе распространенныя ихъ названія были: выставка, починокъ, деревня, сельцо, село, погостъ, слобода, ямъ, рядокъ *)).

Такимъ образомъ, изысканія Соколовскаго, — къ слову сказать, самаго компетентнаго и талантливаго изъ изслѣдователей историческаго прошлаго русской земельной общины, — приводятъ насъ къ постановкѣ двухъ выводовъ: оказывается, что, во-первыхъ, типическою формою земельной общины въ древней Руси по всей видимости была форма волостная или сложная, состоявшая изъ цѣлой группы деревень, и что, во-вторыхъ, форма эта съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разнаго рода причинъ, постепенно замѣнилась во многихъ мѣстахъ Россіи формами однопоселочными, деревенскими. Для насъ весьма важны эти выводы. Они прямо указываютъ на тотъ процессъ, чрезъ который прошло большинство существующихъ общинно-земельныхъ формъ. Нѣтъ сомнѣнія, что процессъ этотъ состоялъ въ постепенномъ переходѣ волостныхъ общинъ въ общины деревенскія, однопоселочныя, что, такимъ образомъ, большинство этихъ послѣднихъ формъ явилось лишь слѣдствіемъ развитія, дезорганизации формъ сложныхъ, волостныхъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться нѣсколько страннымъ то обстоятельство, что сложныя общинно-земельныя формы предшествовали по времени формамъ простымъ. Это какъ бы противорѣчитъ самому понятію о законахъ развитія. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ тутъ нельзя найти ничего страннаго и противорѣчиваго. Дѣло въ томъ, что сложныя общинно-земельныя формы, какими онѣ были въ древней Россіи, стоятъ по своему развитію несравненно ниже современныхъ однопоселочныхъ формъ. Это были мелкія, малонаселенныя деревушки съ слабо культивированными районами общинныхъ земель, и другими онѣ не могли быть при тогдашнихъ условіяхъ. Благодаря вообще слабому развитію культурной жизни, онѣ всецѣло были подчинены вліянію естественныхъ условій страны. Природа стояла предъ тогдашнимъ земледѣльцемъ во всеоружіи своей непочатости и силы. Она представляла обильный запасъ естественныхъ богатствъ, но богатства эти давались въ руки человѣку очень даже не легко; хотя земля производила въ это время продуктовъ несравненно больше, чѣмъ сколько она

*) Тамъ же, стр. 149.

производить ихъ теперь, но и для полученія ихъ требовались несравненно большія усилія и затраты, чѣмъ какія употребляеть земледѣлецъ нынѣшняго времени. Тогдашній земледѣлецъ могъ воздѣлывать землю только клочками, только въ удобныхъ мѣстахъ, потому что пустующія пространства были покрыты почти сплошными лѣсами, трудно поддававшимися культурѣ. Чтобы достигнуть сколько-нибудь ощутительныхъ результатовъ, земледѣльцу волею-неволею приходилось прибѣгать къ самымъ примитивнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ нерасчетливымъ приемамъ земледѣльческаго хозяйства. Въ видахъ сокращенія труда, лѣсъ, обыкновенно, выжигался; но, выжигая лѣсъ, земледѣлецъ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ переходилъ на выжженныхъ мѣстахъ къ постоянному, слабо интенсивному хозяйству: въ большинствѣ случаевъ онъ эксплуатировалъ эти мѣста съ помощію подсѣчной, подвижной культуры. Для обзаведенія постояннымъ интенсивнымъ хозяйствомъ у него не доставало ни опыта, ни, главное, матеріальныхъ средствъ. Значить, удобрять большинство эксплуатируемыхъ имъ земель онъ просто не могъ, а естественная производительность почвы давала, между тѣмъ, достаточные урожаи въ теченіе года, двухъ, трехъ или много-много четырехъ лѣтъ. Поэтому земледѣльцу то и дѣло приходилось отыскивать новыя мѣста и, отыскавъ, переходить на нихъ съ своимъ хозяйствомъ. Такъ перекочевывали, обыкновенно, отдѣльные хозяева, такимъ же способомъ передвигались и цѣлыя деревенскія поселенія, и само собою понятно, что большинство этихъ послѣднихъ, благодаря частымъ передвиженіямъ, не могло получить надлежащаго развитія, не могло превратиться въ населенныя и значительныя по размѣру деревенскія формы. Съ другой стороны, та же борьба съ природою, а также необезпеченность отъ внутреннихъ неурядицъ и вѣшнихъ враговъ, естественно, усиливали ту связь между этими мелкими поселеніями, которая существовала въ формѣ общинныхъ союзовъ и которая сложилась подъ дѣйствіемъ длиннаго и продолжительнаго ряда историческихъ причинъ и условій. Однимъ словомъ, по времени волостная община была наиболѣе подходящею формою къ тогдашнимъ условіямъ, и сами вѣшнія условія имѣли тѣмъ большее на нее вліяніе, что однихъ изъ нихъ почти не коснулася культура человѣка, а другія были трудно преодолимы при слабомъ развитіи экономической жизни и ресурсовъ. Но съ теченіемъ времени, когда измѣнились первона-

чальныя условія, благопріятствовавшія существованію волостныхъ общинъ, когда рядомъ съ развитіемъ экономической жизни появились и такого рода осложненія общественнаго характера, которыя дѣйствовали разлагающимъ образомъ на волостную общину,—натурально, что эта послѣдняя должна была рано или поздно совершенно реорганизоваться, образовавъ въ большинствѣ случаевъ односелочныя формы, и реорганизоваться, по мнѣнію Соколовскаго, «вслѣдствіе раздачи земель и административной группировки селеній безъ всякаго соотвѣтствія съ ихъ поземельными отношеніями» *). Разумѣется, тутъ могли также и должны были играть довольно дѣятельную роль и такого рода соціальныя условія, какъ естественный ростъ первоначальныхъ поселеній, увеличеніе народонаселенія, качественное и количественное расширеніе потребностей этого послѣдняго и, какъ слѣдствіе этого расширенія, бдльшая экономія въ распредѣленіи земельныхъ угодій между отдѣльными деревнями, вызвавшая тѣмъ самымъ разложеніе сложныхъ общинъ на простѣйшія, и т. д., и т. д., и т. д. Но какими бы, впрочемъ, въ частности причинами не обусловливался этотъ переходъ волостной общины въ деревенскую, онъ, во всякомъ случаѣ, произошелъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, а не тѣхъ руководящихъ началъ, которыхъ придерживался народъ въ своей общинной жизни. Общинное начало, во всякомъ случаѣ, осталось присущимъ деревенскимъ формамъ.

Шестнадцатое столѣтіе представляетъ собою то исходное время, съ котораго начался процессъ разложенія волостной общины собственно въ центральной Россіи, въ наиболѣе населенныхъ ея мѣстахъ. Такъ какъ процессъ этотъ находился въ тѣсной зависимости съ нарастаніемъ населенія и осложненіями государственной жизни, то можно положительно сказать, что чѣмъ дальше лежали извѣстныя мѣста отъ центра Россіи, тѣмъ слабѣе былъ въ нихъ этотъ процессъ и наоборотъ. Къ такому предположенію по крайней мѣрѣ приводятъ тѣ данныя, которыя извѣстны относительно колонизаціи русскихъ окраинъ, получившей особенный толчекъ въ XVI столѣтіи и въ послѣдующее затѣмъ время. Колонизуя окраины, русскій земледѣлецъ держался при устройствѣ своей частной и общественной жизни тѣхъ обычныхъ приемовъ, которыхъ держались его отцы и предки. Такимъ

*) Тамъ же, стр. 149.

образомъ, въ сѣверной Россіи, гдѣ условія вполне благоприятствовали зарожденію и развитію волостной общины, эта послѣдняя не только получила самое широкое распространеніе со времени заселенія русскими колонизаторами этого края, но сохранила свой первоначальный видъ даже въ настоящее время. То же повторилось и въ южной Россіи; но тутъ, благодаря влиянію на народную жизнь иныхъ условій, выработались и иные формы земельной общины, нѣсколько отличныя отъ формъ сѣверо-русскаго края.

Основываясь на тѣхъ фактахъ, что волостная община существовала въ сѣверной Россіи въ XVI столѣтіи и продолжаетъ существовать до настоящей поры, конечно, никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что она имѣла здѣсь мѣсто и въ промежуточное между двумя этими періодами время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Вологодской губерніи, можно найти повсемѣстно прямые указанія на то, что въ концѣ XVIII столѣтія волостныя общины были повсемѣстнымъ явленіемъ въ этой губерніи. Въ такомъ по крайней мѣрѣ видѣ эти общины были занесены въ межевые планы генеральнаго размежеванія земель, бывшаго около того же времени, и крестьяне въ большинствѣ случаевъ до сихъ поръ опираются въ своихъ поземельныхъ спорахъ на эти планы, какъ на документы, указывающіе на ту форму и очертанія здѣшнихъ общинъ, какую онѣ искони имѣли. По преданіямъ, нѣкоторыя общины Сольвычегодскаго уѣзда, напр. Козьминская Метлинской волости, носили уже сложный характеръ назадь тому, по крайней мѣрѣ, двѣсти лѣтъ. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи существуетъ множество такихъ указаній, на основаніи которыхъ, если и нельзя сказать съ точностію, когда именно получила свое начало та или другая община, то можно положительно указать, въ какомъ направленіи шло ея развитіе въ ближайшее къ намъ время. Собственно въ настоящее время волостная община встрѣчается на всемъ сѣверѣ — въ Архангельской, Олонецкой и особенно Вологодской губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сложныя общинно-земельныя формы достигаютъ поразительно грандіозныхъ размѣровъ. Такъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, состоящемъ почти исключительно изъ сложныхъ общинно-земельныхъ формъ, нѣкоторыя общины насчитываютъ десятки входящихъ въ составъ ихъ деревень. Упомянутая выше Козьминская община состоитъ изъ 40 деревень, Холмовская община Черевковской волости — изъ 48, Черевков-

ская и Ляховская той же волости—изъ 80 деревень слишкомъ каждая, а Великосельская, составляющая въ административномъ отношеніи три общества и одну волость, насчитываетъ цѣлыхъ 163 деревни, связанныя между собою общими земельными отношеніями.

Нѣтъ сомнѣнія, что такая крайняя сложность общинно-земельныхъ формъ, какою отличаются общины Сольвычегодскаго уѣзда, могла получиться только путемъ долгаго историческаго развитія. Возрастало населеніе, зарождались нужды и потребности въ новыхъ земляхъ и поселкахъ, и въ результатъ отъ всего этого должно было произойти, какъ увеличеніе количества поселочныхъ мѣстъ, такъ и расширеніе общинной территоріи. Община осложнялась вслѣдствіе естественныхъ причинъ, и въ сѣверной Россіи это было возможно, чѣмъ въ другихъ ея мѣстахъ. Благодаря своему изолированному, оторванному положенію, этотъ край издавна находился въ положеніи, наиболѣе благоприятномъ для самобытнаго развитія сравнительно съ другими мѣстностями. Здѣсь мало имѣли мѣста неурядицы политическаго характера и слабы были стѣсненія, вытекавшія изъ внутреннихъ особенностей и строя государственной жизни. Народъ могъ созидать, комбинировать и направлять свои отношенія съ большею, чѣмъ гдѣ-либо, свободою, а слѣдовательно, съ болѣе близкимъ соотвѣтствіемъ съ тѣми идеалами и традиціями, которые составляли исконную принадлежность его общинныхъ тенденцій. Одни лишь естественныя условія этого края играли свою обычную роль, и вотъ эти-то условія и способствовали въ сильнѣйшей степени развитію сложныхъ общинно-земельныхъ формъ. Характеръ мѣстности, климатъ, почва — все это имѣло неотражимое и преобладающее вліяніе на складъ и развитіе именно этого рода формъ. Сѣверъ издавна представлялъ громадныя пространства пустыющихъ земель, пространства, состояція изъ непроходимыхъ болотъ и обширнѣйшихъ лѣсовъ. Удобныя для поселенца и земледѣльца земли здѣсь встрѣчаются, главнымъ образомъ, вдоль рѣкъ и въ большинствѣ случаевъ небольшими пространствами, оазисами, клочками, раздѣленными болотами. И дѣйствительно, самая колонизація здѣсь производилась также вдоль рѣкъ, полосами; деревенскія поселенія издавна отличались своими незначительными размѣрами и малонаселенностью, такими именно чертами, какія обуславливались исключительно мѣстными условіями—размѣромъ годныхъ для хозяйства земель, окружа-

шихъ эти поселенія, а живучесть общиннаго принципа, усиливается необходимостью солидарности поселенцевъ въ борьбѣ съ природою и вообще неблагоприятными жизненными условіями, связывала эти поселки въ болѣе или менѣе значительные по численному составу союзы. Союзы эти потомъ разрастались вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, а ихъ территоріи расширялись по мѣрѣ обращенія пустыющихъ негодныхъ земель въ земли годныя, воздѣланныя.

Въ жизни современныхъ общинъ сѣверной Россіи можно и теперь еще найти прямыя указанія на то, какъ совершался этотъ процессъ осложненія общинъ и расширенія ихъ культивируемыхъ земель. Возьмемъ, положимъ, Козьминскую общину Сольвычегодскаго уѣзда, состоящую изъ сорока деревень. Присматривая прежде всего названія деревень, легко замѣтитъ, что въ названіяхъ большинства здѣшнихъ деревень кроются ясныя указанія и на самый способъ образованія этихъ формъ. Такія названія, какъ Андрюшкинскій починокъ, Ивановская, Леонтьевская, Захарьино, Ванево, Леванидова Слудка, Васениха, Макарово и пр., очевидно, произошли отъ собственныхъ именъ ихъ основателей, а повторяемость одного и того же названія есть вѣрнѣйшій признакъ одновременнаго основанія деревень, носящихъ одно и то же названіе и лежащихъ вблизи другъ друга. Деревушка подъ своеобразнымъ названіемъ «Вновь распаханная при мельницѣ Ватцѣ» *) прямо указываетъ на то, что она явилась позже другихъ деревень, «Большая Шертима», «Малая Шертима» и просто «Шертима», очевидно, образовались также одна за другою. Такое предположеніе оправдывается и на самомъ дѣлѣ, фактически. Старики-шертимцы и теперь еще помнятъ, какъ образовались не только Малая Шертима и просто Шертима, но и другія деревни ихъ обширнаго общиннаго союза. Деревня Шертима или Наволокъ появилась, на примѣръ, всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, и одинъ изъ основателей ея, теперь уже дряхлый старикъ, и до сихъ поръ еще живъ. Дѣло произошло довольно просто. Отецъ упомянутаго старика, жившаго въ одной изъ Шертимъ, расчистилъ на основаніи обычая свободной заимки новинки въ двухъ верстахъ отъ прежняго мѣстожителства, и такъ какъ

*) Всѣ приведенныя здѣсь названія мы заимствовали изъ „Списка призывныхъ участковъ Сольв. уѣзда“, помещеннаго въ „Журн. Сольв. Земск. Собранія“ за 1873 годъ.

на старомъ мѣстѣ стало жить тѣсно, то онъ и перенесъ свое хозяйство поближе къ новинкамъ. Впослѣдствіи къ нему присоединилось еще нѣсколько домохозяевъ, которые и образовали такимъ образомъ новую деревню, расчистивъ новыя пашни и пожни и разширивъ, слѣдовательно, предѣлы культивированныхъ земель и угодій, принадлежащихъ всей Козьминской общинѣ. Такъ или при совмѣстномъ участіи нѣсколькихъ домохозяевъ сразу возникали и другія деревни, но прежде, чѣмъ возникала каждая изъ нихъ въ частности, предшествующимъ приѣмомъ была, обыкновенно, расчистка пустующихъ земель на правѣ свободной заимки. Всѣ эти займища, заимки, починки, выставки, новинки, новораспаханныя, относныя дворы и деревни другихъ названій, такъ распространенныхъ въ сѣверной Россіи, прошли въ своемъ развитіи двѣ стадіи: сначала на мѣстѣ ихъ и вблизи этого мѣста были произведены на правѣ свободной заимки расчистки пашень и сѣнокосныхъ угодій, потомъ уже, когда вновь расчищенныя земли вполне обеспечивали веденіе на нихъ самостоятельныхъ хозяйствъ, здѣсь возникали самыя поселенія, именно: заимки, займища, починки, выставки и др. вновь возникавшіе деревенскіе поселки, которые съ теченіемъ времени, по мѣрѣ своего естественнаго роста, превращались въ болѣе населенныя мѣста, при чемъ прежнія ихъ нарицательныя имена обращались въ имена собственныя — просто починокъ становился «Андрюшкинскимъ Починкомъ» потому, что первымъ въ немъ поселился какой-то Андрей, просто выставка обращалась въ «Выставку изъ Парфентьевой Горы» потому также, что ее zaloжили, «выставили», хозяева деревни Парфентьева Гора. На это же указываетъ и то обстоятельство, что всѣ такіе вновь возникшіе поселки бывають большею частію менѣе населены, чѣмъ тѣ старыя, первоначальныя деревни, изъ которыхъ видимо вышли ихъ основатели. Если Парфентьевская Гора населена, напр., 24 душами, то Выставка изъ Парфентьевой Горы только 15 душами, если Якушкинская — 45 д., то Якушкинскій Починокъ — 14 д., если Большая Шертима — 31 д., то Малая Шертима — 18, а просто Шертима — 10, и т. д., и т. д.*).

*) Изъ массы примѣровъ приведемъ здѣсь списокъ общинныхъ поселеній Черевковской общины, изъ котораго читатель самъ уже можетъ вывести тѣ или другіе выводы. Черевковская община состоитъ изъ 83 деревень, которыя можно расположить по степени населенности въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: Ермолинская деревня населена 36 душами рязскаго населенія, Бухтырев-

Такимъ-то образомъ происходило обыкновенно осложненіе общинно-земельныхъ формъ. Разъ возникала на известной территории группа общинныхъ поселеній, она разрасталась естественнымъ путемъ, на счетъ прироста населенія и увеличенія количества культивированныхъ земель.

Но не всегда дѣло происходило вышеуказаннымъ образомъ. Тамъ, гдѣ населеніе особенно сильно возросло, гдѣ пустующихъ земель было мало и гдѣ вообще успѣли появиться разнаго рода неблагоприятныя причины соціального характера въ родѣ крепостнаго права, административныхъ стѣсненій и вмѣшательствъ и пр., пр.,—тамъ и осложненіе волостной общины не могло достигнуть такихъ размѣровъ, какъ напр. въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, и часто не только не могло, но и совсѣмъ исчезало подъ влияніемъ неблагоприятныхъ для него условій и обстоятельствъ. Въ такомъ случаѣ происходило то же, что произошло вообще въ центральной Россіи. Волостная община замѣнялась деревенскою, сложные общинно-земельные союзы распадались на простыя, однопоселочныя общины, хотя каждая изъ этихъ послѣднихъ и шла дальше впередъ въ своемъ развитіи, раздвигая предѣлы воздѣлываемыхъ земель, какъ требовали того ея нужды и потребности, возростающія вмѣстѣ съ нарастающимъ населеніемъ. Вотъ почему, на сѣверѣ Россіи рядомъ съ волостными общинами встрѣчаются и общины однопоселочныя, и встрѣчаются, какъ и слѣдовало ожидать, преимущественно тамъ, гдѣ на волостную общину имѣли

ская—34, Денисовская—33, Мурашкино 1-е—30, Алешинская—29, Степановская—27, Заваль и Другое Харино—23, Савинская—22, Наумцово и Заваль Третій — 21, Шелаевская Первая — 20, Харинская — 19, Турфановскій Починокъ, Займище при основномъ болотѣ и Дорогинская—18, Денисовская, Анисимовская, Щелкудиновская и Козьминская—17, Мартемьяновская, Стрѣлинская, Мысь, Ермохинская, Щелкудиновская и Савельевская или Золотая Гора — 16, Максимовская — 15, Мышино Второе, Астафьевская и Относный дворъ изъ Савельевской—14, Хавроньинская, Наумцовская и Ивановская—13, Харино и Игнатовская—12, Щелкуновская, Пономаревская и Осоргинская—11, Игнатовская Вторая, Чернавинская, Денисовская Пятая, Турфановская, Васковскій Починокъ, Агѣевская и Кучковская Первая — 10, Мышино или Блешково, Порозово, Гришка-Кубина, Сухой Носъ, Русановская Вторая и Мурашкино Второе—9, Свистуновская, Гавриловская и Ловышинская—8, Мышино, Якимовская, Заваль Четвертый, Относный дворъ изъ Казулинской, Горѣлая и Кучковская Вторая — 7, Доминскій Починокъ, Буковская, Относный дворъ изъ Студенца, Русановская, Мелехинскій Починокъ, Туровская и Лушинская—6, Окуловская, Щелкудиновская и Трофимовская—5, Новостепановская, Нестеровская, Тихово, Шираха и Терентьевская — 4, Сычевская — 3, Степановская, Вновь распахная и Ермолинская — 2, Успенскій Починокъ, Деонтьевская, Выставка изъ Мурашкина и Нестеровскій Починокъ—1.

неблагоприятное, разлагающее вліяніе причины соціального характера. Такъ, въ Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ, колонизація которыхъ была начата и окончена далеко раньше колонизаціи другихъ мѣстъ Вологодской губерніи и которыхъ, благодаря болѣе близкому ихъ положенію къ центральной Россіи, коснулось въ значительной степени крѣпостное право, волостная община не только не отличается особенною сложностью, но и чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ той же губерніи, уступаетъ мѣсто формамъ однопоселочнымъ, деревенскимъ.

Посмотримъ теперь, какъ совершались тѣ же процессы развитія общинно-земельныхъ формъ въ южной Россіи, стоящей въ иныхъ, отличныхъ отъ сѣверорусскихъ условійхъ. Такъ какъ характерный примѣръ представляютъ въ этомъ отношеніи прежде всего козацкія общины, то на нихъ мы преимущественно и остановимся.

Отличительная особенность первоначальныхъ козацкихъ общинъ заключалась въ сильномъ развитіи и особомъ значеніи идеи территоріальности, какъ одного изъ выдающихся факторовъ, отразившагося на формальномъ складѣ козацкихъ общинъ. При возникновеніи козацкихъ общинъ не играли положительно никакой роли ни родовое, ни семейное начала, имѣвшія несомнѣнное и непосредственное значеніе собственно въ общинахъ крестьянскихъ. Козачество первоначально организовалось изъ разнаго рода бѣглецовъ, бездомнаго, безсемейнаго люда, да и позже оно поддерживалось на счетъ этого элемента, а нѣкоторыя общины, какъ Запорожская Сѣчь, остались до конца существованія вѣрны своему обыкновенію допускать въ число полноправныхъ членовъ однихъ только безбрачниковъ и лицъ, покинувшихъ на сторонѣ женъ и семьи. Такимъ образомъ, въ основѣ происхожденія козацкихъ общинъ лежала идея объ общинномъ союзѣ, такъ сказать, въ чистомъ своемъ видѣ. Козаки образовали свои общины во имя братства, товарищества, строгой автономности, широкой равноправности и полнѣйшей свободы во всей своей жизни и отношеніяхъ. Положивъ въ основу всего такія начала, они занимали опредѣленную территорію, избирали извѣстный центральный пунктъ и отсюда потомъ оперировали надъ занятыми по праву военной оккупаціи пространствами. Впослѣдствіи территорія расширялась, кромѣ главнаго, стали возникать и другіе, второстепенные поселки, пользовавшіеся прилегавшими къ нимъ землями и угодьями въ качествѣ вполне самостоятельныхъ и неза-

висимыхъ общинъ, но вся территорія тѣмъ не менѣе продолжала считаться обще-козачью, «войсковою», и служила какъ бы связующимъ звеномъ для самыхъ разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ пополнялось, обыкновенно, равноправное козачество.

Такимъ образомъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ козачьи общины не носили такого сложнаго характера, какимъ отличалась волостная община средней и сѣверной Россіи. Тутъ не существовало такого обилія мелкихъ деревень и поселковъ, разбросанныхъ вблизи другъ друга, какъ это велось въ прежнее время въ центральной Россіи и ведется въ настоящую пору въ сѣверной, и это само собою объясняется тою обстановкою, среди которой козачьему населенію пришлось положить начало колонизаціи. И естественныя условія края съ его широкими и мало-водными равнинами, и политическія обстоятельства, соединенныя съ непрерывною борьбою съ внѣшними врагами, съ постоянными опасеніями за жизнь и имущество, заставляли съ самаго начала кучиться населеніе. Такъ велось дѣло при возникновеніи колонизаціи, такимъ же образомъ оно продолжалось и тогда, когда первоначальная козачья община стала осложняться, благодаря возникновенію новыхъ поселочныхъ мѣстъ. Запорожская Сѣчь, кромѣ главнаго своего центра — Запорожскаго Коша, учредила въ послѣдствіи «паланги», сторожевые пункты, подъ прикрытіемъ которыхъ селились и сами запорожцы одиногими хуторами и зимовниками, и такъ называемое въ послѣдней Запорожской Сѣчи «подданство», т.-е. семейное народонаселеніе, болѣе или менѣе крупными поселками. Военная организація, очевидно, имѣла тутъ преобладающее значеніе и само сѣчевое козачество играло исключительную роль; но при всемъ томъ надо полагать, что и народныя обычаи, какъ, напр., обычай свободной заимки земель, также вліяли на извѣстный складъ поселочныхъ формъ. Гораздо свободнѣе и естественнѣе шло развитіе и осложненіе общинныхъ формъ у другихъ казаковъ. Донское войско, не носившее такого исключительнаго и рѣзкаго характера, какимъ отличалось Запорожье, въ началѣ заводило отдѣльныя поселочныя мѣста на основаніи обычая свободной заимки. Казаки, по словамъ Сухорукова, занимали совершенно свободно лежашія по Дону и впадающимъ въ него рѣчкамъ пустыя мѣста *). И только въ послѣдствіи, когда развитіе всей козачьей общины значительно подвинулось впередъ,

*) П. А. Соколовскій «Экономич. бытъ земл. населенія Россіи», стр. 219.

поселки основывались съ разрѣшенія войсковаго круга, регулировавшаго такимъ образомъ упомянутый обычай, при чемъ выдавалась войсковая грамота, позволявшая составившемуся товариществу въ такомъ-то «юрту поселиться и станицу собрать колько надо, чтобъ прокормиться» *). Самыя границы юртовъ, т.-е. общинныхъ районовъ, опредѣлялись первоначально по взаимному соглашенію ближайшихъ станицъ, а видимыми знаками этихъ границъ считались живыя урочища. Также свободно и такими же станицами селились козаки и на Уралѣ. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи у всѣхъ козаковъ происходилъ одинъ и тотъ же процессъ, процессъ выдѣленія населенія изъ старыхъ поселочныхъ формъ для образованія новыхъ. Дѣло развитія складывалось само собою, естественнымъ путемъ, и это особенно важно для разсматриваемаго нами вопроса о происхожденіи общинно-земельныхъ формъ, потому что разсматриваемые факты носятъ характеръ первостепенныхъ, прямыхъ и независимыхъ источниковъ. Какія же, въ самомъ дѣлѣ, формы породило это естественное развитіе козацкихъ общинъ?

У козаковъ издавна существовали собственно двоякаго рода формы общинно-земельныхъ поселеній—станицы и хутора. Первые съ начала возникновенія и до настоящаго времени выдержали свой строго общинный характеръ; вторые большею частію стремились, въ особенности въ позднѣйшую пору своего существованія къ такому рода обособленію, которымъ исключалось и самое общинное начало. Первые были населены рядовымъ, трудящимся козачествомъ; вторыя принадлежали чиновному люду, панствамъ, богачамъ и немногимъ рядовымъ козакамъ изъ среды бѣдняковъ. Такое существенное различіе основныхъ формъ казачьихъ поселеній налагаетъ на эти формы особый отпечатокъ. Собственно отдѣльныя общины у казаковъ составились изъ станицъ и хуторовъ вмѣстѣ, но такія общины никогда не походили на сложныя общинно-земельныя формы сѣверной Россіи. Между крупными и мелкими поселками не существовало надлежащей общинной связи и единства, но между ними шла постоянная борьба съ тѣхъ поръ, какъ начали перекрещиваться взаимные интересы общинниковъ, борьба, въ которой одна сторона была охранительницею общиннаго начала, а другая стремилась къ установленію частной земельной собственности. Распадаясь на отдѣльныя общины съ такимъ характеромъ, вся козацья терри-

*) Тамъ же, стр. 219.

торія представляла вмѣстѣ съ тѣмъ одну громадѣйшую волостную общину, каждый полноправный членъ которой считался собственникомъ всей козачьей земли. Черту эту въ значительной степени и до сихъ поръ еще сохранила Земля Уральскаго Войска, но уже само по себѣ то обстоятельство, что общая козачья территория съ теченіемъ времени распалась на отдѣльныя, болѣе или менѣе обособленныя въ земельномъ отношеніи общины, служить вмѣстѣ съ тѣмъ характернымъ признакомъ развитія козачьихъ общинно-земельныхъ формъ. Очевидно существующія формы козачьей земельной общины оказываются результатомъ прежде всего естественнаго хода дѣлъ. Естественный приростъ населенія вызвалъ дробленіе всѣхъ земель, изъ которыхъ состояла козачья территория, между отдѣльными группами поселенцевъ. Въ этому присоединились внѣшнія влиянія, какимъ была, напримѣръ, поземельная борьба чиновнаго панства съ рядовымъ козачествомъ, борьба, вызванная порожденіемъ особаго привилегированнаго класса въ средѣ казачества. Какъ на поучительные примѣры въ этомъ отношеніи можно указать на Землю Донскаго Войска и на Кубанскую область. Обѣ эти провинціи представляютъ въ настоящее время обширѣйшія территории козачьихъ земель съ массою отдѣльныхъ, совершенно обособившихся въ поземельномъ отношеніи общинъ, состоящихъ изъ станицъ и лежащихъ изрѣдко въ юртахъ этихъ станицъ хуторовъ.

И такъ, слѣдовательно, постепенное развитіе и осложненіе козачьихъ общинъ происходило на счетъ образованія главнымъ образомъ крупныхъ общинно-земельныхъ поселеній. Раньше на ряду съ крупными поселочными формами играли въ экономической жизни населенія широкую и дѣятельную роль хутора, но съ теченіемъ времени поселенія этого рода частію были сломаны и уничтожены, а частію превратились въ свою очередь въ крупные поселки. Въ Кубанской области существуетъ въ настоящее время нѣсколько станицъ и поселковъ, образовавшихся этимъ послѣднимъ способомъ, каковы Новодеревянковская станица, Новоцербиновская, Новоминская, Гривенскій поселокъ, Ейскій поселокъ и др. Подобные же примѣры можно найти въ жизни и другихъ козачьихъ войскъ. Однимъ словомъ, козачьи хутора и станицы дали частію крупныя однопоселочныя формы земельной общины, а частію формы сложносѣшаннаго характера. Волостная община въ чистомъ ея видѣ, какой представляютъ собою современные земельныя общины Сольвычегодскаго

уѣзда, насчитывающія десятки совершенно равнозначущихъ деревень, здѣсь не имѣли мѣста.

Переходя затѣмъ собственно къ крестьянскому населенію южной Россіи, и здѣсь можно найти все тѣ же факты, подтверждающіе сдѣланный выше выводъ. Крупный поселекъ и хуторъ тутъ также были типическими формами первоначальныхъ поселеній и по мѣрѣ того, какъ развивалась вообще земельная община, происходилъ процессъ осложненія главнымъ образомъ крупныхъ формъ: мелкія формы частію были поглощены этими послѣдними, а частію самостоятельно превратились въ крупные поселки. Такъ многія общины Днѣпровскаго уѣзда, состоявшія первоначально изъ крупныхъ селъ и хуторовъ, съ увеличеніемъ нуждъ въ земельныхъ угодьяхъ, уничтожили и хутора и хуторскія заимки, образовавъ, такимъ образомъ, одни крупные села въ родѣ Чаплыжки, Большой и Малой Маячекъ, Бѣлоцерковки и др. Здѣсь же встрѣчаются пока формы сложно-смѣшаннаго характера, состоящія изъ крупныхъ поселекъ и хуторовъ, каковы, напр., Козачье-Лагерная община, Голая Пристань и проч., и даже чисто хуторскія общины-союзы, какъ Чалбурдинская община, состоящая исключительно изъ однихъ хуторовъ. Что касается затѣмъ превращенія самихъ хуторовъ въ отдѣльныя крупныя общинно-земельныя формы, то примѣры такого превращенія представляютъ довольно общее и распространенное явленіе во всей южной Россіи. Извѣстно, что даже такіе города, какъ Харьковъ, возникли на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде существовали хутора, основанные на правѣ свободной заимки. Городъ Павлоградъ Екатеринославской губерніи, какъ гласитъ преданіе, «былъ основанъ, козакомъ Хижнякомъ вскорѣ по уничтоженіи Запорожской Сѣчи» *). Сначала на его мѣстѣ было устроено всего нѣсколько хижинъ, пріютившихся здѣсь, благодаря проходившей по этимъ мѣстамъ чумацкой дорогѣ изъ Харьковской губерніи въ Крымъ. Съ 1803 года, по словамъ капитана Павловича, въ Новороссійскомъ краѣ «явились хутора, обратившіеся впоследствии въ многолюдныя села и деревни» **). По его же словамъ, селенія и деревни Екатеринославской губерніи расположены преимущественно по теченію рѣкъ и рѣчекъ, что обуславливается маловодностію этой мѣстности. Вообще, направ-

*) В. Павловичъ. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“ — Екатеринославская губернія, стр. 309.

**) Тамъ же, стр. 9.

леніе рѣчки, торговаго или извознаго пути и др. удобныхъ мѣсть служили тѣми линіями, вдоль которыхъ возникали преимущественно и многолюдныя села, и мелкія хуторскія формы. Такъ расположены общинныя поселенія не только въ Новороссійскомъ краѣ, но и во всѣхъ другихъ мѣстахъ южной и юго-восточной Россіи—въ Ставропольской, Астраханской, Самарской и др. губерніяхъ, и изъ этого само собою понятно, что какъ на расположеніе этихъ поселковъ, такъ и на ихъ форму вліяли, главнымъ образомъ, естественныя условія края.

Подводя итогъ всему сказанному выше относительно развитія и осложненія общинно-земельныхъ формъ, мы можемъ теперь опредѣлить въ общихъ чертахъ и вообще процессъ происхожденія этихъ формъ. Очевидно, что въ этомъ процессѣ участвовали слишкомъ многочисленныя и разнообразныя причины и условія, чтобы можно было установить что-нибудь одно, общее для всей Россіи. Начиная съ позднѣйшихъ актовъ развитія земельной общины и переходя постепенно къ болѣе раннимъ, на сколько-это, конечно, позволяютъ существующія въ литературѣ данныя, необходимо принять прежде всего два главныхъ вида разсматриваемыхъ нами формъ—многопоселочный и однопоселочный, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ мѣстностямъ. Сѣверъ и югъ Россіи представляютъ въ этомъ отношеніи существенныя различія, точно также, какъ и центральная Россія. Но если мы коснемся затѣмъ болѣе отдаленнаго времени, того времени, когда колонизація русскихъ окраинъ не носила такого жизненнаго характера, какимъ она стала отличаться, начиная съ XVI столѣтія, тогда окажется, что въ центральной Россіи не существовало даже отиѣченнаго выше разнообразія общинно-земельныхъ формъ. Существовала по преимуществу одна волостная община и были весьма рѣдки формы общины деревенской. Слѣдовательно, сложная, состоящая изъ цѣлыхъ группъ деревенскихъ поселеній, община и можетъ считаться самою древнѣйшею формою русской земельной общины.

Почему именно самому раннему періоду развитія русской земельной общины соотвѣтствовала община волостная—это обстоятельство, надѣмся, должно быть ясно и понятно для читателя при сопоставленіи его, какъ съ тѣми причинами и условіями, которыя вообще въ разное время имѣли вліяніе на складъ общинно-земельныхъ формъ, такъ и съ приведенными выше фактами такого вліянія. И естественныя условія края во всей ихъ

совокупности, и характеръ политической, государственной и общественной жизни и отношеній одинаково способствовали первоначальному развитію только волостной общины, союза, состоявшаго по преимуществу изъ мелкихъ зачаточныхъ поселеній. Съ измѣненіемъ въ послѣдствіи этихъ общихъ условій измѣнились и формальныя проявленія общиннаго начала. На сѣверѣ, гдѣ измѣненіе этихъ условій происходило туго и медленно, волостная община осталась зауряднымъ явленіемъ и по настоящую пору. Въ центральной Россіи, гдѣ раньше всего начали измѣняться и жизненные условия, и характеръ мѣстности, гдѣ вмѣстѣ съ значительнымъ приростомъ населенія значительно разширялись и предѣлы культивируемыхъ пространствъ, процессъ распаденія волостной общины на деревенскія формы начался уже до XVI столѣтія, благодаря, главнымъ образомъ, государственно-фискальнымъ и административнымъ вліяніямъ на общинную жизнь. Въ южной Россіи, гдѣ естественныя условия, политическія обстоятельства и самобытныя народныя проявленія соціальной жизни способствовали образованію, главнымъ образомъ, крупныхъ поселковъ рядомъ съ хуторами, общинно-земельныя формы и въ началѣ колонизаціи, и въ послѣдствіи обособлялись большею частію въ крупныя однопоселочныя общины, давъ въ результатъ, какъ формы этого рода, такъ и формы переходнаго, сложно-смѣшаннаго характера, каковы союзы крупныхъ поселеній съ хуторами. Вообще, чѣмъ рѣзче выступали наружу извѣстныя условия, тѣмъ рельефнѣе получались и общинно-земельныя формы. Такимъ образомъ, сѣверъ Россіи издавна былъ мѣстомъ сложныхъ или волостныхъ формъ русской земельной общины; центръ—формъ однопоселочныхъ, а югъ—крупныхъ однопоселочныхъ и сложно-смѣшанныхъ формъ. Тамъ, гдѣ имѣли мѣсто, кромѣ того, и какія-нибудь исключительныя условия, получались и исключительныя проявленія общиннаго начала въ формальномъ отношеніи. Такъ, благодаря принадлежности крестьянъ одной и той же деревни разнымъ владѣльцамъ, образовались при выходѣ крестьянъ на волю раздѣльныя общины Московской губерніи *). Старинное дѣленіе крестьянъ на черносошныхъ и экономическихъ въ Алексѣевской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, было причиною того, что здѣсь образовались рядомъ волостныя общины крестьянъ обоихъ наименованій и притомъ такъ, что, владѣя и пользуясь отдѣльно своими землями, и экономическіе, и черносошные крестья-

*) В. Орловъ. «Крестьянское хозяйство», т. 4, вып. 1, стр. 258—260.

яне живутъ тѣмъ не менѣе смѣшанно. Вообще, болѣе частныя разновидности основныхъ общинно-земельныхъ формъ обуславливаются и болѣе частными причинами.

И такъ, сначала волостная, затѣмъ волостная, сложно-смѣшанная и однопоселочная общины — вотъ тѣ формы, въ которыхъ проявлялось раньше и проявляется въ настоящее время общинное начало. Есть другія, кромѣ того, общины, каковы раздѣльныя или общины, владѣющія самостоятельно всѣми главнѣйшими угодьями и пользующіяся сообща лишь однимъ какимъ-нибудь угодьемъ, напр., выгономъ, частью сѣнокосовъ и пр., но онѣ представляютъ собою лишь второстепенныя разновидности, и самое происхожденіе ихъ обуславливалось болѣе частными причинами сравнительно съ тѣми, какія дѣйствовали на формы главнѣйшія.

Если мы обратимся теперь къ тѣмъ статистическимъ даннымъ, которыя мы привели въ III главѣ относительно распределенія сельскихъ поселеній въ разныхъ мѣстахъ Россіи, то здѣсь мы найдемъ новое подтвержденіе высказаннаго нами выше взгляда на происхожденіе основныхъ формъ общинно-земельныхъ поселеній. Мы найдемъ, что извѣстныя формы земельной общины соответствуютъ только извѣстнымъ формамъ общинныхъ поселеній. Такъ, сѣверъ Россіи, населенный мелкими деревнями, оказывается наиболѣе сохранившимъ чистый видъ древней волостной общины, а югъ, отличительными формами котораго можно считать крупныя поселенія, изобилуетъ крупными формами однопоселочнаго и сложно-смѣшаннаго характера. Точно также то обстоятельство, что въ центральной Россіи сельскія поселенія отличаются наибольшою густотою, видимо, находится въ прямой связи съ тѣмъ фактомъ, что здѣсь встрѣчаются преимущественно однопоселочныя общины, образовавшіяся, главнымъ образомъ, путемъ разложенія существовавшихъ здѣсь ранѣе волостныхъ общинъ.

Установивъ, такимъ образомъ, общій взглядъ на происхожденіе существующихъ общинно-земельныхъ формъ, намъ остается ближе рассмотретьъ, какъ личный составъ общинныхъ союзовъ и ту внутреннюю связь, которой они держатся, такъ и разнаго рода формы пользованія общинными землями и тѣ порядки, которыхъ въ этомъ отношеніи придерживаются общинные союзы. Но все это составитъ предметъ уже послѣдующихъ очерковъ.

Ф. Щербина.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, *подъ редакціею В. Ѡ. Корша.* Выпускъ I. Слб. 1880 г.

Издать всеобщую литературу на русскомъ языкѣ — значитъ оказать русской читающей публикѣ существенную услугу. У насъ нѣтъ общаго сочиненія по этому предмету, которое могло бы назваться удовлетворительнымъ, и отдѣльныя исторіи литературъ существуютъ не для всѣхъ странъ и эпохъ. Нѣтъ, напримѣръ, исторіи греческой литературы. Предпріятіе В. Ѡ. Корша должно, такимъ образомъ, пополнить существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ. Нельзя не порадоваться также тому, что оно будетъ осуществлено при помощи почти исключительно русскихъ ученыхъ. Въ области исторіи и теоріи литературы это обстоятельство имѣетъ на нашъ взглядъ большее значеніе, чѣмъ въ сферѣ какой либо другой науки. Это потому, что, во-первыхъ, изученіе литературныхъ произведеній, въ созданіи которыхъ участвуетъ чувство, требуетъ участія чувства же въ пониманіи и оцѣнѣ ихъ. Но чувство есть психическій элементъ, характеръ котораго въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ направленіе ума, опредѣляется и физиологическими свойствами человѣка, и прямыми впечатлѣніями окружающей среды. Исключительнымъ изученіемъ нѣмецкихъ сочиненій человѣкъ можетъ довести себя до того, что усвоитъ себѣ вполне умственные приемы нѣмцевъ, но переработать свой характеръ на нѣмецкій ладъ, особенно живя среди русскихъ, очевидно невозможно. Русский человѣкъ поэтому будетъ всегда нѣсколько иначе относиться къ литературнымъ явленіямъ, чѣмъ всякій другой.

Кромѣ этой причины есть и другая. Именно, вслѣдствіе такого свойства этой сферы мысли у насъ выработались и нѣкоторыя воззрѣнія на литературу, не вполне совпадающія съ воззрѣніями западной критики. Въ то время, когда въ области другихъ научныхъ вопросовъ мысль наша только-что начинала пробуждаться, литературная критика уже живо интересовала общество. Дѣятельность лучшихъ нашихъ критиковъ не могла не выработать нѣкоторыхъ новыхъ понятій. Возьмите, напримѣръ, поня-

тія «ідеала» и «типа». Нѣмцы употребляютъ эти слова одно вмѣсто другаго, мы очень опредѣленно различаемъ ихъ. Нѣмцы называютъ идеаломъ или типомъ всякое воплощеніе идеи въ конкретной формѣ, имѣя, такимъ образомъ, въ виду отношеніе художественнаго произведенія къ сферѣ мысли. У насъ, напротивъ, слова: «типичность» и «идеализація» опредѣляютъ художественный образъ съ точки зрѣнія его отношенія къ дѣйствительности. Такая разница въ выборѣ точекъ зрѣнія опредѣляется существенной разницей между нѣмецкой и русской литературой и критикой въ ихъ отношеніи къ общественной жизни и вопросамъ, которые она ставитъ, и далеко не ограничивается этими двумя терминами.

Понятно поэтому, какъ неудобно для русской публики иностранная исторія литературы. Редакція сочиненія, о которомъ мы говоримъ, признаетъ это неудобство и въ предисловіи именно имъ мотивируетъ свое предпріятіе. Можно надѣяться поэтому, что авторы будутъ сознательно стремиться установить на исторію иностранныхъ литературъ взгляды съ точки зрѣнія, господствующихъ въ русскомъ обществѣ. Это дастъ, очевидно, новому изданію право на особое вниманіе.

Первый выпускъ производитъ вообще пріятное впечатлѣніе. Мы узнаемъ прежде всего изъ предисловія, что въ числѣ участниковъ предпріятія находятся нѣкоторые ученые, пользующіеся почетной извѣстностью. Трудъ распределенъ такимъ образомъ: «введеніе» написалъ В. Θ. Коршъ, исторію санскритской литературы—проф. Минаевъ; литературу китайскую взялъ на себя проф. Васильевъ, иранскую—г. Залеманъ, египетскую и ассирійскую—г. Мейеръ (доцентъ въ Лейпцигѣ), древне-еврейскую—проф. Якимовъ, греческую—В. Θ. Коршъ, римскую—проф. Модестовъ, западно-европейскую въ средніе вѣка—проф. Кириичниковъ, арабскую въ средніе вѣка—проф. бар. Розенъ, еврейскую средневѣковую и новую—г. Гаркави, славянскія литературы—г. Морозовъ, литературы западной Европы съ 16-го по 19-е столѣтіе вѣдучительно—г. Коршъ. Въ первомъ выпускѣ, въ видѣ введенія, трактуются вопросы въ высшей степени важные, которые совершенно незаконно оставляются обыкновенно въ сторонѣ историками литературы. Первая глава—«языкъ, какъ явленіе природы и орудіе литературы»; вторая—«происхожденіе и исторія письменности»; третья—«общіе законы историческаго развитія литературъ». Статьи эти, если и даютъ мало такого, что можно было бы считать доказаннымъ (наука не пошла еще относительно этихъ вопросовъ далѣе гипотезъ), во всякомъ случаѣ, составлены очень тщательно, на основаніи сочиненій, признаваемыхъ лучшими, изложены ясно и живо. Судя по началу, мы можемъ ожидать, что книга будетъ заслуживать чтенія.

Другой вопросъ—удовлетворить-ли она ожиданіямъ, неволью связывающимся съ появленіемъ труда, который, благодаря намѣренію участниковъ его—дать *русскую* исторію литературъ, благодаря ихъ научной под-

готовѣ, высокимъ побужденіемъ и добросовѣстному отношенію къ дѣлу, могъ бы надолго лечь въ основу нашего литературнаго образованія?

Прежде всего можно кое-что замѣтить по поводу плана изданія. Пред-
посланная историческому изложенію глава объ общихъ законахъ развитія
литературъ показываетъ, что редація не упускаетъ изъ виду значенія
исторіи литературы, какъ матеріала для народно-психологическихъ обобщеній.
Если бы она ограничивала свою задачу изложеніемъ фактовъ въ ихъ
частной зависимости другъ отъ друга, то въ планъ едва ли бы вошли напр.
египетская, а тѣмъ болѣе китайская литературы: сами по себѣ онѣ едва ли
интересны, а для объясненія исторіи болѣе близкихъ намъ литературъ
не нужны. Если Египетъ и имѣлъ вліяніе на умственную культуру Греціи,
то не на столько значительное, чтобы съ этой точки зрѣнія для публики
могло быть интересно изложеніе всей исторіи египетской литературы.
Планъ изданія становится понятенъ только съ точки зрѣнія исторіи, ищущей
обобщеній, и такой взглядъ заслуживаетъ, конечно, величайшаго со-
чувствія. Но здѣсь является вопросъ: почему же для этихъ обобщеній
нужны Китай и Египетъ, и не нужны Мексика и Перу? Изучая общіе за-
коны развитія народной поэзіи, современные ученые отнюдь, какъ извѣстно,
не игнорируютъ Калевалу. Между тѣмъ, о финскомъ эпосѣ мы не найдемъ,
повидимому, ничего въ нашемъ изданіи. Калевала, конечно, обязана вниманіемъ
науки прежде всего мѣсту жительства Финновъ; но мы не сомнѣ-
ваемся, что это вниманіе будетъ болѣе и болѣе обращаться на поэзію
самыхъ отдаленныхъ народовъ. Народное творчество какихъ-нибудь Поли-
незійцевъ имѣетъ для рѣшенія общихъ вопросовъ такую же важность,
какъ и поэзія любого изъ индоевропейскихъ народовъ, а въ нѣкоторыхъ
отношеніяхъ даже болшую, потому что оно живетъ до сихъ поръ, и жи-
ветъ въ болѣе разнообразныхъ формахъ, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ
намъ бѣдные остатки нашей родной поэзіи. Можно считать вполне остав-
леннымъ тотъ предрасудокъ, что изученіе жизни чедовѣчества должно
ограничиваться только такъ называемыми «историческими народами». Исторія
семейныхъ и политическихъ формъ также, какъ и исторія религій,
получили свое настоящее развитіе только съ тѣхъ поръ, какъ занима-
ющіеся ихъ изученіемъ стали основывать свои выводы на наблюденіи
всѣхъ чедовѣческихъ племенъ. Сгруппировать соотвѣтствующій литератур-
ный матеріалъ—вотъ задача, которая, по нашему мнѣнію, была бы вполне
достойна высокихъ побужденій, заставляющихъ авторовъ приняться за трудъ.
Все изданіе предполагается въ трехъ томахъ. Почему бы не прибавить
четвертый, заключающій въ себѣ литературы остальныхъ народовъ? Для
нѣкоторыхъ племенъ матеріалъ накопился уже очень значительный; его
обзоръ представилъ бы не только чрезвычайно интересное чтеніе (хотя бы
потому, что нѣкоторые продукты творчества низшихъ расъ отличаются
замѣчательнымъ поэтическимъ достоинствомъ), но и оказалъ бы существен-
ную услугу нашей наукѣ.

Кое-чего еще можно бы пожелать и отъ перваго выпуска. Кровь тѣхъ главъ, которыхъ содержаніе мы указали выше, онъ заключаетъ еще обзоръ санскритской литературы, написанной проф. Минаевымъ. При совершенномъ отсутствіи въ публикѣ знакомства съ санскритской литературой можно было бы желать, чтобы авторъ очерка постарался прежде всего познакомить читателя съ наиболее характерными особенностями санскритскихъ литературныхъ произведеній. Это однако не всегда удастся проф. Минаеву. Напримѣръ: 5 страничекъ, посвященныхъ Ведамъ, заключаютъ въ себѣ скорѣе родъ предисловія для человѣка, собирающагося читать самыя Ведаы: говорится не столько о характерѣ ихъ, сколько о внѣшнихъ литературныхъ особенностяхъ: о дѣленіи Ригведы на 8 частей, каждой части на 8 чтеній, cadaго чтенія на отдѣлы, о послѣдовательности гимновъ, о трудности основаній для опредѣленія времени возникновенія различныхъ частей и т. д.; затѣмъ приводятся три ведическихъ гимна, которыхъ характеръ, по правдѣ сказать, остается совершенно непонятнымъ читателю, особенно послѣдняго гимна «къ лягушкамъ», оканчивающагося обращеніемъ къ рыжей и зеленой лягушкамъ съ моленіемъ о богатствѣ и продленіи жизни. Такой же, не столько историко-культурный, сколько въ тѣсномъ смыслѣ филологическій характеръ преобладаетъ и въ другихъ частяхъ слишкомъ короткаго (42 страницы) очерка. Надо надѣяться, что другіе отдѣлы не будутъ страдать такою сухостью.

Что касается до введенія, то было бы очень не лишнимъ, если бы оно заключало въ себѣ статью о мифологіи. Насколько языкъ важенъ, какъ форма литературы, на столько же важна мифологія, какъ опредѣляющая содержаніе древнѣйшихъ продуктовъ литературнаго творчества. Затѣмъ позволимъ себѣ указать нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ изложеніе. Напримѣръ: на стр. 89 говорится: «Творчество человѣка въ области слова началось съ эпоса.... Столкновения между цѣлыми народными массами составляли всегда содержаніе первобытныхъ созданій народнаго творчества... У народовъ могли быть болѣе или менѣе распространены сначала краткія ритмическія изреченія и молитвы, но онѣ намъ не извѣстны, а если бы и были извѣстны, то имѣли бы для насъ больше археологическій, чѣмъ литературный интересъ». Такое мнѣніе можно, пожалуй, составить себѣ, ограничившись исключительно наблюденіемъ индо-европейскихъ литературъ, да и то едва ли, если принять во вниманіе, напр., пѣсни древней Эдды. Почему пѣсни о богахъ, входящія въ составъ Эдды, менѣе древни, чѣмъ пѣсни о Нибелунгахъ? Изученіе же литературъ другихъ народовъ дѣлаетъ несомнѣннымъ, что историческій эпосъ, имѣющій содержаніемъ столкновенія народныхъ массъ, представляетъ едва ли не послѣднюю форму развитія собственно-народнаго творчества. Точно также трудно согласиться и съ положеніемъ, что сказка можетъ появиться только тогда, когда народъ перестаетъ вѣрить въ свои національныя мифы: «Пока греки и римляне еще имѣли свои національныя сказанія, пѣсни связанныя съ гре-

ческими и римскими мифами, пока они вѣрили этимъ сказаніямъ, у нихъ едва ли были еще сказки. Впослѣдствіи, когда къ нимъ проникли другія языческія вѣрованія и, наконецъ, христіанство, ихъ мифы обратились въ сказки. Точно также и у германскихъ народовъ сказки явились съ того времени, какъ они приняли христіанство» (стр. 91). Обратившись къ тѣмъ же низшимъ племенамъ мы находимъ, однако, что твердая вѣра въ мифическія сказанія не исключаетъ возможности существованія сказокъ. Примѣры всякій легко найдетъ хотя бы въ антропологии Вайца. Ограниченность сферы наблюденій даетъ себя чувствовать во всей главѣ объ общихъ законахъ движенія литературъ.

Еще нѣсколько мелочей. Мы не совсѣмъ понимаемъ слѣдующую фразу: «На первобытныхъ ступеняхъ образованности человѣкъ относится къ окружающей его дѣйствительности повѣствовательно, и потому объективно» (стр. 98). Мы скорѣе поняли бы, если бы было сказано: «объективно и потому повѣствовательно». Въ общемъ обзорѣ развитія греческой литературы мы не находимъ упоминанія о такомъ характеристическомъ явленіи, какъ Гезіодъ. Непонятна также слѣдующая фраза: «Въ отношеніи ко всему доброму и злему Зевсъ—небо и Зевсъ—божество нераздѣльны въ представленіи грека» (стр. 64). Уже а priori невѣроятно, чтобы въ ту эпоху, когда божество приняло моральный характеръ, оно продолжало быть слитымъ съ природою. Да и въ греческихъ вѣрованіяхъ и языкѣ мы находимъ только нѣкоторыя *пережиганія*, которыя даютъ право заключать, что Зевсъ и небо были нѣкогда тождественны. На стр. 26 говорится: «Всѣ арійскіе корни словъ односложны, всѣ семитическіе состоятъ уже изъ трехъ буквъ» (правильнѣе «звуконъ»). Дѣло идетъ о трехъ *согласныхъ* звукахъ, изъ которыхъ состоятъ семитическіе корни; но арійскіе корни, будучи односложными, могутъ тѣмъ не менѣе быть изъ 3-хъ, даже 4-хъ звуконъ.

Но какъ бы то ни было, первый выпускъ безспорно достигаетъ своей цѣли—познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ науки о языкѣ, съ исторіей письменности и съ нѣкоторыми, надо сознаться, только начинающимися и весьма еще несовершенными наблюденіями надъ общимъ ходомъ развитія литературъ. Можно искренно пожелать, чтобы предпріятіе было доведено до конца.

Административная юстиція въ западной Европѣ. Выпускъ I. Административная юстиція во Франціи. *Николая Куплеваскаго*. Харьковъ 1879 года.

«Медленно, съ тяжелыми остановками,—говоритъ авторъ этой полезной работы,—иногда даже съ попятными движеніями, наше отечество вырабатываетъ новый типъ, *типъ правового государства*, въ которомъ само общество принимаетъ участіе въ государственной дѣятельности». Наше

прошлое—сословность и бюрократизмъ, какъ характеристическія черты прежняго государственнаго устройства Россіи. «Попытки стать на другой путь встрѣчаются еще въ царствованіе Екатерины II и въ первую половину царствованія Александра I», но только великими реформами настоящаго царствованія сдѣланы первые рѣшительные шаги на этомъ пути. Въ согласіе съ этими новыми началами, внесенными въ жизнь тѣми реформами, «должна быть приведена и организація административныхъ учреждений, а также ихъ дѣятельность, т. е. управленіе въ его различныхъ отрасляхъ, въ особенности финансовое и полицейское». Одною изъ важнѣйшихъ задачъ всякаго государственнаго устройства «является обезпеченіе права и законности въ области управленія». Повторивъ эти извѣстныя уже русскимъ юристамъ мысли, которыя мы находимъ еще въ учебникѣ пр. Градовскаго, только выраженныя другими словами, г. Куплеваскій перечисляетъ за симъ нѣкоторые изъ условий (4), служащихъ къ «обезпеченію права и законности въ области управленія». Условія эти, представленныя авторомъ въ довольно общей и растянутой формулировкѣ, равно не представляютъ изъ себя ничего такого, что не было бы извѣстно изъ учебниковъ русскихъ и нѣмецкихъ.

Настоящій выпускъ, представляющій изъ себя только «часть болѣе широко задуманнаго труда», имѣющаго обнять «административную юстицію въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы», явился результатомъ сознанный авторомъ «необходимости преобразованій въ области административной юстиціи и желанія способствовать правильному направленію этихъ преобразованій». Но что же такое «административная юстиція»? Г. Куплеваскій даетъ ей, по нашему мнѣнію, вѣрное, весьма ясное и сжатое опредѣленіе: «разрѣшеніе споровъ о правѣ, возникшихъ между отдѣльнымъ лицомъ, физическимъ или юридическимъ, и администраціей по поводу дѣйствій, упущеній или требованій послѣдней *въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ администрація является представителемъ государственнаго авторитета* (напр. полицейской, военной власти), а не представителемъ фиска, т. е. государства—собственника, продавца, покупателя и т. д.» (Въ опредѣленіи этомъ подмѣчены существеннѣйшая черта и особенность «административной юстиціи»). Обращаясь, въ частности, къ опредѣленію задачи перваго выпуска предполагаемаго имъ обширнаго труда, г. Куплеваскій сводитъ ее къ «разсмотрѣнію устройства во Франціи юстиціи въ спорахъ между отдѣльными лицами и администраціей, возникающихъ по поводу употребленія послѣднею своей правительственной власти».

Переходя пестомъ въ небольшомъ изслѣдованіи своемъ къ разсмотрѣнію общихъ административныхъ судовъ во Франціи (глава I), ихъ компетенціи (главы II и III), къ спеціальнымъ судамъ этого рода (глава IV), къ конфликтамъ (глава V), процессуальнымъ формамъ, употребительнымъ въ тѣхъ судахъ, (глава VI) и къ дискреціонной дѣятельности органовъ центральнаго правительства и самоуправленія (глава VII), авторъ оста-

навивається въ послѣдней (VIII главѣ) на различныхъ мѣстныхъ по вопросу объ организаціи административной юстиціи во Франціи. Здѣсь г. Куплеваскій останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на доводахъ и возраженіяхъ защитниковъ обыкновенныхъ судовъ противъ защитниковъ особыхъ административно-судебныхъ учреждений. Выводъ автора таковъ: «организація административныхъ судовъ, существовавшая во Франціи въ теченіе почти всего нынѣшняго столѣтія и предоставляющая такъ много вліянія правительственной власти (puissance exécutive) на личный составъ и дѣятельность этихъ судовъ, не можетъ быть защищаема въ правильномъ конституціонномъ государствѣ». Она несомѣстима съ тѣмъ верховнымъ значеніемъ, которое должно принадлежать закону относительно актовъ правительственной власти. Оно приноситъ въ жертву главѣ правительства и министерству права и интересы отдѣльныхъ лицъ, ради охраненія которыхъ въ значительной степени и установленъ весь конституціонный механизмъ (стр. 226). И въ этомъ справедливомъ резюме автора не видимъ мы ничего новаго или оригинальнаго; но нельзя не сочувствовать г. Куплеваскому, высказывающему свои симпатіи къ попыткѣ, сдѣланной Батби (Batbie) въ IV томѣ его «Traité de droit public et administratif», къ освобожденію административной юстиціи отъ той зависимости отъ администраціи, въ которой она еще и теперь находится въ низшихъ инстанціяхъ, и къ привлеченію мѣстнаго населенія къ участию въ дѣлахъ административной юстиціи. Батби выставляетъ необходимость *назначенія совѣтниковъ префектуры изъ постоянныхъ жителей даннаго департамента и поставленія ихъ въ независимое отъ администраціи положеніе*. Для достиженія этихъ двухъ цѣлей онъ предлагаетъ ограничить правительство въ его назначеніяхъ на должность совѣтниковъ префектуры опредѣленнымъ числомъ лицъ. Въ этотъ кругъ лицъ должны входить всѣ члены генеральнаго совѣта и, кромѣ того, такое же число лицъ, имѣющихъ жителство въ департаментѣ и внесенныхъ въ списокъ кандидатовъ, составляемый генеральнымъ (департаментскимъ) совѣтомъ» (Стр. 227 и 228). Справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Куплеваскій, что «организованный такимъ образомъ совѣтъ префектуры будетъ дѣйствовать хорошо въ качествѣ судебного учрежденія, но только при нѣкоторыхъ условіяхъ», упомянутыхъ изъ виду Батби (стр. 228). Необходимо именно «обезпечить въ этихъ совѣтахъ префектуры присутствіе лицъ, получившихъ надлежащее юридическое и административное образованіе, что очень важно» (стр. 228). Проектъ Батби, не отличаясь достаточною смѣлостью, все же заслуживаетъ «большаго вниманія», хотя онъ и «не разработанъ въ подробностяхъ» (стр. 229). Въ заключеніе, г. Куплеваскій полагаетъ, что «разъ отказавшись отъ англійской системы административной юстиціи, лучше всего было бы *передать ее особымъ отдѣленіямъ при обыкновенныхъ судахъ, установивъ правильный и публичный процессъ, приближающийся къ общему гражданскому процессу*» (Стр. 229). Это вполнѣ

подходило бы, прибавимъ отъ себя, къ существующимъ у насъ въ Россіи судебнымъ учрежденіямъ, давало бы должныя гарантіи правительству и правамъ частныхъ лицъ.

Большая и неотъемлемая заслуга автора этой диссертациі въ томъ, что онъ *впервые* ознакомилъ русскую публику въ спеціальной монографіи съ административной юстиціею во Франціи. Монографія его—первая въ Россіи работа объ административной юстиціи. Характеръ ея—компильативный, по французскимъ и нѣмецкимъ источникамъ; литература, приводимая авторомъ, хотя и неособенно богата, но вполне достаточна для изложенія (догматическаго) существующихъ во Франціи учреждений этого рода, ихъ процесса, и т. д. Недостатки этого отдѣла книги заключаются въ томъ, что въ немъ почти не существуетъ исторической разработки вопроса, безъ которой не мыслима вѣрная оцѣнка существующихъ учреждений, не указаны обстоятельно причины, повліявшія на созданіе этихъ учреждений и видоизмѣненій оныхъ и почти не употребляется сравнительный методъ изслѣдованія. Эти недостатки, которые нельзя не назвать существенными, повліяли на работу въ томъ смыслѣ, что доводы и руководящая мысль автора, доказывающаго необходимость правильной организаціи административныхъ судовъ, ихъ законосообразность (конституціонную) и полезность, не подкрѣплены историческимъ разъясненіемъ вопроса, что ослабляетъ ихъ значеніе. Чисто внѣшній и далеко не столь важный недостатокъ книги—тяжеловатость и угловатость языка. Но несомнѣнно, что книга читается съ интересомъ и полезна для русскихъ юристовъ и образованной публики, интересующейся вопросами государственнаго и административнаго права.

В. Даневскій.

О. Эйхельманъ. *Восное занятіе непріятельской страны*. Москва. 1880 г.

Настоящая книга есть *второе*, исправленное (съ внѣшней стороны) издание того же сочиненія, о которомъ данъ былъ нами коротенькій отзывъ въ почтенномъ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ» (см. № 6 за 1879 г.). Къ чести г. Эйхельмана должно замѣтить здѣсь, что въ новомъ изданіи своемъ авторъ въ значительной степени исправилъ тѣ грубыя погрѣшности противъ русскаго языка, которыя не могли быть терпимы въ русскомоу ученомъ сочиненіи, написанномъ проф. Ярославскаго лица, т. е. русскаго учебнаго заведенія. Отъ подобныхъ исправленій выиграло и самое содержаніе изслѣдованія г. Эйхельмана, хотя и въ настоящемъ изданіи все же читателю приходится мириться съ дубоватыми и угловатыми оборотами, совершенно несвойственными красивому и ловкому строю русскаго языка.

Авторъ избралъ очень интересную тему—права и обязанности непріятеля, вступившаго во вражескую землю; по отношенію къ лицамъ и имуще-

ствамъ занятой территоріи. Г. Эйхельманъ желалъ опредѣлить: что можетъ, и что, слѣдовательно, должно быть соблюдаемо при той оккупациі при условіяхъ политической жизни нашего вѣка, при чемъ онъ, авторъ, «всегда старался имѣть въ виду реальную возможность и дѣйствительную потребность» (стр. 223). Онъ полагаетъ, что въ большинствѣ случаевъ онъ нашелъ прочныя основанія для выставленныхъ имъ требованій въ протоколахъ брюссельской деклараціи (стр. 223). Методъ, которому слѣдовалъ авторъ, сводится, по его словамъ, къ изученію предмета «съ реальной точки зрѣнія, въ связи съ понятіями современной политической цивилизаціи, избѣгая всякаго доктринаризма» (См. стр. 9). Позволимъ себѣ замѣтить, что въ этихъ словахъ заключается не опредѣленіе *метода* изслѣдованія, а именно *точка зрѣнія* автора, влияющая на *содержаніе* и *направленіе* его разсужденія. Говоря словами *прежнихъ* юристовъ, методъ, принятый г. Эйхельманомъ, есть *догматическій*, при чемъ исторія отходитъ у него на задній планъ, трудъ автора—изслѣдованіе *существующаго положительнаго права* по отношенію къ праву оккупациі, посвященный до нѣкоторой степени съ точки зрѣнія началъ брюссельской деклараціи, безъ всякой связи съ предыдущимъ историческимъ развитіемъ этого вопроса. Эта односторонность и неполнота изслѣдованія, заслуживающія политѣйшаго порицанія, ослабляютъ вѣру въ справедливость и цѣлесообразность тѣхъ нормъ междунаrodnаго права относительно правъ и обязанностей оккупанта, предъ которыми преклоняется иногда авторъ. Матеріалъ, собранный г. Эйхельманомъ, вполне достаточенъ; иногда авторъ впадаетъ даже въ излишнюю казуистичность, что затемняетъ самое изложеніе, придаетъ ему компилятивный характеръ. Во всякомъ случаѣ, книга эта можетъ быть прочтена юристами не безъ нѣкоторой пользы, которая была бы еще значительнѣе, если бы литература предмета въ изложеніи г. Эйхельмана не представлялась въ хаотическомъ состояніи, благодаря чему въ книгѣ много неясныхъ мѣстъ.

В. Даневскій.

Великіе греческіе писатели. Очеркъ классической литературы грековъ въ біографіяхъ. Г. В. Штолля. Переводъ съ нѣмецкаго П. О. Морозова. Изданіе О. И. Бакста. Спб. 1880.

Написать исторію какой бы то ни было литературы въ *біографіяхъ*—задача, которую можно а priori назвать неосуществимою. Очевидно, что далеко не у всякаго писателя жизнь необходимо находится въ тѣсной связи съ литературной дѣятельностью. Много ли даетъ жизнь Шекспира или Бэкона для исторіи поэзіи и философіи? Не больше, если не меньше, даютъ въ этомъ отношеніи и біографіи Софокла и Аристотеля, и это

вполнѣ подтверждаютъ главы, посвященные этимъ писателямъ въ книгѣ Штоля. Эти два очерка занимаютъ каждый по семнадцать страницъ, но о драмахъ Софокла и о философіи Аристотеля читатель не узналъ бы буквально ничего, если бы авторъ въ концѣ біографіи перваго не прибавилъ краткаго перечисленія его произведеній, а въ концѣ біографіи Аристотеля—нѣсколькихъ общихъ фразъ объ его эмпиризмѣ. Значеніе этихъ двухъ писателей въ исторіи греческой литературы таково, что однимъ этихъ пробѣловъ достаточно было бы, чтобы не согласиться съ переводчикомъ, который въ предисловіи называетъ сочиненіе Штоля «порядовательнымъ очеркомъ развитія классической греческой литературы съ характеристикой наиболѣе выдающихся ея произведеній». Но ложно поставленная задача даетъ себя чувствовать въ большей или меньшей степени во всей книгѣ. Книга Штоля представляетъ не болѣе, какъ собраніе біографій.

Такое сочиненіе, конечно, могло бы быть все-таки очень интересно, если бы не препятствовало другое обстоятельство, составляющее уже особенность исторіи греческой литературы. Именно, біографическая сторона въ этой исторіи представляетъ область крайне безотрадную. Правда, рассказъ о литературныхъ знаменитостяхъ грековъ до насъ дошло множество, но въ значительномъ большинствѣ случаевъ это—или полумифическія мѣстные преданія, или непонятныя остроты комиковъ, или, наконецъ, анекдоты неизвѣстнаго происхожденія, собирать, а отчасти и сочинять которые были большіе охотники позднѣйшіе писатели, передавшіе намъ большую часть этого неособенно цѣннаго матеріала. Если бы Штоль рѣшился сообщать только тѣ біографическія свѣдѣнія о греческихъ писателяхъ, которыя сколько-нибудь могутъ претендовать на достовѣрность, то получилась бы книжка очень небольшая и притомъ довольно сухая. Вѣроятно, съ цѣлю придать сочиненію болѣе интересъ, онъ рѣшился внести въ него также и рассказы, неизвѣстной достовѣрности, прямо недостовѣрные и, наконецъ, несомнѣнно выдуманные и собралъ эти анекдоты въ замѣчательно большомъ количествѣ. При этомъ, обыкновенно, онъ самъ предупреждаетъ читателя, что вѣрить приводимому рассказу не слѣдуетъ. Напр. «Эліанъ рассказываетъ, что Платонъ въ юности впалъ въ отчаяніе отъ своей бѣдности и рѣшился поступить въ наемное войско, но Сократъ его удержалъ; но Эліанъ и самъ не вѣрилъ этой баснѣ» (стр. 305). Или: «Эліанъ рассказываетъ, что Пиндаръ въ Фивахъ пять разъ былъ побѣжденъ Коринною въ поэтическихъ состязаніяхъ, по приговору необразованныхъ судей, и что раздраженный этимъ поэтъ называлъ Коринну сильней. Это ужъ слишкомъ не деликатно, такъ что многіе не хотятъ признать этого рассказа за достовѣрный» (стр. 138). Съ такой оговоркой сообщалъ Штоль и о томъ, что Эсхилу разбила голову черепаха, что Софоклъ умеръ отъ того, что подавился ягодой винограда, что Эврипида разорвали собаки, что Сократъ передъ тѣмъ, какъ сойтись съ Платономъ, видѣлъ

во снѣ лебеди, «съ пріятнымъ пѣніемъ взлетающаго къ небу», что Платонъ былъ ученикъ пророка Іереміи, и замѣчательное количество другихъ подобныхъ разсказовъ. Такъ, на пяти страницахъ разсказана псевдо-геродотовская біографія Гомера, «чтобы познакомить читателя съ характеромъ подобныхъ выдумокъ» (стр. 20).

Понятно, что чтеніе книги въ цѣломъ дѣлается отъ этого утомительнымъ. Тѣмъ не мѣнѣе, нѣкоторыя главы вышли довольно интересны (напр. нѣсколько характеристикъ лириковъ, сдѣланныхъ при помощи подбора ихъ отрывковъ), и со страстью автора къ анекдотамъ можно бы примириться, если бы онъ всегда правильно оцѣнивалъ ихъ достовѣрность. Къ сожалѣнію, собственные взгляды, высказываемые Штоллею, не всегда могутъ претендовать на научность—частая участь нѣмецкихъ школьныхъ книгъ, авторы которыхъ, боясь сообщить читателю новыя мнѣнія, еще не упрочившіяся среди ученыхъ, приходятъ нерѣдко къ тому, что сообщаютъ старыя предрасудки, давно потерявшіе кредитъ у болѣе просвѣщенныхъ представителей науки. Примѣромъ школьнаго консерватизма можетъ служить то упорство, съ которымъ нѣмецкая школа держалась за грамматику, традиціонныя схемы которой были разрушены сравнительнымъ языковѣдѣніемъ. Этотъ консерватизмъ значительно проникнутъ и книга Штолля. Относительно гомеровскаго вопроса, напримѣръ, онъ вполнѣ держится старыхъ взглядовъ, которые хотя и раздѣляются до сихъ поръ нѣкоторыми выдающимися филологами, но только тѣми, которые смотрятъ на свою науку, какъ на область, не имѣющую связи съ другими сферами знанія. Держаться этихъ традиціонныхъ взглядовъ можно; только рѣшившись игнорировать аналогіи, представляемыя эпическимъ творчествомъ другихъ народовъ. «Гомеръ въ юности создалъ Илиаду, а въ болѣе позднихъ лѣтахъ Одиссею», думаетъ Штолле (стр. 15), хотя и признаетъ на той же страницѣ, что «Одиссея изображаетъ общественную жизнь, нравы и религіозныя воззрѣнія народа въ болѣе мягкихъ чертахъ, следовательно, въ періодъ болѣе культурный, чѣмъ Илиада.» Въ произведеніяхъ Гомера онъ находитъ и «глубокую художественную прозорливость», и «заранѣе составленный планъ», и «теплоту чувства, пріятную веселость и отпечатокъ серьезной мысли великаго гения» (стр. 14, 30)—словомъ, все, чего нѣтъ въ эпосѣ вообще и не можетъ быть у пѣвца дорефлективной эпохи, стремящагося передать событіе такъ, какъ оно по преданію случилось въ дѣйствительности. На какихъ основаніяхъ приходится строить свои представленія о Гомерѣ тому, кто отказывается стать въ этотъ вопросъ на сравнительную почву, это очень наглядно показываютъ разсужденія Штолля о жизни и дѣятельности Гомера. «Гомеръ, создавшій такія превосходныя произведенія поэтическаго искусства, конечно, находилъ повсюду радушный пріемъ и, вѣроятно, посѣтилъ много іонійскихъ и еолійскихъ городовъ, хотя и не въ такомъ нищенскомъ видѣ, какъ представляютъ его древніе біографы. Конечно, онъ де-

кламировалъ только отдѣльныя части своихъ великихъ созданій, которыя однако отъ этого не теряли своего интереса и занимательности.....; но не подлежитъ сомнѣнію, что иногда онъ устраивалъ и большія представленія, на которыхъ декламировалась вся Илиада или вся Одиссея. Конечно, это было возможно только въ томъ случаѣ, когда Гомеръ дѣлалъ этотъ трудъ съ своими молодыми учениками. Впрочемъ, онъ могъ и одинъ продекламировать свои произведенія въ полномъ составѣ въ продолженіи нѣсколькихъ дней передъ народомъ, ежедневно собиравшимся на площади или въ лесѣ. *Если творческій гений поэта могъ создать великія и обширныя художественныя произведенія, то, конечно, онъ имѣлъ и возможность познакомить съ ними народъ во всей ихъ совокупности.*» (стр. 25—6).

Такой же недостатокъ критики найдемъ мы и во многихъ другихъ мнѣніяхъ Штолля. Такъ, онъ совершенно опредѣленно заявляетъ: «Гезіодъ жилъ лѣтъ сто спустя послѣ Гомера, такъ что время его процвѣтанія приходится около 800 г. до Р. Х.» (стр. 46). Во-первыхъ, говорить о Гезіодѣ, какъ объ авторѣ «Трудовъ и дней» и «Космогоніи» вмѣстѣ, еще менѣе возможно, чѣмъ говорить объ одномъ творцѣ Илиады и Одиссеи, потому что различія между двумя первыми произведеніями гораздо существеннѣе, чѣмъ между послѣдними; такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи гезіодовскихъ поэмъ составляетъ, очевидно, два вопроса. Во-вторыхъ, на основаніи нѣкоторыхъ историко-литературныхъ и культурныхъ соображеній мы можемъ сказать, что гезіодовскія поэмы позднѣе гомеровскихъ; но на сколько, этого опредѣлить рѣшительно невозможно. Точно также авторы кикладскихъ поэмъ и время ихъ жизни сообщаются у Штолля съ увѣренностью, неоправдываемой скудостью и противорѣчивостью имѣющихся данныхъ. Затѣмъ біографіи лириковъ начинаются съ Архилоха. Здѣсь мы встрѣчаемъ такой рассказъ: «Около 16-ой или 18-ой олімпіады паросцы основали колонію на о-вѣ Фасѣ, съ которымъ они повидимому еще и прежде того имѣли сношенія, такъ какъ дѣдъ Архилоха, Теллисъ, вмѣстѣ съ жрицей Клеобойею, основалъ на этомъ островѣ культъ и оргіи Деметры. Теперь же сынъ его Телесиклъ, отецъ Архилоха, получилъ отъ дельфійскаго оракула приказаніе, по которому паросцы должны были основать колонію на островѣ Аэріи. Это загадочное названіе было разъяснено остроумнымъ юношей Архилохомъ, который указалъ на о-въ Фасъ, вслѣдствіе чего паросцы и поручили его отцу (или ему самому) начальствовать надъ колонистами, отправленными на этотъ островъ» (стр. 56—57).

Никакой оговорки касательно достовѣрности этого рассказа нѣтъ, и читатель, не привыкшій къ обращенію съ легендами, можетъ, пожалуй, и повѣрить ему. Посмотримъ же, на чемъ основана его достовѣрность. О Теллисѣ и Клеобойѣ упоминаетъ только одинъ Павсаній, сообщающій, что Палигнотъ нарисовалъ ихъ въ Дельфахъ находящимися въ лодкѣ Парока, что о Теллисѣ онъ (Павсаній) слышалъ только (τοσοῦτον), что

Архилохъ его потомекъ въ третьемъ колѣнѣ, а о Клеобойѣ говорятъ, что она первая принесла на Тасосъ оргіи Деметры съ Пароса (См. Рац. X. 28). Чтобы Теллисъ, нарисованный вмѣстѣ съ Клеобойей, участвовалъ съ ней и въ перенесеніи культа Деметры на о-въ Тасосъ (Фасъ)—догадка, очевидно, довольно смѣлая. Поэтому, если даже дѣйствительно Архилохъ былъ внукомъ Теллиса, то нѣтъ никакого основанія думать, чтобы это перенесеніе культа совершилось раньше, чѣмъ колонизація Тасоса при Архилохѣ. Самый же анекдотъ объ «остроумномъ юношѣ Архилохѣ» сообщается Евсевіемъ (около 300 г. по Р. Х.) и Стефаномъ Византійскимъ (около 500 г. по Р. Х.), и не вѣрять такимъ анекдотамъ, конечно, гораздо благоразумнѣе, чѣмъ вѣрять. Всякій, кто знаетъ, какую слау имѣло еще миическое мышленіе въ VI вѣкѣ до Р. Х., будетъ подозрительно относиться къ біографическимъ преданіямъ объ Архилохѣ. Самое существованіе не только Клеобойи, но и Телесида, жреца Деметры и отца Архилоха, можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. По крайней мѣрѣ имя «Телесидъ» также ясно указываетъ на «τὰ τέλη» (мистеріи) культа Деметры, какъ имена Мусея или Эвмонна на поэзію, которой героями были эти миическія лица. Ставъ же на болѣе скептическую точку зрѣнія, мы не высоко оцѣнимъ и слѣдующее психологическое замѣчаніе Штолля. «Отецъ его, Телесидъ, былъ жрецомъ Деметры, мать же его Энипо была, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ стихахъ, простая рабыня. Это странное неравенство причиною ему, вѣроятно, много неудовольствія и можетъ быть еще въ ранней юности послужило основаніемъ для той раздражительности и язвительности, которой онъ всегда отличался» (стр. 56).

Предѣлы бібліографической замѣтки не позволяютъ намъ вдаваться въ дальнѣйшій разборъ книги Штолля, но мы не боимся впасть въ преувеличеніе, сказавъ, что русскій читатель не узнаетъ изъ сочиненія, переведеннаго г. Морозовымъ, ничего, чего бы не могъ прочесть въ существующихъ уже на русскомъ языкѣ, хотя и скудныхъ пособіяхъ. О переводѣ надо сказать, что онъ исполненъ съ удовлетворительнымъ знаніемъ нѣмецкаго языка и весьма неудовлетворительнымъ — греческаго. Отсюда полная путаница въ транскрипціи греческихъ собственныхъ именъ. Напр., на стр. 25 «Θамиръ», на стр. 189 то же имя пишется «Тамиръ» (въ греч. Θ). На одной и той же страницѣ пишется «Теверапія» и «Пентесилея» (стр. 35). Рядомъ стоятъ «Эдиподія» и «Взятіе Ихалии» (въ греч. α); рядомъ же стоятъ «Ахимлейонъ» и «Сигіонъ» (въ греч. ε). Такая непослѣдовательность проходитъ черезъ всю книгу. Встрѣчаются и другіе промахи, заставляющіе желать лучшаго знакомства съ греческимъ языкомъ и литературой: напр., на стр. 220 драмы Эврипида «Троянки» называются «Троады». Особенно же курьезно, что дѣйствующія лица въ комедіи Аристофана «Осы» — Филоклеонъ и Бделіклеонъ называются у г. Морозова «Клеобольдъ» и «Асклеонъ» (стр. 233), обстоятельство, объясняющееся, очевидно, тѣмъ, что Штолля привелъ ихъ имена въ нѣмецкой передѣлкѣ,

причемъ въ словѣ «Hasskleon» переводчикъ отбросилъ Н, принявъ это за передачу греческаго густаго дыханія:

Не знаемъ на чью долю—автора или переводчика—надо отнести неточности, попадающіяся въ переводахъ отрывковъ греческихъ писателей, которые приводитъ Штоллъ. Напр., на стр. 73 въ фрагментѣ Аллея (Bergk 18) стихъ 9-ый передается: «бросайте же якорь», тогда какъ его можно перевести только: «якоря ослабли». Ст. 1-ый того же фрагмента переведенъ по меньшей мѣрѣ неудачно: «Лишаетъ насъ смысла возстанье вѣтровъ». (Ασυνέτημι τῶν ἀνέμων στάσις—я не понимаю борьбы вѣтровъ). Точно также и переводъ ст. 12-го не имѣетъ за себя никакихъ критическихъ или экзегетическихъ основаній. На стр. 72 въ переводѣ фрагм. 17 (Bergk) на 8-ми строкахъ вставлено по крайней мѣрѣ 8 словъ, не находящихся въ текстѣ, которыя значительно измѣняютъ характеръ пьесы; а послѣдній стихъ переданъ совершенно невѣрно: «такъ будемъ же помнить, гдѣ готовились мы на храбрый бой». Перевести должно: «ихъ (доспѣховъ) нельзя забывать (безъ нихъ нельзя обойтись), равъ мы влялись за это дѣло (за борьбу)». На стр. 55 ст. 20-ый Каллиновой Элегии передается: «какъ величественное зданіе стоитъ онъ передъ своимъ народомъ» — въ подлинникѣ: «какъ башня». Мысль Каллина, очевидно, измѣняется; и не въ лучшему. Вслѣдствіе совершенно непонятной ошибки на стр. 32 характеристика Маргита—«онъ зналъ много дѣлъ, но все ихъ зналъ дурно» — передается такъ: «хотя знаетъ много стиховъ, но плохо ихъ понимаетъ (?)!». Мы могли бы привести и еще нѣсколько примѣровъ неправильныхъ переводовъ. Стихотворное (не говоря уже о поэтическомъ) достоинство переводовъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда пьеса не была раньше переведена на русскій языкъ) таково, что стихи иногда не могутъ не возбуждать смѣха читателя, напр. слѣдующіе гекзаметры (въ подлинникѣ, надо замѣтить, не гекзаметры, а дистихи; т. е. соединеніе гексаметра съ пентаметромъ):

«Съ трехмилліоннымъ войскомъ здѣсь вытались сражаться

Только четыре тысячи храбрыхъ героевъ Эллады».

Или: «Изъ звѣрей сильнѣе всѣхъ я; изъ людей же всѣхъ лучше....» и т. д.

Или: «Освободивъ свою родину отъ чужеземнаго ига» (стр. 121—123).

Неужели это стихи?.....

Renseignements sur les archives de Russie. Edition de la Commission d'impression des Lettres patentes et traités, attachée aux Archives principales de Moscou du Ministère des Affaires Etrangères M. 1880.

Тщательное сохраненіе какъ старинныхъ, такъ и новыхъ историческихъ памятниковъ составляетъ необходимое условіе для успѣшной разработкы исторіи каждаго народа. Въ настоящее время это сознано повсюду, и оберегать историческіе документы, какъ прежніе, такъ и вновь поступ-

пающіе, призваны особыя учрежденія—архивы. Понятно, какое важное значеніе представляет устройство архивовъ въ такомъ видѣ, чтобы хранимые въ нихъ документы были поставлены внѣ всякихъ случайностей, могущихъ повести къ ихъ порчѣ или истребленію. Во всѣхъ государствахъ Европы вполнѣ признана необходимость рациональнаго устройства архивовъ, и хорошо то, что правительства различныхъ странъ начинаютъ обмѣниваться свѣдѣніями, какая система архивовъ принята въ каждой изъ нихъ. Такъ, италянское королевское правительство, чрезъ своего посла, г. Нигра, обратилось въ наше министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія объ устройствѣ архивной части въ Россіи. Наше министерство, поручило составить записку по этому вопросу директору важнѣйшаго изъ нашихъ архивовъ, именно Московскаго Главнаго Архива М. И. Д., бар. Бюлеру. Этотъ случай переписки съ другими державами объ устройствѣ архивовъ не остался единственнымъ. Въ прошломъ году, состояніе нашихъ архивовъ было также предметомъ запроса со стороны баварскаго и французскаго правительства. Въ виду возможности подобной переписки и съ другими государствами, Московскій Архивъ счелъ удобнымъ отпечатать свѣдѣнія о храненіи въ Россіи дипломатическихъ документовъ особой брошюркой на дипломатическомъ,—французскомъ языкѣ. Такъ появилась въ свѣтъ книга, о которой идетъ рѣчь.

Сначала, въ брошюрѣ представлены чрезвычайно интересныя историческія свѣдѣнія объ архивахъ въ Россіи. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что наша первопрестольная столица, которая, съ перенесеніемъ почти всѣхъ центральныхъ учреждений въ Петербургъ, стала походить на областной городъ, въ одномъ отношеніи еще сохраняетъ прежнее значеніе центрального города: именно, въ ней сосредоточены почти всѣ архивы имперіи,—дипломатическій съ XIII вѣка до 1801 г., военный, синодальный, судебный, межевой и т. д. Въ сущности, такое сосредоточеніе всѣхъ историческихъ памятниковъ въ одномъ городѣ представляетъ большое удобство для ученаго изслѣдователя, и нельзя не пожалѣть, что централизація эта не доведена до конца. Ученый, напр., работающій надъ исторіей Александра I, имѣетъ въ Москвѣ подъ руками документы только по 1801 годъ, а за актами 1802 г. онъ долженъ ѣхать въ Петербургъ. Было бы гораздо удобнѣе, если бы документы и за дальнѣйшее время были переведены въ Москву, что и сдѣлано, напр., по отношенію къ значительной части константинопольскаго архива, который весь хранился въ Москвѣ во время послѣдней войны. Точно также, нельзя не пожелать, чтобы въ Москву были привезены архивы и изъ другихъ городовъ, игравшихъ важную роль въ исторіи нашего отечества, напр. хотя бы изъ Казани, изъ Архангельска или изъ Астрахани.

Затѣмъ, въ брошюрѣ съ пунктуальной точностью сообщаются свѣдѣнія объ устройствѣ и расположеніи архива, и о мѣрахъ, которыя приняты для сбереженія драгоценныхъ памятниковъ, хранящихся въ немъ.

Изъ самой брошюры видно, что у насъ еще не все сдѣлано, чтобы поставить архивъ, по возможности, внѣ всякихъ случайностей: нѣтъ желѣзныхъ ставень, которыя могли бы обезопасить архивъ на случай пожара сосѣднихъ строеній; документы хранятся не въ нижнемъ этажѣ, откуда ихъ легко спасти въ случаѣ несчастія, а въ бельэтажѣ. Въ этихъ недостаткахъ сознается сама брошюра; о другихъ можно судить по ея недомолвкамъ. Въ ней, напр., ничего не сказано о мѣрахъ противъ нѣкоторыхъ животныхъ, падающихъ на бумагу (мышей, бумажнаго червя и т. п.) Изъ этого умолчанія можно заключить, что мѣры противъ этой опасности не были приняты. А что такая опасность существуетъ, въ этомъ поручатся всѣ частные библіотекари.

Въ каждой строчкѣ брошюры сквозитъ какая-то трогательная любовь къ «сокровищамъ Россійской исторіи», довѣренному архиву. Но нельзя не отмѣтить той добросовѣстности, съ которой Московскій Архивъ, прямо и откровенно, указываетъ на свои недостатки. Мы не привыкли къ такой-прямоудушной откровенности со стороны казенныхъ учрежденій, и «Renseignements» Московскаго Архива представляютъ свѣтлое явленіе среди другихъ «отчетовъ», «свѣдѣній», «записокъ» и т. д., страдающихъ излишнимъ и неумѣстнымъ оптимизмомъ, чтобы не сказать хвастливостью.

К. Лад—ій.

Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности. Выпускъ II. Спб. 1880.

Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, состоящій при министерствѣ государственныхъ имуществъ, играетъ у насъ ту роль, которая въ другихъ государствахъ предоставлена особому министерству земледѣлія. Главная задача этого департамента—завѣдывать дѣлами по усовершенствованію, распространенію и поощренію разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, — задача очень важная, тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ земледѣліе составляетъ главное занятіе огромной части населенія. Уполномоченный слѣдить за положеніемъ сельскаго хозяйства, этотъ департаментъ обязанъ собирать статистическія свѣдѣнія по части сельской промышленности. Нѣтъ сомнѣнія, что департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, какъ центральное правительственное учрежденіе, могъ бы, пользуясь отчетами губернаторовъ, земскихъ управъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, представить очень полныя свѣдѣнія о состояніи сельской промышленности во всей Россіи. Въ этомъ отношеніи, онъ поставленъ въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ областныя статистическія учрежденія, которыя, когда разслѣдываютъ положеніе сельскаго хозяйства, должны ограничивать кругъ своихъ изслѣдованій извѣстной губерніей;

между тѣмъ, статистическое изслѣдованіе, для своей правильности, требуетъ какъ можно болѣе обширнаго района. Все это заставляетъ насъ остановиться съ особымъ вниманіемъ на II выпускѣ «Сборника свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности» и рассмотреть, на сколько этотъ «Сборникъ» удовлетворяетъ требованіемъ статистическаго изслѣдованія.

Чтобы достигать своей цѣли, статистическое изслѣдованіе должно касаться всѣхъ сторонъ разсматриваемаго предмета. Только тогда, когда будутъ подведены данныя о всѣхъ факторахъ, такъ или иначе вліяющихъ на извѣстное явленіе, возможно будетъ сдѣлать ясное и достовѣрное заключеніе, во-первыхъ, о томъ, въ какомъ положеніи находится это явленіе, во-вторыхъ, какія причины вредно вліяютъ на него; изъ послѣдняго заключенія можно будетъ сдѣлать и практическіе выводы о томъ, какія мѣры должны быть приняты для того, чтобы привести это явленіе въ лучшее положеніе. Такого рода изслѣдованія и желательно было бы имѣть отъ департамента земледѣлія и сельской промышленности. Но легко видѣть, какъ мало удовлетворяютъ свѣдѣнія, представленныя этимъ департаментомъ въ «Сборникѣ», требованіемъ статистическаго изслѣдованія.

Разсмотрѣнію сельскаго хозяйства посвящена лишь небольшая часть «Сборника», именно первыя 84 страницы. Въ нихъ говорится сначала о земледѣліи въ Россіи, затѣмъ о скотоводствѣ. Касательно земледѣлія въ «Сборникѣ» помѣщены данныя о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ въ Россіи за девятилѣтіе 1870—1878 г.; въ этомъ отдѣлѣ «Сборника» представлены статистическія свѣдѣнія о количествѣ посѣва, сбора и объ урожайности хлѣбовъ за этотъ періодъ по отдѣльнымъ губерніямъ, затѣмъ по полосамъ, на которыя дѣлится Россія (черноземныя, сѣверныя губерніи и т. п.) и, наконецъ, во всей Европейской Россіи. Такія свѣдѣнія, очевидно, слишкомъ неполны. Въ самомъ дѣлѣ, составители «Сборника» оставили вовсе безъ вниманія землю, какъ факторъ земледѣлія: данныя объ урожаяхъ въ различныхъ мѣстностяхъ не сопоставлены со свѣдѣніями о количествѣ обрабатываемыхъ десятинъ. Между тѣмъ, вопросъ объ *урожайности десятины* на столько же важенъ, какъ вопросъ объ самомъ урожаѣ. Точно также было бы очень важно обратить вниманіе на распредѣленіе обрабатываемой земли между помѣщичьими и крестьянскими хозяйствами: свѣдѣнія объ этомъ, сопоставленныя съ данными объ урожаѣ на помѣщичьихъ и крестьянскихъ земляхъ, показали бы, какъ велика урожайность первыхъ сравнительно съ послѣдними. Въ «Сборникѣ» не содержится свѣдѣній и о различныхъ системахъ земледѣлія (лядинной, трехпольной и т. д.). Сколько бы выиграли данныя, сообщаемыя «Сборникомъ», если бы было обращено вниманіе на эти условія земледѣлія.

Затѣмъ, въ «Сборникѣ» придано слишкомъ мало значенія вопросу о населеніи. Урожай важенъ не самъ по себѣ, а по отношенію, во-первыхъ, къ тому, на сколько онъ вознаграждаетъ трудъ работающихъ надъ землею,

во-вторыхъ, какъ онъ удовлетворяетъ потребностямъ всего населенія страны. Составители «Сборника» вовсе не коснулись перваго вопроса; а, между тѣмъ, было бы очень интересно сопоставить свѣдѣнія объ урожаѣ съ данными о числѣ рабочаго земледѣльческаго населенія: такое сопоставленіе показало бы намъ степень продуктивности труда сельскаго рабочаго. Что касается отношенія урожая къ количеству всего населенія, то вопросъ объ немъ дѣйствительно затронуть въ «Сборникѣ», но при сопоставленіи данныхъ объ урожаѣ съ свѣдѣніями о населеніи допущено довольно сильная натяжка. Именно средній сборъ хлѣба, выведенный на основаніи данныхъ о семи годахъ (1871—1877), сопоставленъ съ количествомъ населенія 1871 г., какъ будто бы въ теченіе этихъ семи лѣтъ населеніе вовсе не возрастало, между тѣмъ, какъ извѣстно, что годовой приростъ населенія Россіи равняется 1,1%. Очевидно, что при такомъ сопоставленіи выводъ вѣренъ быть не можетъ. Трудно сказать, къ чему была сдѣлана эта натяжка.

Наковонецъ, кромѣ двухъ необходимыхъ факторовъ (земли и человѣческаго труда), на земледѣліе вліяютъ еще нѣкоторыя случайныя причины, каковы засухи, ненастье при посѣвѣ или при уборкѣ, вредныя насѣкомыя и т. п. Вліяніемъ такихъ причинъ объясняются внезапныя сильныя отклоненія въ сборѣ хлѣба. При статистическомъ изслѣдованіи земледѣлія эти условія должны быть отмѣчены; въ «Сборникѣ» же они совершенно игнорируются.

Послѣ всего сказаннаго, мы не можемъ не придти къ убѣжденію, что свѣдѣнія, представляемая «Сборникомъ», слишкомъ неполны. Неполнота ихъ отразилась на тѣхъ выводахъ и обобщеніяхъ, которыя постарались сдѣлать изъ нихъ составители «Сборника» въ объяснительномъ къ таблицамъ текстѣ. Приведемъ примѣры этихъ выводовъ: «приведенныя цифры подтверждаютъ тотъ фактъ, что болѣе цѣнныя хлѣба разводятся преимущественно въ черноземной полосѣ, а менѣе цѣнныя—въ нечерноземной» («Сборникъ» стр. 16). «Приведенныя цифры показываютъ, что жатва (?) хлѣбовъ въ 1877 г. распредѣлялась по полосамъ въ порядкѣ естественнаго плодородія ихъ». Последняя фраза выражена на столько туманно, что съ перваго раза можно подумать, будто въ ней заключается какое-нибудь важное обобщеніе; но, на самомъ дѣлѣ, она означаетъ только то, что та земля лучше родитъ хлѣбъ, которая плодороднѣе. Если изъ данныхъ статистическаго изслѣдованія можно вывести только такія заключенія, то не доказываетъ ли это неудовлетворительность самаго изслѣдованія?

Мы должны оговориться, что не всѣ эти недостатки могутъ быть поставлены въ вину составителямъ «Сборника». О нѣкоторыхъ сторонахъ нашего сельскаго хозяйства, напр. о системахъ полеводства, было бы слишкомъ трудно собрать свѣдѣнія. Но составители «Сборника» могли бы внести въ свои изслѣдованія тѣ матеріалы, которые уже собраны, напр.

статистическія свѣдѣнія о количествѣ запахиваемыхъ десятиныхъ, о числѣ сельскаго населенія и т. д.

Тѣ же самыя недостатки мы замѣчаемъ и въ той части «Сборника», въ которой говорится о скотоводствѣ. Въ этомъ отдѣлѣ подведены данныя за довольно большой періодъ времени — отъ 1851 до 1876 г. Но свѣдѣнія о количествѣ скота не сопоставлены ни съ данными о пространствѣ луговой земли, ни съ данными о количествѣ запашки: послѣднія важны для средней нечерноземной полосы, гдѣ скотъ доставляетъ удобреніе. Нѣтъ указаній на скотскіе падежи и на времена безкормицы. Наконецъ, при опредѣленіи количества скота, которое приходится на душу населенія, допущена та же натяжка, что и по отношенію къ земледѣлію: число головъ скота въ 1876 году произвольно сравнено съ населеніемъ 1876. Движеніе же скотоводства отъ 1851 до 1876 года не сопоставлено съ возрастаніемъ населенія за этотъ періодъ. Между тѣмъ, такое сопоставленіе открыло бы намъ очень важный, и, надо сознаться, крайне неутѣшительный фактъ, а именно, что въ 1851 г. на 100 душъ населеніе приходилось на 25% болѣе рогатаго скота, чѣмъ въ 1876 г. И это въ Россіи, которая, по своему пространству и изобилію луговыхъ мѣстностей, представляетъ такія выгодныя условія для скотоводства.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя «Сборникомъ», очень мало удовлетворяютъ требованіямъ серьезнаго статистическаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи, ихъ далеко оставляютъ за собою статистическія работы нѣкоторыхъ изъ нашихъ земствъ.

Остальныхъ частей «Сборника», имѣющихъ болѣе специальное содержаніе, мы не будемъ касаться. Въ нихъ содержатся довольно казенные отчеты нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, подчиненныхъ департаменту земледѣлія и сельской промышленности. Затѣмъ помѣщено нѣсколько статей по частнымъ вопросамъ, возбуждавшимся въ департаментѣ: объ осушеніи болотъ, о поднятій хмѣлеводства въ Гуслицахъ и т. п. Всего интереснѣе помѣщенные въ самомъ концѣ «Сборника» монографіи о вредныхъ насѣкомыхъ. Въ этихъ монографіяхъ, составленныхъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, излагается естественная исторія насѣкомыхъ, пожирающихъ урожан у насъ на югѣ, вредъ, приносимый ими хозяйству, способы ихъ истребленія и пр. При всей своей научности, эти страницы написаны съ интересомъ и читаются легко. На эти монографіи мы обращаемъ вниманіе тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые пожелають ближе познакомиться съ нашими новыми врагами, съ которыми этимъ мѣтомъ намъ опять придется вести войну:

Н. Лад—ій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣсколько словъ о русской интеллигенціи.—Въ чемъ заключается ея главная вина.—Печальныя вѣсти о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ.—Необходимость внутреннего переустройства.—Опроверженіе мѣтнія, что это переустройство раскроетъ ворота Разуваевымъ: Разуваевъ уже пришелъ.—Порядки на Оренбургской желѣзной дорогѣ.—Признаки усиленія борьбы за право.—Вопросъ о регулированіи дѣтскаго труда.

Въ воображеніи городского жителя деревня отличается идиллическимъ характеромъ. Зеленый лугъ, темный лѣсъ, чистый душистый, воздухъ—все это притягиваетъ къ деревнѣ, подаетъ надежду отдохнуть утомленной душѣ, освѣжиться усталому тѣлу. Но внимательный наблюдатель открываетъ темныя пятна въ привлекательной картинѣ, и пятенъ этихъ оказывается многое множество. Въ нынѣшнее лѣто жукъ (австрійскій), муха (гессенская), саранча (восточная) и многія другія бѣдствія, постигшія деревню, окончательно лишили ея идиллическихъ красокъ и навели ужасъ на русское образованное общество. Столбцы газетъ переполнены описаніемъ опустошеній, которыя произвели и производятъ наѣкомья, засуха, грады, пожары. Невольно вспоминается горькая правда стиховъ Некрасова:

«Волга, Волга! весной многоводной
«Ты не такъ заливаешь поля,
«Какъ великою скорбью народной
«Переполнилась наша земля!

Русская печать, почти вся, за очень рѣдкими исключеніями, забила тревогу. Правительство и земство съ энергіей взялись за борьбу съ народнымъ бѣдствіемъ, но бѣдствіе велико и насъ ожидаютъ нелегкія испытанія.

Мы не теряемъ, конечно, надежды, что побѣдителемъ въ концѣ концовъ будетъ человекъ, что государство счастливо минуетъ кризисъ. Русская интеллигенція очевидно готова сдѣлать всевозможное для облегченія зла, угрожающаго роковымъ разстройствомъ народнаго благосостоянія. И эта готовность, это горячее сочувствіе темной массѣ, охваченной горемъ и развороніемъ, даетъ намъ поводъ поговорить о русской интеллигенціи вообще, объ ея отношеніи къ народу.

Когда мы въ январьской книгѣ *Русской Мысли* въ немногихъ словахъ высказали, что будемъ защищать, за что будемъ бороться, то слова наши были встрѣчены и съ сочувствіемъ, и съ насмѣшкой. Сочувственно отозвались *Голосъ, Молва, Страна*, въ недавнее время *Слово*; упреки въ сбивчивости, неясности и даже нелѣпости получили мы отъ *Новаго Времени* и отъ *Русскаго Богатства*. Быть можетъ наша программа была на самомъ дѣлѣ неудачно составлена; но вѣдь поняли же насъ другіе. Дѣло, разумѣется, не въ личныхъ счетахъ, а въ разъясненіи недоразумѣній.

Русскую интеллигенцію выставляли оторванною отъ народа. Но по мѣрѣ распространенія образованія въ народѣ, интеллигенція и народъ будутъ все болѣе и болѣе сближаться, такъ какъ ихъ интересы не представляютъ непримиримой противоположности, и Разуваевы и Граціановы—ихъ общіе враги. Историческій складъ не русской только жизни, но и жизни всѣхъ цивилизованныхъ странъ, привелъ къ тому, что между интеллигентнымъ меньшинствомъ и массою населенія образовалось большое различіе, и мы убѣждены, что русская интеллигенція *) особенно горячо желаетъ скорѣйшаго прекращенія такого порядка вещей, желаетъ широкаго распространенія въ народѣ благосостоянія и просвѣщенія. Но нѣкоторыя изъ существенныхъ потребностей образованнаго меньшинства въ настоящее время совершенно чужды массѣ чернаго люда, а отъ этихъ потребностей, отъ этихъ стремленій образованный человѣкъ не откажется, ибо отказаться отъ нихъ значитъ отказаться отъ личнаго достоинства, отъ истины и справедливости. Такова, напримѣръ, и прежде всего, насущная для каждаго мыслящаго человѣка потребность въ свободѣ слова, устнаго и печатнаго. Конечно, крестьянину, поля котораго опустошаетъ саранча, скотъ котораго продаютъ за недоимки, свобода мысли—непонятная и бесполезная вещь; но она безусловно необходима для народа, взятаго въ цѣломъ, для его настоящаго и будущаго. Тоже, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, относится и къ другимъ стремленіямъ русской интеллигенціи. Она, вмѣстѣ съ правительствомъ, работаетъ для просвѣщенія и благосостоянія народа; она добивается правъ для себя и хлѣба для народа. Но всякій разъ полученное интеллигенціей *право* становится общимъ достояніемъ. И та, и другая изъ указанныхъ задачъ въ равной степени важны и должны достигаться, по мѣрѣ возможности, одновременно.

Намъ пріятно въ настоящемъ случаѣ сослаться на *Русское Богатство*, которое идетъ даже дальше насъ и, какъ намъ кажется, слишкомъ перетягиваетъ лукъ въ другую сторону. «Пусть, наконецъ,—говорить г. Оранскій **),—прояснится общественное сознаніе изъ - подъ

*) Слово *интеллигенція* нѣкоторые публицисты, какъ извѣстно, безуспѣшно стремились превратить въ ироническое прозвище.

***) „Русское Богатство“, июль, ст. Народный вопросъ.

тумана компромиссовъ, и сознаеть, наконецъ, интеллигенція, что никогда ей не сдѣлать ничего для «народнаго вопроса», пока она не рѣшитъ прежде всего свой вопросъ, вопросъ интеллигенціи, вопросъ о правахъ ума и образованія; пока не вооружится она орудіями, соответствующими той великой задачѣ, какую она хочетъ поднять». На слѣдующей страницѣ г. Оранскій выражается слѣдующимъ образомъ: «Мы, народники, мы, послѣдовательные общинники, мы, которыхъ преимущественно зовутъ народолюбцами,—мы заявляемъ, что прежде народнаго вопроса долженъ быть разрѣшенъ вопросъ интеллигенціи, вопросъ объ элементарнѣйшихъ правахъ умственного и образовательнаго ценза (?). Только свободная интеллигенція во всеоружіи своихъ правъ и свободной мысли можетъ слить свои интересы съ интересами народа и смѣло и плодотворно взяться за рѣшеніе задачъ, логически неизбежно назрѣвшихъ для нашего поколѣнія».

Не станемъ придирааться къ нашему симпатичному собрату (какъ онъ къ намъ придирался), оставимъ безъ вниманія *права ценза* и отъ души пошлемъ привѣтъ *Русскому Богатству* (мы уже оговорились относительно одного важнаго пункта).

Въ самомъ дѣлѣ, виноватъ ли русскій интеллигентный человѣкъ, что онъ до сихъ поръ мало принесъ пользы народу? Развѣ въ его рукахъ была власть и сила?

Передъ нами длинною, грустною вереницею проходятъ Чацкіе, Алеко, Печорины, Рудины, Лаврецкіе. Это люди мысли, во всякомъ случаѣ, часто съ сильною, отзывчивою душою. Русскій образованный дворянинъ не пьавица, высасывающая кровь подневольныхъ ему людей, это честная, не рѣдко идеально-честная личность, съ гуманными порывами, стремленіями. Такой русскій помѣщикъ, дѣйствительно, не находилъ себѣ дѣла. Дѣла находили Коробочка, Ноздревъ, Плюшкинъ; къ счастливымъ принадлежало семейство Маниловыхъ. Но кто же захочетъ ихъ счастья или счастья Афонасія Ивановича съ супругой? Образованные люди были на Руси XVIII и XIX вѣка миссіонерами просвѣщенія, но проповѣдь ихъ странно и глухо звучала для народа. Что же оставалось представителю русскаго просвѣщенія? Его романтически-настроенная душа обращалась къ женщинѣ, его страстные, гуманные въ основѣ, стремленія сосредоточивались на любви: здѣсь отыскивалось примиреніе съ жизнью. Любовь эта въ большинствѣ случаевъ была болѣзненнымъ явленіемъ. Только въ женской любви находить счастье, только ею довольствоваться, отказать отъ борьбы за истину, отъ труда, значило обманывать, губить самого себя. Оболеніе продолжалось не долго, примиреніе не достигалось, и человѣкъ снова терзался жаждою дѣятельности. Только новсе горе, только скорбь за разбитое сердце въ любимой женщинѣ оставалась, въ сознаніи героя подобнаго романа, рыцаря печальнаго образа. Бѣдная русская женщина увлекалась блестящими рѣчами образованнаго

гуманнаго человѣка и также быстро разочаровывалась. А иногда счастье разбивалось другою причиною: между любящими грозно вставало старое, цѣпкое преданіе и увлекало чарующею силою непреклоннаго, безотраднаго взгляда одного изъ нихъ. Вспомните Лизу въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*.

Подымется ли рука бросить камень въ этого блѣднаго, глубоко-несчастливаго человѣка? Гуманность людей сороковыхъ годовъ рассыпалась въ рѣчахъ; ихъ стремленія по неволѣ были замнута въ тѣсномъ кругѣ эстетическихъ наслажденій, расслабившихъ душу и тѣло, такъ какъ они переходили въ крайность. У такихъ людей дѣйствительно:

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осенній бушуетъ, —
Надъ душой воцаряется мгла,
Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.

Но посмотрите, какая прекрасная, нѣжная душа у этого человѣка. Изъ далекаго дѣтства передъ нимъ вырастаютъ воспоминанія; среди окружающей его тьмы ярко выдѣляется лучезарный образъ матери, которая всю жизнь прожила не любимая, всю жизнь прожила для другихъ. «Повидайся со мною, родимая!...» вырывается изъ измученной души больнаго человѣка, —

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолюю,
И тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.

Обезсиленный, смятый борьбою, потерявши надежду и вѣру, онъ молить мать вывести его на дорогу тернистую, спасти отъ окончательнаго паденія....

И невольно прощаешь этому слабому человѣку, невольно съ уваженіемъ вглядываешься въ это блѣдное, задумчивое лицо, слыша порою восторженную рѣчь или страстное, горькое самоосужденіе. Такие люди созданы для общественной дѣятельности, для борьбы за идею, но они были лишены права такой дѣятельности, ихъ мѣсто заступилъ искусственно созданный классъ, — чиновничество, бюрократія. Мѣсто живаго слова и идеи заступила канцелярская форма, мертвящая жизнь. Что бы сталъ въ Россіи дѣлать Чацкій, если бъ онъ уgomонился? Ему предстояло сдѣлаться тѣмъ же Фамусовымъ, только съ измѣненіями и дополненіями. Великій гражданинъ былъ невозможенъ на Руси: ему нельзя было вырасти въ тѣхъ клѣтушкахъ, гдѣ благоденствовали смиренные всероссійскіе обыватели. Когда теперь приходится проѣзжать мимо барскихъ усадебъ, на душу ложится тяжелое ощущеніе. Сколько драмъ разыгралось въ этихъ тѣнистыхъ, прохладныхъ аллеяхъ, сколько слезъ пролито, сколько силъ загублено даромъ! Вотъ милая дѣвушка, почти ребенокъ, съ веселыми, лукавыми глазками; потомъ жена армейскаго героя и карателя крѣпостныхъ душъ, полузадавленная, приниженная, съ горькими

отчаяніемъ въ сердцѣ; потому безумно - любящая мать, надежды которой разбиваетъ гвардеецъ - сыногъ. А вотъ тайно любимый ею человекъ, съ вѣчною жаждою дѣятельности, съ широкими стремленіями, съ смѣшными ошибками и болѣзненными странностями. Вокругъ свиститъ илуть, суетятся погоняемые имъ люди, замираютъ стоны, летитъ кровь... Да будутъ благословенны романтики - скитальцы, заронившіе тамъ и сямъ нѣсколько зеренъ, освѣтившіе кое-гдѣ свѣтомъ любви и правды теплые углы царства русскаго!

Но мало-по-малу вліяніе образованнаго, обеспеченнаго меньшинства проникало въ низшіе общественные слои, и тамъ появлялись люди, судорожно бившіеся съ обступавшею ихъ волною. Положеніе такихъ *разночинцевъ* еще болѣе трагично, чѣмъ положеніе ихъ старшихъ братьевъ по просвѣщенію. Сильная, чуткая природа быстро проникалась гуманными убѣжденіями, душа рвалась къ излюбленнымъ идеаламъ, а жесткая дѣйствительность, затхлая, удушливая среда губила человекъ. Грошевые расчеты, грошевые интересы, невѣжество, придирчивое и стоявшее вѣчно на сторожѣ, захватывали бѣдняка въ свой омутъ и кружили до тѣхъ поръ, пока не доводили его до смерти или безумія. И даже послѣдняго утѣшенія не оставалось такому человекъ: онъ зналъ, что гибель его бесполезна, бессмысленна.

● Нужда, печаль, тоска и скука,
 Нѣтъ воли сердцу и уму....
 Изъ-за чего вся эта мука —
 Извѣстно Богу одному!
 Ужъ пусть бы радость пропадала
 Для блага хоть чьего-нибудь, —
 Была бы цѣль, душа бъ мочала,
 Имѣлъ бы смыслъ тяжелый путь.
 Такъ нѣтъ! Какой-то врагъ незримый
 Изъ жизни пытку создаетъ
 И, какъ палачъ неумолимый,
 Надъ жертвой хохотъ издаетъ!

Стихи плохи, но всякому слышенъ въ нихъ безнадежный вопль изболевшагося человекъ. А такіе люди не боялись работы, не отступали передъ борьбой, хотя бы долгой и опасной, и однако они гибли, задыхались въ пошлой, грязной или сонной, неповоротливой средѣ. Общественныхъ цѣлей нельзя достигнуть единичными, разрозненными усилиями, а успокоиться на личныхъ интересахъ русскій скиталецъ (выраженіе *Θ. М. Достоевскаго*) не могъ. По неволѣ приходилось отыскивать въ мнѣ уголокъ оскорбленному чувству или рыскать за исполнскимъ дѣломъ. Въ нашей печати въ послѣднее время много и пространно говорили о томъ, что нужно прежде, люди или мѣры (учрежденія). На такой вопросъ можно отвѣтить только указаніемъ необходимости соответствія между формою

и содержаніемъ, между учрежденіями и людьми. Но русская жизнь даетъ для разрѣшенія другой вопросъ. Что лучше: подождать ли съ реформами, которыхъ сознательно желаетъ меньшинство, или удовлетворить потребности этого меньшинства, нѣсколько ускорить ростъ общества и народа? Мы, конечно, безусловно на сторонѣ втораго способа рѣшенія вопроса. Учрежденія спасутъ отдѣльныхъ, выдающихся людей отъ малополезной, а иногда и прямо вредной для государства растраты способностей; учрежденія притянутъ къ себѣ много здоровыхъ, праздныхъ теперь силъ, отодвинувши на задній планъ представителей невѣжества, апатіи и недобросовѣстности.

Главнѣйшая вина русской интеллигенціи, по нашему мнѣнію, заключается въ ея малочисленности. Безъ вины, стало быть, виновата. Но лучшее будущее не за горами. Великія реформы нынѣшняго царствованія обновили русскую жизнь, измѣнили ея основанія. Отправляясь отъ этихъ реформъ, русскій образованный человекъ, путемъ серьезной и совѣстливой работы мысли, дошелъ до ясныхъ общественныхъ идеаловъ. Шагъ за шагомъ отстаивая и осуществляя ихъ, онъ придастъ своей жизни ту стройную, разумную красоту, которой не доставало людямъ прежняго времени, за немногими блестящими, но случайными исключеніями. *Молва*, полемизируя съ *Новымъ Временемъ*, совершенно справедливо говоритъ, что наивно предполагать даже свободу печати безъ соответствующихъ измѣненій въ нашихъ учрежденіяхъ. «Свободная печать только при извѣстныхъ политическихъ формахъ и при извѣстномъ жизненномъ строѣ можетъ сдѣлаться выразителемъ дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія и благотворнымъ орудіемъ для развитія народной жизни и ея прогрессивнаго совершенствованія» *).

Вопреки обычаю, на нынѣшній разъ мы вдалились въ разсужденія о значеніи русской интеллигенціи. Возвращаемся къ печальной обязанности сообщенія о событіяхъ областной и столичной жизни за истекшій мѣсяцъ, печальной потому, что толковать приходится все о невеселыхъ предметахъ.

Въ одной изъ передовыхъ статей *Голоса* **) была приведена таблица урожая хлѣбовъ и картофеля въ девятилѣтній періодъ (1870 — 1878). Данные официальной статистики (таблица взята изъ втораго выпуска «Сборника свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности») не отличаются, какъ извѣстно, особенною точностію; но такъ какъ ошибки должны быть приблизительно одинаковы въ каждый изъ упомянутыхъ годовъ, то можно придти къ довольно точному выводу, и выводъ этотъ печаленъ. Общій сборъ хлѣбовъ въ Европейской Россіи уменьшается, не смотря на увеличивающіеся посѣвы, другими словами, урожайность почвы уменьшается.

*) Молва, № 199.

**) Голосъ, № 161.

Было высѣяно и собрано (тысячь четвертей):

	Высѣяно:		Собрано:		Урожай:	
	Хлѣбовъ.	Картофѣля.	Хлѣбовъ.	Картофѣля.	Хлѣбовъ.	Картофѣля.
Въ 1870 году	69,988	11,505	301,744	55,602	4,2	4,2
» 1871 »	72,162	11,922	238,839	45,091	3,2	3,2
» 1872 »	71,738	12,418	262,136	64,258	3,6	5,2
» 1873 »	70,447	12,942	261,725	58,018	3,7	4,2
» 1874 »	71,370	12,319	290,986	56,999	4,1	4,6
» 1875 »	71,693	12,452	227,938	58,947	3,2	4,7
» 1876 »	71,387	12,663	258,678	65,889	3,6	5,2
» 1877 »	72,238	12,673	289,167	64,686	4,0	5,1
» 1878 »	71,162	13,353	300,350	68,467	4,2	5,1
Средній за девять лѣтъ					3,2	4,2

Голосъ приводитъ для сравненія другую таблицку, въ которой показанъ сборъ хлѣба въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ за тотъ же промежутокъ времени, гдѣ было собрано:

	Въ 1870 году.	Въ 1878 году.
Пшеницы	39,760,400	61,200,000
Манса	186,023,350	227,800,000
Овса	42,037,158	68,884,000
	<u>267,820,908</u>	<u>357,884,000</u>

Мало похожи мы на нашихъ заатлантическихъ друзей, мало похожи.....

Въ *Донской Голосъ* *) пишутъ изъ станицъ 1 и 2-го Донскихъ округовъ, что бѣжавшіе по случаю голодухи, причиненной саранчею, козакъ вновь приглашаются начальствомъ туда же, но народъ отказывается, говоря, что теперь уже невозможно тѣми же средствами бороться съ саранчей, такъ какъ она окрыляется и притомъ время рабочее: нужно косить хлѣбъ и сѣно.

Во многихъ мѣстахъ Мѣусскаго округа, сообщаетъ та же газета, крестьяне сняли незрѣвшій хлѣбъ, потому что ему угрожалъ жукъ. Поволжье тяжело пострадало. Въ многихъ уѣздахъ ждуть буквально голода. Посѣвы ржи почти погибли, пшеница также очень плоха. Червь опустошаетъ сады, огороды и даже лѣсъ съ такою силою, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревья стоятъ голые, какъ осенью **). Въ *Русскій Курьеръ* пишутъ изъ деревни Подгородокъ, Климовичскаго уѣзда, Могилевской губерніи, что во многихъ деревняхъ совсѣмъ нѣтъ хлѣба: крестьяне пытаются картофелемъ, а чаще однимъ щавелемъ. Крестьяне же болѣе богатыхъ деревень смѣшиваютъ послѣдніе остатки муки съ мелко-истолченнымъ сухимъ папоротникомъ и изъ этой смѣси пекутъ себѣ хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ

*) *Донской Голосъ*, № 49.

***) *Волга*, № 335.

мѣстностяхъ сосѣдняго Чериковскаго уѣзда къ голодухѣ присоединилось другое бѣдствіе—оспа.

Въ *Харьковскія Губернскія Вѣдомости* сообщали изъ Изюмскаго уѣзда: «Такъ какъ неурожай продолжаются уже пять лѣтъ непрерывно, то всѣ имѣвшіеся хлѣбныя запасы съѣдены, скотъ проданъ и ѣсть нечего. Что будетъ въ этомъ году, страшно подумать. Помѣщики не только не получаютъ доходовъ, но не имѣютъ, чѣмъ заплатить проценты въ банки, въ которыхъ заложены ихъ имѣнія; крестьяне уже теперь голодаютъ, заработковъ нѣтъ, потому что нечего убирать».

Рязанскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* передаетъ, что крестьянами Затишинской волости доставлены въ мѣстную земскую управу образчики ржи, пораженной невиданной еще болѣзнью: въ однихъ случаяхъ зерна совершенно здороваго, повидимому, колоса оказываются внутри пустыми, какъ бы выѣденными; въ другихъ стержень колоса чернымъ, какъ бы истлѣвшимся. На этихъ послѣднихъ колосьяхъ встрѣчаются червеобразныя личинки какаго-то насѣкомаго. Явленіе это замѣчено пока на небольшомъ районѣ.

Въ *Голосъ* *) пишутъ изъ Самарской губерніи: «Голодъ уже снова стучится въ нашу дверь и туманный обликъ его представляется въ настоящую минуту въ краскахъ, едва ли не болѣе зловѣщихъ, чѣмъ въ 1873 году. Намъ хорошо понятна нравственная отвѣтственность, которую мы принимаемъ на себя, произнося это болѣзненно звучащее для человѣческаго слуха слово, но признаки наступающаго для Самарской губерніи новаго бѣдствія на столько очевидны и знаменательны, что молчать о нихъ всякому, ихъ видящему и понимающему, было бы преступленіемъ. Да и, сверхъ того, намъ извѣстно, что на 10-е іюля мѣстною губернской земскою управою предположенъ созывъ экстреннаго губернскаго земскаго собранія для удовлетворенія нужды населенія въ продовольствіи, которая уже успѣла обнаружиться весьма чувствительнымъ образомъ по нѣсколькимъ уѣздамъ. Если же населеніе нуждается въ продовольствіи уже теперь, то чего же ждать впереди, когда полный неурожай грозитъ болѣе половинѣ губерніи! Тѣмъ не менѣе, частному лицу еще довольно трудно, въ настоящую минуту, составить себѣ полную картину того, что предстоитъ вынести Самарской губерніи въ нынѣшнемъ году. Кругозоръ каждаго отдѣльнаго наблюдателя, въ данномъ случаѣ, довольно ограниченъ, и потому я не рѣшился бы сдѣлать общаго вывода изъ моихъ личныхъ наблюденій, обнимающихъ, сравнительно, небольшую мѣстность Бузулукскаго уѣзда, если бъ я не могъ дополнить ихъ свидѣтельствами другихъ, вполне достовѣрныхъ лицъ и, наконецъ, официальными данными мѣстныхъ земскихъ учрежденій».

*) Голосъ, № 186.

Эти данныя и свидѣтельства сводятся къ тому, что Бузулукскій, Бугурусланскій, Самарскій, Николаевскій и Новоузенскій уѣзды постигнуты самымъ полнымъ неурожаемъ. Другой годъ не хватаетъ корма для скота. Корреспондентъ говорить, что населеніе дойдетъ до совершенной нищеты..... Что тутъ подѣлаетъ земство?

Не будемъ продолжать перечня бѣдамъ, грозящимъ Россіи: имъ конца нѣтъ. Голодъ и невѣжество, нищета и болѣзни—старый припѣвъ. Извѣстно, что пѣснь о страданіяхъ русскаго народа допоесть лишь тотъ,

Кто всю землю, Русь крещеную,
Изъ конца въ конецъ пройдетъ.

Мы много разъ уже говорили, что такъ жить долго нельзя. Едва ли составляетъ признакъ особенной мудрости систематизированный *авось*. Россія, думается намъ, достигла важнаго историческаго момента, когда всякое политически-могучее государство нуждается во всестороннемъ внутреннемъ упорядоченіи, ибо внѣшнее могущество не можетъ долго покупаться цѣною тяжелыхъ лишеній дома, даже при благоприятныхъ международныхъ отношеніяхъ. Необходимо безобоязненно вскрыть всю опасность нашего экономическаго положенія, чтобы, при свѣтѣ науки и своего и чужаго опыта, найти скорый и добрый исходъ. Извѣстно, что этотъ процессъ самосознанія и самоопредѣленія долженъ быть обставленъ нѣкоторыми гарантіями, иначе явится подозрительность съ одной и сдержанность съ другой стороны, т. е., по прекрасному выраженію академика М. И. Сухомлинова, недосказанная ложъ покажется правдою, а недосказанная (по неволѣ) истина покажется ложью.

Говорятъ, что люди, выражающіе подобныя желанія, раскрываютъ ворота Разуваевымъ. Но вѣдь Разуваевъ уже пришелъ, и необходимо принимать мѣры къ его ограниченію. Развѣ наши желѣзнодорожники, напримѣръ, не Разуваевы?

Займемся на нынѣшній разъ порядками Оренбургской желѣзной дороги. Въ нашихъ рукахъ интересная брошюра г. Заруднаго, *) въ которой заключаются поразительныя разоблаченія.

Оренбургская желѣзная дорога, гарантированная правительствомъ, говоритъ г. Зарудный, есть семейная еврейская дорога: она всецѣло принадлежит г. Варшавскому, его родственнику, г. Горвицу, и его зятю, г. Левенсону. Они самовластно избираютъ директоровъ правленія, такъ какъ на общее собраніе являются фиктивные акціонеры, дѣйствующіе согласно полученнымъ отъ трехъ названныхъ лицъ инструкціямъ. Все устривается на этой образцовой дорогѣ, которая соединяетъ Европу съ Азіей, дѣйствительно по семейному. Управленію дороги, напримѣръ, нужны всевозможныя матеріалы, на огромную сумму. Г. Левенсонъ устриваетъ

*) По поводу опроверженія, напечатаннаго въ № 1415 газеты *Новое Время* правленіемъ Оренбургской желѣзной дороги, С.-п.б. 1880.

въ Самарѣ магазинъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ и даже продажу керосина, масла, накли, краски и т. п. Магазинъ завѣдуется родственникомъ г. Левенсона, г. Левинскимъ, и съ правленія берутъ въ пять, шесть разъ дороже настоящей цѣны. Г. Варшавскому, по энергическому выраженію автора брошюры, тоже хочется урвать сколько возможно, — и ояъ это обдѣлываетъ болѣе искусно, слѣдующимъ образомъ: дровъ поставляется на Оренбургскую желѣзную дорогу ежегодно на сумму около 500,000 руб. Правленіе дороги въ Петербургѣ публикуетъ въ газетахъ и вызываетъ желающихъ взять на себя поставку дровъ съ узаконенными залогами явиться къ такому-то числу въ правленіе, въ Петербургъ, на торги. Въ Самарѣ нѣкоторые лѣсоторговцы начинаютъ хлопотать, достаютъ залогов и являются въ Петербургъ къ назначенному правленіемъ дню, желая взять на себя поставку дровъ, но, къ крайнему ихъ удивленію, гг. члены правленія преподносятъ имъ неожиданный сюрпризъ. Заявляютъ, «что таяъ какъ г. Варшавскій-сынъ предложилъ очень выгодныя условія на поставку дровъ, то правленіе, въ видахъ сохраненія интересовъ дороги, единогласно постановило: сдать поставку дровъ Варшавскому-сыну.»

Г. Левенсонъ за полмилліона купилъ у г. Обухова, предѣдателя правленія Оренбургской желѣзной дороги, с. Богатое, близъ г. Бузулука, и устроилъ въ этомъ имѣніи «громадныхъ размѣровъ паровую мукомольную мельницу и другія коммерческія заведенія, для устройства которыхъ всё необходимые матеріалы перевозятся туда и оттуда вывозятся продукты по Оренбургской желѣзной дорогѣ, подъ видомъ балласта, а проѣзды вагоновъ туда и обратно считаются служебными. Кромѣ того, положительно всё находящееся на службѣ у г. Левенсона въ с. Богатомъ, какъ-то: прикащики, мельники, машинисты, рабочіе и вся прислуга, даже священникъ с. Богатаго имѣютъ годовые даровые билеты 2 класса для проѣзда по всей линіи Оренбургской желѣзной дороги». Г. Зарудный спрашиваетъ: очень интересны должны быть статистическіе выводы: сколько теряетъ правительство двадцатипяти-процентнаго налога, а гарантированная правительствомъ желѣзная дорога дохода отъ незаконнаго дароваго проѣзда всѣхъ родственныхъ г. Левенсону евреевъ и вообще всѣхъ служащихъ у Левенсона?

Управляющимъ Оренбургскою желѣзною дорогою состоитъ инженеръ-надворный совѣтникъ А. М. Поваляшинъ. Г. Поваляшинъ получаетъ 22,000 р. жалованья и находится на государственной службѣ, въ министерствѣ путей сообщенія. По свѣдѣніямъ, которыя заключаются въ интересующей насъ брошюрѣ, главнѣйшею обязанностію г. Поваляшина является встрѣча съ экстреннымъ поѣздомъ, въ парадномъ министерскомъ вагонѣ, г. Левенсона, супруги г. Левенсона, дѣтокъ г. Левенсона, когда это желѣзно-дорожное семейство ѣдетъ къ себѣ въ с. Богатое изъ Петербурга. Торжественная встрѣча устраивается въ Самарѣ. Возмутительныхъ фактовъ въ брошюрѣ г. Заруднаго находится поразительное множество;

но мы сдѣлаемъ изъ нея еще двѣ-три выписки, отсылая болѣе любознательныхъ читателей къ самой брошюрѣ. Цитируемъ дословно.

«Начальникомъ Самарской станціи состоялъ братъ директора правленія еврея Соловейчика, Сергѣй Соловейчикъ, съ жалованьемъ 2,400 руб. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ данныхъ и подозрѣній, у него самарскими властями сдѣлано было нѣсколько обысковъ и потомъ депешей министерства путей сообщенія было предписано: «немедленно уволить г. Соловейчика отъ службы по Оренбургской желѣзной дорогѣ». Въ тотъ же день вечеромъ директоръ правленія, г. Соловейчикъ, телеграфируетъ изъ Петербурга управляющему Поваляшину, «чтобы немедленно дать начальнику станціи Соловейчику четырехъ-мѣсячный отпускъ съ содержаніемъ полнаго оклада жалованья, которое и выдать впередъ». Кромѣ того, такъ какъ Соловейчикъ будто бы привелъ Самарскую станцію въ блестящее состояніе, то въ награду авансомъ выдать ему одновременно 1,000 р. сер. Г. Поваляшинъ, разумѣется, немедленно исполняетъ предписаніе начальства. Черезъ нѣсколько дней получается новое предписаніе директоровъ евреевъ: «дать немедленно г. Соловейчику какое-нибудь мѣсто на Оренбургской желѣзной дорогѣ, но не столь видное и замѣтное». Поваляшинъ исполняетъ предписаніе (вѣдь не даромъ же ему получать 22,000 руб. содержанія!) и назначаетъ Соловейчика начальникомъ станціи въ деревнѣ Сорокахъ, на половинѣ дороги между Самарою и Оренбургомъ съ жалованьемъ тоже 2,400 руб., тогда какъ по бюджету начальникъ станціи въ Сорокахъ получаетъ только 600 руб. въ годъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и велемудрому еврею Соловейчику дѣлается очень скучно проживать въ деревнѣ Сорокахъ—онъ желаетъ лучшаго; благо въ министерствѣ какъ будто бы забыли о немъ (а нужно сказать, что Соловейчикъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ у него обысковъ, находится подъ слѣдствіемъ правительства и съ него взять залогъ въ 5,000 р. на случай его ареста); нужно придумать какую-нибудь комбинацію, чтобы повеселить и ободрить грустнаго жида Соловейчика и дать ему мѣстечко веселенькое, но не видненькое. Придумали слѣдующее: въ самарскомъ управленіи желѣзной дороги есть веселенькое мѣсто «агента по разбору претензій» съ содержаніемъ 1,800 р. Мѣсто это занимаетъ очень услужливый и пріятный во всѣхъ отношеніяхъ для начальства нѣмецъ Августъ Дитгофъ—его обидѣть совѣстно; нужно создать ему новое мѣсто ну... и создали: Августа Дитгофа сдѣлали чиновникомъ особыхъ порученій, состоящимъ при управляющемъ г. Поваляшинѣ, съ содержаніемъ тоже 1,800 руб. въ годъ. Мѣсто тоже очень пріятное, по службѣ трудовъ мало, только и труда—дѣлать и красить декорации для домашнихъ спектаклей, бывающихъ въ домѣ Поваляшина, и оказывать разныя домашнія услуги его семейству. Мѣсто же «агента по разбору претензій» вручили грустному Соловейчику, съ жалованьемъ 2,400 руб. (прибавили 600 руб.); который и разбираетъ претензіи». Къ г. Поваляшину, повѣствуетъ брошюра далѣе, является одинъ бѣдный

человѣкъ, сынъ котораго, офицеръ, отчаянно заболѣлъ въ Оренбургѣ. Несчастнѣйшій отецъ проситъ для матери больного даровой билетъ III класса. Получается суровый отказъ, такъ какъ г. Повалишинъ прекрасно понимаетъ свои служебныя обязанности и выгоды дороги. Въ то же время,—говоритъ г. Зарудный,—въ Самару прѣхалъ давать концерты извѣстный цитристъ, г. Бауэръ. Онъ бывалъ у г. Повалишина, игралъ у него на цитрѣ и привелъ въ восторгъ гостившаго у г. Повалишина директора правленія. Когда послѣдній возвращался въ Петербургъ, то г. Повалишинъ, провожая директора, «пригласилъ къ себѣ въ министерскій вагонъ экстреннаго поѣзда и г. Бауэра съ цитрою, чтобы увеселять директора по дорогѣ до г. Сызрани. Въ награду за доставленное удовольствіе директору и семейству Повалишина, г. управляющій дорогою далъ даровые билеты I класса Бауэру и его спутнику до Оренбурга и обратно два раза; кромѣ того, въ благодарность и поощреніе его таланта, г. Повалишинъ простеръ свою любезность до такой степени, что далъ имъ даровые льготные билеты I класса (получаемые управленіемъ въ обмѣнъ съ другими правленіями обществъ желѣзныхъ дорогъ) до самаго Петербурга; такую же любезность онъ оказалъ и извѣстной пѣвицѣ Д. М. Леоновой. Эта оказанная Повалишинымъ любезность сдѣлана въ интересахъ управляемой имъ дороги для того, чтобы показать знаменитымъ артистамъ, какіе гуманные и благодарные люди управляютъ Оренбургскою желѣзною дорогою!»...

Оренбургскій Листокъ, одна изъ самыхъ симпатичныхъ провинціальныхъ газетъ, передавая содержаніе брошюры г. Заруднаго, говоритъ, что печать будетъ безустанно бороться съ этими и имъ подобными вопіющими злоупотребленіями, вѣруя, что не далеко то время, въ которое, по выраженію Островскаго, дѣльцы будутъ болѣе бояться суда общественнаго, чѣмъ уголовного *).

Саратовская *Волга*, говоря о книжкѣ г. Заруднаго, замѣчаетъ, что, благодаря этой брошюрѣ, Оренбургскимъ желѣзно-дорожнымъ дѣятелямъ суждено получить по крайней мѣрѣ такую же извѣстность, какую пользуются оренбургскія шали. Это справедливо. Но *Волга* полагаетъ, что почтенные дѣятели «поставлены въ прискорбную необходимость прикусить языки, поджать хвосты, распозгаться по угламъ и закрыть лица руками **). Охъ, нѣтъ!

Не мало безобразій творится, конечно, и на другихъ желѣзныхъ дорогахъ, между прочимъ и на quasi-земской Тамбовско-Саратовской. Желѣзно-дорожнымъ и инымъ олигархамъ, дѣйствительно, далеко небезопасны разныя гарантіи правильности и законосообразности государственнаго хозяйства, государственнаго контроля и т. п. Для нихъ вполне достаточно того высокаго принципа любви, который, въ силу нашей самобытности

*) Оренбургскій Листокъ № 27.

***) Волга, № 334.

(по ученію нѣкоторыхъ несомнѣнно даровитыхъ и искреннихъ доктринеровъ), долженъ замѣнять западно-европейскія учрежденія.

Вездѣ и повсюду, какъ только личность подымалась на извѣстную высоту, она начинала энергическую *борьбу за право*, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ съ достаточно широкимъ умственнымъ развитіемъ, съ достаточно сильнымъ гуманнымъ чувствомъ не въ состояніи безучастно относиться къ насилию, которое происходитъ на его глазахъ. Его возмущаетъ общественная неправда, и онъ не можетъ, не долженъ молчать въ подобныхъ случаяхъ. Бѣ счастью, проявленія подобнаго настроенія становятся у насъ все чаще и чаще. Недавно въ Петербургѣ утопилась дѣвушка - гувернантка, совсѣмъ молоденькая, одна пріѣхавшая въ чужую сторону изъ Германіи. Существуютъ данныя, которыя объясняютъ самоубійство несчастной дѣвушки безчеловѣчнымъ съ ней обращеніемъ господина и госпожи Б* (у нихъ жила она въ гувернанткахъ). И посмотрите, какую тревогу забила петербургская печать, какое прекрасное, прочувствованное воззваніе къ справедливости и гуманности написалъ воскресный фельетонистъ *Голоса*.

Пробужденіе интереса къ общественнымъ вопросамъ замѣчается во многихъ захолустьяхъ Россіи. Г. Беллюстинъ, напримѣръ, сообщаетъ въ *Русскомъ Курьерѣ*, что жители Калязина (Тверской губерніи) начинаютъ очень серьезно относиться къ образованію дѣтей, и горячо обсуждаютъ школьные вопросы и даже не безъ успѣха дѣйствуютъ. И давленіе общественнаго мнѣнія уже даетъ себя чувствовать. Такъ, между прочимъ, любители карточной игры въ культурномъ Калязинѣ пристроились въ одномъ изъ приходскихъ училищъ, въ ночное время. Но ночи затягивались до утра, классная атмосфера страдала и, конечно, всего важнѣе, на дѣтей слухи о занятіяхъ ночныхъ посѣтителей училища дѣйствовали вредно. Лучшая часть калязинскаго населенія возстала, и, безъ всякихъ жалобъ по начальству, нравственный авторитетъ честныхъ и разумныхъ людей изгналъ картежниковъ изъ оскверняемаго ими мѣста. Изъ Кашина въ *Тверской Вѣстникъ* *) пишутъ, что зажиточные ремесленники города устраиваютъ ремесленное общественное собраніе, уставъ котораго уже посланъ на утвержденіе.

Но до полнаго возстановленія здороваго теченія общественной жизни намъ еще далеко, и въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ тифлисскимъ *Обзоромъ*, такъ много потерпѣвшимъ на своемъ вѣку отъ цензуры, снова (надо надѣяться не надолго) умолившимъ подъ давленіемъ этихъ невзгодъ. *Обзоръ* говоритъ: «богатая и благородная сила русской интеллигенціи, давшая въ массѣ столько безспорныхъ доказательствъ энергіи и самоотверженія, находится въ настоящее время въ переходномъ фазисѣ своего развитія. Онѣ народились, движутся, дѣйствуютъ, но окрѣп-

*) Тверской Вѣстникъ, № 25.

нуть и организоваться еще не успѣли. Сильно въ нихъ только сознаніе неудовлетворительности прежнихъ формъ мысли и жизни и страстное стремленіе къ лучшимъ днямъ. Но пройдетъ не мало времени, раньше чѣмъ силы эти сплотятся въ дисциплинированное цѣлое, идущее впередъ къ опредѣленной цѣли, какъ единый человѣкъ»... *)

Недавно газеты много толковали о дѣлѣ капитана первого ранга, Н. Н. Клоачова, который былъ уволенъ отъ службы по министерству путей сообщенія (гдѣ служить извѣстный читателямъ *Русской Мысли* г. Поваляшинъ) не только безъ прошенія, но и безъ всякаго обозначенія причинъ увольненія. На г. Клоачова были взведены различныя обвиненія; онъ просилъ суда, но суда у насъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не полагается, почему при столкновеніяхъ подчиненнаго съ начальникомъ первому приходится довольно жутко **). Въ Харьковѣ нѣсколько лицъ произвели беспорядокъ въ городскомъ саду, кажется. Лица эти по распоряженію г. генералъ-губернатора были посажены подъ арестъ и потомъ высланы изъ города. *Молва*, припоминая дѣятельность г. харьковскаго генералъ-губернатора, князя Дондукова-Корсакова, въ Болгаріи, основательно спрашиваетъ: чѣмъ же харьковскій округъ хуже Болгаріи? Общество наше довольно быстро мужаетъ, и однимъ изъ доказательствъ этого роста мы, не въ обиду *Петербуржскимъ Вѣдомостямъ* будь сказано, считаемъ фактъ, сообщенный *Русскими Вѣдомостями*: бывший министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, пожелалъ баллотироваться въ гласные Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи и былъ забаллотированъ большинствомъ 43 голосовъ противъ 3.

Въ заключеніе этого внутренняго обозрѣнія затронемъ весьма важный вопросъ о дѣтскомъ трудѣ.

Европейскія государства, въ особенности Франція, обратили серьезное вниманіе на непоправимый почти вредъ, который грозитъ обществу отъ истощенія дѣтскихъ силъ фабричными и ремесленными работами. Декретами президента французской республики запрещена работа дѣтей во многихъ отрасляхъ промышленности. Въ подобныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ давно уже нуждается и Россія. *Виленскій Вѣстникъ* ***) сообщаетъ, напримѣръ, слѣдующее: «Въ послѣднее время у насъ слишкомъ часто допускаются въ занятію извознымъ промысломъ несовершеннолѣтніе и даже дѣти. На улицахъ очень часто можно видѣть десятилѣтнихъ мальчугановъ, исполняющихъ обязанности легковаго извозчика. И грустно, и смѣшно смотрѣть на такихъ недорослей въ ихъ длинныхъ извозничьихъ костюмахъ. Улицы у насъ узки, извозчичьи лошади съ норовомъ, легко можетъ случиться несчастье.» Въ данномъ случаѣ можно

*) Обзоръ, № 534.

***) Дѣло г. Клоачова, благодаря графу Лорисъ-Меликову, до суда дойдетъ.

***) *Виленскій Вѣстникъ*, № 137.

только винить мѣстную полицію, такъ какъ городскія правила дозволяютъ заниматься извозомъ лишь съ опредѣленнаго возраста. Но у насъ существуютъ весьма важныя пробѣлы въ законодательствѣ, наполнить которые разумными постановленіями не въ состояніи самая исправная администрація. На фабрикахъ, напримѣръ, сплошь и рядомъ работаютъ восьмилѣтнія дѣти, и нѣтъ закона, который бы это запрещалъ. Недавно въ Москвѣ городской обратилъ вниманіе на двухъ мальчиковъ, съ величайшимъ трудомъ несшихъ рессору. Городовой оказался, къ счастью, изъ толковыхъ. Онъ сжалился надъ дѣтьми и отвелъ ихъ въ участокъ. Во второй половинѣ іюля было еще нѣсколько схожихъ случаевъ, а многіе, конечно, остаются неизвѣстными. Французское законодательство точно опредѣляетъ, какую тяжесть могутъ носить (или возить на себѣ) дѣти извѣстнаго возраста. Желательно было бы имѣть нѣчто подобное и у насъ.

В. Г.

P. S. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Петербурга, къ нашимъ балтійскимъ портамъ начинаетъ прибывать *американская* пшеница. Печальнѣе этого факта трудно себѣ и представить.

З Е М С Т В О .

Земское обозрѣніе.

Общій очеркъ земской дѣятельности.—Отношенія земства къ народному образованію, здравію и общественному призрѣнію.—Неуравнительность земскихъ раскладокъ.—Причины неудачнаго хода земскаго дѣла: отношенія земства къ правительству и его органамъ; недостатокъ гласности; организація земскаго представительства.

«По общему началу, положенному въ основаніи всего преобразованія (земско-хозяйственнаго управленія), сказано въ объяснительной запискѣ къ Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, завѣдываніе земскими дѣлами уѣздовъ и губерній предоставлено самому населенію уѣзда и губерніи, на томъ же основаніи, какъ хозяйство частное предоставляется распоряженію частнаго лица, хозяйство общественное—распоряженію самого общества. Въ этомъ отношеніи теоретическія начала и положенія права согласуются съ историческимъ опытомъ и съ хозяйственными практическими соображеніями: никто не можетъ усерднѣе и заботливѣе вести хозяйственное дѣло, какъ тотъ, кому оно принадлежитъ, никто такъ не чувствуетъ послѣдствій дурныхъ распоряженій и не несетъ за нихъ такой матеріальной отвѣтственности, какъ самъ хозяинъ.

Какъ ни справедливо само по себѣ послѣднее положеніе, но дѣятельность земскихъ учреждений представляетъ не мало фактовъ, повидимому, его опровергающихъ. Слѣдя за ходомъ земскаго дѣла, очень часто, то тутъ, то тамъ, встрѣчались постановленія собраній, очевидно, противныя интересамъ массы населенія; мѣстами замѣчаемъ, что вся дѣятельность земства направляется, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе интересовъ меньшинства, между тѣмъ, какъ нужды большинства совершенно игнорируются. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр., земство почти совершенно воздерживается отъ участія въ расходахъ на народное образованіе. Такъ на 1877 годъ было ассигновано на этотъ предметъ: въ Кишиневскомъ уѣздѣ 650 руб. (при общей суммѣ расходовъ въ 74.975 р.), въ Одоевскомъ, Тульской губ., 300 р. (при 28.410 р.), въ Сычевскомъ, Смоленской губ., и Зміевскомъ, Харьковской, по 100 р. (въ первомъ сумма расходовъ—36.070 р.,

въ послѣднемъ—33.681 р.) Въ другихъ уѣздахъ суммы, ассигнуемыя на народное образованіе, расходуются главнымъ образомъ на содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній, недоступныхъ крестьянству, и на разныя стипендіи и пособія. Въ томъ же 1877 году было ассигновано:

	на нар. шк.	на средн. уч. зав. и пр.
въ Корочанскомъ у.	3.770 р.	13.125 р.
» Брянскомъ »	4.600 »	20.563 »
» Рославльскомъ »	998 »	2.000 »
» Евпаторійскомъ »	1.000 »	2.300 »
» Мелитопольскомъ »	9.750 »	14.110 »
» Ахтырскомъ »	2.010 »	3.510 »
» Богодуховскомъ »	1.240 »	2.190 »
» Изюмскомъ »	7.753 »	8.752 »
» Суражскомъ »	1.585 »	4.050 »

Въ этихъ уѣздахъ расходы на содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній значительно превышаютъ ассигновки на народныя школы, а въ Сычевскомъ и Зіевскомъ уѣздахъ ими поглощается вся скудная сумма (100 р.), отпускаемая на народное образованіе.

На ряду съ этими уѣздами встрѣчаются такіе, въ которыхъ на среднія учебныя заведенія ассигнуется менѣе, нежели на народныя школы, но отношеніе между тѣми и другими расходами едва ли соотвѣтствуетъ взаимному отношенію различныхъ классовъ населенія и степени участія ихъ въ несеніи земскаго обложенія. Въ смѣтахъ 1877 года мы встрѣчаемъ слѣдующія назначенія: *)

	на нар. шк.	на средн. уч. зав.
въ Рыльскомъ у.	4.400 р.	4.000 р.
» Серпуховскомъ »	12.000 »	11.233 »
» Сѣвскомъ »	10.000 »	7.000 »
» Егорьевскомъ »	3.900 »	3.000 »
» Сызранскомъ »	7.200 »	5.670 »
» Феодосійскомъ »	5.300 »	5.000 »
» Темниковскомъ »	16.765 »	12.325 »
» Златоустовскомъ »	15.525 »	13.136 »

Здѣсь расходъ на народныя школы и среднія учебныя заведенія дѣлятся почти поровну и такое раздѣленіе ихъ можетъ казаться справедливымъ; но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что населеніе, пользующееся начальною школою, своею численностью въ нѣсколько разъ превосходитъ тѣ сословія, которымъ доступно среднее учебное заведеніе, и потому его нужды должны быть удовлетворяемы прежде всего; между тѣмъ, чѣмъ большая часть скудныхъ средствъ земства отчисляется на нужды другихъ сословій, тѣмъ въ болѣе слабой степени могутъ получить удовлетвореніе потребности массы. Неравнобѣрность эта окажется тѣмъ зна-

*) Свѣдѣнія объ ассигновкахъ на народное образованіе заимствованы изъ помѣщенныхъ въ „Земскомъ Ежегодникѣ за 1877 г.“ вѣдомостей о земскихъ расходахъ.

чительнѣе, если принять въ соображеніе, что на содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній платятъ на одинаковомъ основаніи съ другими сословіями и крестьяне, которымъ, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не дѣлается никакихъ облегченій въ этомъ отношеніи. Исключеніе составляетъ земство Муромскаго уѣзда, Владимірской губ., которое, назначивъ мѣстному реальному училищу ежегодное пособіе въ размѣрѣ 4.370 р., отнесло изъ этой суммы на долю сельскихъ обществъ только 955 р. 20 к., или менѣе $\frac{1}{4}$, остальные же взимаютъ съ имуществъ частныхъ владѣльцевъ въ городѣ и уѣздѣ *).

Мы не будемъ, конечно, отрицать необходимости и важности средняго образованія, но мы утверждаемъ, что въ настоящее время, когда, говоря словами поэта,

Другъ человѣчества печально замѣчаетъ

Вездѣ невѣжества губительный позоръ,

когда, какъ мы указывали въ нашемъ предыдущемъ обзорѣни, громадное большинство сельскаго населенія лишено средствъ къ усвоенію даже простой грамотности, заботы земства въ дѣлѣ народнаго образованія должны быть обращены преимущественно на образованіе начальное, на развитіе народной школы, доступной и необходимой для низшихъ классовъ населенія, какъ сельскаго, такъ и городскаго. На сколько необходима самая энергическая дѣятельность въ этомъ направленіи, видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ министерству народнаго просвѣщенія директорами народныхъ училищъ. Изъ 32 земскихъ губерній, о которыхъ доставлены свѣдѣнія, только въ трехъ число дѣтей 7—13 лѣтнаго возраста, посѣщающихъ, или посѣщавшихъ школу, превышаетъ одну треть общаго числа дѣтей этого возраста: въ Казанской, гдѣ большинство дѣтей—магометанъ знакомы съ арабскою грамотою, оно составляетъ 46,2 %/о, а безъ магометанъ—36,1 %/о; въ Бессарабін, гдѣ въ нѣмецкихъ и болгарскихъ колоніяхъ всѣ дѣти школьнаго возраста или учатся въ школахъ, или грамотны, оно достигаетъ 40%/, и въ Ярославской губерніи—37,5 %/о. Затѣмъ въ 7 губерніяхъ число учащихся и грамотныхъ составляетъ отъ 20 до 30%/, въ пяти—отъ 15 до 20%/, въ девяти—отъ 10 до 15%/, въ восьми—менѣе 10%/, въ томъ числѣ въ Костромской—только 4,1 %/о **). Такимъ

*) „Владимірскій З. Сборникъ“ 1880, № 2. Смѣта Муромскаго у. на 1880 г., стр. 22.

**) Отъ 20 до 30%/, имѣютъ губерніи: Пензенская (28), Олонецкая (27,3), Владимірская (25), 4 уѣзда Петербургской (22,1), Екатеринославская (21,3), Новгородская (21), Воронежская (20,3); отъ 15 до 20%/: Таврическая и Тульская (по 20) Симбирская (16,1), Орловская (16), Пермская (15,4); отъ 10 до 15%/: Московская (15), Рязанская (14,3), Курская (13), Херсонская и Тверская (по 12), Вологодская (11,3), Черниговская (11), Вятская (10,3), Харьковская (10); менѣе 10%/: Уфимская (9,3), Саратовская (9,4) Псковская (9), Нижегородская (8,3), Самарская (7,3), Тамбовская (7,3), Полтавская (7). О Калужской губ. и области Донскаго войска свѣдѣній нѣтъ. См. „Матеріалы по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи“, т. 1, Сиб. 1880, стр. 1—26.

образомъ, въ двухъ третяхъ губерній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, безъ образованія остаются болѣе $\frac{3}{4}$ дѣтей учебнаго возраста....

Обращаясь далѣе къ разсмотрѣнію земскихъ смѣтъ, наблюдатель поражается отсутствіемъ, или крайней недостаточностью ассигновокъ на удовлетвореніе другой насущной потребности низшихъ классовъ—на призрѣніе немущихъ. Изъ 327 губернскихъ и уѣздныхъ смѣтъ, помѣщенныхъ въ «Земскомъ Ежегодникѣ за 1877 годъ», назначеніе на этотъ предметъ встрѣчается только въ 70, но и тутъ оно падаетъ въ одной смѣтѣ до ничтожной цифры—24 р. По размѣрамъ ассигновокъ, смѣты эти распределяются такъ:

отъ	24 р. до	100 р. назначено по	7 смѣтамъ,
" 100	" "	300 "	" 14 "
" 300	" "	500 "	" 14 "
" 500	" "	1.000 "	" 19 "
" 1.000	" "	2.000 "	" 9 "
" 2.000	" "	5.000 "	" 3 "
" 5.000	" "	10.000 "	" 4 "

Оправданіемъ такой скудости земства въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія можетъ служить то обстоятельство, что забота о немущихъ возложена закономъ на сельскія и городскія общества; но кому неизвѣстно, что, при крайней бѣдности большинства сельскихъ обществъ, при крайнемъ обремененіи ихъ разнаго рода сборами и повинностями, выполненіе этой обязанности для нихъ едва ли посильно.

И дѣйствительно, для призрѣнія немущихъ крестьянъ въ большинствѣ случаевъ мѣръ никакихъ не принимается. По свѣдѣніямъ, напр., собраннымъ въ 1878 году въ Московскомъ уѣздѣ мѣстнымъ уѣзднымъ исправникомъ, оказалось, что «не только никакихъ мѣръ къ прекращенію нищенства ни кѣмъ не принимается, но даже число нищихъ неизвѣстно». Между тѣмъ, число немущихъ, нуждающихся въ призрѣніи, хотя и не особенно значительно по отношенію къ общему числу населенія, но далеко не ничтожно. Какъ видно изъ именныхъ списковъ, доставленныхъ приходскими священниками, въ Московскомъ уѣздѣ «проживаетъ достаточное число лицъ больныхъ и увѣчныхъ, не могущихъ содержать себя собственными трудами». Въ 93 приходахъ, изъ которыхъ доставлены свѣдѣнія, оказалось до 159 лицъ разнаго возраста, совершенно неспособныхъ къ труду по болѣзни, не считая съумасшедшихъ, или по причинѣ увѣчья; изъ этихъ лицъ 51 не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію и питаются милостыней*). Въ Вологодскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ отчетовъ мѣстной уѣздной управы за 1870—1875 года, число нищихъ колеблется между 266 (въ 1872 г.) и 400 (1874 г.), причѣмъ отъ 22,3 до 52% ихъ относятся къ числу «хотя и бѣдныхъ, но могу-

*) Докладъ Московской у. з. у. по общественному призрѣнію. Журн. М. у. з. с. 1878 г.

щихъ прокормиться заработками» и «нищихъ по ремеслу»; затѣмъ всѣ остальные (которыхъ въ 1871 году насчитывалось 251, въ 1872 г.—127, въ 1873 г.—323, въ 1874 г.—314, въ 1875 г.—253) отмѣчены, какъ «по старости лѣтъ, слабости здоровья и совершенной бѣдности не имѣющіе средствъ къ пропитанію», или какъ «старые, слабые и бѣдные, не могущіе получать пропитаніе отъ родственниковъ». Двѣ послѣднія группы во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія и заботливости, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ есть много безземельныхъ дворовыхъ людей и отставныхъ солдатъ, но «до сихъ поръ (1875 г.), говорить управа, земство противъ нищенства принимало мѣры только, такъ сказать, карательныя, а именно: давало знать во всѣ волостныя правленія о всѣхъ существующихъ законахъ противъ нищенства; лицъ же, у которыхъ нищенство сдѣлалось ремесломъ, предлагало волостнымъ правленіямъ представлять къ мировымъ судьямъ *)». Въ Кременчугскомъ уѣздѣ, по собраннымъ въ 1878 году свѣдѣніямъ, оказалось нищихъ 121; «большая часть ихъ, говоритъ управа, крестьяне, просятъ милостыню за неимѣніемъ средствъ къ жизни и невозможности заниматься работой, вследствие дряхлости, увѣчья или болѣзненнаго состоянія». Общества, къ которымъ принадлежатъ эти лица, не могутъ, по свидѣтельству управы, содержать ихъ, почему управа, на запросъ правительства, высказала мнѣніе, что «единственнымъ исходомъ» для уничтоженія нищенства было бы — «обязать земство», а не общества содержать дряхлыхъ, калѣкъ и слабыхъ **). Въ ожиданіи такого «обязательства» Кременчугское земство въ дѣлѣ призрѣнія не дѣлаетъ, кажется, ничего; по крайней мѣрѣ, управа, представляя приведенныя свѣдѣнія, никакихъ мѣръ не предлагаетъ.

Народное здравіе гораздо болѣе, нежели общественное призрѣніе, пользуется расположеніемъ и попеченіемъ земства, но и въ этой отрасли для удовлетворенія нуждъ большинство сдѣлало еще очень немного. Въ Тамбовской губ., напр., при двухмилліонномъ населеніи, одинъ врачъ приходится на 80 тыс. жителей, а въ Рязанской есть два уѣзда, гдѣ одинъ врачъ приходится на 120—130,000 жителей ***). Въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., « $\frac{1}{3}$ населенія пользуется почти возможною медицинскою помощью, въ $\frac{2}{3}$ его почти не пользуются, такъ какъ число пользующихся больныхъ, причисленныхъ къ окружному пункту, относится къ больнымъ, живущимъ въ этомъ пунктѣ, какъ 1 : 20 ****). Не смотря на такую недостаточность существующей врачебной помощи, нѣкоторыя земства обставляютъ пользованіе этой помощью условіями, которыя дѣлаютъ ее малодоступной для бѣднѣйшихъ обывателей. Такъ напр. въ 1877 году

*) Отчетъ Вологодской у. з. у. за 1874/5 г., стр. 53.

**) Отчетъ Кременчугской у. з. у. за 1878 г., стр. 123.

***) Вѣстникъ Ярославскаго земства 1879, № 87—88, статья др-а Орлова, стр. 49

****) Земскій Ежегодникъ за 1877 г., № 1979.

Переяславльское, Владимирской губ., земское собраніе постановило «взысканіе 5-копѣчнаго сбора за медикаменты продолжать попрежнему, распространивъ эту мѣру и на отпускъ лѣкарствъ фельдшерами»; Рыльское, Курской губ., установило плату за лѣкарства до 10 к.; Сергачское, Нижегородской губ., опредѣлило «взимать при выдачѣ рецепта по 10 к., отпуская платящимъ земскій налогъ лѣкарства въ аптечной посудѣ»; Рузское, Московской губ., постановило «при подачѣ пособія амбулаторнымъ больнымъ изъ жителей гор. Рузы за совѣтъ и лѣкарство взимать ту же плату, какъ и съ лицъ земства, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы на рецептѣ доктора имѣлась надпись «для бѣднаго»; Островское, Псковской губ., установило «плату въ 30 к. за каждую лѣкарственную помощь»^{*)}; Рыльское собраніе рѣшило «взыскивать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ волостныхъ оспопрививателей, 10 к. съ привитаго фельдшеромъ ребенка», и т. д. Установленіе платы за совѣтъ и лѣкарство, хотя бы и въ ничтожномъ размѣрѣ, при бѣдности большинства сельскаго населенія, уменьшаетъ число обращающихся за помощью къ земскимъ врачамъ, а высокая плата за лѣченіе, установленная въ городскихъ земскихъ больницахъ, составляетъ главную причину, почему крестьяне не пользуются этими заведеніями. По словамъ гласнаго Смоленскаго губернскаго собранія А. П. Энгельгардта,

«лѣчатся въ больницы (Смоленской земской) преимущественно люди бѣдные, не имѣющіе средствъ лѣчиться на дому, а для такихъ лицъ платитъ за лѣченіе по 25 коп. въ сутки, или 90 р. въ годъ, совершенно не подл силу. Правда, по закону, за несостоятельныхъ больныхъ, принадлежащихъ къ крестьянскимъ или мѣщанскимъ обществамъ, плата за лѣченіе должна быть уплачена обществами, но на практикѣ взыскать что-нибудь съ общества почти невозможно, а продается послѣднее достояніе лѣчившагося и его семьи, такъ что лѣченіе въ больницы ведетъ, обыкновенно, къ разоренію семьи лѣчившагося. Зная такимъ образомъ, къ какимъ тяжелымъ послѣдствіямъ ведетъ продолжительное лѣченіе въ больницы, больные являюся въ больницу лишь въ крайнемъ случаѣ и большею частію уже тогда, какъ болѣзнь получила такое развитіе, что съ трудомъ поддается лѣченію. Съ другой стороны, чуть больной почувствовалъ облегченіе, онъ спѣшитъ уже, не вполне оправившись, выписаться изъ больницы и, конечно, снова заболѣваетъ. Такимъ образомъ, плата за лѣченіе имѣетъ крайне вредное вліяніе на успѣхъ самаго лѣченія».

Собраніе, «признавая въ принципѣ необходимость бесплатнаго лѣченія, но въ то же время не имѣя въ виду точныхъ цифровыхъ данныхъ, на сколько отяготится земскій бюджетъ отиѣною платы за лѣченіе, большинствомъ 17 голосовъ противъ 14, не признало возможнымъ немедленно осуществить предложеніе г. Энгельгардта во всемъ его объемѣ, а постановило пользоваться бесплатно умалишенныхъ и поручить управѣ представить будущему собранію точныя свѣдѣнія и цифровыя данныя по возбужденному вопросу**).

^{*)} Тамъ-же, №№ 1797, 1862, 1877, 1882, 1918.

^{**)} Журналы XIV очер. Смоленскаго губ. з. с., январь 1879 г., стр. 151 и сл.

Съ еще большими равнодушіемъ относятся земскія собранія къ вопросу объ улучшеніи и поддержаніи народнаго хозяйства, по крайней мѣрѣ изъ 327 смѣтъ 1877 года только въ 93, или 28,4%, встрѣчаются ассигновки на «мѣры, содѣйствующія успѣхамъ народнаго хозяйства и его охраненію», но и эти ассигновки не отличаются особенной щедростію.

По 15 смѣтамъ назначено отъ	37 руб. до	100 р.
» 26 »	»	» 100 » . 200 »
» 29 »	»	» 200 » . 500 »
» 8 »	»	» 500 » . 1000 »
» 8 »	»	» 1000 » . 2000 »
» 2 »	»	» 2000 » . 3000 »
» 3 »	»	» 3000 » . 4000 »

и только по одной (Тверскаго уѣзда) назначено 8400 р.

Всѣ приведенныя данныя свидѣтельствуютъ, что многія изъ существенныхъ нуждъ народныхъ или совсѣмъ не обращаютъ на себя вниманія лицъ, завѣдывающихъ земскимъ хозяйствомъ или, можетъ быть, намѣренно оставляются неудовлетворенными. Но, кромѣ неудовлетворенія тѣхъ или другихъ нуждъ, земскія собранія иногда прямо посягаютъ на интересы нѣкоторыхъ классовъ мѣстнаго общества, нанося имъ прямой ущербъ своими распоряженіями. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ неуравнительность раскладки земскихъ повинностей, въ большинствѣ случаевъ болѣею своею частью лежащихъ на податныхъ сословіяхъ. Не смотря на безпрестанное повтореніе въ земскихъ собраніяхъ стереотипной фразы, что «въ земствѣ не должно быть мѣста сословной розни», что «земскія учрежденія, какъ всесословныя, должны въ равной мѣрѣ заботиться объ удовлетвореніи нуждъ всего населенія», представители сословій привилегированныхъ всегда умѣютъ устроить дѣло такъ, что при кажущейся уравнительности раскладокъ болѣея часть земскихъ сборовъ падаетъ именно на сословія податныя.

«Что налоги распределяются неравномѣрно и падаютъ всею тяжестью исключительно только на одно сословіе—крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,—заявлялъ гласный Н. Н. Лосевъ Ростовскому уѣздному земскому собранію въ сессіи 1879 г.,—явнымъ доказательствомъ этого служить проесть раскладки налога на 1880 годъ. Тамъ оцѣна имѣній, подлежащихъ налогу, сдѣлана такъ: 1) земли, принадлежащія лицамъ неподатнаго сословія, оцѣнены по 10 р. за десятину, съ платежемъ по 11 к.; 2) собственная земля крестьянъ по 12 р., съ платежемъ по 13 к.; 3) надѣльная земля, т.-е. земля временно-обязанныхъ крестьянъ, по 16 р., съ платежемъ 20 к.; 4) казенные лѣса и земли по 7½ р., съ платежемъ 8 коп.; 5) рыбныя ловли 4½ р., съ платежемъ 5 к. Благодаря такой оцѣнкѣ земли, крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, должны будутъ заплатить въ 1880 году до 35000 р., т.-е. почти половину всего налога, предполагаемаго на 1880 годъ*).

*) Журналъ Ростовскаго у. з. с. 1879 г., стр. 82. Вѣстникъ Яросл. з. 1880, № 91—92.

Съ совершенно тождественными явлениями встречаемся мы въ раскладахъ земскихъ сборовъ по Владимирской губернии на 1880 годъ *).

Изъ этихъ раскладокъ оказывается, что по губернской расцѣнкѣ изъ 13 уѣздовъ губерніи только въ одномъ, Судогодскомъ, земли крестьянскія и владѣльческія оцѣнены почти одинаково; въ остальныхъ же первыхъ оцѣнены выше послѣднихъ вдвое, втрое и даже почти вчетверо, и это не смотря на то, что по нѣкоторымъ уѣзднымъ раскладкамъ отношенія оказываются совершенно обратными. Такъ, по Шуйскому уѣзду губернская раскладка опредѣляетъ цѣнность крестьянскихъ земель въ 5,3 р., а владѣльческихъ—въ 3 р., уѣздная же, наоборотъ, цѣнитъ крестьянскую десятину въ 10 р., а владѣльческую—въ 31,3 р. (107.204 дес. оцѣнены въ 3.364.135 р.), не смотря на низкую оцѣнку нѣкоторыхъ угодій: такъ, 15.481 дес. лѣсныхъ зарослей и кустарника оцѣнены по 7 р. 50 коп., а 22.221 дес. поруби—по 2 р. 50 к. Но поземельными сборами не ограничивается участіе крестьянъ въ отправленіи денежныхъ земскихъ повинностей: крестьяне платятъ и за другія принадлежащія имъ имущества, и эти послѣднія нерѣдко оцѣниваются тоже выше соответственныхъ имуществъ, принадлежащихъ владѣльцамъ другихъ сословій. Такъ, напр., по Муромскому уѣзду обложены земскимъ сборомъ на 1880 годъ 16 трактирныхъ и питейныхъ заведеній, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, съ общей цѣности 12.800 р. и 82 такихъ же заведенія, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ, съ цѣностію 153.810 р.; средняя цѣнность первыхъ, такимъ образомъ, равняется 800 р., а послѣднихъ 1875,7 р., или въ 2,3 раза болѣе. Очень возможно, что крестьянскія заведенія, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, напр. по находенію ихъ въ торговыхъ селахъ и т. под., представляютъ высшую, сравнительно съ владѣльческими, доходность, но въ отношеніи цѣности столь рѣзкое различіе едва ли возможно.

*) уѣзды:	Крестьянскія земли:		Владѣльч. еск.		Сред. оцѣн. десат. крест. влад.	Воспол. раз. оцѣн. выше владѣльч.
	колич.	цѣнность	колич.	цѣнность		
Владимирскій	166.632 дес.	3.038.241 р.	53.949 дес.	509.332 р.	18,2р. 9,4р.	1,9
Суздальскій	142.499 >	2.413.250 >	74.152 >	352.539 >	16,9 > 4,7 >	3,5
Шуйскій	122.838 >	717.214 >	107.204 >	326.627 >	5,8 > 3,0 >	1,9
Ковровскій	193.241 >	2.394.588 >	118.959 >	431.027 >	12,3 > 3,6 >	3,4
Вязниковскій	133.826 >	1.715.816 >	100.975 >	596.146 >	12,8 > 5,9 >	2,1
Гороховецкій	176.632 >	2.363.117 >	88.484 >	556.364 >	13,3 > 6,2 >	2,1
Муромскій	130.158 >	1.840.514 >	73.866 >	501.251 >	14,1 > 6,7 >	2,1
Меленковскій	193.775 >	2.217.534 >	154.029 >	740.479 >	11,3 > 4,8 >	2,3
Судогодскій	165.870 >	1.059.417 >	236.062 >	1.299.785 >	6,3 > 5,5 >	1,1
Покровскій	187.425 >	1.943.655 >	146.771 >	412.082 >	10,3 > 2,8 >	3,6
Александров.	162.937 >	1.709.184 >	81.127 >	332.544 >	10,4 > 4,0 >	2,6
Переяславль.	143.718 >	1.662.492 >	117.864 >	540.259 >	11,5 > 4,5 >	2,5
Юрьевскій	141.399 >	2.857.777 >	109.361 >	963.812 >	20,2 > 8,8 >	2,3

Владимирскій земскій сборникъ 1880 г. № 2.

Земскія смѣты и раскладки представляютъ, обыкновенно, слишкомъ недостаточно данныхъ для опредѣленія общей суммы земскаго сбора, падающей на крестьянское сословіе, такъ какъ въ нихъ не указывается распределеніе облагаемыхъ имуществъ, кромѣ земель, по сословіямъ владѣльцевъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Муромская раскладка, которая и можетъ дать нѣкоторыя указанія. Изъ общей суммы сбора на 1880 годъ по Муромскому уѣзду падаетъ: на земли казны, удѣла и города — 555 р. 72 к., частныхъ владѣльцевъ — 5.124 р. 61¹/₂ к. и сельскихъ обществъ — 18.577 р. 54¹/₄ к.; съ имуществъ въ гор. Муромѣ — 8.478 р. 36¹/₂ к.; съ разныхъ имуществъ въ уѣздѣ: принадлежащихъ сельскимъ обществамъ — 2649 р. 18 к. и разнымъ владѣльцамъ — 3228 р. 75 к. Слѣдовательно, изъ 38.614 р. 17¹/₄ к. окладнаго сбора уплачивается крестьянскими обществами 21.226 р. 72¹/₄ к., или 54,3 %; если же принять въ соображеніе, что большинство промышленныхъ заведеній (вѣтренихъ мельницъ, кузницъ, масло- и шерстобоевъ, постоянныхъ дворовъ и проч.) принадлежатъ также крестьянамъ, то количество уплачиваемаго этимъ сословіемъ земскаго сбора окажется еще выше. Нѣкоторыя земства въ обложеніи крестьянскихъ имуществъ идутъ еще далѣе, привлекая къ платежу налога даже крестьянскія жилища помѣщенія, и эта мѣра, проводимая иногда подъ предлогомъ облегченія земельного обложенія, въ интересахъ будто бы крестьянъ, ведетъ за собою, конечно, еще большее обремененіе крестьянъ и облегченіе владѣльцевъ. Въ 1869 году, напр., Подольское, Московской губ., уѣздное собраніе ввело налогъ на жилища строенія, въ тѣхъ видахъ, чтобы понизить обложеніе земель. Мѣра эта, по словамъ предсѣдателя уѣздной управы, должна была привести къ тому, что «размѣръ нынѣшняго налога на земли крестьянскихъ обществъ, сложенный съ тѣмъ, что имъ придется платить при обложеніи жилыхъ строеній, будетъ на 800 р. менѣе того налога, который платили крестьяне безъ привлеченія жилыхъ строеній къ обложенію» *). Приведенная мѣра преслѣдовала такимъ образомъ самую благую цѣль — пониженій лежащихъ на крестьянахъ платежей; между тѣмъ на дѣлѣ вышло иначе.

Земское собраніе, — говоритъ г. Орловъ, — утвердило проектъ управы, предложившей облагать жилища помѣщенія по числу квадратныхъ сажень. Управа произвела самыя тщательныя измѣренія всѣхъ жилыхъ помѣщеній уѣзда, вычислила общее количество квадратныхъ сажень жилыхъ строеній по каждому селенію и въ новыхъ окладныхъ листахъ стала писать уже двѣ суммы сборовъ — съ земли и съ строеній. Однако практика не оправдала предположеній управы: при мѣрскихъ раскладкахъ та и другая сумма сборовъ нисколько не различаются и разверстываются между отдѣльными дворами совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ другіе платежи, т. е. по числу тягловыхъ душъ, или земельныхъ надѣловъ, значащихся за каждымъ дворомъ. Домохо-

*) Журналъ у. з. с. Московской губ. 1869 г., т. III, стр. 345.

зяниъ, имѣющій избу въ 20 кв. саж., и домохозяинъ, у котораго квадратная площадь избы не превышаетъ 6 саж., наконецъ, домохозяинъ, у котораго совсѣмъ нѣтъ избы, несутъ придуманный управою налогъ со строеній совершенно въ одинаковыхъ размѣрахъ, если за тѣмъ, другимъ и третьимъ домохозяиномъ, по мірской раскладкѣ числятся одинаковое количество овладныхъ душевыхъ надѣловъ. Слѣдовательно, налогъ падаетъ исключительно на мірскую землю, и «безъ того весьма обремененную», какъ выразилась управа. Впрочемъ, это относится лишь къ крестьянскимъ обществамъ, что же касается до частныхъ землевладѣльцевъ, то, безъ сомнѣнія, налогъ на ихъ землю понизился, такъ какъ крестьянскихъ избъ числится въ уѣздѣ болѣе 10 тыс., а обложенныхъ строеній частныхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ земли почти столько же, сколько и у крестьянскихъ обществъ, наберется не болѣе 500*).

Такимъ образомъ, мѣра, проводившаяся во имя блага крестьянъ, обратилась на пользу однихъ частныхъ владѣльцевъ.

Неравномѣрность оцѣнки земель крестьянскихъ и владѣльческихъ мотивируется обыкновенно тѣмъ соображеніемъ, что во владѣніи сельскихъ обществъ находятся земли вполне удобныя и наиболѣе цѣнныя, каковы усадебныя и пахотныя, за владѣльцами же остались лѣса, почти повсемѣстно истребленные, пастбища и перелогы, вообще, земли запольныя, неспособныя приносить сколько-нибудь значительный доходъ. Соображеніе это, повидимому, вполне справедливое падаетъ при сопоставленіи его съ фактами, представляемыми дѣйствительностью. Малоземелье, которымъ страдаютъ крестьяне въ многихъ мѣстностяхъ, заставляетъ ихъ арендовать помѣщичьи земли, нерѣдко за весьма высокую цѣну и вслѣдствіе этого, доходность помѣщичьихъ земель оказывается выше доходности крестьянскихъ. Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ статистическомъ «Сборникѣ» Московскаго земства, мы узнали, напр., что въ Подольскомъ уѣздѣ средняя арендная цѣна десятины крестьянской земли оказывается ниже средней же арендной цѣны земель частныхъ владѣльцевъ на 34, 6%; въ Серпуховскомъ эта разница составляетъ 43%; въ Верейскомъ — 51%; въ Рязкомъ — 40, 3%; въ Звенигородскомъ цѣна крестьянской земли тоже ниже, чѣмъ владѣльческой, также, какъ и въ Можайскомъ, гдѣ средняя цѣна земель перваго рода составляетъ 1 р. 20 к., тогда какъ земли частныхъ владѣльцевъ, притомъ низшаго качества, отдаются, среднимъ числомъ, по 1 р. 35 к. за десятину. Не смотря на такую разницу, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству «Сборника», на каждую десятину земли, отведенной въ надѣлъ, земскій сборъ ложится десятью копейками, а на каждую десятину земли, принадлежащей частнымъ лицамъ, восемью копейками. Такая неравномѣрность происходитъ отъ подраздѣленія земель на три категоріи, при чемъ на крестьянскія земли приходится больше земель 1 и 2 категорій, такъ какъ къ этимъ категоріямъ относятся пахотныя и покосныя земли. Что же касается строеваго и дровянаго лѣса, а также выгона и кустарника, то всѣ этого рода земли отнесены къ

*) Сборникъ стат. свѣд. по Московской губ., т. IV, вып. I, стр. 182.

землямъ третьей категоріи, тогда какъ большинство этихъ земель арендуется подъ покосы и пастбища за цѣну, высшую противъ земель, состоящихъ въ крестьянскомъ надѣлѣ *). Совершенно тѣ же приемы практикуются и въ Можайскомъ уѣздѣ, приводя въ совершенно тѣмъ же результатамъ, т. е. къ обложенію крестьянской десятины десятью копѣйками, а владѣльческой—только восемь **). Указанные приемы практикуются въ уѣздахъ не одной Московской губерніи; они встрѣчаются повсемѣстно.

„Мы знаемъ, говоритъ г. Воейковъ, только одинъ примѣръ — Зеньковский уѣздъ Полтавской губерніи, гдѣ сословное стремленіе проявилось въ пользу крестьянъ. Гораздо чаще примѣры противоположнаго стремленія, и это послѣднее, т. е. стремленіе къ возможно-меньшему обложенію владѣльческихъ земель, проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, гораздо болѣе утонченныхъ и замаскированныхъ, чѣмъ упомянутая выше зеньковская раскладка. Изъ наиболѣе употребительныхъ въ этомъ отношеніи способовъ уважемъ слѣдующіе: 1) наложеніе почти всего земскаго сбора на дома сельскихъ обывателей, причемъ понятно, что наибольшая доля налоговъ падаетъ на крестьянъ; самый рѣзкій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Кременчугскій уѣздъ, гдѣ болѣе $\frac{4}{5}$ земскаго сбора было такимъ способомъ переложено на крестьянъ; 2) наложеніе разныхъ процентовъ обложенія на владѣльческія и крестьянскія земли; 3) отнесеніе всей земли въ уѣздѣ къ нѣсколькимъ разрадамъ, при чемъ владѣльческія земли оказываются преимущественно въ низшихъ разрадахъ, крестьянскія въ высшихъ. Это, къ сожалѣнію, наиболѣе распространенный способъ.“ ***)

Приведенные выше факты о доходности земель владѣльческихъ и крестьянскихъ опровергаютъ положеніе, будто бы первыя менѣе доходны, нежели послѣднія; а при такихъ условіяхъ обложеніе крестьянской земли въ размѣрѣ, превышающемъ обложеніе земли владѣльческой, представляется крайней несправедливостью. Но если бы даже доходность или цѣнность крестьянской земли были, дѣйствительно, нѣсколько выше, нежели доходность и цѣнность земель помѣщичьихъ, то и въ такомъ случаѣ земли эти, при обложеніи земскими сборами, имѣли бы несомнѣнное право на снисхожденіе, въ виду того, что на нихъ лежитъ масса платежей, которыхъ не несутъ земли владѣльческія, и которыя нерѣдко не только поглощаютъ, но и превосходятъ весь поземельный доходъ. Въ Тверской губ., напр., средняя доходность десятины земли равняется 1 р. 62 к., а среднее количество уплачиваемыхъ крестьянами сборовъ—выкупныхъ, оброчныхъ, податей, мірскихъ и земскихъ, составляетъ на десятину 2 р. 7 к., такъ что «сумма всѣхъ повинностей, лежащихъ на средней десятинѣ надѣльной земли, превышаетъ доходность ея на 45 к., а такъ какъ средній надѣлъ одной души состоитъ изъ 4, 46 десят., средній же надѣлъ одной семьи изъ 10, 86 десят., то падающая на каждую душу разница между

*) Покровскій. О платежныхъ средствахъ населенія Тверской губерніи стр. 79 и слѣд.

**) „Сборникъ“ т. 11, отд. I, стр. 112 и разность.

***) Воейковъ. Земскія раскладки, изъ „Русскаго Вѣстника“.

доходностью и платежами простирается до 2 р., а на семью до 5 р. > Въ иномъ положеніи находится частная земельная собственность, которая несетъ повинностей гораздо меньше, чѣмъ крестьянская надѣльная земля: государственнаго поземельнаго налога приходится около 1 к. съ десятины, земскаго сбора до 10 к. и частныхъ дворянскихъ повинностей (отъ которыхъ свободны владѣльцы недворянскаго сословія) около 2½ к. Такимъ образомъ, сборы съ десятины владѣльческой земли колеблются между 11 и 13½ к., что составляетъ 6, 7—8, 3% доходности, тогда какъ на десятину крестьянскую ложится, кромѣ выкупныхъ и оброчныхъ 80 к., т. е. почти половина (49, 3%) доходности. Не смотря на все это, нѣкоторые уѣзды Тверской губерніи продолжаютъ облагать крестьянскія земли выше владѣльческихъ (въ Бѣжецкомъ, по раскладкѣ 1879 года, первыя платили 19,½ к. за десятину, а послѣднія 10,½ к., въ Тверскомъ— первая по 12,½ к., а послѣднія—по 9,½ к. *).

Не довольствуясь болѣе высокимъ обложеніемъ крестьянскихъ земель сравнительно съ помѣщичьими, нѣкоторыя земскія собранія пытались еще болѣе усилить неравномѣрность раскладки посредствомъ установленія подушныхъ сборовъ съ податныхъ сословій, и только вмѣшательство правительственной власти воспрепятствовало осуществленію этой мѣры. Такъ напр., въ 1866 году Перемышльскимъ, Калужской губерніи, собраніемъ былъ, кромѣ сборовъ съ земель и недвижимыхъ городскихъ имуществъ, назначенъ въ пользу земства сборъ съ мѣщанъ и крестьянъ, по 4½ коп. съ души **). Постановленіе это было опротестовано губернаторомъ и подверглось отмѣнѣ, но мѣстами подушное обложеніе было введено, хотя на время. Изъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ 23 Іюля 1867 г. (№ 158) оказывается, что «нѣкоторыя земскія учрежденія облагали земскими сборами, какъ усмотрѣно изъ утвержденныхъ и вошедшихъ въ законную силу смѣтъ о раскладкѣ земскихъ повинностей, предметы, не означенные въ ст. 9 Врем. Прав. для земск. учр.», и въ томъ числѣ «ревизскія души» ***). Далѣе, встрѣчаются случаи, когда отъ земскаго обложенія освобождаются имущества наиболѣе доходныя, и это, само собою разумѣется, влечетъ за собою обремененіе прочихъ плательщиковъ и главнымъ образомъ крестьянъ. Въ 1866 году, напр., Калужскій губернаторъ опротестовалъ раскладку по Жиздринскому уѣзду, въ которой «не всѣ предметы исчислены къ обложенію денежнымъ сборомъ; пропущены заводы, отличающіеся особенно большимъ производствомъ: чугуноплавильные г. Мальцова, суконная фабрика гг. Ряблинскихъ, а равно и другіе дѣйствующіе въ уѣздѣ фабрики и заводы—писчебумажные, свеклосахарные,

*) Раскладка губ. и уѣздн. земск. сборовъ на 1879 г. по Тверской губ. Прилож. къ журн. губ. зем. собр. 1878 г.

**) Журн. засѣданій 1 очереднаго Калужскаго губ. з. с. 1 декаб. 1866 г., стр. 46.

**) Сборникъ правит. распоряж. по в. д., т. II, стр. 256.

фаянсовые, химическіе и стеклянные, принадлежащіе разнымъ лицамъ.» Замѣчаніе губернатора, по отзыву губернскихъ гласныхъ отъ Жиздринскаго уѣзда, оказалось не совсѣмъ точнымъ: всѣ указанныя имущества, за исключеніемъ двухъ сыроваренъ, были включены въ раскладку, но какъ свидѣлствуютъ тѣ же гласные, обложеніе ихъ не соответствовало обложенію другихъ имуществъ: въ то время, какъ эти фабрики и заводы обложены по $\frac{2}{10}\%$ съ цѣнности, недвижимыя имущества въ городѣ Жиздрѣ обложены 1% цѣнности *).

Неуравнительности въ раскладкѣ денежныхъ сборовъ соответствуетъ и нерѣдко встрѣчающаяся неуравнительность въ раскладкѣ повинностей натуральныхъ, при чемъ повинности, вновь устанавливаемыя нѣкоторыми земствами, возлагаются на однихъ крестьянъ, безъ всякаго участія другихъ сословій. Одна изъ такихъ повинностей была введена недавно, въ 1878 году: это—отводъ квартиръ вновь учрежденнымъ полицейскимъ урядникамъ. Большая часть земскихъ собраній перевели эту повинность на деньги и приняли расходъ по квартирному довольствію урядниковъ на счетъ земства, но имѣлись и такія, которыя всецѣло возложили ее на крестьянъ. Такимъ образомъ поступило Сапожковское, Рязанской губ., собраніе, согласившееся съ мнѣніемъ управы, что «тѣ волости, въ которыхъ назначено постоянное жительство урядниковъ, должны отвести имъ квартиры, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ **).» Также распорядилось и Брянское, Орловской губ., земство; но здѣсь распоряженіе это вызвало протестъ со стороны одного изъ волостныхъ сходовъ, возбуждавшаго ходатайство о назначеніи квартиры уряднику отъ земства, «для облегченія крестьянъ въ платежахъ». Уѣздная управа, представляя это ходатайство собранію, находило, что хотя по закону урядники и имѣли право на полученіе квартиръ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ отъ обывателей, «но такъ какъ со стороны другихъ волостныхъ правленій, въ вѣдомствѣ которыхъ проживаютъ остальные 30 урядниковъ, нѣтъ въ виду подобныхъ ходатайствъ, то за симъ и не слѣдуетъ дѣлать опредѣленія объ удовлетвореніи ихъ квартирою со стороны земства ***).» Налagать эту повинность на однихъ крестьянъ тѣмъ болѣе несправедливо, что ими отбывается казенная полицейская служба, въ которой не участвуютъ другія сословія. Не говоря о волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицахъ, обязанности которыхъ имѣютъ характеръ преимущественно полицейско-фискальный, крестьяне выставляютъ изъ своей среды низшихъ полицейскихъ служителей—сотскихъ и десятскихъ, принадлежащихъ къ составу общей полиціи, и эта повинность не можетъ быть отнесена къ числу легкихъ.

*) Журн. Калужскаго г. з. с. 1866 г. стр. 47.

**) Журн. Смоленскаго у. з. с., XIV очер. Созова, стр. 21 и 156.

***) Отчетъ Брянской у. з. у. за 1878-79 г., и докладъ ея XV очер. з. с.

„Наиболѣе тягостною для населенія — говоритъ оцѣночно-раскладочная коммиссія Борзенскаго земства — оказывается полицейская служба, такъ какъ вопреки закону, становые пристава удерживаютъ при себѣ ежедневно десятниковъ изъ всѣхъ селъ ихъ стана, заставляя по временамъ исполнять работы, ничего общаго съ прямыми обязанностями ихъ не имѣющія, какъ напр. таскать воду, чистить лошадей, ходить на охоту, и проч. А между тѣмъ, эти десятскіе оторваны отъ своей, часто сибѣшной, необходимой работы, удалены отъ семьи и принуждены питаться однимъ хлѣбомъ, который приносятъ на всю недѣлю съ собою. Со введеніемъ конно-полицейскихъ урядниковъ, эта повинность усилилась до чрезвычайности, такъ какъ урядники, подобно приставамъ, удерживаютъ при себѣ десятскихъ для посылокъ, хотя законъ имъ вовсе этого не предоставляетъ. Если принять въ соображеніе, замѣчаетъ коммиссія, что полицейская служба имѣетъ цѣлью удовлетвореніе интересовъ всѣхъ сословій и что служба эта выпадаетъ на долю преимущественно бѣднѣйшихъ жителей, то станетъ понятна вся необходимость обратить вниманіе правительства на необходимость реформы въ этомъ дѣлѣ, столь тяжело давящемъ земледѣлю *).

Мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь еще другой фактъ въ подтвержденіе того, что дѣятельность земскихъ учреждений не всегда направляется на пользу большинства населенія, что интересы этого послѣдняго нерѣдко приносятся въ жертву интересамъ немногихъ; фактъ такого рода читатели найдутъ и въ многочисленныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, то и дѣло сообщающихъ о разныхъ земскихъ распоряженіяхъ, клонящихся къ прямому ущербу массы, и въ нашихъ предыдущихъ обзорѣніяхъ. И сужденія Смоленскаго губернскаго собранія о причинахъ крестьянскаго обѣднѣнія, и отклоненіе Московскихъ собраніемъ вопроса о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земель, все это показываетъ, на сколько чужды бывають иногда земскимъ представителямъ интересы самаго главнаго земскаго элемента — крестьянства. Интересы крестьянъ не получаютъ удовлетворенія, не смотря на то, что въ земскихъ собраніяхъ сельскія общества имѣють болѣе или менѣе значительное число представителей, что эти послѣдніе имѣють одинаковое право голоса съ остальными гласными и участвуютъ въ составленіи всѣхъ земскихъ постановленій. Въ чемъ же заключаются причины этихъ странныхъ явленій? Въ томъ ли, что русское общество еще не успѣло освоиться съ новымъ и непривычнымъ для него дѣломъ самоуправленія; что воспитанное на крепостномъ правѣ и чиновничьемъ полномочіи, оно не находитъ еще въ себѣ достаточно силъ и способностей для устроенія во собственному свободному почину своихъ мѣстныхъ дѣлъ, сообразно своимъ дѣйствительнымъ потребностямъ, словомъ, въ томъ, что реформа произведена преждевременно, что общество «не доросло» до пользованія дарованными ему правами, что до сихъ поръ оно нуждается въ опеѣ и руководствѣ? Или, можетъ быть, причина неуспѣшности земскаго дѣла заключается въ принижении большинства населенія — крестьянъ, неуспѣвшихъ еще

*) Докладъ оцѣночно-раскладочн. коммиссіи Борзенскому у. з. с. сесіи 1878 г. Кіевъ, 1879, стр. 64.

страхнутъ съ себя слѣды вѣковаго безправія и подчиненности, въ нихъ невѣжество, неразвитости и неспособности понимать нужды свои собственные и тѣмъ менѣе общественныя? Или, наконецъ, въ указанныхъ явленіяхъ виновато не столько само общество, сколько тѣ условія, въ которыя его дѣятельность поставлена закономъ, которыя мѣшаютъ обществу развернуть и выказать во всей широтѣ тающіяся въ немъ силы? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ настоятельно необходимо, такъ какъ въ зависимости отъ нихъ находится рядъ другихъ первостепенныхъ современныхъ вопросовъ. Событія, ознаменовавшія внутреннюю жизнь Россіи въ послѣдніе годы, указали русскому обществу новую трудную задачу—помочь правительству въ сложномъ дѣлѣ государственнаго устройства; необходимость этой помощи сознается и обществомъ, и правительствомъ, но вопросъ въ томъ, способно ли общество сослужить такую великую службу, хватить ли у него силъ, чтобы внести обновленіе въ обветшалый строй нашего государственнаго быта. Если оно не способно даже къ управленію мелкими, обыденными, мѣстными дѣлами, если даже въ узкой сферѣ земскаго хозяйства оно оказывается несостоятельнымъ, то, само собою разумѣется, его участіе въ болѣе сложномъ дѣлѣ управленія государственнаго не можетъ принести никакой пользы. Если, наоборотъ, внимательное изученіе хода земскаго дѣла не даетъ достаточныхъ данныхъ для такого суроваго приговора, если окажется, что испытаніе производилось при неблагоприятныхъ для испытываемаго условіяхъ, что арена была слишкомъ стѣснена, а движенія чрезмѣрно связаны и, слѣдовательно, результаты испытанія не могутъ имѣть рѣшающаго значенія, тогда всѣ обвиненія общества въ незрѣлости и неспособности должны пасть, какъ голословныя и недоказанныя. Мало того, если земство дѣйствовало среди условій неблагоприятныхъ, то тотъ несомнѣнный фактъ, что оно успѣло сдѣлать очень и очень многое, что оно съумѣло сознать, выяснить и даже удовлетворить многія нужды, что въ его средѣ, хотя и не повсемѣстно, проявлялась жизнь и сила, послужить новымъ подтвержденіемъ праву общества на болѣе широкую дѣятельность. Вотъ почему, вопросъ о причинахъ неудовлетворительности земской дѣятельности заслуживаетъ серьезнаго вниманія и требуетъ разрѣшенія.

Мы пытались уже отвѣтить на этотъ вопросъ въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ обзорѣній («Русская Мысль», февраль). Обращаясь къ пятнадцатилѣтней исторіи земства, мы указывали на тѣ стѣсненія, которымъ подвергалась земская дѣятельность, стѣсненія, имѣвшія послѣдствіемъ охлажденіе общества къ земскому дѣлу, удаленіе отъ него лучшихъ дѣятелей. Безпрестанныя столкновенія съ мѣстной администраціей, нерѣдко относившейся къ земству недружелюбно и тормозившей его дѣйствія, прямое вѣдательство ея въ земскія дѣла вызывали постоянную борьбу и требовали бесплодной затраты силъ, а это не могло не оказать вреднаго вліянія на ходъ земскаго дѣла: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, мы встрѣ-

чаемъ, что люди честно и добросовѣстно трудившіеся на пользу: общую, теряли вѣру въ возможность плодотворной дѣятельности, добровольно устранялись отъ участія въ земскомъ дѣлѣ и уступали свое мѣсто дѣятелямъ, менѣе щепотливымъ, менѣе дорожающимъ дѣятельностью и общимъ благомъ. Еще болѣе парализовало земскую дѣятельность то невниманіе и недовѣріе, которое постоянно оказывалось земству со стороны правительства, проявляясь временами даже въ рѣзкой, оскорбительной для общества формѣ. Это недовѣріе прежде всего обнаружилось въ устраненіи земства отъ пріагаго участія въ организациі народнаго образованія; обществу прямо было заявлено, что въ важномъ дѣлѣ воспитанія юношества оно не должно имѣть голоса, что это дѣло будетъ руководиться не его желаніями, а желаніями канцелярій, чуждыхъ обществу, не знакомыхъ съ его нуждами. Но въ самой рѣзкой формѣ недовѣріе правительства къ земству выразилось въ извѣстномъ законѣ 19 августа прошлаго года, предоставившемъ губернаторамъ право отказывать въ допущеніи къ замѣщенію земскихъ должностей лицъ, признаваемыхъ ими неблагонадежными, и требовать немедленнаго удаленія такихъ лицъ, уже занимающихъ должности. Распоряженіе это послѣдовало въ то самое время, когда, по признанію самаго правительства, содѣйствіе общества было особенно ему необходимо, когда всѣ общественныя учрежденія въ своихъ, благосклонно принятыхъ верховною властью адресахъ единодушно выразили свое несочувствіе совершавшимся въ то время нарушеніямъ общественнаго порядка и желаніе скорѣйшаго возстановленія послѣдняго. Въ такое-то время тому самому обществу, которое призывалось на помощь, былъ брошенъ, въ лицѣ его законныхъ представителей, косвенный упрекъ въ солидарности съ нарушителями порядка, какъ будто земская среда служила для нихъ убѣжищемъ; этотъ упрекъ тѣмъ болѣе долженъ былъ показаться оскорбительнымъ, что земство совершенно его не заслужило: ни одинъ изъ многочисленныхъ политическихъ процессовъ послѣдняго времени не далъ указаній на какую либо солидарность земства съ лицами, производившими безпорядки; эти лица стояли внѣ земства и не имѣли къ нему никакого соприкосновенія. Единственная вина земскихъ учреждений заключалась, можетъ быть, въ томъ, что движимыя чувствами челоуѣколюбія, они давали занятія и кусокъ хлѣба административнымъ ссыльнымъ, но эта вина еще не свидѣтельствуетъ о неблагонадежности, тѣмъ болѣе, что многіе изъ ссыльныхъ признаны совершенно невинными такимъ авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ верховная распорядительная комиссія.

Въ послѣднее время, впрочемъ, начинаютъ, какъ кажется, дѣлаться нѣкоторыя попытки къ устраненію тѣхъ ненормальныхъ, и потому вредныхъ для дѣла, отношеній, которыя установились было между земствомъ и правительственными органами. Нѣкоторые губернаторы, при открытіи собраній, прямо заявляютъ о необходимости довѣрія между земствомъ и администраціей, или дружной, совокупной дѣятельности. «Я съ радостью

констатирую то полное согласіе, которое существуетъ между высшей губернской властью и мѣстными земскими учрежденіями,—говорилъ черниговскій губернаторъ А. А. Шостовъ, при открытіи черниговскаго губернскаго собранія, 12 января нынѣшняго года,—и выражаю полную надежду на постоянное сохраненіе этихъ добрыхъ отношеній, составляющихъ залогъ всякаго преуспѣянія во ввѣренномъ общему нашему попеченію краѣ.» «Разсчитываю также, добавилъ онъ, и на полное согласіе между членами открываемаго собранія. Въ настоящую трудную для отечества минуту дружныя усилія для общаго дѣла составляютъ, по истинѣ, долгъ совѣсти, человеколюбія и патріотизма.»*) Если такое положеніе будетъ написано на знамени всѣхъ представителей власти, если всѣ они убѣдятся въ томъ, что и органы администраціи, и органы общества должны стремиться къ одной и той же цѣли, что между ними не должно быть розни, что, напротивъ, только при взаимномъ довѣріи и поддержкѣ тѣ и другіе могутъ сослужить дѣйствительную службу на благо общее, то всѣ недоразумѣнія устранились и земству не придется болѣе тратить время и силы на бесплодную борьбу, вызываемую этими недоразумѣніями. Есть основаніе думать, что именно такимъ образомъ смотритъ на дѣло лицо, въ настоящее время поставленное во главѣ нашей администраціи.

По словамъ *Новаго Времени*, министръ внутреннихъ дѣлъ Л. С. Маковъ, въ бытность свою въ Симбирской губерніи, устроилъ въ Сызрани, подъ своимъ предсѣдательствомъ, особое совѣщаніе изъ земскихъ дѣателей—предсѣдателя губернской управы, губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ—для обсужденія главнѣйшихъ нуждъ общественнаго хозяйства. «Видя, какъ близко министръ принимаетъ къ сердцу всѣ главнѣйшіе вопросы нашего общественнаго хозяйства и съ какимъ вниманіемъ онъ выслушиваетъ всѣ представленныя ему объясненія, говоритъ газета, земцы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы съ полной откровенностью сообщить Л. С. Макову о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, о представляющихся затрудненіяхъ, о той поддержкѣ, въ которой они нуждаются и т. п. Въ отвѣтъ на это, министръ разъяснилъ земцамъ, что министерство всегда готово поддержать всякую разумную земскую инициативу, въ установленномъ порядкѣ на правляемую, и при этомъ случаѣ подробно указывалъ, какого рода недоразумѣнія иногда задерживаютъ разрѣшеніе земскихъ ходатайствъ». Какъ и слѣдовало ожидать, «все это произвело очень хорошее впечатлѣніе на всѣхъ участвовавшихъ въ засѣданіи; совѣщаніе до сихъ поръ составляетъ предметъ толковъ по губерніи.»

Сближеніе власти съ обществомъ должно имѣть самыя благія послѣдствія: первая при этомъ условіи получить возможность подробно, изъ первыхъ рукъ, ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, съ

*) Журналъ Черниговскаго г. з. с. 1880, стр. 10. Земскій Сборн. Черн. губ. 1880, № 1—4.

мѣстными нуждами и мнѣніями мѣстныхъ дѣятелей о способахъ ихъ удовлетворенія, а общество, видя, что его желанія внимательно выслушиваются, что власть относится къ нему съ довѣріемъ, найдетъ побужденія высказываться откровенно, безъ утайки доводить до свѣдѣнія правительства свои самыя завѣтныя желанія. Завѣса, скрывающая правительство отъ народа и обратно, падетъ и власть почерпнетъ новую силу въ поддержкѣ страны, ей сочувствующей, ей довѣряющей, не разъединенной съ ней никакими недоразумѣніями.... Мы горячо приветствуемъ поэтому шагъ, сдѣланный министромъ внутреннихъ дѣлъ, но видимъ въ немъ не болѣе, какъ первую, слабую попытку, которая, безъ дальнѣйшаго развитія, не можетъ привести къ указанной цѣли. Министръ, какъ бы искренно ни желалъ онъ сблизенія съ обществомъ, какъ бы велико ни было стремленіе его къ выясненію дѣла путемъ личныхъ наблюденій, не имѣетъ возможности достигнуть этимъ способомъ серьезныхъ результатовъ, такъ какъ объѣздъ имъ такой обширной страны, какъ Россія, кратковременное появленіе его передъ общественными представителями и краткое совѣщаніе съ ними могутъ произвести благоприятное впечатлѣніе—и только: министръ не успѣетъ узнать нужды страны, страна не успѣетъ дѣйствительно ознакомиться съ видами правительства. Съ другой стороны, личные сношенія министровъ съ мѣстными дѣятелями могутъ быть только случайностью, зависящей исключительно отъ воли и взглядовъ лица, занимающаго министерскій постъ; они не могутъ быть возведены на степень правила, а слѣдовательно, нѣтъ никакой гарантіи ихъ постоянства. Для того, чтобы власть дѣйствительно стояла лицомъ къ лицу съ народомъ, нужны другія средства, нужно, чтобы правительство *всегда* имѣло возможность совѣщаться съ страной, въ лицѣ ея представителей, а страна *всегда* могла бы сноситься съ властью, всегда высказывать ей тѣ мнѣнія, которыя она сочтетъ нужными довести до ея свѣдѣнія: Правда, и теперь русское общество, въ лицѣ земскихъ, городскихъ и сословныхъ учреждений, не лишено права сообщать правительству о своихъ нуждахъ посредствомъ ходатайствъ, но эти мѣстные ходатайства имѣютъ значеніе крайне ограниченное: во-первыхъ, они должны относиться лишь до тѣхъ немногихъ отраслей управленія, которыя предоставлены закономъ вѣдѣнію мѣстныхъ общественныхъ учреждений и потому не могутъ касаться самыхъ важныхъ сторонъ жизни государственной; во-вторыхъ, каждый ходатайствующій органъ, будучи совершенно обособленъ отъ другихъ, пошеволь относится къ каждому дѣлу съ узкой точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, упуская изъ вида неизвѣстные ему интересы другихъ мѣстностей и требованія общей государственной пользы; наконецъ, каждый такой органъ возбуждаетъ свои ходатайства отдѣльно, отъ себя и потому до правительства доходятъ разрозненные, нерѣдко противорѣчивыя мнѣнія, не могущія служить выраженіемъ мнѣнія всей страны. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство передаетъ тотъ или другой вопросъ на обсужденіе вѣхъ

земскихъ собраній и, такимъ образомъ, одновременно получаютъ отзывы всѣхъ земствъ, эти отзывы, безъ окончательнаго обсужденія ихъ въ общемъ собраніи земскихъ же представителей, едва ли могутъ въ значительной степени содѣйствовать разъясненію дѣла, ибо въ нихъ встрѣчается много разногласій, нуждающихся въ разъясненіи и согласованіи; разрѣшать эти вопросы путемъ, такъ сказать, статистическимъ, т. е. признавать за общее мнѣніе то, на сторонѣ котораго окажется большинство высказавшихся земствъ, не всегда рационально, а дать этимъ мнѣніямъ иную цѣну едва ли въ состояніи разсматривающіе ихъ чиновники, незнакомые ни съ особенностями отдѣльных мѣстностей, ни съ мѣстными потребностями, соверщающіе Россію лишь съ высоты птичьего полета.

Мы остановились на отношеніяхъ земства къ правительству, потому что должность общественныхъ органовъ въ значительной степени зависитъ отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ эти органы находятся къ власти: чѣмъ эти отношенія доврчивѣе и откровеннѣе, чѣмъ большей поддержкой и сочувствіемъ мѣстные общественные органы пользуются со стороны правительства и его агентовъ, тѣмъ болѣе успѣха можетъ имѣть ихъ дѣятельность, тѣмъ съ болѣею готовностью лучше люди посвящать свои силы на служеніе обществу; наоборотъ, когда начинанія общества встрѣчаютъ противодѣйствіе со стороны представителей государственной власти, когда, вслѣдствіе недружелюбія этихъ послѣднихъ, въ обществѣ распространяется убѣжденіе въ безуспѣшности всѣхъ направленныхъ на пользу общую попытокъ, общественная инициатива слабѣетъ, наступаетъ разочарованіе, многіе полезные слуги общества удаляются съ того поприща, на которомъ они надѣялись и могли быть полезными, наступаетъ застой, жертвенность. Но, кромѣ этой, отдаленной причины, существуютъ и другія, болѣе близкія, болѣе непосредственно тормозящія правильнѣйшій ходъ земскаго дѣла. Одною изъ такихъ причинъ, по справедливому замѣчанію извѣстнаго харьковскаго гласнаго Е. С. Гордѣенка, является недостатокъ гласности.

„Мы сами выбираемъ излюбленныхъ дѣателей,—говорилъ онъ въ поданной въ харьковское губернское собраніе въ 1877 г. запискѣ „о недостаткахъ и нуждахъ земства“,—сами устраняемъ свое управленіе, рѣшаемъ хозяйственныя дѣла и сами себя повѣряемъ; есть у насъ канцелярія и печать, но мы не имѣемъ той печати, какая намъ нужна, которая освѣщала бы наши дѣла и прогоняла гражданскую дремоту, которая создавала бы общественное мнѣніе—нашъ естественный законъ, устанавлиющій намъ правила и порядокъ. Безъ этого регулятора возможно лишь канцелярское служеніе. Спрашивается: есть ли у насъ общественное мнѣніе?... Да, есть... Но оно, какъ запуганное дитя, молчитъ, въ чемъ-то заподозрѣнное, и какъ будто держится подъ домашнимъ арестомъ; не запрещаютъ, впрочемъ, говорить ложь, но лишь пріятную и хвалебную; намъ же нужно общественное мнѣніе свободное и его приговоры гласные и печатные; нужно это для насъ самихъ, какъ орудіе самоохраненія и контроля, какъ будильникъ, чтобы прогнать земское усыпленіе и равнодушіе, чтобы поддержать гасающія земскія силы. Но непременно нужно, чтобы это мнѣніе было сво-

одно, публично и гласно; иначе оно спрячется въ область шлевети и въ иныхъ доносѣвъ.“

„Собственно, управы и земскія собранія, — продолжаетъ почтенный гласный, — въ дѣлахъ своихъ нравственно - отвѣтственны предъ обществомъ, которое само выбираетъ своихъ агентовъ, даетъ имъ полномочіе и должно слѣдить за ихъ дѣйствіями. Но какъ винить общество, если оно не знаетъ и не можетъ знать, что дѣлается въ управахъ и о чемъ разсуждаютъ въ собраніяхъ, когда оно не знаетъ, кто трудится, кто отсутствуетъ, а если случаются безпорядки, упущенія и напрасныя траты, оно не знаетъ ни причинъ, ни виновниковъ. Общество поэтому не только не можетъ цѣнить усердія своихъ агентовъ по ихъ прошлому служенію, но оно не въ состояніи сдѣлать и правильный выборъ новыхъ лицъ, которыя должны распоряжаться его заглазнымъ хозяйствомъ.... Сіуда въ томъ, что наша цензура очень строга, опаслива и полновластна.... Еще повторяю, что безъ гласности успѣшное веденіе земскаго дѣла и развитіе земскихъ силъ невозможно. Не можетъ же общество хорошо распорядиться своимъ дѣломъ, если оно нѣмо, слѣпо и не имѣетъ мнѣнія...“*)

И дѣйствительно, общество едва ли можетъ одобрять тѣ дѣйствія своихъ уполномоченныхъ, которыя направлены во вредъ ему, каковы напр. несправедливыя и завѣдомо неуравнительныя раскладки; но дѣйствія эти надлежащимъ образомъ не оглашаются, если не считать оглашеніемъ печатаніе отчетовъ, смѣтъ и раскладокъ въ нѣкоторыхъ не читаемыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, не подвергаются публичной оцѣнкѣ и обсужденію и потому не могутъ вызывать справедливаго протеста со стороны общества. Безгласность до того входитъ въ привычку, что земскіе дѣятели иногда сами стараются скрыть отъ общества не только свои дѣйствія, но и свои мнѣнія: Петербургское губернское земское собраніе, напр., постановляетъ не упоминать въ своихъ протоколахъ именъ говорившихъ гласныхъ и совершенно себя, такимъ образомъ, обезличиваетъ **). Немногіе читатели официальныхъ протоколовъ, печатаемыхъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и распространяющихся почти исключительно между гласными, а отнюдь не между избирателями, узнаютъ, что въ собраніи были высказываемы тѣ или другія мысли, но кто именно ихъ высказывалъ, какихъ взглядовъ держится тотъ или другой гласный, какова фізіономія того или другаго общественнаго представителя, все это остается тайною для общества. При такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о правильныхъ выборахъ, объ облеченіи общественнымъ довѣріемъ тѣхъ именно лицъ, которыя являются представителями мнѣній и желаній общества; не можетъ быть рѣчи объ образованіи земскихъ партій, соединяющихся подъ однимъ знаменемъ, во имя одной объединяющей идеи; невозможна сознательная подача голоса за того или другаго кандидата, въ качествѣ представителя того или другаго

*) Докладъ Харьковской губ. з. у. 1878 г., стр. 46 (объ изданіи земскаго журнала). Къ сожалѣнію, интересная записка г. Гордѣвенка вполне не напечатана: губернаторъ не разрѣшилъ печатанія нѣкоторыхъ мѣстъ ея, а на изданіе ея „въ такомъ видѣ“ авторъ не согласился. Тамъ же стр. 3.

**) Журналъ Петербургскаго губ. з. собр. 1878 г., стр. 10.

направленія. И въ самомъ дѣлѣ, если въ земствѣ встрѣчаются партіи, то только такія, которыя соединяются во имя личныхъ, частныхъ случайныхъ интересовъ: есть партіи, борющіяся за мѣста и сопряженные съ ними оклады, есть партіи крупныхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и т. д.; старающіяся переложить съ себя на другіе классы бремя налоговъ, и т. под. Каждая изъ этихъ партій заботится только о своихъ интересахъ, оставляя въ сторонѣ интересъ общественный. Если въ нашемъ земскомъ языкѣ и стали употребляться, для обозначенія партій, такія выраженія, какъ «правая» и «лѣвая», «консерваторы» и «либералы», то смыслъ этихъ выраженій въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, дадено не тотъ, какой приеиуть имъ на западѣ: у этихъ группъ нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, нѣтъ опредѣленной программы; здѣсь, повторяемъ, господствуетъ личный интересъ и ничего болѣе *). Глубокая тайна, покрывающая земскую дѣятельность и устраняющая отъ послѣдней свободное обсужденіе, даетъ широкое поприще для самыхъ превратныхъ сужденій, для искаженія дѣйствительности въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; она открываетъ просторъ для самой наглой клеветы, для самаго подлаго доноса: начиная съ уѣздной сплетни и кончая прямымъ «доведеніемъ до свѣдѣнія» кого слѣдуетъ, все это можетъ быть пушено и дѣйствительно пускается въ ходъ, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ Е. С. Гордѣенко, общественное мнѣніе, лишенное свободнаго проявленія, поневолѣ «спрячется въ область клеветы и нѣмыхъ доносовъ».

Доносъ можетъ принять самыя разнообразныя формы, въ томъ числѣ одну, особенно тонкую и опасную, особенно трудно поддающуюся опроверженію — форму доноса политическаго. Смутное время, которое въ послѣдніе годы переживала Россія, вызвало въ земствѣ примѣненіе и этого орудія борьбы, притомъ въ формѣ, еще болѣе острой, нежели та, которая избрана была извѣстнымъ Булюбашемъ. Вотъ что читаемъ мы, напр., въ поданномъ въ Черниговское губернское земское собраніе 12 января нынѣшняго года «докладѣ гласныхъ о временномъ примѣненіи порядка подачи голосовъ въ губернскомъ собраніи»:

«Въ объявленномъ нѣкоторымъ изъ насъ указѣ Правительствующаго сената отъ 27 ноября 1879 г. за № 40908, которымъ жалоба наша на предсѣдателя

*) Вотъ какъ изображаетъ образованіе земскихъ партій авторъ статьи „Гласный отъ дворянства“, помѣщенный въ № 37 „Смоленскаго вѣстника“. „Вербуя въ партіи, говоритъ онъ, у насъ не употребляютъ иностранныхъ словъ: консерватизмъ, либерализмъ, радикализмъ и т. п.: У насъ говорятъ просто: — „этому на право—онъ за насъ... тому на лѣво—онъ противъ насъ“— „Къ какой партіи принадлежитъ этотъ высочій господинъ?“—спрашиваете вы.— „Къ нашей партіи, къ партіи генерала Бетрищева: генералъ—честный человекъ“, отвѣчаетъ словоохотливый избиратель. „А къ какой партіи принадлежитъ вонъ тотъ одутловатый господинъ?“—любопытствуете вы. „Къ партіи Лѣнищина: Лѣнищина очень ловокъ:—съ помощью разныхъ факториковъ, онъ въ короткое время успѣлъ привлечь къ своей партіи всѣхъ кулаковъ въ уѣздѣ“, разъясняетъ словоохотливый избиратель.“

Черниговскаго губернскаго земскаго собранія оставлена без послѣдствій, приведены подлинныя слова предсѣдателя Черниговскаго губернскаго земскаго собранія, губернскаго предводителя дворянства Николая Неплюева, который въ совершенно официальной бумагѣ позволилъ себѣ охарактеризовать земскую дѣятельность членовъ комиссіи, избранной собраніемъ (для обсужденія отвѣта правительству на его извѣстное воззваніе къ обществу о политической пропагандѣ) и значительнаго числа губернскихъ гласныхъ такими выраженіями: „что гласные эти и члены комиссіи за намѣренное превышеніе правъ, предоставленныхъ имъ, какъ членамъ земскаго собранія, положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, за открытое порицаніе существующаго общественнаго порядка, общесударственныхъ законовъ и органовъ правительственной власти и за безпорядокъ и насильственное прекращеніе занятій земскаго собранія остаются по нынѣ безъ причастія къ отвѣтственности“ (курсивъ въ подлинникѣ). „Хотя, продолжаютъ гласные, въ настоящемъ случаѣ правительство не придало значенія такому заявленію, но при авторитетности официального положенія лица, писавшаго упомянутое выше сообщеніе, мы не можемъ быть увѣрены, чтобы наша публичная дѣятельность въ земскомъ собраніи не была представлена правительству въ извращенномъ видѣ, и не можемъ не чувствовать крайняго стѣсненія свободы выраженія гласными своихъ мнѣній въ земскомъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ его, Николая Неплюева.“ Вслѣдствіе этого гласные просили собраніе установить такой порядокъ, чтобы подача голосовъ въ каждому вопросу производилась не ранѣе, какъ на другой день послѣ его обсужденія, „чтобы дать возможность гласнымъ обсудить вопросъ внѣ собранія“. *)

Опасенія, заставляющія гласныхъ скрывать свои мнѣнія, стараться обсуждать земскіе вопросы внѣ собранія, указываютъ на совершенную ненормальность современнаго положенія земскаго дѣла. Когда гласный не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности, когда онъ имѣетъ основаніе опасаться, что его дѣятельность, вслѣдствіе личныхъ счетовъ и неудовольствій, будетъ «представлена правительству въ извращенномъ видѣ», когда въ такомъ же видѣ можетъ быть выставлена эта дѣятельность въ глазахъ общества и, говоря словами членовъ черниговской комиссіи будетъ наброшено «пятно на его дѣятельность», ставящее его «въ положеніе въ высшей степени щекотливое» для «личной чести» его, то, само собою разумѣется, на всякія уста невольно наложится печать молчанія и всякому, расходящемуся въ мнѣніяхъ съ властью имущими, останется на выборъ — или молчать, или совсѣмъ устраниваться отъ участія въ земскомъ дѣлѣ. Для опроверженія взводимыхъ обвиненій и въ

*) Журналъ Черниговскаго г. з. с., января 1880 г., стр. 11 (Земскій Сбор. Черниг. губ. 1880 г., № 1—4). Причиной столкновенія послужило слѣдующее обстоятельство. Въ январской сессіи 1879 г. предсѣдателемъ собранія г. Неплюевымъ было допущено обсужденіе вопроса объ отвѣтѣ на извѣстное правительственное сообщеніе; затѣмъ, когда комиссіею былъ изготовленъ докладъ по этому предмету, г. Неплюевъ признавъ докладъ этотъ не подлежащимъ обсужденію и не допустилъ даже его прочтенія. Недовольные дѣйствіемъ предсѣдателя гласные, въ числѣ 20, оставили собраніе, которое, вслѣдствіе недостаточности состава, должно было закрыться. Докладъ комиссіи не напечатанъ. См. Сборникъ Ч. з. 1879 г., Кн. 1 (Журн. Ч. г. з. с.).

особенности для разсѣянія клеветы и слуховъ, распускаемыхъ въ обществѣ, законныхъ средствъ не существуетъ: даже письменные документы могутъ быть недопущены до общаго свѣдѣнія, какъ это случилось, напр., съ докладомъ Черниговской комиссіи, недопущеннымъ ни къ прочтенію въ собраніи, ни къ печатанію. Что заключалось въ этомъ документѣ, обществу осталось неизвѣстнымъ; можно только предполагать, что и ему авторы доклада были представлены въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ изображены они сенату, какъ враги «существующаго общественнаго порядка, общегосударственныхъ законовъ и органовъ правительственной власти», и такая рекомендація представится тѣмъ болѣе вѣроятной, что въ собраніи, какъ всѣмъ извѣстно, было произведено «что-то противозаконное», и сами обвиняемые не могутъ оправдаться, не могутъ гласно представить свои дѣйствія и мысли на судъ общественнаго мнѣнія. Правительство, конечно, можетъ разслѣдовать данный случай во всей его подробности и оставить неосновательный извѣтъ безъ послѣдствій, какъ оно поступило въ черниговскомъ дѣлѣ, но какъ поступить въ такомъ случаѣ общество, лишенное возможности обсудить дѣло на основаніи точныхъ свѣдѣній? Какъ отнесется оно къ своимъ избранныкамъ, навлекшимъ на себя подозрѣніе въ противогосударственномъ направленіи?... Оно должно или отвергнуть ихъ, подобно тому, какъ въ 1866 году Калужское губернское собраніе, по предложенію гласнаго Поголова, отвергло двухъ своихъ членовъ, исключивъ ихъ изъ своей среды за то, что, по распоряженію правительства, они были удалены изъ Калужской губерніи, «конечно, не за *благонамыренное направленіе*» *), или принять ихъ вновь, и выразивъ имъ довѣріе, тѣмъ самымъ присоединиться къ приписываемому имъ протесту противъ существующаго порядка.... И тотъ и другой случай, едва ли желательны. При такомъ ненормальномъ положеніи общественнаго мнѣнія, при отсутствіи гласности и свѣта, отрывается обширное поле для обдѣлыванія нечистыхъ дѣлъ, для вольнаго, безконтрольнаго хозяйничанья, для всевозможныхъ злоупотребленій. Систематическія растраты земскихъ суммъ, расходованіе общественныхъ денегъ на совершенно-ненужные для общества предметы, все это можетъ имѣть, и, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто, когда общество вынуждено безмолвствовать.

Безмолвіе общества и безконтрольность лицъ, стоящихъ во главѣ общественнаго управленія, не входили, конечно, въ расчеты законодателя при составленіи Положенія 1 января 1864 г.; напротивъ, составители этого законодательнаго акта, признавая, что въ создаваемыхъ учрежденіяхъ «мѣстное населеніе призывается къ правильному выраженію своихъ желаній, мнѣній, потребностей и нуждъ по земскимъ дѣламъ, къ установленію и рѣшенію общихъ интересовъ всей мѣстности вопросовъ», желали, чтобы эти учрежденія «наиболѣе правильно и полно служили

*) Журналы зас. 1 Калужск. г. з. с., стр. 3.

представителями всей мѣстности и ея интересовъ.» Для достиженія этой цѣли, по мнѣнiю составителей Положенiя, необходимо:

«Во-первыхъ, чтобы эти учрежденiя состояли изъ лицъ, непосредственно избранныхъ мѣстными населенiемъ; во-вторыхъ, чтобы число этихъ лицъ было довольно велико, для того, чтобы учрежденiе въ составъ своею могло имѣть представителей всѣхъ существенныхъ интересовъ мѣстности и чтобы въ немъ могло самостоятельно и правильно формироваться общественное мнѣнiе; въ-третьихъ, чтобы члены такого учрежденiя сохраняли постоянную связь съ мѣстностью и обществомъ, котораго они служатъ представителями, и въ-четвертыхъ, чтобы отъ общества зависѣло, въ какой степени и съ какими мѣрами ограничениемъ, обновленiе и измѣненiе состава учрежденiя.»).

Къ сожалѣнiю, однако, организацiя, данная земскимъ учрежденiямъ «Положенiемъ», далеко не соответствуетъ тѣмъ цѣлямъ, къ достиженiю которыхъ стремились его составители. Разсматривая приложенное къ ст. 33 Положенiя «описанiе числа гласныхъ, избираемыхъ въ земскiя собранiя», прежде всего замѣчаемъ неравномѣрность представительства главныхъ группъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ—личныхъ собственниковъ и крестьянскихъ обществъ. Въ то время, какъ первые посылаютъ въ земскiя собранiя 6.405 гласныхъ, послѣднiе—только 5.529, и, такимъ образомъ, на 100 гласныхъ приходится представителей личной земельной собственности 47,1, а общинной крестьянской—40,3; остальные 12,6 приходятся на долю городовъ **); если же не принимать въ расчетъ городскихъ гласныхъ, то на 100 гласныхъ, землевладѣльцевъ и крестьянъ, придется: первыхъ 53,7, а послѣднихъ—46,3. Неравномѣрность представительства этихъ двухъ главныхъ группъ поземельныхъ собственниковъ выступаетъ еще рельефнѣе, если сравнить распределенiе между ними землевладѣнiя. На итѣя по этому предмету достоверныхъ данныхъ по всей Россiи, мы ограничимся свѣдѣнiями, помѣщенными въ только что изданномъ Центральнымъ статистическимъ комитетомъ первомъ выпускѣ «Статистики поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россiи», и относящимися до 8 губернiй центральной землевладѣльческой области ***).

Въ этой области, занимающей обширную территорiю въ 324.000 кв. верстъ, или до 6.690 кв. геогр. миль, съ населенiемъ до 12.700.000 душъ, земли крестьянскаго надѣла составляютъ 56% общаго количества земли, а находящiяся въ личной собственности—только 37%; крестьянское населенiе простирается до 5.830.000 душъ муж. пола, а число личныхъ владѣльцевъ, не включая самыхъ мелкихъ, лишенныхъ участiя въ зем-

*) Объяснительная записка къ проекту Полож. о земск. учр. и временныхъ прав. для сихъ учрежденiй, стр. 86. Труды комиссiи о губ. и уѣздн. учр., ч. 2, кн. 1.

**), «Русская Мысль», июль. «Земство и земскiя учрежденiя въ 1876 и 1877 г.», стр. 3.

***) Губернiи: Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская и Пензенская.

скомъ управленіи, не превышаетъ 93.961. Число гласныхъ въ рассматриваемой области, кромѣ городскихъ, составляетъ 3.414, изъ которыхъ 1.817 приходится на долю личнаго, а 1.597—общиннаго землевладѣнія. Раздѣляя на это число количество земли, принадлежащей объѣмъ категориямъ собственниковъ, и на общее число землевладѣльцевъ (считая каждого личнаго владѣльца за одну душу), то найдемъ, что одинъ гласный представляетъ собою 8.576 дес. и 1.735 душъ; между тѣмъ, у крестьянъ одинъ гласный приходится на 11.107 дес. и 3.650 душъ, а у личныхъ владѣльцевъ—на 6.351 дес. и 51 душу.

При такихъ условіяхъ не удивительно, что интересы крестьянъ игнорируются земскими собраніями, что на крестьянское имущество налагается наибольшая часть земскихъ сборовъ: при голосованіи крестьяне всегда должны оставаться въ меньшинствѣ, ибо землевладѣльцы вездѣ располагаютъ числомъ голосовъ, болѣе значительнымъ, нежели крестьяне. Но и тѣ представители, которыхъ имѣеть въ земскихъ собраніяхъ крестьянство, не смотря на все желаніе, не могутъ стоять за интересы своихъ довѣрителей, потому что въ большинствѣ случаевъ они не пользуются необходимою для этого свободою: многіе изъ нихъ, занимающіе должности по общественному управленію—волостные старшины, писаря, старосты—находятся въ прямой зависимости отъ предсѣдателя земскаго собранія—предводителя дворянства, который, будучи въ то же время предсѣдателемъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, можетъ направлять ихъ голоса, какъ ему угодно. Они, кромѣ того, зависятъ и отъ исправника, и отъ непрѣмьнаго члена, и отъ предсѣдателя управы и при такихъ разнородныхъ вліяніяхъ для ихъ собственнаго мнѣнія едва ли остается мѣсто. Можетъ ли при такой зависимости около половины гласныхъ «самостоятельно и правильно формироваться» въ земскихъ собраніяхъ «общественное мнѣніе»? Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, нѣкоторыя земскія собранія ходатайствовали о недопущеніи волостныхъ старшинъ къ избиранію въ гласные, но «Правительствующій сенатъ не призналъ возможнымъ воспретить соединеніе должностей волостнаго старшины съ званіемъ гласнаго, тѣмъ болѣе, что принятіе званія гласнаго волостнымъ старшиною ни мало не противорѣчитъ закону и что, напротивъ, подобное воспрещеніе можетъ устранить участіе многихъ полезныхъ дѣателей въ дѣлахъ земства.» *) На сколько не свободны гласные отъ крестьянъ, на столько же не свободны и самые крестьянскіе выборы, производимые подъ надзоромъ и давленіемъ тѣхъ же членовъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Хотя законъ и не представляетъ этимъ лицамъ прямого вмѣшательства въ выборахъ, ограничивая ихъ роль лишь разъясненіемъ встрѣчаемыхъ избирательными сѣздами недоумѣній, тѣмъ не менѣе они имѣютъ полную возможность, черезъ посредство подчиненныхъ имъ должностныхъ

*) Протоколы засѣданій Тверскаго губ. зем. собр. за 1878 г., стр. 40.

лицъ, направлять выборы по своему желанію. «Знаю отъ самихъ крестьянъ, свидѣтельствовавъ гласный А. И. Кошелевъ въ Рязанскомъ губернскомъ собраніи, какъ сильны на крестьянъ постороннія вліянія и какъ мало гласныхъ, дѣйствительно представляющихъ общественное мнѣніе и интересы большинства крестьянъ.» *) Бываютъ, конечно, случаи, когда крестьяне не поддаются внушеніямъ начальства и руководствуются при выборѣ собственнымъ усмотрѣніемъ, но такое мужество избирателей иногда влечетъ за собой непріятныя для нихъ послѣдствія, подвергаться которымъ пожелають, конечно, не многіе. Образъ дѣйствій уѣздной администраціи по отношенію къ крестьянскимъ выборамъ особенно рельефно обнаружился въ надѣлавшемъ въ свое время шума елецкомъ процессѣ о подкупѣ избирателей на одномъ изъ избирательныхъ сѣздовъ. Изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что неисполненіе приказанія исправника, запретившаго избирать въ гласные двухъ мировыхъ судей, повлекло за собою цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ противъ участвовавшихъ въ дѣлѣ старшинъ, которые четыре раза было удаляемы отъ должности уѣзднымъ присутствіемъ, не смотря на то, что губернское не признавало ихъ виновными **).

Недостатки организаціи крестьянскихъ выборовъ были указываемы въ земскихъ собраніяхъ и для устраненія ихъ предлагались нѣкоторые мѣры. Такъ въ послѣдней сессіи Сапожковскаго, Рязанской губ., земскаго собранія гласнымъ А. И. Кошелевымъ было внесено предложеніе объ измѣненіи порядка выборовъ.

«Всѣ мы,—говоритъ почтенный гласный,—и въ особенности крестьяне и лица, когда либо завѣдывавшія выборами гласныхъ отъ крестьянъ, знаемъ, какъ неудобенъ и дѣлессоотвѣтственъ существующій порядокъ выбора гласныхъ изъ крестьянскихъ обществъ. Назначаются по уѣзду три-четыре мѣста, куда должны собраться выборщики изъ волостныхъ сходовъ и выбрать причитающееся на участокъ число гласныхъ. Какъ выборщики отъ разныхъ волостей мало другъ друга знаютъ, какъ они собираются въ подобное собраніе однажды въ три года, да и только на нѣсколько часовъ, и большинство выборщиковъ торопится засвѣтло добратся до своихъ домовъ, то выборы гласныхъ производятся очень спѣшно и далеко не съ надлежащимъ знаніемъ избираемыхъ лицъ. Цѣль собранія представителей изъ крестьянскихъ обществъ была бы несравненно лучше достигнута, если бы выборы гласныхъ производились на мѣстахъ самихъ волостныхъ сходами. Тогда каждая волость имѣла бы своего представителя въ земскомъ собраніи и волостные сходы избирали бы своего гласнаго съ надлежащимъ знаніемъ его свойствъ.»

Предложеніе это было принято собраніемъ, постановившимъ ходатайствовать передъ правительствомъ, чрезъ губернское земское собраніе, объ

*) Журналъ Рязанскаго губ. з. собр. XV очер. созыва. 1879 г., стр. 476.

***) Подробное изложеніе этого процесса см. въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, 1879 г., № 12 «Земская хроника», стр. 1026; самый процессъ напечатанъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, 1879 г., № 94.

измѣненіи ст. 30—32 Полож. о земск. учр., въ смыслѣ этого предложенія; но губернское собраніе предложеніе это отложило.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что большая часть уѣзднаго населенія крестьянъ лишена правильнаго представительства: представители личной собственности подавляютъ представителей собственности общинной своей численностью и, кромѣ того, эти послѣдніе не пользуются тою свободою, которая необходима для дѣйствительнаго выясненія нуждъ населенія. Но если не достигается цѣли представительство крестьянское, то и представительство другихъ классовъ населенія и другихъ видовъ собственности не можетъ быть признано вполне цѣлесообразными. Исходя изъ того положенія, что «степень участія въ земскомъ представительствѣ должна быть до извѣстной степени пропорциональна степени участія лица въ земскихъ интересахъ,» и что «чѣмъ значительнѣе частное имущество лица, тѣмъ значительнѣе и интересъ его въ общемъ хозяйствѣ уѣзда,» *) составители положенія 1 января 1864 года установили имущественный цензъ для избирателей, приравленный по размѣру къ цензу, установленному для участія въ дворянскихъ собраніяхъ: цензъ, дающій право непосредственнаго участія въ избирательныхъ сѣздахъ опредѣленъ въ 100 среднихъ душевыхъ надѣловъ и колеблется по уѣздамъ между 200 и 800 десятинами; а для участія чрезъ уполномоченныхъ опредѣляется въ одну двадцатую часть этого количества земли. Размѣры ценза, и въ моментъ ихъ установленія несогласованные съ дѣйствительнымъ состояніемъ землевладѣнія, въ настоящее время совершенно не соответствуютъ существующему распредѣленію поземельной собственности. Въ 8 губерніяхъ центральной земледѣльческой области Европейской Россіи, личная поземельная собственность распредѣляется такимъ образомъ:

менѣ 10 дес.	имѣють 50.160 лицъ,	владѣющихъ 184.000 дес.
отъ 10 до 200 д.	» 33.575 »	» 1.706.000 »
свыше 200 д.	» 10.226 »	» 9.651.000 » **)

Полный цензъ въ этихъ губерніяхъ колеблется между 200 и 250 десятинами, а мелкій — между 10 и 12¹/₂ дес.; слѣдовательно, изъ общаго числа собственниковъ правомъ непосредственнаго голоса пользуется лишь немногo болѣе одной десятой (10,9 %), чрезъ уполномоченныхъ участвуетъ немногo болѣе трети (35,7%), а большинство владѣльцевъ (53, 3%), совершенно лишены участія въ земскомъ управленіи. Число безправныхъ владѣльцевъ въ дѣйствительности ниже приведеннаго, такъ какъ изъ нихъ 41.714 принадлежатъ къ крестьянскому сословію и, за исключеніемъ не принадлежащихъ къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ, пользуются представительствомъ въ составѣ сельскихъ обществъ; но, во всякомъ случаѣ,

*) Объяснительная записка къ проекту Полож. о земск. собр., стр. 37 и слѣд.

**) Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Изд. Центр. Стат. Ком. Вып. I, стр. XIX.

даже за вычетомъ владѣльцевъ крестьянъ, остается значительное число владѣльцевъ, устраненныхъ отъ участія въ земскомъ управленіи, почти равное числу лицъ, имѣющихъ право непосредственного голоса (8,446).

На сколько слабо представляется въ земскомъ управленіи мелкая поземельная собственность, видно изъ того, что владѣльцы, участвующие въ выборахъ черезъ уполномоченныхъ, могутъ выставить, въ общей сложности, только около 8.500 голосовъ (по одному на 200—250 дес.) противъ 10.226 голосовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, крупное землевладѣніе имѣетъ рѣшительное преобладаніе и надъ крестьянскимъ-общиннымъ и надъ мелкимъ личнымъ.

Чрезмѣрная высота ценза и несоотвѣтствіе его съ существующими размѣрами землевладѣнія обнаруживается изъ того, что въ восьми губерніяхъ мелкіе собственники преобладаютъ надъ крупными, средній размѣръ владѣнія въ четырехъ губерніяхъ гораздо ниже установленнаго для нихъ ценза *). Притомъ постепенное дробленіе поземельной собственности, совершающееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, приводитъ къ тому, что кругъ лицъ, имѣющихъ право участія въ земскомъ управленіи, все болѣе и болѣе суживается. Въ Московской губерніи, напр., въ 1865 году, въ моментъ введенія земскихъ учрежденій, личнымъ правомъ голоса обладали 1.277 владѣльцевъ; къ числу мелкихъ, избирающихъ уполномоченныхъ, принадлежали 2.065 лицъ и, наконецъ, безправная группа—владѣльцы участковъ, не достигающихъ 10 дес., насчитывали въ своихъ рядахъ 801 лицо. Черезъ 12 лѣтъ отношенія существенно измѣнились: въ 1877 году первый разрядъ представлялся уже 1.196 владѣльцами, второй остался почти безъ измѣненія—2.080, а послѣдній значительно увеличился и возросъ до 1.028. Такимъ образомъ, въ указанный промежутокъ времени число владѣльцевъ, лично участвующихъ въ избраніи гласныхъ, уменьшилось на 81, или 6,3 %, и число безправныхъ увеличилось на 227, или на 22 %. Точно также уменьшилось и число уполномоченныхъ, которыми можетъ быть представлено землевладѣніе, не достигающее полного ценза: въ 1865 году такихъ уполномоченныхъ, считая на каждыя 200 дес., приходилось 811, а въ 1877 г. — только 756, на 55 менѣе. Приведенныя данныя, — замѣчаютъ по этому поводу *Русскія Вѣдомости*,

*) Губерніи: Размѣръ ценза .Среднее влад. Крупн. на 100 лич. собств. Мелк. (мен. 100 д.).

Курская	200	д.	59	д.	10	90
Яванская	200	"	81	"	12	88
Калужская	200—250	"	99	"	15	85
Орловская	200—250	"	121	"	17	83
Тульская	200	"	122	"	23	77
Тамбовская	200	"	222	"	24	76
Воронежская	200—250	"	279	"	24	76
Пензенская	200—250	"	272	"	28	72

Тамъ же, стр. XX.

показываютъ, что со времени введенія земскихъ учреждений, вслѣдствіе измѣненія въ распредѣленіи землевладѣнія, число лицъ, имѣющихъ право участвовать въ управленіи земскимъ хозяйствомъ, уменьшилось и въ то же время весьма значительное число плательщиковъ совершенно устранилось отъ этого участія. Весьма понятно, что при такомъ положеніи дѣла, интересы крупнаго землевладѣнія должны имѣть въ земскихъ собраніяхъ перевѣсъ надъ интересами мелкаго, и, конечно, не въ пользу послѣдняго, не смотря на то, что крупное землевладѣніе постепенно падаетъ, а мелкое, наоборотъ, развивается и все болѣе приобрѣтаетъ права на вниманіе къ его нуждамъ. *)

Въ еще худшемъ положеніи находятся владѣльцы другихъ родовъ имущества, кромѣ земель, жилыхъ домовъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Участвуя въ платежѣ земскихъ налоговъ, большинство этихъ владѣльцевъ не участвуетъ въ земскоѣ представительствѣ, такъ какъ правомъ голоса пользуются лишь тѣ, имущества которыхъ оцѣнены не ниже 15.000 руб., остальные же не участвуютъ даже черезъ уполномоченныхъ. Въ уѣздахъ съ развитою промышленностію такой порядокъ долженъ отзываться весьма вредно, такъ какъ значительная часть плательщиковъ совершенно лишена представительства. Въ Петербургскомъ уѣздѣ, напр., гдѣ сумма сборовъ съ частныхъ земель составляетъ немного болѣе 12 % общей суммы сборовъ, а сборы съ прочихъ имуществъ около 80 %, изъ 2.326 владѣльцевъ-плательщиковъ пользуются правомъ участія въ выборахъ только 270, или немного болѣе десятой части **). На неудовлетворительность этого порядка указывалъ гласный Московскаго уѣзднаго земскаго собранія кн. П. Н. Туркестановъ, въ запискѣ, внесенной въ 1872 году въ собраніе.

«Нѣсколько примѣровъ, взятыхъ прямо изъ жизни,—говоритъ онъ,—лучше всего подтвердятъ неуравнительность, существующую между правами плательщиковъ, предоставленными имъ положеніемъ о зем. учрежд., и тѣми повинностями, которыя они, дѣйствительно, несутъ по отношенію къ земскимъ налогамъ. Примѣры эти не единичны, а касаются цѣлыхъ значительныхъ группъ плательщиковъ Московскаго уѣзда.

«Извѣстно, что доходность земель 1-й категоріи, т. е. ближайшихъ къ городу, принята собраніемъ въ 5 разъ выше доходности земель 5-й категоріи, т. е. наиболѣе отдаленныхъ. Такимъ образомъ, 40 десят. 1-й категоріи обложены такимъ же налогомъ, какъ 200 десят. 5-й категоріи. Между тѣмъ, права владѣльцевъ этихъ земель далеко не одинаковы: первымъ предоставлено только право избирать уполномоченныхъ; вторые же пользуются непосредственнымъ голосомъ на избирательныхъ сѣздахъ. Владѣлецъ 9 десятинъ 1-й категоріи уплачиваетъ земскаго налога едва ли не въ пять разъ болѣе владѣльца 10 десятинъ 5-й категоріи. Въ то же время первый не пользуется даже правомъ выбора уполномоченныхъ въ избирательномъ сѣздѣ; между тѣмъ, какъ это право предоставлено второму. Это—относительно земель.

*) Русскія Вѣдомости 1879 г. № 165, перед. ст.

***) Доклады Спб. губ. з. упр. на 1879 годъ, стр. 129.

«Еще рѣзче выступает подобная неуравнительность между правами и обязанностями по отношенію къ цѣлой категоріи недвижимыхъ имуществъ уѣзда, доходность которыхъ опредѣлена земствомъ приблизительно до 400,000 руб. Съ нихъ, слѣдовательно,—при обложеніи доходности въ 5%, какъ это принято въ Московскомъ уѣздѣ, земство получаетъ до 20,000 р., или до 25% всей своей смѣты. Сумма—весьма значительная. А, между тѣмъ, такъ какъ цѣнность каждаго изъ этихъ имуществъ, взятаго въ отдѣльности, не достигаетъ опредѣленнаго въ 23 ст. размѣра, т. е. 15,000 р., то владѣльцы ихъ по закону устраняются отъ всякаго участія въ избирательныхъ сѣздахъ. Тѣмъ не менѣе изъ этой послѣдней категоріи лицъ многіе плательщики по доходности своихъ имуществъ вносятъ столько же земскаго налога, а иные даже болѣе, чѣмъ, напримѣръ, владѣльцы 200 дес. земли 5-й категоріи, пользующіеся всеми правами земскаго представительства. Такимъ образомъ, выходитъ, что цѣный разрядъ имуществъ, несущихъ на себѣ тягость до 25% всѣхъ земскихъ расходовъ, по существующему узаконенію, не доставляетъ владѣльцамъ ихъ никакого участія ни въ избирательныхъ сѣздахъ, ни въ распредѣленіи земскихъ налоговъ».

На основаніи этихъ соображеній кн. Туркестановъ предлагалъ ходатайствовать объ устраненіи «неуравнительности между правами и обязанностями плательщиковъ», посредствомъ предоставленія права голоса на избирательныхъ сѣздахъ на основаніи не пространства земли и цѣнности другихъ имуществъ, а доходности, какъ величины, служащей для опредѣленія размѣра налога *). Предложеніе это, однако, было отклонено губернскимъ собраніемъ, на разсмотрѣніе котораго оно было передано уѣзднымъ собраніемъ. Собраніе руководствовалось тѣмъ соображеніемъ, что «кратковременный опытъ земскихъ учрежденій недостаточенъ для того, чтобы входить съ предложеннымъ ходатайствомъ **).

Устраненіе отъ участія въ земскомъ управленіи мелкихъ собственниковъ, составляющихъ большинство во многихъ губерніяхъ, ведетъ за собою недостатокъ людей, могущихъ посвятить себя земской дѣятельности. Если принять въ соображеніе, что большинство крупныхъ собственниковъ (считая таковыми лицъ, владѣющихъ имѣніями въ 1000 и болѣе десятинъ) рѣдко принимаютъ участіе въ земскихъ дѣлахъ, и если носить званіе гласнаго, то только ради почета, то окажется, что и безъ того небольшой кругъ лицъ, изъ которыхъ могутъ набираться гласные, еще сѣзится: изъ 10.226 владѣльцевъ полныхъ ценовъ 2.023, или $\frac{1}{5}$, владѣютъ крупной собственностью—отъ 1000 дес. и болѣе. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что во многихъ земствахъ раздаются жалобы на недостатокъ людей: въ Горбатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., по словамъ гл. Бобржицкаго, «недостатокъ въ избирателяхъ всегда ощущался и большое число избирательныхъ сѣздовъ въ прежнее время пользовалось правомъ, предоставленнымъ 34 ст. Положенія», ***)

*) Журналъ Московскаго губ. з. собр. 1872 г., стр. 384.

**) Тамъ же, стр. 378.

***) Журналы XIII очер. Горбатовскаго у. з. с., стр. 9.

которой «если бы на съѣздѣ число избирателей оказалось менѣ числа подлежащихъ избранію гласныхъ, то выборы не производится, и всѣ наличные избиратели признаются гласными». Чистопольское, Казанской губ., земское собраніе въ 1877 году имѣло только 7 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, вмѣсто 21, а Ботромское уѣздное 16, вмѣсто 25 *). Рязанское губернское собраніе въ прошедшемъ году отклонило предложеніе гл. А. В. Алянчикова о лишеніи недоимщиковъ по земскимъ сборамъ правъ на участіе въ избирательныхъ съѣздахъ на томъ основаніи, что «контингентъ земскихъ силъ», которыя «принимаютъ живое и активное участіе въ земской жизни», «на столько ограниченъ, что земство безспорно должно желать скорѣе наибольшаго развитія его, нежели хлопотать объ ограниченіи его правъ» **). За отсутствіемъ однихъ владѣльцевъ и устраненіемъ другихъ, земское управленіе попадаетъ, обыкновенно, въ руки небольшого кружка, далеко не представляющаго собою «всѣхъ существенныхъ интересовъ мѣстности», а очень часто преслѣдующихъ исключительно своекорыстныхъ цѣли. Такіе кружки относятся къ выборамъ съ своеобразной точки зрѣнія: они не ищутъ людей, которые своими способностями могли бы содѣйствовать успѣху дѣла, а подбираютъ только своихъ сторонниковъ, или такихъ лицъ, которыя, за отсутствіемъ или неспособностію, не могли бы противодействовать имъ въ достиженіи ихъ цѣлей. *Русскимъ Вѣдомостямъ*, напр., сообщаютъ изъ Бѣлева, Тульской губ., что «на бывшемъ недавно съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ избранъ въ земскіе гласные одинъ совершенно больной человекъ, настоятельно отказывавшійся отъ избранія, по причинѣ его слабости, безпамятства и постоянной головной боли, мѣшающей ему не только заниматься дѣлами, но даже мыслить. Избраніе это совершилось, однако, при посредствѣ наиболѣе вліятельныхъ на съѣздѣ лицъ. Бакія соображенія руководили послѣдними,—замѣчаетъ газета,—неизвѣстно» ***). Гласный Рязанскаго губернскаго собранія, г. Бибиговъ, возражая противъ упомянутаго выше предложенія г. Алянчикова, выражалъ опасеніе, что устраненіе недоимщиковъ отъ участія въ избирательныхъ съѣздахъ можетъ лишить земство полезной дѣятельности лицъ, живущихъ за границей; «есть много землевладѣльцевъ, говорилъ онъ, живущихъ внѣ имѣній и даже за границей; легко можетъ случиться, что по оплошности ихъ повѣренныхъ земскія собранія лишатся *на цѣляхъ трехлѣтія* ихъ содѣйствія, что иногда можетъ весьма вредно вліять на ходъ земскаго дѣла, столь бѣднаго дѣятелями» ****). Какое «содѣйствіе» земскому дѣлу могутъ оказать живущія за границею лица, про то знаетъ одинъ г. Бибиговъ, а что они именно

*) Земскій Ежегодникъ за 1877 г., №№ 16 и 30.

***) Журналы Рязанскаго г. з. с. XV очер. созыва, стр. 185.

****) *Русскія Вѣдомости* 1880, № 178.

*****) Журн. Рязанск. г. з. с., стр. 194.

своимъ отсутствіемъ могутъ «содѣйствовать» нѣкоторымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, это весьма вѣроятно.

Захватъ всего земскаго управленія небольшимъ кружкомъ и непосредствѣе такого захвата—полная безконтрольность и безответственность управителей, облегчается незначительностью состава земскихъ собраній. Хотя составители Положенія и сознавали, что число выборныхъ, составляющихъ земскія собранія, должно быть «довольно велико» и что только при этомъ условіи въ послѣднихъ можетъ «самостоятельно и правильно формироваться общественное мнѣніе», тѣмъ не менѣе число гласныхъ во многихъ уѣздахъ весьма ограничено. Изъ 355 уѣздовъ, въ которыхъ определено ввести земскія учрежденія, болѣе трети, а именно 122 уѣзда имѣютъ менѣе 30 гласныхъ и такъ какъ, на основаніи ст. 42 Положенія, собраніе можетъ считаться законнымъ, если въ немъ присутствуетъ треть гласныхъ и притомъ не менѣе 10, «то стало быть, говорить А. А. Головачевъ, въ болѣе чѣмъ трети всѣхъ земскихъ собраній, а именно въ 122, всѣ важнѣйшіе вопросы могутъ рѣшаться десятью лицами, подъ предѣлительствомъ уѣзднаго предводителя. Но если мы примемъ въ соображеніе, что всѣ вопросы въ земскихъ собраніяхъ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, то оказывается, что въ этихъ случаяхъ уѣздный предводитель, согласясь съ пятью гласными, не только можетъ облагать налогами цѣлый уѣздъ, но захватить въ свои руки всю мировую юрисдикцію въ уѣздѣ», и это тѣмъ болѣе возможно, что большинство гласныхъ крестьянъ, какъ мы уже говорили, находятся въ зависимости отъ предводителя и, волей-неволей, должны съ нимъ соглашаться. «Но, продолжаетъ г. Головачевъ, это еще не все: есть 30 уѣздовъ, въ которыхъ число гласныхъ назначено менѣе 15, и къ числу этихъ уѣздовъ относится Петербургскій, въ которомъ число гласныхъ определено 14. Стало бытъ даже при полномъ составѣ Петербургскаго уѣзда восемь гласныхъ пользуются правомъ дать мировыхъ судей столичному Петербургскому уѣзду, въ которомъ стекается масса приплаго народа изъ другихъ губерній и подсудная, по мѣсту своихъ занятій, этимъ мировымъ судьямъ. Такимъ образомъ, партія изъ восьми человекъ можетъ въ Петербургскомъ уѣздѣ распоряжаться безконтрольно, раздѣливъ между собою должности въ управѣ и въ мировомъ институтѣ.» *) Неудобства малочисленности состава собраній ощущаются многими земствами, въ томъ числѣ и Петербургскимъ, которое, почти вслѣдъ за открытіемъ земскихъ учрежденій, возбудило ходатайства объ увеличеніи числа его гласныхъ до 30 и неоднократно повторяло это ходатайство. Перечисляя испытываемыя земствомъ неудобства, Петербургская уѣздная управа, въ запискѣ, представленной въ 1878 году въ губернскомъ собраніи, говоритъ слѣдующее:

«Съ одной стороны, ограниченное число подлежащихъ избранію гласныхъ приводитъ къ тому, что въ составѣ собранія не могутъ входить представители

*) Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872 г., стр. 210.

даже большинства крайне разнохарактерныхъ мѣстностей, пригородовъ и селеній уѣзда, населеніе которыхъ состоитъ изъ землевладѣльцевъ, крестьянъ, владѣльцевъ дачъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и торговцевъ. Такимъ образомъ, всестороннее обсужденіе вопросовъ значительно затруднено: съ другой стороны, собраніе по различнымъ вопросамъ избираетъ различныя коммиссіи, изъ коихъ нѣкоторыя дѣйствуютъ постоянно. Въ различныхъ коммиссіяхъ эти приходится избирать однихъ и тѣхъ же гласныхъ, что представляетъ весьма много неудобствъ и самое дѣло отъ этого терпитъ. Такъ при составѣ въ 14 человекъ, собраніе должно избрать: въ управу 3 человекъ, въ губернскіе гласные 2 человекъ, въ члены училищнаго совѣта 2 человекъ, въ члены коммиссіи для составленія списка присяжныхъ засѣдателей 2 человекъ, въ члены ревизіонной коммиссіи 5 человекъ; сверхъ того, нѣсколько членовъ въ оцѣночную коммиссію, въ санитарную и другія. При этомъ легко можетъ представиться слѣдующее неудобство: въ случаѣ, напр., какихъ либо разнорѣчій между управою и ревизіонною коммиссіею, разрѣшеніе этихъ разнорѣчій, по необходимости, предоставляется меньшинству собранія (6 человекамъ, такъ какъ остальные 8 входятъ въ составъ управы и ревизіонной коммиссіи). Наконецъ, съ изданіемъ уставовъ о воинской и военно-конской повинностяхъ, собраніе обязано избирать своихъ представителей въ разныя мѣстныя коммиссіи. Хотя избраніе ихъ закономъ предоставлено производить и не изъ числа гласныхъ, но въ виду вообще затруднительности избирать ихъ не изъ состава собранія и въ видахъ достиженія большаго единства въ дѣйствіяхъ и направленіи, выборъ этихъ представителей въ мѣстныя коммиссіи было бы гораздо предпочтительнѣе производить изъ числа гласныхъ, что при нынѣшнихъ условіяхъ представляется совершенно невозможнымъ.*)

Необходимость измѣненія состава земскихъ собраній сознается, видимо, и правительствомъ, по крайней мѣрѣ министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно отвѣчало на ходатайство земскихъ собраній объ увеличеніи числа гласныхъ, что ходатайства эти будутъ «приняты въ соображеніе при имѣющемъ послѣдовать общемъ пересмотрѣ приложенной къ ст. 33 Положенія вѣдомости о числѣ гласныхъ.» Пересмотръ не только этой вѣдомости, но и всей организаціи земскаго представительства составляетъ настоятельную необходимость, такъ какъ со времени изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ многое существенно измѣнилось.

Въ нашемъ бѣглошъ очеркѣ мы старались выяснитъ тѣ условія, среди которыхъ, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, дѣйствовали земскія учрежденія. Условія эти оказываются далеко неблагоприятными для правильнаго и успѣшнаго развитія общественной дѣятельности; даже то, что признавалось для этого необходимымъ самими составителями Положенія, не получило осуществленія. «Лучшій способъ внушить земскимъ учрежденіямъ надлежащую заботливость,—говорилъ баронъ Корфъ,—есть именно оказать имъ полное довѣріе, отдать дѣло на совершенную ихъ отвѣтственность и утвердить въ нихъ убѣжденіе, что никто другой не станетъ за нихъ думать и работать», между тѣмъ, именно этого-то довѣрія земству оказываемо не было. «Успѣхъ нашего мѣстнаго самоуправленія,—утверждалъ тотъ же государственный мужъ,—возможенъ только тогда, когда оно бу-

*) Докладъ С.-Петербург. г. з. у. на 1879 г., стр. 125.

детъ пользоваться общимъ вѣсомъ, когда никто не будетъ уклоняться отъ участія въ земскихъ дѣлахъ и, напротивъ, каждый будетъ желать этого участія, какъ почета. Для сего необходимо, чтобы всѣ знали и поняли, что учрежденія эти не суть исполнительныя канцеляріи, а установленія съ инициативой и дѣйствительнымъ вліяніемъ въ дѣлахъ»; между тѣмъ, этимъ учрежденіямъ приходится вести непрестанную борьбу, отстаивая свои законныя права противъ постоянныхъ посягательствъ. Въ земскихъ учрежденіяхъ мѣстное населеніе, по мысли комиссіи, составившей Положеніе, должно «правильно выражать свои мнѣнія, желанія, потребности и нужды», между тѣмъ оно лишено всякой возможности свободно высказываться; «всѣ существенныя интересы мѣстности» должны быть представлены, а, между тѣмъ, многіе изъ нихъ совершенно лишены представительства и возможности заявлять о себѣ; общество, наконецъ, должно контролировать дѣйствія своихъ уполномоченныхъ, а, между тѣмъ, оно лишено способовъ для контроля. При такихъ условіяхъ, ставить въ вину русскому обществу неудовлетворительность земской дѣятельности и видѣть въ ней доказательство его неспособности и незрѣлости едва ли справедливо: общество не пользовалось той свободой и тѣмъ просторомъ, которые необходимы для того, чтобы оно могло развернуть свои силы и показать, способно ли оно къ самоуправленію.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЪ КРЕСТЬЯНЪ РОСЛАВЛЬСКАГО УЪЗДА, СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

I.

Рославльскій уѣздъ принадлежитъ къ числу самыхъ низменныхъ и болотистыхъ мѣстностей Смоленской губерніи. Изъ 532,912 десятинъ, составляющихъ все его пространство, рѣками и болотами занято не менѣе 43,695 десятинъ, подъ лѣсомъ 227,770 д. *), слѣдовательно, всей удобной—пахатной и луговой земли—считается 266,158 десятинъ. Почва этого уѣзда одна изъ самыхъ неплодородныхъ и содержитъ въ себѣ отъ 70—80% межкаго кварцеваго песку. Нѣсколько доброкачественнѣе почва встрѣчается по направленію къ селу Рогнедину (къ Брянскому уѣзду), гдѣ суглинистая почва въ нѣкоторые годы даетъ урожай самъ 5—6, остальная площадь пахатной земли состоитъ изъ супеску и даже одного песку, прерываясь лишь марѣдка клочками суглинка или бѣлаго мѣла. Но нигдѣ взоръ вашъ не встрѣтитъ ни одного клочка черноземной земли, нигдѣ среди крестьянской земли не увидите вы веселой, живой картины цвѣтущей высокой ржи, густой и высокой луговой травы. Въ лѣтніе мѣсяцы песчаная почва сильно накаляется, малорослые хлѣба еще ниже наклоняютъ свои тощіе колосья; въ вѣтренную погоду, «песокъ летитъ темною массою на подобіе снѣговой тучи и заноситъ не только засѣянные поля, но и огороды», особенно въ Кирилловской и Грizenятской волостяхъ. «Все горитъ на пескѣ, все заносится имъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка» **). На этомъ-то неплодородномъ клочкѣ земли живетъ 114,192 душъ обоого пола, поселившихся въ 9,602 небольшихъ, въ 3—10 домовъ, деревенькахъ ***). Въ этнографическомъ отношеніи здѣшніе крестьяне, въ числѣ

*) Въ первой половинѣ текущаго столѣтія лѣсу числилось здѣсь 282,473 десятины.

***) Смоленскій Вѣстникъ 1879 г. № 66.

***) Списки населенныхъ мѣстъ Р. И. Смоленская губер. XLIV.

108,286 душъ, принадлежать къ бѣлоруссамъ, но отъ примѣся великорусскаго элемента, всего до 5,806 душъ, частію утратили свой чистый бѣлорусскій типъ. Они худощавы на видъ, бѣловолосы, съ длиннымъ очертаніемъ лица, почти никогда незнающимъ румянца, съ сѣрыми свѣтящимися глазами, острымъ носомъ и узкой грудью, — таковы отличительныя черты здѣшняго бѣлорусскаго населенія; низкій ростъ людей, всѣхъ домашнихъ животныхъ, а также и всѣхъ хлѣбныхъ злаковъ, которые съѣтъ крестьянинъ на своей нивѣ, составляютъ отличительную черту природы и жителей здѣшняго края. Низкій ростъ жителей, блѣдность ихъ лицъ и худоба тѣла, несомнѣнно, зависятъ отъ дурныхъ гигиеническихъ условій, отъ растительной, малопитательной пищи. Обыкновенной одеждой здѣшняго крестьянина служатъ войлочная шляпа безъ краевъ, сваленная изъ мѣстной овецей шерсти, вытѣсняемая, однако, въ послѣднее время великорусской фуражкой, свита изъ грубаго сѣраго или бѣлаго сукна, а то и просто изъ бѣлаго некрашеннаго холста, бѣлая толстая рубашка-косоворотка и лапти у мужчинъ; у женщинъ бѣлая суконная юбка—*андаракъ*, бѣлый наметъ на головѣ съ висячими концами холстиннаго платя, въ праздничные дни съ красными узорчатыми концами.—Головные уборы замужней женщины и дѣвушки тѣмъ отличаются другъ отъ друга, что первая повязываютъ наметъ и платокъ, закрывая макушку головы и не выпуская изъ-подъ нихъ косъ,—послѣднія открываютъ макушку и выпускаютъ косу на плечи виѣстѣ съ концами повязки, въ косу вплетаютъ ленты, кусочки матеріи, ситца и пр., что называется *косниками*; на шеѣ тѣ и другія носятъ множество крадь и стекляруса. Крестьянинъ ѣстъ исключительно гречневую кашу, рѣдко съ масломъ, еще рѣже мясо, картофель и нерастворимый кусокъ ужаснаго пушнаго хлѣба, который онъ разводитъ въ водѣ; въ праздничные дни, лѣтомъ, не многіе балуются медомъ, пряники замѣняются коноплянымъ сѣменемъ и макомъ. Мать, не имѣющая возможности кормить своего ребенка сухой, изможденной грудью, даетъ ему сосать лопоть этаго ужаснаго чернаго хлѣба, обмоченный въ водѣ и намазанный толченымъ коноплянымъ сѣменемъ.

Большинство бѣлорусскихъ деревень расположено въ сторонѣ отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ, точно жильцы ихъ боятся и стыдятся, какъ бы чужіе люди не стали смѣяться надъ бѣлорусскою бѣдностью и крайнею невзрачностью крестьянскихъ хатъ. Въѣзжая въ деревню, вы видите рядъ приземистыхъ, почти ушедшихъ въ землю хатъ, крытыхъ соломой, съ узенькими, маленькими двумя или даже однимъ окномъ. Рославльскій уѣздъ—соломенный уѣздъ. Соломой здѣшний бѣлоруссъ кроетъ свою хату, солома служитъ ему постелью, соломой всегда устланъ его дворъ, соломой кормитъ онъ своихъ тощихъ, фараоновскихъ коровъ. Быть можетъ, и для бѣлорусса было когда-нибудь время, когда онъ пережилъ всѣ три фазиса примитивнаго историческаго развитія: періодъ каменный, бронзовый и желѣзный; но въ настоящее время онъ переживаетъ исключительно

періодъ—деревянный. Нужно дѣлать чрезвычайно тщательные розыски въ его хатѣ и амбарѣ для того, чтобы найти тамъ какую либо желѣзную вещь, кромѣ, разумѣется, ножа, лемеша у сохи и топора:— въ стѣну вбиты деревянные гвозди, деревянными гвоздями сколочены его сани и телѣга съ колесами безъ шинъ, деревянными же боровами онъ боронитъ свою жалкую ниву и пр. Хата поражаетъ своей тѣснотой и грязью. При вѣрностномъ правѣ печи съ трубами въ крестьянскихъ хатахъ составляли рѣдкое исключеніе *), теперь большая русская небѣленая печь бросается въ глаза уже чаще. Между печью и стѣной расположены нары, на которыхъ разостлана солома, въ беспорядкѣ валяется грязное, измочаленное отъ долгаго ношенія тряпье—одежда, длинная и жесткая подушка, набитая соломой или растущими на болотахъ «палкушами»; подъ нарами устраивается на зиму складъ картофеля, баркановъ, бураковъ и т. п. Зимой жизнь въ тѣсной хатѣ становится невыносимой отъ присутствія въ ней телятъ, поросятъ, куръ и пр.; прибавьте къ этому постоянный холодъ въ избѣ зимой отъ недостатка топлива и отъ недостаточно прочной постройки хатъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ хатахъ по зимамъ ставятъ желѣзныя печи. Само собой разумѣется, что тѣснота и неопрятность крестьянской хаты, гдѣ люди живутъ вмѣстѣ съ домашними животными, гдѣ дымъ отъ горящей по вечерамъ лучины и еще болѣе дымъ и угаръ печей въ соединеніи съ испареніями животныхъ,—весьма въ сильной степени содѣйствуютъ появленію злокачественныхъ кожныхъ болѣзней—паршей, глазныхъ болѣзней, сифилиса, а дурное питаніе распространенію болѣзней пищеварительныхъ органовъ. Корь, скарлатина, коклюшъ и тифъ являются здѣсь спорадически. Въ виду этого обстоятельства въ послѣднее засѣданіе земскаго собранія было принято даже рѣшеніе просить правительство о разрѣшеніи устроить хоть въ Смоленскѣ нѣчто въ родѣ глазной лѣчебницы для приходящихъ больныхъ крестьянъ, а для сифилитиковъ—введенія «обязательнаго медицинскаго освидѣтельствованія всѣхъ безсрочно-отпускныхъ солдатъ, возвращающихся на родину, и рабочихъ при наймѣ и увольненіи ихъ на фабрикахъ, заводахъ и т. д.» **). У одного только земскаго врача амбулаторныхъ больныхъ дошло болѣе, чѣмъ до 6000 человекъ въ годъ; сколько же ихъ должно быть у остальныхъ трехъ врачей Рославльскаго уѣзда?

Суровый вѣковой гнетъ крѣпостнаго права и всевозможныхъ мелкихъ властелиновъ, постоянно приливавшихъ и отливавшихъ изъ Литвы, Польши и Москвы для того, чтобы высасывать изъ бѣлорусскаго крестьянина всѣ жизненные соки, развила и воспитала въ немъ чувство скрытности, недовѣрія ко всему чуждому, небѣлорусскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же

*) «Историко-статист. описаніе г. Рославля и уѣзда его» Никифорова и Неѣровича въ памяти. кн. Смол. губ. 1858, стр. 126.

**) См. нашу корреспонденцію въ «Недѣлѣ» 1879, № 44—45.

самый гнетъ служилъ крѣпкимъ, связующимъ среди бѣлоруссовъ началомъ, такъ какъ постоянныя несчастія заставляли ихъ крѣпко держаться другъ за друга, крѣпко сомкнуться въ одинъ союзъ, излюбленную ими общину. Въ пѣсняхъ здѣшнихъ бѣлоруссовъ почти обыкновенный мотивъ — тоска по родинѣ, или разлука съ родными, и эта безграничная привязанность къ родному очагу тѣмъ болѣе замѣчательна, что жилища ихъ и вся домашняя обстановка жалки и бѣдны до крайности. Бѣлоруссъ рѣдко уйдетъ на годъ, на два на сторонніе заработки. На чужбинѣ онъ весь иссохнетъ отъ тоски по родинѣ, хотя бы новое мѣсто жительства представляло для него всё удобства матеріальнаго быта. Культъ умершихъ предковъ, покровителей домашняго очага, особенно развитъ между бѣлоруссами. Всѣ почти праздники, обряды и церемоніи приурочены въ этому культу. Отъ того лучшее живописное мѣсто во всякой деревнѣ, — это кладбище, гдѣ похоронены предки бѣлорусса, куда во всѣ торжественные дни и важные случаи жизни они ходятъ раздѣлить на могилахъ умершихъ родныхъ свои радости и горе. Самая деревня, быть можетъ, расположена гдѣ-нибудь на болотѣ или въ оврагѣ, среди непроходимой грязи, но кладбище всегда красуется на самомъ возвышенномъ, живописномъ пунктѣ, усаженномъ березками, рябинами, соснами и елями, устланномъ травой-муравой. Здѣсь, на могилахъ, молодежь веселится во время праздниковъ; сюда въ Христовъ день, масляницей, въ поминальные дни всѣ деревенскіе жители идутъ съ яйцами, яствами, водкой, пивомъ и пр., растлаютъ на могилахъ скатерти и обѣдаютъ, воображая, что вмѣстѣ съ живыми невидимо присутствуютъ на обѣдѣ и ихъ умершіе предки. Умершаго своего родственника — отца, брата, жены и т. д., бѣлоруссъ никогда не повезетъ хоронить на общественное приходское кладбище, какъ бы близко ни отстояла деревня отъ села. Священникъ въ этомъ случаѣ или приглашается для отпѣванія въ деревню, или же, свезя покойника въ приходскую церковь для отпѣванія, крестьянинъ опять везетъ гробъ съ дорогимъ покойникомъ въ свою родную деревню, чтобы тамъ зарыть его среди умершихъ предковъ своей общины. Бѣдная, невеселая жизнь бѣлорусса, полная постоянной борьбы съ нуждой и скупой природой, содѣйствовала созданію космогоническихъ представлений, въ основѣ которыхъ лежитъ дуализмъ, борьба добраго, свѣтлаго начала съ темнымъ, злымъ. Доброе начало вездѣ и во всемъ желало сдѣлать для людей одно хорошее, пріятное, но вездѣ и во всемъ ему мѣшало злое начало. Доброе начало имѣло намѣреніе создать одинъ только черноземъ, хотѣло наградить всѣхъ людей счастливой жизнью, но злое начало примѣшало къ почвѣ глину и песокъ, поселило между людьми раздоры; доброе начало предназначило для людскихъ жилищъ ровную поверхность, но злое, гдѣ только могло, избороздило ее оврагами, набросало голыхъ холмовъ и пр. На неплодородной, песчаной почвѣ самыя благодѣтельныя оплодотворяющія силы и явленія природы, каковы напр. дождь, не могутъ приносить для произрастанія злаковъ той пользы,

какую они приносятъ на почвѣ мало-мальски плодородной; поэтому дождь для бѣлоруссовъ есть не болѣе, какъ слезы небожителей о людскихъ грѣхахъ и ихъ несчастіяхъ. По близкой связи древнихъ бѣлоруссовъ съ лѣтовцами—у послѣднихъ дождь тоже значить слезы зари *). Въ частной, семейной жизни бѣлорусса всюду преслѣдуютъ злыя силы, которыхъ однако можно умиловать и смирить или молитвой, или заклятьями. «Когда чистые ангелы возгордѣли, говорить здѣшній бѣлоруссъ, и хотѣли стать выше Бога, то Богъ низвергъ ихъ съ неба и они падали—одни въ воду, другіе въ лѣсъ и болото, иные въ дома, овины и т. д., отчего и появились на землѣ водяники, домовые, лѣсовики, болотники, полевые, овинники» и т. д.

Но если на тощей песчанной почвѣ дурно растутъ хлѣбные злаки, то зато и здѣсь среди травы-муравы и въ лѣсу способны выростать подъ вліяніемъ влаги, свѣта и теплоты разнообразныя цвѣты, которые бываютъ тѣмъ краше и пестрѣе, чѣмъ болѣе подвергаются они дѣйствию солнечнаго свѣта. Это разнообразіе цвѣтовъ и обиліе лѣсу въ бѣлорусскомъ краѣ дадо еще въ древности начало возникновенію и развитію пчеловодства. Боршневое пчеловодство (висячіе на деревѣ ульи) было здѣсь основою жизни, поэтому во всѣхъ сохранившихся доселѣ старинныхъ пѣсняхъ медъ и воскъ играютъ главную роль: имъ пѣсню пѣли, имъ честь воздавали. Празднество въ честь солнца - свѣта и связаннаго съ нимъ представленія объ обиліи меду и воску сохранилось, въ силу закона переживанія, и до настоящаго времени подъ названіемъ «свѣчи»: «свѣчу справлять, свѣчу отправлять,» говорятъ крестьяне. Почти каждый крестьянинъ, одинъ, а болѣею частью цѣлою общиною-деревней заводятъ общую восковую свѣчу и обрѣкаютъ ее въ честь святаго, празднуемаго въ извѣстной деревнѣ, болѣею частію Николая Угодника. За неимѣніемъ собственнаго воску, община покупаетъ его и постепенно увеличиваетъ свѣчу, или говоря словами пѣсни:

«Жоутаго воску свѣчи будутъ,
Божаю свѣчу насукать будутъ,
Насукать будутъ, повышать будутъ» **).

Кончивъ эту процедуру, крестьяне призываютъ священника отслужить молебень, послѣ чего всѣмъ присутствующимъ предлагается хлѣбъ-соль, а потомъ приглашаютъ къ трапезѣ и нищихъ своего околodka. Съ теченіемъ времени, когда свѣча, переходя отъ отца къ дѣтямъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, постепенно нарастаетъ до нѣсколькихъ пудовъ, 7 или 8 частей свѣчи отрубаютъ и жертвуютъ мѣстной приходской церкви, а оставшуюся $\frac{1}{3}$ часть оставляютъ въ домѣ старѣйшаго изъ домовладѣльцевъ для основанія будущей новой свѣчи. Здѣсь вся задача заключается въ томъ,

*) Афанасьевъ. „Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу“. Т. I, стр. 63.

***) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 3.

чтобы разъ основанная дѣдами свѣча никогда не переводилась въ теченіе всѣхъ настоящихъ и будущихъ поколѣній. Въ случаѣ неурожая или другаго какаго несчастія, когда крестьяне не въ состояніи бывають справиться свѣчу, говорятъ: «угасить свѣчу» *). «Угасить свѣчу» составляетъ великое несчастіе для крестьянской общины не только въ экономическомъ отношеніи, но и въ нравственно-религіозномъ; это значитъ — забыть, оскорбить умершихъ предковъ, основавшихъ первоначально общинную свѣчу. По мнѣнію покойнаго Бѣлаяева **), «зажиганіе свѣчи составляетъ остатокъ прежнихъ церковныхъ братствъ, въ которыхъ, въ свою очередь, заключалось сильное жизненное начало—единеніе церкви и прихода, духовенства и прихожанъ».

Этотъ бѣдный народъ совершенно напрасно считается культурными людьми малосообразительнымъ въ житейскомъ, практическомъ отношеніи. Нѣтъ, онъ не безтолковъ. При своихъ постоянныхъ голодухахъ и несчастіяхъ, крестьяне умѣють изобрѣтать всевозможные способы для добыванія себѣ пищи; питаюсь однимъ пушнымъ хлѣбомъ, они, подобно древнимъ стоикамъ, мужественно-спокойно переносятъ свою горькую судьбу, проповѣдуя въ то же время своимъ дѣтямъ, что счастье и богатство заключаются не въ деньгахъ, а въ любви семейной и общественной.

«Жили-были да три брателки,
поеть бѣлорусская мать-крестьянка своимъ дѣтямъ въ долгіе зимніе вечера,
Жимши, они побранилися,
Побранивши, мирилися;
Сомиремши—мирковалися:
Кому у насъ злато-серебро,
Либо рыжо-золото,
Либо отца съ матерью?
Большой братъ узялъ серебро,
Средней братъ рыжо-золото,
А меньшой братъ отца съ матерью.
Большой братъ бѣгитъ по улицѣ,
Онъ и плачетъ, и рыдаетъ:
«Пропадай мое злато-серебро!
Въ моемъ дворѣ непожиточно,
Непожиточно—непорядочно:
Мои дѣтушки неужокоблены, неулелѣны
И скотинушка уся не пособрана».

(Второй братъ поеть тѣ же слова).

Третій братъ идетъ по улицѣ,
Онъ и скачучи, онъ и пляшучи,

*) Смолен. Епарх. Вѣдом. 1873, стр. 1018.

**) Разказы изъ русской исторіи, Т. IV, стр. 235.

И Бога умоляючи:

«Въ моемъ дворѣ и пожиточно и порядочно,
Мои дѣтушки упокоблены, уелѣнены
И скотинушка уся пособрана».

(Записана нами въ Кярилловской волости).

Звуки музыки приводятъ бѣлорусса въ восторженное состояніе. Въ пѣсняхъ здѣшняго бѣлорусса нерѣдко говорится о гусярахъ, которые своей задушевной игрой увлекаютъ народъ, и отцы, предостерегая отъ этихъ соблазновъ своихъ дѣтей, говорятъ, что гусли иногда молодого дѣлаютъ старымъ и сводятъ его съ ума-разума. Любимые инструменты его—скрипка и волынка, рѣдко гармоника. Лѣтомъ, во время праздника, ярмарки или базара не рѣдко встрѣтить по улицамъ игроковъ въ сопровожденіи толпы народа—и старыхъ и малыхъ. И нужно видѣть, какъ блѣдное лицо бѣлорусса мгновенно оживляется при звукахъ музыки, какъ изъ вялаго, неповоротливаго, приниженаго онъ превращается въ бойкаго и живаго! «Любимая волынка то тянетъ безконечно свой неопредѣленный, глухой и тягучій звукъ, то вдругъ сыплется мельчайшей трелью, переборомъ, завываетъ въ какую-то туманную даль; медленный, но однообразный и не фигурный выступъ пляски смѣняется не присядкою, не лихимъ трепакомъ, а ситною дробью, мелкою припляскою, которая будто толчется на мѣстѣ, оборачиваясь на оси маленькимъ колесомъ*».) Пляшутъ и поютъ парни, дѣвушки и малые ребята, пляшутъ старики и старухи съ огнемъ въ глазахъ; здѣсь, въ этой пѣспѣ и пляскѣ, бѣлоруссъ выльетъ все свое заѣдающее его горе, вывернетъ наружу всю свою душу. Пѣсня и музыка—единственная стихія, въ которой бѣлоруссъ является самимъ собой, весь на-распашку. Любовь къ музыкѣ нерѣдко играетъ рѣшающую роль въ судьбѣ дѣвушки при выборѣ жениха.

«Присватауся къ Каценькѣ

Изъ сената сенаторъ,

Разказау онъ Каценькѣ

Усё житье-бытье свое:

«Ёсь у меня, Каценька,

Полтора ста душъ кресьянъ,

Пойдешь ли ты, Каценька,

Замужъ за меня?»

— Думаю — подумаю....

— Я за этого не йду.

Присватауся къ Каценькѣ

Изъ Новгорода купецъ,

Разказау онъ Каценькѣ

Усё житье-бытье свое:

*) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. LXXVIII.

«Ёсь у меня, Каценька,
Двѣ тысячи рублей.
Пойдешь ли ты, Каценька,
Замужъ за меня?»

— Думаю — подумаю....

— Я за этого не йду.

Присватауся къ Каценькѣ

Изъ дереуни музыкантъ,

Разказау онъ Каценькѣ

Про житье-бытье свое:

«Ёсь у меня, Каценька,

Балалайка да гудокъ.

Пойдешь ли ты, Каценька,

Замужъ за меня?»

— Батюшка-сударикъ,

— Я за этого пойду!

— Хоть ёсь буде нечего,

— Такъ жить буде весело.

— Выду я на улицу —

— Усѣ цетушкой зауць:

— «Цетушка-лебедушка,

— Дома ль дядя, музыкантъ?»

(Записана въ Гореновской волости).

Нельзя, разумѣется, предполагать, чтобы дѣвушка, выходя замужъ, на самомъ дѣлѣ стала жить легкомысленно-весело, когда ёсть нечего. Бѣлорусъ гораздо серьезнѣе смотритъ на жизнь. Его семейная жизнь отличается чистотой, нравы его — нѣкоторымъ ригоризмомъ. Въ обыденной жизни бѣлоруссы отличаются трезвостью, отсутствіемъ всякаго показнаго франтовства, дѣвушки — неизмѣннымъ цѣломудріемъ. Дѣвушкѣ сомнительной нравственности здѣсь трудно выйти замужъ: судъ общественнаго мнѣнія будетъ постоянно ёсть ее поѣдомъ. Въ древности «согрѣшавшихъ» дѣвушекъ пытали и колесовали *); позднѣе, именно еще въ началѣ настоящаго столѣтія, родственники привязывали такихъ дѣвушекъ на площади къ позорному столбу. Въ настоящее время уваженіе бѣлоруссовъ къ непорочности только-что вышедшей замужъ дѣвушки выражается въ «отвратительномъ» обычаѣ свадебныхъ процессій по улицамъ деревни и города. Послѣ такъ называемой рѣпа пох, свахи берутъ вещественное доказательство невинности и путешествуютъ съ нимъ по улицамъ, потрясая имъ въ воздухъ и распѣвая пѣсни; въ случаѣ нечестности вышедшей замужъ дѣвушки, свахи, въ знакъ позора, надѣвають на себя хомутъ и въ такомъ видѣ съ пѣснями шатаются по улицамъ съ свадебными гостями.

*) Безсоновъ, Бѣлорус. пѣсни, стр. 159, прим. 11.

Этотъ обычай распространенъ во всѣхъ бѣлорусскихъ уѣздахъ Смоленской губерніи. — Таковъ здѣшній крестьянинъ въ семейной и общественной жизни. Теперь посмотримъ, какъ онъ жилъ экономически прежде и какъ живетъ теперь.

II.

Въ Рославльскомъ уѣздѣ издавна, еще въ періодъ независимаго существованія Смоленскаго княжества, владѣльческое, шляхетское сословіе весьма рѣзко отличалось отъ крестьянскаго языкомъ, нравами, обычаями и интересами, такъ какъ сословіе это составляло здѣсь большею частью пришлый, наносный элементъ; даже мѣстные, туземные бояре отъ постоянныхъ сношеній съ Литвой и Польшей совершенно ополячились. Когда въ 1408 г. Литовскій князь Свидригайло Ольгердовичъ пріѣзжалъ къ Московскому князю Василию Дмитріевичу съ нѣсколькими рославльскими боярами, «то москвитяне съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли на своихъ единоплеменниковъ, принявшихъ обычай иноземцевъ.» Положеніе крестьянъ сдѣлалось особенно тягостнымъ вслѣдъ за заключеніемъ Поляновскаго мира съ Польшею въ 1634 г., по которому духовенству и купцамъ дозволялось выѣхать по желанію изъ уступленнаго Смоленскаго края въ Московское государство, что дало возможность нахлынуть изъ Польши въ здѣшній край множеству евреевъ, польскихъ шляхтичей и пр. съ единственною цѣлю эксплуатировать крестьянское населеніе. Этими шляхтичамъ польскіе короли раздавали въ помѣстье земли и крестьянъ, раздавали ихъ и городскимъ жителямъ-мѣщанамъ, за которыми осталось это право владѣть крестьянами и при присоединеніи Смоленскаго края къ Россіи, съ тѣмъ лишь единственнымъ отличіемъ, что при польскихъ короляхъ мѣщане имѣли право владѣть только незаселенными землями, тогда какъ послѣ присоединенія этого края къ Россіи мѣщанамъ дано было право покупать и крестьянъ, но только не цѣлыми деревнями и безъ земли*). Вслѣдствіе подобнаго порядка вещей въ Рославльскомъ уѣздѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія было уже до 671 мелкихъ владѣльцевъ, приобрѣвшихъ въ свое пользованіе 14.585 крестьянъ, т. е. среднимъ числомъ на каждаго по 21 душѣ. Эти мелкотравчатые высасывали изъ крестьянъ все, что только дозволяла ихъ грубая, неотесанная натура. Объ нихъ еще въ 1835 г. такъ отзывался Смоленскій губернаторъ Хмѣльницкій: «въ Рославльскомъ уѣздѣ находится до тысячи душъ дворянъ, которые, какъ деревья, приросли къ своему грунту и сдѣлались недвижимыми. Они большею частью остатки древнихъ польскихъ и литовскихъ фамилій, переселившихся сюда во времена Сигизмунда. Лишенные всякаго образованія, промѣнявъ мечъ предковъ на орало, они потеряли все

*) *А. Соловьевъ*. Сельско-хоз. статист. Смоленск. губ. стр. 18, 22—23.

достоинство дворянскаго званія и совершенно приблизились къ крестьянскому быту» *).

Постоянный приливъ и отливъ мелкаго и крупнаго землевладѣльческаго сословія имѣлъ слѣдствіемъ постоянныя пререканія, ссоры и тяжбы изъ-за земли между помѣщиками, крестьянами и посадскими людьми, такъ какъ отъ частой смѣны владѣльцевъ терялись границы частныхъ и общинныхъ земельныхъ владѣній. Изъ дѣлъ «о генеральномъ размежеваніи городскихъ полевыхъ земель», хранящихся въ архивѣ рослав. городской думы, видно, что начиная съ 1682 года и кончая первой половиной XIX вѣка между помѣщиками и шляхтичами съ одной стороны и посадскими людьми съ другой идутъ постоянныя споры и тяжбы о правѣ владѣнія тѣмъ или другимъ клочкомъ земли, тѣми или другими бортными ухожаями, покосами и пр., причемъ, тогда какъ первые выставляли единственнымъ основаніемъ своего права давность владѣнія землею, послѣдніе, кромѣ этого, выставляли и другое болѣе существенное основаніе своего права—расчиску земель искони вѣковъ своими собственными руками. Въ томъ же 1682 г. всѣ посадскіе люди со старостой жалуются въ своемъ прошеніи. «Великому князю Петру Алексѣевичу на то, что они, посадскіе люди, изстари владѣли лѣсомъ и всякими угодьями, кои расчищали сами, опричь бортныхъ ухожьевъ, за рѣкою Остремъ на 15 верстъ, а нынѣ тѣмъ лѣсомъ завладѣли разные помѣщики и попы Успенской да Николаевской, да Пятницкой церкви, а они, посадскіе, владѣютъ только по Остръ рѣку... и по бревна и по дрова ѣздятъ имъ негдѣ.» Петръ Алексѣевичъ внялъ жалобѣ посадскихъ людей и велѣлъ владѣть имъ «старинною посадскою землею, которою они владѣли при польскомъ королѣ, за рѣкою Остремъ.» Указы легко было написать, но трудно привести въ исполненіе. Помѣщики не обращали на нихъ никакого вниманія и попрежнему не пускали посадскихъ людей въ лѣсъ по бревна и по дрова, и вотъ, въ 1708 г. послѣдніе опять жалуются, что помѣщики ихъ «въ лѣсъ по бревна и по дрова не впускаютъ; а которые и насѣкли дровъ повезуть, тѣхъ, перенявъ на дорогѣ, бьютъ плетями и батошьемъ, и дубьемъ до полусмерти и травятъ собаками». Жалоба эта опять-таки осталась безъ всякихъ послѣдствій, главнымъ образомъ, потому, что когда велѣно было разсмотрѣть «грамоты посадскихъ людей на владѣніе землями, то тѣхъ грамотъ, кои отъ польскихъ королей даны были, не отыскалось.» Однако посадскіе люди не унимались и энергично отстаивали свои права на землю въ теченіи всего XVIII столѣтія. Въ 1767 году отъ рославльскихъ посадскихъ людей былъ отправленъ въ Петербургъ денутатомъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія нѣкто Швердинъ, которому въ видѣ инструкціи даны были двѣ грамоты: «1-я), писанная въ 7207 (1699) году, о безпрепятственномъ въѣздѣ въ лѣсъ по бревна и по дрова за 15 верстъ отъ г. Рославля»,

*) *ibid*, стр. 193.

2-я) «1700 г. для владѣнія попрежнему за рѣкою Остремъ урочищемъ Пригарщиною.» Въ концѣ концовъ, посадскіе люди проиграли. Въ настоящее время рославл. мѣщане владѣютъ землей только по Острѣ-рѣку, вслѣдствіе чего дрова и бревна они должны бывать покупать у частныхъ землевладѣльцевъ.

Въ XVIII вѣкѣ мы въ первый разъ слышимъ негодующій голосъ крѣпостныхъ крестьянъ Росл. уѣзда противъ притѣсненій помѣщиковъ, «которые весьма тяготятъ ихъ тяжелыми работами, пожитки, скоть и лошадей ихъ берутъ, хлѣбъ въ другіе свои дома вывозятъ и мы всё претерпѣваемъ великое утѣсненіе и раззореніе, отъ которыхъ уже нѣкоторые бѣжали за польскій рубежъ, оставя остальное свое малое иждивеніе». Но бѣжали крестьяне «цѣлыми деревнями» не отъ однихъ только помѣщичьихъ притѣсненій, бѣжали и отъ рекрутчины, отъ податныхъ тягостей, отъ обременительныхъ натуральныхъ повинностей, налагаемыхъ на крестьянъ правительствомъ Екатерины II. По его приказанію, въ Рославльскомъ уѣздѣ сгоняли съ 30 крестьянскихъ душъ по 2 человека къ западной польской границѣ для постройки 30 форпостовъ на протяженіи 40 верстъ среди лѣсовъ и болотъ, для построекъ тамъ же свѣтлицъ, избъ, сараевъ и конюшенъ» для командующихъ, для мощенія мостовъ, капанія канавъ и расчистки лѣса, «который совершенно напрасно истребляли въ то время» безъ всякаго вознагражденія его владѣльцевъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ тягостей крестьяне отставали отъ своихъ работъ, ходили отъ бѣдности по міру, «оставя свои дома безъ всякаго присмотра и опустивъ въ своихъ домахъ всякое строеніе» *). Убѣгая, крестьяне дѣлали изъ мести набѣги на помѣщичьи владѣнія, «мучили, жгли и грабили своихъ помѣщиковъ» **). Въ описываемое нами время въ Рославл. уѣздѣ крестьянскаго населенія числилось не болѣе 9000 душъ, остальное населеніе обоого пола бѣжало куда глаза глядятъ; вообще же, во всей Смоленской губерніи въ побѣтѣ состояло крестьянъ до 50000 человекъ. Хотя манифестомъ отъ 13 мая 1763 г. бѣглецы крестьяне, проживающіе въ Польшѣ, приглашались къ возвращенію въ Россію и къ поселенію, гдѣ пожелають ***), однако въ 1763—4 годахъ «русскою арміею сысканныхъ нѣскольکو тысячъ выведено на поселеніе въ Оренбургскую губернію» ****). Понятно, что вслѣдствіе малочисленности населенія въ уѣздѣ частныя землевладѣльцы еще въ концѣ XVII вѣка для расчистки и обработки своихъ земель должны были прибѣгать къ переманиванію людей изъ-за рубежа, давая имъ «деньги въ ссуду, орудія и скоть», какъ нерѣдко го-

*) Наказъ отъ Рославльск. дворянства въ комис. для сочин. проекта Нов. Улож. въ «Сборн. И. Р. И. Об.», т. XIV, стр. 426.

**) *ibid*, стр. 425.

***) П. С. Зак. № 11,815.

****) *ibid*, стр. 420—439.

ворится въ «Дѣлахъ о генеральномъ межеваніи», хранящихся въ городской думѣ. Присоединеніе Польши къ Россіи положило конецъ крестьянскимъ побѣгамъ за рубежъ, но за то внутреннее недовольство крѣпостныхъ крестьянъ стало искать другаго исхода, сдѣлалось интенсивнѣе.

Въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Росл. уѣздѣ числилось уже 102,071 душа обоего пола.

Собственно крѣпостныхъ крестьянъ было 81,958 душъ; остальные 20,000 принадлежали къ прочимъ сословіямъ. Дворянъ считалось до 1,707 душъ, изъ коихъ только 94 человекъ имѣли за собою отъ 100 до 1,000 душъ и болѣе крѣпостныхъ; остальные 1,613 душъ были совершенно безземельные, или же владѣли по 3, 5 и никакъ не болѣе 20 душъ крестьянъ. Изъ 532,913 десятинъ общаго пространства земли помѣщикамъ вмѣстѣ съ крестьянами принадлежало 493,325 десятинъ; причемъ крестьяне могли засѣвать на свою долю въ общей сложности по $4\frac{1}{2}$ десятины на душу (разумѣя тутъ и усадьбу). Самой обычной формой крестьянскаго землевладѣнія была община. Крестьянская поземельная община существовала здѣсь искони вѣковъ, слѣдовательно, была древнѣе самого крѣпостнаго права. Древнѣйшія языческія празднества въ честь Купалы отправлялись на общинныхъ *Царинахъ* (лугахъ *)); праздничныя и хоровадныя игры молодежи происходили въ общинныхъ лѣсахъ. Слѣды старинной волостной общины сохранились у большей части государственныхъ крестьянъ, среди которыхъ предѣлы общины заключали въ себѣ нѣсколько деревень; но послѣ генеральнаго межеванія общины эти по добровольному между собой соглашенію раздробились на болѣе мелкія единицы. Общинное начало при крѣпостномъ правѣ имѣло болѣе глубокіе корни.

Община служила крѣпкимъ связующимъ началомъ между отдѣльными ея членами; она была охранителемъ скуднаго крестьянскаго достоянія. справедливымъ уравнивателемъ между всѣми ея членами всѣхъ благъ и тягостей крестьянской жизни и, наконецъ, она же служила лучшей гарантіей исправнаго отбыванія крестьянами господскихъ повинностей. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, помѣщики всѣми силами поддерживали крестьянскую общину: они нерѣдко сами опредѣляли сроки передѣловъ земли, наблюдали за тѣмъ, чтобы члены общины заботились объ оказаніи другъ другу матеріальной помощи, напр., при возкѣ цѣлой общиной лѣса и постройкѣ хатъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и пр. Въ настоящее время понятія людей измѣнились и мы слышимъ инныя пѣсни. Въ Росл. уѣздѣ вы не встрѣтите ни одного землевладѣльца, ни одного культурнаго человека извѣстнаго пошиба, который бы не считалъ общинную форму землевладѣнія вредной для успѣшности крестьянскаго хозяйства. Въ приложеніи къ журналамъ чрезвычайнаго Смолен. земскаго собранія въ 1874 году общинное владѣніе прямо признано представителями земства

*) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 63.

(разумѣется, не изъ среды крестьянъ) однимъ изъ вредныхъ факторовъ, тормозящихъ развитіе рациональнаго хозяйства, а въ настоящемъ году нѣкоторые изъ гласныхъ Смолен. губ. земск. собранія сложились во чтобы то ни стало доказать бесполезность и нецѣлесообразность крестьянскаго кредита для покупки земель до тѣхъ поръ, пока въ крестьянскомъ хозяйствѣ на мѣсто общиннаго начала не станетъ личное начало собственности *).

При крѣпостномъ правѣ передѣлы общинныхъ земель происходили по мѣрѣ увеличенія или уменьшенія тягловыхъ работниковъ; послѣ убыли послѣднихъ земля переверстывалась между вновь прибывшими работниками; въ случаѣ недостатка земли—отводились иногда участки изъ свободныхъ земель, расчищаемыхъ самими крестьянами. Общіе передѣлы земли рѣдко происходили независимо отъ воли помѣщика. У казенныхъ же крестьянъ, наоборотъ, земля дѣлилась по числу ревизскихъ душъ каждаго домохозяина и передѣлы происходили отъ ревизіи до ревизіи. Слѣдовательно, всѣ угодья дѣлились здѣсь на тягловые или душевые участки или полосы, и потому полосы были одנותягольныя или однодушныя, двухтягольныя или двухдушныя и т. д. Очевидно, что цѣль, преслѣдуемая общинами—равномѣрное распредѣленіе благъ и тягостей общинной жизни между всѣми ея членами, скорѣе достигалась общинами перваго типа, нежели втораго. Само собой разумѣется, что стремленіе къ достиженію этой цѣли неизбѣжно влекло за собой дробность полосъ. Число полосъ въ каждомъ полѣ было не менѣе 5; у государственныхъ же крестьянъ отдѣльные домохозяева имѣли до 15 и даже до 20 полосъ въ каждомъ полѣ. Раздѣлъ усадебной земли происходилъ на совершенно иныхъ основаніяхъ: разъ раздѣленныя и занятыя дворами или огородами земли оставались уже безъ передѣла, но за то крестьяне равнялись между собой или въ конопляникахъ, или въ ближайшихъ полосахъ пахатныхъ земель. Что касается поемныхъ или заливныхъ сѣнокосовъ, то они и тогда и теперь передѣлялись ежегодно, смотря, разумѣется, по мѣстоположенію и качеству травы; но сѣнокосы между полями и пустошныя земли большею частію дѣлились одновременно съ общимъ передѣломъ пахотныхъ земель. Совсѣмъ другаго рода порядки соблюдались относительно такъ называемыхъ *старинъ*, т. е. изстари расчищенныхъ изъ-подъ лѣса пространствъ. Они находились въ неуровнительномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ на томъ основаніи, что предки ихъ расчистили эти пространства своимъ собственнымъ трудомъ. Но въ началѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія старины по приговору крестьянъ рѣшено было оставлять во владѣніи отдѣльныхъ лицъ не болѣе, какъ на 14 лѣтъ, послѣ чего онѣ дѣлались достояніемъ цѣлой общины и поступали въ передѣлъ на общемъ основаніи.

*) Смолен. Вѣстникъ, 1880 № 9.

Въ настоящее время большая часть старинъ, какъ клочковъ земли сравнительно болѣе плодородныхъ, отошла къ землевладѣльцамъ.

На сколько именно подворное землевладѣніе еще при крѣпостномъ правѣ оказывалось не соответствующимъ истинному принципу крестьянскаго общежитія—равномѣрному распредѣленію между всѣми членами данной общины всѣхъ благъ и тягостей,—мы можемъ видѣть это на примѣрѣ однодворцевъ. Однодворцы, какъ извѣстно, образовались изъ служилыхъ людей, защищавшихъ границы Россіи отъ Польши. Пограничная черта между этими двумя государствами въ разное время или придвигалась къ Смоленску и Рославлю или отодвигалась отъ нихъ, и потому очень естественно, что однодворцевъ больше всего было сосредоточено въ Смолен. и Рославл. уѣздахъ. Въмѣстѣ съ свободными крестьянами однодворцевъ въ Рославл. уѣздѣ въ 1851 г. числилось 922 души, владѣвшихъ 12,728 десятинами земли, слѣдовательно, среднимъ числомъ по 14 десятинъ на душу *). Однодворцы составляли особые независимыя селенія и владѣли землей на правѣ собственности. Каждый однодворецъ имѣлъ право передавать свою землю по наслѣдству, даже продавать ее, но иначе, какъ однодворцу же. Но хорошій примѣръ крестьянъ-общинниковъ заразилъ нѣкоторыхъ однодворцевъ общинными началами. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ однодворческія помѣстныя земли поступали въ общій душевой уравнительный передѣлъ; тамъ же, гдѣ наслѣдственный способъ владѣнія землей сохранился во всей своей цѣлости, участки землн нѣкоторыхъ домохозяевъ раздробились до безконечности, такъ что еще до момента уничтоженія крѣпостнаго права нѣкоторые однодворцы въ одномъ и томъ же селеніи оказывались владѣльцами 100 и болѣе десятинъ, участки же другихъ уменьшились до 3, 2 и даже менѣе десятинъ на душу, а иные оказались и вовсе безъ земли.

Помѣщичьи крестьяне уже съ 14-лѣтняго возраста обязаны были являться на барщину, а съ 18 и до 60-лѣтняго возраста включительно считались вполне тягловыми работниками. Крестьяне всю свою жизнь жили впроголодь, да за ними и не признавалось никакого права на лучшую жизнь. Когда въ 1842 году покойный императоръ Николай Павловичъ затѣялъ было рѣчь съ представителями Смоленскаго дворянства о переводѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, то дворяне отвѣчали на это предложеніе въ 1849 г. особой «запиской», въ которой догматически утверждали, что «всѣ произведенія и движимое имущество крѣпостныхъ крестьянъ не составляютъ рѣшительной въ сельскомъ быту необходимости, т. е. за исключеніемъ того, что необходимо нужно на уплату податей, на продовольствіе и посѣвъ, а также орудій и скота для сельскихъ работъ» **). Это огра-

*) Цебриковъ, Матеріалы для ист. и геогр. Смолен. губ. стр. 184.

**) „Русск. Старина“, 1873, кн. III, „Смолен. дворяне и обязанные крестьяне“ стр. 922.

нченіе потребностей людей только ѣдою и питьемъ весьма характеристично: оно служитъ показателемъ тѣхъ отношеній, въ коихъ стояли помѣщики къ своимъ крѣпостнымъ. Помѣщики искали источниковъ своего обогащенія въ угнетеніи и въ почти постоянной мѣнѣ и продажѣ крестьянъ. Въ Росл. уѣздѣ помѣщиками ежегодно продавалось, вымѣнивалось или проигрывалось въ карты до 1,346 душъ крестьянъ. При всемъ томъ, живя не по средствамъ, на широкую ногу, они постоянно нуждались въ деньгахъ и имѣли долгу кредитнымъ учрежденіямъ 1,478,711 р.; однихъ заложенныхъ имѣннй кредитнымъ учрежденіямъ было 187 съ 22,716 душами населенія. У крестьянъ никогда не хватало своего собственного пушнаго хлѣба на прокормленіе семей. Чтобы покрыть недостатокъ въ хлѣбѣ, Росл. уѣздъ ежегодно получалъ изъ другихъ губерній озимаго хлѣба $54\frac{1}{2}$ тысячи четвертей, яроваго 77 тысячъ. Количество рабочаго скота у крестьянъ было крайне недостаточно: 1 лошадь приходилась на $2\frac{2}{3}$ души, 1 корова на $1\frac{2}{3}$ души. *). Неурожай хлѣбовъ и, вслѣдствіе этого, голодухи, эпидеміи и эпизоотіи были постояннымъ явленіемъ того времени. Начиная съ 1820 года, помѣщики постоянно обращаются къ правительству съ просьбами о денежныхъ пособіяхъ для себя и для прокормленія крестьянъ. Такъ они обращались съ подобными просьбами въ 1822, 1823, 1835, 1840, 1841, 1845, 1846, 1847, 1851, 1852, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858 и 1859 годахъ, при чемъ самымъ тяжелымъ десятилѣтіемъ было послѣднее предъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права **). Отъ недостатка питанія и отъ постоянныхъ эпидемическихъ болѣзней крестьяне мерли, какъ мухи. Средняя продолжительность человѣческой жизни съ 1854 по 1859 годъ составляла по годамъ слѣдующія цифры:

Въ 1854 году	19,4 года.
» 1855 »	21,5 »
» 1856 »	19,3 »
» 1857 »	20,8 »
» 1858 »	19,6 »

Среднее—20,12 лѣтъ.

Изъ 100 умершихъ всѣхъ возрастовъ 60% приходилось на долю дѣтей, не достигшихъ 10-лѣтняго возраста. При такихъ неблагоприятныхъ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ, населеніе несомнѣнно должно было вырождаться и вымирать. По свѣдѣніямъ мѣстныхъ изслѣдователей гг. Цебрикова и Давыдова населеніе съ 1816 по 1835 годъ ежегодно возрастало на $\frac{1}{2}$ %, съ 1835 по 1851 г. на $\frac{1}{3}$ %, съ 1851 по 1859 годъ всего на $\frac{1}{3}$ %. ***) Такимъ образомъ, еще 20 лѣтъ—и население

*) Памяти. кн. Смолен. губ. 1858 г., стр. 134—35.

**) Приложеніе къ журналамъ чрезвычай. Смолен. губ. земск. собранія 1874 г.

***) Цебриковъ. Матеріалы для ист. и геогр. Смолен. губ. стр. 153.

ніе стало бы не возрастать, а убывать! Въ такомъ экономически-безотрадномъ положеніи засталъ крестьянъ достопамятный день 19 февраля 1861 года.

III.

При крѣпостномъ правѣ помѣщикамъ не предстояло особенной надобности знать въ точности количество находящейся въ ихъ распоряженіи земли. Они могли по своему произволу увеличивать или уменьшать количество десятинъ крестьянской запашки; но, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, подобные порядки стали невысказанными: землевладѣльческая земля наравнѣ съ крестьянской стали подлежать земскому налогу. Но въ Рославльскомъ уѣздѣ количество частной земли и до сихъ поръ не приведено въ извѣстность ни самими землевладѣльцами, ни земской управой, а потому и распределеніе земскаго налога крайне неравномѣрно. По планамъ генеральнаго межеванія, бывшаго въ Смолен. губ. съ 1776 по 1778 г., земли въ Росл. уѣздѣ числится 532,913 десятинъ, по даннымъ земской управы 493,948 десятинъ, *) а по свѣдѣніямъ — болѣе близкимъ къ истинѣ — уѣзднаго землемѣра г. Карпачева 545,209 десятинъ, т. е. на 51,261 десятину болѣе, нежели сколько показано земской управой, и при томъ земли преимущественно 1 разряда, оцѣненной земствомъ по доходности въ 25 р. за десятину. Такимъ образомъ, за эту «не отысканную» землю землевладѣльцы ежегодно не доплачиваютъ земству налога до 4,951 рубля. Обстоятельство это важно въ томъ отношеніи, что въ моментъ уничтоженія крѣпостнаго права 39,250 душъ крѣпостныхъ крестьянъ получили въ надѣлъ 146,826 десятинъ земли, слѣдовательно, по 3,98 десятинъ на душу, тогда какъ, зная количество всей находящейся въ распоряженіи помѣщиковъ земли, послѣдніе безъ ущерба собственному хозяйству могли бы дать въ надѣлъ и по 5 десятинъ на душу... За землевладѣльцами осталось земли 338,857 десятинъ, изъ коихъ пахатной и сѣнокосной 82,764¹/₄ д., остальные 256,093 д. заключаются въ строевомъ, дровяномъ лѣсѣ, заросляхъ и облогахъ. **) Но, между тѣмъ, какъ за 1,707 землевладѣльцами земель этой послѣдней категоріи числится даже по скромнымъ земскимъ вычисленіямъ по 143¹/₂ десятинъ на душу, на долю крестьянъ земель этихъ досталось всего 1,961¹/₂ десятины, слѣдовательно менѣе чѣмъ по ¹/₂₀ десятины на душу, и притомъ не столько лѣсу, сколько однихъ заростей и облоговъ. Отношеніе пахатной и сѣнокосной земли къ общему количеству казенныхъ крестьянъ будетъ совершенно иное: за 3,000 казенныхъ крестьянъ пахатной и сѣнокосной земли чис-

*) Журналы Росл. уѣздн. зем. собр. 1872 г., стр. 204.

**) Зарости и облоги—прежде бывшія пахотныя земли, брошенныя по недостатку удобренія.

лится 16,155 десятинъ, или по $5\frac{1}{2}$ д. на душу, строеваго же и дровянаго лѣсу, заростей и облоговъ 6,930 десятинъ, или по $2\frac{1}{2}$ д. на душу, слѣдовательно, всего по 8 десятинъ *). Принимая населеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ настоящее время въ 42,320 душъ, мы получимъ надѣльной земли не болѣе $3\frac{1}{2}$ д. на душу, изъ коихъ пахатной земли придется не болѣе $\frac{3}{4}$ десятины въ полѣ. Этого менѣе чѣмъ недостаточно для пропитанія крестьянской семьи въ нечерноземной полосѣ Россіи.

На половинѣ десятины усадебной земли расположены хата съ маленькимъ дворомъ, огородъ съ капустой — которая никогда почти не родится, — картофелемъ и конопляникомъ, составляющимъ существенную доходную статью крестьянскаго хозяйства, такъ какъ доходъ съ него предназначается исключительно на уплату податей и повинностей. Поэтому на воздѣлываніе и уходъ за конопляникомъ крестьянинъ кладетъ всю свою душу. Съ $\frac{1}{4}$ десятины конопляника крестьянинъ можетъ собрать отъ 6 до 7 копъ (въ копѣ 100 сноповъ) пеньки, которая въ продажѣ дадутъ рублей 20. Но для приобрѣтенія этого капитала требуются ловкость и изворотливость торгоша. Во-первыхъ, для полученія хорошаго урожая пеньки нужно положить на полосу не менѣе 60—70 возовъ удобренія; во-вторыхъ, нужно устроить *сажелку* со срубомъ для мочки пеньки, для чего или собирается толова или нанимаются рабочіе, а для сруба покупается до 50 бревенъ. Дальнѣйшая процедура вымачиванія пеньки сопряжена бываетъ съ еще болѣе невѣроятными муками. Пенька — одна «надежа» крестьянина, которая выручаетъ его изъ гнетущей нужды. Вотъ запрягаетъ онъ свою клячку, накладываетъ на телѣгу пеньку и, напутствуемый радостными криками полу-голодныхъ ребятишекъ, которые до вечера будутъ ждать у воротъ своей хаты своего татку съ деньгами и хлѣбомъ, отправляется онъ на рославльскій рынокъ. Рынокъ, конечно, море, но бѣлорусскій крестьянинъ не умѣетъ въ немъ ловить рыбу. По дорогѣ къ нему пристають еще нѣсколько возовъ съ пенькой. Молча и угрюмо, какъ сама осенняя природа, подвѣзжаютъ крестьяне къ городу, а иногда, не доѣзжая до города, останавливаются у моста на р. Острѣ, останавливаются потому, что тутъ заблаговременно поджидаютъ ихъ рославльскіе мазни (мѣщане) и купцы, забравшіеся сюда съ ранняго утра съ цѣлю перехватить пеньку, не дать ей добраться до рынка, гдѣ другіе конкуренты могли бы поднять цѣны. Купцы сидятъ со своими вѣсами, безмѣнами и крюками. Тутъ купцы пускаютъ въ дѣло всѣ свои хищническіе инстинкты: обманъ, воровство, обвѣшиванье, обсчитыванье и пр. Ввѣшиванье пеньки производится на плутовскихъ вѣсахъ (называемыхъ на воровскомъ языкѣ *козой*), главное свойство которыхъ заключается въ томъ, что они ни за что не покажутъ настоящаго вѣсу. За недостаткомъ гирь на чашку вѣсовъ кладутся кирпичи, камни, а иногда, если взвѣ-

*) Журналы Росл. уѣздн. зем. собр. за 1878 г., стр. 113.

шиванье происходит во дворѣ или лавкѣ купца, на вѣсы становится самъ хозяинъ. Такимъ образомъ, вмѣсто лѣгкихъ въ пыломъ воображеніи крестьянина 20—25 рублей, которые онъ мнилъ получить съ купца за свою трудовую пенку, онъ получаетъ не болѣе 10—15 р., а иногда и того менѣе, потому что знакомый ему купецъ, быть можетъ, давалъ ему когда-нибудь въ займы десятку на уплату податей, за что кредитующійся общался въ благодарность подешевле продать пенку. Такимъ образомъ, черезъ руки купцовъ и мазней проходитъ отъ 150 до 200,000 пудовъ пенки. Какія потери несутъ при этомъ крестьяне-производители, не трудно догадаться. Большинство здѣшнихъ мѣщанъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи болѣе 4,000 десятинъ городской земли, давно уже отвыкли отъ «черной работы» и сдаютъ свою землю въ аренду пригороднымъ крестьянамъ, промышляя сами болѣе легкой работой: скупкой и перепродажей пенки, дровъ, сѣна и прочихъ продуктовъ чужаго производства.

Крестьянская поземельная община еле влачитъ свое жалкое существованіе. Это не та древняя могучая община, члены которой жили широкой жизнью полноправныхъ, независимыхъ гражданъ; это скорѣе община бобылей, отличающаяся отъ бобыльской общины XVI вѣка только тѣмъ, что древніе бобыли платили половину всѣхъ платежей и повинностей, а нынѣшніе платятъ всѣ сполна. Обрѣзанная въ своихъ надѣльныхъ земельныхъ угодьяхъ до крайности, переполненная множествомъ новыхъ народившихся ѣдаковъ, которые неотступно просятъ хлѣба, тогда какъ истощенная земля, вмѣсто хлѣба, даетъ какое-то неудобоваримое мѣсиво, подавленная подъ бременемъ непосильныхъ выкупныхъ платежей и повинностей и обремененная, наконецъ, долгами разнымъ кулакамъ и міроѣдамъ,—бѣлорусская община обнаруживаетъ признаки распаденія на свои составныя части, къ чему побуждаютъ ее многонадѣльные общинники, несоглагошающіеся на передѣлы. Въ тому же разные полукультурные хлыщи и Деруновы, которые сами ни сѣютъ, ни жнутъ, постоянно напѣваютъ крестьянамъ о предѣлахъ освобожденія ихъ отъ земли. Въ русской исторіи мы не мало видимъ примѣровъ, когда крестьяне, будучи не въ состояніи сохранить за собою право собственности на землю, обремененную податями и повинностями, спѣшили съ ней развязаться *). И дѣйствительно, бѣдность и безденежье побуждаютъ крестьянъ, однодворцевъ и городскихъ мѣщанъ къ продажѣ общинной и частной земли. Я знаю, по крайней мѣрѣ, одну старинную пригородную Лобыревскую общину, состоящую изъ 77 душъ, которая въ концѣ прошлаго года продала по мірскому приговору свою запасную землю за 8,000 р. мѣстному купцу Мухину, а остальную подѣлила на подворные участки на правѣ собственности. Я знаю другую, Пригорскую общину, Жарынской волости, со-

*) Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, 2 изд., стр. 81.

тоящую изъ 40 надѣльныхъ душъ, которая, не имѣя возможности развязаться съ долгами мѣстному мироѣду-мѣщанину, принуждена была года два тому назадъ продать ему 12 десятинъ своей общинной земли. Мироѣдъ тотчасъ же устроилъ на купленной землѣ кабакъ, лавочку и пр. Я знаю третью, Костыревскую общину, волости того же названія, состоящую изъ 110 надѣльныхъ душъ, которая изъ тѣхъ же самыхъ побужденій продала 16 десятинъ общинной земли прїѣзжему Брянскому мироѣду, Никитѣ Павлову. Мироѣдъ тотчасъ же построилъ на купленной землѣ обширный кабакъ, лавочку и пр. Но Никита Павловъ, какъ болѣе тонкій и бывалый мироѣдъ, вотъ уже три года сряду хлопочетъ о томъ, чтобы крестьяне отрѣзали ему эти 16 десятинъ въ одномъ мѣстѣ, а не черезъ-полосно, «потому, значить, вольготнѣе торговлю вести», какъ замѣчаетъ Никита Павловъ. Цѣлыхъ три года хлопоталъ онъ объ этомъ по начальству, много разъ спавивалъ крестьянъ водкой, но всякой разъ какъ доходило дѣло до подписыванія бумаги, у крестьянъ нигомъ проходилъ хмѣль и они молча расходились по домамъ. Чтобы не дать возможности этому чужаидному паразиту природы въ одному мѣсту на купленной землѣ и разѣсть окончательно общинный организмъ, крестьяне рѣшились измѣнить своему старинному обычаю передѣловъ пахатной земли отъ ревизіи до ревизіи и стали передѣлять ее черезъ три года. Но рано или поздно кабакъ и нужда сдѣлаютъ свое дѣло....

Тотъ же самый процессъ обезземеленія мы встрѣчаемъ и среди крестьянъ-собственниковъ и городскихъ мѣщанъ. Ужъ на что, кажется, зажиточна деревня Борщевка, Кирилловской волости, но и тамъ стали уже появляться среди крестьянъ бездомные и безземельные бобыли. Борщевцы—собственники. Идея частной поземельной собственности явилась у нихъ лѣтъ 25 тому назадъ не по собственному внутреннему побужденію, а вслѣдствіе внѣшняго вліянія со стороны бывшаго нѣмца-управляющаго барскимъ имѣніемъ при крѣпостномъ правѣ, долго и настойчиво розовыми красками рисовавшаго борщевскимъ крестьянамъ всѣ прелести нѣмецкаго частнаго землевладѣнія. На сколько прелести этой «нѣмечины» соответствуютъ дѣйствительности, мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго. Земли у 97 борщевскихъ крестьянъ числится 560 десятинъ, слѣдовательно по $5\frac{1}{2}$ десятинъ на душу. Невыгодныя послѣдствія для большинства крестьянъ частнаго землевладѣнія начали обнаруживаться уже лѣтъ 10 тому назадъ чрезмѣрнымъ дробленіемъ земли и сосредоточеніемъ ея въ рукахъ немногихъ богачей. Въ настоящее время между борщевцами есть такіе богачи (трое), которые имѣютъ по 30 и болѣе десятинъ на душу, тогда какъ другіе, болѣе бѣдные, ограничиваются 3 и 2 десятинами. Боязнь еще бѣднѣшаго дробленія земли между своими сочленами привела борщевцевъ къ необходимости не допускать семейныхъ раздѣловъ: сыновья, желающіе выдѣлиться изъ семьи и жить своимъ домою, не получаютъ отъ отца ни влока земли, и, такимъ образомъ, поступають въ разрядъ бездомныхъ

батраковъ. Изъ деревни ушли уже 4-такихъ батраческихъ семьи «искать счастья на сторонѣ». Для предупрежденія же перехода земли путемъ покупки въ чужія, постороннія руки, борщевцы постановили продавать землю только своимъ членамъ общества, чѣмъ, впрочемъ, можетъ только ускориться процессъ обезземеленія маломощныхъ членовъ общества. Тоже самое начало неотчуждаемости земель въ постороннія руки практикуется и среди городскихъ мѣщанъ. Первоначально владѣніе землей между городскими обывателями было распределено равномернѣе, но съ теченіемъ времени обѣднѣвшіе роды стали продавать свои земельные участки богатѣйшимъ, и въ настоящее время нѣкоторые имѣютъ уже въ своихъ рукахъ до 100, 150 и 200 десятинъ земли, тогда какъ бѣдные обыватели имѣютъ только по 4, по 3 десятины, а иные не имѣютъ ни клочка земли. Изъ крупныхъ городскихъ поземельныхъ собственниковъ никто не обрабатываетъ своей земли, бѣдные обрабатываютъ сами.

Но даже и въ тѣхъ тѣсныхъ предѣлахъ и неблагоприятныхъ условіяхъ, въ какія поставлена современная бѣлорусская община, она обнаруживаетъ могущественную нравственную силу, спасающую крестьянина въ минуту тяжелой невзгоды. Ни одно трудное крестьянское дѣло, требующее усиленной энергіи капитала и приложенія многихъ силъ, дѣло, съ которымъ не справиться отдѣльному домохозяину единичными силами своей семьи, община не оставитъ безъ помощи: ни одна подобная работа не потребуетъ со стороны домохозяина никакихъ денежныхъ затратъ, никакого содѣйствія *наемныхъ* рабочихъ, — община справитъ работу даромъ, лишь бы членовъ ея домохозяинъ накормилъ и напоилъ «чѣмъ Богъ послалъ». Косьба сѣна, возка на поля удобренія, жатва, возка бревенъ на хату и ея постройка, возка дровъ, мочка, трепанье и чесанье льна и пеньки, — все это сдѣлаетъ община, даже и не ожидая приглашенія со стороны домохозяина, а являясь на работу добровольно, по очереди къ каждому домохозяину — будь то маломощный членъ общины или вдова-хозяйка, держащая надѣлъ для пропитанія своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Оригинальнѣе всего общинный трудъ дѣвушкамъ для мытья половъ и стѣнъ хатъ на 6 и 7 недѣляхъ Великаго поста. Такъ какъ полы въ хатахъ моются здѣсь три раза въ годъ: передъ Рождествомъ, Троицей и Пасхой, то мытье ихъ, по причинѣ накопившейся грязи, становится для семьи крайне затруднительнымъ. Всѣ дѣвушки данной деревни собираются вмѣстѣ ни свѣтъ-ни заря въ крайнюю отъ поля хату, натакаютъ съ рѣки воды, нагрѣютъ ее и начинаютъ мыть полъ, скрести косарями стѣны, полъ въ сѣняхъ, потомъ перебираются въ другую хату, въ третью и т. д. до послѣдней; при этомъ обычай требуетъ со стороны домохозяина только накормить и напоить дѣвушекъ. Въ Среду вечеромъ на послѣдней недѣлѣ поста, передъ Пасхой, работа дѣвушекъ кончается, а въ Четвергъ еще до солнечнаго восхода онѣ моются въ общинной банѣ (если таковая имѣется) и каждая варитъ тамъ по 5 яицъ, которыми христосуются на Пасхѣ. Та же самая дѣвичья

община оплатитъ, принарядитъ, уберетъ цвѣтами голову, — непременно цвѣтами, своей подружки-невѣсты и отправитъ ее въ приходскую церковь для вѣнчанія.

Общинники и собственники представляютъ два хозяйственныхъ типа крестьянскихъ обществъ, рѣзко различающіеся между собою. Отсутствие духа единомыслія, солидарности интересовъ среди крестьянъ-собственниковъ полное. Всѣ они стараются дѣйствовать каждый самъ по себѣ, въ одиночку, хотя и живутъ въ одномъ обществѣ. Никакое общее дѣло не клеится у нихъ такъ дружно и легко, какъ у общинниковъ. Намъ не случилось замѣчать, чтобы крестьяне-собственники устраивали товарищества или артели на равныхъ правахъ для какого либо предпріятія. Занимаясь кустарными промыслами, они изъ недоверія другъ къ другу продаютъ продукты своего производства въ одиночку, враздробь, тогда какъ кустари-общинники, наоборотъ, выбираютъ для сбыта своихъ продуктовъ на рынкѣ одного или двухъ довѣренныхъ лицъ и потомъ уже дѣлятъ прибыль между собой пропорціонально количеству сработанныхъ каждымъ вещей. Въ своихъ сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ собственники нерѣдко прибѣгаютъ къ содѣйствію наемныхъ рабочихъ; у общинниковъ, наоборотъ, все основывается на началѣ взаимной помощи, всякую работу справляютъ помочью (*толоки*).

Послѣ послѣдняго кореннаго передѣла пахотныхъ земель, бывшаго при надѣленіи крестьянъ землею послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, большинство крестьянскихъ общинъ рѣшило производить передѣлы отъ ревизіи до ревизіи. Между крестьянами существуетъ въ настоящее время сильное имущественное неравенство, особенно между многочисленными общинами. Только одна Гнѣвковская община, Рязановской волости, состоящая изъ 111 душъ, не ожидая ревизіи, приступила къ передѣлу своей пахотной земли, какъ значитса въ мірскомъ приговорѣ отъ 18 марта текущаго года: «Мы, всѣ домохозяева Гнѣвковского сельскаго общества, бывъ сего числа на сходѣ вмѣстѣ съ нашимъ сельскимъ старостою, имѣли сужденіе объ уравниеніи нашей земли и, поговоря между собою, постановили: пригласить добровольно уѣзднаго землемѣра, чтобы онъ выхлопоталъ намъ планъ въ г. Смоленскѣ и обошелъ нашу землю, а также чтобы уравниять насъ участками, и мы положили вознагражденіе г. землемѣру съ каждой десятины по 20 к. сер., сколько ихъ окажется». Жеребьевка и переверстка сѣнокосовъ во всѣхъ 30 волостяхъ производится ежегодно. Ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ, а въ нѣкоторыхъ общинахъ въ маѣ, домохозяева, сопровождаемые цѣлой урвой ребятишекъ и бабъ, собираются для этой цѣли на луга. Сборище бываетъ чрезвычайно шумное и крикливое, но самая жеребьевка нерѣдко происходитъ среди гробовой тишины. Прежде всего міръ выбираетъ изъ среды своей стариковъ-мѣрщиковъ, которые 5-6 сажеными веревками, перевязанными черезъ каждую сажень узлами, разбиваютъ луга на полосы соотвѣтственно наличному количеству надѣлъ.

ныхъ душъ, послѣ чего каждый домохозяинъ кладетъ въ шляпу свой жеребій—коротенькую палочку съ зарубинками. Когда всѣ жеребьи очутятся, такимъ образомъ, въ шляпѣ, миръ опять выбираетъ старика или всего чаще—малолѣтка, обязаннаго пережѣсать всѣ жеребьи и предлагать домохозяевамъ вынимать ихъ «на счастье». Малолѣтокъ подвигается впередъ съ жеребьями постепенно, *по солонь* (по солнцу), отъ одной полосы къ другой и на каждой полосѣ вытряхиваетъ изъ шляпы по одному жеребью. Тамъ, гдѣ сѣносносыя полосы расположены по порядку отъ деревни, процедура жеребьевки происходитъ съ самаго начала и до конца на первой полосѣ съ краю отъ деревни. Чей первый жеребій выпадетъ, того будетъ первая полоса, второй — второго и т. д. до послѣдняго. Но бываетъ и такъ: всякій домохозяинъ самъ лично вынимаетъ жеребій изъ шляпы, только первая очередь выниманья жеребья въ нѣкоторыхъ общинахъ начинается съ крайней хаты, въ другихъ съ средней, а въ иныхъ съ самаго стараго домохозяина. Въ Кирилловской и смежныхъ съ ней Дербужской, Костыревской волостяхъ способъ жеребьевки покосовъ нѣсколько иной. Вся площадь покоса дѣлится предварительно на нѣсколько одинаковыхъ, по пространству, паевъ (*чтверокъ*), по 4 десятины въ каждомъ паѣ, причемъ на каждый пай полагается одинъ жеребій. Всѣ члены общинники дѣлятся на нѣсколько группъ, по 2, по 3, 4 домохозяина въ каждой. Положимъ, у Ивана Митрова покоса на 3 души, а у Прохора Тарасова на одну, они и берутъ себѣ одинъ жеребій на одну *чтверку*; четверо однонадѣльныхъ домохозяевъ берутъ тоже одинъ жеребій и одну *чтверку* и т. д. Каждая такая группа убираетъ покосъ коллективнымъ трудомъ своихъ семей. Стоги сѣна стараются по возможности класть равные, а потомъ, по уборкѣ всего сѣна, каноятся случайно попавшейся на глаза палкой: верхнему достается первый стогъ, слѣдующему за нимъ второй и т. д.

Такая сравнительно поздняя по времени дѣла жеребьевка сѣнокосовъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, по неизмѣннѣю крестьянами собственныхъ выгоновъ для пастбища скота, скотъ ихъ пасется на мирскихъ лугахъ до іюня мѣсяца (иногда даже до Петрова дня), послѣ чего онъ перегоняется на паръ. Само собой разумѣется, что трава, вытопанная и вытравленная скотомъ съ весны, не успѣетъ вырасти до своей надлежащей высоты. Здѣсь сплошь и рядомъ крестьянскіе покосы начинаются съ августа и сентября мѣсяца. Здѣшнія полосы пахатной и сѣноносной земли отличаются чрезвычайно микроскопическими размѣрами. Какъ въ лугахъ однодушевыя полосы бываютъ не шире одного взмаха косы, такъ и въ полѣ самыя большія полосы не превосходятъ по ширинѣ двухъ сажень. Двухнадѣльный домохозяинъ нерѣдко имѣетъ къ одной и той же *змятѣ* 8, 10, 15 и 20 полосъ. Оригинальныя названія пахатныхъ полосъ: *каменишише, дурноручье, осинникъ, глинище, свинуха, растеребы, подмогильникъ, тужиковы углы* и т. п. весьма

ясно указываютъ скорѣе на недоброкачественность земли, нежели на мѣстоположеніе полосъ. Земля, бѣдная отъ природы, почти совершенно истощилась отъ посѣвовъ однихъ и тѣхъ же злаковъ. Недостатокъ у крестьянъ скота и недостаточное вслѣдствіе этого удобреніе земли еще болѣе ухудшаютъ ея качества, а отсутствіе доброкачественныхъ тѣмянъ служитъ причиною того, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ (Астапковской волости) ее почти совсѣмъ перестали удобрять, такъ какъ удобренная, она производитъ больше сорныя травы—«звонецъ», «метмогъ» и костерь, совершенно заглушающія хлѣбные злаки. Оттого-то нѣкоторые крестьяне засѣваютъ только половину и даже $\frac{1}{3}$ своей надѣльной земли. Въ виду этого обстоятельства, болѣе $\frac{2}{3}$ крестьянъ здѣшняго уѣзда для восполненія недостающаго для прокормленія своихъ семей хлѣба должны бываютъ прибѣгать къ арендованію земель частныхъ владѣльцевъ; остальные не арендуютъ только потому, что или не въ состояніи справиться съ землей по своей маломощности, или, просто, по неизбѣжнѣ свободныхъ земель. Господствующій способъ найма состоитъ въ томъ, что нанимающій вмѣсто денежной платы обязуется обработать взятую землю, засѣять ее своими сѣменами и доставить владѣльцу извѣстную часть снятаго хлѣба. Величина подобной платы зависитъ отъ того, вывозитъ ли арендаторъ для удобренія поля навозъ съ собственнаго двора, или же съ владѣльческаго. Въ первомъ случаѣ она равняется $\frac{1}{3}$ сжатаго хлѣба, въ послѣднемъ— $\frac{1}{4}$. Крестьяне этотъ способъ называютъ «нанимать землю со снопа». Въ результатѣ все-таки получается истощеніе и арендуемой земли, такъ какъ за отдаленностью арендуемыхъ участковъ отъ деревни—нерѣдко за 5—8 верстъ—удобренія вывозятся крайне недостаточно.—Чтобы нагляднѣе представить экономически-хозяйственное состояніе здѣшнихъ крестьянъ со всей ихъ домашнею обстановкою, намъ слѣдуетъ отправиться въ нѣкоторыя деревни Рославльскаго уѣзда и собрать на мѣстѣ факты, касающіеся крестьянскаго житья-бытья. Вотъ, передъ нами деревня Кириллы, Кирилловской волости, состоящая изъ двухъ общинъ; первая заключаетъ въ себѣ 67 надѣльныхъ душъ, вторая 31 душу. Первая община въ числѣ надѣльной земли имѣетъ 30 десятинъ негодной—облоговъ, на которой нельзя ни сѣять, ни косить. Поэтому большинство крестьянъ арендуетъ пахатную землю у городскихъ мѣщанъ—одни изъ 3 снопа, другіе изъ 4. Однонадѣльные крестьяне сѣютъ на своей землѣ по четверти ржи, собираютъ до 20 копѣ, которыя послѣ умолада дадутъ по 4 пуда муки съ копы. Знакомый мнѣ крестьянинъ посѣялъ въ прошломъ году на своихъ двухъ надѣлахъ 12 мѣръ, получилъ послѣ умолада 26 мѣръ; съ посѣянныхъ 6 мѣръ гречи и $1\frac{1}{2}$ ячменю получилъ—гречи 6 мѣръ, на половину съ мякиной, ячменю—одну четверть. Столь незначительный урожай хлѣбовъ объясняется крайней недоброкачественностью почвы и недостаткомъ скота, вслѣдствіе чего каждый крестьянинъ бываетъ въ состояніи вывозить на поле не болѣе 50—60 возовъ удобренія, да и то, по словамъ крестьянъ,

«сѣдаетъ песокъ», который въ вѣтренное время несется по полю и заноситъ посѣвы. Въ самые урожайные годы ржаной стебель поднимается отъ земли не выше аршина. За неимѣніемъ собственного выгона община арендуетъ его у еврея-землевладѣльца, при чемъ вмѣсто арендной платы каждый дворъ отработываетъ ему по 5 рабочихъ дней. Такъ какъ собственнаго хлѣба хватаетъ крестьянамъ на 3—4 мѣсяца, а вмѣстѣ съ арендуемымъ на 6 мѣсяцевъ, сѣна на 3 мѣсяца, то денежные расходы на покупку предметовъ первой необходимости каждаго однонадѣльнаго домохозяина должны будутъ выразиться въ слѣдующихъ цифрахъ: ржаной муки на 12 руб., сѣна на 10 руб. и жердей для городьбы своихъ полей (по 3 к. за штуку) на 1 р. 50 коп. Эти недостающіе 23 р. 50 коп. на хлѣбъ и сѣно и 11 р. съ души на уплату податей и повинностей крестьянинъ долженъ добыть какимъ-нибудь стороннимъ заработкомъ. Но заработки здѣсь совершенно случайны и ничтожны. Поденная плата на желѣзной дорогѣ даетъ 40 к.; поденщина въ лѣтнее, страдное время тоже даетъ ничтожное вознагражденіе: мужчинѣ 30—40 к., женщинѣ 20—25 к.; годовою работницъ стоитъ 36 р. Вздорожаніе жизненныхъ припасовъ имѣло слѣдствіемъ не поднятіе рабочей платы, а увеличеніе предложенія рабочихъ рукъ, такъ что въ дѣйствительности рабочая плата съ повышеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости—понижилась. Другая община той же деревни находится не въ лучшихъ условіяхъ: выгона у ней тоже нѣтъ; вмѣсто лѣсу 4 десятины облоговъ; арендуемая пахотная земля и сѣнокосы находятся въ 5 верстахъ отъ деревни, причемъ за послѣдніе выплачивается общиной 600 пудовъ сѣна. Въ обѣихъ общинахъ сѣно исключительно дается однимъ лошадямъ; коровы же довольствуются одной соломой; тѣ и другія никогда не отвѣдываютъ соли, отчего тощи, малорослы и слабосильны. Лошадей въ этой послѣдней общинѣ считается 32, коровъ 26, овецъ 68.

Сидоровская община той же волости на 46 душъ имѣетъ надѣльной земли 184 десятины (въ томъ числѣ 40 десятинъ моху и облоговъ). Ни лѣсу, ни выгоновъ нѣтъ; дрова покупаютъ у сосѣда-землевладѣльца; пахотную землю всѣ 15 дворовъ арендуютъ у городскихъ мѣщанъ, выгоны тоже. Собственнаго хлѣба хватаетъ до новаго года и потому каждый домохозяинъ покупаетъ муки, смотря по количеству ѣдоковъ, на 12—30 р. Наступившая теперь дороговизна хлѣба заставляетъ крестьянъ прижѣшивать къ мукѣ гречневую крупу, ячмень, мякину (мука для экономіи не просѣвается) и прочіе суррогаты. Въ довершенію горя, греча въ нынѣшнемъ году почти совсѣмъ не уродилась и въ большинствѣ случаевъ возвратила одну мякину, ячмень же возвратилъ одни сѣмена. Сѣна каждый домохозяинъ покупаетъ на 10—15 р.; дрова, состоящія изъ мелкаго осинника и ельника, покупаютъ у ближайшаго землевладѣльца по 2 р. за сажень, но ихъ сами не жгутъ, а везутъ продавать на рославльскій рынокъ по 45 к. вѣзъ; сами же крестьяне топятъ свои печи валежникомъ и сучками, какіе оста-

ются отъ срубленнаго лѣсу. Такъ промышляетъ большинство крестьянъ пригородныхъ деревень. Изъ 46 надѣльныхъ душъ двѣ души не имѣютъ ни лошади, ни коровы; у остальныхъ числится 35 лошадей, 40 коровъ и 70 овецъ. Податей и повинностей платятъ по 12 р. 45 к. съ души. По словамъ самихъ крестьянъ, десятина земли едва только въ состояніи покрыть лежащія на ней подати и повинности. Большинство крестьянъ живутъ заработками на желѣзной дорогѣ.

Но такъ живутъ крестьяне деревень, ближайшихъ къ городу, слѣдовательно, всегда имѣющихъ возможность добыть себѣ какой-нибудь заработокъ, такъ или иначе вывернуться изъ нужды; но чѣмъ дальше мы подвигаемся въ глубь уѣзда, тѣмъ болѣе исчезаетъ всякая возможность отысканія мѣстныхъ заработковъ, тѣмъ болѣе къ нулю хлѣбу примѣшиваются разные неперевариваемые суррогаты и тѣмъ болѣе, слѣдовательно, въ неприглядномъ свѣтѣ является экономическое положеніе крестьянъ. Возьмемъ Любовскую общину той же волости, отстоящую отъ города въ 12 верстахъ и заключающую въ себѣ 98 душъ назенныхъ крестьянъ. Община владѣетъ 50 десятинами настоящаго, заправскаго лѣсу, который дастъ ей возможность по крайней мѣрѣ строить свои хаты изъ прочнаго сосноваго лѣсу и тепло отапливать печи. Хотя Любовская община платитъ податей и повинностей вдвое менѣе сравнительно съ бывшими помѣщичьими крестьянами, однако экономическое положеніе ея крайне не завидно. Изъ 500 десятинъ земли, находящейся въ распоряженіи этой общины, не менѣе $\frac{1}{3}$ совершенно пустоуетъ, представляя собой топкое болото, покрытое красноватыми мохомъ или мелкимъ кустарникомъ. Въ настоящее время неравномерность земельныхъ паевъ между членами общины сильно бросается въ глаза: изъ 35 дворовъ, составляющихъ данную общину, 5 дворовъ имѣютъ только по 1 десятинѣ на душу, 10 дворовъ по 2, 8—по 3, 5—по 4 и 2—по 5. По словамъ самихъ крестьянъ, увеличеніе земельныхъ угодій большинству крестьянъ въ виду обременительныхъ платежей и повинностей (по 8 р. съ души), совершенно нежелательно, такъ какъ неплодородная почва безъ обильнаго удобренія едва лишь въ состояніи вознаградить затрачиваемые на ея обработку деньги и трудъ. Домашній скотъ любовцевъ крайне тощъ и мелокъ. Въ деревнѣ едва ли найдется и пять лошадей, которыя бы въ состояніи были доездить изъ деревни до города по одному шестивершковому бревну,—до того онѣ обезсилены дурнымъ питаніемъ. Въ довершеніе бѣдствія, эпизоотія похитила прошлой осенью почти всѣхъ любовскихъ коровъ....

Большинство низенькихъ хатъ съ однимъ и двумя оконцами похожи скорѣе на хлѣвы, нежели на человѣческія жилища. Одежда и бѣлье домохадцевъ — одни грязныя, оборванныя лохмотья. Намъ только въ двухъ хатахъ пришлось встрѣтить нѣчто похожее на подушку и постель. Грязь и нечистота бѣлья и частое появленіе накожныхъ и глазныхъ болѣзней между любовцами обуславливаются употребленіемъ въ питье вонючей бо-

лотной воды и невозможностью отъ бѣдности покупать мыло; вообще, мыло во всѣхъ здѣшнихъ деревняхъ считается недоступной роскошью. Хлѣбъ на столѣ до-нельзя черенъ, тяжелый и отвратительный на видъ: мякина, костеръ и «метлюгъ» составляютъ чуть-ли не главные составные элементы этого хлѣба. Въ настоящую минуту по случаю дороговизны хлѣба любовцы прибѣгаютъ къ покупкѣ «збоины» (мука, обмѣтаемая въ анбарахъ) по 60 коп. за пудъ; иные ѣдятъ жмаки. Отъ такого хлѣба едва ли кому либо поздоровится. Зимой 1879 г. любовцы лишились 25 своихъ дѣтей, ставшихъ жертвою коклюша и тифа. Для наглядности возьмемъ двухъ домохозяевъ средней зажиточности: деревенскаго старосту 45 лѣтъ и Корнея Иванова 50 лѣтъ. Семья старосты состоитъ изъ 6 человѣкъ: хозяинъ съ хозяйскою и 4 малолѣтковъ, изъ коихъ старшему сыну 13 лѣтъ, средней дочери 11 и 2 младшимъ отъ 7 до 5. Въ конюшнѣ его вы найдете 1 лошадь, 2 коровы, 3 овцы, 1 свинью и 4 курицы. На своихъ двухъ надѣлахъ онъ посѣялъ въ прошломъ году: 10 мѣръ ржи, послѣ умолата получилъ 20 мѣръ, которыхъ хватило на 3 мѣсяца; въ огородѣ посадилъ 1½ четверти картофелю, уродилось самъ 3; овса сѣялъ 1 четверть, уродилось самъ 2, гречи—осмину, уродилось самъ 2, большею частію мякина. Въ началѣ мая 1879 г. старостѣ пришлось уже купить муки на 30 р. и сѣна на 5 р.; но купить муки и сѣна въ то время, когда первая продавалась по 75 к. за пудъ, а послѣднее по 20 к., еще какъ никакъ можно, а много ли купишь ее на эти деньги теперь, когда цѣна худшаго качества муки поднялась до 1 руб. 20 коп. за пудъ, а сѣна до 40 коп.? Всю прошлую зиму и весну староста вмѣстѣ съ 4 другими домохозяевами билъ щепень на Смоленскомъ шоссе по 7 р. за кубъ, что дало заработка 25 р. на брата. Что потребности крестьянъ сокращены до невѣроятнаго *minimum'a*, видно изъ того, что эти пятеро домохозяевъ во время работы на шоссе платили за квартиру 1½ р. въ мѣсяцъ, на ѣду тратили по 25 к. въ недѣлю, при чемъ единственной ѣдой служилъ хлѣбъ съ водой. Двухнадѣльный крестьянинъ Корней Ивановъ имѣетъ на рукахъ 7 ѣдоковъ, а въ хлѣву держитъ всего 1 лошадь, 1 корову, 1 телку, 4 овцы и 4 курицы. Такъ какъ на оба свои надѣла онъ кладетъ 60 возовъ удобрения, то хлѣба родится чрезвычайно мало и хватаетъ всего до Филиповокъ (14 ноября), а сѣно начинаетъ покупать уже съ масляницы. И такъ во всей деревнѣ. Заработки любовцевъ тоже совершенно случайны. Лѣтомъ немногіе счастливицы чистятъ отъ грязи поденно московское шоссе; осенью всѣ сидятъ дома, а зимой рубятъ и возятъ по найму у купца-землевладѣльца 3-хъ сажениныя дрова по 80 коп. съ сажени, а *шворокъ* (короткія $\frac{3}{4}$ арш.) по 2 р. 25 к., что дастъ въ зиму рублей 20 на брата. Петровская община Ермолинской волости, состоявшая при уничтоженіи крѣпостнаго права изъ 25 душъ и получившая въ надѣлъ 100 десятинъ земли, въ настоящее время возросла до 49 душъ, слѣдовательно, имѣетъ на душу не болѣе

2-хъ десятинъ; но изъ этихъ ста десятинъ слѣдуетъ исключить, по крайней мѣрѣ, 15 десятинъ негодной земли—заростей и облоговъ. Поля этой общины заборождены до-нельзя мелкими полосками, разграниченными другъ отъ друга не межниками, а маленькими колышками, въ видахъ, вѣроятно, сохранения болѣеши площади пахатной земли; но не смотря на это самооболочение и не смотря на арендование петровцами чужой земли, съ половины зимы они начинаютъ уже хлѣбъ покупать. Большинство крестьянъ находится въ экономической зависимости отъ мѣстнаго шести-надѣльнаго мироѣда, ссужающаго своихъ собратьевъ кредитками, за которыя кредитующіеся вѣсто процентовъ платятъ ему однимъ или двумя рабочими днями. Живя среди безконечной лѣсной глуши, петровцы, однако, не имѣютъ собственнаго лѣсу, а покупаютъ на дрова и для постройки своихъ хатъ 5-ти вершковый осинникъ по 30 к. бревно. Окружающій лѣсъ проданъ землевладельцемъ на срубъ Губонину, по найму отъ котораго крестьяне вывозятъ ельникъ и сосну на желѣзную дорогу въ видѣ шпалъ, дровъ и пр.

Такимъ образомъ, здѣсь мы повсюду наталкиваемся на одни и тѣ же печальныя явленія крестьянской жизни: на недостатокъ надѣльной земли и необходимость, вслѣдствіе этого, прибѣгать къ арендѣ чужой земли, на недостатокъ скота, отсутствіе лѣса, дровъ и пр. Все это ставитъ крестьянина въ зависимыя отношенія къ землевладельцамъ и кулакамъ-мироѣдамъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ бабы, дѣвушки и малые ребята за право сбирания лѣтошъ въ землевладельческомъ лѣсу ягодъ и грибовъ и до сихъ поръ еще отрабатываютъ по 2 и по 3 дня. Эти ненормальныя, натянутыя отношенія между землевладельцами и крестьянами обуславливаются главнымъ образомъ тѣмъ, что сдача угодій подъ приводѣе является и здѣсь «за послѣднее время жизненнымъ нервомъ большинства помѣщичьихъ хозяевъ, страдающихъ общими недугомъ—недостаткомъ «рукъ»; это орудіе, выпускать которое изъ своего распоряженія надолго невыгодно.... Отдача подъ приводѣе и служить средствомъ, восполняющимъ недостатокъ въ «рукахъ», ставя искусственно окруженныя общества въ отношенія обязательныя, зависимыя отъ землевладельца»). А между тѣмъ избѣжать этихъ «обязательныхъ» отношеній при существующихъ экономическихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности. Есть нечего. Лично намъ крестьяне передавали, что если даже отдать въ аренду собственную надѣльную землю, то она, за некрытіемъ лежащихъ на ней платежей и повинностей, болѣе 2 р. дохода не дастъ. По словамъ старшины Асташковской волости, всѣ 4 десятины крестьянской надѣльной земли даютъ доходу не болѣе 4 рублей; а въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьянская земля въ хорошіе, урожайные годы едва возвращаетъ сѣмена**), въ иныхъ же

*) Постниковъ, «Общинное землевладѣніе», вып. II, стр. 76.

**) Давыдовъ, «Смоленское земство», въ «Вѣстн. Евр.», 1875, стр. 334.

доходность одной десятины не превышает 1 р. 34¹/₄ к. *). Недостаток рабочего скота не позволяет однако и эту скудную землю удобрять как слѣдуетъ, чѣмъ, конечно, и объясняется вывозъ удобрения на десятину не болѣе 30—50 возовъ, тогда какъ по самымъ скромнымъ вычислениямъ въ нечерноземной полосѣ на десятину требуется не менѣе 3 головъ скота (здѣсь шахишм одна голова) или 1,200 пудовъ удобрения. Всѣ вышеприведенные недостатки крестьянскаго хозяйства присущи однако и всѣмъ прочимъ уѣздамъ Смоленской губерніи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ напр. въ Сычевскомъ, крестьянскіе надѣлы «не превышаютъ трехъ и даже менѣе десятинъ на душу» **).

При такихъ неблагоприятныхъ экономическихъ условіяхъ крестьянамъ все приходится покупать на чистыя денежки—хлѣбъ, сѣно, бревна на хату, дрова, жерди для изгородей. Какъ и откуда добываютъ крестьяне это «купило»? Выше мы видѣли, съ какими громадными убытками для себя крестьянинъ продаетъ свою пеньку. Продажа жмаковъ (выжимки конопл. сѣмени и коноплянаго масла) дать ему не болѣе 5—8 р. Продукты эти должны были бы служить необходимымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ; первые, сваренные въ водѣ, какъ прекрасное койло для коровъ, послѣднее— для ѣды съ кашей; а, между тѣмъ, нужда заставляетъ крестьянина давать въ пойло коровамъ одну воду, а кашу ѣсть безъ масла. Десятковъ яицъ, одна курица, 5 фунтовъ коровьяго масла, 2 ф. сушеныхъ грибовъ, два сосуна-поросенка,—все, что скоплено было хозяйкой усиленными трудами 2—3 мѣсяцевъ и что слѣдовало бы оставлять дома на потребу самихъ крестьянамъ, все это несется меръядко верстъ за 15—20 на рынокъ на продажу. Существующіе въ уѣздѣ кустарные промыслы ограничиваются выдѣлкою саней, дугъ, колесъ (въ Дербужской и частію Бирюлов. волостяхъ) и продажей ивовой коры въ сыромъ и сухомъ видѣ для дубленія кожъ, а также лыжъ для лаптей и притомъ въ чрезвычайно ограниченныхъ размѣрахъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Гореновской волости крестьяне цѣлыми обществами покупаютъ у купцовъ-землевладѣльцевъ крупный и мелкій лѣсъ подесятинно по 75—90 р., содранныю кору съ котораго они сушатъ и продаютъ рославльскимъ кушачамъ, сырую по 10 к. съ пуда, сухую по 15 к.; изъ дерева выдѣлываютъ ведра, рѣшета, лопаты, кадки, корыта и пр., но все это въ ничтожныхъ размѣрахъ. Продажа коры на цѣлую волость достигаетъ не свыше 10,000 пудовъ, а прочихъ продуктовъ—нѣсколько сотъ. Всѣ эти жалкіе зачатки кустарныхъ промысловъ не могутъ получить широкаго развитія уже потому одному, что они направлены на производство такихъ предметовъ, матеріалъ для которыхъ находится въ рукахъ собственниковъ-землевладѣльцевъ, нѣющихъ возможность всегда прижать кустарей. И прижимаютъ ихъ всѣ,

*) Статист. времен. 6, II, стр. XLVIII.

***) Смолен. Епархіал. Вѣдом. 1871, стр. 514.

начиная съ купца и кончая деревенскимъ мироѣдомъ. Постоянный недостатокъ денегъ у крестьянъ нѣветъ слѣдствіемъ то, что они по нуждѣ должны продавать за самую дешовую цѣну и эти продукты своихъ промысловъ, въ то именно время, когда деньги необходимы для уплаты податей, и даже самые необходимые для себя предметы продаютъ за безцѣнокъ, хотя сами вскорѣ должны бывать покупать ихъ въ три-дорога. Торговцы-кулаки весной раздаютъ крестьянамъ хлѣбъ и нѣкоторые другіе предметы потребленія въ долгъ по самымъ высокимъ цѣнамъ и при томъ дурнаго качества, такъ какъ въ это именно время у крестьянъ нѣтъ возможности купить все нужное на наличныя деньги по настоящимъ цѣнамъ, нѣтъ ни запасовъ, ни заработковъ.

Прежнее бортное пчеловодство, которымъ славился нѣкогда Рославльскій уѣздъ, пришло въ упадокъ и о немъ осталось воспоминаніе только въ нынѣшнемъ гербѣ города Рославля—два улья съ золотыми пчелами, служа одной лишь эмблемой прежняго, давно забытаго богатства. Во время еще независимаго существованія Смоленскаго княжества нѣмецкіе купцы пріѣзжали въ Рославль для закупки въ большомъ количествѣ воску и меду*). Съ начала нынѣшняго столѣтія пчеловодство здѣсь стало упадать. Въ 1835 г. въ Рославльскомъ уѣздѣ еще считалось до 4,241 улья**), теперь въ уѣздѣ можно насчитать не болѣе 1,500—2,000 ульевъ, да и то болшею частью у однихъ богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ, у крестьянъ же, какъ рѣдкое исключеніе. Не стало у крестьянъ лѣсу—не стало и пчеловодства. Обширное развитіе овцеводства въ древнее время вызвало на свѣтъ другую отрасль промышленности—приготовленіе «рославскихъ суконъ», о которомъ теперь сохранилось воспоминаніе только въ «Историческихъ актахъ»***); а обширные хвойныя и лиственные лѣса, которыми по своей доброй волѣ могло распорядиться крестьянское населеніе въ то время, когда еще Рославльскій уѣздъ не наводнила масса землевладѣльцевъ и кулаковъ, давали начало развитію смолокурения, на что ясно указываютъ во множествѣ разбѣянные здѣсь курганы и о чемъ сохранилось воспоминаніе въ названіяхъ 20 деревень: «Буда, Будищи» и пр.****) Слѣды прежняго матеріальнаго довольства крестьянъ мы можемъ теперь только угадывать по пѣснямъ, сохранившимся въ памяти старыхъ людей.

* Вѣстѣ съ упадкомъ производительныхъ силъ уѣзда должно выродиться и крестьянское населеніе и уменьшаться количество рабочаго скота. Статистическія данныя ясно говорятъ объ уменьшеніи крестьянскаго скота.

*) Списки населен. мѣстъ Р. II.: Смолен. губ., стр. XXXII.

**) Я. Соловьевъ, сельск. хоз. стат. Смолен. губ., стр. 339.

***) Акты Историч., т. I, стр. 446.

****) Забѣлинъ. Истор. Р. Ж. т. II., прим. 16: «Буда значитъ вообще постройка, въ частности—постройка для изготовленія поташу, смолы, дегтя».

Въ 1857 г. въ Росл. уѣздѣ числилось рогатаго скота 55,396, лошадей 46,238; въ 1859 г. рогат. скота 50,035, лошадей 43,966; съ 1861 по 1865 г. перваго 42,810; послѣднихъ 41,494. За семидесятыя годы количество это должно быть ниже приведенныхъ цифръ; такъ какъ количество скота во всей Смоленской губернии съ каждымъ годомъ все уменьшается, и Рославльскій уѣздъ, разумѣется, не составляетъ исключенія изъ общаго правила *). Вслѣдъ за упадкомъ благосостоянія крестьянъ является, какъ слѣдствіе его, увеличеніе изъ году въ годъ недоимокъ. Въ 1873 г. само правительство признало экономическую необеспеченность крестьянъ Смолен. губ. и въ виду этого обстоятельства «разрѣшило для нѣкоторыхъ собственниковъ 7 западныхъ уѣздовъ разсрочку недоимокъ и отсрочку во взносахъ казенныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей.» При крѣпостномъ правѣ, именно въ 1851 г., недоимки на помѣщичьи крестьянъ Рославльскаго уѣзда числилось 124,329 р., или по 2 р. 90 к. на душу **); въ настоящее время сумма крестьянскихъ недоимокъ всѣхъ категорій возросла до громадныхъ размѣровъ. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Росл. уѣзда недоимки числилось къ 1 декабря 1879 г.:

выкупныхъ текущихъ платежей . . .	27,315 р.	— к.
отсроченныхъ	557,248	» 72 »
подушныхъ податей	93,076	» 70 »
и отсроченныхъ	58,215	» 18 »

Итого . 736,855 р. 60 к.

или по 18 р. 50 к. на каждую ревизскую душу. Но это еще не все. Въ голодные неурожайные 1867, 1868, 1869, 1870 и 1872 годы мѣстное земство выдавало бѣднымъ крестьянамъ вспоможеніе, то въ видѣ муки и сѣмянъ на обрѣженіе полей, то въ видѣ денежной ссуды, всего въ количествѣ 200,000 р., изъ коихъ крестьянами уплачено было только 17,800 р. Ссуду эту большинство займщиковъ едва ли въ состояніи когда либо будетъ уплатить, такъ какъ производительная сила уѣзда не увеличивается, а уменьшаются. Одного земскаго долга числится за крестьянами вмѣстѣ съ наросшими на капиталъ процентами 233,547 р. 89 1/2 к., а включая сюда недоимку земскаго сбора 16,052 р., всего составитъ 249,599 р. 89 1/2 к. Если къ этому присоединить вышепоименованную недоимку, то получится сумма въ 986,455 р. 86 к., т. е. почти по 24 р. 50 к. на душу ***). Такимъ образомъ, изъ общей суммы, числящейся за бывшими помѣщичьими крестьянами, недоимки около 2/3 ея приходится на долю выкупныхъ платежей. Одинъ уже этотъ фактъ долженъ бы былъ привести къ необходимости сложить съ крестьянъ подушную подать и уменьшить размѣръ выкупныхъ платежей, сдѣлавъ ихъ вполне соответствующую

*) Давыдовъ, „Смолен. земство,“ „Вѣсти. Евр.“ 1875 г.

***) Я. Соловьевъ, Сельск. хоз. стат. Смолен. губ., стр. 252.

***) См. нашу корреспонденцію въ „Молвѣ“ 1880 г., № 31.

щими стоимости земли, а уплату излишка въ нихъ противъ этой стоимости, который крестьяне уплачиваютъ теперь, принять казнѣ на себя. Разумеетсяъ, слѣдуетъ увеличить также и количество крестьянской земли путемъ покупки при помощи кредита отъ земства и правительства *). По мнѣнію компетентныхъ людей, въ нечерноземной полосѣ, гдѣ нужно значительно больше сѣнокосовъ и выгоновъ, размѣры угодій, могущихъ дать пропитаніе, должны быть не менѣе 6—8 десятинъ на душу. Сдѣлать эту операцію слѣдуетъ какъ можно скорѣе, потому что лѣтъ черезъ 10 вся свободная продающаяся земля можетъ перейти въ руки кулаковъ и тогда послѣднее рабство будетъ горше перваго. Впрочемъ и теперь уже болѣе половины помѣщичьей земли перешло въ руки кулаковъ-купцовъ, желѣзно-дорожныхъ служащихъ «и прочихъ міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ».

Крестьянское населеніе видимо мельчаетъ, вырождается. Объ этомъ говорятъ даже и приходскіе «батрушки». «Въ отношеніи здоровья-прежнее поколѣніе имѣетъ преимущество предъ настоящимъ: между молодыми людьми не видно такихъ рослыхъ, съ такими широкими плечами, какія замѣтны почти у всѣхъ стариковъ **). Въ некоторыхъ приходкахъ замѣтно даже вымирание населенія ***). Все это, по словамъ г. Цебрикова, даетъ достаточное основаніе предполагать, что «съ давнихъ уже поръ распространеніе народонаселенія стало встрѣчать препятствія въ средствахъ къ жизни» ****). Обычная бѣдность и голодъ нерѣдко вырываютъ изъ груди крестьянина пѣсни, полныя глубокаго трагизма. Нѣтъ у него въ хатѣ ни хлѣба, ни одежды, во дворѣ — ни сѣна, ни соломы, чѣмъ бы онъ могъ накормить своего коня-пахаря и

«Идетъ онъ съ горя во чисто поле,

Идетъ съ тоски въ темны лѣса,»

Ставить въ темномъ лѣсѣ кроватушку, ложится на нее и думаетъ думу свою горькую: чѣмъ прокормить ему своего коня?

«Ты конь мой, ты пить—ѣсъ хочешь....

Бѣги конь, во чисто поле,

Найди себѣ шелковой травы;

Какъ бѣгитъ конь изъ чистова поля:

— Не нашелъ я себѣ шелковой травы.

«Ну такъ ѣшь, конь, мой кудерки....»

Апрѣль 1880 г.

И. Красноперовъ.

*) Въ Росл. уездѣ крестьяне стали покупать землю у частныхъ землевладельцевъ съ 1876 года. Всего куплено ими земли 5100 десятинъ, изъ коихъ всего только одна община купила 600 десятинъ; остальная земля покупалась отдѣльными лицами небольшими участками въ 2, 4, 5, 7 и 15 десятинъ, причемъ главную массу покупателей составляли міроѣды.

***) Смолен. епарх. вѣдом. 1873, стр. 925.

****) *ibid*, стр. 815, 1872—1874, стр. 468.

*****) Цебриковъ, стр. 139.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИТОГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1880 ГОДА.

Значительные политическіе перевороты, которые пришлось пережить нѣкоторымъ государствамъ за послѣдніе мѣсяцы, свидѣлствуютъ, что настоящее переходное состояніе несомнѣнно продолжится еще долгое время.

Всѣ возбуждаемые вопросы не только не получили еще никакого рѣшенія, но въ настоящую минуту нельзя даже приблизительно опредѣлить, когда именно взаимныя отношенія между европейскими государствами болѣе выяснятся и опредѣлятся. Внимательно прослѣдивъ наиболее выдающіяся явленія политической жизни народовъ за первое полугодіе 1880 г., невольно приходишь къ убѣжденію, что ни одно государство не удовлетворяется настоящимъ политическимъ *status quo* и не считаетъ полезнымъ для себя поддерживать его; но какимъ путемъ слѣдуетъ идти для достиженія своихъ цѣлей, для большинства государствъ остается загадкой. Отсюда постоянныя колебанія въ выборѣ союзниковъ; отсюда дружественныя объясненія и тайныя интриги, официальные заявленія о необходимости поддержанія мира и въ то же время тайныя и явныя усиленныя вооруженія; отсюда и неувѣренность правительства въ своихъ собственныхъ силахъ. Чтобы твердо и неуклонно идти по избранному пути, правительству необходимо самому быть глубоко убѣжденнымъ, что оно дѣйствительно преслѣдуетъ интересы народа; безъ этого же условія достиженіе благопріятныхъ результатовъ бываетъ лишь случайностью.

Политическія событія истекшаго полугодія вполне подтверждаютъ это положеніе; къ сожалѣнію, и вторая половина 1880 г. едва ли можетъ обѣщать намъ болѣе благопріятные для мирнаго развитія народовъ результаты. Нѣсколько случайныхъ рѣшеній отдѣльныхъ вопросовъ и еще большее осложненіе во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ — вотъ все, что мы можемъ ожидать отъ текущаго года.

Послѣдніе шесть мѣсяцевъ все вниманіе Европы преимущественно обращено было на Балканскій полуостровъ и политика великихъ державъ

все время находилась подъ давленіемъ событій, совершившихся на юго-востокѣ Европы, такъ какъ министерскій кризисъ въ Англіи былъ вызванъ восточной политикой правительства. Но не одно только паденіе, кабинета Биконсфильда находилось въ прямой зависимости отъ происшедшихъ и грозящихъ еще намъ перемѣнъ на Балканскомъ полуостровѣ. Даже многіе вопросы, повидимому относящіеся только до внутренней политики государства, косвенно были вызваны перемѣнами, связанными съ послѣдними событіями. Въ числу подобныхъ вопросовъ должно отнести тоже и возбужденный въ началѣ текущаго года вопросъ объ увеличеніи мирнаго состава германской арміи. Хотя въ мотивахъ, выставленныхъ имперскимъ германскимъ правительствомъ при препровожденіи этого проекта въ комиссію союзнаго совѣта, говорилось, что мѣра эта принимается въ виду обширныхъ преобразованій, производящихся въ арміяхъ сосѣднихъ государствъ и оставляющихъ Германію, въ отношеніи численности боевыхъ силъ, на заднемъ планѣ, но есть основанія предполагать, что мѣра эта обуславливалась также и другими соображеніями. Оборонительныя средства Германіи были достаточно уже велики и до послѣдняго военнаго закона; притомъ же, въ настоящее время, едва ли возможно было ожидать наступательнаго движенія со стороны которой либо изъ великихъ державъ;—этого не могли, конечно, не понимать нѣмецкіе государственные люди. Поэтому-то невольно приходится искать другихъ, болѣе существенныхъ причинъ, побудившихъ кн. Бисмарка рѣшиться на увеличеніе состава арміи.

Ненормальное политическое положеніе Европы, созданное событіями послѣдняго пятилѣтія, и возможность новыхъ замѣшательствъ, при которыхъ тотъ, кто будетъ лучше подготовленъ, можетъ болѣе выиграть, представляется весьма существенной и, вѣроятно, побудительной причиной для усиленія боевыхъ силъ государства, и если Германія дѣйствовала въ виду именно этихъ соображеній, то можно подивиться только ея чрезмѣрной предусмотрительности.

Проектъ закона объ увеличеніи состава германской арміи вызвалъ сильное волненіе въ Европѣ и возбудилъ даже серьезныя опасенія за миръ, но въ дѣйствительности мѣра эта вовсе не была угрозою для мира. Она являлась только послѣдствіемъ тѣхъ политическихъ отношеній между европейскими государствами, которыя были вызваны послѣдней войной. Послѣ же того, какъ эти отношенія измѣнились съ перемѣною министерства въ Англіи, законъ этотъ утратилъ свой угрожающій характеръ.—Въ настоящее время о немъ почти-что забыли. Увеличеніе численности германской арміи несомнѣнно находилось въ связи съ отношеніями Германіи къ Австріи и отношеніями послѣдней, а также и Англіи, къ восточнымъ дѣламъ. Тѣ замѣшательства, которыя могли произойти, благодаря тому интересу, который эти послѣдніе государства имѣли на востокѣ, и побудили германское правительство внести проектъ закона объ увеличеніи арміи.

Что законъ этотъ находился въ прямой связи съ интересами Австріи, — это видно изъ одновременнаго увеличенія состава австрійской арміи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что еще осенью минувшаго года, во время поѣздки германскаго канцлера въ Вѣну, состоялось соглашеніе, на основаніи котораго Германія и Австрія обязались увеличить численность своихъ войскъ до извѣстной нормы. Этимъ соглашеніемъ и объясняется тотъ странный фактъ, что оба правительства почти одновременно внесли въ палаты новый военный законъ.

Хотя графъ Мольтке въ частномъ разговорѣ съ однимъ лицомъ и заявилъ, что военный законъ не вызывается текущими событіями, но что «лучше принести эти жертвы теперь, когда мы не имѣемъ надобности въ ихъ прагматическомъ примѣненіи, чѣмъ быть впоследствии застигнутыми врасплохъ и поставленными въ необходимость принести гораздо болѣе тяжкія жертвы!» Тѣмъ не менѣе надо полагать, что германское правительство едва ли рѣшилось бы требовать отъ народа новыхъ жертвъ, если бы оно могло предвидѣть, что въ первое же текущее полугодіе послѣдуютъ существенныя перемены во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, подобныя тѣмъ, которыя вызваны либеральнымъ министерствомъ въ Англій. Что на новый военный законъ многіе и въ Германіи смотрѣли какъ на мѣру не только оборонительную, но и наступательную, видно изъ слѣдующихъ, напр., словъ одной изъ наиболѣе распространенныхъ нѣмецкихъ газетъ: «Мы опасаемся, что какъ только новый проектъ военнаго закона сдѣлается извѣстнымъ народу, пробудившійся духъ его опять умретъ, потому что виды на войну, которые обозначаются новою мѣрою, не могутъ считаться поощреніемъ торговли и промышленности. Какъ гордились всѣ офиціозы чувствомъ увѣренности въ мирѣ, которое внушалось имъ союзомъ между Германіею и Австро-Венгеріею, заключеннымъ имперскимъ канцлеромъ прошлою осенью. Мы тогда назвали этотъ союзъ политическимъ громомъ отводомъ, привлекающимъ грозу, защитой отъ которой онъ долженъ былъ бы служить. Въ виду новаго имперскаго военнаго закона, намъ кажется, что наше возрѣніе оправдывается скорѣе, чѣмъ даже вправѣ были ожидать пессимисты». Что возможность недоразумѣній между Россіею и Германіею не считалась невѣроятной и въ весьма свѣдущихъ кружкахъ Германіи, видно изъ помѣщенной 11 Февраля въ вліятельной нѣмецкой газетѣ передовой статьи, написанной по поводу укрѣпленій русской границы. Norddeutsche Allgemeine Zeitung, указывая на предполагаемую закладку укрѣпленій на западной границѣ Россіи, у Ковно, Бѣлостока и Гродно сказала: «во вліятельныхъ сферахъ едва ли можетъ существовать опасеніе на счетъ нападенія Германіи на Россію; но такая обширная и дорогостоящая закладка крѣпостей не была бы предпринята совершенно безцѣльно. Ближайшею цѣлью, вѣроятно, служить желаніе произвести на русскій народъ такое впечатлѣніе, будто бы опасаются нападенія со стороны Германіи; если вызвать это впечатлѣніе удастся, то отсюда будетъ уже недалеко до

враждебнаго возбужденія противъ угрожающаго сосѣда. Если бъ было справедливо, что русскіе планы противъ Германіи отложены только до того времени, когда будетъ готова Франція, то въ этихъ укрѣпленіяхъ противъ мирнаго сосѣда можно было бы усмотрѣть подготовленіе обезпеченной базы для будущей наступательной войны противъ Германіи. Ни Франція, ни Россія никогда не испытали нападений со стороны Германіи; поэтому, колоссальныя вооруженія обоихъ государствъ, тяжело (zwingend) давящія на всю остальную Европу, могутъ быть расчитаны только на наступательную политику.»

Бъ счастію для европейскаго мира, условія, вызывавшія со стороны Германіи подобныя предосторожности, совершенно измѣнились теперь. Искреннее желаніе императора Вильгельма поддерживать миръ со всеми сосѣдами не будетъ въ настоящее время, слѣдовательно, подвергаться испытаніямъ, и другому государству не придется возмѣщать тѣ жертвы, которыя приняла Германія, благодаря внесенному ея правительствомъ новому военному закону.

Всѣ сомнѣнія относительно мирнаго исхода затрудненій, вызванныхъ столкновеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ интересовъ великихъ державъ, окончательно разсѣялись однако только послѣ паденія торійскаго кабинета. Какъ бы ни ждала Россія избѣгнуть новой войны, но, конечно, мы не могли бы сдѣлать многихъ уступокъ, которыя отъ насъ потребовала бы Англія, въ случаѣ побѣды на выборахъ консерваторовъ. Послѣдствіемъ нашего отпаза легко могло быть серьезное столкновеніе съ Великобританіей. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя другія державы приняли бы болѣе или менѣе активное участіе въ этомъ столкновеніи. Естественно, что Германія приготовляла себя къ подобной случайности. Но съ тѣхъ поръ, какъ вѣроятность подобнаго столкновенія значительно уменьшилась, вполне выяснились и отношенія берлинскаго кабинета къ Россіи. Въ апрѣлѣ стали ходить постоянныя слухи, что снова возбужденъ былъ вопросъ о тройственномъ союзѣ. Незавѣстно откуда шло предложеніе и къ кому возбужденъ былъ подобный вопросъ, но надо полагать, что не Россіей. Исторія тройственныхъ союзовъ еще жива у насъ въ памяти и, конечно, не русскіе интересы могутъ заставить насъ снова обращаться къ нимъ. Поэтому ходившій въ то время слухамъ нельзя придавать серьезнаго значенія, но они заставляютъ обращать на себя вниманіе, потому что свидѣтельствуютъ о настроеніи сосѣднихъ намъ великихъ державъ. Съ весны и до настоящей минуты взаимныя отношенія между нами, Австріей и Германіей постоянно улучшались, и на Берлинской конференціи три сѣверныя державы имѣли неоднократно случай засвидѣтельствовать о своемъ полномъ единодушіи. Конечно, подобное явленіе нельзя не признать крайне отраднымъ, но, констатируя фактъ, должно разсмотрѣть и причины, вызвавшія его. Причины же эти каждый политическій дѣятель не можетъ не признать неполнѣ утѣшительными. Прослѣдивъ отношенія Россіи къ

Австріи и Германіи за послѣдніе годы, мы приходимъ къ убѣжденію, что въ настоящую минуту нѣтъ никакихъ данныхъ для возбужденія серьезныхъ недоразумѣній между нами и которыми либо изъ этихъ государствъ. Но подобное положеніе относительно двухъ могущественныхъ сосѣднихъ великихъ державъ нельзя признать вполне благоприятнымъ для нашихъ интересовъ. Россія могла бы считать себя несравненно болѣе обезпеченною, если бы не только отсутствовали данные для столкновения съ сосѣдними государствами, но существовали бы такія условія, которыя связывали бы ихъ интересы съ нашими. Къ сожалѣнію, вполне безпристрастно разбирая взаимныя отношенія этихъ трехъ государствъ въ данный моментъ, трудно бы было утверждать это. Хотя подобное положеніе не можетъ вызывать серьезныхъ опасеній не только за прочность европейскаго мира, но даже за спокойствіе въ Европѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не пожелать, чтобы со временемъ было возможно указать не только на отрицательныя, но также и на положительныя причины, благодаря которымъ мирное развитіе Россіи и сосѣднихъ съ нею государствъ считалось обезпеченнымъ на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени.

Въ настоящее время законъ объ увеличеніи личнаго состава германской арміи совершенно утратилъ свое политическое значеніе, но, какъ явленіе, освѣщающее слагавшіяся между государствами отношенія, онъ сохранить значеніе въ исторіи дипломатическихъ сношеній великихъ державъ. Несвоевременно внесенный, благодаря политической ошибкѣ, онъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ неустойчивости современной политики правительствъ, неустойчивости, за которую народу приходится приносить жертвы. Другой примѣръ тяжелыхъ для народа послѣдствій неустойчивой политики представляетъ намъ Австрія по отношенію къ боснійскому вопросу. Извѣстно, какія громадныя жертвы были принесены австрійцами для приведенія въ исполненіе постановленія Берлинскаго конгресса относительно занятія Босніи и Герцеговины. Австрійское правительство давно уже имѣло виды на эти провинціи, но общественное мнѣніе Австро-Венгріи не раздѣляло взглядовъ правительства на боснійскій вопросъ. Не только мадьяры, но и большинство жителей Цислейтаніи считали присоединеніе этихъ провинцій положительно невыгоднымъ для государства. Встрѣчая оппозицію въ народѣ своимъ завоевательнымъ стремленіямъ, правительство постоянно колебалось при выборѣ мѣръ для достиженія своей цѣли—полнаго присоединенія Босніи и Герцеговины. Изъ нѣкоторыхъ официальныхъ заявленій вѣнскаго кабинета видно, что даже въ самомъ министерствѣ неоднократно возбуждалось сомнѣніе касательно того, выгодно ли будетъ присоединить къ Австріи двѣ славянскія провинціи. Рѣшивъ этотъ вопросъ утвердительно, австрійское правительство оперлось не на внутреннія силы и не на желаніе народа, а на свои отношенія къ другимъ государствамъ, именно къ Англіи и Германіи, и на выгоды послѣднихъ. Несоостоятельность подобной политики

начала уже обнаруживаться. Повредивъ своимъ отношеніямъ къ Россіи и подорвавъ довѣріе къ себѣ въ Портѣ, Австрія въ то же время значительно услила неудовольствіе славянскихъ народностей Балканскаго полуострова.

Въ Вѣнѣ рассчитывали вознаградить себя за все; благодаря содѣйствію Англии и Германіи, которыя выказывали готовность поддерживать австрийское *Drang nach Osten*; но паденіе торійскаго министерства разстроило всѣ планы Австріи. Въ компетентныхъ кружкахъ утверждали даже, что между Австріей и Англійей состоялось исчерпанною зимою полное соглашеніе относительно рѣшенія «восточнаго вопроса» и распредѣленія вліянія какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Азіатской Турціи. Побѣда либеральной партіи въ Англии совершенно измѣнила положеніе дѣлъ. Глава теперешняго великобританскаго правительства, Гладстонъ, еще до распушенія парламента, въ рѣзкихъ выраженіяхъ осудилъ восточную политику Австріи и заявилъ себя ея гордымъ противникомъ. Правда, получивъ власть, онъ значительно смягчилъ свои выраженія относительно Австріи, но подобное отступленіе не можетъ быть приписано переживъ во взглядахъ англійскаго премьера, а лишь необходимо ему, какъ главѣ министерства, официально находиться въ дружественныхъ сношеніяхъ съ правительствами воѣхъ государствъ.

Что Гладстонъ считаетъ своимъ долгомъ предоставить освобождающимся народамъ полную свободу устраниваться, какъ они сами пожелаютъ, объ этомъ онъ заявилъ тотчасъ же послѣ окончанія выборовъ въ Англии, доставившихъ его сторонникамъ громадное большинство въ парламентѣ. Будучи теперь главою англійскаго правительства, онъ, повидимому, строго намѣренъ руководствоваться въ политикѣ этими взглядами. Высказанное Гладстономъ относительно освобождающихся народовъ мнѣніе произвело въ австрийскихъ правительственныхъ кружкахъ самое тяжелое впечатлѣніе. Надежда достигъ затаенныхъ цѣлей при поддержкѣ дружественныхъ государствъ была окончательно утрачена, а между тѣмъ боснійскій вопросъ не только остается неразрѣшеннымъ, но даже принимаетъ неблагоприятный для Австріи оборотъ. Окончательное присоединеніе Боснии и Герцеговины къ Австріи, недавно еще считавшееся въ Вѣнѣ дѣломъ рѣшеннымъ, снова становится сомнительнымъ. Дѣятельность австрийскихъ властей въ этихъ провинціяхъ еще болѣе затрудняетъ благоприятное для Австріи разрѣшеніе вопроса. При настоящихъ условіяхъ, въ Вѣнѣ не смѣютъ даже надѣяться, что Европа признаетъ Боснію и Герцеговину частью имперіи Габсбурговъ, а между тѣмъ населеніе этихъ провинцій, послѣ двухлѣтняго австрийскаго владычества, окончательно возненавидѣло *шабашу*. Естественно, что теперь Австрія далѣе, чѣмъ когда либо, отъ достиженія тѣхъ плановъ, которые недавно еще составлялись въ Вѣнѣ.

Трудно подобрать болѣе темныя краски, чѣмъ тѣ, въ которыхъ рисуетъ бывшій президентъ временнаго правительства въ Босніи г. Юнинъ австрийское владычество въ славянскихъ провинціяхъ. Исполняя волю

народа, Ломинь-Препроводилъ къ Гладстону записку о настоящемъ положеніи босняковъ и съ своей стороны просилъ англійскаго премьера обратить вниманіе на тяжелое положеніе угнетаемаго Австріей народа и содѣйствовать къ его освобожденію. Вотъ текстъ письма, при которомъ отправлена была записка босняковъ:

«Сэръ, въ 1875 г., какъ вамъ извѣстно, неистовства административныхъ властей Порты и невыносимый гнѣвъ вызвали въ средѣ христіанскаго населенія Герцеговины и Босніи кровавыя событія, послѣдствія которыхъ приняли столь грозный характеръ, что Европа была на краю общей войны, и только громадные усилія могли предотвратить нарушеніе мира и спасти континентъ отъ страшныхъ бѣдствій.

«Порабощенный народъ, проливая въ то время кровь за свободу, возбуждалъ къ себѣ сочувствіе всего просвѣщеннаго міра, столь искреннее, что его страданія, казалось, приближало уже конецъ, и наступленіе новой эры полнаго спокойствія и благоденствія ожидалось въ недалекомъ будущемъ. Впослѣдствіи эта надежда еще болѣе находила себѣ опору въ созваніи берлинскаго конгресса, съ цѣлью улучшить бытъ населенія Балканскаго полуострова. Приговоромъ Европы власть султана надъ народомъ-мученикомъ была упразднена, и Австро-Венгрія получила уполномочіе принять на себя временно миссію просвѣтительницы и умиротворительницы Босніи и Герцеговины.

«Состоявшееся, однако, рѣшеніе великихъ державъ мгновенно разсѣяло свѣтлыя мечты, и вѣсть о немъ для плѣннаго народа была роковымъ ударомъ и въ то же время какъ бы призывомъ къ оружію на защиту своихъ правъ отъ угрожавшей имъ опасности; къ Европѣ же, напротивъ, рѣшеніе конгресса было съ радостію пріивѣтствовано и считалось предвѣстникомъ водворенія порядка и мира. Это заблужденіе было такъ сильно, что никто, повидимому, не хотѣлъ допускать мысли, чтобы отчаянное сопротивленіе, оказанное оккупационной армію, было слѣдствіемъ недовѣрія къ безкорыстію Австріи, и всѣ смотрѣли на поголовное возстаніе, какъ на простую удачу воинственныхъ горцевъ, не имѣвшую никакого политическаго смысла.

«Съ наступленіемъ же въ обществѣ равнодушія къ дальнѣйшей судьбѣ народа, бывшаго причиною почти окончательнаго разгрома Оттоманской имперіи, печать также начала игнорировать баснійско-герцеговинскій вопросъ и до послѣдняго времени отказывалась даже предавать гласности факты, возмущающіе душу и доказывающіе, что господство турокъ въ сравненіи съ австрійскимъ было едва ли не золотымъ вѣкомъ.

«Между тѣмъ, со времени оккупации страданія всѣми забытаго народа увеличивались съ каждымъ днемъ. Пользуясь безконтрольностью державъ, злоупотребленія новыхъ пришленцевъ превзошли всякую мѣру.

«Теперь народъ положительно гибнетъ отъ повинностей и налоговъ, о размѣрахъ которыхъ при турецкомъ, хотя и варварскомъ режимѣ, ни-

что не имѣлъ понятія, въ возмраіе сопровождается приемами, какими-либо новыми. времена инквизиціи. Ослепительная взроторность, допуская пріеся турки, благодаря ихъ распушонности, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ моментовъ, когда разигрывался религиозный фанатизмъ мусульманъ, въ настоящее время считается за пустую фразу и гоненіе вошло въ систему и законную еину. Что касается судовъ, то въ нихъ царить одна только волюнціи промволъ, и никто ни въ чемъ для себя защиты найти не можетъ. Однимъ словомъ, Боснія и Герцеговина представляеть арену полной свободы для проходившихъ и гнусныхъ эксплуататоровъ, стекающихся туда изъ Австріи; для кореннаго же населенія это есть адская и душная тюрьма, гдѣ оно томится въ неволѣ и не видитъ конца своимъ страданіямъ.

«Столь печальное положеніе можетъ съ перваго взгляда показаться тѣмъ-то преувеличеннымъ и невѣроятнымъ, но, къ сожалѣнію, все сказанное подтверждается текстомъ боснійско-герцеговинскимъ меморандумомъ, заключающимъ изложеніе на мѣстѣ собранной и проверенной тѣмъ же еще незначительной части фактовъ о неслыханнхъ злоупотребленіяхъ австро-венгерскихъ властей по ихъ водвореніи въ сербскихъ провинціяхъ.

«Да исполнится вдохновенный Провидѣніемъ и провозглашенный вами девизъ вѣтхней политики либеральной партіи «руки прочь!»

Хотя письмо г. Юнина и достаточно знаменитъ съ дѣятельностью австрійскихъ агентовъ въ Босніи, но, чтобы представить полную картину настоящаго положенія славянскихъ провинцій, желаннымъ будетъ привести нѣкоторыя мѣста изъ меморандума, приложеннаго къ этому письму.

Вотъ, напр., одинъ изъ характеристичныхъ фактовъ исторіи владычества Австріи въ Босніи: «Австрійскіе солдаты, напавъ на домъ Адама Филонича, разграбили до тла все его имущество и развели (вѣрно: стреленіе). Самого Адама они ранили и истерзавшаго кровью, гоняго, погнали въ Старую Градишву. По пути его били. Прибывъ на мѣсто, Адамъ тотчасъ же умеръ. Солдаты сами рассказывали, какъ они, въ продолженіи 14 часовъ, при страшной жарѣ, не давали ему нить. Адамову булу (жену), несчисленную красавицу, доставили въ шкату въ генералу Самецу, насильно продержавшему ее у себя до отъѣзда своего изъ Босніи».

Другой случай, бывшій въ Дервентѣ, не менѣе характеристиченъ.

Въ Дервентѣ пригнутаъ шведскому офицеру сербляка, дочь хитбопена. Донъ Жуанъ поручилъ «какой-то старушкѣ» устроить ему свиданіе съ красавицей. Но тамъ какъ въ «Босніи» нравственность стоитъ очень высоко, то добродѣтельная старушка получила отъ Ангелины, вѣсто селенія, ударъ палкой по головѣ. Вся въ крови, она побѣжала жаловаться офицеру, а тотъ ее уговорилъ сдѣлать еще попытку, причѣмъ и пригнутаъ исцати, если она не уступитъ, малобой военному суду за ударъ. Воинствующая Ангелина, увидѣвъ старушку, не дала ей сказать ни слова и отогнала отъ колодца, въ которомъ та черпала прежде воду.

Обиженный лшавъ не нашелъ лучшей расправы, какъ судъ. Старуха, по приказанію его, донесла, что красавица обавала цезаря Франца-Иосифа лшымъ. Военный судъ послалъ жандармовъ и солдатъ арестовать преступницу. Солдаты не привели Амшолду пристойно, но въ локмотьяхъ, закованною въ цѣпи. Судъ, еще не приступая къ разбору дѣла, велѣлъ ее привязать къ колу, лицомъ къ солнцу. Такъ ее продержали шесть часовъ. На другой день ей былъ объявленъ смертный приговоръ. Дервентскіе сербы, узнавъ, что ее хотѣтъ расстрѣлять, немедленно собрались и стали просить за нее, утверждая ея невиновность во вводимомъ преступленіи. Судьи согласились только отсрочить казнь на день. Послали въ Сараево прѣсбу по телеграфу и, только благодаря какому-то особенному обстоятельству, дѣвушка была оставлена жива!»

Вотъ еще нѣсколько возмутительныхъ фантомовъ изъ исторіи австрійскаго владычества Босніи.—Такъ, напр., послѣ побѣды усталой (изъ прежнихъ бандъ) надъ турецкими повстанцами при Гласницѣ, взяли былъ лагерь матажниковъ, гдѣ нашихъ много домашнихъ вещей, принадлежащихъ поселянамъ-сербамъ окрестныхъ селъ. Вещи эти были отняты у нихъ турками-повстанцами. Австрійцы же тотчасъ обвинили сербовъ въ участіи въ возстаніи и кинулись по селамъ, какъ блыстныя зотри; гдѣ кого находили, такъ того и убивали, а женщинъ безчестили, безъ исключенія. Стану Вуцовичъ и дочь ея, Стою, 18-ти лѣтъ, изнасиловали въ присутствіи родныхъ и потомъ обвинъ прикололи штыкомъ. Обѣ—изъ села Обртича, округа Рогатицкаго. Зека Иржуна изъ Монострвца, Антонія Восарича, Марья и Лазаря—сыновою его, Николу Восарича расстрѣляли. Старикъ Антоній, лежавшій больнымъ уже шесть мѣсяцевъ, убить въ постели. Всѣ они изъ села Читлука, Гласницкаго округа. Юва Блосарича, юношу 18-ти лѣтъ, Анну Вуковичъ, восьмилѣтнюю больную дѣвочку, вмѣстѣ съ матерью разрубали на куски. Записка перечисляетъ еще много расстрѣлянныхъ, причемъ заканчивается эпизодъ выраженіемъ: «австрійскіе солдаты—это краденые чертесы.»

Послѣ ваятія ея и усмиренія крацискихъ мусульманъ, генералъ Самецъ приказалъ закатывать и арестовывать всѣхъ попадающихъ подъ руку горожанъ-турокъ, совершенно невиновныхъ въ матажѣ. Народъ очень вѣрно объяснилъ это—желаніемъ разворовать беговъ баньялукскихъ. Самецъ, позвавъ католическаго парока (сладисинита) и Ивана Мартиновича—шопца, отобралъ отъ нихъ подробнѣйшія показанія о богатствѣ самыхъ выдающихся здѣсь мусульманскихъ фамилій. Такимъ образомъ, составленъ былъ списокъ: сколько кто имѣетъ и сколько кто долженъ заплатить контрибуціи. Парокъ и Мартиновичъ послѣ этого командировались въ тюрьмы для переговоровъ съ захваченными бегами. Переговоры велись такъ, «какъ если бѣ это былъ спотъ». Бѣги, платившіе, освобождались, упорствовавшіе—расстрѣльвались. Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ: Арифъ-ага-Шарчевичъ, богатѣйшій баньялукчанинъ, отвѣтилъ на-

отрѣзъ: «Умереть—согласенъ, платить не хочу. Ни одной шары не дамъ кровопийцамъ». По словамъ меморандума, пущенный въ дѣло родъ пытки не развязалъ языка агъ, и мѣсто, гдѣ хранились его сомовища, осталось тайной. Очевидцы рассказываютъ, что его съ связанными руками и ногами, голаго, волокли по землѣ отъ казармъ до юванчева огорода, на разстояніи 400 шаговъ, до тѣхъ поръ, пока его не прикололи. «Несчастный оставался у огорода семь дней непогребеннымъ и былъ съѣденъ собаками». Сынъ Хаджи-Дервина-аги-Гутча, безногий Сульфо, который, вслѣдствіе своего калѣчества, ни въ чемъ не могъ принимать участія, видѣлъ съ своими братьями (младшему 14 лѣтъ) разстрѣлявъ за отказъ выплатить выкупъ. Муяга-Смаиль-Бадичъ-Джумишличъ былъ обложенъ выкупомъ въ 10,000 дукатовъ. Этотъ знатнѣйшій человѣкъ въ Баньлукѣ «мученъ шесть дней», а все-таки отказался отъ уплаты. Въ день казни Муяга вышелъ на площадь спокойный и веселый, такъ что «мы считали его освобожденнымъ». Онъ смѣялся и бодро смотрѣлъ на собравшійся народъ. Окончивъ молитву, Муяга крикнулъ: «Я готовъ—исполняйте приговоръ!» Командированный генераломъ Самецомъ капитанъ сталъ его увѣщавать: «Его превосходительство-де жалѣетъ, что человѣкъ, подобный тебѣ, гибнетъ. Пріязнь нашего цезаря своимъ государемъ и ступай доной, разумѣется, уплативъ деньги» (цезарь цезаремъ, а дукаты дукатами).—«Прочь отсюда, подлый швабъ!» отвѣтилъ ему Муяга: «Неужели ты думаешь, что Джумишличъ умнѣется такъ изъ-за одной башки (головы)? Если бъ я зналъ, что вы джехсехскихъ (адскихъ) собакъ злѣе, то не былъ бы теперь передъ вами...»

Онъ не кончилъ—капитанъ далъ сигналъ, и Джумишличъ былъ убитъ наповалъ залпомъ солдатъ.

Всякіе комментаріи излишни къ приведеннымъ фактамъ. Естественно, что неадекватность къ Австріи должна была упрямиться въ славянахъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Политика австрійскаго правительства за послѣднее время слушаетъ лучшимъ доказательствомъ не разъ уже взаимнаго нами мнѣнія, что Австрія не имѣетъ задатковъ для преобразования въ Славянскую Имперію. Оныи Маріи-Терезіи хорошо понималъ свое государство, когда заявлялъ, что Австрія еще съ конца минувшаго столѣтія должна была стремиться отдѣлаться славянскимъ государствомъ и что, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, подобное преобразование сдѣлается невысланнымъ. Въ справедливости словъ императора Юсіфа относительно необходимости *Grand nach Osten* австрійскіе государственные люди убѣдились только послѣ Седана, но средства, набранные ими для достиженія цѣли, нельзя не признать вполне несостоятельными. Невозможно указать ни одного кримира въ исторіи, когда прочное государство создавалось путемъ насилія, а въ Австріи именно и рассчитывали на насиліе, какъ на лучшее средство для достиженія цѣли.

Образъ дѣйствій вѣнскаго кабинета по отношенію къ Сербіи въ вопросѣ о сербскихъ желѣзныхъ дорогахъ, подробно изложенный нами въ майской книжкѣ «Русской Мысли», не можетъ возбудить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно чувствъ, которыя должно питать къ имперіи Габсбурговъ населеніе этого славянскаго княжества. Составленный послѣ выборовъ въ англійскій парламентъ адресъ отъ сербовъ Гладстону ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ смотрятъ они на свое теперешнее положеніе. «Сербскій народъ,—говорится въ адресѣ,—политическій мученикъ. Мучителемъ его недавно еще была Турція,—вѣдь это извѣстно. Кто же теперь замѣнилъ мѣсто послѣдней—остается догадываться.» Впрочемъ, въ письмѣ уполномоченнаго для врученія адреса Н. Іовановича къ тому же Гладстону поясняется то, что остается недосказаннымъ въ адресѣ.

«М. г. Нижеподписавшійся гражданинъ Сербіи,—писалъ Іовановичъ,—былъ отправленъ сюда съ тѣмъ, чтобы вручить вамъ письмо, которое васъ проситъ принять какъ искреннюю, хотя и скромную, дань уваженія къ вашей особѣ и какъ эмблему дружбы и надежды на васъ всего сербскаго народа.

«Пользуясь такимъ счастливымъ для меня случаемъ, я позволяю себѣ присовокупить, что выраженные въ адресѣ чувства не ограничиваются ни переживаемымъ нами временемъ, ни простраствомъ, занимаемымъ сербскимъ княжествомъ. Гораздо точнѣе и правильнѣе я охарактеризировала бы настоящее положеніе дѣлъ, заявляя, что чувства эти распространяются далеко за предѣлы княжества, обнимая собою всѣ земли, населенныя сербами. Это относится какъ къ нашимъ братьямъ между Дравомъ, Савою и Дунаемъ, къ Хорватіи, Славоніи и Воеводинѣ, такъ и къ пропитанному кровью Коссову полю и къ покрытой глубокимъ трауромъ родинѣ кралевича Марка изъ Прилиппо въ Македоніи; это относится также къ лѣсной гордой Босніи, и къ скаламъ доблестной Герцеговины, и къ омываемой моремъ Далмаціи, не говоря уже объ увѣнчанныхъ славою вершинахъ «современной Спарты», неустрашимой Черной Горы... Словомъ чувства эти господствуютъ вездѣ, гдѣ только говорятъ не-сербски и бьются сербскія сердца. Я повторяю вамъ—и вы можете вполне вѣрить словамъ моихъ—что всѣ эти, насильственно отторженные другъ отъ друга кровные братья съ нѣмымъ единодушіемъ и съ одинаковымъ во всѣхъ убѣжденіемъ видятъ въ васъ апостола равенства людей и народовъ, подымающаго знамя свободы и справедливости. Всѣ они также приносятъ присягу знамени, свободы и справедливости и надеются, что и ихъ лѣтаписки страданій наступитъ конецъ и имъ также будетъ дарована свобода, изъ-за которой они такъ страдали и проливали кровь свою. Они надеются, что лучезарные лучи восходящаго солнца свободы озарятъ и ихъ несчастную родину, согрѣютъ ее и призовутъ къ культурной жизни, подобно народамъ, болѣе ихъ благопріятствуемымъ судьбою. Будучи проникнуты такимъ убѣжденіемъ, всѣ сербы могутъ васъ увѣрить, что если

не всёмі ииъ дано бытъ съ вами гласно, то они всё съ вами въ глубинѣ души своей.

«Лондонъ, 23-го апрѣля (5-го мая) 1880 г.

«Видѣть съ согражданами своими благодарный и глубоко вашъ преданный Николай Ювановичъ».

Ювановичъ въ письмѣ этомъ не только явно намекаетъ на Австрію, но прямо указываетъ даже на сербскія провинціи Габсбургской Имперіи, жаждущія свободы.

Австрія, какъ извѣстно, въ прежнее время и во внутренней своей политикѣ считала полезнымъ по возможности тѣснить славянъ; только недавно въ Вѣнѣ начали убѣждаться въ несостоятельности подобнаго образа дѣйствій. Относительно же внѣшней политики, приемы австрійцевъ не измѣнились. Но съ нѣкотораго времени со стороны ихъ иногда какъ бы проявляется стремленіе дѣлать мирныя завоеванія между славянами. Въ этомъ духѣ вѣнскій кабинетъ дѣйствовалъ иногда относительно Черногоріи и Болгаріи. Таково, напр., предложеніе обмѣнять присужденныя Черногоріи участки земли близъ Подгорицы на Дульциньо.

Конечно, нѣсколько отдѣльных фактовъ не могутъ характеризовать австрійской политики, но они заслуживаютъ вниманія, какъ свидѣтельствующіе о проявляющемся иногда въ Вѣнѣ сознаніи необходимости сдѣлать что-нибудь въ интересахъ славянъ. Чѣмъ вызываются подобныя уклоненія отъ установившихся уже приѣмовъ, трудно сказать еще, но, несомнѣнно, въ каждомъ подобномъ случаѣ играетъ роль чье-нибудь вліяніе, идущее въ разрѣзъ со взглядами правительства. Должно ожидать, однако, что во внѣшней политикѣ Австріи подобные случаи будутъ все чаще и чаще повторяться. Славянскій элементъ начинаетъ пріобрѣтать мало-по-малу все большее и большее вліяніе въ австрійскихъ правительственныхъ кружкахъ и тѣснить славянъ, даже въ интересахъ Австріи, руководящихъ кружкамъ будетъ съ каждымъ годомъ все затруднительнѣе. Послѣдствіемъ усиленія вліянія австрійскихъ славянъ на руководящія вѣнскіе кружки будетъ, несомнѣнно, нѣкоторое охлажденіе между Берлиномъ и Вѣною. Это предвидать нѣкоторые государственные люди Австріи и поэтому-то славяне лишь съ трудомъ пріобрѣтаютъ принадлежащее имъ по праву положеніе въ австрійскомъ правительствѣ.

Поставленный въ затруднительное положеніе между славянами и немцами, вѣнскій кабинетъ долженъ еще постоянно оглядываться на свою западную границу, гдѣ ему начинаютъ серьезно угрожать происки Италіи.

Въ текущемъ году партія «немскупленной Италіи» сдѣлала громадныя успѣхи, число ея приверженцевъ постоянно возрастаетъ и къ ней принадлежатъ теперь многіе выдающіеся политическіе дѣятели. Программа «Italia intedenta» извѣстна. Она домогается присоединенія къ королевству всѣхъ земель, когда либо принадлежавшихъ Италіи или въ которыхъ преобладаетъ итальянскій элементъ, а именно: Триэста, итальянскаго Тироля,

Савои и Ниццы. Въ особенности настоятельно добивается она присоединенія итальянскихъ земель, принадлежащихъ Австріи. Въ послѣдней въ итальянцахъ сохранилась вѣковая глубокая ненависть и этимъ-то объясняется отчасти стремленіе «непримиримыхъ» покончить прежде всего счеты съ имперіей Габсбурговъ. Многочисленныя враждебныя демонстраціи *Italia irredenta*, происходившія въ первой половинѣ 1880 г., возбуждали одно время серьезныя опасенія въ Вѣнѣ и послужили даже поводомъ къ официальному запросу со стороны министерства императора Франца-Иосифа. Благодаря усилившейся агитаціи партіи дѣйствія въ Италіи, отношенія между Вѣной и Римомъ сдѣлались крайне натянутыми. На нѣкоторые пограничные пункты стянуты были даже значительныя силы и ходили одно время слухи о предстоящемъ столкновеніи между Австріей и Италіей. Конечно, всѣ эти слухи значительно преувеличивали дѣйствительное положеніе дѣлъ, но что постоянно возрастающее на Апеннинскомъ полуостровѣ вліяніе партіи «неискупленной Италіи» все болѣе и болѣе разъединяетъ Австрію и Италію—это не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. Малочисленная и слабая двѣнадцать лѣтъ тому назадъ *Italia irredenta*, благодаря тайному покровительству самого правительства, потворствовавшего ей демонстраціямъ, сдѣлалась въ настоящее время могущественнымъ политическимъ двигателемъ въ жизни молодого королевства. Итальянцы воспитываются теперь на идеѣ необходимости объединенія всѣхъ итальянскихъ земель, и съ каждымъ годомъ правительству будетъ все труднѣе и труднѣе сдерживать порывы «непримиримыхъ». Для выполненія желанія *Italia irredenta* необходима война, а Италіи едва ли въ силахъ бороться съ Австріей: послѣдствія пораженія были бы губительны для королевства. Значительное большинство итальянцевъ хотя и сочувствуетъ въ душѣ стремленіямъ партіи «непримиримыхъ», но не увлекается, однако, несбыточными (въ данную минуту) надеждами. Опираясь на это-то большинство, правительство и сдерживаетъ неумѣренные порывы крайней партіи. Когда въ мартѣ броженіе въ народѣ, вызванное *Italia irredenta*, значительно усилилось, въ римской палатѣ депутатовъ послѣдовалъ запросъ со стороны депутата Мартелли, потребовавшаго отъ министерства разъясненія опасеній, вызванныхъ слухами о возможности столкновенія съ Австріей. «Италіи приписываются,—сказалъ Мартелли,—завоевательные замыслы; пусть правительство дастъ отчетливыя объясненія, чтобъ разсѣять опасенія. Сохраненіе дружественныхъ отношеній къ державамъ составляетъ необходимость. Я признаю несовершенство итальянской границы, но считаю дружбу съ Австріей дѣломъ болѣе важнымъ. Внѣшняя политика правительства не должна быть нарушаема агитаціею. Италія должна держаться оборонительной политики, не оставаясь, однако, равнодушною къ войнамъ, нарушающимъ равновѣсіе Европы. Географическое положеніе Италіи воспрещаетъ ей соблюдать безусловный нейтралитетъ».

Безопасность, вызванное между умѣренными итальянцами агитаціонною дѣятельностью «непримиримыхъ», которыхъ поддерживали отчасти и республиканцы, побудило правительство отречься отъ солидарности съ ними. Въ рѣчи, объясняющей политику кабинета, Байроли доказывалъ, что Италия не изолирована и находится въ нормальныхъ условіяхъ державы, которая, вѣсто компрометирующихъ союзовъ, стремится къ сохраненію мира, не исключая дружескихъ услугъ. Правительство желаетъ удалиться отъ всякаго нарушенія добрыхъ отношеній къ державамъ; согласныя договорамъ и другія соображенія совѣтуютъ Италиі держаться дружбы съ Австріей, дружбы, которая не можетъ быть смущена безсильными разглагольствованіями тѣхъ, кто мечтами безумныхъ предпріятій подвергаетъ опасности плоды вѣковыхъ жертвъ. Австрія, своими откровенными и дружественными заявленіями, сама устранила впечатлѣніе недоувѣрія, которое было вызвано мыслью о мнимыхъ опасностяхъ. Министры будутъ единодушно стоять за обѣщанныя правительствомъ административныя, военныя и податныя реформы. Въ области внѣшней политики, правительство желаетъ обезпечить сердечную дружбу съ державами и, въ то же время, сохранить за собою свободу дѣйствій; по части внутреннихъ дѣлъ, оно желаетъ политики безпристрастной, ограждающей всѣ права и подавляющей всякіе беспорядки, равно какъ мудрыхъ мѣръ относительно финансовъ и народнои обороны.

Но, отрекаясь отъ солидарности съ *Italia irredenta*, министерство, тѣмъ не менѣе, не принимало никакихъ мѣръ къ прекращенію вызываемыхъ ею волненій. Да едва ли какія-либо рѣшительныя мѣры противъ этой партіи были бы осуществлены тогда. «Неискупленная Италия» желаетъ того же, чего желаютъ всѣ итальянцы, только эта партія громко высказываетъ свои желанія и работаетъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Агитація производится теперь на столько открыто, что даже чеканятся изъ отбитыхъ нѣкогда у австрійцевъ пушекъ медали съ надписью на одной сторонѣ «*Senza Alpi e Adria non c'è Italia*» *), а съ другой «*Nil actum gerunt si quid superest agendum*».

Неудовлетворительныя отношенія, установившіяся въ то время между Римомъ и Вѣною, грозившія серьезными политическими замѣшательствами, побудили самого короля Гумберта посоветовать министру-президенту не допускать враждебныхъ Австрій демонстрацій со стороны *Italia irredenta*. Отвѣтъ Байроли на заявленіе короля весьма характеристиченъ и свидѣтельствуетъ о невозможности для правительства сдерживать выходки «неискупленной». «Не будетъ ни малѣйшаго основанія, — сказалъ Байроли, — опасаться дѣятельности *Italia irredenta* въ тотъ день, когда общественное мнѣніе Италиі выяснитъ себѣ настоящую цѣль австрійской оккупаціонной политики.» Министръ-президентъ этими словами возлагаетъ ответствен-

*) Безъ Альпъ и Адриатики нѣтъ Италиі.

ность за всё недораазумѣнія, которыя возникли въ послѣднее время между Австріей и Италіей, на первую; но несостоятельность подобнаго объясненія вполне очевидна.—Конечно, не Австрія, владеющая итальянскими провинціями, можетъ желать возбуждать противъ себя неудовольствіе въ итальянскомъ народѣ.

Рѣчь, произнесенная въ палатѣ депутатовъ г. Бовіо, «непримиримыхъ», можетъ служить лучшимъ доказательствомъ неискренности отвѣта Кайроли королю. Бовіо прямо заявилъ, что общественное мнѣніе сильно заблуждается относительно намѣреній партіи «непримиримыхъ», члены которой не столько политики, сколько географы и этнографы. Они занимаются изслѣдованіемъ на картѣ теченія рѣкъ, положенія горныхъ проходовъ, прибрежій и направленія вѣтровъ. Эти научныя изслѣдованія привели такъ называемыхъ «непримиримыхъ» къ убѣжденію, что сама природа указала Италіи на необходимость присоединенія къ ней нѣкоторыхъ австрійскихъ провинцій, нужныхъ для опредѣленія границъ Италіи и развитія ея торговли. Ораторъ прямо обвинилъ министерство г. Кайроли въ томъ, что оно не сумѣло объединить Италію съ цѣлью охраненія неприкосновенности ея достоинства и правъ итальянскаго народа. Если бы правительство придерживалось другой политики, то Австрія сама уступила бы Италіи Тироль и Триестъ, итальянское населеніе которыхъ жаждетъ освобожденія отъ чужеземцевъ.

Едва ли вліяніе «непримиримыхъ», преслѣдующихъ подобныя цѣли, хотя сколько-нибудь ослабнетъ, когда выяснится оккупационная политика Австріи. Агитаторская дѣятельность этой партіи нисколько не затихнетъ, тогда и волненія, возбуждаемыя ею, понятно, не уменьшатся. Что данный королю отвѣтъ былъ неудовлетворителенъ, призналъ впоследствии и самъ министръ-президентъ, вынужденный заявить въ сенатѣ, что «правительство будетъ карать всякое дѣяніе, всякую демонстрацію, которыя могли бы повредить международнымъ отношеніямъ Италіи.»

Въ послѣднее время, когда австрійскій вопросъ затихъ и «неискупленная Италія» перестала волновать народъ, правительству пришлось обратить вниманіе на происки Ватикана, принимающаго теперь серьезныя мѣры, чтобъ поддержать свое колеблющееся вліяніе въ Италіи. Клерикальная партія въ текущемъ году рѣшилась даже выступить на муниципальных выборахъ Рима и, вопреки ожиданіямъ, одержала полную побѣду. Даже Гарибальди и тотъ былъ забалотированъ.

Вообще въ настоящемъ году римская курія выказываетъ чрезвычайную дѣятельность и поддерживаетъ переговоры съ многими государствами, защищая интересы католицизма. Правда, результаты ея дѣятельности за первое полугодіе далеко неблагоприятны для нея, тѣмъ не менѣе глава римской церкви, повидимому, не теряетъ надежды побудить правительство сдѣлать Ватикану нѣкоторыя уступки.

Въ истекшее полугодіе борьба между клерикалами, поддерживаемыми Ватиканомъ, и правительствомъ, происходила главнымъ образомъ во Франціи, Германіи и Бельгіи. Съ каждымъ изъ этихъ государствъ Левъ XIII велъ переговоры, но Германія и Бельгія, первоначально выказывавшія готовность удовлетворить нѣкоторыя требованія папы, въ послѣднее время начали дѣйствовать въ далеко не столь, какъ первоначально, примирительномъ духѣ. Столкновеніе правительства съ клерикальной партіей во Франціи—хотя вопросъ чисто внутренней политики, но, какъ вліяющій на отношенія Франціи къ Ватикану, безспорно имѣетъ нѣкоторое международное значеніе. Причина борьбы заключалась въ желаніи французскаго правительства провести 7-ю и 8-ю статьи такъ называемаго «закона Ферри», ограничивающаго права духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Вотъ содержаніе этихъ статей:

§ 7. «Никто, принадлежащій къ непризнанной государствомъ духовной конгрегаціи, не можетъ ни участвовать въ общественномъ или частномъ преподаваніи, ни руководить учебнымъ заведеніемъ какой бы то ни было степени».

§ 8. «Никакое частное учебное заведеніе, никакая конгрегація, съ цѣлью распространенія просвѣщенія, не можетъ пользоваться правами воспитательнаго заведенія иначе, какъ въ силу спеціальнаго закона».

Палата депутатовъ громаднымъ большинствомъ приняла эти статьи, но сенатъ отвергъ ихъ. Тогда министерство, съ одобренія палаты, рѣшилось примѣнить законъ относительно изгнанія изъ Франціи недозволенныхъ духовныхъ конгрегацій.

Такъ какъ 7 ст. закона Ферри имѣетъ главнымъ образомъ цѣлью избавить во Франціи школьное образованіе отъ вліянія іезуитовъ, то примѣненіемъ существовавшаго закона цѣль достигалась, вслѣдствіе того, что орденъ іезуитовъ принадлежитъ къ числу недозволенныхъ конгрегацій. Принятое французскимъ правительствомъ рѣшеніе относительно духовныхъ конгрегацій произвело подавляющее впечатлѣніе въ Ватиканѣ. Папа, какъ извѣстно, тайно поддерживалъ клерикаловъ въ ихъ борьбѣ противъ закона Ферри и поэтому-то онъ не могъ не войти въ положеніе духовныхъ орденовъ, подвергшихся примѣненію тяжелаго закона. Представитель его въ Парижѣ принялъ въ нихъ горячее участіе, но, естественно, что практическаго результата отъ его вмѣшательства не получилось.

Столкновеніе клерикаловъ съ правительствомъ во Франціи не осталось безъ вліянія на отношенія Ватикана и къ другимъ государствамъ; рѣшительныя мѣры министерства Фрейсине побудили римскую курію быть болѣе снисходительной относительно другихъ своихъ противниковъ, а послѣднихъ сдѣлали менѣе сговорчивыми.

Князь Бисмаркъ, еще въ началѣ минувшей зимы, выразилъ готовность начать переговоры съ папскимъ престоломъ о соглашеніи и, повидимому, готовъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки. Папа Левъ XIII принялъ про-

тянутую ему руку и выразилъ желаніе сблизиться съ Германскою имперіей. Высшему духовенству Германіи посланы были инструкціи въ примирительномъ, относительно правительства, духѣ. Большинство епископовъ съ удовольствіемъ приняло ихъ къ руководству. Въ мартѣ же канцлеръ прямо заявилъ, что хотя переговоры съ Ватиканомъ идутъ удовлетворительно и онъ надѣется—курія готова сдѣлать уступку, а Германія будетъ платить ей тою же монетою, «но,—добавилъ онъ,—прошу не дѣлать изъ этого ошибочныхъ заключеній. Это, ни въ какомъ случаѣ, не будутъ «монеты Каноссы»; такія монеты не чеканятся болѣе въ Германіи: на этотъ счетъ можно быть совершенно спокойнымъ».

Дѣйствительно, монеты, которыми платилъ Бисмаркъ, оказались далеко не изъ Каноссы и папа остался весьма недоволенъ несговорчивостью германскаго канцлера. Быть можетъ даже послѣдовалъ бы совершенный разрывъ между куріей и Бисмаркомъ, если бы обстоятельства вообще благопріятствовали клерикаламъ въ Европѣ, но испытанные ими въ послѣднее время неудачи, вѣроятно, побудятъ Льва XIII удовлетвориться меньшими уступками, чѣмъ тѣ, на которыя онъ рассчитывалъ зимой. Въ послѣднее время папа заявилъ даже, что новый церковный законъ*), вотированный въ Германіи, быть можетъ, будетъ принятъ Ватиканомъ.

*) Вотъ сущность этого закона:

Ст. 1. Прусскому министерству предоставляется право, съ утвержденія короля, оставлять безъ примѣненія нѣкоторыя изъ постановленій майскихъ законовъ относительно предварительной подготовки духовныхъ лицъ и назначенія ихъ на мѣста, дозволяя также и иностраннымъ духовнымъ отправленіе официальныхъ дѣйствій, сопряженныхъ съ ихъ саномъ.

Ст. 2. Начальнику провинціального управленія принадлежитъ право апеллировать противъ приговора духовнаго суда. (Эта статья отклонена).

Ст. 3. Церковно-служители, виновные въ тяжкомъ нарушеніи государственныхъ законовъ, могутъ быть признаваемы неспособными къ отправленію должности.

Ст. 4. Епископа, уволеннаго по приговору суда отъ должности, король можетъ снова назначить епископомъ прежней епархіи.

Ст. 5. Въ католическихъ епископствахъ, ставшихъ вакантными, отправленіе епископскихъ обязанностей можетъ быть дозволено министерствомъ тому, кто предъявитъ церковное порученіе и при этомъ не предписывается закономъ привода къ присягѣ.

Статья 6-я церковнаго законопроекта была принята безъ преній. Эта статья требуетъ, чтобъ назначеніе комиссаровъ для управленія церковными имуществами, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 5 ст. закона, происходило лишь съ одобренія министерства; равнымъ образомъ, за симъ послѣднимъ сохраняется право устранять ихъ отъ должности по своему усмотрѣнію.

Ст. 7. Въ ней говорится, что отдѣльные лица, равно какъ и общины, имѣющія право (въ силу «права патроната») замѣщать по своему усмотрѣнію нѣкоторыя вакантныя духовныя должности, могутъ пользоваться названнымъ правомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія оберъ-президента. (Эта статья была отклонена).

Кромѣ неудачъ, достигшихъ клерикальную партію во Франціи, уступчивость, выказываемая куріей по отношенію къ Германіи, отчасти объясняется и неудачами, преслѣдующими клерикаловъ и въ Бельгіи. Благодаря интригамъ Рима, послѣдовалъ разрывъ между папскимъ дворомъ и бельгійскимъ правительствомъ. Главною причиною этого разрыва послужила, между прочимъ, двусмысленная роль римской куріи въ вопросѣ объ учебномъ дѣлѣ. Извѣстно, что бельгійскіе епископы энергично возстали противъ законовъ 1879 года, по смыслу которыхъ католическое духовенство утрачивало право имѣть въ своемъ вѣдѣніи учебное дѣло. Дюмонъ, епископъ Турне, помѣстилъ въ «Tribune de Mons» полный текстъ официальной переписки, происходившей по этому предмету между римской куріей и бельгійскими епископами. Изъ писемъ видно, что папѣ и кардиналу Нинѣ была вполнѣ извѣстна агитация бельгійскихъ епископовъ противъ названныхъ законовъ и что они сочувственно относились къ такому образу дѣйствій бельгійскаго духовенства, между тѣмъ какъ официально не одобряли этой агитаціи. Вотъ какъ мотивировалъ разрывъ съ Ватиканомъ бельгійскій министръ-президентъ въ письмѣ къ бельгійскому уполномоченному при папѣ. «Сохраненіе посольства было возможно и даже полезно, пока папа оставался чуждымъ борьбѣ, вызванной въ Бельгіи духовенствомъ противъ государственныхъ законовъ и учреждений, и своимъ вліяніемъ умѣрялъ ее. Но присутствіе въ Римѣ нашего посла становится невыносимымъ съ той минуты, какъ папа подстрекаетъ духовенство къ сопротивленію. Признавъ неумѣстными мѣры, принятыя епископами по поводу школьнаго закона, папа прикрываетъ теперь своимъ покровительствомъ притязанія тѣхъ же епископовъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, правительство считаетъ своимъ дѣломъ отозвать посольство.»

Послѣ разрыва съ папскимъ престоломъ бельгійское правительство обнародовало свою дипломатическую переписку съ Ватиканомъ, ознако-

Ст. 8. Возобновленіе государственныхъ субсидій можетъ быть снова отиѣнено постановленіемъ министра исповѣдавіи. (Эта статья была отклонена со всѣми сдѣланными къ ней предложеніями).

Ст. 9. Преслѣдованіе за дѣйствія, противныя майскимъ законамъ, начинается только по требованію оберъ-президента, впрочемъ требованіе это можетъ быть взято обществомъ.

Ст. 10. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и исповѣдавіи предоставляется право разрѣшать устройство новыхъ учреждений, на подобіе уже существующихъ въ Пруссіи общинъ, посвятившихъ себя уходу за больными. Равнымъ образомъ, они могутъ разрѣшать (оставляя за собою право отиѣны) существующимъ женскимъ общинамъ, посвятившимъ себя исключительно уходу за больными, принимать, въ видѣ побочной дѣятельности, призрѣніе и обученіе малолѣтнихъ дѣтей, необязанныхъ еще посѣщать школы. Къ обязанностямъ ухода за больными причисляется, согласно закона 31 мая 1875, призрѣніе и обученіе слѣпыхъ, глухонемыхъ и діотовъ».

жившихъ съ которой нельзя не отнестись сочувственно къ принятому Бельгіей рѣшенію. Тѣмъ не менѣе, курія употребляла всѣ усилія, чтобы сложить вину на бельгійское министерство.

Обсуждая результатъ дѣятельности Ватикана за послѣдніе шесть мѣсяцовъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что дни Каноссы навсегда миновали для Рима и что политическая роль куріи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшается. Послѣдніе неудачи, понесенныя клерикальною партією, и уступчивость, выказываемая папскимъ престоломъ, можетъ служить этому лучшимъ доказательствомъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ политическихъ вопросовъ, имѣющихъ международное значеніе, нельзя указать ни на одинъ, который, за исключеніемъ, конечно, восточнаго, обращалъ бы за послѣднее время на себя особенное вниманіе Европы. Ни Франція, ни Англія не имѣли существенныхъ недоразумѣній за это время съ другими державами, если не считать Авгано-Персидскаго затрудненія и Гартмановскаго дѣла, но объ этихъ послѣднихъ было уже ранѣе говорено нами. Можно упомянуть развѣ только о нѣсколькихъ выдающихся фактахъ въ политической жизни, отчасти заслуживающихъ нѣкотораго вниманія, какъ, напр., о попыткѣ румынскаго правительства возвести княжество на степень королевства и арабъ-табійскомъ вопросѣ. Попытка эта, сдѣланная, повидимому, съ одобренія Берлина, не имѣла успѣха, такъ какъ созданіе Румынскаго королевства было противно интересамъ Россіи и Австріи. Оба эти государства, какъ извѣстно, владѣютъ румынскими землями, первая Бессарабіей, а вторая румынской Трансильваніей и Буковиной. Съ преобразованиемъ же княжества въ королевство румыны стали бы настойчивѣе добиваться собранія всѣхъ румынскихъ земель, что послужило бы поводомъ къ недоразумѣніямъ и замѣшательствамъ. И теперь уже крайняя партія въ княжествѣ, нѣчто въ родѣ *Italia ingredienta*, открыто заявляетъ о необходимости стремиться къ отобранію отъ Россіи и Австріи румынскихъ земель, но въ настоящее время партія эта не имѣетъ силы, такъ какъ громадное большинство сознаетъ, что подобныя заявленія сильно повредили бы княжеству. Румынія недостаточно еще сформировалась, чтобы предъявлять подобныя требованія, и попытка князя Карла сдѣлаться королемъ должна быть признана политическою ошибкою. Румынское княжество, созданное изъ Валахіи и Молдавіи, недостаточно прочно еще по своей внутренней организаціи, чтобы стремиться занять выдающееся положеніе между европейскими государствами. Еще и теперь сепаратистская партія очень сильна въ Молдавіи и стремленіе отдѣлиться отъ Валахіи не разъ уже проявлялось между молдаванами. Даже въ настоящую минуту партія эта имѣетъ въ Бухарестѣ свои органы, пользующіеся вліяніемъ въ Молдавіи. Во главѣ сепаратистовъ стоятъ теперь князь Григорій Стурдза, сынъ бывшаго молдавскаго государя, и намѣреніе его стать во главѣ Молдавіи не составляетъ для бухарестскаго правительства тайны.

Между второстепенными международными вопросами, заслуживающими однако нѣкотораго вниманія, можно отнѣстить также арабъ-табійскій. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ Россіей, не признавшей за Румыніей права занять укрѣпленіе Арабъ-Табію и силою заставившей удалиться изъ него румынскія войска. По мнѣнію петербургскаго кабинета, это укрѣпленіе должно было быть присоединено къ Болгаріи. Такъ какъ другія великія державы не раздѣляли взгляда Россіи, то вопросъ былъ переданъ на обсужденіе особой международной комиссіи, признавшей право владѣнія Арабъ-Табіей за Румыніей. Въ настоящее время Россія склоняется признать правильнымъ рѣшеніе международной комиссіи.

Другіе второстепенные международные вопросы, стоящіе на очереди и о которыхъ намъ уже приходилось говорить въ текущемъ году, какъ, напр., вопросы о возмѣщеніи Черногоріи за Гусинье и о проведеніи на Балканскомъ полуостровѣ желѣзныхъ дорогъ, не получили пока дальнѣйшаго развитія и рѣшеніе ихъ все еще откладывается на неопредѣленное время.

Впрочемъ, подобной участи подвергается большинство постановленій Берлинскаго конгресса. Почти ни одно изъ рѣшеній конгресса не было еще вполнѣ приведено въ исполненіе. Не смотря на видимое разложеніе Турецкой имперіи, европейскія державы не въ силахъ были заставить Порту выполнить пріятыя ею на себя обязательства, и миллионы людей продолжали страдать, благодаря постоянному политическому соперничеству державъ.

Англійскіе либералы, постоянно обвинявшіе лорда Биконсфильда въ неумѣніи доставить Англій должное уваженіе въ Турціи и заставить Порту выполнить свои обязательства, ставшіе во главѣ правленія, должны были тотчасъ же приступить къ исполненію того, что не хотѣлъ или не могъ сдѣлать Биконсфильдъ. Въ Константинополь былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ Гошенъ, и на Турцію произведено сильное дипломатическое давленіе. Въ то же время возбужденъ былъ вопросъ о территориальномъ вознагражденіи Греціи.

Такъ какъ Турція не могла придти въ соглашеніе съ Греціей, относительно направленія новой пограничной черты, то с.-джемскій кабинетъ предложилъ созвать международную конференцію въ Берлинѣ, на которой черта эта была бы опредѣлена представителями всѣхъ державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ, и, какъ окончательная, предъявлена Турціи и Греціи.

Первоначально предполагалось не ограничиться на конференціи рѣшеніемъ греческаго вопроса, но приступить къ обсужденію мѣръ и для приведенія въ исполненіе тѣхъ рѣшеній Берлинскаго конгресса, которыя и по нынѣ остаются еще мертвою буквою, но мысль эта, горячо принятая Россіей, не встрѣтила сочувствія въ нѣкоторыхъ государствахъ, и сама Англія, опасаясь отказа другихъ правительствъ отъ участія въ конференціи, предпочла оставить открытымъ вопросъ объ обсужденіи другихъ вопро-

совъ на конференціи. Въ половинѣ іюня н. с. начались засѣданія Берлинской конференціи, а къ первому іюля конференція уже окончила свои занятія. При обсужденіи границы между державами почти не было разногласій и принятая всѣми пограничная черта сообщена была при нетѣ турецкому и греческому правительствамъ. Удовлетворивъ почти всѣмъ требованіямъ Греціи, представитель которой, Браиласа, доставилъ на конференцію новый меморандумъ, въ которомъ излагались желанія греческаго народа и которой во многомъ былъ признанъ основательнымъ, Берлинская конференція сильно раздражила Турцію. Извѣщенные о рѣшеніи, постановленномъ великими державами въ Берлинѣ, турки заявили, что не намѣрены подчиняться этому рѣшенію и на Порту произведено было давленіе, чтобы побудить ее отказаться исполнить требованія великихъ державъ. Даже между высокопоставленными турецкими пашами нашлось много лицъ, высказывавшихся за сопротивленіе во чтобы то ни стало. Правительство, опасаясь открытаго возстанія народа, а отчасти же и само раздѣляя чувство большинства мусульманъ, отказалось безусловно подчиниться рѣшенію конференціи.

Великія державы предвидѣли возможность подобнаго отказа со стороны Порты и поэтому-то предварительно заявили, что никакія измѣненія въ принятой ими границѣ не будутъ допущены и Турція предоставлялась, слѣдовательно, только принять или не принять ее. Между кабинетами, еще во время конференціи шли переговоры о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять въ случаѣ отказа Порты подчиниться рѣшенію Европы. Греціи же нѣкоторые государства заблаговременно посоветовали подготовляться на случай открытаго столкновенія съ Портой. Хотя въ настоящее время греческое королевство и располагаетъ довольно значительными силами, тѣмъ не менѣе, однако, одно оно не въ силахъ будетъ выдержать борьбу съ Турціей.

По словамъ «*Messenger d'Athènes*», число молодыхъ людей, отбывавшихъ военную службу въ теченіе четырехъ лѣтъ, достигаетъ 40,000 ч. Утверждаютъ, что всѣ эти люди, получившіе нѣкоторое военное образованіе и изъ коихъ многіе участвовали въ лагерныхъ ученіяхъ въ Фивахъ, Халкидѣ и Лемносѣ, откликнутся на зовъ правительства при первой необходимости. Кроме того, говорятъ, что образованіе кадровъ не встрѣтитъ никакихъ затрудненій и что министерство имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточное количество унтеръ-офицеровъ для арміи, сравнительно многочисленной. Военные запасы будутъ пополнены и все будетъ готово, какъ надѣются, для занятія провинцій, которыя окончательно будутъ отданы Греціи. 27-го ноября 1878 г. палаты утвердили военный законъ, который долженъ былъ вступить въ силу только съ 1-го января 1880 г., а до тѣхъ поръ имѣлъ значеніе переходной мѣры. Въ этомъ законѣ определено: 1) что всѣ молодые люди, до истеченія 1876 г. достигшіе возраста военной службы и не привлекавшіеся къ ней, могутъ отбыть воинскую повинность, прослуживъ одинъ годъ, и зачислиться затѣмъ въ резервъ, если вступать въ

службу до истеченія 1878 года; 2) всѣ молодые люди 22, 23 и 24-лѣтняго возраста обучаются военной службѣ и образуютъ родъ національной гвардіи. Правительство удерживаетъ право употреблять этотъ контингентъ для гарнизоновъ въ провинціальныхъ городахъ. Численность молодыхъ людей, достигшихъ возраста военной службы, опредѣляется за три года въ 20,000 человекъ. На этомъ основаніи армія ежегодно можетъ располагать контингентомъ свыше 10 тысячъ человекъ молодыхъ людей. Но такъ какъ численность арміи на мирномъ положеніи весьма ограничена и срокъ военной службы опредѣленъ въ три года, то въ дѣйствительности могутъ быть двинуты всего 5,000 человекъ, а крупныя цифры существуютъ только на бумагѣ. Въ концѣ 1879 г. военное министерство располагало 2,500 чел. офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, для 6-лѣтняго контингента дѣйствительной арміи и резервовъ, численностью въ 13,000 чел. и, сверхъ того, и для упомянутаго выше полуобученнаго контингента въ 20,000 ч. чрезвычайнаго резерва и 8,000 національной гвардіи, т. е. въ общей сложности на 42,000 солдатъ. На этой цифрѣ и остановилось дѣло до 1880 г. Въ офицерахъ, очевидно, чувствуется недостатокъ. Силы эти положительно недостаточны для борьбы съ Турціей, но, несомнѣнно, что великія державы, допустивъ Грецію до борьбы съ Портой, съ своей стороны окажутъ ей поддержку.

Впрочемъ, до столкновенія дѣло едва ли дойдетъ. Война между Греціей и Портой была бы политическою ошибкой Европы, такъ какъ державы могутъ побудить Порту быть болѣе сговорчивой, не допуская ея до войны съ Греціей.

Турція считаетъ, однако, весьма вѣроятнымъ вооруженное столкновеніе съ Греціей и принимаетъ мѣры для защиты границъ. Многіе полки перевооружаются и значительныя силы стягиваются къ Эпиру. Такимъ образомъ къ концу первой половины 1880 г. политическій горизонтъ Европы не только расчистился, не смотря на перемены въ англійскомъ министерствѣ, но кризисъ, котораго равно опасаются всѣ великія державы, быстро приближается и никакія усилія правительствъ не отвратить его, а вопросъ еще—миромъ ли разрѣшится онъ?

Въ интересахъ Россіи было бы желательно, чтобы моментъ кризиса былъ отсроченъ на возможно продолжительный промежутокъ времени, но если обстоятельства будутъ продолжать складываться неблагоприятно для европейскаго спокойствія, то необходимо заблаговременно приготовиться ко всякой случайности. Въ настоящей моментъ кризисъ на Востокѣ былъ бы положительно неудобенъ для Россіи и потому еще, что съ нѣкотораго времени намъ угрожаютъ серьезныя затрудненія на крайнемъ Востокѣ.

Дружелюбныя отношенія, установившіяся было между Китаемъ и Россіей послѣ заключенія трактата о Кульджѣ, снова нарушены, вслѣдствіе отказа богдыхана ратифицировать этотъ трактатъ. Китайскіе министры находятъ, что условія трактата слишкомъ обременительны для Поднебесной

имперіи и что Россія обязана была уступить Кульджу, не предъявляя тѣхъ условій, на которыя согласился бывшій китайскій посолъ въ Петербургѣ Чунъ-Хоу. Въ особенности же недовольны китайцы тѣми статьями трактата, которыми часть Кульджи, т. е. долина Тенеса, оставлена за Россіей и русскимъ купцамъ предоставлено право беспошлинной торговли въ застѣнномъ Китаѣ. Правительство богдыхана, повидимому, серьезно готовится къ войнѣ съ Россіей и стягиваетъ значительныя силы къ русской границѣ. Враждебныя намъ демонстраціи китайцевъ не могутъ, конечно, возбуждать у насъ опасеній за наше положеніе въ Средней Азій, но тѣмъ не менѣе мы съ своей стороны уже начали принимать мѣры на случай, если бы китайцы рѣшились на разрывъ съ нами. Правда, правительство богдыхана отправило въ Россію чрезвычайнаго посла для возобновленія переговоровъ объ условіяхъ уступки Кульджи, но русское правительство не можетъ вести переговоровъ съ представителемъ Поднебесной имперіи, послѣ того какъ трактатъ, подписанный китайскимъ посломъ, снабженнымъ широкими полномочіями, не былъ утвержденъ богдыханомъ. Новый договоръ съ Китаемъ можетъ быть подписанъ теперь только въ Пекинѣ.

Кромѣ китайскаго вопроса, вниманіе Россіи въ Азій обращаютъ на себя еще вопросы Авганскій и Текинскій. Степи, населенныя текинскими и мервскими туркменами, занимающія пространство между Каспійскимъ моремъ, Персіей и Авганскими владѣніями, получили серьезное политическое значеніе только въ послѣднее время, послѣ того какъ Англія выказала намѣреніе утвердиться въ Авганистанѣ, такъ какъ чрезъ нихъ лежитъ лучшій путь изъ Россіи въ Авганистанъ. Для Россіи, впрочемъ, обладаніе этими степями имѣетъ еще и другое значеніе, а именно: обезпеченіе нашей торговли съ Средней Азійею чрезъ Красноводскъ отъ хищническихъ нападений дикихъ кочевниковъ. Неудачи, постигшія насъ въ минувшемъ году въ Текинскомъ Оазисѣ, не измѣнили намѣреній русскаго правительства относительно упроченія нашего положенія въ этихъ степяхъ. Экспедиція генераль-адъютанта Скобелева, начавшаяся при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обѣщаетъ покончить теперь навсегда съ текинскимъ вопросомъ.

Но эта экспедиція, по всей вѣроятности, возбудитъ неудовольствіе въ Англіи. Англійскіе министры вполне основательно могутъ упрекнуть насъ за наше наступательное движеніе въ глубь Средней Азій въ то время, какъ они отзываютъ свои войска изъ Авганистана. Оправданіемъ намъ можетъ служить, однако, необходимость возстановитъ наше вліяніе, поколебленное прошлогодними неудачами. Въ нынѣшнемъ году мы можемъ рассчитывать на успѣхъ, не смотря даже на то, что текинцы соединились теперь съ мервскими туркменами. Благопріятнымъ для Россіи обстоятельствомъ должно признать также послѣдовавшую недавно смерть главы туркменъ Нуръ-Верди-хана, успѣвшаго было соединить всѣхъ туркменъ и подчинить ихъ своей власти. Удачный для насъ исходъ экспедиціи Ско-

белова обеспечивается также готовностью Персін оказывать намъ поддержку.

Происходившіе до паденія министерства Биконсфильда переговоры между Тегераномъ и Лондономъ, относительно занятія Герата персінанами, на условіяхъ, ставившихъ правительство шаха въ зависимость отъ Великобританіи, прерваны были вслѣдствіе перемѣны министерства въ Англіи. Потерявъ надежду овладѣть Гератомъ, персидское правительство, несомнѣнно, пожелаетъ загладить неблагопріятное для него впечатлѣніе, произведенное на Россію его переговорами съ Англіей, и поэтому мы можемъ расчитывать теперь на содѣйствіе Персін экспедиціи Скобелева.

Первое полугодіе 1880 г. прошло не безслѣдно и для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ самаго начала текушаго года въ Штатахъ поддерживалась сильная агитація по случаю выборовъ президента союза. Первоначально всѣ данныя заставляли предполагать, что кандидатомъ республиканцевъ будетъ бывшій президентъ республики, генералъ Грантъ, но число республиканцевъ, недовольныхъ его управленіемъ, оказалось такъ велико, что сторонники его не въ силахъ были провести его кандидатуру. Республиканскимъ конвентомъ въ Чикаго кандидатомъ на президента союза избранъ былъ Джесъсъ Абраамъ Гарфильдъ. Онъ родился въ ноябрѣ 1831 г. въ небольшой деревнѣ Орэнджъ, въ сѣверо-восточной части графства Куйягога, въ штатѣ Огайо,—въ деревнѣ, въ то время состоявшей лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ жителей. Родители его были слишкомъ бѣдны, чтобы дать ему что-либо больше элементарнаго образованія, и въ раннемъ возрастѣ онъ началъ борьбу за свою жизнь въ качествѣ поденщика. По прошествіи нѣкотораго времени онъ сдѣлался извозчикомъ, а затѣмъ лодочникомъ на Пенсильванскомъ и Огайскомъ каналѣ, а въ 1849 году, съ цѣлію самообразованія, посѣщалъ академію и учился съ такимъ успѣхомъ, что въ слѣдующую зиму сдѣлался учителемъ окружной школы. Семь лѣтъ спустя, онъ получилъ мѣсто учителя языковъ въ эклектическомъ институтѣ въ Гирамѣ, въ штатѣ Огайо; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ начальникомъ заведенія, каковую должность занималъ до 1861 года. Между тѣмъ, въ 1859 году, онъ былъ избранъ членомъ сената въ своемъ родномъ штатѣ, а въ 1860 году принять въ сословіе адвокатовъ. Горячій защитникъ цѣлости союза, послѣ возникновенія войны за раздѣленіе, онъ также на вербовалъ осенью 1861 г. 42-й полкъ огайскихъ волонтеровъ, который, въ соединеніи съ 40-мъ капскимъ полкомъ, нанесъ въ восточномъ Кентукки пораженіе Гумфри Маршаксу. 11 января 1862 года, въ день своей побѣды при Престонбургѣ, онъ былъ сдѣланъ бригаднымъ генераломъ волонтеровъ и въ слѣдующемъ мартѣ атаковалъ непріятели въ Поундъ-Гато и, разрушивъ лагерь, нанесъ ему тяжелое пораженіе. Въ сраженіи при Шялогѣ, иначе называемомъ Питтсбургомъ, въ Тенасси, происходившемъ въ воскресенье, 6 апрѣля, между федералистами, подъ начальствомъ Гранта и Прентигга, и конфедератами,

подъ начальствомъ Альберта Сиднея Джонстона и Божерарда, онъ командовалъ 20-ю бригадою и былъ вскоре послѣ того сдѣланъ начальникомъ штаба у генерала Розенкранца. Онъ занималъ этотъ постъ, когда конфедеративный генералъ Краггъ, при помощи Лангстрита, атаковалъ и совсѣмъ разбилъ федералистовъ, подъ начальствомъ Розенкранца, при Чикамаго, въ штатѣ Георгіи, одержавъ кровавую, но бесполезную побѣду. За свои дѣйствія въ данномъ случаѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры «за мужественныя и важныя заслуги на полѣ битвы», и съ этимъ чиномъ вскоре послѣ того закончилась его военная карьера. Въ октябрѣ 1862 года Гарфильдъ былъ избранъ въ конгрессъ отъ 19-го округа штата Огайо, представителемъ котораго онъ продолжалъ быть до настоящаго времени, хотя на послѣднихъ сенаторскихъ выборахъ онъ былъ избранъ сенаторомъ отъ своего роднаго штата. Онъ былъ делегатомъ на конвентѣ въ Чикаго отъ штата Огайо и руководилъ сторонниками Шермана по его кандидатурѣ.

Кандидатомъ отъ демократическаго конвента на президента союза избранъ генералъ Генкокъ; но, по всей вѣроятности, президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ выбранъ Абраамъ Гарфильдъ.

Влад—овъ.

Внутреннія политическія отношенія государствъ Европы.

Наблюдая политическую жизнь Германіи, въ нынѣшнемъ году нельзя не замѣтить въ ней, даже при поверхностномъ взглядѣ, нѣкоторой неловкости и упадка. И этотъ упадокъ, и неловкость проявляются во всѣхъ почти направленіяхъ.

Возьмемъ для примѣра хотя бы экономическое положеніе германскаго народа. Тяжелымъ гнетомъ ложится на народъ непомерно разившійся и продолжающій еще развиваться милитаризмъ; налоги возрастаютъ; промышленность во многихъ отрасляхъ падаетъ; торговля мало оживлена; все болѣе и болѣе высказываются мрачныя стороны пауперизма со всѣми его ужасами, народъ протестуетъ, чѣмъ только можетъ, противъ такого экономическаго положенія и наиболѣе выразительнымъ протестомъ служить, какъ справедливо замѣчаетъ англійскій «Economist», эмиграція. Эмиграція, обращавшая на себя еще въ шестидесятыхъ годахъ вниманіе правительствъ, которыя хотѣли воспрепятствовать ей различными полицейскими мѣрами, теперь достигла громаднхъ размѣровъ и продолжаетъ быстро развиваться. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ недавно «Кельнскою газетою» (Kölnische Zeitung), выселеніе нѣмцевъ чрезъ Гамбургъ въ первую половину текущаго года равнялось 32,222 человѣка, тогда какъ за первую половину 1879 года изъ Германіи чрезъ Гамбургъ выехали 12,148 человѣкъ. Такимъ образомъ, число эмигрантовъ увеличилось почти втрое. «Кельнская газета» свидѣтельствуетъ, что чрезъ Бременъ эмигрируетъ еще больше народу. Эти цифры получаютъ еще большее значеніе, если принять во вниманіе, что урожай въ Германіи былъ въ послѣдніе два года очень удовлетворительный.

Политическая сторона Германіи не представляетъ тоже много утѣшительнаго. Политическія партіи настроены другъ къ другу вообще довольно враждебно и не желаютъ дѣлать уступокъ; а тѣ изъ нихъ, которыя, какъ, напр., клерикальная и социалистическая, иногда поддерживаютъ одна другую, стоятъ въ этомъ случаѣ въ оппозиціи правительству. Правительство, вообще, мало пользуется довѣріемъ представителей въ германскомъ

рейхстагъ; и по своимъ анти-конституціоннымъ стремленіямъ и колебательному, непостоянному направленію внутренней политики, германскій канцлеръ несомнѣнно заслуживаетъ этого довѣрія. Немудрено поэтому, что по многимъ вопросамъ, имъ поставленнымъ, князь Бисмаркъ встрѣтилъ такую оппозицію, которой, конечно, никакъ не ожидалъ отъ рейхстага, обыкновенно столь послушнаго и любезнаго. Такъ напр., палата отклонила разсмотрѣніе проекта о табачной монополіи, которая, какъ извѣстно, составляетъ идеалъ финансовой реформы имперскаго канцлера. Точно также отложено было и разсмотрѣніе законопроекта о биржевомъ налогѣ на томъ основаніи, что не успѣли еще выясниться результаты прежнихъ финансовыхъ мѣръ. Имперскій парламентъ воспротивился также предложенію правительства о выдачѣ государственной субсидіи обществу, которое поставило себѣ задачей покупку и эксплуатацію земель на островахъ Самоа въ Тихомъ океанѣ. Такую же оппозицію встрѣтилъ желѣзнодорожный канцлеръ и по вопросу о торговыхъ правахъ города Гамбурга, о которомъ мы скажемъ подробнѣе ниже. Дебаты по гамбургскому дѣлу носили характеръ явной демонстраціи противъ канцлера. Непріязнь къ нему выразилась и въ избраніи Арнима фонъ-Байценбурга въ президенты рейхстага. Арнимъ фонъ-Байценбургъ—двоюродный братъ графа Арнима, непримиримаго врага канцлера, и питаетъ къ нему не меньшую непріязнь, чѣмъ его родственникъ.

На несомнѣнно нормальное политическое положеніе германской имперіи обратила вниманіе пресса другихъ государствъ, и не одна передовая статья выдающихся органовъ печати была посвящена выясненію этого вопроса. Онъ послужилъ темой даже для цѣлыхъ брошюръ. Такъ напр. Гауснеръ, членъ австрійскаго рейхстага, издалъ интересную и живо написанную брошюру о политическомъ положеніи Германіи. Авторъ спрашиваетъ: что сдѣлалось теперь съ прежнею Германіей, Германіей Лессинга, Гердера, Канта, Шопенгауера? Почему тотъ твердый благородный металлъ германской націи расплавился въ какую-то жидкую массу, и въ какую форму хотятъ отлить его? Гауснеръ полагаетъ, что настоящій режимъ германской имперіи способенъ вполне уничтожить тотъ прекрасный индивидуализмъ, которымъ такъ щедро надѣлила природа германскую націю. Даже тѣ люди, которые искренно убѣждены, что диктатура и насиліе представляютъ единственное средство къ объединенію народа, должны теперь сознать какъ неприглядна перспектива, которая предстоитъ теперь германской имперіи, если правительство ея останется вѣрно своей системѣ. Нѣмецкій народъ можетъ, при своей военной организаціи, быть спокойнымъ отъ всякой вѣшной опасности; онъ пользуется уваженіемъ своихъ сосѣдей, а иногда внушаетъ имъ и страхъ; но не смотря на все это, онъ не находитъ успокоенія въ самомъ себѣ. Милитаризмъ, централизація, поглощеніе государствомъ всѣхъ сферъ общественной и даже частной жизни, стѣсненіе свободы, приниженіе личности, ничѣмъ не стѣснен-

мое презрѣніе къ чужому праву и интересу, вообще такіа мѣры, которыя могутъ имѣть значеніе только какъ экстраенныя и временныя — всѣ эти мѣры предлагаются народу, какъ единственная система, которою онъ долженъ довольствоваться не только въ настоящее время, но и въ будущемъ. Германскій народъ, который, принеся невѣроятныя жертвы, надѣялся, что ему можно будетъ отдохнуть и наслаждаться миромъ и свободою, не выносить такого гнета и начинаетъ уже измѣнять свой характеръ. По мнѣнію автора брошюры, слѣдуетъ сочувствовать всякому нападенію на ново-германскій цезаризмъ, такъ какъ въ этихъ нападеніяхъ заключаетъ защита германской индивидуальности.

Такова мрачная картина, которую рисуетъ талантливый авторъ брошюры. Гауснера, какъ австрійца, относящагося къ Германіи вообще очень враждебно, можно бы упрекнуть въ преувеличенности. Но тѣ же мысли, хотя не столь рѣзко выраженыя, встрѣчаются и въ сѣверо-германской прессѣ.

Кромѣ того, мы можемъ сослаться даже на официальное подтвержденіе печальнаго положенія дѣлъ въ Германской имперіи. Самъ канцлеръ въ рѣчи, произнесенной имъ въ рейхстагѣ по поводу правъ Гамбурга, какъ порто-франко, выразилъ свой взглядъ на политическое состояніе Германіи. Въ этой рѣчи канцлеръ горько жалуется на то, что «времена измѣнились». «Прежнее стремленіе къ единству имперіи ослабло, говорилъ онъ. Взаимнѣ того, борьба партій содѣйствовала возрастанію партикуляризма. Я чувствую потребность, быть можетъ, въ послѣдній разъ въ жизни, объяснить съ вами въ качествѣ имперскаго канцлера и высказаться въ пользу національных стремленій противъ партикуляризма и частныхъ видовъ отдѣльныхъ партій, препятствующихъ естественному развитію объединенія имперіи». Канцлеръ сознается даже, что онъ чувствуетъ себя не въ силахъ удержать это движеніе и не увѣренъ, чтобы почва имперіи была достаточно тверда для борьбы съ партикуляризмомъ и различными партіями. Князь Бисмаркъ жалуется и на отношеніе къ нему парламентскаго большинства, т. е. партіи центра. «Въ нынѣшнюю сессію центръ, за немногими исключеніями, единодушно подавалъ голосъ противъ правительственныхъ предложеній, — жаловался канцлеръ, — между тѣмъ эта партія считаетъ въ своихъ рядахъ около сотни депутатовъ, т. е. приблизительно по половинѣ обычнаго присутствія въ рейхстагѣ. Съ такой оппозиціей по неволѣ приходится считаться. Центръ постоянно угрожаетъ нападеніемъ. Онъ изображаетъ осажденную башню, изъ которой направляются противъ правительства стѣнныя машинны. Намъ приходится вести борьбу противъ центра, поляковъ и прогрессистовъ. Сюда присоединились еще всѣ тѣ, которые проповѣдуютъ принципъ свободной торговли.» Канцлеръ сообщая, что онъ имѣлъ намѣреніе достигнуть сближенія между правительствомъ и партіей центра, но что горькіе опыты, вынесенные имъ въ сеймѣ и рейхстагѣ, потрясли это намѣреніе. «Рейхстагъ, продолжалъ онъ, ни-

когда почти не собирается въ полномъ составѣ, и очень часто бываетъ достаточно небольшого числа противниковъ правительства для того, чтобы оно осталось въ меньшинствѣ. Центръ находитъ себѣ естественныхъ союзниковъ въ партіяхъ, которыя считаютъ необходимымъ изъ принципа и ради шикъ высказываться противъ правительства. «Въ качествѣ имперскаго канцлера,—закончилъ свою рѣчь князь Бисмаркъ,—я не могу относиться равнодушно ко всему этому. Въ продолженіи двадцати лѣтъ боролся я за объединеніе Германіи. Я чувствую себя смертельно усталымъ и оставался на своемъ постѣ, только повинаясь волѣ императора. Не понимаю, почему я одинъ долженъ ограждать интересы единства Германской имперіи. Всѣ вы—нѣмцы, а потому должны были бы стоять за это единство».

Если даже допустить, что многое въ рѣчи князя Бисмарка сказано имъ подъ влияніемъ раздраженія отъ неудачъ въ рейхстагѣ или съ за-таенною цѣлью произвести выгодную для себя сенсацію, то все-таки рѣчь эта въ устахъ самого канцлера очень характеристична для современнаго конституціоннаго строя Германской имперіи.

Кромѣ того, въ тронной рѣчи самого императора при открытіи рейхстага можно найти не одинъ довольно ясный намекъ на ту неловкость, которая сказывается теперь въ конституціонной жизни Германіи. Императоръ много говоритъ о мирѣ, о своемъ желаніи и необходимости поддержать его; но въ то же время императоръ указывалъ и на необходимость дальнѣйшаго развитія имперскаго военнаго закона, которымъ въ 1879 г. была установлена организація германской арміи. Императоръ выразилъ увѣренность, что германскій народъ согласится «на новыя жертвы, которыя потребуетъ отъ него увеличеніе арміи». Императоръ замѣтилъ далѣе, что рейхстагу будетъ предложено продлить дѣйствіе закона противъ социалістовъ. Это предложеніе мотивировано тѣмъ, что до сихъ поръ правительству еще не удалось вполне оградить общество отъ вреднаго влияния и опасности со стороны социалістовъ. Такимъ образомъ, и тронная рѣчь, не смотря на весь свой миролюбивый оптимизмъ, подтверждаетъ мысли австрійца Гауснера о положеніи германской имперіи. Новыя жертвы, продолженіе временныхъ исключительныхъ мѣръ для поддержанія общественной безопасности—вотъ что сулила германской націи торжественно-спокойная рѣчь императора.

А между тѣмъ, теперь именно, казалось бы, и долженъ былъ германскій народъ, не думая о новыхъ жертвахъ и новыхъ стѣсненіяхъ, наслаждаться плодами тѣхъ дѣйствительно великихъ усилій и подвиговъ, которые онъ принесъ въ жертву своей любимой идеѣ—идеѣ объ единствѣ германской націи. Идея національнаго единства имѣетъ вообще въ наше время громадное значеніе. Величайшіе государственные и международные перевороты уже совершились во имя ея; сильное движеніе во многихъ странахъ вызвано ею же; и еще большаго можно ожидать отъ нея въ будущемъ. Предполагается, что, при объединеніи націи въ одно большое государство,

вышняя безопасность и политическая мощность достигаются путемъ меньшихъ пожертвованій, чѣмъ при существованіи многихъ небольшихъ государствъ, на которыя раздроблена нація; въ національныхъ государствахъ возможна, кромѣ того, для каждаго гражданина высшая степень политической свободы, чѣмъ при подчиненіи одного племени другимъ. Политическое могущество, свобода—все это такія понятія, отъ которыхъ невольно забьется сердце каждаго преданнаго своему отечеству человѣка сильнѣе, чѣмъ оно бьется обыкновенно. Въ Германіи же идея національнаго единства имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Идея единства Германіи мало-по-малу сдѣлалась въ жизни—мечтою, въ наукѣ—необходимостью и въ поэзій—даже дѣйствительностью. Объ ней твердили многотомныя ученые сочиненія, идеализировавшія старую имперію, юристы, наставлявшіе на существованіи общегерманскаго права, поэты, заставлявшіе дѣйствовать героевъ общаго отечества. Развиваясь въ области метафизики, эта идея, несдержанная знакомствомъ въ своемъ развитіи съ практическою политикою, становилась все привлекательнѣе и привлекательнѣе, а въ жизни, при сравненіи съ этою идеей, сильнѣе и сильнѣе чувствовались недостатки дѣйствительности. Вотъ, почему германская нація такъ дружно пошла за Пруссіей, выставившей знамя объединенія, и не побоялась тѣхъ стѣсненій, которыя возложило на нее, на первый разъ, служеніе идеѣ единства, надѣясь на то, что эти стѣсненія не будутъ долговременными. И вотъ, теперь, когда Германія объединилась, когда прошло уже нѣсколько лѣтъ со времени этого объединенія, и сгладились тѣ неровности, которыя всегда чувствуются при первыхъ движеніяхъ новой машины государственнаго устройства, мы наблюдаемъ въ Германіи то положеніе, которое подверглось такой беспощадной характеристикѣ со стороны самого желѣзнаго канцлера. Гдѣ же причины такого явленія? Вотъ, тотъ вопросъ, который невольно возникаетъ въ каждомъ, кто слѣдилъ за политическою жизнью Германіи.

Чтобы дать сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы, по принятому нами порядку изложенія, уяснимъ себѣ расположеніе политическихъ партій въ Германіи и отношенія къ нимъ имперскаго правительства. Въ конституціонныхъ государствахъ рѣшеніе каждаго вопроса, какъ и вообще весь строй политической жизни, зависятъ отъ направленія общественнаго сознанія, на сколько это сознаніе выражается большинствомъ народныхъ представителей. Поэтому всегда интересно знать, какъ распределены представители народа по партіямъ, и которой изъ нихъ принадлежитъ большинство. Не менѣе важное значеніе представляетъ и отношеніе правительства къ партіямъ. Между положеніемъ правительства и большинствомъ представителей въ парламентѣ существуетъ самая тѣсная связь и соотношеніе. Это особенно справедливо по отношенію къ кабинету, а въ данномъ случаѣ—къ имперскому канцлеру. Измѣненіе въ направленіяхъ большинства представителей въ парламентѣ,

обыкновенно, отражается и на дѣятельности кабинета. Отъ правительства зависитъ сохранить за собою большинство въ палатахъ и даже усилить его, или же довести дѣло до того, что большинство будетъ все болѣе и болѣе слабѣть и оставить правительство безъ всякой поддержки. Съ другой стороны, правительство только тогда можетъ дѣйствовать твердо и рѣшительно и рассчитывать на успѣхъ, когда имѣетъ за собою большинство представителей. Въ этомъ сказывается одно изъ проявленій того общаго закона, что правительство сильно только тогда, когда пользуется сочувствіемъ общества, и наоборотъ. Вотъ почему мы и постараемся прежде всего уяснить расположеніе германскихъ политическихъ партій и отношенія къ нимъ имперскаго правительства.

Обращаясь къ германскимъ политическимъ партіямъ, мы прежде всего остановимся на партіи *національ-либераловъ*. Программа этой партіи очень опредѣлена. Чтобы уяснить себѣ программу національ-либераловъ, стоить только вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ эта партія во всей силѣ проявила свои стремленія. Національ-либералы всѣхъ упорнѣе стремились къ объединенію Германіи. Но это національное движеніе было неразрывно связано у нихъ съ либеральными убѣжденіями въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Неудовлетворенные политическими учрежденіями отдѣльныхъ государствъ, они переносили всѣ свои надежды на союзную конституцію. Въ ней должны были осуществиться ихъ идеалы, и не только въ ней, но чрезъ нее и въ отдѣльныхъ государствахъ союза. Союзная конституція должна была обезпечить основныя гражданскія и политическія права всей германской націи. Національ-либеральная партія твердо поддерживала Бисмарка въ его объединительной дѣятельности и долго служила ему хорошей опорой. Но по мѣрѣ упроченія германскаго единства, постепенно умалось и значеніе и сила этой партіи; ея другіе политическіе идеалы, состоящіе въ развитіи конституціонной свободы, не осуществились при этомъ объединеніи, что и подорвало ея авторитетъ. Въ первомъ германскомъ парламентѣ національ-либералы располагали 118 голосами, во второмъ парламентѣ, въ виду борьбы за объединеніе судебнаго вѣдомства, число представителей этой партіи возрасло до 150, затѣмъ въ третьемъ парламентѣ упало до 127. Послѣдовавшее распущеніе германскаго парламента повело къ дальнѣйшему ослабленію національ-либеральной партіи, которой удалось на новыхъ выборахъ провести въ рейхстагъ всего только сто кандидатовъ. Въ минувшую сессію отъ этой партіи отдѣлились еще двадцать депутатовъ и, наконецъ, отъ великой солидарности съ нею отказался одинъ изъ ея корифеевъ, извѣстный прогрессистъ Ласкеръ. Съ выходомъ Ласкера изъ рядовъ либеральной партіи численность ея въ германскомъ парламентѣ уменьшилась до восьмидесяти пяти человекъ. Германскія газеты высказываютъ предположеніе, а нѣкоторыя изъ нихъ и увѣренность, что процессъ распадѣнія, которому подвергается партія національ-либераловъ, на этомъ не остановится. И дѣйствительно, современное поло-

женіе Германской имперіи такъ рѣзко противорѣчить тѣмъ идеаламъ, къ которымъ стремилась партія эта, которые составляли все ея значеніе и *raison d'être*, что трудно питать надежду на ея возрожденіе.

Гораздо менѣе опредѣленную программу имѣетъ партія консерваторовъ. Въ Германіи эта партія, въ противоположность консерваторамъ другихъ государствъ, носитъ преимущественно отрицательный характеръ. Когда-то она ратовала противъ партіи прогресса, которая требовала объединенія Германіи во что бы то ни стало, даже путемъ насилія, и выставляла необходимость мирнаго объединенія германскихъ государствъ путемъ договора. Теперь она всегда сильно противодействуетъ социалистамъ. Это едва ли не единственная партія въ рейхстагѣ, которая не безусловно противится властолюбивымъ стремленіямъ Пруссіи и до нѣкоторой степени склонна рѣшить вопросъ,—должна ли, при полномъ объединеніи Германіи, Пруссія войти въ Германію, или Германія въ Пруссію—въ пользу Пруссіи. Это не мѣшаетъ ей иногда не соглашаться съ предложеніями правительства. Во всякомъ случаѣ, эта партія въ рейхстагѣ далеко не многочисленна и не можетъ оказать вліятельной поддержки правительству.

Переходя къ партіи социалистовъ, мы не можемъ не замѣтить, что эта партія имѣетъ въ Германіи несравненно большее значеніе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, даже Швейцаріи и Франціи. Въ Швейцаріи мало своихъ социалистовъ; она представляетъ лишь гнѣздо обѣжавшихся съ разныхъ концовъ Европы, и въ томъ числѣ и изъ нашего отечества, неспокойныхъ людей, часто безъ твердо выработанныхъ убѣжденій. Во Франціи социалисты гонятся больше за трескучими эффектами, въ родѣ Марсельскаго конгресса, который въ результатѣ далъ очень много комическаго: Не то мы видимъ въ Германіи. Здѣсь социалистъ имѣетъ двѣ твердыя точки опоры. Съ одной стороны, социальныя ученія получили въ Германіи серьезную, научную, философскую обработку. Всякое знаніе, а тѣмъ болѣе философское, представляетъ извѣстную силу; и даже ложная, но хорошо придуманная и сознанная идея не можетъ не имѣть вліянія на людей. Съ другой стороны, печальное экономическое положеніе народа въ Германіи, милитаризмъ, репрессивныя мѣры, — все это способно питать недовольство и вербовать новыхъ сторонниковъ въ ряды социалистовъ. Вотъ почему примѣненныя къ социалистамъ экстренныя мѣры не совсѣмъ привели къ желаннымъ результатамъ. Самый фактъ признанной правительствомъ необходимости продлить еще на пять лѣтъ дѣйствіе закона о социалистахъ подтверждаетъ это. По мнѣнію нѣкоторыхъ представителей изъ національ-либеральной партіи, которая вообще враждебно относится къ социалистамъ, исключительный законъ противъ социальной демократіи послужилъ, напротивъ, орудіемъ для усиленія этой партіи. Закрытіе рабочихъ ассоціацій и кассъ взаимнаго вспомоществованія вслѣдствіе того только, что нѣкоторые изъ ихъ членовъ принадлежали къ социалистамъ, высылка административнымъ порядкомъ лицъ,

въ дѣйствительности не принимавшихъ участія въ революціонной пропагандѣ, и другіе подобныя случаи почти неизбѣжной, даже при самомъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу, несправедливости, увеличивали число недовольныхъ существующимъ порядкомъ и наполняли ряды социалистовъ. Изъ официальныхъ донесеній видно, что на выборахъ социалисты дружно вотировали за своихъ кандидатовъ, не смотря на то, что были приняты всѣ мѣры противъ какой бы то ни было электоральной агитаціи съ ихъ стороны. Кромѣ того, извѣстно, что социальная демократія до сихъ поръ сохранила свою прежнюю стройную организацію, при посредствѣ которой собираются денежные суммы, распределяется дѣятельность между членами партіи и т. д. Въ тронной рѣчи самого императора сказано, что мѣропріятія противъ прессы, обществъ и собраній социалистовъ не могли совершенно уничтожить социалистическую агитацію. Агитація изъ открытой обратилась въ подпольную, вмѣсто мѣстной печати явились органы, издаваемые за границею. Такъ напр. въ Лондонѣ началъ выходить журналъ «Social-Demokrat», въ Цюрихѣ издается теперь газета «Freiheit». «Парламентскіе выборы тоже показываютъ,—сказалъ императоръ,—что социалисты еще не окончательно побѣждены». И дѣйствительно, они имѣютъ въ настоящее время нѣсколькихъ видныхъ представителей въ германскомъ рейхстагѣ. Едва ли можно поэтому рассчитывать, чтобы продленіе закона о социалистахъ дѣйствительно подорвало значеніе этой партіи. Въ Германіи правительство не убѣдилось еще въ безцѣльности борьбы противъ идей, хотя бы и ложныхъ, посредствомъ физической силы. Оно не хочетъ знать свидѣтельства исторіи, которая многочисленными примѣрами доказываетъ, что проповѣдники самыхъ нелѣпыхъ идей получаютъ среди народа ореолъ мученичества, когда правительство слишкомъ круто преслѣдуетъ ихъ; при этихъ условіяхъ идеи эти получаютъ такое значеніе, что потомъ съ ними трудно бываетъ управиться. Болѣе спокойное отношеніе къ партіи социалистовъ, экономическія реформы, при которыхъ могъ бы вздохнуть свободнѣе нѣмецкій народъ,—вотъ тѣ средства, которыя, по мнѣнію одного изъ представителей національ-либеральной партіи, могли бы вѣрнѣе привести къ желанной цѣли, чѣмъ продленіе закона о социалистахъ.

Понятно, что представители изъ социалистовъ почти всегда стоятъ въ рейхстагѣ въ оппозиціи правительству. Впрочемъ, оппозиція съ ихъ стороны неособенно опасна для правительства, такъ какъ число этихъ представителей, сравнительно съ числомъ представителей другихъ партій, незначительно.

Наибольшую численностью обладаетъ въ рейхстагѣ такъ называемая партія центра. Настроенная вообще консервативно, она имѣетъ рѣзкую клерикальную окраску. Вотъ почему она имѣетъ наибольшее значеніе въ вопросахъ борьбы государства съ церковью. Но этимъ, конечно, не ограничивается область ея парламентскаго вліянія. Въ вопросахъ экономическихъ ей всегда принадлежитъ рѣшительное слово. Вообще, въ Германіи

экономическіе вопросы, какъ это ни странно на первый взглядъ, довольно тѣсно связаны съ вопросами церковными. Недавно профессоръ Бамбергеръ читалъ публичную лекцію, въ которой доказывалъ, что борьба государства съ церковью ведется на почвѣ экономической. Всякая уступка государства церкви вызываетъ уступку правительству со стороны клерикаловъ по какому-нибудь финансовому вопросу и наоборотъ.

Центръ всегда какъ будто бы торгуется съ канцлеромъ изъ-за какихъ-нибудь уступокъ съ той или другой стороны. Чтобы привести въ парламентъ свой таможенный тарифъ, князь Бисмаркъ заключилъ годъ тому назадъ съ католической партіей центра перемиріе на условіяхъ довольно невыгодныхъ для него съ точки зрѣнія культурной борьбы.

Въ настоящее время новый законъ о смягченіи майскихъ законовъ, о которомъ мы скажемъ ниже нѣсколько словъ, свидѣтельствуеетъ, по мнѣнію Бамбергера, о готовности канцлера сдѣлать значительныя уступки римской курии съ тѣмъ условіемъ, чтобы партія центра поддержала его финансовыя реформы.

Интересно, что партія центра иногда очень энергично поддерживаетъ партію социалистовъ. Когда напр. обсуждался вопросъ о продленіи закона противъ социалистовъ, многіе изъ выдающихся ораторовъ изъ клерикаловъ заступались за социалистовъ и требовали смягченія закона въ ихъ пользу. Такъ напр. Газенклеверъ протестовалъ противъ незаконнаго запрещенія социалистической прессы, которое разорило многихъ. Другой ораторъ того же направленія жаловался на тѣ притѣсненія, которымъ подвергаются кассы, учрежденныя социалистами въ виду исключительно благотворительныхъ цѣлей и не имѣющихъ никакого преступнаго характера; не смотря на это, полиція совершенно произвольно закрывала ихъ и тѣмъ лишала многихъ послѣдняго куска хлѣба. Третій представитель изъ ультрамонтановъ осуждалъ репрессивный характеръ закона противъ социалистовъ, который, по его мнѣнію, не въ силахъ будетъ подавить социализмъ, развившійся лишь вслѣдствіе давленія сверху; всякій исключительный законъ даетъ широкій просторъ произволу администраціи. Противъ социаль-демократіи можно будетъ съ успѣхомъ бороться только тогда, когда весь строй Германской имперіи будетъ преобразованъ на новыхъ началахъ и въ основаніе его положена будетъ христіанская культура. Когда палата отклонила контр-предложенія социалистовъ противъ обсуждаемаго закона, Виндгорстъ, одинъ изъ корифеевъ клерикальной партіи, внесъ свои предложенія, которыя во многихъ отношеніяхъ были похожи на предложенія социалистовъ. Онъ требовалъ, чтобы избирательныя сходки были изъяты изъ дѣйствія закона о социалистахъ и чтобы особыя положенія распространялись только на Берлинъ и его ближайшія окрестности, т. е. не далѣе какъ на четыре мили отъ города. Жалобы на запрещеніе обществъ должны разбираться имперскимъ судомъ; вообще, Лондгирстъ настаиваетъ на учрежденіе судебныхъ инстанцій для дѣлъ, касающихся социалистовъ.

Такое отношеніе клерикаловъ къ демократіи напоминаетъ эпоху среднихъ вѣковъ и начала новой исторіи, когда католическое духовенство являлось отразителемъ демократическихъ стремленій противъ свѣтскаго правительства. Въ настоящее время между интересами католической церкви и социаль-демократовъ въ Германіи есть то общее, что и та и другіе подвергаются преслѣдованіямъ и репрессивнымъ мѣрамъ. Это общее въ ихъ положеніи и создало въ германскомъ рейхстагѣ нѣкоторую солидарность между этими партіями.

Къ характеристикѣ политическихъ убѣжденій партій центра нужно добавить, что въ ней наиболѣе развитъ тотъ духъ партикуляризма, на который жаловался канцлеръ въ своей рѣчи по поводу Гамбурга. Еще въ эпоху возникновенія Сѣверо-Германскаго союза клерикалы высказывали свои партикуляристическія воззрѣнія; они опасались, что, при новомъ порядкѣ вещей, имъ будетъ труднѣе ладить съ государствомъ, чѣмъ прежде. И вотъ, когда ихъ предчувствія оправдались, клерикалы невольно вспоминаютъ о добромъ старомъ времени, когда церковь пользовалась большою независимостью и большими правами; а это было то время, когда Германія не была «единою».

Мы видѣли, какъ расположены германскія политическія партіи и въ чемъ, въ главныхъ чертахъ, заключается ихъ политическая программа. Остановимся теперь на отношеніяхъ къ нимъ правительства, или, вѣрнѣе, имперскаго канцлера, такъ какъ князя Бисмарка можно по справедливости назвать и творцемъ, и выразителемъ германской политики.

Политическія убѣжденія его, на первый взглядъ, близко подходятъ къ программѣ національ-либераловъ, прогрессистовъ и даже многихъ изъ консерваторовъ. Князь Бисмаркъ, даже въ то время, когда онъ былъ прусскимъ министромъ, всегда ратовалъ за единство Германіи. Национальное единство и политическое могущество Германіи было постояннымъ его девизомъ. Но если всмотрѣться ближе въ его дѣятельность, то ясно видно, что идею единства національности, равно какъ и идею политическаго могущества онъ понимаетъ по своему.

Въ самомъ дѣлѣ, еще очень давно высказалъ онъ мысль, что спасеніе Германіи онъ видитъ единственно лишь въ политическомъ преобладаніи Пруссіи надъ другими германскими государствами. Увеличивать значеніе Пруссіи значило, съ его точки зрѣнія, наиболѣе практическимъ образомъ содѣйствовать германскому единству. Онъ всегда былъ противъ той теоріи, что Пруссія должна войти въ Германію, и склонялся къ противоположному.

Впрочемъ, съ этимъ нѣмцы, при искреннемъ желаніи объединенія, могли бы примириться, если бъ подчиненіе Пруссіи не было сопряжено со многими неудобствами, въ конституціонныхъ государствахъ очень трудно выносимыми. Если національ-либералы и прогрессисты стремились къ развитію конституціонной жизни и парламентаризму, то желѣзный канцлеръ былъ послѣдовательнымъ противникомъ этого развитія. Онъ чрезвычай-

но нетерпимо относился ко всякому противодѣйствию его цѣлямъ, какъ цѣлямъ имперскаго канцлера и представителя центрального правительства. Все, что хотя сколько-нибудь шло въ разрѣзъ съ его взглядомъ, онъ клеймилъ позорнымъ именемъ партикуляризма.

Съ другой стороны, нѣмцамъ всѣхъ безъ исключенія партій начинаетъ надоедать то положеніе *extra ordinem reipublicae*, въ которомъ канцлеръ такъ долго держитъ Германію.

«Германію стоитъ только посадить на сѣдло,—говорилъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—и она сама поскачетъ». Ради этого принимались экстренныя мѣры, увеличивались до громадныхъ размѣровъ военныя силы, налагались новыя подати. Прошло пять, десять лѣтъ, а Германія не только еще не спаваетъ, какъ предсказывалъ ей канцлеръ, но даже чувствуетъ значительное утомленіе.

Что касается до клерикаловъ, то они имѣютъ полное основаніе быть недовольными политикою канцлера по вопросу о культурной борьбѣ, которую онъ такъ сурово поставилъ своими «майскими законами». Новый же законъ о смягченіи ихъ не исполнѣ, какъ увидимъ, удовлетворяетъ ихъ, какъ мѣра временная и условная.

Соціаллисты недовольны канцлеромъ за репрессивныя мѣры. Такимъ образомъ, германское правительство, не пользуясь и вообще сочувствіемъ партій, поставлено теперь, подобно французскому правительству, въ необходимость бороться съ двумя партіями, стоящими совершенно на противоположныхъ точкахъ зрѣнія—съ партіей клерикаловъ и съ партіей социал-демократовъ, соответствующей французскимъ коммунарамъ.

Такое положеніе представляетъ большія трудности и не мудрено, что князю Бисмарку приходится лишь увертываться изъ этихъ затрудненій путемъ парламентскихъ уловокъ и тонкостей, въ которыхъ онъ такой мастеръ. Онъ и прежде не любилъ держаться въ политикѣ опредѣленныхъ принциповъ и былъ защитникомъ и представителемъ политики «своевременности» или «оппортунизма». «Что же дѣлать,—говорилъ онъ въ отвѣтъ на упреки въ измѣнчивости политическихъ убѣжденій,—когда плывешь на перахъ, какъ не ставить руль по вѣтру?» Теперь же князь Бисмаркъ принужденъ поворачивать этотъ руль очень часто.

Мы приведемъ теперь нѣсколько наиболее характеристичныхъ случаевъ столкновенія германскаго канцлера съ народнымъ представительствомъ въ рейхстагѣ. Хроника этихъ столкновеній можетъ быть названа хроникою парламентскихъ неудачъ князя Бисмарка.

Одно изъ такихъ столкновеній произошло по поводу обсужденія вопроса объ торговыхъ правахъ города Гамбургъ, который, вопреки ожиданія князя Бисмарка, вздумалъ отстаивать ихъ и нашелъ поддержку и въ представителяхъ отъ другихъ государствъ Германіи.

Извѣстно, что старинныя Ганзейскіе города, Гамбургъ и Бремень, сохранили въ видѣ вознагражденія за поддержку Пруссіи въ 1866 г. свои

привилегіи порто-франко. По имперской конституціи, города эти пользовались такою привилегіею какъ въ чертѣ города, такъ и въ предмѣстьяхъ ихъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, услуги, оказанныя Гамбургомъ и Бременомъ, стали забываться, и Бисмаркъ задумалъ заставить Гамбургъ отказаться отъ своихъ торговыхъ привилегій. Съ этою цѣлью онъ внесъ законопроектъ объ исключеніи смежнаго съ Гамбургомъ города Альтоны и гамбургскаго предмѣстья Святаго Павла изъ территоріи, пользующейся порто-франко. Канцлеръ толковалъ относящійся сюда 34 параграфъ имперской конституціи въ томъ смыслѣ, что дарованная городу Гамбургу привилегія имѣетъ силу только для самого города, а не для окружающей его территоріи. Гамбургъ протестовалъ противъ такого толкованія, считая его нарушеніемъ конституціи. Къ Гамбургу присоединились и многія другія германскія государства.—Еще болѣе сильную оппозицію внушалъ одинъ пунктъ обсуждавшагося на дняхъ въ рейхстагѣ договора съ Австріей о судоходствѣ по Эльбѣ. Этотъ пунктъ постановляетъ, что товаръ, ввозимый съ моря чрезъ Эльбу, облагается точно такою же таможенною пошлиною, какъ товаръ, перевозимый чрезъ сухопутную границу. Такое постановленіе было рассчитано на возможность устроить на Эльбѣ, ниже Гамбурга, таможенную границу, что фактически уничтожало торговыя привилегіи Гамбурга, какъ вольнаго порта. Оппозиція довольно дружно протестовала противъ проекта и онъ былъ отвергнутъ.

По этому-то поводу Бисмаркъ и выразилъ въ циркулярѣ, разосланномъ союзнымъ государствамъ, и въ двухъ парламентскихъ рѣчахъ свои политическія убѣжденія о единствѣ Германіи и враждебномъ ей духѣ партикуляризма. Рѣчи имѣли очень меланхолическій характеръ. Канцлеръ горько жаловался на путаницу отношеній въ рейхстагѣ, на *парламентаризмъ*, на возрастающій партикуляризмъ и все болѣе и болѣе увеличивающуюся оппозицію, ослабляющую имперію. Въ циркулярѣ къ союзнымъ государствамъ Бисмаркъ приглашаетъ ихъ къ единодушію и предостерегаетъ ихъ противъ споровъ о конституціи. Онъ протестуетъ противъ возбужденія вопроса по поводу конституціонныхъ правъ Гамбурга, усматривая въ этомъ источникъ раздоровъ, весьма опасныхъ для союзаго совѣта. Онъ предлагаетъ слѣдовать пути практическихъ соглашеній безъ возбужденія вопросовъ о конституціи. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Бисмарка, самое лучшее средство укрѣпить конституцію, которую должно обеспечивать единство политическаго тѣла, состоитъ въ томъ, чтобы не поминать о ней даже и тогда, когда конституція нарушается. Эта по истинѣ оригинальная мысль еще болѣе отъяняется намекомъ желѣзнаго канцлера, что Пруссія по вопросамъ конституціоннымъ никогда не подчинится рѣшенію большинства.

Хотя оппозиція и не совсѣмъ удовлетворилась объясненіями канцлера, въ окончательномъ результатѣ онъ все-таки добился того, чего хотѣлъ: союзный совѣтъ Германской имперіи принялъ предложеніе Прус-

сіи о включеніи города Альтоны въ таможенный союзъ. Но едва ли это можетъ свидѣтельствовать объ ослабленіи того партикуляризма, на который сѣтуеть Бисмаркъ. Оппозиція не кладеть оружія; многіе органы прессы отрицательно относятся къ образу дѣйствій Бисмарка и даже обвиняють его въ усиленіи партикуляризма. Партикуляризмъ этотъ является въ сущности протестомъ противъ нарушенія прусскимъ министромъ конституціонной свободы, а такой протестъ въ государствахъ съ представительной формой правленія имѣеть громадную силу. Чтобы отдѣлить Гамбургъ отъ Альтоны, Бисмаркъ задумалъ было воздвигнуть между ними каменную стѣну и учредить полицейскіе таможенные кордоны. Противъ протеста же государствъ по поводу стѣсненія ихъ правъ не въ силахъ устоять ни стѣны, ни полицейскіе кордоны. Мы воснемся еще одного эпизода, который хотя и касается ближе Пруссіи, но имѣеть значеніе и для всей Германіи.

Борьба государства съ церковью вступила въ послѣднее время въ Германіи въ новый фазисъ. Князь Бисмаркъ, съ большой энергіей ратовавшій, въ прежнее время, противъ римской куріи, нашелъ нужнымъ принять примирительныя мѣры. Такое настроеніе должно бы было вызвать всеобщее сочувствіе. Борьба государства съ церковью представляетъ вообще одно изъ большихъ мѣстъ государственной жизни западной Европы. Намъ уже приходилось указывать на тѣ вредныя послѣдствія, которые влекли за собою столкновенія между римскою куріей и государствомъ во Франціи и Бельгіи. Не менѣе печальный результатъ имѣлъ для всего строя государственной жизни, а въ особенности для народнаго образованія, и германскій Kulturkampf. Вотъ почему примирительныя стремленія князя Бисмарка могли привлечь симпатіи и пожеланія успѣха.

Но уже съ самаго начала дѣйствія германскаго канцлера возбудили во многихъ нѣкоторое недовѣріе. Тѣ, которые слѣдили за его политическою дѣятельностью, знаютъ, что онъ далеко не откровененъ и не любить посвящать публику въ тайны своихъ политическихъ соображеній. По вопросу о переговорахъ и сношеніяхъ съ папскимъ престоломъ онъ былъ скрытливъ и сдержанливъ, чѣмъ когда-либо. Но затѣмъ желѣзный канцлеръ сразу измѣнилъ своимъ приѣмамъ и проявилъ такую откровенность, какой отъ него никому и въ голову не приходило ожидать. Въ *Национальной Газетѣ* обнародовано было его «конфиденціальное» сообщеніе германскому послу въ Вѣнѣ. Черезъ нѣсколько дней въ той же газетѣ появились и другіе весьма серьезные документы, посланные изъ берлинской дипломатической канцеляріи и касающіеся культурной борьбы.

Такая откровенность, идущая въ разрѣзъ съ прежнимъ образомъ дѣйствій Бисмарка, не могла не показаться подозрительною и имѣла сенсаціонный характеръ.

Обращаясь затѣмъ къ самому содержанію законопроекта о церковномъ вопросѣ, мы замѣчаемъ, что его главное значеніе заключается въ правѣ,

предоставляемому правительству, по произволу смягчать или даже вовсе не примѣнять законы, изданные въ прошломъ году. Вся система преобладанія государства надъ церковью, которою такъ гордилось правительство, можетъ, если бы принятъ былъ новый законъ, обратиться въ мертвую букву по желанію Бисмарка. Такимъ образомъ, онъ могъ рассчитывать общаніемъ не примѣнять на практикѣ майскіе законы, или же угрозою прилагать ихъ во всей строгости—заставить влержикаловъ и римскую курію сдѣлать съ своей стороны извѣстныя уступки.

Вотъ на какой почвѣ должно было состояться примиреніе церкви съ государствомъ или вѣрнѣе—съ канцлеромъ. Примиреніе это было весьма желательнымъ для него. Извѣстно, что онъ давно уже не ладитъ съ національ-либеральною партіей, которая въ свою очередь имѣетъ вѣскія основанія быть имъ недоволенною. Въ послѣднее время взаимное довѣріе между кн. Бисмаркомъ и либералами значительно ослабѣло. Канцлеръ поэтому долженъ былъ желать усилить тѣ элементы, на которые онъ опирается въ палатахъ, и примиреніе съ папскимъ престоломъ доставило бы ему новыхъ сторонниковъ.

Однако церковная политика Бисмарка дала такіе результаты, на которые онъ никакъ не рассчитывалъ. Прежде всего поведеніемъ Бисмарка оказались недовольны сами клерикалы. Органы ихъ довольно дружно высказались противъ мѣръ, предложенныхъ Бисмаркомъ. Такъ, напр., *Германія* открыто называетъ законопроектъ Бисмарка «новою мѣрою культурной борьбы» и возвращеніемъ къ приемамъ открытой вражды. Газета заявляетъ, что борьба можетъ прекратиться лишь съ полной и окончательною отмѣною майскихъ законовъ. Самъ папа Левъ XIII отрицательно отнесся къ законопроекту Бисмарка и чрезъ монсеньера Якобини поопѣшилъ объявить канцлеру, что онъ беретъ назадъ то посланіе, въ которомъ была сдѣлана правительству уступка въ томъ отношеніи, что римская курія соглашалась предварительно сношаться съ государственною властью о назначеніи священнослужителей.

Либералы, съ своей стороны, были самымъ неприятнымъ образомъ поражены предложеніемъ Бисмарка и по содержанію, и по формѣ. Имъ, конечно, не могла быть пріятна основная мысль новаго законопроекта, дающаго широкій просторъ произволу (или «факультативности», какъ мягко выражаются нѣмцы) правительства и предлагающаго законодательному собранію отречься отъ своихъ правъ въ пользу правительства же. Въ либеральныхъ газетахъ появился цѣлый рядъ статей, направленныхъ противъ предложенія канцлера. Въ комиссіи, которая рассматривала законопроектъ, либералы также высказались противъ него.

Такимъ образомъ, политика князя Бисмарка привела къ послѣдствіямъ прямо противоположнымъ, чѣмъ тѣ, на которыя онъ рассчитывалъ. И это совершенно естественно. Не путемъ общаній и угрозъ, исполненіе которыхъ всецѣло зависить отъ произвола министерства, можно достигнуть

примиренія по какому либо вопросу, а тѣмъ болѣе по вопросу объ отношеніяхъ церкви къ государству. Не путемъ внесенія такихъ законопроектвъ, которыми, по основной ихъ мысли, законодательное собраніе лишается своихъ наиболѣе серьезныхъ правъ въ пользу правительства, можно въ конституціонныхъ государствахъ добиться созданія парламентскаго большинства.

Дальнѣйшая судьба законопроекта о смягченіи майскихъ законовъ можетъ служить примѣромъ парламентской изворотливости канцлера Германіи. Первоначальный проектъ, представленный правительствомъ, подвергся въ комиссіи, разсматривавшей его, и затѣмъ въ палатѣ, при обсужденіи его, значительнымъ измѣненіямъ и поправкамъ. Между прочимъ первая и самая важная статья его, предоставлявшая правительству право не приводить по своему усмотрѣнію въ дѣйствіе майскихъ законовъ, и четвертая, которая дозволяла правительству возстановлять въ своихъ епархіяхъ смѣшанныхъ епископовъ. Обѣ эти статьи были отмѣнены въ видѣ уступки національ-либеральной партіи, которую такимъ путемъ думали привлечь къ подачѣ голосовъ въ пользу остальныхъ пунктовъ законопроекта. Послѣ третьяго чтенія законъ былъ, наконецъ, принятъ палатою. Теперь правительство думаетъ провестъ и остальные двѣ статьи, причѣмъ надѣется на поддержку клерикаловъ и консерваторовъ. Оказывается, что представленный палатѣ законопроектъ одною половиною можетъ рассчитывать на принятіе національ-либераловъ, а другою—клерикалами, а весь соответствуетъ убѣжденіямъ консерваторовъ. При невозможности привести его сразу и цѣликомъ, правительство приводитъ одну половину его, опираясь на большинство, составившееся изъ консерваторовъ и либераловъ, а другую заставитъ принять большинство, которое составитъ изъ консерваторовъ и клерикаловъ.

Но не такими остроумными способами можетъ правительство рассчитывать приобрести довѣріе народнаго представительства. Только внимательнымъ и дослѣдовательнымъ исполненіемъ требованія народнаго сознанія, на сколько оно выражается въ органически сложившемся, а не искусственно созданномъ большинствѣ представителей можетъ правительство обезпечить себѣ твердую почву для успѣшной дѣятельности. А желѣзный канцлеръ захотѣлъ игнорировать этотъ законъ.

Въ этомъ и заключается главная и основная причина того неловкаго положенія, въ которомъ теперь находятся и самъ канцлеръ, и рейхстагъ, и вся Германія. Систематическое пренебреженіе правительствомъ требованій общественнаго сознанія и довело Германію до настоящихъ ея затрудненій. Народъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей стремился къ единству; вмѣсто единства онъ находитъ лишь подчиненіе Пруссіи. Съ понятіемъ національнаго единства связывалъ онъ идеалы развитія культуры и конституціонной свободы; вмѣсто этого ему предлагаютъ милитаризмъ, постепенное, но послѣдовательное упроченіе правительственной централи-

заци; когда, наконецъ, народные представители желаютъ тщательно обсудить важный политическій вопросъ, имперскій канцлеръ опытной рукою пользуется отношеніями между партіями, чтобы, искусственно создавъ случайное большинство, провести свой проектъ.... При такихъ условіяхъ невозможно ожидать чего либо хорошаго и въ конституціонномъ государствѣ; такой порядокъ не можетъ долго держаться. Одна изъ важнѣйшихъ особенностей такихъ государствъ въ томъ и состоитъ, что когда лица, стоящія во главѣ правительства, дѣйствуютъ въ разрѣзъ съ потребностями народа, они теряютъ почву подъ собою и принуждены или измѣнить свой образъ дѣйствій, или уступить.

Есть основаніе думать, что самъ Бисмаркъ начинаетъ понимать свое положеніе. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ онъ было заявилъ, что не желаетъ больше заниматься дѣлами внутренней политики, предоставляя это другимъ лицамъ, и отнынѣ всецѣло предается международнымъ вопросамъ. Но потомъ это намѣреніе оказалось фальшивою тревогою. На дняхъ же появилась въ «Национальной газетѣ», столбцами которой князь Бисмаркъ обыкновенно пользуется для выраженія своихъ мыслей, передовая статья, въ которой доказывается необходимость для Германіи образованія въ ней сильной либеральной партіи. Объ либерализмѣ въ этой статьѣ говорится съ увлеченіемъ и восторгомъ. «Кто не знаетъ, — сказано въ ней, — что либерализмъ уже давно представляетъ основную силу Германіи и существуетъ не на словахъ, а на дѣлѣ, въ живой формѣ?» Авторъ статьи выражаетъ желаніе, чтобы народъ создалъ изъ себя сильную либеральную партію, которая могла бы составить парламентское большинство, способное поддерживать правительство. Лучшимъ средствомъ для этого признаютъ новые выборы.

Если эта статья дѣйствительно, какъ думаютъ, написана подъ влияніемъ самого канцлера, то она можетъ служить предзнаменованіемъ наступленія и для Германіи того перелома въ пользу либеральнаго направленія, который въ послѣднее время наблюдается уже во многихъ государствахъ запада Европы.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАМОНТОВА,

МОСКВА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Кузнецкій мостъ, докъ Фирсанова, Невскій пр., 46 (пр. Гостин. Двора).

ПРОДАЮТСЯ:

- Бертелотти Н. Н.** Всеобщая исторія (въ объемъ гимназическаго курса).
Ч. I. Древній міръ. М. 1877 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.
- Бертранъ I.** Алгебра. Отдѣльно. Вып. II. (Объ уравненіяхъ 1-й степени). М. 1873 г. Ц. 35 к. Вып. III. (Объ уравненіяхъ 2-й степени). М. 1874 г. Цѣна 45 коп. Вып. IV. (О прогрессіяхъ и логарифмахъ). М. 1874 г. Цѣна 25 коп. Вып. V. (Дополненіе началъ алгебры). М. 1874 г. Цѣна 50 коп. Полные экземпляры, оброшюрованные изъ всѣхъ пяти выпусковъ. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 2 р. Отдѣльно выпускъ 1-й распроданъ.
- Брю и Буиз.** (Прямолинейная тригонометрія). М. 1877 г. Цѣна 75 к., съ перес. 1 руб.
- Сферическая тригонометрія. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Бугасовъ Н. В.** Руководство къ ариметикѣ. Ариметика цѣлыхъ чиселъ. М. 1876 г. 2-е исправл. и дополн. изд. Цѣна 40 к., съ пер. 55 к.
- Задачникъ къ ариметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Изданіе 2-е съ измѣненіями. М. 1876 г. Цѣна 25 коп., съ перес. 40 коп.
- Руководство къ ариметикѣ. Ариметика дробныхъ чиселъ. М. 1876 г. 3-е исправ. и дополн. изд. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.
- Задачникъ къ аримет. дробныхъ чиселъ. М. 1875 г. Цѣна 35 коп., съ перес. 50 коп.
- Начальная алгебра. Ч. I. М. 1877 г. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 к. Ч. II М. 1878 г. Цѣна 75 коп., съ перес. 90 коп. Вопросы къ алгебрѣ. М. 1878 г. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.
- Ветшттейнъ.** Ботаника въ размѣрѣ реальн. учебн. завед. М. 1877 г. Цѣна 75 коп., съ перес. 90 коп.
- Гаммъ.** Общее земледѣніе. Ч. I. (Астрономич. геогр. и метеорологія, съ 15 политимажами и 6 таблицами). М. 1876 г. Цѣна 85 коп., съ перес. 1 р.

- Гохштеттеръ.** Общее землевѣдѣніе. Ч. II. (Геологія, составъ, строеніе и образованіе земли). М. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
- Женэ.** Шекспиръ. Его жизнь и сочиненія, съ портретомъ и факсимиле Шекспира. М. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.
- Клаузъ Н.** Основы зоологіи. Т. I, вып. I. (Protozoa. Coelenterata). Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова, со 148 политипажами. М. 1873 г. Т. I, вып. II (Vermetes, Echinodermata). Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова, съ 235 политипажами. М. 1873 г. Цѣна каждому выпуску 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 коп. Т. III, вып. I (*Рыбы, голые и чешуйчатые гады*), съ 98 политипажами. Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова. М. 1871 г. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп. Т. III, вып. II. (*Млекопитающіяся и птицы*), съ 292 политипажами. Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова. М. 1875 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.
- Kercoff A. G.** Cours gradué de langue française. Parties. I et II. 2-е изданіе М. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.
- Cours gradué de la langue française. III et IV parties. М. 1880 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.
- Линдбергъ Л.** Атласъ Всеобщей Геогр., 2-е изд. М. 1874 г. Цѣна сброшюр. вмѣстѣ 4 р. 50 коп., съ перес. 5 р. 50 коп. Цѣна экз. въ двухъ выпускахъ 5 р., съ перес. 6 р.
- Учебный Атласъ Всеобщей Географіи для гимназическаго курса. Лейпцигъ. 1878 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.
- Мостовскій М.** Приготовительный курсъ Всеобщей и Русской Географіи. Изд. 4-е, дополн. картой Палестины. М. 1879 г. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп.
- Этногр. очерки Россіи (55 характеристикъ). М. 1874 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.
- Учебный курсъ Всеобщей Геогр. (Европа). М. 1875 г. Цѣна 70 к., съ перес. 85 коп.
- Учебная карта Европ. Россіи, хромолитогр. (полунѣмая), съ объяснен. къ ней. М. 1876 г. Цѣна 65 коп., съ перес. 90 коп.
- Нинитинъ.** Элементарный курсъ ботаники. Изд. 3-е. М. 1879 г. Цѣна 40 к. съ перес. 55 коп.
- Соннэ.** Геометрія теоретическая и практическая. Вып. I. (*О линіяхъ*). Со 154 политипажами. М. 1875 г. Цѣна 85 коп. Вып. II. (*О плоскихъ фигурахъ*). (Дополненіе). Со 104 политипажами. М. 1875 г. Цѣна 70 коп. Вып. III. (*О плоскихъ фигурахъ*) (площади). Съ 49 политипажами, М. 1876 г. Цѣна 50 коп. Вып. IV. *О поверхностяхъ и линіяхъ* (линіи и плоскости до начала начертательной геометріи), съ 66 политипажами. М. 1877 г. Цѣна 60 к. Вып. V. *О поверхно-*

ствяхъ и линіяхъ (начала начертательной геометріи), съ 98 полнотипажамн. М. 1878 г. Цѣна 1 р. Вып. VI. *О геометрическихъ тѣлахъ и различныхъ приложеніяхъ* (главнѣйшія начала начертательной геометріи). Со 104 полнотипажамн. М. 1878 г. Цѣна 1 р. Всѣ выпуски сброшюрованные вмѣстѣ. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 коп.

Травинъ В. Н. Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству хозяйственныхъ съемокъ. Съ XV табл. чертежей. М. 1879 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

— Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству различнаго рода съемокъ и нивелированія. Съ XII табл. чертежей. М. 1879 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Памятная книжка. Собраніе формулъ и вспомогательныхъ таблицъ. М. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

Траутшольдъ Г. Палеонтологія (*палеозоологія и палеофитологія*). Около 300 полнотипажей. М. 1875 г. Цѣна 2 р. 75 коп., съ пер. 3 р.

— Стратиграфія. Съ таблицами и полнотипажамн. М. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.

Учебно-воспитательная бібліотека (обзоръ русской педагогической литературы). М. 1876 г. Т. I. (Въ двухъ книгахъ). Цѣна 5 р., съ пер. 6 р. Отдѣлы продаются и порознь: Педагогика. Цѣна 75 коп., съ пер. 1 р. Законъ Божій. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп. Русскій языкъ, словесность и книги для русскаго чтенія. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 коп. Древніе и новые языки. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 р. Математика, физика, космографія и химія. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Исторія. Цѣна 50 коп., съ перес. 75 коп. Географія. Цѣна 50 коп., съ перес. 75 коп. Естествовѣдѣніе. Цѣна 60 коп., съ перес. 85 коп. Искусство. Цѣна 25 коп., съ пересылкой 40 к. Т. II. М. 1878 г. Цѣна 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 коп.

Штоль Г. В. Миѣны Классической Древности. Съ рисунками и полнотипажамн. М. 1877 г. Т. I. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к. Т. II. М. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.

Эльснитцъ Л. Ф. Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Изд. III (дополненное). М. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Гг. книгопродавцамъ обычная уступка. Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛѢСОВОДСТВО

ЖУРНАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ

и

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ 1880 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками каждая не менѣе 10 листовъ, а Газета еженедѣльно въ 4 д. л. большого формата, въ 16 страницъ или 32 столбца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	Безъ пересылки и доставки.	Съ доставкою на домъ въ Пе- тербургъ.	Съ упаковкою и пересылкою въ другія мѣста.
Журналъ	4 р.	4 р. 50 к.	4 р. 50 к.
Газета	3 »	4 » — »	3 » 90 »
Журналъ вмѣстѣ съ Газетою.	7 »	8 » 50 »	8 » 15 »
На полгода:			
Журналъ	2 » 20 к.	2 » 45 »	2 » 50 »
Газета	1 » 70 »	2 » 20 »	2 » 20 »
Журналъ вмѣстѣ съ Газетою.	3 » 70 »	4 » 45 »	4 » 35 »

Съ доставкою за границу: Журналъ на полгода 2 р. 70 к., на годъ 5 р. Газета: на полгода 2 р. 25 к., на годъ 4 р. 10 к.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться съ своими требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» и «Земледѣльской Газеты» (Большая Садовая, № 44). Въ Петербургѣ подписка принимается въ редакціи, въ комиссіонерствѣ «Работникъ», при сельско-хозяйственномъ музеѣ министерства государственныхъ имуществъ (Соляной переулокъ) и почти во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ — въ комиссіонерствѣ «Работникъ» (Театральная площадь, д. Бронникова) и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ).

**ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ
„ТИФЛИССКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1880 году.**

Съ 1-го января будущаго 1880 года „Тифлисскій Вѣстникъ“ будетъ издаваться **ЕЖЕДНЕВНО**, не исключая ни понедѣльниковъ, ни послѣдъпраздничныхъ дней, при участіи нынѣшняго состава редакціи.

Вслѣдствіе увеличенія числа номеровъ газеты, подписная цѣна на газету нѣсколько измѣняется. Годовая подписка назначается: въ Тифлисъ (съ доставкою на домъ)—12, съ пересылкою по Имперіи—13, съ пересылкою по почтовому союзу—18 руб.

СРОКИ:	Въ Тифлисъ съ доставкой.		По Имперіи.		По почтовому союзу.	
	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.
На 12 мѣсяцевъ	12	—	13	—	18	—
» 6 »	6	50	7	—	9	50
» 4 мѣсяца	4	50	5	—	7	—
» 3 »	4	—	4	50	5	50
» 1 мѣсяць	1	50	2	—	2	50

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Тифлисъ, въ редакцію „Тифлисскаго Вѣстника“.

Въ Тифлисъ подписка принимается, кромѣ конторы газеты (Эриванская площадь, д. № 3), въ газетномъ агентствѣ Шавердова.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ

ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

Возобновленный съ 1878 года „Журналъ м. п. с.“ будетъ издаваться и въ предстоящемъ году по слѣдующей программѣ:

а) Оффиціальная часть и срочныя публикации, подъ названіемъ *«Указатель правительственныхъ распоряженій по министерству путей сообщенія»*—*еженедѣльно*;

б) Неоффиціальная—*ежемѣсячно*.

Подписная цѣна полнаго экземпляра «Журнала» съ «Указателемъ за годъ»—9 р. съ пересылкою и 8 р. 40 к.—безъ пересылки; за полгода: 5 р. съ пересылкою и 4 р. 50 к.—безъ пересылки.—Служащимъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія допускается разсрочка подписной цѣны по третью года.

Подписная цѣна: одной оффиціальной части, т. е. «Указателя», за годъ—2 р. 40 к. безъ пересылки и доставки, а съ пересылкою—3 р.; за полгода—1 р. 60 к. безъ пересылки и 1 р. 85 к. съ пересылкою одной неоффиціальной, т. е. «Журнала» безъ «Указателя»—6 р. за годъ съ пересылкою и доставкою, безъ пересылки—5 р. 40 к.; за полгода—3 р. 50 к.

Подписка принимается въ зданіи м. п. с. въ общей журнальной части, гдѣ производится и продажа отдѣльныхъ экземпляровъ изданія за истекшій годъ: «Журналъ»—по 1 р. за книжку, «Указатель»—25 к. за №.

Примчаніе: Какъ подписныя деньги, такъ и за отдѣльные экземпляры, отнюдь не должны быть высылаемы и представляемы въ министерство, а вносятся самими подписчиками въ мѣстныя казначейства, для причисленія къ доходамъ м. п. с. § 7 ст. 1 смѣты сего министерства; въ редакцію же (департаментъ общ. дѣлъ м. п. с., по Фонтанкѣ, № 99) должны быть присылаемы только квитанціи во взносѣ сихъ денегъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ

ВАЗА.

СУЩЕСТВУЕТЪ 48 ЛѢТЪ

Женскій литературный, руководъльно-модный, иллюстрированный журналъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа наждаго мѣсяца большими тетрадами.

24 номера журнала, **12** руководъльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, разные извѣстія и т. п.).
1000 полиטיפажей въ текстъ.
24 модныя гравюры.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ.
21 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ.
Баранный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ редакціи возможность увеличить цѣнность и изящество премій.— Преміи, предназначенныя для 1880 года, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желаящіе могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ 1880 года получитъ ШЕСТЬ ПРЕМІЙ, а именно:

1) ВАРХАТНЫЯ золотомъ вышитыя туфли (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебряными черезъ огонь вызолоченными нитями). 2) ДВѢ олеографич. картины (pendant) заграничной работы. 3) КОРЗИНКА для туалетнаго стола. Тисненая вырѣзка изъ золоченой канвы. Часть работы.	4) ВОЛЬШАЯ ПОДУШКА для дивана. Роскошный букетъ. Матеріалъ полный для букета и для фона. Узоръ для исполненія раскрашенный въ натуральную величину. 5) ВЫШИВКА для бивара на французской канвѣ. Матеріалъ полный и узоръ раскрашенный. Полевые цвѣты. 6) ЗАКЛАДКА для книги съ тисненой вынѣткой и вышивкой (Souvenir).

Преміи выдаются и рассылаются всѣ заразъ: городскимъ—въ Январѣ, иногороднымъ подписавшимся въ ноябрѣ—въ январѣ. Подписавшимся въ декабрѣ—въ февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ въ теченіи февраля и марта.

Разсрочка допускается чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На годъ безъ премій . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.) СЪ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дороже.
На полгода безъ премій . . . 4 р. — к. (безъ перес. 3 р. 40 к.) На укупорку премій редакція
На 3 мѣсяца безъ премій . . . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 к.) проситъ высл. 42 к. марками.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „ВАЗА“. Лештуковъ пер., д. № 13.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ГИГИЕНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
„ЗДОРОВЬЕ“

Органъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико-хирургической Академіи А. П. Доброславина, при ближайшемъ участіи профессоровъ Гигіены въ университетѣхъ Казанскомъ, Киевскомъ и Харьковскомъ—И. П. Скворцова, В. Л. Субботина и А. И. Якобія, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго, докторовъ Архангельскаго, Гюбнера, Эрисмана и др.

Въ наступающемъ 7-мъ году изданія Редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ — распространять въ популярной формѣ изложенія гигиеническія истины и предлагать обществу наиболѣе цѣлесообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта—гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигиена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессіи, гигиена казармъ, больницъ и др. общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ и пр. не менѣе важныя отдѣлы здравоохраненія будутъ вложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того, журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣдѣній касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библиографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигиенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы. Всѣ труды и протоколы Общества охраненія народнаго здравія помѣщаются въ журналѣ «Здоровье».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой, 5 руб., за полгода съ пересылкой, 3 руб.

Гр. служащіе подписываются чрезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ редакцію, помѣщающуюся на Выборгской сторонѣ по Нижегородской улицѣ, № 4, въ зданіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просить обращаться въ контору журнала, въ типографію Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8.

съ изданіемъ въ 1880 году
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНАГО ЖУРНАЛА
„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“
(годъ третій).

Въ 1880 году «Историческая Библиотека» будетъ выходить при участіи тѣхъ же лицъ, во той же программѣ и въ тѣ же сроки.

Программа: романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія; историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи и матеріалы.

Согласно съ намѣченною цѣлью, редакція помѣщала и будетъ помѣщать въ журналѣ своемъ тѣ произведенія, которыя, при литературномъ достоинствѣ, совершенно вѣрны и исторической истинѣ. Содержаніе журнала 1879 года, включая и печатающееся для послѣднихъ выпусковъ: беллетристическаго содержанія — Семейство Шалонскихъ (изъ семейныхъ преданій 12 года), Е. Туръ; Новгородскій пожаръ, ист. пов. Политковскаго; Очерки древне-римской жизни, Т. Симона; Престоль и Монастырь (хроника-романъ 1682—1689 г.) Ш-6-скаго; Кларошане (сцена), В. В.; Переписка папы Климента XIV съ Карлино Вергинаци, Соловова; Съ русскимъ караваномъ, Н. Огородникова; Жанна де-Монфоръ, ист. пов. Витта; Воспоминаніе изъ Кавказской боевой жизни, Горюнова; Рассказъ плѣнника (изъ Хивинской экспедиціи), Д. И. Минаева; За жной изгородью (вандейская война), ист. пов. Витта; Семиваристъ, Богословскаго; Новгородскія Былныя, Авенариуса; ученаго содержанія—Флоренція въ XIV в., ист.-кул. очеркъ, Красноперова; Очеркъ Провансальской поэзіи любви, Деларю; Описаніе Московія по реліціямъ Карлейля, Павловскаго; Арсеній архіеп. Элассонскій, Оглоблина; Пугачевскій бунтъ по Кастеру, Деларю; Индусы и Вудда, Новосолова; Сервантесъ, покойн. проф. Салина; Тюремный вопросъ, Никитина; Основныя эпохи въ исторіи Англіи, Павлова и ин. друг., не счтаны мелкихъ статей. Въ будущемъ же году редакція предполагаетъ увеличить объемъ книгъ) будутъ помѣщены, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія произведенія: Царскій выборъ, ист. пов. Политковскаго, Тѣни Прошлаго (Виронъ и Волыскій), хроника-романъ Шубарскаго (псевдонимъ) автора «Престоль и Монастырь», Атика по Дункеру, матеріалы для русской исторіи XVIII в., Послѣдніе Стюарты, нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ историческихъ сочиненій и др.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к., съ перес. 8 руб. Подписка принимается въ редакціи (Вол. Садовая, д. 121, кв. 12) и въ книж. магазинѣ Я. Исакова, гос. дв., № 24. Иногородные благоволятъ адресовать въ Петербургъ, въ Редакцію журнала «Историческая Библиотека» (Вол. Сад., д. 121). Гр. Подписчики текущаго года получаютъ всѣ вышедшіе нумера.

Готовится къ печати и выйдетъ въ свѣтъ около 15-го числа будущаго мая мѣсяца

СКОМОРОХЪ,

ВТОРОЙ АЛЬМАНАХЪ «БУДИЛЬНИКА» на 1880 ГОДЪ:

изящный томикъ in-8° (форматъ альманаха «Будильника» 1879 года); болѣе 150 столбцовъ текста (стихи и проза); краткій календарь-мѣсяцесловъ на текущій годъ (къ первымъ 500 экземплярамъ, кромѣ того, будетъ приложенъ отрывной листъ святцевъ на 1880 годъ и, къ нему, отпечатанная золотомъ обложка: «календарь-портмоне»); рисунки (жанры) гг. Лебедева, Малышева, Чичагова, Залѣсскаго и Кланга (всего семь рисунковъ, роскошно отпечатанныхъ въ два тома.) Подписка будетъ приниматься въ главной конторѣ редакціи „Будильника“ (Москва, Леонтьевскій пер., домъ Мичинера)—ТОЛЬКО ДО 15 АПРѢЛЯ, въ виду слѣдующаго:

каждый подписчикъ, выславшій, вмѣстѣ съ подписными деньгами, свою фотографическую карточку (подробности см. ниже), найдетъ въ „Альманахѣ“

 свой собственный портретъ

(конечно—не карикатурный), исполненный на камнѣ гг. Клангомъ или Чичаговымъ и отпечатанный, въ форматъ полной страницы книги, на превосходной тонкой бумагѣ. На оборотѣ фотографической карточки **обязательно** должны находиться: имя, отчество, фамилія и адресъ подписчика. По отпечатаніи портрета, карточка возвращается заказчику въ цѣлости. Такъ какъ заготовленіе, можетъ быть, нѣсколькихъ тысячъ портретовъ потребуетъ не мало труда и времени, то Редакція и проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ: по возможности ускорить требованія.

Заказы на одни портреты (безъ «Альманаха») не принимаются.

Подписная цѣна—2 руб., съ перес. 2 р. 20 коп. за экз.

Выславшіе десять рублей, получаютъ пять экз. „Альманаха“ и олеографію съ картины Кляма: „Лѣтняя“—**БЕЗПЛАТНО.**

Цѣна „Альманаха“ безъ портрета—1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

Подробныя рекламы—см. въ «Будильникѣ.»

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить въ 1880 году безъ предварительной цензуры.

Сообщение новостей изъ области медицины и гигиены, извѣстій о событiяхъ въ медицинскомъ мiрѣ, о ходѣ санитарнаго дѣла, разсмотрѣнiе и обсужденiе профессиональныхъ и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить «Врачебныя Вѣдомости», восполняя дѣйствительный пробѣлъ специальной прессы — отсутствие такого периодическаго органа, который-бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуклонныя стремленiя газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣнiямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетворенiи существенныхъ потребностей врачей, раздѣленныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать, наконецъ, органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессii. Это выразилось значительно увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщенiй, большиимъ участiемъ врачей въ разсмотрѣнiи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаниими, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. «Врачебныя Вѣдомости» не щадили усилiй, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишнiихъ размазыванiй какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованiй, такъ и заключенiя, вытекающiя изъ явленiй жизни, руководясь, главнымъ образомъ, *практичностью* первыхъ и *полезностью* послѣднихъ. Насколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но, тѣмъ не менѣе, она вправѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессii, улучшенiя ея положенiя въ смыслѣ улучшенiя положенiя ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаниихъ. Желанiя ея и въ этомъ направленiи расширить свои отдѣлы получили, наконецъ, удовлетворенiе. „Врачебныя Вѣдомости“ ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансiяхъ въ земствахъ и пр., сдѣлавшiйся вполнѣ источникомъ для помѣщенiя объявленiй въ другихъ медицинскихъ изданiяхъ. Земскiя и др. учрежденiя отнеслись къ этому сочувственно и „Врачебныя Вѣдомости“ имѣли возможность сообщать *своевременно* о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобства читателей, газета на будущiй годъ приняла мѣры къ большому расширенiю и этого отдѣла. — Въ 1880 г. «Врачебныя Вѣдомости» будутъ выходить по той же программѣ.

ПО Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А .

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣсяца.
Безъ пересылки.	6 р.	4 р.	2 р.
Съ пересылкой и доставкой.	8 „	5 „	3 „

Подписка принимается: въ *Петербурѣ*—въ конторѣ редакцiи „Врачебныхъ Вѣдомостей“, Владимирская 7, и въ книжныхъ магазинахъ. Г. иногородные адресуютъ подписку и иные требованiя исключительно въ контору редакцiи «Врачебн. Вѣдом.»

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦIИ ПРОДАЮТСЯ:

РУКОВОДСТВО КЪ КЛИНИЧЕСКОМУ ИЗСЛѢДОВАНИЮ И ДIАГНОСТИКѢ

проф. Р. Гагена, съ русскою переводою. Цѣна 60 коп., въ коллжор. перепл. 75 коп.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ПРОШЛУЮ ВОЙНУ.

П. Илинскаго. Цѣна 1 р. 75 к., съ пересыл. 2 р., веленев. и коллжор. перепл. 3 р.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ, книжками отъ 20 до 25 листовъ, подъ редакцію *проф. Володимірова* и Тов. Об.-Пр. Сената *Н. Денна*.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ.	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города	9 р.

Подписчики, желающіе получить, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

съ доставкой въ С.-Петербургѣ	13 р.
съ пересылкой въ другіе города	13 р.

РѢШЕНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА рассылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 р. съ доставк. въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго права», въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою, а въ Москвѣ—на Никольской улицѣ.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 2 лянія, домъ № 7.

Подписка на 1880 годъ продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Вторая книга журнала (Мартъ—Апрѣль) выйдетъ 1-го Апрѣля. Въ ней будутъ помѣщены: 1) Указанія и распоряженія правительства. 2) Личный составъ. 3) Протоколы уголовного отдѣленія С.-Петербургскаго юридическаго общества. 4) О незаконнорожденныхъ, *А. Кистяковскаго*. 5) Кандидаты на судебныя должности (вопросъ судебной политики). 6) Стокгольмскій конгрессъ, *Н. Таганцева*. 7) Научная обработка исторіи права въ русской литературѣ, *М. Липинскаго*. 8) О выдачѣ преступниковъ, *Н. Латтисева*. 9) О составительномъ процессѣ по уставу гражд. суд. 1864 г. *Проф. Окольскаго*. 10) Библиографія гг. *Гольмстена, Даневскаго, Таганцева и Володимірова*. 11) Практика русскаго суда: а) о кассационныхъ поводахъ по дѣлу Ландсберга; б) опредѣленія общаго собранія С.-Петербургскаго окружнаго суда; 12) Судебная хроника: Памяти стараго суда (Саратовскій процессъ), *П. Левенсона*. 13) Забѣтки: а) Подлежатъ ли несовершеннолѣтніе отдачѣ въ исправительныя отдѣленія? б) Имѣютъ ли окружныя суды право возбуждать преслѣдованія? в) Могутъ ли кандидаты на судебныя должности нести судебскія обязанности? г) Можетъ ли судъ постановлять о ввѣдѣ во владѣніе имѣніемъ, если въ основаніе просьбы о ввѣдѣ представлена межевая книга съ планомъ? *Г. Верболовскаго*. 14) Разныя извѣстія. 15) Объявленія (Всего въ книгѣ 28 листовъ).

О П Е Ч А Т К И

ВЪ ІЮЛЬСКОЙ КНИГѢ.

Въ отд. «Русская жизнь», въ ст. «Исторія козачества»:

стрн.	стрн.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
41	20 св.	не во роцѣ	нехворощѣ
50	4 сн.	мато	мать
53	4 —	милости маю	милости мало
57	6 —	нащон	нашой
58	11 —	муслиенъ	муслиемъ
—	5 —	жалобнѣмъ	жалобнѣшъ
61	16 св.	Ой чамъ	Ой чомъ
63	19 сн.	работу	роботу
—	18 —	робѣ	роби
64	11 —	Зберемость	Зберемося
65	15 —	Наѣхли	Наѣхали
—	14 —	будите	будете
67	17 —	марквяный	морквяный
Въ отд.	«Земское обозрѣніе»	въ ст.	«Земство и земскія учрежденія»:
15	23 св.	народнаго избранія	избранія комиссій

Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и
сельской промышленности. Выпускъ II. Спб. 1880.
К. Лад—ій.

IX. Внутреннее обозрѣніе	20—34
X. Земство.	
Земское обозрѣніе.	35
XI. Экономическій бытъ крестьянъ Рославльскаго уѣзда, Смолен- ской губерніи. <i>И. Красноперова.</i>	69
XII. Политическое обозрѣніе	100
XIII. Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада Европы	125
XIV. Объявленія.	1
XV. Приложение.	
Паскуале Паоли. Романъ <i>Ф. Гвєраци.</i>	71—102

Въ конторѣ Редаціи, въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ
домѣ Роледеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М.
Лаврова и В. А. Фєдотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и рассказы. Изд. 2. Москва. 1878 г.
Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Мос-
ква. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотво-
ренія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

- Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ
изданій 20% уступки.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

Издается безъ предварительной цензуры

КНИГАМИ

отъ 20-ти до 30-ти листовъ ежемѣсячно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

Безъ доставки.	15 руб.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 »
Съ пересылкою въ другіе города.	17 »
За границу	19 »

Книжные магазины пользуются обычной уступкой.

Подписка принимается въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ и въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, на Малой Дмитровѣ, въ домѣ Роледеръ.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную доставку журнала только относительно тѣхъ подписчиковъ, которые подписываются въ ея конторѣ или высылаютъ деньги на имя ея конторы.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, подлежатъ возврату въ теченіи года со времени ихъ доставленія, за исключеніемъ имѣющихъ объемъ менѣе шести листовъ писчей бумаги, которыя возвращенію не подлежатъ.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Издатель В. М. Лавровъ.

1

В:

ВМ,
на

на
са

на
на-
в.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

ICLF (N)

OCT 3 1985

REC CIR OCT 28 1985

MAR 10 1986

REC CIR FEB 15 1986

LIBRARY USE MAR 20 '86

LD 21A-45m-9,'67
(H5067s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C022991205

